

Том 30. № 2

2025

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Вторая мировая и Великая Отечественная войны: проблемы, поиски, решения.
80-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается...»

The Second World War and the Great Patriotic War: Problems, Searches, Solutions.
Devoted to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 30. No. 2

2025

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПН № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, I.V. Smetanina*

Editor of English texts is *D.A. Novak*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Apr. 2, 2025.

Date of publication: May 29, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 25.0. Published pages 26.9.

Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies). Order 20. «С» 5.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПН № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, И.В. Сметанина*

Редактор английских текстов *Д.А. Новак*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 02.04 2025 г.

Дата выхода в свет: 29.05 2025 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 25,0. Уч.-изд. л. 26,9.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 20. «С» 5.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfir.jvolsu.com>

Англоз. сайт: <https://hfir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025
Том 30. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2025
Volume 30. No. 2

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2025. Vol. 30. No. 2

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

***Topic of the issue: The Second World War and the Great Patriotic War: Problems, Searches, Solutions.
Devoted to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War***

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Gorelkin* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
A.S. Smirnov – Assistant Editor (Volgograd);
P.I. Lysikov – Assistant Editor of the Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Zolotovskiy* (Volgograd);
Dr. Sc. *Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Stelnik* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoshton Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences *A.P. Buzhilova* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc. *E. Yu. Giryu* (Saint Petersburg);

Dr. Sc., Prof. SDU University *S.V. Golunov* (Kaskelen, Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos* (Athens, Greece);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvács Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam);
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

At the invitation of the Chief Editor,
Prof. *I.O. Tyumentsev*,
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.F. Krinko*
(Rostov-on-Don)
takes the position of the Executive Editor
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025. Т. 30. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Вторая мировая и Великая Отечественная войны: проблемы, поиски, решения. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается...»

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
А.С. Смирнов – технический секретарь (г. Волгоград);
П.И. Лысков – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *В.А. Золотовский* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Стельник* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Ваишкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);

канд. ист. наук *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. СДУ Университета *С.В. Голунов* (г. Каскелен, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Калиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, доц. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

По приглашению главного редактора

проф. И.О. Тюменцева

выпускающим редактором номера является

д-р ист. наук, доц. *Е.Ф. Кринко*
(г. Ростов-на-Дону)

СОДЕРЖАНИЕ

Кринко Е.Ф. Великая Отечественная война в современной российской историографии: основные направления исследований	6
---	---

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ РОЛЬ В ПОБЕДЕ

Исаев А.В. Производство пороха и боеприпасов как «узкое место» советской военной экономики и его влияние на вооруженную борьбу в 1941–1945 годах	21
Ходяков М.В. Хлебопекарная промышленность блокадного Ленинграда в 1941–1942 годах	31
Сидоров С.Г. Эвакуация скота в Сталинградской области в 1941–1944 годах	42
Бурдин Е.А. Военно-техническое и хозяйственное значение верхневолжских гидроузлов в период Великой Отечественной войны	59

СОВЕТСКИЙ СОЦИУМ

В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ:

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, УСЛОВИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Батырбаева Ш.Д., Карыева А.К. Киргизская ССР в годы Великой Отечественной войны: демографические процессы и вызовы	70
Потемкина М.Н. Материальное стимулирование труда работников оборонных предприятий Урала в годы Великой Отечественной войны	85
Жаркынбаева Р.С., Доскалиева М.А., Карибаев Б.Б. «Все для фронта! Все для победы!»: реализация ударных форм труда в Казахской ССР в 1941–1945 годах	100
Болотова Е.Ю., Третьяк Д.В. Проблемы социального обеспечения инвалидов войны и семей военнослужащих в Сталинградской области в 1945–1953 годах	111

КРАСНАЯ АРМИЯ НА ПУТИ К ПОБЕДЕ

Безугольный А.Ю. «Работа с бойцами нерусской национальности недооценивалась...»: руководство военно-политических органов Красной армии и национальный вопрос в годы Великой Отечественной войны	125
Бабаджанов Х.Б., Абдуллаев А.К. Экономика и военная повседневность: продовольственное обеспечение в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в 1941–1945 годах [На англ. яз.]	136
Киндяков С.А. Формирование 32-й гвардейской стрелковой дивизии и ее участие в боевых действиях на туапсинском направлении в августе 1942 года ...	149

Стрельников М.А. «Все части переформировать...»: к истории боевого пути 8-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД (июль 1942 г.)	159
Медведев М.В. Участие советской авиации в Ростовской наступательной операции (январь – февраль 1943 г.)	171
Терентьев В.О. Армейская ПВО на Донбассе весной 1943 г. (на примере 1257-го армейского зенитно-артиллерийского полка противовоздушной обороны)	182

«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»:

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА, ОККУПАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗАХВАТЧИКАМ

Романько О.В., Смирнов Н.А. Немецкая военная пропаганда в Сталинградской битве: масштабы, динамика и особенности	196
Агеева В.А. Транспортировка жителей Ростовской области на принудительные работы в Третий рейх в 1942–1943 гг.: травматический опыт и способы выживания «восточных рабочих»	207
Коровин В.В. Вопросы кадрового обеспечения сопротивления немецко-фашистским оккупантам в областях Центрального Черноземья (1941–1943 гг.)	217
Сак К.В. Между битвой и бытом: участницы партизанского движения Смоленской области в эго-документах 1940-х годов	229

ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ

ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аникин Д.А. «Бог помогает Красной армии»: история канонизации Луки Крымского и Александра Мюнхенского в контексте политики памяти	241
Зуенко И.Ю. Китайская историческая память о Второй мировой войне: точки соприкосновения и расхождения с российским взглядом	255

CONTENTS

<i>Krinko E.F.</i> The Great Patriotic War in Modern Russian Historiography: Main Research Areas	6
--	---

MILITARY ECONOMY IMPACT ON THE VICTORY

<i>Isaev A.V.</i> Production of Gunpowder and Ammunition as a “Bottleneck” of the Soviet Military Economy and Its Impact on Armed Struggle in 1941–1945	21
<i>Khodjakov M.V.</i> Bakery Industry of Blockaded Leningrad in 1941–1942	31
<i>Sidorov S.G.</i> Evacuation of Livestock in the Stalingrad Region in 1941–1944	42
<i>Burdin E.A.</i> Military-Technical and Economic Importance of the Upper Volga Hydroelectric Power Plants During the Great Patriotic War	59

SOVIET SOCIETY

IN EXTREME CONDITIONS:

DEMOGRAPHIC PROCESSES,

LABOUR CONDITIONS

AND SOCIAL SERVICE

<i>Batyrbayeva Sh.D., Karyeva A.K.</i> Kyrgyz SSR During the Great Patriotic War: Demographic Processes and Challenges	70
<i>Potemkina M.N.</i> Material Incentives for the Labor of Employees of Defense Enterprises of the Urals During the Great Patriotic War	85
<i>Zharkynbayeva R.S., Doskaliyeva M.A., Karibaev B.B.</i> “All for the Front! All for Victory!”: The Implementation of Shock Work in the Kazakh SSR in 1941–1945	100
<i>Bolotova E.Ju., Tretyak D.V.</i> Problems of Social Security for Disabled Veterans and Families of Military Personnel in the Stalingrad Region in 1945–1953	111

RED ARMY ON THE WAY TO VICTORY

<i>Bezugolny A.Yu.</i> “Work with Fighters of Non-Russian Nationality Was Underestimated...”: The Leadership of the Military-Political Bodies of the Red Army and the National Question During the Great Patriotic War	125
<i>Babadjanov Kh.B., Abdullaev A.K.</i> The Economy and Everyday Nuances of Military Life: Food Supply for the Workers’ and Peasants’ Red Army (RKKA) from 1941 to 1945	136
<i>Kindyakov S.A.</i> Formation of the 32 nd Guards Rifle Division and Its Participation in the Fighting in the Tuapse Direction in August 1942	149

<i>Strelnikov M.A.</i> “All Parts are to Be Reformed...”: To the History of the Combat Path of the 8 th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD (July 1942)	159
---	-----

<i>Medvedev M.V.</i> Participation of Soviet Aviation in the Rostov Offensive Operation (January – February 1943)	171
---	-----

<i>Terentev V.O.</i> Army Air Defence in the Donbas in Spring 1943 (Case of 1257 th Army Anti-Aircraft Air Defense Artillery Regiment)	182
--	-----

“NO STATUTE OF LIMITATIONS”:

NAZI PROPAGANDA, OCCUPATION

AND RESISTANCE TO INVADERS

<i>Romanko O.V., Smirnov N.A.</i> German Military Propaganda in the Battle of Stalingrad: Scale, Dynamics and Features	196
---	-----

<i>Ageeva V.A.</i> Transportation of Rostov Region Residents to Forced Labor in the Third Reich in 1942–1943: Traumatic Experience and Survival Methods of “Eastern Workers”	207
--	-----

<i>Korovin V.V.</i> Questions of Staffing the Resistance to the German-Fascist Occupants in the Regions of the Central Black Earth Region (1941–1943)	217
--	-----

<i>Sak K.V.</i> Between Battle and Everyday Life: Female Participants of the Partisan Movement of the Smolensk Region in Ego Documents of the 1940s	229
--	-----

WORLD WAR II MEMORY

<i>Anikin D.A.</i> “God Helps the Red Army”: The History of the Canonization of Saint Luke the Blessed Surgeon and Alexander of Munich in the Context of Politics of Memory	241
<i>Zuenko I.Yu.</i> Chinese Historical Memory of the World War II: Points of Connection and Difference with the Russian View	255

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: MAIN RESEARCH AREAS

Evgeny F. Krinko

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War gives a rise to comprehending the experience of its study. In recent decades, a significant number of new studies have appeared on this topic, distinguished by a variety of problems and their assessments. This is largely due to the fact that the war is the most important place of memory in modern Russia and other post-Soviet states. The purpose of the article is to identify different directions and approaches in modern Russian historiography of the Great Patriotic War. *Methods and materials.* The article is based on historiographic sources, generalizing and special works of Russian researchers on the history of the Great Patriotic War, published from the 1990s to the present day. The author relies on the principle of historicism and a systematic approach and applies the methods of logical and historiographic analysis, periodization, comparative-historical and problem-chronological methods. *Results.* The current stage in the development of Russian historiography of the Great Patriotic War is characterized by the introduction of new sets of sources into scientific circulation, rethinking of previously posed questions, and expansion of the subject of research. In recent years, along with the study of military operations, issues of military everyday life, the Nazi occupation and its consequences, demographic losses, as well as the reflection of the Great Patriotic War in various forms of historical memory and other research problems have been widely developed. *Funding.* The article was prepared within the framework of the implementation of the State Budget of the SSC RAS for 2025, No. gr. Project 125011200146-5.

Key words: Great Patriotic War, military-historical anthropology, Russian historiography, demographic losses in the war, history of everyday life, historical memory.

Citation. Krinko E.F. The Great Patriotic War in Modern Russian Historiography: Main Research Areas. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 6-20. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.1>

УДК 93/94

ББК 63.3(2)622

Дата поступления статьи: 29.12.2024

Дата принятия статьи: 27.02.2025

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Евгений Федорович Кринко

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* 80-летие Победы в Великой Отечественной войне – хороший повод для осмысления опыта ее изучения. В последние десятилетия появилось значительное количество новых исследований по данной теме, отличающихся многообразием проблем и их оценок. Во многом это обусловлено тем, что война – важнейшее место памяти современной России и других постсоветских государств. Цель статьи – выявление разных направлений и подходов в современной российской историографии Великой Отечественной войны. *Методы и материалы.* При подготовке статьи использованы историографические источники – обобщающие и специальные работы российских исследователей по истории Великой Отечественной войны, вышедшие с 1990-х гг. по настоящее время. Автор опирался на принцип историзма и системный подход,

использовал методы логического и историографического анализа, периодизации, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. *Результаты.* Современный этап в развитии российской историографии Великой Отечественной войны характеризуется введением в научный оборот новых комплексов источников, переосмыслением ранее поставленных вопросов, расширением предмета исследований. В последние годы, наряду с изучением боевых действий, широко разрабатываются вопросы военной повседневности, нацистской оккупации и ее последствий, демографических потерь, а также представление Великой Отечественной войны в различных формах исторической памяти и другие исследовательские проблемы. *Финансирование.* Статья подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН за 2025 г., № гр. проекта 125011200146-5.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военно-историческая антропология, российская историография, демографические потери в войне, история повседневности, историческая память.

Цитирование. Кринко Е. Ф. Великая Отечественная война в современной российской историографии: основные направления исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 6–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.1>

Введение. Изучение истории Великой Отечественной войны всегда являлось широко разрабатываемым научным направлением, в рамках которого были подготовлены тысячи исследований и публикаций различного содержания. Необходимость анализа накопленного исследовательского опыта определяется не только его нарастающими масштабом, тематическим и содержательным многообразием, но и тем значительным местом, которое занимает тема войны в исторической памяти современной России и других постсоветских государств.

Не раз становилась предметом специального анализа и историография Великой Отечественной войны, одним из методов изучения которой выступает периодизация. Многие советские и российские исследователи, находя новизну в трудах своих современников, отделяли их от предшествующего периода в развитии науки, который, в свою очередь, мог рассматриваться как один этап или расчленяться на несколько. Количество и хронологические рамки этапов определялись в зависимости от критериев периодизации.

В последнее время все чаще в историографии Великой Отечественной войны выделяются два основных этапа: советский и современный. Предлагаемое разделение не означает ни полного единства исследований внутри этапов, ни жестких границ между ними, тем более что многие историки, сформировавшиеся в советское время, продолжили свои исследования в условиях современной России. В то же время между историографическими фактами внутри каждого из этапов больше

сходств, чем различий, и напротив – больше различий между историографическими фактами, относящимися к разным этапам.

Предметом данной статьи выступает современный этап в развитии историографии Великой Отечественной войны, нашедший отражение в ряде предшествующих публикаций, обзорах и рефератах [10; 30; 65], но вызывающий интерес вследствие появления новых исследований. Критериями для его выделения выступают не только изменения в оценках и подходах к рассматриваемой теме, но и трансформация условий деятельности историков, в первую очередь отмена цензурных ограничений, введение в научный оборот значительного комплекса новых источников, расширение связей с зарубежной наукой, отказ от методологического монизма. Внутри данного этапа прослеживается определенная динамика, обусловленная разными факторами, включая и изменения в социально-политическом контексте военно-исторических исследований. Нарастание противоречий Российской Федерации с Западом, нашедшее отражение и в различных трактовках роли СССР во Второй мировой войне, ограничение международного сотрудничества вследствие санкций и другие обстоятельства вносят свои коррективы в развитие историографии. И все же говорить о завершении очередного и начале следующего этапа в изучении Великой Отечественной войны преждевременно, поэтому хронологические рамки статьи включают весь период с начала 1990-х гг. до настоящего времени.

Методы и материалы. Автор опирался на принцип историзма и системный подход, изучая происходящие в российской историографии процессы в динамике, в общем контексте развития исторической науки, а также в комплексе и взаимосвязи с другими историографическими явлениями и событиями. В работе с источниками применялись методы периодизации, логического и историографического анализа, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

При подготовке статьи использован широкий круг историографических источников – обобщающие и специальные работы российских исследователей по истории Великой Отечественной войны, вышедшие с 1990-х гг. по настоящее время. С учетом огромного массива публикаций, количество которых составляет тысячи наименований, а также наличия предыдущих обзоров, анализу подвергаются обобщающие коллективные труды и монографии, изданные преимущественно в XXI в. и отражающие новые тенденции в развитии историографии. Из всего разнообразия рассматриваемых проблем главное внимание уделено наиболее общим вопросам методологии современных исследований в сочетании с их научно-организационными формами и географическим распределением, а также изучению нескольких важнейших тематических блоков, среди которых: основные боевые операции; нацистская оккупация, сопротивление и коллаборационизм; внешняя и внутренняя политика СССР; демографические процессы; память о войне. За пределами внимания остаются не менее широкий круг вопросов, включая военную стратегию, историю Красной армии, отдельных вооруженных формирований и полководцев, развитие экономики, культуры, науки и образования, социальных слоев и этнических групп советского общества и их взаимодействия в военные годы и многие другие сюжеты, частично нашедшие отражение в ранее вышедших историографических работах [10; 30; 57], а также подавляющее большинство региональных исследований. Не рассматриваются и многочисленные публицистические и научно-популярные работы, вызванные как поисками ответов на не решенные в профессиональной историографии задачи, так и политическими и гражданскими мотивами авторов.

Научно-организационные формы и география исследований. В первые десятилетия после распада СССР в РФ ведущую роль продолжали играть сложившиеся в советское время исследовательские структуры, в которых сформировались соответствующие научные школы и коллективы, возглавляемые известными учеными. В первую очередь необходимо отметить структурные подразделения Института российской истории (далее – ИРИ) Российской академии наук (далее – РАН) – Центр военной истории России (рук. – акад. Г.А. Куманев до 2018 г.), Института всеобщей истории РАН – Центр истории войн XX в., затем Центр истории войн и геополитики (рук. – О.А. Ржешевский, М.Ю. Мягков), а также Институт военной истории Министерства обороны РФ (с 2011 г. – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ). Отсутствие внимания со стороны государственных научных учреждений к ряду вопросов, а также снижение их роли в целом в условиях общего сокращения финансирования исследовательской деятельности в РФ в эти годы отчасти компенсировались созданием общественных организаций научно-исследовательского и научно-просветительского профиля. Так, научно-просветительский центр «Холокост» (создан в 1992 г., рук. – И.А. Альтман, А.Е. Гербер) специализируется на изучении и увековечивании трагедии евреев в годы войны [2]. Судьбам женщин в военные годы уделяется немало внимания в публикациях членов Российской ассоциации женской истории (создана в 2002 г., рук. – Н.Л. Пушкарёва) и других авторов. Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» (создан в 2008 г., рук. – А.Р. Дюков) активно борется с фальсификациями истории войны на постсоветском пространстве.

Изменение социально-экономической и политической ситуации в стране, возрастание роли Великой Отечественной войны в исторической политике РФ способствовали появлению в 2010–2020-х гг. новых исследовательских структур, призванных создать научно обоснованную картину ее событий. В Волгоградской области открыт Центр по изучению Сталинградской битвы (создан в 2015 г., рук. –

М.М. Загорулько, затем Б.Г. Усик). В ИРИ РАН – Центр истории Великой Отечественной войны (создан в 2021 г., рук. – С.В. Кудряшов). Практически одновременно возникли два научных центра, специализирующихся на изучении блокады Ленинграда. Это научный отдел Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» (рук. – Н.А. Ломагин) и лаборатория «История блокады Ленинграда» Санкт-Петербургского института истории РАН (рук. – К.А. Болдовский). Свой вклад в разработку темы войны вносят и другие научно-исследовательские учреждения, вузы, музеи и отдельные исследователи.

Изучение истории Великой Отечественной войны осуществляется в рамках государственных заданий НИИ и вузов, а также инициативных проектов, в том числе реализованных при поддержке РГНФ (1994–2016 гг.), РФФИ (1992–2022 гг.), РНФ (с 2014 г.) и других фондов. Координацию усилий исследователей призван осуществлять научный совет РАН по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (создан в 2021 г., рук. – акад. В.А. Тишков, Ю.А. Петров). Активную роль в поддержке и публикации исследований, проведении конференций, создании онлайн-проектов, выставок и других форм популяризации событий войны играют созданные в 2012 г. Российское историческое (далее – РИО) и Российское военно-историческое общества.

Традиционно темой Великой Отечественной войны в РФ занимаются историки из Москвы и Санкт-Петербурга, для которых характерен широкий круг изучаемых вопросов, разрабатываемых на общесоюзных и общероссийских материалах, а также из Великого Новгорода, Владикавказа, Волгограда, Воронежа, Краснодар, Курска, Махачкалы, Петрозаводска, Пскова, Ростова-на-Дону, Симферополя, Смоленска, Ставрополя и других городов в западных регионах страны, в годы войны оказавшихся в зоне боевых действий, подвергавшихся нацистской оккупации или находившихся вблизи линии фронта, что отражается в тематике исследований. Историки из Екатеринбурга, Казани, Магнитогорска, Новосибирска, Челябинска, Уфы и других городов, как правило, специализируются на изу-

чении проблем развития советского тыла, эвакуации, роли населения и экономики (в первую очередь промышленности) данных регионов в достижении Победы в Великой Отечественной войне. У исследователей в Грозном, Карачаевске, Магасе, Нальчике, Элисте, Абакане, Сыктывкаре и других центрах регионов проживания народов, принудительно выселенных в годы войны, или мест их пребывания в ссылке повышенный интерес вызывают проблемы этнических депортаций и роли спецпоселенцев в военной экономике. Архангельск стал одним из центров изучения ленд-лиза, а Хабаровск – Советско-японской войны 1945 года. Разумеется, речь идет не о полном совпадении в распределении мест памяти и предпочтений исследователей, формирующихся под влиянием разных факторов, а об определенных корреляциях между ними.

Объединить разных исследователей и различные проблемы призваны крупные исследовательские, издательские и просветительские проекты, включая подготовку обобщающих трудов с созданием соответствующих научных коллективов. Первый из таких трудов в современной историографии вышел в конце 1990-х гг. в четырех книгах. В трех из них рассматривались традиционно выделяемые этапы в истории Великой Отечественной войны, а в четвертой раскрывались основные тенденции в развитии советского общества в военные годы, в частности проблемы военной стратегии, экономической и социальной политики, оккупации, партизанского движения, коллаборационизма, трагедии военнопленных, сотрудничества со странами антигитлеровской коалиции, цены Победы [11]. За прошедшие три с лишним десятилетия предпринимались и другие попытки создания обобщающих трудов, в том числе совместно с историками других постсоветских государств [56].

Главным коллективным достижением современной российской историографии Великой Отечественной войны нередко считается 12-томное издание, вышедшее по специальному распоряжению Президента РФ В.В. Путина под грифом Министерства обороны РФ и имеющее не совсем привычную структуру по сравнению с предыдущими трудами. Первый том содержит общую характеристику основных событий войны, в четырех следующих

рассматриваются важнейшие боевые операции. Отдельные тома посвящены: советской разведке и контрразведке; экономике и оборонной промышленности СССР; внешней политике и дипломатии; действиям союзников по антигитлеровской коалиции; взаимоотношениям власти и общества, включая перестройку государственного управления и деятельности общественных организаций, вклад населения в Победу, повседневную жизнь в условиях военного времени, национальную политику, развитие науки, образования и культуры, формирование образов врага и союзника; стратегическому руководству страной и Вооруженными силами СССР; итогам и урокам Великой Отечественной войны [9].

Важным консолидирующим проектом для ряда государств постсоветского пространства и всех регионов РФ стала подготовка книг памяти погибших в Великой Отечественной войне. Установлению их судеб во многом способствовало создание Министерством обороны РФ обобщенного электронного банка данных «Мемориал» (в 2007 г.). Самым крупным издательским проектом последних лет стал проект «Без срока давности» (реализация началась в 2019 г.), нацеленный на сохранение памяти о жертвах военных преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны. Возросший интерес к указанным вопросам привел к созданию в 2023 г. Национального центра исторической памяти при Президенте РФ (рук. – Е.П. Малышева), уделяющего значительное внимание данной теме.

Методология и основные подходы. Для современной историографической ситуации в изучении Великой Отечественной войны характерен методологический плюрализм. Однако после отказа от единой марксистской парадигмы многие историки, занимающиеся военной темой, ограничивают методологические поиски упоминанием ставших классическими принципов историзма и объективности. Широкое распространение *неопозитивизма*, выражающегося в стремлении воссоздать события Великой Отечественной войны, «как это в действительности было», опираясь на объективное изучение рассекреченных архивных документов, отчасти обусловлено массовым обращением к ним поисковиков, реконструкторов, краеведов, генеалогов и других энту-

зиастов военной истории, часто хорошо разбирающихся в конкретных вопросах, в первую очередь в судьбах отдельных воинских соединений, частей и участников войны, но не видящих ценности в каких-либо теоретических концепциях.

В 1990-х гг. в российской историографии Великой Отечественной войны нередко использовалась *теория тоталитаризма*, широко распространенная в зарубежной литературе в эпоху холодной войны, предлагавшая сравнение нацистского и советского режимов с осуждением действий руководства СССР в вопросах внешней и внутренней политики. Обоснованный отказ от нее в последние годы во многом вызван осознанием ее политической и идеологической ангажированности, чреватой упрощениями и искажениями.

Среди новых направлений в изучении войны в 1990–2000-х гг. ведущее место заняли *историческая антропология* и *история повседневности*. В частности, историки поставили вопросы о том, что представлял собой менталитет советских народов в годы Великой Отечественной войны, хотя первый опыт ответа на них вряд ли можно считать удачным, он свидетельствовал о не всегда корректном использовании существующей терминологии [22].

Е.С. Сениянская охарактеризовала формирование в годы Великой Отечественной войны особого типа личности – комбатанта, или человека воюющего, с присущими ему стереотипами сознания и поведения, на которые влияли как социально-демографические и психологические факторы, так и внешние условия – конкретная боевая обстановка, специфика контактов с противником, взаимодействие с техникой, особенности военного быта и т. д. [50]. Исследования в данном направлении позволили выделить *военно-историческую антропологию* как междисциплинарную отрасль исторической науки на стыке психологии, социологии, культурологии, военной науки и других дисциплин [51].

Предметом специального изучения стала советская военная повседневность, система ценностей советского человека и их трансформация в экстремальных условиях, частная жизнь, бытовая религиозность, брачно-семейные отношения в условиях Великой Отече-

ственной войны и другие сюжеты. Во многих исследованиях раскрываются конкретные практики выживания советских людей, условия быта и труда, различные способы удовлетворения материальных и духовных потребностей на фронте и в тылу, в эвакуации, на оккупированной территории и в блокадном Ленинграде. Внимание уделяется положению женщин и детей в 1941–1945 гг., их специфическим стратегиям выживания и переживания войны [32; 34; 35; 49; 52; 54; 64]. Характерная для исследований повседневности фрагментарность обуславливает их проведение не только и не столько на макро- (на материалах страны), сколько на мезо- (на материалах конкретных регионов и социальных групп) и микроисторическом (на судьбах отдельных участников войны и локальных общностей) уровнях.

Однако имманентно присущая истории повседневности «всеядность», порождающая дефрагментацию советского общества военных лет как главного объекта изучения, а также опасения ухода в описательность и увлечения детализацией порой вызывают критические возражения. Появление работ, выполненных в русле *экономической, социальной и институциональной истории* Великой Отечественной войны [60] призвано предложить ее новое концептуальное измерение. Пока они остаются перспективными, но еще недостаточно реализованными направлениями исторических исследований.

Боевые операции. С военных лет сложилось своеобразное «разделение труда» между военными и гражданскими (преимущественно региональными) исследователями, во многом обусловленное различиями не только в предмете изучения, но и в используемых исторических источниках. Первые выявляли тактические особенности боевых операций в 1941–1945 гг., опираясь на документы советских воинских частей, соединений и войсковых объединений, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Вторые, используя преимущественно материалы региональных архивохранилищ, описывали роль партийных организаций в мобилизации усилий всех социальных слоев на борьбу с врагом, а к боевым действиям обращались, как правило, лишь при характеристике захвата противником и осво-

бождения частями Красной армии советских территорий в рамках существующих государственных и административных границ, которые, конечно, не учитывались войсками в ходе операций. Многие документы оставались недоступны исследователям, включая материалы о планах и составе войск противника и другие источники из зарубежных архивов.

Этот разрыв в последние десятилетия в значительной степени преодолен благодаря рассекречиванию, публикации и вводу в научный оборот огромного массива новых источников, в первую очередь из фондов ЦАМО РФ и других архивохранилищ. Документы Ставки Верховного главнокомандования (далее – ВГК), наркомата обороны СССР, Генерального штаба Красной армии, войсковых объединений, соединений и частей, а также постановления Государственного комитета обороны (далее – ГКО) СССР и другие материалы позволили переоценить многие сражения Великой Отечественной войны. Создание портала «Память народа» с размещением в свободном доступе цифровых образов документов существенно расширяет сам круг исследователей. Историкам стали доступны и документы вермахта, хранящиеся в Федеральном архиве Германии (Bundesarchiv Freiburg) и в Национальном управлении архивов и документации США (National Archives and Records Administration, NARA), многие из которых оцифрованы и представлены в свободном доступе. Помимо этого, ЦАМО РФ в сотрудничестве с РИО и Германским историческим институтом в Москве осуществлял оцифровку материалов фонда 500, содержащего около 28 тыс. дел документов вермахта.

Наиболее значительное количество исследований посвящено сражениям, в которых были одержаны важнейшие победы Красной армии, в первую очередь, Сталинградской битве [31]. По инициативе М.М. Загоруйко и под его руководством подготовлен уникальный фундаментальный справочный труд – энциклопедия «Сталинградская битва: июль 1942 – февраль 1943» [55]. В современных публикациях дискутируется вопрос о дате начала сражения, отмечается, что город оказался недостаточно готов к обороне, раскрыта роль органов и войск НКВД накануне и во время битвы. Новые исследования позволили уточ-

нить соотношение сил и потерь, понесенных РККА, вермахтом и его союзниками, оценить действия советского руководства на уровне как Ставки ВГК, так и командования фронтов и армий, взаимосвязь Сталинградской битвы с другими сражениями, ее военное и геополитическое значение [25; 58]. Впервые предметом глубокого анализа стали судьбы гражданского населения, в том числе и детей в Сталинградской битве [16; 43].

В последние годы изданы специальные работы о планировании и подготовке противоборствующими сторонами боевых операций летом 1943 г. на Курской дуге [19]. В новых исследованиях на основе советских и немецких источников показаны ход и итоги сражения, при этом даны новые оценки боям под Прохоровкой, прежде являвшимся объектом мифологизации, охарактеризован уровень профессиональной подготовки и деятельности советского командного состава в ходе Курской битвы, подведены ее итоги, потери РККА и вермахта в живой силе и бронетехнике [20; 37].

Битва за Кавказ также нашла отражение в новых обобщающих и специальных исследованиях, предлагающих подробный анализ стратегического противоборства советского и нацистского военно-политического руководства. Они позволяют переосмыслить значение оборонительных и наступательных сражений советских войск под Новороссийском, Малгобеком, Туапсе, Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ), боев на перевалах, выявить ошибки, допущенные советским командованием при планировании боевых операций, особенности взаимодействия армии и флота [5; 61; 63].

Значительно больше внимания уделяется событиям начального этапа Великой Отечественной войны [1; 24; 36]. Исследователи раскрыли причины первых неудач Красной армии, связанные не только с репрессиями командного состава накануне войны и просчетами в ее планировании, но и с действиями отдельных командиров разного звена, уровнем подготовки личного состава, охарактеризовали не всегда оправданные потери в ходе отдельных сражений, тяжелые судьбы советских военнослужащих, оказавшихся в окружении, и другие вопросы.

Привлечение широкого круга источников позволило дать новые оценки битвам за Москву и Берлин, боевым операциям в Крыму и другим сражениям Великой Отечественной войны [17; 23; 26; 40]. Вышли первые крупные труды, посвященные кровопролитным боям за Ржев [14] и прорыву Миус-фронта [38]. Все это позволяет создать более полную картину боевых операций Великой Отечественной войны.

Нацистская оккупация, коллаборационизм и сопротивление. Введение в научный оборот рассекреченных документов и других источников позволило раскрыть систему управления захваченными советскими территориями, разные направления оккупационной политики: экономическую, социальную, национальную, а также меры в сфере образования и здравоохранения, религии и культуры [28]. Выявлена специфика оккупационного режима в Крыму, Карелии, на Дону, Северном Кавказе и в других захваченных областях. Вне зависимости от этой специфики большинство историков подчеркивают репрессивный характер действий оккупантов, широко использовавших, наряду с масштабной и дифференцированной пропагандой, различные способы утраты и истребления людей в качестве методов управления. Российские исследователи обратились к судьбам советских военнопленных и «восточных рабочих», охарактеризовав их численность и условия жизни, а также проблемы репатриации перемещенных лиц [47]. Реализация проекта «Без срока давности» позволила уточнить людские потери и материальный ущерб от нацистской оккупации в целом и в региональном разрезе.

Новым направлением исследований в отечественной современной историографии стало изучение перехода части советских граждан на сторону противника. Исследователями выявлены мотивы и причины коллаборационизма, охарактеризованы его различные формы и типы. Наиболее полно в современной историографии раскрыты вопросы военно-политического коллаборационизма, однако в последние годы вышли работы, посвященные и невоенным формам сотрудничества с противником, носившим массовый характер [18; 27].

В трудах по истории сопротивления противнику на оккупированной территории рас-

крываются различные формы борьбы в тылу врага и ее особенности в разных регионах страны, трудности и просчеты в становлении и организации партизанских отрядов и подпольных организаций, деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированных территориях [45; 48].

Внешняя и внутренняя политика СССР. Остро дебатировалась предвоенная внешняя политика СССР, но и советская дипломатия в 1941–1945 гг. получила переосмысление в современной историографии. Российские историки раскрыли сложности взаимоотношений союзников по антигитлеровской коалиции, в том числе на уровне руководителей стран, споры по вопросам открытия второго фронта и послевоенного устройства мира. Переоценке подвергается ленд-лиз и его роль в обеспечении условий для достижения Победы [6; 7].

В отношении личности и деятельности И.В. Сталина как руководителя СССР в годы войны в историографии 1990–2000-х гг. существовал широкий разброс оценок – от его апологии до огульной критики. Исследователи проанализировали изменения в системе органов государственной власти и управления, появление и роль чрезвычайных органов власти [15; 59], перипетии взаимоотношений Советского государства с Русской православной церковью [62]. Значительный интерес вызывают вопросы советской национальной политики в годы войны и ее реализации в Вооруженных силах СССР, их изучение дает возможность представить вклад всех народов страны в Победу [4; 41; 53]. Ввод в научный оборот новых источников позволяет отказаться от упрощений в трактовке принудительных выселений части советских народов в годы войны, получивших негативную оценку большинства исследователей, дать разные объяснения причин данных событий, раскрыть их последствия [33, с. 198–219].

Демографические процессы. Наиболее бурные дискуссии посвящены потерям СССР в годы Великой Отечественной войны. Общий анализ потерь Вооруженных сил СССР в 1941–1945 гг. представлен в статистическом исследовании военных историков под руководством Г.Ф. Кривошеева, впервые изданном в 1993 году. Они оценили безвозвратные

потери Вооруженных сил СССР в 8 668,4 тыс. чел. [8, с. 50]. Общие людские потери СССР методом демографического баланса определены в 26,6 млн чел. [8, с. 45]. Немаловажную роль в этих расчетах сыграли работы демографов, выявивших завышение данных переписи 1939 г., что позволило восстановить действительное количество жителей страны накануне войны [42]. Немало исследователей стремилось уточнить, а то и опровергнуть приводимые цифры [33, с. 232–249]. Так, Б.В. Соколов считал, что Вооруженные силы СССР потеряли в 1941–1945 гг. 26,4 млн чел., а общие потери СССР составили 43,3 млн чел. (см.: [33, с. 240]). Однако его подсчеты основаны на недостоверных и завышенных данных, поскольку не учитывают результаты пересчета переписи населения 1939 года. Напротив, В.Н. Земсков считал указанные цифры преувеличением, выступая против включения в прямые жертвы войны всех умерших граждан в советском тылу (за исключением погибших от бомбежек, артобстрелов и т. д.). Он оценил людские потери СССР в 1941–1945 гг. в 16 млн чел., из которых, по его мнению, 11,5 млн чел. составляли военнотрудовые, а 4,5 млн чел. – мирные граждане [21].

Вышли и другие исследования демографических процессов военных лет, посвященные основным миграционным потокам, брачно-семейным отношениям, динамике рождаемости и смертности, хотя данным проблемам уделяется меньше внимания, чем потерям. Свой вклад в их изучение вносят исследования, выполненные на материалах отдельных регионов страны.

Историческая память. Все более широкий интерес вызывают вопросы отражения Великой Отечественной войны в различных формах исторической памяти. Это обусловлено и быстрым развитием *memory studies* как одного из ведущих междисциплинарных исследовательских направлений в целом, и значением войны как места памяти современной России.

В изучении данных вопросов, в свою очередь, можно выделить несколько основных групп исследований. Одна из них представлена работами по устной истории Великой Отечественной войны. Среди респондентов первоначально преобладали фронтовики, интер-

вью с которыми начали записывать еще в военные годы (наиболее широкую известность получила работа Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Президиуме АН СССР [13]). В настоящее время самый большой интернет-архив воспоминаний участников войны (свыше 2,5 тыс.) представлен в свободном доступе на портале фонда сохранения исторической памяти «Я помню», основанном в 2000 г. А.В. Драбкиным, где материалы структурированы по родам войск и основным сражениям и содержат воспоминания не только фронтовиков, но и партизан, гражданских лиц и представителей других стран.

В поле устной истории оказались включены и другие респонденты, в первую очередь многочисленные жертвы: блокадники Ленинграда, бывшие «восточные рабочие», жители оккупированных областей, а также дети войны и другие группы, прежде не являвшиеся предметом специального изучения, что придало опросам особую ценность. Новым направлением устной исторической исследований в связи с прекращением эпохи прямых очевидцев войны может стать изучение вопросов отражения ее событий в семейной памяти (постпамяти). Наряду с этим растет интерес и к практикам создания меморатов.

В другой группе работ содержится анализ представления событий и участников Великой Отечественной войны в политике памяти и культуре памяти СССР и РФ, а также других постсоветских государств. Значительное внимание уделяется различным формам и институтам сохранения памяти о войне, мемориальной культуре и коммеморативным практикам, в том числе юбилейным кампаниям, празднованию Дня Победы, городам-героям и другим символическим объектам [3; 29; 44; 46]. Исследуется создание образов участников войны в изобразительном искусстве, художественной литературе, кинематографе, а также в учебной литературе. Новый виток «войн памяти» отражает борьба с фальсификациями истории Великой Отечественной войны [12; 39].

Результаты. Проведенный анализ позволяет утверждать, что изучение Великой Отечественной войны не только остается в центре внимания российских исследователей,

но и получило новые импульсы, в том числе вызванные поиском ответом на современные политические вопросы, по-разному осмысливаемые разными авторами. Немаловажными обстоятельствами стали усиление роли государства в противодействии фальсификации истории, принятие нормативных актов о запрете реабилитации нацизма и других мер, регламентирующих обращение к военной теме. Свою роль играет и логика собственного развития историографии, современный этап которой характеризуется введением в научный оборот новых комплексов источников, переосмыслением ранее поставленных вопросов, расширением предмета и направлений исследований. Несмотря на это, у российских исследователей с их предшественниками – советскими историками – много общего в оценках, в том числе их объединяет и само понятие Великой Отечественной войны, от которого отказались во многих постсоветских государствах. В значительной степени сохраняются предложенная советскими историками периодизация Великой Отечественной войны, оценки ее причин, важнейших событий и главных итогов. Однако современная историография предлагает значительно более разнообразную картину событий, в которой присутствует не только пафос победы, но и трагизм поражений. При этом присущая 1990-м – началу 2000-х гг. жесткая критика советского командования постепенно сменяется более сложным поиском причин неудач и потерь РККА, особенно в начальный период войны. Наряду с описаниями массового героизма и самопожертвования миллионов людей на фронте и в тылу, выявлением причин и факторов побед Красной армии, характеристикой достижений советской военной экономики, форм сопротивления противнику на оккупированных территориях, российскими историками изучаются «пропущенные» сражения, вопросы коллаборационизма части советских граждан и другие негативные явления военного времени, демографические потери. Обращение к военной повседневности позволяет раскрыть тяжести войны для подавляющего большинства населения. Новой темой стало изучение памяти о войне и ее роли в жизни современного общества.

На страницах журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» не раз публиковались различные материалы, посвященные истории Великой Отечественной войны. Надеемся, что данный номер, подготовленный редколлекцией в сотрудничестве с учеными из России, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана к 80-летию Победы, за которую сражались совместно все народы нашей страны, не только станет очередным вкладом в формирование научных представлений о самом крупном мировом конфликте XX в., но и отдаст дань памяти героям, павшим в боях за Отечество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абатуров В. В. 1941: На Западном направлении. М.: Эксмо, 2007. 446 с.
2. Альтман И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. М.: Фонд «Ковчег», 2002. 543 с.
3. Андреев О. В. Увековечение памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2021. 320 с.
4. Безугольный А. Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945: ист.-стат. исслед. М.: Центрполиграф, 2021. 790 с.
5. Битва за Кавказ (1942–1943 гг.). М.; Владикавказ: Триадаф, 2002. 411 с.
6. Бутенина Н. В. Ленд-лиз: сделка века. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 312 с.
7. Быстрова И. В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.
8. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2009. 380 с.
9. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М.: Кучково поле, 2011–2015.
10. Великая Отечественная война в современной историографии / отв. ред. М. М. Минц. М.: ИНИОН РАН, 2015. 182 с.
11. Великая Отечественная война, 1941–1945: воен.-ист. очерки: в 4 кн. М.: Наука, 1998–1999.
12. Великая Победа: в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2013–2015.
13. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2015. 383 с.
14. Герасимова С. А. Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова. М.: Яуза: Эксмо, 2009. 316 с.
15. Данилов В. Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 396 с.
16. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 336 с.
17. Донбасс, 1943. Освобождение индустриального сердца России. М.: Яуза-каталог, 2023. 723 с.
18. Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: АСТ: Астрель, 2009. 844 с.
19. Замулин В. Н. Курск-43. Как готовилась битва «титанов»: в 2 кн. М.: Эксмо, Яуза, 2018. Кн. 1. 640 с.; Кн. 2. 928 с.
20. Замулин В. Н. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 1000 с.
21. Земсков В. Н. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне: (В поисках истины) // Военно-исторический архив. 2012. № 9. С. 59–71.
22. Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М.: ИРИ РАН, 2000. 277 с.
23. Исаев А. В. Берлин 45-го. Сражения в логове зверя. М.: Яуза: Эксмо, 2007. 720 с.
24. Исаев А. В. Приграничное сражение 1941. М.: Яуза: Эксмо, 2011. 704 с.
25. Исаев А. В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М.: Эксмо, Яуза, 2008. 448 с.
26. Исаев А. В., Глухарев Н. Н., Романько О. В., Хазанов Д. Б. Битва за Крым. 1941–1944 гг. М.: Эксмо: Яуза, 2016. 896 с.
27. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. Типы и формы. Великий Новгород: Новгор. госун-т им. Ярослава Мудрого, 2009. 370 с.
28. Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 486 с.
29. Коровин В. В., Манжосов А. Н., Кизилова Е. В. «Теперь мы в граните и бронзе...» (из опыта монументальной пропаганды событий и героев Курской битвы). Курск: Юго-Зап. госун-т, 2020. 295 с.
30. Кринко Е. Ф. Современная российская историография Великой Отечественной войны: итоги двух десятилетий // Былые годы. 2009. № 4 (14). С. 6–19.
31. Кринко Е. Ф. Сталинградская битва и коренной перелом во Второй мировой войне: события и образы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 1. С. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.1>

32. Кринко Е. Ф., Тажиудинова Т. Г., Хлынина Т. П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.
33. Кропачев С. Я., Кринко Е. Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: РОССПЭН, 2012. 349 с.
34. Ларионов А. Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: управление, организация и материальные условия жизни РККА в 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 303 с.
35. Ларионов А. Э. Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь в РККА 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 295 с.
36. Лопуховский Л. Н. 1941. На главном направлении. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: СУПЕР Изд-во, 2017. 640 с.
37. Лопуховский Л. Н. Прохоровка: без грифа секретности. М.: Яуза: ЭКСМО, 2005. 616 с.
38. Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне, 1941/1942 гг., 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.
39. Медведева Л. М. Противостояние фальсификации истории Второй мировой войны в современной российской историографии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 1. С. 13–19. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/13-19
40. Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы, 1941–1942. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звезд. мир, 2005. 352 с.
41. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: стат. и воен.-антропол. исслед. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 428 с.
42. Население России в XX веке: ист. очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959 / отв. ред. В. Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2001. 414 с.
43. Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 594 с.
44. Памятник и праздник: этнография Дня Победы. М.: Нестор-История, 2020. 411 с.
45. Партизанское движение: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: воен.-ист. очерк. Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. 461 с.
46. Победа-70: реконструкция юбилея. М.: АИРО-XXI, 2015. 622 с.
47. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. 894 с.
48. Попов А. Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Яуза: Эксмо, 2008. 480 с.
49. Потемкина М. Н. Эвакуация населения в Уральском тылу (1941–1948 гг.). Магнитогорск: Магнитог. госун-т, 2006. 264 с.
50. Сеньявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение: ист.-психол. исслед. М.: ИРИ РАН, 1995. 220 с.
51. Сеньявская Е. С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145.
52. Сеньявская Е. С., Сеньявский А. С., Жукова Л. В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по воен. антропологии. М.: ИРИ РАН, 2017. 418 с.
53. Синицын Ф. Л. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. М.: Центрполиграф, 2018. 543 с.
54. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде: в 3 кн. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013–2017. Кн. 1: Июнь 1941 – май 1942. 2013. 696 с.; Кн. 2: Июнь 1942 – январь 1943. 2015. 526 с.; Кн. 3: Январь 1943 – январь 1944. 2017. 748 с.
55. Сталинградская битва: июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия / гл. ред. М. М. Загоруйко. Волгоград: Издатель, 2012. 800 с.
56. Страна в огне: историко-документальное издание. В 3 т. [Т. 1]. 1941 год. В 2 кн. Кн. 1. Очерки. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 715 с.; Т. 2. Коренной перелом, 1942–1943. В 2 кн. Кн. 1. Очерки. М.: Абрис, 2017. 732 с.; Т. 3. Освобождение, 1944–1945. В 2 кн. Кн. 1. Очерки. М.: Абрис (ОЛМА), 2017. 717 с.
57. Храмкова Е. Л. Культура России 1941–1945 гг.: отечественная историография рубежа XX–XXI веков. Самара: Науч.-техн. центр, 2006. 470 с.
58. Христофоров В. С. Сталинград: органы НКВД накануне и в дни сражения. М.: Моск. учебники, 2008. 240 с.
59. Черепанов В. В. Власть и война: сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М.: Известия, 2006. 490 с.
60. Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала). Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 359 с.
61. Юрина Т. И. Новороссийское противостояние 1942–1943 гг. Краснодар: Книга, 2008. 363 с.
62. Якунин В. Н. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историография и источниковедение проблемы. [Толъятти]: Современник, 2002. 167 с.
63. Януш С. В. Войсковые операции Советской армии в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2005. 575 с.
64. Яров С. В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.: Центрполиграф; СПб.: Рус. тройка-СПб, 2013. 602 с.

65. Lyapunova N. V., Starostenkov N. V., Demidova T. E., Provadkin G. G. Makarov. The Modern Historiography of the World War II (1941–1945) // Review of European Studies. 2015. Vol. 7, № 6. P. 302–307. DOI: 10.5539/res.v7n6p302

REFERENCES

1. Abaturov V.V. *1941: Na Zapadnom napravlenii* [1941: In the Western Direction]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 446 p.
2. Altman I.A. *Zhertvy nenavisti. Holokost v SSSR, 1941–1945 gg.* [Victims of Hatred. Holocaust in the USSR, 1941–1945]. Moscow, Fond «Kovcheg», 2002. 543 p.
3. Andreev O.V. *Uvekovechenie pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [Perpetuating the Memory of the Great Patriotic War of 1941–1945]. Cheboksary, Izd-vo Chuvash. un-ta, 2021. 320 p.
4. Bezugolnyj A.Ju. *Nacionalnyj sostav Krasnoj armii. 1918–1945: ist.-stat. issled.* [National Composition of the Red Army. 1918–1945. Historical and Statistical Study]. Moscow, Centrpoligraf, 2021. 790 p.
5. *Bitva za Kavkaz (1942–1943 gg.)* [Battle for the Caucasus (1942–1943)]. Moscow; Vladikavkaz, Triadaf Publ., 2002. 411 p.
6. Butenina N.V. *Lend-liz: sdelka veka* [Lend-Lease: Deal of the Century]. Moscow, GU VShE, 2004. 312 p.
7. Bystrova I.V. *Poceluj cherez okean: «Bolshaja trojka» v svete lichnyh kontaktov (1941–1945 gg.)* [Kiss Across the Ocean: “The Big Three” in Light of Personal Contacts (1941–1945)]. Moscow, ROSSPEN, 2011. 438 p.
8. *Velikaja Otechestvennaja bez grifa sekretnosti. Kniga poter* [Great Patriotic War Without a Classification Mark. Book of Losses]. Moscow, Veche Publ., 2009. 380 p.
9. *Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 godov: v 12 t.* [Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 Vol.]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2011–2015.
10. Mintz M.M., ed. *Velikaja Otechestvennaja vojna v sovremennoj istoriografii* [Great Patriotic War in Modern Historiography]. Moscow, INION RAS, 2015. 182 p.
11. *Velikaja Otechestvennaja vojna, 1941–1945: voen.-ist. ocherki: v 4 kn.* [Great Patriotic War, 1941–1945. Military-Historical Essays. In 4 Books]. Moscow, Nauka Publ., 1998–1999.
12. Naryshkin S.E., Torkunov A.V., eds. *Velikaja Pobeda: v 15 t.* [Great Victory. In 15 Vols.]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2013–2015.
13. *Vklad istorikov v sohranenie istoricheskoi pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne. Na materialah Komissii po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny AN SSSR, 1941–1945 gg.* [Contribution of Historians to the Preservation of the Historical Memory of the Great Patriotic War. Based on the Materials of the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences, 1941–1945]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanit. initsiativ, 2015. 383 p.
14. Gerasimova S.A. *Rzhevskaja bojnja. Poterjannaja pobeda Zhukova* [Rzhevskaya Slaughter. Zhukov’s Lost Victory]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2009. 316 p.
15. Danilov V.N. *Sovetskoe gosudarstvo v Velikoj Otechestvennoj vojne: fenomen chrezvychajnyh organov vlasti 1941–1945 gg.* [Soviet State in the Great Patriotic War: Phenomenon of Emergency Authorities in 1941–1945]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2002. 396 p.
16. *Detstvo i vojna: kultura povsednevnosti, mehanizmy adaptacii i praktiki vyzhivaniya detej v uslovijah Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Stalingradskoj bitvy)* [Childhood and War: Everyday Culture, Adaptation Mechanisms and Survival Practices of Children in the Great Patriotic War (Based on the Battle of Stalingrad)]. Volgograd, Izd-vo Volgograd. fil. FGBOU VO RANKhGS, 2015. 336 p.
17. *Donbass, 1943. Osvobozhdenie industrialnogo serdca Rossii* [Donbass, 1943. Liberation of the Industrial Heart of Russia]. Moscow, Yauza-catalog Publ., 2023. 723 p.
18. Drobjazko S.I., Romanko O.V., Semenov K.K. *Inostrannye formirovaniya Tretyego rejha* [Foreign Formations of the Third Reich]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2009. 844 p.
19. Zamulin V.N. *Kursk-43. Kak gotovilas bitva «titanov». V 2 kn.* [Kursk-43. How the Battle of the “Titans” Was Prepared. In 2 Books]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2018, book 1. 640 p.; book 2. 928 p.
20. Zamulin V.N. *Kurskij izlom. Reshajushhaja bitva Otechestvennoj vojny* [Kursk Fracture. Decisive Battle of the Patriotic War]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2007. 1000 p.
21. Zemskov V.N. O masshtabah ljudskih poter SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: (V poiskah istiny) [On the Scale of Human Losses of the USSR in the Great Patriotic War (In Search of Truth)]. *Voенно-istoricheskij arhiv* [Military History Archive], 2012, no. 9, pp. 59–71.
22. Zima V.F. *Mentalitet narodov Rossii v vojne 1941–1945 godov* [Mentality of the Peoples of Russia in the War of 1941–1945]. Moscow, IRI RAN, 2000. 277 p.
23. Isaev A.V. *Berlin 45-go. Srazhenija v logove zverja* [Berlin of 1945. Battles in the Lair of the Beast]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2007. 720 p.

24. Isaev A.V. *Prigranichnoe srazhenie 1941* [Border Battle of 1941]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2011. 704 p.
25. Isaev A.V. *Stalingrad. Za Volgoj dlja nas zemli net* [Stalingrad. There Is No Land for Us Beyond the Volga]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2008. 448 p.
26. Isaev A.V., Gluharov N.N., Romanko O.V., Hazanov D.B. *Bitva za Krym. 1941–1944 gg.* [Battle for Crimea. 1941–1944]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2016. 896 p.
27. Kovalev B.N. *Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg. Tipy i formy* [Collaborationism in Russia in 1941–1945. Types and Forms]. Veliky Novgorod, Novgor. gosun-t im. Yaroslava Mudrogo, 2009. 370 p.
28. Kovalev B.N. *Nacistskaja okkupacija i kollaboracionizm v Rossii 1941–1944* [Nazi Occupation and Collaborationism in Russia 1941–1944]. Moscow, AST Publ., Transitskniga Publ., 2004. 486 p.
29. Korovin V.V., Manzhosov A.N., Kizilova E.V. *«Teper my v granite i bronze...» (iz opyta monumentalnoj propagandy sobytij i geroev Kurskoj bitvy)* [“Now We Are in Granite and Bronze...” (From the Experience of Monumental Propaganda of the Events and Heroes of the Battle of Kursk)]. Kursk, Yugo-Zap. gosun-t, 2020. 295 p.
30. Krinko E.F. *Sovremennaja rossijskaja istoriografija Velikoj Otechestvennoj vojny: itogi dvuh desjatiletij* [Modern Russian Historiography of the Great Patriotic War: Results of Two Decades]. *Bylye gody*, 2009, no. 4 (14), pp. 6–19.
31. Krinko E.F. *Stalingradskaia bitva i korennoj perelom vo vtoroj mirovoj vojne: sobytija i obrazy* [The Battle of Stalingrad and the Turning Point in World War II: Events and Images]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 1, pp. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.1>
32. Krinko E.F., Tazhidinova T.G., Khlynina T.P. *Chastnaja zhizn sovetskogo cheloveka v usloviyah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mehanizmy realizacii (1941–1945)* [Private Life of a Soviet Person in Wartime: Space, Boundaries, and Mechanisms of Implementation (1941–1945)]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2013. 362 p.
33. Kropachev S.Ja., Krinko E.F. *Poteri naselenija SSSR v 1937–1945 gg.: masshtaby i formy. Otechestvennaja istoriografija* [Population Losses in the USSR in 1937–1945: Scale and Forms. Domestic Historiography]. Moscow, ROSSPEN, 2012. 349 p.
34. Larionov A.E. *Frontovaja povsednevnost Velikoj Otechestvennoj vojny: upravlenie, organizacija i materialnye uslovija zhizni RKKA v 1941–1945 gg.* [Everyday Life at the Front During the Great Patriotic War: Management, Organization, and Material Conditions of Life in the Red Army in 1941–1945]. Moscow, Zolotoe sechenie Publ., 2015. 303 p.
35. Larionov A.E. *Frontovaja povsednevnost Velikoj Otechestvennoj vojny: socialnye kommunikacii i duhovnaja zhizn v RKKA 1941–1945 gg.* [Everyday Life at the Front during the Great Patriotic War: Social Communications and Spiritual Life in the Red Army in 1941–1945]. Moscow, Zolotoe sechenie Publ., 2015. 295 p.
36. Lopuhovskij L.N. *1941. Na glavnom napravlenii* [1941. On the Main Line]. Saint Petersburg, SUPER Izd-vo, 2017. 640 p.
37. Lopuhovskij L.N. *Prohorovka: bez grifa sekretnosti* [Prokhorovka: Unclassified]. Moscow, Yauza Publ., EKSMO Publ., 2005. 616 p.
38. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. *Mius-front v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1941/1942 gg. 1943 g.* [Mius Front in the Great Patriotic War. 1941/1942. 1943]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2011. 228 p.
39. Medvedeva L.M. *Protivostojanie falsifikacii istorii Vtoroj mirovoj vojny v sovremennoj rossijskoj istoriografii* [Confronting the Falsification of the History of World War II in Modern Russian Historiography]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Studies], 2020, no. 1, pp. 13–19. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-1/13-19
40. Mjagkov M.Ju. *Vermaht u vorot Moskvy, 1941–1942* [Wehrmacht at the Gates of Moscow, 1941–1942]. Moscow, OLMA-PRESS, Zvezd. mir Publ., 2005. 352 p.
41. *Narody SSSR na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny: stat. i voen.-antropol. issled.* [Peoples of the USSR on the Fronts of the Great Patriotic War: Statistical and Military-Anthropological Study]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2022. 428 p.
42. Zhyromskaya V.B., ed. *Naselenie Rossii v XX veke: ist. ocherki. V 3 t. T. 2. 1940–1959* [Population of Russia in the 20th Century. Historical Essays. In 3 Vols. Vol. 2. 1940–1959]. Moscow, ROSSPEN, 2001. 414 p.
43. Pavlova T.A. *Zasekrechennaja tragedija: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoj bitve* [Classified Tragedy: Civilian Population in the Battle of Stalingrad]. Volgograd, Peremena Publ., 2005. 594 p.
44. *Pamjatnik i prazdnik: etnografija Dnja Pobedy* [Monument and Holiday: Ethnography of Victory Day]. Moscow, Nestor-Istoriya Publ., 2020. 411 p.
45. *Partizanskoe dvizhenie: Po opytu Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: voen.-ist. ocherk* [Partisan Movement: Based on the Experience

of the Great Patriotic War of 1941–1945: Military-Historical Essay]. Zhukovsky; Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2001. 461 p.

46. *Pobeda-70: rekonstrukcija jubileja* [Victory-70: Reconstruction of the Anniversary]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2015. 622 p.

47. Poljan P.M. *Zhertvy dvuh diktatur: Zhizn, trud, unizhenie i smert sovet. voennoplennykh i ostarbajterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of Two Dictatorships: Life, Labor, Humiliation, and Death of Soviet Prisoners of War and Ostarbeiters Abroad and at Home]. Moscow, ROSSPEN, 2002. 894 p.

48. Popov A.Ju. *Diversanty Stalina. Dejatel'nost organov gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR na okkupirovannoj sovetskoj territorii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Stalin's Saboteurs. Activities of the USSR State Security Agencies in the Occupied Soviet Territory during the Great Patriotic War]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2008. 480 p.

49. Potemkina M.N. *Evakonaselenie v Uralskom tylu (1941–1948 gg.)* [Evacuation Population in the Ural Rear (1941–1948)]. Magnitogorsk, Magnitog. gosun-t, 2006. 264 p.

50. Senjavskaja E.S. *1941–1945. Frontovoe pokolenie: ist.-psihol. issled.* [1941–1945. Frontline Generation. Historical-Psychological Study]. Moscow, IRI RAN, 1995. 220 p.

51. Senjavskaja E.S. *Voenno-istoricheskaja antropologija – novaja otrasl istoricheskoi nauki* [Military-Historical Anthropology – New Branch of Historical Science]. *Otechestvennaja istorija* [Domestic History], 2002, no. 4, pp. 135–145.

52. Senjavskaja E.S., Senjavskij A.S., Zhukova L.V. *Chelovek i frontovaja povsednevnost v voynah Rossii XX veka: ocherki po voen. antropologii* [Man and Frontline Everyday Life in the Wars of 20th Century Russia. Essays on Military Anthropology]. Moscow, IRI RAN, 2017. 418 p.

53. Sinicyn F.L. *Sovetskaja nacija i vojna. Nacionalnyj vopros v SSSR. 1933–1945* [Soviet Nation and War. National Question in the USSR. 1933–1945]. Moscow, Centrpoligraf, 2018. 543 p.

54. Sobolev G.L. *Leningrad v borbe za vyzhivanie v blokade: v 3 kn.* [Leningrad in the Struggle for Survival During the Siege. In 3 Books]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2013–2017, book 1: Ijun 1941 – maj 1942 [June 1941 – May 1942], 2013. 696 p.; book 2: Ijun 1942 – janvar 1943 [June 1942 – January 1943], 2015. 526 p.; book 3: Janvar 1943 – janvar 1944 [January 1943 – January 1944], 2017. 748 p.

55. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaja bitva: ijul 1942 – fevral 1943: enciklopedija* [Battle of

Stalingrad: July 1942 – February 1943: Encyclopedia]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 800 p.

56. *Strana v ognе: istoriko-dokumentalnoe izdanie. V 3 t.* [Country on Fire: Historical and Documentary Publication. In 3 Vols.]. Vol. 1. 1941. In 2 Books. Book 1. Essays. Moscow, OLMA Media Group, 2011. 715 p.; Vol. 2. Turning Point, 1942–1943. In 2 Books. Book 1. Essays. Moscow, Abris Publ., 2017. 732 p.; Vol. 3. Liberation, 1944–1945. In 2 Books. Book 1. Essays. Moscow, Abris (OLMA) Publ., 2017. 717 p.

57. Hramkova E.L. *Kultura Rossii 1941–1945 gg.: otechestvennaja istoriografija rubezha XX–XXI vekov* [Culture of Russia 1941–1945: Domestic Historiography at the Turn of the Twentieth – Twenty-First Centuries]. Samara, Nauch.-techn. centr, 2006. 470 p.

58. Hristoforov V.S. *Stalingrad: organy NKVD nakamune i v dni srazhenija* [Stalingrad: NKVD Bodies on the Eve and During the Battle]. Moscow, Mosk. uchebniki Publ., 2008. 240 p.

59. Cherepanov V.V. *Vlast i vojna stalinskij mehanizm gosudarstvennogo upravlenija v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Power and War: Stalin's Mechanism of State Administration in the Great Patriotic War]. Moscow, Izvestia Publ., 2006. 490 p.

60. *Ekonomicheskaja prestupnost v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Juzhnogo Urala)* [Economic Crime in the USSR During the Great Patriotic War (Based on Materials from the Southern Urals)]. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyabinsk. gos. un-ta, 2021. 359 p.

61. Yurina T.I. *Novorossijskoe protivostojanie 1942–1943 gg.* [Novorossiysk Confrontation 1942–1943]. Krasnodar, Kniga Publ., 2008. 363 p.

62. Yakunin V.N. *Russkaja pravoslavnaja cerkov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: istoriografija i istochnikovedenie problemy* [Russian Orthodox Church During the Great Patriotic War of 1941–1945: Historiography and Source Study of the Problem]. Tolyatti, Sovremennik Publ., 2002. 167 p.

63. Yanush S.V. *Vojskovye operacii Sovetskoj armii v bitve za Kavkaz (1942–1943 gg.)* [Military Operations of the Soviet Army in the Battle for the Caucasus (1942–1943)]. Stavropol, Stavropol. kn. izd-vo, 2005. 575 p.

64. Yarov S.V. *Blokadnaja etika: predstavlenija o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* [Blockade Ethics: Ideas About Morality in Leningrad in 1941–1942]. Moscow, Centrpoligraf, Saint Petersburg, Rus. trojka-SPb Publ., 2013. 602 p.

65. Lyapunova N.V., Starostenkov N.V., Demidova T.E., Provadkin G.G. Makarov. *The Modern Historiography of the World War II (1941–1945). Review of European Studies*, 2015, vol. 7, no. 6, pp. 302–307. DOI: 10.5539/res.v7n6p302

Information About the Author

Evgeny F. Krinko, Doctor of Sciences (History), Deputy Director for Research, Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, krinko@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3008-5626>

Информация об авторе

Евгений Федорович Кринко, доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, krinko@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3008-5626>

www.volsu.ru

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ РОЛЬ В ПОБЕДЕ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.2>

UDC 94(47+57)«1941/1945»:623.4

LBC 63.3(2Рос),622-35

Submitted: 19.09.2024

Accepted: 28.02.2025

PRODUCTION OF GUNPOWDER AND AMMUNITION AS A “BOTTLENECK” OF THE SOVIET MILITARY ECONOMY AND ITS IMPACT ON ARMED STRUGGLE IN 1941–1945

Alexey V. Isaev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problem of gunpowder production in the USSR and the emergence of a “bottleneck” in the production of ammunition in the period preceding the Great Patriotic War and the development of the situation during the war. Even before the loss of enterprises in the European part of the country, the situation was unfavorable; the subsequent loss of capacity and evacuation only worsened the situation. The thesis is postulated about an insufficient raw material base for alcohol, the main pyroxylin gunpowders for the USSR at the beginning of the war, with the underdevelopment of the production of ballistite (nitroglycerin) gunpowder in the country. The shortage of ballistite gunpowder restrained the use of the latest artillery systems of the Red Army, adopted for service in 1938–1939, and the introduction of rocket artillery. The process of the introduction and expansion of the production of new types of gunpowder, the technological breakthrough achieved in 1942 thanks to the work of engineer and scientist A.S. Bakayev, and the ensuring of a sharp increase in the production of ballistite gunpowder are analyzed. The article examines the provision of the armed forces with ammunition and the military construction measures taken by the military command bodies to solve the problem of gunpowder shortage. The problem required the transformation of the organizational and staff structure of the formations with an emphasis on mortars of various calibers. Mortar rounds required a smaller charge of gunpowder compared to barrel artillery, which made it possible to provide satisfactory fire damage to the enemy with smaller volumes of its production in the country as a whole. A comparative analysis of the ammunition consumption by the Wehrmacht and the Red Army during the war is carried out, taking into account the nomenclature of rounds. Statistical data show that the Wehrmacht maintained a long-term advantage in the consumption of heavy artillery ammunition. Such an advantage negatively affected the course of hostilities, the ability of Soviet troops to destroy enemy fortifications, and the Wehrmacht’s successful reliance on artillery. In turn, the Red Army consistently had an advantage in the number of mortar rounds spent, including large-caliber 120 mm, which was uncharacteristic for the Wehrmacht. The article concludes that the preconditions for the ammunition supply crisis that arose before 1941 and the role of innovations in stabilizing the situation with the supply of ammunition to the armed forces.

Key words: Great Patriotic War, mortar, ballistite gunpowder, pyroxylin gunpowder, ammunition, A.S. Bakayev, military-technical cooperation.

Citation. Isaev A.V. Production of Gunpowder and Ammunition as a “Bottleneck” of the Soviet Military Economy and Its Impact on Armed Struggle in 1941–1945. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 21-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.2>

ПРОИЗВОДСТВО ПОРОХА И БОЕПРИПАСОВ КАК «УЗКОЕ МЕСТО» СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВООРУЖЕННУЮ БОРЬБУ В 1941–1945 ГОДАХ

Алексей Валерьевич Исаев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме производства пороха в СССР и возникновению «узкого места» в производстве боеприпасов в период, предшествующий Великой Отечественной войне, и в ходе войны. Еще до потери предприятий в европейской части страны ситуация была неблагоприятной, последующая утрата мощностей и эвакуация лишь усугубили положение. Постулируется тезис о недостаточной сырьевой базе по спирту основных для СССР к началу войны пироксилиновых порохов при неразвитости производства в стране баллиститных (нитроглицериновых) порохов. Нехватка баллиститных порохов сдерживала использование новейших артиллерийских систем Красной армии, принятых на вооружение в 1938–1939 гг., и внедрение реактивной артиллерии. Анализируется процесс внедрения и расширения производства порохов новых типов, технологический прорыв, достигнутый в 1942 г. благодаря деятельности инженера и ученого А.С. Бакаева и обеспечивший резкий рост производства баллиститных порохов. Исследуется обеспеченность боеприпасами вооруженных сил и меры военного строительства, принятые органами военного управления для решения проблемы нехватки порохов. Проблема потребовала трансформации организационно-штатной структуры соединений с акцентом на минометы различных калибров. Минометные выстрелы требовали меньшей навески пороха в сравнении со ствольной артиллерией, что позволяло при меньших объемах его производства в стране в целом обеспечивать удовлетворительное огневое поражение противника. Проводится сравнительный анализ расхода боеприпасов вермахтом и Красной армии в ходе войны с учетом номенклатуры выстрелов. Статистические данные показывают сохранявшееся длительное время преимущество вермахта в расходе боеприпасов тяжелой артиллерии. Такой перевес негативно сказывался на ходе боевых действий, на возможностях советских войск разрушать укрепления противника, а вермахт успешно опирался на артиллерию. В свою очередь, Красная армия стабильно имела преимущество в количестве израсходованных минометных выстрелов, в том числе нехарактерного для вермахта крупного калибра 120 мм. В статье делается вывод о возникших еще до 1941 г. предпосылках кризиса снабжения боеприпасами и роли инноваций в стабилизации положения со снабжением боеприпасами вооруженных сил.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, миномет, баллиститный порох, пироксилиновый порох, боеприпасы, А.С. Бакаев, военно-техническое сотрудничество.

Цитирование. Исаев А. В. Производство пороха и боеприпасов как «узкое место» советской военной экономики и его влияние на вооруженную борьбу в 1941–1945 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 21–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.2>

В подготовке к грядущему и неизбежному, как справедливо считали многие, мировому вооруженному конфликту органы государственной власти и военного управления СССР в 1920–1930-е гг. опирались на опыт Первой мировой войны 1914–1918 годов. Крупный вооруженный конфликт мирового масштаба потребовал производства огромных объемов боеприпасов. Предвоенные расчеты практикой не подтвердились, а к 1917 г. Русская императорская армия до 50 % расходуемого в боях пороха получала из-за границы [11, с. 117, 365]. Пороховое производство в

связи со спецификой технологического процесса практически не поддавалось мобилизации предприятий гражданского сектора.

Уже в ходе Первой мировой войны разные государства в силу обстоятельств тяготели к пироксилиновым и нитроглицериновым порохам. Эта тенденция сохранилась и в межвоенный период. Во Франции производились преимущественно пироксилиновые пороха. Польша, связанная с Францией тесным военно-техническим сотрудничеством, также производила пироксилиновые пороха. Австрия, Чехословакия и США производили оба типа

пороха. Венгрия, Италия и Великобритания производили нитроглицериновые пороха. В Венгрии было развито животноводство, экономика Италии испытывала недостаток целлюлозы. В Великобритании производилась одна из разновидностей баллиститного пороха – кордитные пороха с использованием ацетона, дорогого и дефицитного в других странах растворителя.

В отношении роста объемов важным оказывалось не только само производство пороха, но и его обеспечение сырьевой базой. Пироксилиновые пороха требовали целлюлозы, баллиститные (нитроглицериновые) пороха – глицерина. В свою очередь, производство глицерина требовало омыления жиров или сбраживания сахара с изъятием их из пищевого потребления [7, с. 170]. В Германии, тяготевшей к баллиститным порохам, негативный опыт Первой мировой войны, с острым продовольственным дефицитом, заставил ученых искать замену пищевым продуктам в технологической цепочке производства пороха. Опыты с добавлением в порох аммиачной селитры принесли крайне ограниченные результаты. В межвоенный период поиск решения данной проблемы привел к созданию дигликолевого пороха, опирающегося на сырьевую базу синтетического дигликоля [20, S. 213; 6, с. 173–174]. Дигликоль мог производиться и производился из непищевых продуктов (газы доменных печей, уголь). Именно дигликолевые пороха стали основными для Германии во Вторую мировую войну. Это позволило Третьей рейхе производить пороха в значительных объемах, невзирая на повторение в 1939–1945 гг. британской морской блокады.

Советский Союз унаследовал от Российской империи предпочтение в отношении использования в боеприпасах артиллерии пироксилинового пороха. В какой-то мере это являлось следствием тесных связей с Францией на рубеже XIX–XX веков. В силу причин политического характера в СССР стремились добиться максимальной независимости от импорта и опираться на собственные источники сырья. В этом отношении большим достижением стало обеспечение производства пироксилинового пороха целлюлозой не из хлопка. Удалось разработать и во второй половине 1930-х гг. внедрить в производство

целлюлозу «ВЦА», производимую на целлюлозно-бумажных комбинатах. Как пишет исследователь темы А.Н. Балыш, «...благодаря изобретению ВЦА и разработке процесса химического облагораживания древесной целлюлозы, в Советском Союзе накануне войны появилась новая широкая сырьевая база для пороховой промышленности, отличающаяся неограниченными ресурсами исходного материала» [2, с. 24]. Также целлюлозно-бумажные комбинаты располагались далеко от западных границ страны, что способствовало устойчивости порохового производства к внешнему вторжению.

Однако целлюлоза была важным, но не единственным компонентом, необходимым для производства пироксилинового пороха. Расход этилового спирта по технологиям 1930-х гг. составлял 130,6 дал (1 306 л) на одну тонну пироксилинового пороха [16, л. 126]. Строительство заводов гидролизного спирта стало развиваться в СССР с середины 1930-х гг., но в 1940 г. они произвели 366 тыс. дал этилового спирта. Даже довоенная (на март 1940 г.) мощность заводов пироксилинового пороха в 112,5 тыс. т гидролизным спиртом не обеспечивалась. Из пищевого сырья в СССР в 1940 г. было произведено 89,2 млн дал спирта, из которых 39 % ушло на производство спиртных напитков.

В силу этих причин нарком боеприпасов И.П. Сергеев в своем докладе маршалу К.Е. Ворошилову от 21 июня 1940 г. настаивал «вести дальнейшее развитие пороховой промышленности по линии наращивания мощностей главным образом за счет нитроглицериновых порохов» [16, л. 375]. Приводились в пользу этого в том числе экономические соображения: нитроглицериновый порох был заметно дешевле. Имелся также еще один фактор: именно нитроглицериновые пороха были необходимы для производства зарядов минометных мин и шашек реактивных снарядов. И.П. Сергеев подчеркивал: «Из пироксилиновых порохов указанные заряды изготавливаться не могут» [16, л. 377].

Однако на момент написания доклада И.П. Сергеева производство нитроглицеринового пороха в СССР находилось на достаточно низком уровне и развивалось крайне медленно. При потребности порохов как минимум

в десятки тысяч тонн, а в идеале в сто тысяч тонн и более производились лишь единицы тысяч тонн (табл. 1).

Причина этого была в том, что только в 1939 г. была отработана удовлетворительная с точки зрения эксплуатации рецептура нитроглицеринового пороха. Дело в том, что нитроглицериновые пороха вызывали «разгар» стволов орудий, нарушавший геометрию нарезной части. Для решения этой проблемы в порох вводились добавки, именовавшиеся «централит». Определенный прогресс в этой сфере был достигнут за счет сотрудничества СССР с Чехословакией в 1936–1938 гг. и введения в порох вещества дибутилфталата [3, с. 92].

Мобилизационный план от 5 июля 1938 г., предусматривающий годовую потребность в порохе в 167 975 т, обеспечивался расчетной мощностью пороховой промышленности СССР только на 28 %, в 1940 г. величина достигла только 43 % [4, с. 35]. Ввод новых мощностей позволил выйти на отметку выполнения мобилизационного плана по порохам к 1941 г. в 75 % (118 200 т при плане 156 600 т) [4, с. 37]. Тем не менее до 100 % было еще далеко. При этом 93 % объемов производства составляли пироксилиновые пороха.

Все это в совокупности привело к тому, что в докладе наркома обороны С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Красной армии Г.К. Жукова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о положении с боеприпасами говорилось о недопустимости «неудовлетворительного состояния обеспеченности выстрелами: 37-мм, 45-мм, 76-мм полковыми, 85-мм зенитными, 122-мм и 152-мм образцов 1938 года, 152-мм пушечными, 203-мм, 210-мм, 280-мм и 305-мм» [17, л. 203]. Перечисленные боеприпасы образовывали стеновой хребет артиллерии Красной армии, наиболее эффективные ее артсистемы новой разработки: 37-мм и 85-мм зенитки образца 1939 г., 122-мм

гаубицы М-30 и 152-мм гаубицы М-10, артиллерия большой и особой мощности калибром 203–305 мм. Обеспеченность боеприпасами артиллерии Красной армии к началу войны по состоянию на 1 июня 1941 г. оставляла желать лучшего. Так, 152-мм гаубицы-пушки были обеспечены на 66 %, а артиллерия среднего калибра в целом – на 73 % [1, с. 257–259]. Требовавшие баллистических порохов 37-мм автоматические зенитные пушки образца 1939 г. и 120-мм минометы были обеспечены боеприпасами лишь на 17 и 14 % соответственно. В том числе по этой причине немецкие бомбардировщики в начальный период войны могли почти безнаказанно наносить удары по боевым порядкам советских войск, не прикрытых автоматическими зенитными пушками. Все это являлось не только следствием объективных трудностей советской промышленности в период индустриализации, но и серьезным промахом в планировании боеприпасного производства в предвоенный период.

Таким образом, уже к началу Великой Отечественной войны ситуацию с порохами и боеприпасами в СССР можно характеризовать как неблагоприятную. Катастрофическое начало боевых действий летом 1941 г. ее только усугубило. Были потеряны пороховые заводы в г. Шостка на Украине, единственный работающий завод баллистических порохов в Петровеньках в Донбассе, по мере продвижения фронта на восток были потеряны заводы № 100 (Тульская область) и № 101 (Ростовская область). Уже в докладе нового наркома боеприпасов П.Н. Горемыкина (И.П. Сергеев был арестован весной 1941 г.) начальнику Главного артиллерийского управления Красной армии (далее – ГАУ КА) Н.Д. Яковлеву «по вопросу обеспечения подачи элементов выстрела по эвакуируемым заводам» от 18 августа 1941 г. признавалось: «Завод № 40 (г. Казань) и комбинат № 392 (г. Кемерово) этой потери не компенсируют» [18, л. 324]. Строившийся в Пер-

Таблица 1. Производство нитроглицериновых порохов в СССР в 1934–1939 годах

Table 1. Production of nitroglycerin powders in the USSR in 1934–1939

Показатель	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Объем производства, т	439	1,100	1,400	1,734	1,850	4,430

Примечание. Источник: [16, л. 376].

ми завод баллистических порохов № 98 к началу войны такие пороха не производил. Помимо самих пороховых заводов были потеряны предприятия, обеспечивающие их сырьем. В их числе был Рубежанский химический завод на Донбассе, который выпускал дефицитную и крайне необходимую присадку в нитроглицериновый порох – централит и дибутилфталат.

Все это в совокупности создало крайне тяжелую обстановку с производством боеприпасов для Красной армии. Незадолго до начала войны, в апреле 1941 г., был введен норматив месячного расхода снарядов: на одно дивизионное орудие калибром 76 мм – 540 шт., 122-мм гаубицу – 440 шт., 152-мм гаубицу – 360 штук. В январе 1942 г. фронты действующей армии могли обеспечить 76-мм дивизионную пушку 286 выстрелами, расход составил 198 выстрелов. Всего в январе – марте 1942 г. при нормативе расхода 2 160 снарядов обеспеченность составила 1 066 выстрелов, а расход – 682 выстрела. Столь же тяжелой была обстановка с боеприпасами других типов. В январе 1942 г. каждая 122-мм гаубица была обеспечена 218 снарядами, из которых реально выпустила 156. В феврале 1942 г. эти цифры составили соответственно 239 и 167 шт. [9, с. 526].

Еще более напряженной была ситуация с минометными боеприпасами (потери матчасти минометов к тому моменту восполнили). При нормативе месячного расхода 665 шт. 82-мм мин обеспеченность ими в январе составляла 111 шт. на миномет, в феврале – 97, в марте – 69. Аналогичная картина была со 120-мм минами. При нормативе месячного расхода 480 шт. на один миномет в январе 1942 г. обеспеченность составила всего 34 мины, в феврале – 39, в марте – снова 34 мины. За четыре месяца 120-мм минометы смогли израсходовать всего 7 % норматива [9, с. 526]. План производства за три месяца 1942 г. по 120-мм минам был выполнен только на 16 %, по 120-мм минам – на 48 % [9, с. 528].

Начальник ГАУ КА Н.Д. Яковлев в докладе на имя председателя Государственного комитета обороны (далее – ГКО) СССР И.В. Сталина от 27 марта 1942 г. писал, что невыполнение поставок промышленностью «заставило перевести войска на снабжение

их боеприпасами по голодной норме» [9, с. 528]. Такое положение с боеприпасами неизбежно сказывалось на эффективности боевых действий и во многом объясняет неудачи Красной армии в зимнем контрнаступлении 1941–1942 годов. Врага удалось оттеснить от столицы, но не восстановить положение к началу битвы за Москву. Прорыв блокады Ленинграда также не состоялся. Немецкая оборона в этот период строилась на системе опорных пунктов в огневой связи друг с другом, без сплошной траншеи, так называемое «жемчужное ожерелье» [8, с. 16]. При наличии достаточного количества снарядов концентрация личного состава и вооружения на небольшой площади могла быть уничтожена. Впоследствии по мере решения проблемы с боеприпасами в Красной армии такие опорные пункты поддавались разрушению советской артиллерией, и от «жемчужного ожерелья» в вермахте отказались. «Жемчужное ожерелье» даже прямо запрещалось.

В свою очередь нарком боеприпасов П.Н. Горемыкин обращался к И.В. Сталину с просьбой направить на 98-й завод бригаду специалистов из числа заключенных, работавших в спецотделе НКВД, с целью «внедрения усовершенствований технологии нитроглицериновых порохов». В итоге на предприятии было сформировано Особое техническое бюро № 98 (далее – ОТБ-98) из лучших пороховиков и технологов, находившееся в подчинении НКВД. Возглавил его М.И. Левичек. Техническое руководство было возложено на опытного инженера и химика А.С. Бакаева, арестованного еще в 1937 г. по обвинению во вредительстве. В состав ОТБ-98 вошли ученые и инженеры-химики, находившиеся в статусе заключенных: Д.И. Гальперин, А.Э. Спориус, Б.И. Пашков, В.А. Лясоцкий, Ф.М. Хритин и др. [10, с. 81]. В декабре 1941 г. рабочая группа под руководством А.С. Бакаева начала отработку непрерывной технологии формирования пороховых зарядов на пилотном аппарате, получившем наименование «Ш-2» [10, с. 89].

Именно А.С. Бакаеву удалось к весне 1942 г. доработать без преувеличения прорывную для своего времени технологическую схему непрерывного процесса производства нитроглицериновых порохов с применением шнек-пресса [3, с. 118]. Постановлением ГКО

от 18 мая 1942 г. № 1764сс предполагалось строительство «двух шнековых агрегатов для производства нитроглицериновых порохов по технологии, разработанной 4-м Спецотделом НКВД СССР, при участии работников завода № 98 НКБ, мощностью в 16 тонн в сутки» [14, л. 92].

Результаты внедрения шнек-прессов хорошо видны в статистике производства нитроглицериновых порохов в СССР (табл. 2). С момента внедрения новой технологии идет практически скачкообразный рост производства нитроглицериновых порохов.

Помимо артиллерийских орудий, потребителем баллистических порохов являлись реактивные минометы, системы залпового огня, получившие широкое распространение в Красной армии.

Потери значительных производственных мощностей химической промышленности СССР, включая пороховые производства, неизбежно требовали помощи со стороны союзников в производстве порохов, как прямо, так и косвенно. В целом из 117 021 т нитроглицериновых порохов, произведенных в СССР с июля 1941 г. по май 1945 г., 77 871 т, или 66,54 %, были выпущены благодаря получению импортного глицерина [2, с. 55]. Прямые поставки порохов по ленд-лизу составляли в общем объеме сдачи зарядов фронту в 1942 г. 5,5 %, в 1943 г. – 12,9 %, в 1944 г. – 28,9 %, в первом полугодии 1945 г. – 18,7 % [5, с. 420].

Еще одно решение лежало не на поверхности, но тоже в области инноваций. Внедренные на вооружение армий стран мира в меж-

военный период минометы в силу конструктивных особенностей требовали меньшего расхода пороха на один выстрел. Максимальный, шестой заряд пороха для 120-мм мины (воспламенительный + 6 дополнительных пучков) весил 510 г [12, с. 119]. В то же время вес порохового заряда для 122-мм выстрела гаубицы образца 1910/30 гг. – 1,2 кг, 122-мм гаубицы образца 1938 г. – 2,075 кг. Точно такой же, максимальный, шестой заряд для 82-мм мины (основной + 6 дополнительных зарядов) требовал 50 г пороха (48 г для десятиперой мины) [13, с. 81]. Для сравнения: пороховой заряд для 76-мм полкового выстрела образца 1927 г. – 455 г, для 76-мм дивизионного выстрела – 1,080 кг. Разница 2–4-кратная, а в случае с 82-мм минометом и десятикратная.

Если в довоенном штате апреля 1941 г. № 04/400 в стрелковой дивизии Красной армии было пятьдесят четыре 82-мм миномета и двенадцать 120-мм минометов, то уже в июле 1942 г. штат стрелковой дивизии предусматривает восемьдесят пять 82-мм минометов и восемнадцать 120-мм минометов. В штате № 04/550 середины войны был уже двадцать один 120-мм миномет. В гвардейской стрелковой дивизии штата № 04/500 было еще больше: двадцать четыре 120-мм миномета.

Ситуация не могла сразу улучшиться, но положительные тенденции имели место уже во второй половине 1942 года. Так, наличие боеприпасов на Сталинградском фронте увеличилось в сравнении с начальным периодом Сталинградской битвы (июль – август 1942 г.) более чем в два раза почти по всем

Таблица 2. Производство нитроглицериновых (баллистических) порохов на заводах наркомата боеприпасов СССР в 1941–1945 годах

Table 2. Production of nitroglycerin (ballistite) powders at factories of the USSR People's Commissariat of Ammunition in 1941–1945

Заводы	1941 г., июль – декабрь	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г., январь – май	Всего
№ 59	2 773	–	–	–	–	2 773
№ 98	433	11 480	21 769	29 327	13 834	76 843
№ 512	–	237	1 030	2 257	–	–
№ 562	–	489	625	392	–	1 506
№ 577	–	822	6 629	7 976	3 514	19 004
№ 580	–	–	2 822	6 778	2 927	12 527
<i>Итого</i>	3 206	13 028	32 938	46 730	21 119	117 021

Примечание. Источник: [5, с. 406].

номенклатурам, что объяснялось увеличением поставок боеприпасов из центральных баз и заводов промышленности [1, с. 489–490].

За 1942 г. порохов всех типов в СССР было произведено 67 698 т [5, с. 406], а в Германии более чем в два раза больше – 146 563 т [20, S. 214]. Разрыв в производстве пороха хотя и был преодолен, но сохранялся и позднее. Видный отечественный исследователь промышленности боеприпасов И.И. Вернидуб отмечал: «Ни один из пороховых заводов в годы войны не смог использовать свои производственные мощности на 100 %» [5, с. 42]. Связано это было с нестабильными поставками сырья и простоями заводов ввиду отсутствия топлива и электроэнергии. Суммарно в 1942 г. вермахт израсходовал почти 18 млн 105-мм гаубичных выстрелов против 10 млн 76-мм дивизионных выстрелов Красной армии [20, S. 228]. Разница в расходе выстрелов к орудиям большой мощности (203-мм гаубица Б-4 в Красной армии, 210-мм гаубица образца 1918 г. в вермахте) более чем трехкратная в пользу противника [20, S. 229]. Боеприпасы артиллерии особой мощности (280-мм мортиры и 305-мм гаубицы) в ведомостях ГАУ КА расхода боеприпасов фронтами в 1942–1943 гг. отсутствуют. Этим во многом объясняются неудачи Красной армии в боях под Ржевом, когда не хватало боеприпасов на подавление системы обороны противника и разрушение ее опорных пунктов.

Положение стало меняться в лучшую сторону в 1943 г., несмотря на то, что разрыв по объемам выпуска порохов сохранялся. В СССР в 1943 г. было произведено 112,8 тыс. т пороха [5, с. 406], в Германии 230,6 тыс. т [20, S. 214]. За весь 1943 г. Красной армией было израсходовано 216,47 тыс. выстрелов к 203-мм гаубице образца 1931 года. В свою очередь вермахт израсходовал за 1943 г. практически вдвое большее количество – 404,6 тыс. выстрелов к 210-мм гаубице [20, S. 248]. За 1943 г. Красная армия израсходовала 934,7 тыс. 152-мм гаубичных выстрелов и 2 364 тыс. выстрелов к 152-мм гаубице-пушке образца 1937 г. (МЛ-20). Вермахтом было израсходовано практически вдвое больше – 6 470 выстрелов к 150-мм гаубице sFH18.

Совершенно другую картину мы наблюдаем в отношении минометного вооружения.

По итогам 1943 г., Красная армия израсходовала 37 808,1 тыс. 82-мм мин, 10 886,9 тыс. 120-мм мин [19, л. 62 и др.; 20, S. 248]. Вермахтом было израсходовано 11 781 тыс. выстрелов 81-мм минометов и 207,5 тыс. 120-мм минометов. На стороне Красной армии налицо более чем тройное превосходство. При этом по расходу боеприпасов тяжелой артиллерии вермахт все еще превосходил Красную армию примерно в два раза, по среднекалиберной артиллерии был достигнут паритет.

Сокращения разрыва в производстве пороха не произошло даже в третьем периоде войны. В СССР в 1944 г. произвели 126,9 тыс. т пороха [5, с. 406]. В Германии в 1944 г., невзирая на бомбардировки промышленных предприятий авиацией союзников, было произведено 253,7 тыс. т порохов [20, S. 214]. Общая нормализация положения с боеприпасами позволила советской промышленности вернуться к обеспечению артиллерии большой и особой мощности. В планах производства 1944 г. появляются 203-мм осколочно-фугасные снаряды [15, л. 4]. До 1944 г., в 1942–1943 гг., боеприпасы к артиллерии особой мощности не производились, в отчетных материалах наркомата боеприпасов они отсутствуют.

В итоге только в 1944 г. в ведомостях расхода боеприпасов ГАУ КА появляется артиллерия особой мощности. Так, выстрелов 152-мм пушек БР-2 было израсходовано за 1944 г. 9,9 тыс. шт., 210-мм пушечных БР-17 – 0,05 тыс. шт., 280-мм мортирных – 3,322 тыс. шт., 305-мм гаубичных – 0,656 тыс. штук. Выстрелов 203-мм гаубиц образца 1931 г. (большой мощности, по советской классификации) было израсходовано 167,77 тыс. штук.

Однако германская артиллерия того же класса расходовала большее количество боеприпасов: 15-см К18 и К39 было израсходовано за 1944 г. 114,5 тыс. шт., 21-см К39/40 – 15,8 тыс. шт., 24-см К3 и Н.39 – 8,4 тыс. штук. Выстрелов к 210-мм гаубицам вермахт израсходовал кратно больше, чем Красная армия 203-мм выстрелов, – 508 тыс. шт. [20, S. 280].

Качественный скачок переживают только минометы. В 1944 г. Красной армией было расстреляно 82-мм мин 42 550,7 тыс. шт., 120-мм мин – 15 454,2 тыс. штук. Германия, несмотря на наращивание военного производства, не смогла догнать советские войска.

За 1944 г. вермахт расстрелял 24 183 тыс. выстрелов к 81-мм минометам и только 2 984 тыс. выстрелов к 120-мм минометам [20, S. 280].

При этом нельзя сказать, что ставка Красной армии на минометы была тактическим компромиссом. Напротив, минометы имели свои неоспоримые преимущества. Так, немецкое 75-мм пехотное орудие было в пять раз тяжелее миномета калибром 81 мм (82 мм). При этом тактически минометы лучше укрывались в складках местности, им достаточно было высоты около 20 см над укрытием, в то время как нормальное прицеливание из пехотного орудия требовало 40 см и демаскировало расчет. Послевоенный период окончательно поставил точку в споре о том, что лучше – миномет или пехотное орудие. Вскоре после окончания Второй мировой войны пехотные орудия исчезли как класс, а 120-мм минометы используются в боевых действиях вплоть до наших дней.

В связи с вышесказанным небезынтересно рассчитать долю минометных выстрелов в расходе боеприпасов Красной армии (табл. 3).

Мы видим явление, которое можно назвать «минометизацией» Красной армии, – увеличение доли минометов в огневом поражении противника. Во многом это решение было вынужденным, обусловленным необходимостью приспособляться под возможности промышленности. Однако в целом оно соответствовало реалиям вооруженного конфликта.

Пороховая промышленность в ходе Великой Отечественной войны в наибольшей степени зависела от поставок по ленд-лизу. Так, даже в 1943 г. 100 % глицерина поступало из-за границы [4, с. 58]. Столь же важными были поставки добавок в пороха – централита и дибутилфталата. По данным бывшего заместителя начальника ГАУ КА И.И. Вол-

котрубенко, потребность фронта в порохе была покрыта за счет текущего производства на 64 %, за счет импорта – на 24 % и из запасов ГАУ – на 12 % [4, с. 57].

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Положение с производством пороха в СССР и, как следствие, производством артиллерийских боеприпасов было неблагоприятным еще до начала войны 1941–1945 годов. Имели место серьезные просчеты планирования и НИОКР в области порохов. По существу, страна готовилась к предыдущей войне, опираясь на пироксилиновые пороха. Производство нитроглицериновых порохов к 1941 г. только разворачивалось. Потери предприятий в европейской части страны лишь усугубили положение, что привело к нехватке боеприпасов для действующей армии. Именно пороховое производство потребовало наибольших в процентном измерении вливаний продукции ленд-лиза. Проблема была в целом преодолена в двух плоскостях. Во-первых, внедрением инновационных технологий удалось резко нарастить производство баллистических порохов. Во-вторых, реорганизацией вооруженных сил был сделан акцент на использование минометов, требовавших меньше пороха на один выстрел. В какой-то мере это тоже была инновация, минометы были замечены и своевременно приняты на вооружение в предвоенный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне. Кн. 1. М.; Тула: Гл. ракет.-арт. упр., 1977. 548 с.
2. Балыш А. Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 30–40-е гг. XX века: промышленность боеприпасов. М.: МАИ-Принт, 2009. 237 с.

Таблица 3. Доля минометных выстрелов в расходе боеприпасов Красной армии, % в массовом исчислении

Table 3. The share of mortar rounds in the consumption of ammunition of the Red Army, % in mass calculation

Калибр	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
82 мм	12,4	16,3	15,1	14,9
120 мм	11,8	22,5	26,3	28,6
<i>Всего</i>	24,2	38,8	41,4	43,5

Примечание. Рассчитано по ведомостям расхода боеприпасов ГАУ КА.

Note. Calculated based on GAU KA ammunition consumption sheet.

3. Балыш А. Н. Реактивное вооружение в России: из истории создания и развития. М.: Изд-во МАИ, 2016. 158 с.

4. Вернидуб И. И. Боеприпасы Победы: очерки. М.: ЦНИИИТКИПК, 1998. 201 с.

5. Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. М.: ЦНИИИТКИПК, 1994. 725 с.

6. Гальвитц У. Артиллерийские пороха и заряды. М.: Оборонгиз, 1950. 195 с.

7. Горст А. Г. Пороха и взрывчатые вещества. М.: Оборонгиз, 1949. 224 с.

8. Оборона и полевые фортификационные сооружения немецкой армии. М.: Воениздат НКО СССР, 1942. 92 с.

9. Операции советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945: воен.-ист. очерк. В 4 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1958. 725 с.

10. Пермский пороховой бастион. Пермский пороховой завод. 1934–2019. 85 лет. Пермь: Астер, 2019. 408 с.

11. Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: Центрполиграф, 2015. 381 с.

12. Руководство службы 120-мм миномет обр. 1938 г. М.: Воениздат, 1957. 184 с.

13. Руководство службы 82-мм минометы обр. 1937 г., 1941 г. и 1943 г. М.: Воениздат, 1947. 167 с.

14. Постановления и распоряжения Государственного комитета обороны (ГКО) №№ 1749 с – 1789 сс. Рассылочные материалы // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 35. 482 л.

15. Постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № 6708 сс. Рассылочные материалы // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 319. 490 л.

16. Переписка с Совнаркомом, наркоматами о производстве порохов, взрывчатых веществ, о состоянии техники безопасности на заводах наркомата боеприпасов, обеспечении топливом, электроэнергией и другими материалами // Российский государственный архив экономики. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 711. 411 л.

17. Доклады в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о потребности и обеспеченности Красной армии боеприпасами, расчетные ведомости обоснований мобилизационной заявки по боеприпасам на 1941 г. военный год, справки, ведомости подачи боеприпасов на военное время, производственной мощности заводов, производящих элементы выстрелов, мобилизационная заявка ГАУ КА на артиллерийское, стрелково-минометное вооружение на 1941 г. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 67. Оп. 12001. Д. 19. 274 л.

18. Доклад Народного комиссара боеприпасов начальнику ГАУ КА генерал-полковнику артилле-

рии тов. Яковлеву по вопросу обеспечения подачи элементов выстрела по эвакуируемым заводам // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12104. Д. 670. 350 л.

19. Ведомости расхода боеприпасов действующей армии ГАУ КА // ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 12079. Д. 307. 340 л.

20. Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945. Bd. 1. Infanteriewaffen, Pionierwaffen, Artilleriewaffen, Pulver, Spreng- und Kampfstoffe. Bonn: Bernard & Graefe, 1986. 320 S.

REFERENCES

1. *Artilleriyskoye snabzheniye v Velikoy Otechestvennoy voyne. Kn. 1* [Artillery Supply in the Great Patriotic War. Book 1]. Moscow, Tula, Gl. raket.-art. upr., 1977. 548 p.

2. Balysh A.N. *Voyenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 30–40-ye gg. XX veka: promyshlennost boyepripasov* [Military-Industrial Complex of the USSR in the 30–40s of the 20th Century: Ammunition Industry]. Moscow, MAI-Print, 2009. 237 p.

3. Balysh A.N. *Reaktivnoye vooruzheniye v Rossii: iz istorii sozdaniya i razvitiya* [Rocket Weapons in Russia: From the History of Creation and Development]. Moscow, Izd-vo MAI, 2016. 158 p.

4. Vernidub I.I. *Boyepripasy Pobedy: ocherki* [Victory's Ammunition: Essays]. Moscow, TsNIINTIKPK, 1998. 201 p.

5. Vernidub I.I. *Na peredovoy linii tyla* [On the Front Line of the Rear]. Moscow, TsNIINTIKPK, 1994. 725 p.

6. Galvits U. *Artilleriyskiye porokha i zaryady* [Artillery Powders and Charges]. Moscow, Oborongiz, 1950. 195 p.

7. Gorst A.G. *Porokha i vzryvchatyye veshchestva* [Gunpowder and Explosives]. Moscow, Oborongiz, 1949. 224 p.

8. *Oborona i polevyye fortifikatsionnyye sooruzheniya nemetskoj armii* [Defense and Field Fortifications of the German Army]. Moscow, Voenizdat NKO USSR, 1942. 92 p.

9. *Operatsii sovetskikh Vooruzhennykh sil v Velikoy Otechestvennoy Voyne 1941–1945: voyen.-ist. ocherk. V 4 t. T. 1* [Operations of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War of 1941–1945. Military History Essay. In 4 Vols. Vol. 1]. Moscow, Voenizdat, 1958. 725 p.

10. *Permskiy porokhovoy bastion. Permskiy porokhovoy zavod. 1934–2019. 85 let* [Perm Gunpowder Bastion. Perm Gunpowder Plant. 1934–2019. 85 Years]. Perm, Aster Publ., 2019. 408 p.

11. Polikarpov V.V. *Russkaya voyenno-promyshlennaya politika. 1914–1917. Gosudarstvennyye zadachi i chastnyye interesy* [Russian Military-Industrial

Policy. 1914–1917. State Tasks and Private Interests]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2015. 381 p.

12. *Rukovodstvo sluzhby 120-mm minomet obr. 1938 g.* [Service Manual 120-mm Mortar Mod 1938]. Moscow, Voenizdat, 1957. 184 p.

13. *Rukovodstvo sluzhby 82-mm minomety obr. 1937 g., 1941 g. i 1943 g.* [Service Manual 82-mm Mortars Mod 1937, 1941 and 1943]. Moscow, Voenizdat, 1947. 167 p.

14. Postanovleniya i rasporyazheniya Gosudarstvennogo komiteta oborony (GKO) №№ 1749 s – 1789 ss. Rassylochnye materialy [Resolutions and Orders of the State Defense Committee (GKO) Nos. 1749 s – 1789 ss. Mailing Materials]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii (daleye – RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (hereinafter – RGASPI)], f. 644, inv. 1, d. 35. 482 l.

15. Postanovlenie Gosudarstvennogo komiteta oborony (GKO) № 6708 ss. Rassylochnye materialy [Resolution of the State Defense Committee (GKO) No. 6708 ss. Mailing Materials]. *RGASPI* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 644, inv. 1, d. 319. 490 l.

16. Perepiska s Sovnarkomom, narkomatami o proizvodstve porohov, vzryvchatyh veshchestv, o sostojanii tehniki bezopasnosti na zavodah narkomata boepripisov, obespechenii toplivom, elektroenergij i drugimi materialami [Correspondence with the Council of People's Commissars, People's Commissariats on the Production of Gunpowder, Explosives, on the State of Safety at the Factories of the People's Commissariat of Ammunition, Provision of Fuel, Electricity and Other Materials]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics], f. 7516, inv. 1, d. 711. 411 l.

17. Doklady v CK VKP(b) i SNK SSSR o potrebnosti i obespechennosti Krasnoj armii boepripasami, raschetnye vedomosti obosnovanij mobilizacionnoj zavajki po boepripasam na 1941 g. voennyj god, spravki, vedomosti podachi boepripisov

na voennoe vremja, proizvodstvennoj moshhnosti zavodov, proizvodjashhih elementy vystrel'ov, mobilizacionnaja zavajka GAU KA na artillerijskoe, strelkovo-minometnoe vooruzhenie na 1941 g. [Reports to the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Council of People's Commissars of the USSR on the Needs and Provision of the Red Army with Ammunition, Calculation Sheets Justifying the Mobilization Application for Ammunition for the 1941 Military Year, Certificates, Statements of Ammunition Supply for Wartime, Production Capacity of Factories Producing Shell Elements, Mobilization Application of the Main Artillery Directorate of the Red Army for Artillery, Small Arms and Mortar Weapons for 1941]. *Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii (daleye – TsAMO RF)* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 67, inv. 12001, d. 19. 274 l.

18. Doklad Narodnogo komissara boepripisov nachalniku GAU KA general-polkovniku artillerii tov. Jakovlevu po voprosu obespechenija podachi elementov vystrela po evakuirovannym zavodam [Report of the People's Commissar of Ammunition to the Chief of the Main Artillery Directorate of the Red Army, Colonel-General of Artillery Comrade Yakovlev on the Issue of Ensuring the Supply of Shell Elements to Evacuated Factories]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 81, inv. 12104, d. 670. 350 l.

19. Vedomosti rashoda boepripisov dejstvujushhej armii GAU KA [Statements of Ammunition Consumption of the Active Army of the Main Artillery Directorate of the Red Army]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 81, inv. 12079, d. 307. 340 l.

20. Hahn F. *Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945. Bd. 1: Infanteriewaffen, Pionierwaffen, Artilleriewaffen, Pulver, Spreng- und Kampfstoffe*. Bonn, Bernard & Graefe, 1986. 320 S.

Information About the Author

Alexey V. Isaev, Candidate of Science (History), Head of the Laboratory of Military Economy, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, Bld. 3, 119602 Moscow, Russian Federation, alex.v.isaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2983-8184>

Информация об авторе

Алексей Валерьевич Исаев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией военной экономики, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, просп. Вернадского, 82, стр. 3, 119602 г. Москва, Российская Федерация, alex.v.isaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2983-8184>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.3>

UDC 94(47).084.8

LBC 63.3

Submitted: 10.09.2024

Accepted: 04.12.2024

BAKERY INDUSTRY OF BLOCKADED LENINGRAD IN 1941–1942

Mikhail V. Khodjakov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The Great Patriotic War found the party, Soviet, and economic leadership of Leningrad unprepared for a long siege of the city. Under these conditions, it was necessary to take measures to create reserves of raw materials to ensure the operation of bakeries. *Methods and materials.* The publication uses problem-chronological and comparative-historical methods. The article was written using documents of Leningrad bakeries, as well as annual reports of the Leningrad Trust of the Main Directorate of the Bakery Industry and explanatory notes to them, deposited in the funds of the Russian State Archive of Economics (RSAE) and the Central State Archive of St. Petersburg. *Analysis.* By the end of 1941, the situation with bread products became catastrophic, which led to the concentration of meager reserves at the mills of Leningrad and their distribution among bakeries, which were forced to work in extreme conditions of constant artillery shelling and bombing. The heads of the bakeries tried their best to retain the workers and engineering and technical personnel of the industry, since the productivity and quality of the products directly depended on this. At the end of 1942, only 9 enterprises were operating as part of the Leningrad bakery industry trust. *Results.* At the turn of 1941–1942, Leningrad's bakery industry found itself in a critical situation. However, despite the lack of grain and fuel supplies, some of them continued to operate, using numerous additives to flour, trying to provide the population with the products they produced. The working conditions of the bakery industry changed radically only after the blockade was broken in January 1943. *Funding.* The study has been supported by the Russian Science Foundation research grant no. 24-18-00305 “Food supply in besieged Leningrad: organization of production, distribution practices, memory” (<https://rscf.ru/project/24-18-00305/>).

Key words: Leningrad blockade, bakeries, bread production, bakery industry, food supply.

Citation. Khodjakov M.V. Bakery Industry of Blockaded Leningrad in 1941–1942. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 31–41. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.3>

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3

Дата поступления статьи: 10.09.2024

Дата принятия статьи: 04.12.2024

ХЛЕБОПЕКАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА В 1941–1942 ГОДАХ

Михаил Викторович Ходяков

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Великая Отечественная война застала партийное, советское и хозяйственное руководство Ленинграда в состоянии неготовности к длительной осаде города. В этих условиях было необходимо предпринять меры для создания запасов сырья, обеспечивающих работу хлебозаводов. *Методы и материалы.* В публикации используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. Статья написана с использованием документов ленинградских хлебозаводов, а также годовых отчетов Ленинградского треста Главного управления хлебопекарной промышленности и объяснительных записок к ним, отложившихся в фондах Российского государственного архива экономики и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. *Анализ.* К концу 1941 г. ситуация с хлебopодуктами стала катастрофической, что привело к концентрации скудных резервов на мельничных комбинатах Ленинграда

© Ходяков М.В., 2025

и распределению их по хлебозаводам, которые были вынуждены работать в чрезвычайных условиях постоянных артиллерийских обстрелов и бомбежек. Руководители хлебозаводов всеми силами стремились сохранить рабочий и инженерно-технический персонал отрасли, поскольку от этого напрямую зависела производительность и качество выпускавшейся продукции. В конце 1942 г. в составе треста хлебопекарной промышленности Ленинграда работали лишь 9 предприятий. *Результаты.* На рубеже 1941–1942 гг. предприятия хлебопекарной промышленности Ленинграда оказались в критическом положении. Тем не менее, несмотря на отсутствие подвоза зерна и топлива, часть из них продолжала действовать, используя в качестве добавок к муке многочисленные примеси, стремясь обеспечить население производимой продукцией. Условия работы хлебопекарной промышленности коренным образом изменились лишь после прорыва блокады в январе 1943 года. *Финансирование.* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-18-00305 «Продовольственное обеспечение блокадного Ленинграда: организация производства, практики распределения, память» (<https://rscf.ru/project/24-18-00305/>).

Ключевые слова: блокада Ленинграда, хлебозаводы, производство хлеба, хлебопекарная промышленность, продовольственное снабжение.

Цитирование. Ходяков М. В. Хлебопекарная промышленность блокадного Ленинграда в 1941–1942 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 31–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.3>

Введение. 5 февраля 1941 г. руководитель Первого Ленинградского государственного треста хлебопекарной промышленности Н.А. Смирнов провел совещание с директорами и начальниками плановых отделов хлебозаводов «по вопросу о плане на 1941 год». На совещании присутствовали представители 22 предприятий и Центральной лаборатории Ленинградского треста хлебопечения. В ходе заседания отмечалась организационная неразбериха в работе хлебозаводов. Один из директоров прямо заявил: «Вот по кондитерским изделиям мы могли бы план и лучше выполнить, но здесь получается некрасивая картина. В наш район ввозят кондитерские изделия из другого района, в то время, когда я и сам вырабатываю все венские сорта и мог бы прекрасно свой район снабдить горячими булками...» [29]. Спустя несколько месяцев главной проблемой хлебозаводов Ленинграда, занимавшихся производством не только хлебобулочных, но и кондитерских изделий, стал недостаток муки и зерна, экономно расходовать которые пришлось уже в первые недели войны. Таким образом, актуальность исследуемой темы заключается в рассмотрении ключевого вопроса осажденного Ленинграда – проблемы производства хлеба при крайне ограниченных возможностях действовавших предприятий хлебопекарной промышленности.

Методы и материалы. Об отсутствии запасов продовольствия в городе и неудовлетворительном снабжении хлебозаводов сырьем историки писали неоднократно [1; 8; 26],

обращая внимание в том числе на изобретательность ленинградцев в вопросах продовольственного самоснабжения, указывая на повсеместное использование в пищу суррогатов и примесей [6; 31]. Гораздо скромнее в существующих работах представлена конкретная деятельность хлебозаводов. Исследователи и журналисты обращали внимание преимущественно на трудности предприятий в военное время, отмечая сокращение их количества по причине отсутствия сырья и топлива. Не был обойден стороной и богатый опыт хлебопекарной промышленности по части использования новых технологий хлебопечения, накопленный в предвоенный период и в годы блокады [7; 20]. Особое место в ряду опубликованных работ занимают записки П.М. Плотникова, являвшегося в годы войны одним из руководителей Центральной лаборатории Ленинградского треста хлебопечения, существовавшей с 1930 г. и располагавшейся на территории завода имени Бадаева. Обзор Плотникова, автора ряда трудов, посвященных методам ускоренного производства ржаного хлеба и применению жидких полуфабрикатов при изготовлении его пшеничных сортов, был опубликован только в 1980 г. под грифом «для служебного пользования» [19]. В нем нашли отражение характеристики заменителей муки, рецептуры и технологические параметры приготовления теста, а также качественные показатели и весовой выход хлеба, выпеченного с заменителями из пищевого и непищевого сырья. Автором также были приведены ре-

цептуры и описание способов приготовления различных масляных эмульсий, показана эффективность их применения для смазки хлебных форм взамен растительного масла.

Из методов, применяемых в статье, отметим проблемно-хронологический и сравнительно-исторический. Используя их, автор выделяет ряд этапов в развитии хлебопекарной промышленности сначала осажденного, а затем блокированного Ленинграда. Каждый из этапов имел свои особенности: введение карточек на хлебобулочные изделия, сокращение ассортимента с целью увеличения выпускавшейся продукции, прекращение поставок в город хлеба, использование предприятиями для выпечки накопленных запасов муки, а также разнообразных суррогатов и примесей. Сопоставляя особенности этапов работы хлебозаводов, автор определяет причины корректировки производственных заданий в 1942 г. и изменившихся условий деятельности хлебопекарной промышленности после прорыва блокады в 1943 году.

При подготовке настоящей публикации были использованы документы, отложившиеся в фондах архивов и характеризующие работу ленинградских хлебозаводов в годы войны. Так, документы Российского государственного архива экономики (далее – РГАЭ) содержат годовые отчеты Ленинградского треста Главхлеба и объяснительные записки к ним. Среди материалов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб) сохранились сведения о работе 1-го Ленинградского государственного треста хлебопекарной промышленности и годовые отчеты хлебозаводов за военные годы. В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) представлены протоколы партийных собраний и партбюро ленинградских хлебозаводов, где обсуждались вопросы производства, справки и отчеты о работе предприятий хлебопекарной промышленности, воспоминания о блокадных годах руководителей и рабочих хлебозаводов.

Эти и другие материалы [11] позволяют детально охарактеризовать условия работы ленинградских хлебозаводов в 1941–1942 гг., выполнение ими производственной программы, проследить изменения в численности пер-

сонала, оценить состояние производственной базы, выявить особенности организации труда, охарактеризовать финансовое состояние предприятий треста в указанный период.

Сегодня память о работе хлебозаводов в годы блокады сохраняется в фондах архивов, в документах и материалах первого в нашей стране государственного Музея хлеба, открывшегося в Ленинграде в 1988 г., а также в работах сотрудников Санкт-Петербургского филиала Федерального государственного автономного научного учреждения НИИ хлебопекарной промышленности [2, с. 28–35; 10, с. 96–101].

В настоящей статье показана работа хлебозаводов Ленинграда в самый тяжелый период блокады, который пришелся на конец 1941 – первую половину 1942 года.

Анализ. Общеизвестно, что качество хлебобулочных изделий преимущественно зависит от соблюдения технологического процесса, а их вкусовые свойства и внешний вид определяются качеством сырья, из которого изготовлена продукция. Основным сырьем в хлебопечении всегда являлась пшеничная и ржаная мука. В зависимости от качества муки менялся и технологический процесс.

К началу войны ситуация с запасами зерна и муки в Ленинграде была плачевной. Это заставило руководство города предпринять ряд мер для их увеличения. В частности, началось возвращение в Ленинградский порт пароходов с экспортным зерном, находившихся по пути в порты Германии и Финляндии. Одновременно с этим в ленинградских портовых элеваторах концентрировалось зерно из портов Эстонии и Латвии. В результате этих действий в городе было разгружено 13 пароходов, перевозивших около 22 тыс. т зерна и 1,4 т муки. Суда, стоявшие под загрузку у элеваторов, стали разгружать обратно, что несколько увеличило продовольственные запасы Ленинграда. Всего из порта на мельничные комбинаты города было перевезено 58 т зерна [9, с. 210–211].

Одновременно с этим Ленгорисполком направил в Калининскую и Ярославскую области своих уполномоченных, которые должны были контролировать продвижение к городу хлебных поездов. До момента установления блокады в сентябре 1941 г. в Ленинград

было завезено 45 тыс. т зерна и 14 тыс. т муки, что позволило на время обеспечить работой хлебопекарное производство. Неудовлетворительная организация процесса по снабжению города зерном и мукой, приводила к тому, что одновременно с завозом продовольствия шла отправка зерна и муки с баз управления государственных резервов Ленинградской области в Калининскую и Ярославскую области [9, с. 211].

Начавшаяся война не могла не наложить свой отпечаток на работу хлебозаводов Ленинграда. В объяснительной записке Ленинградского треста Главхлеба за 1941 г., подписанной директором Н.А. Смирновым, выделяется несколько периодов деятельности с характерными для каждого из них особенностями. Первый из них, с 22 июня по 18 июля, характеризовался увеличением спроса на хлебобулочные изделия со стороны гражданского населения и наркомата обороны в связи с формированием новых воинских частей. Это привело к сокращению ассортимента вырабатываемых изделий для увеличения общего тоннажа выработки на действующих предприятиях. В это время предприятия работали на полную мощность, что было вызвано также сокращением численности рабочих в связи с проводившимися мобилизациями. Ряд заводов был вынужден не проводить капитальный и планово-предупредительный ремонт оборудования для увеличения выпуска хлеба [14].

С целью подготовки квалифицированных рабочих 16 июля 1941 г. был издан приказ по Главному управлению хлебопекарной промышленности, который предусматривал «срочное обеспечение предприятий кадрами». Это следовало сделать посредством досрочного выпуска всех учащихся школ ФЗУ сентябрьского и октябрьского набора 1940 года. Все выпускники должны были быть направлены «на предприятия для использования по специальности» [23, л. 49]. Планом подготовки новых кадров на второе полугодие 1941 г. предусматривалось увеличение численности Ленинградского треста хлебопекарной промышленности на 1 380 чел. через систему краткосрочных курсов или путем индивидуального обучения. Еще 270 чел. предполагалось подготовить за 3–6 месяцев через школы ФЗУ: 60 помощников мастера по весовым

сортам, 60 тестоводов, 60 подручных рабочих, 60 слесарей и 30 кочегаров [23].

Второй период работы хлебозаводов пришелся на 18 июля – 11 сентября. Он начался с введения в Ленинграде карточек на продовольственные товары и характеризовался не только дальнейшим увеличением выпуска продукции [14], но и притоком гражданского населения из оккупированных районов [30], с одновременным ростом числа призванных в Красную армию. Мобилизацией рабочих в армию активно занимались партийные организации хлебозаводов. Так, на заводе им. Бадаева этому вопросу был посвящен целый ряд партсобраний. На одном из них, проходившем 16 августа 1941 г., выяснялось, по какой причине завод не выполнил поставленные райкомом требования по вербовке рабочих в партизанские отряды. Причина оказалась прозаической: «...лучшие кадры были мобилизованы или ушли добровольцами на фронт» [24].

Введение карточной системы в июле 1941 г. привело к дальнейшему свертыванию ассортимента выпускаемых хлебозаводами изделий и сокращению выработки пшеничного хлеба. Уже 10 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление, которое обязывало хлебопекающие организации города использовать при производстве хлеба в качестве примеси ячменную, овсяную, соевую и солодовую муку. Для экономии ценного сырья директора пивоваренных заводов были обязаны передать Ленинградской конторе «Заготзерно» имеющиеся у них в наличии рожь, ячмень, ячменный и ржаной солод, а управляющий Главснаба наркомата пищевой промышленности (НКПП) передавал запасы сои-бобов. Директорам мельничных комбинатов вменялось в обязанность «размолоть имеющиеся в наличии в “Заготзерно” овес, ячмень, ячменный и ржаной солод и сою-бобы» [11, с. 187]. Тем же постановлением прекращалось производство хлебобулочных и мучных изделий во всех предприятиях общественного питания Ленинграда и сокращался на 50 % выпуск мучных блюд. Сентябрьские фонды на муку для производства сухарей из городских фондов «Заготзерно» аннулировались [11, с. 188].

11 сентября начался наиболее сложный период для работы хлебозаводов, который

продолжался до конца 1941 года. На этом этапе доставка хлебопродуктов в город прекратилась и предприятиям пришлось использовать имеющиеся в Ленинграде резервные запасы муки. Осенью нормы выдачи хлеба сокращались несколько раз. 19 ноября 1941 г. постановлением Военного совета Ленинградского фронта рабочим и инженерно-техническим работникам была установлена минимальная блокадная норма в 250 г, а служащим, иждивенцам и детям – 125 г [22, с. 194].

В этот период вырабатывался преимущественно один сорт хлеба – ржаной. Ограниченное количество хлеба из пшеничной муки предназначалось для госпиталей и больниц. Работа некоторых хлебозаводов, особенно в районах, подвергавшихся артиллерийским обстрелам, была остановлена [14, л. 2 об.].

Среднесуточная норма выработки хлеба в Ленинграде в 1941 г. представлена в таблице 1.

В это же время осенью 1941 г. в Ленинграде шел процесс подготовки специальных мероприятий, санкционированных центральной властью, направленных на вывод из строя многих предприятий. Так, на хлебозаводе Дзержинского района (№ 14), где было занято 400 чел., разрабатывался план подрыва оборудования. Имея производительность 80 т хлеба в сутки, завод в конце сентября выпускал только 50 т. Запасов муки оставалось лишь на 5 дней, а топлива – на 7. Однако, несмотря на разрабатывавшиеся планы разрушения хлебозаводов, отсутствие подготовленных подрывников, а также запасов взрывчатых веществ, не позволило реализовать задуманное. Специалисты по подрывному делу успели лишь дать консультации «как подорвать печи», когда они находятся еще в горячем

состоянии: «Для этой цели в основании каждой печи заблаговременно изготавливаются ниши, в которые закладываются заряды (25 кг на печь)» [12, с. 83]. Планы по подрыву предприятий долгое время не утверждались из-за отсутствия взрывчатых веществ, взрывателей, бикфордова шнура, а также руководителей, ответственных за выполнение этих задач [12, с. 183–186].

В справке о запасах продовольствия, которая была представлена А.А. Жданову 17 октября 1941 г., отмечалось наличие в городе остатков муки, «включая заменители», в количестве 17 105 т. Предполагаемое поступление до 25 октября «муки разной» должно было составить 2 500 т. Таким образом, при суточном расходе муки в количестве 920 т, население, части Красной армии и Балтийского флота могли быть обеспечены хлебом на 21 день, то есть по 6 ноября 1941 г. включительно. И даже при предложенном сокращении норм выдачи хлеба для горожан и военнослужащих, запасов муки в городе оставалось лишь на 26 дней, до 11 ноября [27].

В этот момент остатки муки на многих хлебозаводах составляли не более суточной потребности, предприятия простаивали. Для выпечки повсеместно использовались всевозможные примеси: жмых, отруби, мучная пыль с мельниц, рисовые отруби. Особое значение приобрело использование пищевой целлюлозы. Ее добавки в хлеб составляли 20–25 %, а общее количество примесей в отдельные дни доходило до 40–50 %. Это удлинило снабжение города и армии хлебом по действовавшим к концу года нормам более чем на 1,5 месяца [14]. Производство пищевой целлюлозы

Таблица 1. Среднесуточная норма выработки хлеба в Ленинграде в 1941 году

Table 1. Average daily bread production rate in Leningrad in 1941

Месяц	В тоннах	В % к маю
Май	2 050	100,0
Июнь	2 094	102,1
Июль	2 112	103,0
Август	2 305	112,4
Сентябрь	1 549	75,6
Октябрь	1 092	53,3
Ноябрь	763	37,2
Декабрь	622	30,3

Примечание. Составлено автором по: [14].

было организовано в соответствии с постановлением Военного совета Ленинградского фронта от 19 ноября 1941 года. Директора заводов гидролизного спирта и Степана Разина должны были выпускать «ежедневно пищевую целлюлозу для хлебопечения» сначала в объеме 35 т в сутки, затем 80 т, а с 26 ноября 1941 г. – по 150 т в сутки. Директор городского треста хлебопечения Н.А. Смирнов был обязан «использовать последнюю как примесь для выпечки хлеба» [21].

Пищевые заменители активно применялись не только в хлебопечении, но и в мясной, молочной, кондитерской, консервной промышленности. В декабре 1941 г. при выпечке хлеба использовалось 20 130 т различных примесей: овсяной, ячменной, соевой, кукурузной, рисовой, соевой, солодовой, жмыховой муки (из кокосового, льняного, конопляного, соевого, хлопкового жмыха), отрубей, обойной пыли, мучных смесей, пищевой целлюлозы. Мобилизация внутренних ресурсов позволила повысить припек хлеба до 71 %. Это позволило выпустить дополнительно 2 230 т продукции [28].

Меры по изысканию различных заменителей хлеба наиболее активно осуществлялись в конце 1941 года. Только в результате вскрытия полов на складах пивоваренных заводов было получено 110 т солода. Использовалась мука и зерно с барж, затонувших в Ладожском озере. Размокшее и смерзшееся зерно доставляли в город и просушивали на сушилках пивзаводов. Муку, скомкавшуюся от воды, просушивали, просеивали и использовали в хлебопечении. Также, как и подгоревшую муку с Бадаевских складов, подвергшихся вражеской бомбардировке, которую предварительно размалывали. По данным, которые нельзя считать полными, до конца 1941 г. удалось получить 31 801 т заменителей для производства дополнительных видов хлебопродуктов и увеличения продовольственных ресурсов Ленинграда [9].

По сведениям, представленным в экспозиции Музея хлеба в Санкт-Петербурге, в различные периоды блокады в городе работали 13 хлебозаводов, из них 6 – постоянно. По данным, включенным в отчет Треста хлебопекарной промышленности Ленинграда, в 1941 г. на хлебозаводах города было занято 9 189 чел., в том числе 6 942 рабочих, 227 учеников, 491 ин-

женерно-технический работник (далее – ИТР), 789 служащих и 740 чел. младшего обслуживающего персонала, пожарной и сторожевой охраны. В месяц их заработная плата составляла: рабочих – 351 руб., учеников – 102 руб., ИТР – 642 руб., служащих – 394 руб., младшего обслуживающего персонала – 262 руб. [4].

Выполнение плановых заданий в блокированном неприятелем городе было серьезно осложнено. Даже хлебозавод им. Бадаева, являвшийся флагманом первых пятилеток и обладавший новейшим оборудованием, в 1941 г. выполнил производственное задание только на 99,9 %, произведя 100 764 т хлеба. При этом завод сумел сохранить коллектив рабочих, служащих, а также ИТР в количестве 480 чел. [17]. Количество занятых на заводе им. Микояна, который вырабатывал не только хлебобулочные, но и кондитерские изделия, сократилось к началу 1942 г. на 16,5 %, составив 729 чел. Плановые задания 1941 г. на заводе были выполнены на 90,4 % по хлебобулочным и на 78,2 % по кондитерским изделиям [18].

С осени 1941 г. хлебозаводы Ленинграда все чаще испытывали серьезные трудности в снабжении сырьем, что сказывалось на выполнении производственных планов. Так, руководство Кушелевского хлебозавода отмечало, что впервые за много лет предприятие закончило 1941 г. «невыполнением производственной программы». В третьем квартале, после некоторого увеличения производства хлеба летом, когда программа хлебопечения была выполнена на 106,9 %, последовал спад. В четвертом квартале завод изготовил только 89,9 % хлеба от запланированного [13].

Невыполнение планов отчасти было связано с неравномерным распределением рабочих завода по цехам. Так, планом предусматривалось для сухарного цеха 15 рабочих. Фактически же их оказалось 57 чел. Кроме того, значительно превышал плановые показатели младший обслуживающий персонал, поскольку в связи с военным положением возникла необходимость кроме вахтерской охраны иметь на предприятии еще и пожарно-сторожевую службу, численность которой выросла более чем в два раза. Количество же рабочих постоянно снижалось. Если на 1 января 1941 г. на заводе по списку

числилось 774 чел., то к началу 1942 г. осталось лишь 563 чел. [13].

Аналогично обстояло дело с производственной программой хлебозавода Петроградского района. Там с октября 1941 г. отмечалось резкое снижение плановых показателей. Работа хлебозавода Фрунзенского района в предвоенный период характеризовалась расширенным производством хлебобулочных и кондитерских изделий. Летом 1941 г. ситуация изменилась кардинальным образом. С ноября предприятие перешло на выпечку только двух массовых сортов хлеба – 95 % ржаного хлеба и 96 % пшеничного. Кондитерские изделия уже не выпускались. План завода по производству хлебобулочных изделий в 1941 г. был выполнен на 80 %. В IV квартале предприятие простаивало 74 дня по причине отсутствия муки и электроэнергии [16]. На заводе «Красный пекарь» планы III и IV кварталов также оказались выполнены лишь частично, составив 56 % от показателей первого полугодия [17].

Всего в 1941 г. предприятия хлебопекарной промышленности Ленинграда произвели 618 784 т продукции, включая 19 399 т венских изделий и 4 449 т макарон. Учитывая выпуск полуфабрикатов, хлебозаводы выдали 639 211 т продукции [5].

Условия блокады заставили серьезно скорректировать производственные планы на

1942 год. Было запланировано произвести 242 993 т хлебобулочных изделий, 580 т бисквита и печенья, а также 5 779 т макаронных изделий. Плановые показатели оказались выполнены с некоторым превышением. Хлебозаводы выпустили 265 679 т хлебобулочных изделий, 614 т печенья, бисквита и прочих мучных изделий, относившихся к категории кондитерских, и 6 255 т макарон. Всего действующими хлебозаводами было выпечено 272 548 т продукции, что составило около 43 % от показателей 1941 г. [3].

Как отмечалось, количество хлебозаводов в городе на протяжении 1941–1942 г. менялось. Оккупация ряда территорий, вплотную примыкавших к городу, налеты вражеской авиации, артиллерийские обстрелы, отсутствие топлива и сырья, приводили к приостановке, либо к полной остановке производств. Так, хлебозавод в Пушкине прекратил работу по причине оставления города частями РККА. Директор завода в сентябре 1941 г. прибыл в Ленинград «захватив лишь кассовую наличность» [14].

В 1942 г. лишь несколько хлебозаводов города приносили прибыль, большая часть в силу различных обстоятельств была убыточной (табл. 2). Среднесуточный выпуск хлеба в Ленинграде в этот период составлял 746,7 т [15].

Таблица 2. Финансовые результаты работы хлебозаводов Ленинграда в 1942 г., руб.

Table 2. Financial results of the work of bread factories in Leningrad in 1942, rubbles

Наименование предприятия	Прибыль	Убыток
Хлебозавод им. Юргенсона	–	1 389 878,96
Хлебозавод Петроградского района	–	388 404,17
Хлебозавод «Красный Пекарь»	–	1 255 033,69
Хлебозавод Свердловского района	–	639 897,73
Хлебозавод «Красная Заря»	–	125 461,51
Хлебозавод им. Бадаева	–	1 457 732,63
Хлебозавод им. Горького	–	418 673,24
Хлебозавод «Красноармеец»	–	152 990,59
Хлебозавод «Охтенский»	–	993 213,50
Хлебозавод «Кушелевский»	2 817 313,05	–
Хлебозавод Приморского района	2 314 243,55	–
Хлебозавод им. Микояна	1 889 112,12	–
Хлебозавод Дзержинского района	–	623 551,48
Хлебозавод «Балтика»	–	240 941,86
Хлебозавод Фрунзенского района	–	1 697 214,33
Пекарня № 34	–	15 904,35
Хлебозавод «Колпинский»	43 562,23	–
Хлебозавод «Ораниенбаумский»	–	249 105,06

Примечание. Составлено по: [25].

Результаты. Зима 1941–1942 г. стала катастрофой для жителей Ленинграда, промышленных предприятий, городского хозяйства в целом. Колоссальная смертность населения от голода, превышавшая в январе – феврале 1942 г. 100 тыс. чел. ежемесячно, заставила партийное и советское руководство при первой возможности начать создавать запасы продовольствия. На 1 января 1943 г. в составе треста хлебопекарной промышленности работала группа из 9 предприятий, куда входили: завод «Красный пекарь» (имевший цех по производству печенья), хлебозаводы Свердловского, Приморского и Дзержинского районов, им. Бадаева и им. Микояна, Охтенский, Колпинский и Ораниенбаумский. Прорыв блокады в январе 1943 г. коренным образом изменил условия работы хлебопекарной промышленности. Значительно улучшилось снабжение мукой и топливом. На всех предприятиях на рубеже 1942–1943 гг. были созданы дизельные электростанции, организовано резервное водоснабжение, что способствовало устойчивости их работы. Однако вследствие территориальной близости к прифронтовой полосе ряд хлебозаводов были вынуждены работать в чрезвычайных условиях систематических артиллерийских обстрелов. Тем не менее к январю 1943 г. потенциал производственной базы Ленинградского треста хлебопекарной промышленности состоял из 18 хлебозаводов, 16 механизированных и 20 кустарных пекарен [15]. Структурные изменения в составе треста происходили уже весной 1943 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдовский К. А. Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 70–82. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.104
2. Бурыкина М. С. Хлеб блокадного Ленинграда: правда и мифы. Документальные свидетельства ученых-разработчиков // Дневные звезды. СПб.: ГММОБЛ, 2024. 156 с.
3. Валовая продукция по заводскому методу в неизменных ценах // Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 8565. Оп. 1. Д. 386. Л. 18 об.
4. Выполнение плана по труду за 1942 год по хлебозаводам // РГАЭ. Ф. 8565. Оп. 1. Д. 386. Л. 20.
5. Выработка готовых изделий по группам и в развернутом ассортименте // РГАЭ. Ф. 8565. Оп. 1. Д. 357. Л. 80 – 83 об.
6. Гаврилова О. А. «Пиво же им выдается потому, что в известной степени является продуктом питания»: о производстве пива в блокадном Ленинграде // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3 (15). С. 60–81.
7. Гатилин Н. Ф. Временные хлебопекарни военного периода: (Руководство по проектированию и строительству). М.; Л.: Пищепромиздат, 1942. 80 с.
8. Зотова А. В. Экономика блокады. СПб.: Остров, 2016. 320 с.
9. Из информационной записки о работе городской конторы Всесоюзного объединения «Центрозаготзерно» за второе полугодие 1941 г. // Ленинград в осаде: сб. док. о героич. обороне Ленинграда в годы Великой Отечеств. войны, 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб.: Лики России, 1995. С. 209–219.
10. Лапковская В. И. «С огнем и кровью пополам»: экскурсии по теме блокады в Санкт-Петербургском музее хлеба // Дневные звезды. СПб.: ГММОБЛ, 2024. 156 с.
11. Ленинград в осаде: сб. док. о героич. обороне Ленинграда в годы Великой Отечеств. войны, 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб.: Лики России, 1995. 640 с.
12. О подготовке к выполнению специальных мероприятий на хлебозаводе № 14 (Дзержинского района) // План «Д». План специальных мероприятий, проводимых во время Великой Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда. Т. 1. 1941 год / сост. С. К. Бернев, Н. А. Ломагин. СПб.: Европ. Дом, 2005. 188 с.
13. Объяснительная записка за 1941 год по Кушелевскому хлебозаводу // Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 2225. Оп. 99. Д. 129. Л. 42.
14. Объяснительная записка к годовому отчету Ленинградского треста хлебопекарной промышленности НКПП СССР за 1941 г. // РГАЭ. Ф. 8565. Оп. 1. Д. 358. Л. 2.
15. Объяснительная записка к отчету Ленинградского государственного треста хлебопекарной промышленности НКПП СССР за 1943 г. // РГАЭ. Ф. 8565. Оп. 1. Д. 423. Л. 2–3.
16. Объяснительная записка к отчету о хозяйственной деятельности хлебозавода Фрунзенского района за 1941 год // ЦГА СПб. Ф. 2225. Оп. 99. Д. 129. Л. 160–161.
17. Объяснительная записка к отчету о хозяйственно-производственной деятельности хлебозавода «Красный пекарь» // ЦГА СПб. Ф. 2225. Оп. 99. Д. 129. Л. 122.

18. Основные показатели хозяйственной деятельности за 1941 год // ЦГА СПб. Ф. 2225. Оп. 99. Д. 129. Л. 152.

19. Плотников П. М. Опыт работы хлебопекарной промышленности Ленинграда в период Великой Отечественной войны. М.: [б. и.], 1980. 36 с.

20. Плотников П. М., Колесников М. Ф. 350 сортов хлебобулочных изделий. М.; Л.: Пищепромиздат, 1940. 312 с.

21. Постановление Военного совета Ленинградского фронта о доставке продовольствия в Ленинград через Ладожское озеро и о производстве пищевой целлюлозы // Ленинград в осаде: сб. док. о героич. обороне Ленинграда в годы Великой Отечеств. войны, 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб.: Лики России, 1995. С. 195–196.

22. Постановление Военного совета Ленинградского фронта о снижении норм хлеба // Ленинград в осаде: сб. док. о героич. обороне Ленинграда в годы Великой Отечеств. войны, 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб.: Лики России, 1995. С. 194–195.

23. Приказ по Главному управлению хлебопекарной промышленности НКПП СССР // РГАЭ. Ф. 8665. Оп. 1. Д. 35. Л. 49.

24. Протокол общего собрания членов и кандидатов ВКП(б) завода имени тов. Бадаева. 16 августа 1941 г. // Центральный Государственный Архив Историко-политических Документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-891. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

25. Результат за 1942 г. 1-й Ленинградский государственный трест хлебопекарной промышленности // РГАЭ. Ф. 8565. Оп. 1. Д. 386. Л. 126.

26. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб.: Изд-во С.-Петербург ун-та, 2013. 696 с.

27. Справка П. Г. Лазутина и И. А. Андреевко А. А. Жданову о запасах продовольствия на 16 октября // Ленинград в осаде / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб.: Лики России, 1995. С. 192–193.

28. Справка Я. Ф. Капустина А. А. Жданову о работе пищевой промышленности // Ленинград в осаде: сб. док. о героич. обороне Ленинграда в годы Великой Отечеств. войны, 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб.: Лики России, 1995. С. 199–200.

29. Стенографическая запись совещания у директора 1-го Ленинградского государственного треста хлебопекарной промышленности // ЦГА СПб. Ф. 2225. Оп. 116. Д. 129. Л. 85.

30. Ходяков М. В. Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 455–468. DOI: 10.15826/qr.2022.2.681

31. Ходяков М. В. Ленглавресторан и система общественного питания в годы блокады. 1941–1944 гг. // Новейшая история России. 2024. Т. 14, №4. С. 981–997.

REFERENCES

1. Boldovskij K.A. Leningrad v dekabre 1941 goda [Leningrad in December, 1941]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2019, vol. 9, no. 1, pp. 70–82. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.104>

2. Burykina M.S. Khleb blokadnogo Leningrada: pravda i mify. Dokumentalnye svidetelstva uchenykh-razrabotchikov [Bread of Blockaded Leningrad: Truth and Myths. Documentary Evidence of Scientists-Developers]. *Dnevnye zvezdy* [Daytime Stars]. Saint Petersburg, GMMOBL, 2024. 156 p.

3. Valovaya produkciya po zavodskomu metodu v neizmennyykh cenah [Gross Output by the Factory Method at Constant Prices]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (daleye – RGAE)* [Russian State Archive of Economics], f. 8565, inv. 1, d. 386, l. 18 r.

4. *Vypolnenie plana po trudu za 1942 god po hlebozavodam* [Fulfilment of the 1942 Labour Plan for Bakeries]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 8565, inv. 1, d. 386, l. 20.

5. Vyrabotka gotovykh izdelij po gruppam i v razvernutom assortimente [Production of Finished Goods by Groups and in the Expanded Assortment]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 8565, inv. 1, d. 357, l. 80–83 r.

6. Gavrilova O.A. «Pivo zhe im vydaetsya potomu, chto v izvestnoj stepeni yavlyaetsya produktom pitaniya»: o proizvodstve piva v blokadnom Leningrade [“Beer Is Given to them Because, to a Certain Extent, It Is a Food Product”: On Beer Production in Besieged Leningrad]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2017, no. 3 (15), pp. 60–81.

7. Gatilin N.F. *Vremennyye hlebopekarni voennogo perioda: (Rukovodstvo po proektirovaniyu i stroitelstvu)* [Temporary Bakeries of the War Period: (Guide to Design and Construction)]. Moscow, Leningrad, Pishchepromizdat Publ., 1942. 80 p.

8. Zotova A.V. *Ekonomika blokady* [Economic Blockade]. Saint Petersburg, Ostrov Publ., 2016. 320 p.

9. Iz informacionnoj zapiski o rabote gorodskoj kontory Vsesoyuznogo obyedineniya «Centrozagotzerno» za vtoroe polugodie 1941 g. [From an Information Note on the Work of the City Office of the All-Union Association “Tsentrozagotzerno” for the Second Half of 1941]. Dzeniskevich A.R., ed. *Leningrad v osade: sb. dok. o geroich. oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestv. vojny, 1941–1944* [Leningrad Under Siege. Collection of Documents on the Heroic Defense of Leningrad During the Great Patriotic War. 1941–1944]. Saint Petersburg, Liki Rossii Publ., 1995, pp. 212–215.

10. Lapkovskaya V.I. «S ognem i krovyyu popolam»: ekskursii po teme blokady v Sankt-

Peterburgskom muzee hleba [“With Fire and Blood in Half”: Excursions on the Topic of the Blockade in the Saint Petersburg Museum of Bread]. *Dnevnye zvezdy* [Daytime Stars]. Saint Petersburg, GMMOBL Publ., 2024. 156 p.

11. Dzeniskevich A.R., ed. *Leningrad v osade: sb. dok. o geroich. oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestv. vojny, 1941–1944* [Leningrad Under Siege. Collection of Documents on the Heroic Defense of Leningrad During the Great Patriotic War. 1941–1944]. Saint Petersburg, Liki Rossii Publ., 1995. 640 p.

12. O podgotovke k vipolneniyu spetsialnikh meropriyatii na khlebozavode № 14 (Dzerzhinskogo raiona) [On Preparation for the Implementation of Special Events at Bakery No. 14 (Dzerzhinsky District)]. Bernev S.K., Lomagin N.A., ed. *Plan «D». Plan spetsialnikh meropriyatii, provodimikh vo vremya Velikoi Otechestvennoi voini po obshchegorodskim obektam gor. Leningrada. T. 1. 1941 god* [Plan “D”. Plan of Special Events Carried out During the Great Patriotic War at Citywide Facilities in Leningrad. Vol. 1. 1941]. Saint Petersburg, Yevrop. Dom Publ., 2005. 188 p.

13. Obyasnitelnaya zapiska za 1941 god po Kushelevskomu khlebozavodu [Explanatory Note for 1941 on the Kushelev Bakery]. *Tsentralnyy Gosudarstvennyy Arkhiv Sankt-Peterburga (daleye – TsGA SPb)* [Central State Archives of St. Petersburg], f. 2225, inv. 99, d. 129, l. 42.

14. Obyasnitelnaya zapiska k godovomu otchetu Leningradskogo tresta khlebopekarnoi promishlennosti NKPP SSSR za 1941 g. [Explanatory Note to the Annual Report of the Leningrad Trust of the Bakery Industry of the USSR People’s Commissariat of Industry and Commerce for 1941]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 8565, inv. 1, d. 358, l. 2.

15. Obyasnitelnaya zapiska k otchetu Leningradskogo gosudarstvennogo tresta khlebopekarnoi promishlennosti NKPP SSSR za 1943 g. [Explanatory Note to the Report of the Leningrad State Trust of the Bakery Industry of the USSR People’s Commissariat of Industrial Production for 1943]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 8565, inv. 1, d. 423, l. 2-3.

16. Obyasnitelnaya zapiska k otchetu o khozyaistvennoi deyatel’nosti khlebozavoda Frunzenskogo raiona za 1941 god [Explanatory Note to the Report on the Economic Activities of the Frunzensky District Bakery for 1941]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archives of St. Petersburg], f. 2225, inv. 99, d. 129, l. 160-161.

17. Obyasnitelnaya zapiska k otchetu o khozyaistvenno-proizvodstvennoi deyatel’nosti khlebozavoda «Krasnyi pekar» [Explanatory Note to the Report on the Economic and Production Activities of the Krasny Pekar Bakery]. *TsGA SPb* [Central

State Archives of St. Petersburg], f. 2225, inv. 99, d. 129, l. 122.

18. Osnovnie pokazateli khozyaistvennoi deyatel’nosti za 1941 god [Key Indicators of Economic Activity for 1941]. *TsGA SPb* [Central State Archives of St. Petersburg], f. 2225, inv. 99, d. 129, l. 152.

19. Plotnikov P.M. *Opit raboti khlebopekarnoi promishlennosti Leningrada v period Velikoi Otechestvennoi voyny* [Experience of the Baking Industry of Leningrad During the Great Patriotic War]. Moscow, s.n., 1980. 36 p.

20. Plotnikov P.M., Kolesnikov M.F. *350 sortov khlebobulochnikh izdelii* [350 Varieties of Bakery Products]. Moscow, Leningrad, Pishchepromizdat Publ., 1940. 312 p.

21. Postanovlenie Voennogo soveta Leningradskogo fronta o dostavke prodovol’stviya v Leningrad cherez Ladozhskoe ozero i o proizvodstve pishchevoi tsellyulozi [Resolution of the Military Council of the Leningrad Front on the Delivery of Food to Leningrad via Lake Ladoga and on the Production of Food Cellulose]. Dzeniskevich A.R., ed. *Leningrad v osade: sb. dok. o geroich. oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestv. vojny, 1941–1944* [Leningrad Under Siege. Collection of Documents on the Heroic Defense of Leningrad During the Great Patriotic War. 1941–1944]. Saint Petersburg, Liki Rossii Publ., 1995, pp. 195-196.

22. Postanovlenie Voennogo soveta Leningradskogo fronta o snizhenii norm khleba [Resolution of the Military Council of the Leningrad Front on the Reduction of Bread Rations]. Dzeniskevich A.R., ed. *Leningrad v osade: sb. dok. o geroich. oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestv. vojny, 1941–1944* [Leningrad Under Siege. Collection of Documents on the Heroic Defense of Leningrad During the Great Patriotic War. 1941–1944]. Saint Petersburg, Liki Rossii Publ., 1995, pp. 194-195.

23. Prikaz po Glavnomu upravleniyu khlebopekarnoi promishlennosti NKPP SSSR [Order of the Main Directorate of the Bakery Industry of the USSR People’s Commissariat of Industrial Production]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 8565, inv. 1, d. 35, l. 49.

24. Protokol obshchego sobraniya chlenov i kandidatov VKP(b) zavoda imeni tov. Badaeva. 16 avgusta 1941 g. [Minutes of the General Meeting of Members and Candidates of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of the Comrade Badaev Plant. August 16, 1941]. *Tsentralnyy Gosudarstvennyy Arkhiv Istoriko-politicheskikh Dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-891, inv. 1, d. 1, l. 3.

25. Rezultat za 1942 g. 1-i Leningradskii gosudarstvennii trest khlebopekarnoi promishlennosti [Result for 1942. 1st Leningrad State Trust of the Bakery

Industry]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 8565, inv. 1, d. 386, l. 126.

26. Sobolev G.L. *Leningrad v borbe za vizhivanie v blokade. Kniga pervaya, iyun 1941 – mai 1942* [Leningrad in the Struggle for Survival during the Blockade. Book One June, 1941 – May 1942]. Saint Petersburg, Izd-vo S-Peter. un-ta, 2013. 696 p.

27. Spravka P.G. Lazutina i I.A. Andreenko A.A. Zhdanovu o zapasakh prodovolstviya na 16 oktyabrya [Information from P.G. Lazutin and I.A. Andreenko to A.A. Zhdanov on Food Supplies as of October 16]. Dzeniskevich A.R., ed. *Leningrad v osade: sb. dok. o geroich. oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestv. vojny, 1941–1944* [Leningrad Under Siege. Collection of Documents on the Heroic Defense of Leningrad During the Great Patriotic War. 1941–1944]. Saint Petersburg, Liki Rossii Publ., 1995, pp. 192–193.

28. Spravka Ya.F. Kapustina A.A. Zhdanovu o rabote pishchevoi promishlennosti [Information from Ya. F. Kapustin to A.A. Zhdanov About the Work of the Food Industry]. Dzeniskevich A.R., ed. *Leningrad v osade: sb. dok. o geroich. oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestv. vojny, 1941–1944* [Leningrad

Under Siege. Collection of Documents on the Heroic Defense of Leningrad During the Great Patriotic War. 1941–1944]. Saint Petersburg, Liki Rossii Publ., 1995, pp. 199–200.

29. Stenograficheskaya zapis soveshchaniya u direktora 1-go Leningradskogo gosudarstvennogo tresta khlebopekarnoi promishlennosti [Stenographic Record of the Meeting with the Director of the 1st Leningrad State Trust of the Bakery Industry]. *TsGA SPb* [Central State Archives of St. Petersburg], f. 2225, inv. 116, d. 129, l. 85.

30. Khodyakov M.V. Bezhentsi v Leningrade i zhilishchnaya politika gorodskikh vlastei na nachalnom etape voyni i blokadi [Refugees in Leningrad and the Housing Policy of the City Authorities at the Initial Stage of the War and Blockade]. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, no. 2, pp. 455–468. DOI: 10.15826/qr.2022.2.681

31. Khodyakov M.V. Lenglavrestoran i sistema obshchestvennogo pitaniya v godi blokadi. 1941–1944 gg. [Lenglavrestaurant and the Public Catering System During the Blockade. 1941–1944]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2024, vol. 14, no. 4, pp. 981–997.

Information About the Author

Mikhail V. Khodjakov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Modern History of Russia, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7–9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, m.khodyakov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8469-2590>

Информация об авторе

Михаил Викторович Ходяков, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, m.khodyakov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8469-2590>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.4>

UDC 94(470.45)«1941/1944»:636.03

LBC 63.3(2Рос-4Вор)622-2

Submitted: 02.09.2024

Accepted: 29.12.2024

EVACUATION OF LIVESTOCK IN THE STALINGRAD REGION IN 1941–1944

Sergey G. Sidorov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The unsuccessful beginning of the Great Patriotic War required the evacuation of enterprises, collective farms, MTS, state farms, population, and livestock from the western regions of the country. *Methods and materials.* Historical facts are investigated on the basis of the principles of historicism and objectivity. The article uses problem-chronological and comparative-historical methods. The article is based on the documents of the joint meetings of the bureau of the Stalingrad regional committee of the All-Union Communist Party of the All-Union Communist Party of the All-Union regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the executive committee of the regional Council of Workers' Deputies, the livestock department of the regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, and other materials. *Analysis.* The evacuation of livestock in the Stalingrad region took place in two stages. At the first stage in 1941, livestock from the western parts of the country was driven through the territory of the region, some of which was placed in all rural areas of the region. At the same stage in November 1941, under the conditions of a difficult situation at the front and approaching winter, the oblast leadership decided to move public livestock (except for working livestock) from the right bank of the Don River to winter in Western Kazakhstan. The second stage of evacuation took place in the summer of 1942 during the Stalingrad region battle, when livestock from the neighboring regions, as well as from the western districts of the region, which were threatened by occupation, and frontline districts began to arrive to the territory of the region again. Re-evacuation of the public herd began after the victorious conclusion of the Battle of the Volga and took place as the occupied territory was liberated from the spring of 1943 to mid-1944. *Results.* Evacuation deprived the enemy of millions of heads of the public herd and made it possible to increase the supply of livestock products to the state. At the same time, the farms of the Stalingrad region, which received the evacuated livestock, due to the lack of fodder and livestock facilities, could not create proper conditions for them. This would eventually lead to exhaustion, increased morbidity, and high animal mortality in all districts of the Stalingrad region. By the beginning of 1944, in comparison with 1941, the number of horses decreased 2.5 times, cattle 1.7 times, sheep and goats 2.4 times, and pigs 5.8 times.

Key words: Stalingrad region, Great Patriotic War, Stalingrad regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, evacuation, placement and return of livestock.

Citation. Sidorov S.G. Evacuation of Livestock in the Stalingrad Region in 1941–1944. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 42–58. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.4>

УДК 94(470.45)«1941/1944»:636.03

ББК 63.3(2Рос-4Вор)622-2

Дата поступления статьи: 02.09.2024

Дата принятия статьи: 29.12.2024

ЭВАКУАЦИЯ СКОТА В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1944 ГОДАХ

Сергей Григорьевич Сидоров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Неудачное начало Великой Отечественной войны потребовало проведения эвакуации из западных районов страны предприятий, колхозов, МТС, совхозов, населения и скота. *Методы и материалы.* Исторические факты исследуются на основе принципов историзма и объективности. В статье используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. В основу статьи положены вводимые в научный оборот документы совместных заседаний бюро Сталинградского обкома партии и исполкома

областного Совета депутатов трудящихся, отдела животноводства обкома ВКП(б) и другие материалы. *Анализ.* Эвакуация скота в Сталинградской области проходила в два этапа. На первом этапе в 1941 г. через территорию области прогоняли скот из западных районов страны, часть которого разместили во всех сельских районах области. На этом же этапе в ноябре 1941 г. в условиях тяжелого положения на фронте и приближения зимы руководство области приняло решение о перемещении общественного скота (кроме рабочего) районов правого берега реки Дон на зимовку в Западный Казахстан. Второй этап эвакуации проходил летом 1942 г. в ходе Сталинградской битвы, когда на территорию области вновь стал поступать скот из близлежащих регионов, а также из западных районов области, которым угрожала оккупация, и прифронтовых районов. Резэвакуация общественного стада развернулась после победоносного завершения битвы на Волге и проходила по мере освобождения оккупированной территории с весны 1943 г. до середины 1944 года. *Результаты.* Эвакуация лишила врага миллионов голов общественного стада и позволила за счет этого увеличить поставки животноводческой продукции государству. В то же время хозяйства Сталинградской области, принявшие эвакуированный скот, из-за недостатка кормовой базы и животноводческих помещений не могли создать для него надлежащие условия. Это в конечном итоге привело к истощению, росту заболеваемости и высокому падежу животных во всех районах Сталинградской области. К началу 1944 г. в сравнении с 1941 г. численность лошадей уменьшилась в 2,5 раза, КРС – в 1,7 раза, овец и коз – в 2,4 раза, свиней – в 5,8 раза.

Ключевые слова: Сталинградская область, Великая Отечественная война, Сталинградский обком ВКП(б), эвакуация, размещение и возвращение скота.

Цитирование. Сидоров С. Г. Эвакуация скота в Сталинградской области в 1941–1944 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 42–58. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.4>

Введение. Нападение гитлеровской Германии на СССР потребовало не только организации вооруженного отпора врагу и мобилизации всех материальных и людских ресурсов, но и проведения эвакуации из западных районов страны предприятий, колхозов, МТС, совхозов, населения и скота.

Организацию всей этой работы возглавил созданный 24 июля 1941 г. Совет по эвакуации при СНК СССР. Руководство перемещением материальных ресурсов сельского хозяйства осуществляли наркоматы земледелия и совхозов СССР, которые разрабатывали планы эвакуации и инструкции о порядке вывоза сельскохозяйственной техники, перегона скота и его размещения на новых местах. Оперативное руководство эвакуацией на местах осуществляли крайкомы, обкомы и райкомы партии [6, с. 148–149].

Методы и материалы. Исторические факты исследуются на основе принципов историзма и объективности. В статье используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, позволяющие проследить организацию, ход и результаты эвакуации и резэвакуации скота на территории Сталинградской области в 1941–1944 годах.

Ранее отдельные вопросы исследуемой в статье проблемы затрагивались в обобщающем труде по истории советского крестьянства [6],

монографиях Ю.В. Арутюняна, М.А. Вылцана по истории советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны [1; 5], а также В.А. Бондарева, Д.П. Ванчинова по отдельным регионам страны в военные годы [2; 3]. Исследований, в которых бы подробно рассматривалась работа руководства Сталинградской области по организации перемещения и размещения общественного скота других регионов страны по территории области, а также эвакуации скота районов области, которым угрожала оккупация, нет. Не показано влияние эвакуации на развитие животноводства области.

В основу статьи положены источники, ранее не анализируемые исследователями. Среди них протоколы совместных заседаний бюро обкома партии и исполкома областного Совета депутатов трудящихся, справки, сводки, пояснительные записки отдела животноводства обкома ВКП(б), другие материалы, находящиеся в фонде 113 Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО), фонде Р-354 Государственного архива Волгоградской области (ГАВО), а также постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), опубликованные в сборниках документов.

Анализ. Впервые вопрос о размещении эвакуированного скота на зимовку стал предметом обсуждения на совместном заседании бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и ис-

полкома облсовета депутатов трудящихся 18 августа 1941 года. По докладу заместителя заведующего областного земельного отдела (далее – облЗО) П.М. Глабая было принято постановление, в котором содержались мероприятия по размещению скота по колхозам и хозяйствам государственных и кооперативных учреждений и организаций (за исключением совхозов) в количестве 210 тыс. лошадей, 289 тыс. голов крупного рогатого скота (далее – КРС), 185 тыс. овец. В приложении к постановлению содержался план размещения эвакуируемых животных во всех 58 районах области и 7 районах Астраханского округа.

Для организации и руководства перегоном и размещением скота по районам области была создана комиссия в составе заместителя председателя исполкома облсовета Г.И. Полякова (председатель), заведующего облЗО Н.В. Зайцева (зам. председателя), секретаря обкома ВКП(б) В.Т. Прохвятилова, заведующего сельскохозяйственным отделом обкома ВКП(б) Дьячкова и заместителя заведующего облЗО П.М. Глабая.

Постановление предусматривало устройство пунктов переправы животных через Волгу в районе Камышина, Антиповки, Горного Балыкла, Горной Пролейки, Дубовки, Каменного Яра и Никольского. В целях предупреждения распространения по области ящура, скот, поступающий из Воронежской области, размещался в ближайших к ней районах: Добринском, Хоперском, Нехаевском, Урюпинском, Новониколаевском и Бударинском. ОблЗО обязывался с получением вакцины провести обработку всего скота в указанных районах.

В каждом пункте по приемке животных от соседней области или района, предписывалось создать специальные приемочные (смотровые) комиссии в составе представителя исполкома райсовета, ветеринарного работника и зоотехника.

Для обеспечения эвакуируемого скота в период зимовки хозяйства районов обязывались дополнительно заготовить 10 347,6 тыс. ц грубых кормов, приступить к строительству временных и расширению животноводческих построек, отремонтировать колодцы, обустроить водопой.

Приемка животных должна была осуществляться по актам с предварительным осмотром ветеринарно-зоотехническими комиссия-

ми. Поступавший скот предписывалось обработать и поставить на 30 дней на карантин [16].

Первые дни перегона животных по территории области выявили целый ряд недостатков. Руководство Новоаннинского, Калининского, Михайловского и Раковского районов не уделили этому вопросу должного внимания. Пути перегона по районам не были установлены, скот перегонялся по грейдерным дорогам, мимо крупных населенных пунктов, без учета обеспеченности его выпасами, водой и соответствующей передержкой для отдыха. Комиссии для приемки и сдачи животных не были созданы, постоянные гонщики для перегона были выделены не везде. Гонщикам не создали нормальные условия. В Раковском, Калининском, Михайловском, Новоаннинском районах скот перегонялся со скоростью 50–60 км в сутки, что приводило к его истощению и гибели. В Калининском и Новоаннинском районах потеряли около 200 лошадей. Все эти факты были изложены на заседании бюро обкома ВКП(б) в конце августа. В принятом постановлении секретари райкома (РК) ВКП(б) и председатели исполкомов райсоветов, заведующие районными земельными отделами (далее – райЗО) предупреждались о персональной ответственности за перегон скота. Областному прокурору С.В. Бекедову поручалось расследовать факты обмена скота, гибели животных и виновных привлечь к ответственности.

Секретари РК ВКП(б) и председатели исполкомов райсоветов, заведующие райЗО обязывались:

- установить в каждом районе по несколько маршрутов перегона скота с учетом обеспеченности выпасами, водопоями и ветеринарно-санитарным состоянием хозяйства с установлением места отдыха;
- запретить прогон гуртов по грейдерным дорогам и через крупные населенные пункты;
- установить максимальную скорость продвижения в сутки для лошадей – 25 км, КРС – 18 км, овец – 15 км;
- всех ослабленных животных отбивать из гуртов и передавать на зимнюю передержку в колхозы своего района;
- выделить требуемое количество постоянных гонщиков на все время перегона и создать им нормальные условия, обеспечив питанием и транспортом;

– установить строгий учет поступления и передачи скота из района в район;

– на пунктах приема животных из соседней области оборудовать базы и навесы для временной передержки скота [19].

8 сентября 1941 г. руководство Сталинградской области приняло постановление «О размещении в совхозах НКСХ области эвакуированного скота, дополнительной заготовке кормов и строительстве временнок». Утвержденный план предусматривал размещение в 20 совхозах Зернотреста, 20 совхозах Молмясotrеста и 5 совхозах Овцетреста 31 130 голов КРС и 28 500 голов овец, для которых нужно было дополнительно заготовить 65 850 т грубых и 20 700 т сочных кормов, построить 27 100 мест для КРС и 68 230 – для овец [13].

В принятых руководством области решениях были учтены все важнейшие вопросы по приемке и обеспечению эвакуируемого скота. Однако на практике в условиях резкого сокращения численности трудоспособного мужского населения сельских районов выполнить поставленные задачи не всегда удавалось. Например, в Быковском районе план накопления грубых кормов на 20 сентября выполнили только на 43,8 %, сенокошение прекратили еще 20 августа. На 25 сентября из 27,3 тыс. га хлебов, скошенных комбайнами, заскирдовали только 6,3 тыс. га. Не лучше обстояли дела и с подготовкой помещений, в которых могли укрыться вместе с эвакуированными только 43 % лошадей, 65 % КРС и 68 % овец.

Особенно плохое положение с кормами сложилось в Сиротинском, Чернышковском, Новоаннинском и Эльтонском районах. Бюро обкома ВКП(б) потребовало от секретарей РК ВКП(б) и председателей исполкомов райсоветов принять срочные меры для обеспечения скота кормами на зиму [17].

5 ноября руководство области вновь на своем заседании рассмотрело вопрос о ходе перегона эвакуированного скота и обратило внимание на то, что ряд секретарей райкомов ВКП(б) и председателей исполкомов так и «не поняли, что работа по перегону эвакуированного скота является оборонительной, в результате чего перегон скота по районам области проходит плохо». В Новониколаевском, Раковском, Михайловском районах скот гонщиками не обеспечивался, допускался большой

падеж животных. Так, в Новониколаевском районе за время с 13 по 20 октября пало более 250 голов. В Подтелковском районе допускалась систематическая задержка в приемке животных. Руководство этого района предупреждалось, что если не примет меры к бесперебойной приемке и перегону эвакуированного скота, то будет привлечено к ответственности. Руководители всех районов, через которые проходил эвакуированный скот, обязывались выделять требуемое количество постоянных гонщиков, освободив их от других работ, в том числе от мобилизации на оборонительные работы, выделить необходимое количество жилых помещений для отдыха гонщиков на пути перегона и обеспечить гонщиков продуктами питания. Для подкормки слабых эвакуированных животных выделялись зерновые и мельничные отходы. На территории области создавались 450 подкормочных пунктов, из них 90 в Астраханском округе, остальные в 48 других сельских районах. Такие пункты предлагалось разместить по всему маршруту перегона скота на расстоянии не более 10–15 км один от другого. Подкормочные пункты следовало обеспечить постоянно пополняемыми запасами грубых кормов: сено – не менее 75 ц, соломы – не менее 150 ц. Подкормочные пункты предлагалось организовать в населенных пунктах или на животноводческих фермах, чтобы обеспечить перегоняемых животных укрытием на ночевку в холодную погоду. ОблЗО поручалось с помощью зооветеринарного персонала районов производить выбраковку эвакуированного скота, непригодного к дальнейшему перегону и сдавать выбракованных животных в Заготскот [20].

Обстановка на советско-германском фронте осенью 1941 г. стала еще более тревожной. Враг рвался к Москве, продолжал продвигаться на других направлениях. 19 октября руководство Сталинградской области приняло решение мобилизовать в помощь военным население на строительство оборонительного рубежа. 9 ноября 1941 г. в связи с ожидавшимся поступлением большого количества эвакуируемого скота в Сталинградскую область и учитывая, что оставшийся ограниченный срок навигации на реке Волге приведет к скоплению значительного поголовья животных на правом берегу, бюро обкома ВКП(б) и исполком облсовета депутатов трудящихся решили пере-

гнать скот колхозов и совхозов Сталинградской области из районов правого берега реки Дон на зимовку в Западный Казахстан. До 12 ноября руководство этих районов обязывалось провести подготовительные мероприятия и отправить в Западно-Казахстанскую область лошадей, КРС и овец, за исключением рабочего тягла. Подготовительные мероприятия включали в себя формирование гуртов до 300 голов лошадей и коров и до 800 овец в каждом. На каждые 100 лошадей и коров полагалось не менее 4 верховых гонщиков и на каждые 100 овец при мелкой отаре – не менее двух и при крупной – один гонщик. В гурты на каждые 10–15 дойных коров полагалась одна доярка. Для перегона скота в каждом колхозе назначался ответственный сопровождающий из числа членов правления и ответственных работников, который был обязан оставаться со скотом в местах его размещения на весь период зимовки. Каждый гурт должен был обеспечиваться необходимым количеством подвод и инвентаря, гонщики скота – продуктами питания не менее чем на 2 месяца и деньгами из расчета на 3 месяца по 10 руб. в сутки за счет колхоза.

К перегону не допускался скот из ферм, неблагополучных по острозаразным заболеваниям. Для сопровождения и обслуживания эвакуируемых животных на весь период зимовки направлялись зоотехники и зооветработники. Часть из них оставлялась на месте для обслуживания рабочего тягла и поступающего в область эвакуированного скота. Скот, не подлежащий перегону, предписывалось сдавать в счет мясопоставок 1941–1942 гг. и госзакупки. К этой категории относились не только ослабленные КРС и овцы, но и птица, а также свиньи (за исключением маточного поголовья и производителей).

Руководство области утвердило представленные облЗО маршруты перегона скота [12]. Для переправы животных через Волгу организовывались 13 переправ с общей суточной пропускной способностью около 100 тыс. голов: Камышинская (8,0), Антиповка (7,0), Балыклей (7,0), Пролейка (7,0), Дубовка (2,0), Райгород (9,7), Каменный Яр (12,7), Старицы (9,7), Черный Яр (7,0), Солено-Займище (6,7), Никольское (9,9), Ветлянка (6,7), Сероглазка (3,5) [27]. Скот Серафимовичского, Перелазовского, Клетского и Сиротинского районов дол-

жен был переправляться через Волгу выше Сталинграда на пункты сдачи с. Сайхин и хут. Морозов. Переправа общественного стада шести районов (Кагановичский, Калачевский, Чернышковский, Нижнечирский, Тормосиновский и Верхне-Курмоярский) осуществлялась с переправой через Волгу ниже Сталинграда. Для каждого из 10 районов был разработан маршрут перегона скота по районам области до пункта сдачи [7].

Эвакуированный в 1941 г. в заволжские районы скот попал в тяжелые условия. К 21 ноября в Эльтонском районе около 17 тыс. голов животных находилось без надзора, в результате чего пало 300 голов КРС, в Кайсацком районе погибло более 300 голов КРС. Подкормочные базы для подкормки эвакуированного скота в большинстве районов отсутствовали, в ряде случаев скот ходил без надзора, скирды сена и соломы расходовались бесхозяйственно. Вскрыв эти и другие факты бюро обкома ВКП(б) предупредил секретаря Эльтонского РК ВКП(б) А.С. Кудеярова и председателя исполкома райсовета Я.К. Бешенцева, что, если они не выправят положение по размещению эвакуированных животных, то будут сняты с занимаемых постов и привлечены к ответственности по законам военного времени. Секретари райкомов партии и председатели райисполкомов обязывались в пятидневный срок организовать подкормочные базы, а также предупреждали, что за сохранение эвакуированных животных они несут персональную ответственность, как и за сохранение скота в колхозах своих районов. Учитывая прохождение значительного поголовья животных по северо-западным районам области, большое скопление рабочего скота в районах строительства оборонительного рубежа, а также то, что дальнейшее массовое поступление скота из Воронежской и Ростовской областей привело бы к бескормице животных в колхозах, бюро обкома ВКП(б) просило ЦК ВКП(б) и СНК СССР дать указание направлять скот из Воронежской в Саратовскую область, а из южной части Ростовской области в Калмыцкую АССР. Прокурорам Кайсацкого и Эльтонского районов поручалось провести следствие о гибели животных, а виновных привлечь к ответственности [14].

С приближением войск вермахта и его союзников к границам Сталинградской области начался второй этап эвакуации скота. 13 июля

1942 г. областное руководство приняло решение об эвакуации общественного стада 15 захоперских и задонских районов. За Волгу предстояло переправить 26 465 лошадей, 68 153 головы КРС и 147 323 овцы. В утвержденном плане четко указывалось, откуда, через какие районы и куда направлять скот [23]. Хоперский и Добринский районы эвакуировали животных в Кайсацкий район, Нехаевский и Кругловский – в Николаевский, Подтелковский – в Быковский, Серафимовичский, Клетский, Перелазовский – в Эльтонский, Кагановичский – в Пролейский, Тормосиновский, Чернышковский, Нижне-Чирский – во Владимировский, Сиротинский – в Пролейский, Калаческий – в Среднеахтубинский, Верхне-Курмоярский – в Харабалинский [8].

27 июля в связи с приближением линии фронта и указанием военного командования бюро обкома ВКП(б) и исполком облсовета депутатов трудящихся приняли решение об эвакуации всего продуктового скота (коров, весь молодняк КРС и лошадей, свиноголовье, овец) левобережных районов Дона. Постановление предписывало эвакуировать не только общественный, но и личный скот колхозников, рабочих и служащих, который необходимо было сдавать в гурты колхозов и совхозов. Согласно утвержденным маршрутам, скот Котельниковского района перегонялся за Волгу в Харабалинский район, Иловлинского и Логовского – в Ленинский, Фрунзенского – в Быковский, Кумылженского – в Старополтавский, Калачевского – в Среднеахтубинский, Нижне-Чирского – во Владимировский, Верхне-Курмоярский – в Харабалинский, Городищенского – в колхозы Городищенского района [21].

В условиях приближения линии фронта в августе проводилась массовая эвакуация и переправа на левый берег Волги общественного стада Красноармейского района [22, л. 22 об.].

27 августа руководство области утвердило план размещения скота эвакуируемых регионов в заволжских районах области и Казахстане (см. табл. 1).

Летом 1942 г. по территории области осуществлялась эвакуация животных не только западных районов области, но и других республик, краев и областей. К 20 сентября только на переправах Астраханского округа и Калмыцкой АССР (Никольская, Енотаевск, Ветлянка, Копановка, Цаган-Аман, Шамбай, Замьяны)

была переправлена на левый берег Волги 1 319 161 голова скота, в том числе 40 851 лошадь, 204 616 КРС, 1 073 694 овцы. В их числе скот Сталинградской области составлял всего 35 000 голов (2 000 лошадей, 6 600 КРС, 26 400 овец). 538 296 голов (13 001 лошадь, 67 079 КРС, 458 216 овец) принадлежало Калмыцкой АССР, 745 865 голов (25 850 лошадей, 130 937 КРС, 589 028 овец) – другим регионам, в основном Ростовской области, частично Орджоникидзевскому (в настоящее время – Ставропольскому) краю и Украинской ССР.

Весь переправляемый скот, за исключением животных Сталинградской области, направлялся на пункты сдачи Западного Казахстана (Караколь и Морозов), часть скота совхозов – в Чкаловскую (в настоящее время – Оренбургская) и Саратовскую области.

В колхозах Астраханского округа разместили животных 94 колхозов 5 районов Сталинградской области (см. табл. 2).

Кроме того, на левый берег Волги было переправлено и общественное стадо Енотаевского и Наримановского районов Астраханского округа.

6 октября 1942 г. вопрос о перегоне и размещении эвакуированного скота был рассмотрен на совместном заседании исполкома Сталинградского облсовета депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б). Руководство области решило приостановить перемещение скота, заслушав доклад заместителя заведующего облЗО П.М. Глабая и отметив, что перегон скота эвакуированных районов области и размещение его по колхозам заволжских районов чрезмерно затянулись и что неудовлетворительный ход и размещение эвакуированного скота срывают заготовку грубых кормов и подготовку помещений, ставят под угрозу сохранение эвакуированных животных. Эвакуированный скот колхозов Сталинградской области, прибывший в заволжские районы с левого берега Волги, предписывалось разместить в тех районах, где он находился на момент выхода данного постановления. Переправа животных эвакуированных районов через Волгу прекращалась. Скот, который не успели переправить, размещался в Еланской и Камышинской группах районов. Эвакуированные животные других областей и республик направлялись в Западный Казахстан через ранее установленные пункты сдачи.

Таблица 1. План размещения скота эвакуируемых районов области в заволжских районах и в Казахстане

Table 1. Plan of placement of livestock of the evacuated areas of the region in the Volga regions and in Kazakhstan

Эвакуируемый район	Район, принимавший эвакуированный скот	Количество скота		
		Лошади	КРС	Овцы и козы
Кругловский	Николаевский	1 814	6 556	9 978
Кагановичский	Палласовский	1 433	2 595	4 534
Добринский	Кайсацкий	1 486	3 313	5 978
Подтелковский	Быковский	700	1 600	2 000
Сиротинский	Пролейский	1 153	3 702	8 770
Фрунзенский	Иловатский	350	900	1 300
Кумылженский	Старополтавский	700	1 800	2 500
Нехаевский	Гмелинский	650	1 940	2 520
Калачевский	Среднеахтубинский	2 745	6 894	16 623
Дубовский	Ленинский	1 233	2 843	4 261
Логовский	Ленинский	940	1 926	5 179
Тормосиновский	Астраханский округ	632	3 696	7 350
Чернышковский	Астраханский округ	1 337	3 560	10 760
Нижне-Чирский	Астраханский округ	1 654	5 788	20 794
Верхне-Курмоярский	Астраханский округ	1 410	6 389	15 302
Котельниковский	Астраханский округ	1 833	5 316	29 699
Ворошиловский	Астраханский округ	3 191	6 605	28 058
Фрунзенский	Казахстан	1 509	4 071	6 246
Кагановичский	Эльтонский	2 240	5 947	11 243
Серафимовичский	Эльтонский	1 538	3 536	6 079
Клетский	Эльтонский	2 167	5 662	12 125
Перелазовский	Казахстан	1 358	4 378	6 197
Кумылженский	Казахстан	1 311	2 804	3 850
Черноярский	Казахстан	2 111	9 156	62 146
Красноармейский	Казахстан	1 507	5 622	24 474

Примечание. Составлено по: [24].

Таблица 2. Эвакуированный скот районов Сталинградской области, размещенный в колхозах Астраханского округа, по состоянию на 20 сентября 1942 года

Table 2. Evacuated livestock of the districts of the Stalingrad region, placed in the collective farms of the Astrakhan district as of September 20, 1942

Вывезено	Кол-во колхозов	Всего скота	В том числе		
			лошади	КРС	овцы
Во Владимировский район из Чернышковского района	22	12 245	971	2 563	8 711
из Кагановичского района	2	813	63	177	573
из Нижне-Чирского района	34	1 363	584	3 240	9 813
<i>Итого</i>	58	26 695	1 618	5 980	19 097
В Харабалинский район из Котельниковского района	19	2 340	853	3 551	19 076
из Верхне-Курмоярского района	17	11 415	1 064	3 100	7 251
<i>Итого</i>	36	34 895	1 917	6 651	26 327
Всего по округу	94	61 590	3 535	12 631	45 424

Примечание. Составлено по: [34].

Председатели исполкомов райсоветов, секретари РК ВКП(б), заведующие райЗО заволжских районов обязывались:

- в пятидневный срок наладить учет животных и сведения, к каким районам и колхозам принадлежит скот, немедленно представить в облЗО;

- немедленно приступить к заготовке кормов и подготовке помещений для эвакуированного скота;

- весь продуктовый и рабочий скот эвакуированных колхозов Сталинградской области, находящийся при тракторных отрядах, МТС и у отдельных работников, земельных и других органов, а также находящийся у их семей немедленно изъять и передать по актам в колхозы своих районов;

- наладить проверку условий содержания эвакуированных животных.

ОблЗО поручалось до 10 октября провести полный учет размещенного скота колхозов эвакуированных районов области, организовав специальную проверку обеспеченности помещениями и кормами эвакуированных животных в местных колхозах [11].

Условия размещения скота в местах зимовки были очень тяжелыми. Не хватало помещений и кормов. Многие животные находились на грани истощения. Чтобы не допустить их гибели, в соответствии с указанием СНК СССР 12 ноября 1942 г. исполком Сталинградского облсовета и бюро обкома ВКП(б) обязали руководство 14 заволжских районов провести выбраковку эвакуированного скота и сдачу его государству через Заготскот в количестве 50 тыс. центнеров в живом весе (Гмелинский – 4 000, Палласовский – 4 000, Старополтавский – 20 000, Иловатский – 2 000, Николаевский – 12 000, Пролейский – 20 000, Кайсацкий – 2 000, Эльгонский – 7 000, Ленинский – 3 800, Среднеахтубинский – 4 000, Владимировский – 6 800, Харабалинский – 3 000, Нижне-Добринский – 2 200, Быковский – 1 000) [29]. Выбраковке подлежали эвакуированные беспородные, малопродуктивные и яловые животные. Сдаваемый скот зачислялся в мясопоставки 1942 г. и авансом за 1943 г. в счет колхозов, которым принадлежал [9].

На территории Сталинградской области на зимовку размещался не только эвакуированный скот, но и животные, которые предназ-

начались для снабжения войск. Так, по решению исполкома Сталинградского облсовета депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) от 12 октября, в четырех районах размещались на зимовку 5 тыс. голов скота Упродснаба Донского фронта (Еланский – 2 000, Вязовский – 1 000, Руднянский – 1 000 и Ждановский – 1 000). Колхозы и совхозы данных районов обязывались предоставить для размещавшихся животных нужные помещения и необходимое количество выпасов и водопоя, ветеринарный надзор [15].

Для обеспечения кормами продовольственного скота Упродснаба Сталинградского фронта колхозы 42 районов области получили разнарядку на выделение не заскирдованной соломы с площади в 187 тыс. га, совхозы 8 районов – с площади в 53 тыс. га [26].

В ходе проведения эвакуации скота были вскрыты факты его разбазаривания и хищения. Так, председатель колхоза «Красный партизан» № 2 Калачевского района И.С. Никулин при участии начальника Калачевского райЗО А.С. Коровина за период с 20 июля 1942 г. по 1 июня 1943 г. роздали эвакуированным колхозникам и служащим мясом 36 голов КРС, 156 овец, а также расхитили 52 головы КРС и 97 овец. Указанный скот расходовался главным образом на снабжение семей работников РК ВКП(б), исполкома райсовета, находившихся за Волгой в хут. Заяр Среднеахтубинского района. Средства за сданных животных частям Красной армии на текущий счет и в кассу колхоза не поступали. При обыске у Коровина обнаружили 12 400 рублей. Данный случай стал предметом рассмотрения на заседании бюро обкома ВКП(б). По предложению комиссии, готовившей вопрос, Никулина и Коровина сняли с работы, исключили из партии и отдали под суд. Первому секретарю Калачевского РК ВКП(б) М.В. Левшину и председателю райисполкома Г.А. Иванникову объявили строгие выговоры и отозвали их в распоряжение обкома ВКП(б) и облисполкома [33].

Весной 1943 г. началось поэтапное возвращение эвакуированного скота в освобожденные районы. Первым к родным местам в условиях приближения посевной стали переправлять рабочее тягло. Не всегда этот процесс шел гладко. 26 апреля бюро обкома ВКП(б) рассмотрело на своем заседании фак-

ты задержки возвращения эвакуированного рабочего скота. В принятом постановлении отмечалось, что «Эльтонский, Владимировский и Харабалинский райкомы партии и исполкомы райсоветов, несмотря на решение исполкома Облсовета и специальные указания обкома ВКП(б), не обеспечили возвращение в освобожденные районы эвакуированного рабочего скота и не пресекли тенденций отдельных руководителей колхозов задержать по различным предложениям эвакуированный скот». Расценив это как действия, направленные на срыв мероприятий по восстановлению хозяйства освобожденных районов, бюро обкома потребовало от первых секретарей РК ВКП(б) и председателей исполкомов райсоветов районов, в которых был размещен эвакуированный скот, немедленно возвратить весь рабочий скот в освобожденные и бывшие прифронтовые районы в соответствии с установленным исполкомом облсовета порядком. Руководителям освобожденных и бывших прифронтовых районов поручалось командировать своих представителей в районы, в которых размещался эвакуированный скот, для установления количества животных, подлежащих возвращению и организации немедленного перегона рабочего тягла [18].

Летом 1943 г. начинается возвращение и других категорий животных и не только в освобожденные районы области, но и соседние регионы. Особенно этот процесс активизировался после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» [10].

Руководством освобожденных и отселенных районов Сталинградской области для перегона возвращаемого скота в Казахскую ССР и Чкаловскую область было направлено 1 136 колхозников гонщиков скота, 414 из которых в начале сентября уже возвратились назад. К 6 сентября был дополнительно направлен еще 431 гонщик скота.

Одновременно происходит перегон эвакуированного скота Курской и Воронежской областей из колхозов Сталинградской области. В связи с тем, что данные области своевременно не выслали своих гонщиков, перегон до границ Воронежской области производил-

ся силами колхозов Сталинградской области. Выходным пунктом с территории области стал хут. Вильковский Добринского района. На 6 сентября 12 районов области подняли для передачи в Воронежскую и Курскую области 4 054 головы скота (418 лошадей, 1 004 головы КРС, 2 632 головы овец и коз), что составляло примерно половину от количества, определенного Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 года.

Через территорию области проходил перегон животных Калмыцкой АССР и Ростовской области. Для организации их перегона установили 6 маршрутов, которые разбили на 18 участков. По всем маршрутам через каждые 50-60 км установили 51 смотровой ветеринарно-зоотехнический пункт. На каждый маршрут назначили начальника маршрута, в распоряжении которого выделили грузовые автомашины. В области открыли 3 приемных пункта в Мачушанском (хут. Михайлов), Кайсацком (хут. Тарасовка) и Эльтонском (хут. Вишневка) районах и 6 сдаточных пунктов: 4 в Серафимовичском (хут. Ягодный), Кагановичском (хут. Лобакино), Черноморском (хут. Молоканово), Енотаевском (с. Никольское) районах и 2 в Калмыцкой АССР (Шамбай и Цаган-Аман). На всех пунктах находилось по ветеринару и зоотехнику. Переправа через Волгу в области осуществлялась в Камышине, Дубовке, Каменном Яре, и Никольском и в Калмыцкой АССР по переправам Шамбай и Цаган-Аман. На 4 областных переправах работало 9 баркасов и 10 барж [35].

По проложенным маршрутам в дальнейшем прошел и возвращавшийся из эвакуации скот Краснодарского и Ставропольского краев. По состоянию на 16 ноября 1943 г. приемные пункты Тарасовка, Вишневка, Караколь приняли 204 961 голову скота (54 360 голов КРС, 136 213 овец и коз, 14 227 лошадей и 161 верблюдов). Через переправы Камышинская, Дубовская, Каменноярская, Никольская, Цаган-Аман переправили 202 537 голов скота (51 085 голов КРС, 138 766 овец и коз, 1 252 лошади и 158 верблюдов). На сдаточных пунктах Ягодный, Лобакин, Молоканов, Никольский, Шамбай в соседние регионы передали 143 112 голов скота (37 756 голов КРС, 95 231 овец и коз, 9 970 лошадей и 155 верблюдов) [28].

Сталинградская область перевыполнила план возвращения скота в Воронежскую и Курскую области по всем показателям. В соответствии с постановлением СНК СССР от 21 августа 1943 г., в указанные области необходимо было вернуть 8 159 голов скота, фактически же было передано 8 617 голов [31, л. 27]. К сожалению, обнаружить причины перевыполнения плана в документах не удалось. Вероятно, в постановлении правительства в план были заложены заниженные цифры.

К декабрю 1943 г. завершился перегон колхозного эвакуированного скота из Казахской ССР и Чкаловской области. В освобожденные районы области было возвращено 47 437 голов скота (план – 50 658). Недовыполнение плана было связано с прекращением переправы через Волгу 100 лошадей и 2 500 КРС, принадлежавших колхозам Ворошиловского, Котельниковского, Кагановичского и Городищенского районов, которые остались зимовать во Владимирском и Ленинском районах. Кроме того, выбракованное в пути следования поголовье овец сдавалось в «Заготскот». Вследствие этого базы «Заготскот» Сталинградской области должны были возместить колхозам 2 340 голов овец. Потери скота в пути следования от сапа (овцы) и ящура (КРС) были незначительны.

Из Саратовской области возвратилось 78 лошадей, 389 голов КРС и 608 овец.

К концу 1943 г. полностью завершилось возвращение скота из заволжских районов области.

Всего 14 освобожденных¹ и 11 прифронтовых отселенных районов² Сталинградской области в порядке возвращения эвакуированного скота получили 124 879 голов скота (8 021 лошадь, 33 433 головы КРС, 83 425 овец и коз [31, л. 24–25]). Потери скота были колоссальными. Только в 14 районах, подвергшихся оккупации, на 1 января 1942 г. было 28 тыс. лошадей, 110 тыс. голов КРС, 278 тыс. овец и коз, много свиней и птицы [37]. Для частичного восстановления поголовья скота в освобожденные районы было закуплено 1 187 лошадей, 7 763 овцы, 1 910 свиней, 5 128 телят. В порядке помощи из Горьковской (в настоящее время Нижегородской) и других областей поступило 467 лошадей, 1 473 КРС, 3 449 овец и коз, 253 свиньи. В итоге к началу 1944 г. в освобожденных и отселенных районах

области имелось 11 472 лошади, 61 112 КРС, 107 267 овец и коз, 3 846 свиней [30].

Зимой 1943–1944 г. в 46 районах области еще оставался скот, ранее эвакуированный из Украинской ССР. В начале декабря провели его учет и активирование (см. табл. 3). В результате было установлено, что за время нахождения на территории области большая часть скота пала (41,7 %), значительную часть сдали государству за колхозы УССР (41,4 %) и в счет выполнения своих обязательств (3,5 %), а также израсходовали на внутриколхозные нужды (7,5 %). К этому времени осталось всего 6 004 головы (5,9 %). Также удалось сохранить 1 683 головы молодняка, полученного от эвакуированного скота.

25 апреля 1944 г. после проведенной зимовки и оценки состояния животных руководство области утвердило план возврата эвакуированного скота в УССР: 1 634 лошади, 3 726 голов КРС и 2 308 овец. До начала перегона весь возвращавшийся скот был обработан против заразных болезней. Летом вполне здоровый в состоянии средней и вышесредней упитанности скот был передан представителям УССР [32].

Результаты. Эвакуация скота 1941–1942 гг. отразилась на состоянии животноводства области и имела как положительные, так и отрицательные итоги. Прежде всего следует отметить, что эвакуация лишила врага миллионов голов домашних животных. За счет эвакуированного скота удалось не только сохранить, но и значительно увеличить поставки мяса и животноводческой продукции государству. Однако существенное увеличение поголовья общественного стада в районах области в условиях недостатка кормов и животноводческих помещений привело к неудовлетворительному ходу его зимовки. Наиболее тяжелой оказалась зима 194/43 г., проходившая в условиях прифронтовой обстановки. В течение осени 1942 г. через территорию области прошло 1,5 млн голов эвакуированного скота. На его подкормку, а также для лошадей и рабочего скота воинских частей и строительных батальонов было израсходовано значительное количество кормов. В заволжских районах, имевших недостаточно кормов, было размещено около 185 тыс. голов скота, эвакуированного из придонских и хоперских районов области. Все это привело к тому, что многие колхозы и райо-

Таблица 3. Состояние скота, эвакуированного из Украинской ССР в Сталинградскую область, на 6 декабря 1943 года

Table 3. Condition of livestock evacuated from the Ukrainian SSR to the Stalingrad region as of December 6, 1943

Состояние эвакуированного скота	Лошади	КРС	Овцы и козы	Всего
Всего принято эвакуированного скота из УССР	9 859	48 452	43 853	1 022 04
Расход скота за время нахождения в области: сдано государству за колхозы УССР	1 466	24 340	16 492	42 298
сдано государству в счет выполнения своих обязательств	86	2 420	1 090	3 596
израсходовано на внутриколхозные нужды	252	4 024	3 378	7 654
пало	6 343	15 315	21 094	42 652
Имеется в наличии	1 852	2 353	1 799	6 004
Имеется молодняка, полученного от эвакуированного скота	19	402	1 262	1 683

Примечание. Составлено по: [31].

ны области в январе-феврале 1943 г. остались почти без кормов. Размещение эвакуированного скота, а также выделение в ряде районов большого количества животноводческих построек для нужд воинских частей привело к ненормальному размещению животных на зимовку.

Наличие колхозной системы в стране позволило быстро организовать эвакуацию общественного стада из районов, которым угрожала оккупация, в тыл страны. В то же время нельзя не отметить и негативные моменты в деятельности колхозов, которые не могли не оказывать влияния как на развитие животноводства в целом, так и на ход эвакуации общественного стада и условия его размещения в тыловых районах. Следует отметить слабую заинтересованность колхозников в результатах своего труда при действующей системе государственных заготовок сельскохозяйственной продукции, низкий образовательный уровень колхозных кадров, бесхозяйственность в ряде хозяйств. Названные, а также другие негативные факторы в военные годы в условиях патриотического подъема проявлялись слабее, чем в предвоенный период. Большее влияние на результаты труда оказывало более чем двойное сокращение рабочих рук и резкое сокращение материально-технической базы в деревне [36, с. 533].

Эвакуация и реэвакуация общественного стада привели и к крайне неблагоприятному ветеринарно-санитарному состоянию области. В значительных размерах распространились такие заболевания как пироплазмоз, инфекционный энцефаломиелит, ящур, оспа овец и чесотка [4, л. 13]. Почти во всех районах облас-

ти крупнорогатый скот переболел ящуром, в 58 районах поголовье овец было поражено оспой. По неполным данным, в 1943 г. в колхозах болело чесоткой 27 тыс. лошадей, 37 тыс. голов КРС, 130 тыс. овец. Состояние рабочего скота из-за возросшей нагрузки на живое тягло (непосредственное обслуживание воинских частей, строительство оборонительных сооружений и аэродромов, подвоз боеприпасов, снаряжения и продовольствия, отсутствие концентрированных кормов) резко ухудшилось. Все это явилось основной предпосылкой высокого падежа и вынужденного убоя значительного количества взрослого скота и молодняка и исключительно низкой рождаемости молодняка. В колхозах Пролейского района в 1943 г. вынужденно забили около 3 000 овец и 800 КРС, в колхозах Еланского района прирезали почти 1 500 овец и около 600 КРС. Поголовье лошадей в области за год сократилось с 83,9 тыс. до 48,4 тыс. или на 42,3 %. Государственный план по поголовью лошадей в колхозах выполнили лишь на 56,1 %. Это было следствием чрезвычайно большого падежа – 27,4 тыс. голов или $\frac{1}{3}$ поголовья, имевшегося в области на 1 января 1943 г., а также низкий рождаемости. При наличии в колхозах на начало 1943 г. 27 тыс. кобыл приплод составил лишь 3 739 жеребят, из которых 1 206 пало [25, л. 1–1 об.]. Расход скота для выполнения колхозами обязательной мясосдачи также резко возрос в связи со сдачей животных низкой упитанности.

Тяжелые условия зимовки и высокий падеж отразились на общих итогах развития животноводства области к началу 1944 г. (см. табл. 4).

Таблица 4. Численность скота в Сталинградской области в 1941–1944 гг. (по состоянию на 1 января)

Table 4. Number of livestock in the Stalingrad region on January 1, 1941–1944

Вид скота	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Лошади	157,4	154,4	98,1	61,4
КРС	772,1	819,2	433,0	461,8
в том числе коровы	277,5	302,2	218,4	214,7
Овцы и козы	1695,6	1912,6	713,2	702,8
Свиньи	273,1	259,4	95,8	46,9

Примечание. Составлено по: [25].

По сравнению с 1941 г. к началу 1944 г. численность лошадей уменьшилась в 2,5 раза, КРС – в 1,7 раза, овец и коз – в 2,4 раза, свиней – в 5,8 раза. При этом наибольшее сокращение поголовья животных произошло в колхозах области. Колхозникам, рабочим и служащим удалось лучше сохранить свой личный скот. Это было не случайно. От наличия в индивидуальном хозяйстве домашних животных, особенно коров, зависела жизнь людей. Поэтому уход за животными в семье был лучше, чем в коллективном хозяйстве, где можно было встретить равнодушие к не вовремя подвезенным кормам, плохим условиям размещения животных как со стороны руководства колхозов, животноводческих ферм, так и отдельных колхозников. Если на 1 января 1944 г. по сравнению с началом 1941 г. численность КРС в целом по области сократилась до 59,8 %, то в колхозах – до 46,3 %, коров – до 77,4 и 48,6 %, овец и коз – до 41,4 и 38,3 %, свиней – до 19,8 и 14,2 % соответственно [25, л. 1].

Колхозам и совхозам области в последние военные и послевоенные годы предстояла напряженная работа по восстановлению животноводства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Освобожденные районы: Верхне-Курмоярский, Ворошиловский, Городищенский, Кагановичский, Калачевский, Клетский, Котельниковский, Красноармейский, Нижне-Чирский, Перелазовский, Серафимовичский, Сиротинский, Тормосиновский, и Чернышковский.

² Районы, отселенные осенью 1942 г. в ходе подготовки к контрнаступлению советских войск: Добринский, Дубовский, Иловлинский, Краснослободский, Кругловский, Кумылженский, Логовский, Нехаевский, Подтелковский, Фрунзенский и Чернярский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 459 с.
2. Бондарев В. А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 192 с.
3. Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1976. 304 с.
4. Военно-экономическая справка Сталинградской области на 1 июля 1945 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-354. Оп. 2. Д. 34. 118 л.
5. Вылцан М. А. Крестьянство России в годы большой войны, 1941–1945. Пиррова победа. М.: РНФ, 1995. 79 с.
6. История советского крестьянства. В 5 т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М.: Наука, 1987. 447 с.
7. Маршруты перегона скота районов правого берега реки Дона. 9 ноября 1941 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д. 9. Л. 60–62.
8. Маршруты перегона скота захоперских и задонских районов Сталинградской области. 13 июля 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 62. Л. 254–256.
9. О выбраковке и сдаче государству эвакуированного скота, размещенного в колхозах области: постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 12 ноября 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 62. Л. 515.
10. О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации: Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 131–169.

11. О перегоне и размещении скота колхозов, эвакуированных районов Сталинградской области: постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 6 октября 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 62. Л. 426–427.

12. О перегоне скота колхозов и совхозов Сталинградской области районов правого берега реки Дона на зимовку в Западный Казахстан: постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 9 ноября 1941 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 7. Л. 185–186.

13. О размещении в совхозах НКСХ области эвакуированного скота, дополнительной заготовке коров и строительстве временных: постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 8 сентября 1941 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 6. Л. 544, 564–565.

14. О размещении эвакуированного скота: постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) от 21 ноября 1941 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 7. Л. 100–101.

15. О размещении 5000 голов продовольственного скота Упродснаба Донского фронта на зимовку: постановление исполкома Облсовета депутатов трудящихся и бюро Сталинградского обкома ВКП(б) от 12 октября 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 62. Л. 435 об.

16. О размещении эвакуированного скота на зимовку: постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 18 августа 1941 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 6. Л. 327–329, 349–351.

17. О состоянии перегона и размещения эвакуированного скота и подготовке колхозов Быковского и Камышинского районов к зимовке скота: постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 29 сентября 1941 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 7. Л. 402–403.

18. О фактах задержки возвращения эвакуированного рабочего скота в районы, освобожденные от немецкой оккупации: постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 26 апреля 1943 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 5. Л. 94.

19. О ходе перегона эвакуированного скота: постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 28 августа 1941 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 6. Л. 392–393.

20. О ходе перегона эвакуированного скота: постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 5 ноября 1941 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 7. Л. 171–180, 207.

21. Об эвакуации скота, имущества, средств производства колхозов, МТС, совхозов и материальных ценностей государственных, кооперативных и общественных организаций левобережных районов Дона: постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 27 июля 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 62. Л. 275–276.

22. Отчетный доклад секретаря Красноармейского РК ВКП(б) Н.Г. Гладкова «О работе партийной организации за период военного времени». 10 июля 1943 г. // ЦДНИВО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 12. Л. 16–30.

23. План перегона скота захоперских и задонских районов Сталинградской области. 13 июля 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 119. Л. 33–33 об.

24. План размещения скота эвакуируемых районов области в заволжских районах и в Казахстане. 27 августа 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 119. Л. 6.

25. Пояснительная записка к итогам численности скота на 1 января 1944 г. и вытекающих из итогов учета мероприятий по развитию животноводства в Сталинградской области // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 201. Л. 1–5.

26. Разнарядка на выделение Упродснабу Сталинградского фронта незаскирдованной соломы с площадей, убранных комбайнами. Октябрь 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 62. Л. 440.

27. Сведения об организуемых паромных переправах через реку Волгу в пределах Сталинградской области. Ноябрь 1941 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 7. Л. 208–209.

28. Сводка о ходе перегона скота по Сталинградской области на 16.11.1943 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 228. Л. 95.

29. Список районов, сдающих выбракованный скот в мясopоставку. Октябрь 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 62. Л. 520.

30. Справка о восстановлении животноводства в колхозах районов, освобожденных от немецкой оккупации. 6 декабря 1943 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 200. Л. 24–25.

31. Справка о выполнении постановления бюро Обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 21.08.1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах Сталинградской области, освобожденных от немецко-фашистской оккупации». 6 декабря 1943 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 27. Л. 24–28.

32. Справка о выполнении решения бюро Обкома ВКП(б) и исполкома Облсовета депутатов трудящихся от 25.04.1944 г. «О возврате эвакуированного скота колхозам и совхозам УССР» // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 27. Л. 34.

33. Справка о фактах разбазаривания и хищения скота колхоза «Красный партизан» № 2 Кала-

чевского района. Июнь 1943 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 16. Л. 26–30.

34. Справка о ходе перегона эвакуированного скота через реку Волгу по переправам Астраханского округа и Калмыцкой АССР и о размещении эвакуированного скота в колхозах Астраханского округа. 12 октября 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 119. Л. 66–66 об.

35. Справка о ходе перегона эвакуированного скота. 6 сентября 1943 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 16. Л. 213–214 об.

36. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 / под ред. М. М. Загоруйко. М.: ГКУ ВО ЦИМТО, 2023. 848 с.

37. Статья А.С. Чуянова для передачи по радио 26 сентября 1943 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 16. Л. 248.

REFERENCES

1. Arutyunyan Yu.V. *Sovetskoye krestyanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet Peasantry During the Great Patriotic War]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963. 459 p.

2. Bondarev V.A. *Selyane v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: Rossiyskoye krestyanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Rostovskoy oblasti, Krasnodarskogo i Stavropolskogo krayev)* [Villagers During the Great Patriotic War: Russian Peasantry During the Great Patriotic War (Based on Materials from the Rostov Region, Krasnodar and Stavropol Territories)]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNC VSh, 2005. 192 p.

3. Vanchinov D.P. *Saratovskoye Povolzh'ye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Saratov Volga Region During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1976. 304 p.

4. Voenno-ekonomicheskaya spravka Stalingradskoy oblasti na 1 iyulya 1945 g. [Military-Economic Information of the Stalingrad Region on July 1, 1945]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti (daleye – GAVO)* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-354, inv. 2, d. 34, l. 1–118.

5. Vyltsan M.A. *Krestyanstvo Rossii v gody bolshoy voyny, 1941–1945. Pirrova pobeda* [Peasantry of Russia During the Great War, 1941–1945. Pyrrhic Victory]. Moscow, RNF, 1995. 79 p.

6. *Istoriya sovetskogo krestyanstva. V 5 t. T. 3. Krestyanstvo na kanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1938–1945* [History of the Soviet Peasantry. In 5 Vols. Vol. 3. Peasantry on the Eve and During the Great Patriotic War. 1938–1945]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 447 p.

7. Marshruty pereгона skota rayonov pravogo berega reki Dona. 9 noyabrya 1941 g.

[Routes for Transhumance of Cattle on the Right Bank of the Don River. November 9, 1941]. *Tsentrdokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti (daleye – TsDNIVO)* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 9, l. 60–62.

8. Marshruty pereгона skota zakhoperskikh i zadonskikh rayonov Stalingradskoy oblasti. 13 iyulya 1942 g. [Routes for Transhumance of Cattle in the Zakhopersky and Zadonsky Districts of the Stalingrad Region. July 13, 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 62, l. 254–256.

9. O vybrakovke i sdache gosudarstvu evakuirovannogo skota, razmeshchennogo v kolkhozakh oblasti: postanovleniye byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoveta deputatov trudyashchikhsya ot 12 noyabrya 1942 g. [On the Culling and Delivery to the State of Evacuated Livestock Placed on Collective Farms in the Region. Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies of November 12, 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 62, l. 515.

10. O neotlozhnykh merakh po vosstanovleniyu khozyaystva v rayonakh, osvobodennykh ot nemetskoй okkupatsii: postanovleniye Sovnarkoma SSSR i TSK VKP(b) ot 21 avgusta 1943 g. [On Urgent Measures to Restore the Economy in Areas Liberated from German Occupation. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of August 21, 1943]. *Resheniya partii i pravitelstva po khozyaystvennym voprosam. V 5 t. T. 3* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues. In 5 Vols. Vol. 3]. Moscow, Politizdat, 1968, pp. 131–169.

11. O peregone i razmeshchenii skota kolkhozov, evakuirovannykh rayonov Stalingradskoy oblasti: postanovleniye byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoveta deputatov trudyashchikhsya ot 6 oktyabrya 1942 g. [On the Movement and Placement of Livestock on Collective Farms and Evacuated Areas of the Stalingrad Region. Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies of October 6, 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 62, l. 426–427.

12. O peregone skota kolkhozov i sovkhozov Stalingradskoy oblasti rayonov pravogo berega reki

Dona na zimovku v Zapadnyy Kazakhstan: postanovleniye byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoveta deputatov trudyashchikhsya ot 9 noyabrya 1941 g. [On the Movement of Livestock from Collective Farms and State Farms in the Stalingrad Region of the Right Bank of the Don River for Wintering in Western Kazakhstan. Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies of November 9, 1941]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 7, l. 185-186.

13. O razmeshchenii v sovkhozakh NKSKh oblasti evakuirovannogo skota, dopolnitelnoy zagotovke korov i stroitel'stve vremyanok: postanovleniye byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoveta deputatov trudyashchikhsya ot 8 sentyabrya 1941 g. [On the Placement of Evacuated Livestock in State Farms of the National Petroleum Agriculture of the Region, Additional Procurement of Cows and the Construction of Temporary Shelters. Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies of September 8, 1941]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 7, l. 544, 564-565.

14. O razmeshchenii evakuirovannogo skota: postanovleniye byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) ot 21 noyabrya 1941 g. [About the Placement of Evacuated Livestock. Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of November 21, 1941]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 7, l. 100-101.

15. O razmeshchenii 5000 golov prodovol'stvennogo skota Uprodsnaba Donskogo fronta na zimovku: postanovleniye ispolkoma Oblsoveta deputatov trudyashchikhsya i byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) ot 12 oktyabrya 1942 g. [On the Placement of 5,000 Head of Food Livestock of the Uprodsnab of the Don Front for Wintering. Resolution of the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies and the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of October 12, 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 62, l. 435 r.

16. O razmeshchenii evakuirovannogo skota na zimovku: postanovleniye byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoveta deputatov trudyashchikhsya ot 18 avgusta 1941 g. [On the

Placement of Evacuated Livestock for the Winter. Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies of August 18, 1941]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 6, l. 327-329, 349-351.

17. O sostoyanii pereгона i razmeshcheniya evakuirovannogo skota i podgotovke kolkhozov Bykovskogo i Kamyshinskogo rayonov k zimovke skota: postanovleniye byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoveta deputatov trudyashchikhsya ot 29 sentyabrya 1941 g. [On the State of the Movement and Placement of Evacuated Livestock and the Preparation of Collective Farms in the Bykovsky and Kamyshinsky Districts for the Wintering of Livestock. Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies dated September 29, 1941]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 7, l. 402-403.

18. O faktakh zaderzhki vozvrashcheniya evakuirovannogo rabocheго skota v rayony, osvobodivshiesya ot nemetskoй okkupatsii: postanovleniye byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoveta deputatov trudyashchikhsya ot 26 aprelya 1943 g. [About the Facts of the Delay in the Return of Evacuated Draft Cattle to Areas Liberated from German Occupation. Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies Dated April 26, 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 14, d. 5, l. 94.

19. O khode pereгона evakuirovannogo skota: postanovleniye byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoveta deputatov trudyashchikhsya ot 28 avgusta 1941 g. [About the Progress of the Movement of Evacuated Livestock. Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies of August 28, 1941]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 6, l. 392-393.

20. O khode pereгона evakuirovannogo skota: postanovleniye byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoveta deputatov trudyashchikhsya ot 5 noyabrya 1941 g. [About the Progress of the Movement of Evacuated Livestock.

Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies of November 5, 1941]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 7, l. 171-180, 207.

21. Ob evakuatsii skota, imushchestva, sredstv proizvodstva kolkhozov, MTS, sovkhozov i materialnykh tsennostey gosudarstvennykh, kooperativnykh i obshchestvennykh organizatsiy levoberezhnykh rayonov Dona: postanovleniye byuro Stalingradskogo obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoвета deputatov trudyashchikhsya ot 27 iyulya 1942 g. [On the Evacuation of Livestock, Property, Means of Production of Collective Farms, MTS, State Farms and Material Assets of State, Cooperative and Public Organizations of the Left Bank Regions of the Don. Resolution of the Bureau of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Workers' Deputies of July 27, 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 62, l. 275-276.

22. Otchetnyy doklad sekretarya Krasnoarmeyskogo RK VKP(b) N.G. Gladkova «O rabote partiynoy organizatsii za period voyennogo vremeni». 10 iyulya 1943 g. [Report of the Secretary of the Red Army Republic of the All-Union Communist Party of Bolsheviks) N.G. Gladkov "On the Work of the Party Organization During the Wartime Period." July 10, 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 19, inv. 3, d. 12, l. 16-30.

23. Plan pereгона skota zakhoperskikh i zadonskikh rayonov Stalingradskoy oblasti. 13 iyulya 1942 g. [Plan for the Movement of Cattle in the Zakhoper and Zadonsk Regions of the Stalingrad Region. July 13, 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 119, l. 33-33 r.

24. Plan razmeshcheniya skota evakuiyemykh rayonov oblasti v zavolzhskikh rayonakh i v Kazakhstane. 27 avgusta 1942 g. [Plan for the Placement of Livestock in Evacuated Areas of the Region in the Trans-Volga Regions and in Kazakhstan. August 27, 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 119, l. 6.

25. Poyasnitelnaya zapiska k itogam chislennosti skota na 1 yanvarya 1944 g. i vytekayushchikh iz itogov ucheta meropriyatiy po razvitiyu zhivotnovodstva v Stalingradskoy oblasti [Explanatory Note to the Results of the Number of Livestock as of January 1, 1944 and the Measures Arising from the

Results of Accounting for the Development of Livestock Farming in the Stalingrad Region]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 18, d. 201, l. 1-5.

26. Raznaryadka na vydeleniye Uprodsnabu Stalingradskogo fronta nezaskirdovannoy solomy s ploshchadey, ubrannykh kombaynami. Oktyabr 1942 g. [Order for the Allocation of Unstacked Straw from Areas Harvested by Combines to the Uprodsnab of the Stalingrad Front. October 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 62, l. 440.

27. Svedeniya ob organizuyemykh paromnykh perepravakh cherez reku Volgu v predelakh Stalingradskoy oblasti. Noyabr 1941 g. [Information About Organized Ferry Crossings Across the Volga River Within the Stalingrad Region. November 1941]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 7, l. 208-209.

28. Svodka o khode pereгона skota po Stalingradskoy oblasti na 16.11.1943 g. [Summary of the Progress of Cattle Drives in the Stalingrad Region on November 16, 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 14, d. 228, l. 95.

29. Spisok rayonov, sdayushchikh vybrakovannyi skot v myasopostavku. Oktyabr 1942 g. [List of Areas That Sell Cull Cattle for Meat Supply. October 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 62, l. 520.

30. Spravka o vosstanovlenii zhivotnovodstva v kolkhozakh rayonov, osvobozhdennykh ot nemetskoy okkupatsii. 6 dekabrya 1943 g. [Certificate on the Restoration of Livestock Farming on Collective Farms in Areas Liberated from German Occupation. December 6, 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 18, d. 200, l. 24-25.

31. Spravka o vypolnenii postanovleniya byuro Obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoвета deputatov trudyashchikhsya ot 21.08.1943 g. «O neotlozhnykh merakh po vosstanovleniyu khozyaystva v rayonakh Stalingradskoy oblasti, osvobozhdennykh ot nemetsko-fashistskoy okkupatsii». 6 dekabrya 1943 g. [Certificate of Implementation of the Resolution of the Bureau of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Working People's Deputies Dated August 21, 1943 "On Urgent Measures to Restore the Economy in the Areas of the Stalingrad Region Liberated from the Nazi Occupation." December 6, 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 18, d. 27, l. 24-28.

32. Spravka o vypolnenii resheniya byuro Obkoma VKP(b) i ispolkoma Oblsoveta deputatov trudyashchikhsya ot 25.04 1944 g. «O vozvrate evakuirovannogo skota kolkhozam i sovkhozam USSR» [Certificate of Implementation of the Decision of the Bureau of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Executive Committee of the Regional Council of Working People's Deputies Dated April 25, 1944 "On the Return of Evacuated Livestock to Collective and State Farms of the Ukrainian SSR"]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 18, d. 27, l. 34.

33. Spravka o faktakh razbazarivaniya i khishcheniya skota kolkhoza «Krasnyy partizan» № 2 Kalachevskogo rayona. Iyun 1943 g. [Information About the Facts of Squandering and Theft of Livestock of the Collective Farm "Red Partisan" No. 2 of the Kalachevsky District. June 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 14, d. 16, l. 26-30.

34. Spravka o khode pereгона evakuirovannogo skota cherez reku Volgu po perepravam Astrakhanskogo okruga i Kalmytskoy ASSR i o razmeshchenii evakuirovannogo skota v kolkhozakh

Astrakhanskogo okruga. 12 oktyabrya 1942 g. [Information on the progress of Driving Evacuated Livestock Across the Volga River Along the Crossings of the Astrakhan Okrug and the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic and on the Placement of Evacuated Livestock on Collective Farms in the Astrakhan Okrug. October 12, 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 119, l. 66-66 r.

35. Spravka o khode pereгона evakuirovannogo skota. 6 sentyabrya 1943 g. [Information on the Progress of the Movement of Evacuated Livestock. September 6, 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 14, d. 16, l. 213-214r.

36. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaya bitva. Iyul 1942 – fevral 1943* [Battle of Stalingrad. July 1942 – February 1943]. Moscow, GKU VO CIMTO, 2023. 848 p.

37. Statya A.S. Chuyanov dlya peredachi po radio 26 sentyabrya 1943 g. [Article by A.S. Chuyanov for Radio Broadcast on September 26, 1943]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 14, d. 16, l. 248.

Information About the Author

Sergey G. Sidorov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, histrus@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>

Информация об авторе

Сергей Григорьевич Сидоров, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, histrus@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.5>

UDC 94(470.34)«1941/45»

LBC 63.3(253.3)45-2

Submitted: 12.03.2024

Accepted: 16.12.2024

MILITARY-TECHNICAL AND ECONOMIC IMPORTANCE OF THE UPPER VOLGA HYDROELECTRIC POWER PLANTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Evgeny A. Burdin

Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article deals with the work of the Upper Volga hydroelectric power plants during the Great Patriotic War, when they were almost the only sources of power supply to Moscow and the Moscow region. In the historiography, this issue was touched upon, but in general, the publications are characterized by a fragmentary and descriptive nature. **Methods and materials.** The source base of the research is the published and unpublished normative-legal acts, scientific and technical documentation, reference and statistical data, memoir literature, and oral recollections. The work used historical-genetic, historical-comparative, and problem-chronological methods, as well as methods of grouping statistical data and interviewing. **Analysis.** It is shown that the USSR leadership gave the hydroelectric power plants on the Volga River an important defense significance, first of all, as uninterrupted sources of electricity. The statistical data on hydroelectric power generation by Ivankovskaya, Uglichskaya, and Rybinskaya HPPs in 1941–1945 are analyzed, taking into account the general indicators of electricity generation in the USSR. In 1941–1942, the Upper Volga hydroelectric power plants were located in the front line zone and operated under the most difficult conditions. The threat of seizure of the Ivankovsky hydroelectric power plant was especially acute. The Germans tried to cross the Ivankovskoye reservoir, but the hydraulic engineers released the water, and the enemy's offensive was thwarted. An effective system of protection and camouflage prevented the enemy from stopping the hydroelectric power plants. **Results.** It is concluded that the Upper Volga hydroelectric power plants in 1941–1945 were primarily reliable sources of electricity for the population and military enterprises of Moscow and the Moscow region. In addition, they were important elements of defense lines during the Battle of Moscow. Thus, the Upper Volga hydroelectric plants became an important factor in the USSR's victory in the Great Patriotic War.

Key words: Great Patriotic War, Upper Volga hydroelectric power plants, hydroelectric power, Battle of Moscow, defense.

Citation. Burdin E.A. Military-Technical and Economic Importance of the Upper Volga Hydroelectric Power Plants During the Great Patriotic War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 59-69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.5>

УДК 94(470.34)«1941/45»

ББК 63.3(253.3)45-2

Дата поступления статьи: 12.03.2024

Дата принятия статьи: 16.12.2024

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ ГИДРОУЗЛОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Евгений Анатольевич Бурдин

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассматривается работа верхневолжских гидроузлов в годы Великой Отечественной войны, когда они были чуть ли не единственными источниками энергоснабжения Москвы и

Московской области. В историографии этот вопрос затрагивался, но в целом публикации отличаются отрывочностью и описательностью. *Методы и материалы.* Источниковую базу исследования составляют нормативно-правовые акты, научно-техническая документация, справочные и статистические данные, мемуарная литература и устные воспоминания. В работе использовались историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический методы, а также методы группировки статистических данных и интервьюирования. *Анализ.* Показано, что руководство СССР придавало гидроузлам на Волге важное оборонное значение прежде всего как бесперебойным источникам электроэнергии. Проанализированы статистические сведения о производстве гидроэлектроэнергии Ивановской, Угличской и Рыбинской ГЭС в 1941–1945 гг., с учетом общих показателей выработки электроэнергии в СССР. Верхневолжские гидроузлы в 1941–1942 гг. находились в прифронтовой зоне и работали в сложнейших условиях. Особенно актуальной была угроза захвата Ивановского гидроузла. Немцы пытались переправиться через Ивановское водохранилище, но гидротехники сбросили воду, и наступление врага было сорвано. Эффективная система охраны и маскировки не позволила врагу остановить работу гидроэлектростанций. *Результаты.* Сделаны выводы о том, что верхневолжские гидроузлы в 1941–1945 гг. были в первую очередь надежными источниками электроэнергии для населения и военных предприятий Москвы и Московской области. Кроме того, они являлись важными элементами оборонительных линий во время Московской битвы. Таким образом, верхневолжские гидроузлы стали важным фактором победы СССР в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, верхневолжские гидроузлы, гидроэлектроэнергия, Московская битва, оборона.

Цитирование. Бурдин Е. А. Военно-техническое и хозяйственное значение верхневолжских гидроузлов в период Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 59–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.5>

Введение. Несмотря на приближение 80-летнего юбилея со дня окончания Великой Отечественной войны, следует констатировать: до сих пор многие ее страницы остаются слабо изученными или даже неизвестными. И если военные аспекты исследованы довольно-таки неплохо, то работа советской хозяйственной системы в этот период исследована явно недостаточно. В этом свете весьма актуальной представляется попытка выяснить вклад гидроэнергетики в победу Советского государства на примере каскада верхневолжских гидроузлов – Ивановского, Угличского и Рыбинского. Расположение этих крупных объектов энергетической инфраструктуры в Центральном экономическом районе и географическая близость к Москве во время военных действий обусловила их важное оборонное значение. От степени эффективности работы указанных гидроузлов во многом зависело как электроснабжение прежде всего населения Москвы и Московской области, так и расположенных на этой территории предприятий военной промышленности.

Стоит отметить, что историография обозначенной проблемы сравнительно немногочисленна и может быть разделена на группы. В первую группу входят монографии и статьи,

в которых описываются отдельные аспекты гидростроительства на Волге, в том числе верхневолжские гидроузлы, а также военные действия осенью и в начале зимы 1941–1942 гг. в районе Ивановского гидроузла и канала Москва – Волга [2; 3; 4; 13; 17; 26; 27]. Вторая группа представлена публикациями ведомственной направленности, изданными под эгидой энергетической компании «РусГидро» [1; 6; 12; 16; 24]. В целом для историографии, особенно ведомственной, характерны отрывочность, узкий круг источников, отсутствие их критического анализа и описательность. Естественно, все это существенно снижает степень достоверности, полноты и репрезентативности содержащейся в них информации. Поэтому в настоящей статье предпринята попытка всестороннего и объективного освещения военно-технического и хозяйственного значения верхневолжских гидроузлов в период Великой Отечественной войны.

Методы и материалы. Источниковой базой исследования стали научно-техническая документация, справочные и статистические сведения и нормативно-правовые акты, которые хранятся в фондах Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива в г. Самаре и других

архивов, а также содержатся в различных публикациях. Кроме того, привлекались источники личного происхождения – мемуарная литература и устные воспоминания. Некоторые источники вводятся в научный оборот впервые. В рамках системно-синергетического подхода применялись такие специальные методы исторического исследования, как историко-генетический, историко-сравнительный, проблемно-хронологический, а также смежные методы – группировки статистических данных и интервьюирования.

Историко-генетический метод применялся при краткой характеристике зарождения и становления российской и советской гидроэнергетики в конце XIX в. и до 1970-х годов. Историко-сравнительный метод позволил выявить и сравнить количественные данные по выработке гидроэлектроэнергии, например, в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, этот метод путем аналогий и сравнений значительно повысил достоверность исследования и помог сделать широкие исторические обобщения. Применение проблемно-хронологического метода позволило выделить конкретные темы, которые рассматривались в хронологической последовательности: 1) зарождение и становление гидроэнергетики не только как важной части экономики, но и как важного оборонного ресурса; 2) количественные показатели работы верхневолжских гидроузлов, в первую очередь производство гидроэлектроэнергии (1941–1945) (хозяйственное значение); 3) оборонное (военно-техни-

ческое) значение гидроузлов на Верхней Волге. Метод группировки статистических данных применялся, главным образом, при составлении таблицы. Плодотворным оказался метод интервьюирования, поскольку воспоминания старожилов «оживляют» историю процесса или события и существенно дополняют другие источники. В целом же системно-синергетический подход позволил изучить работу верхневолжских гидроузлов в критический период их истории и установить системные закономерности эволюции объекта исследования.

Анализ. В отличие от плана ГОЭЛРО, в политике форсированной индустриализации, которая началась в 1929 г., огромная роль отводилась освоению водных ресурсов Волги. Однако комплексная концепция гидростроительства на Волге, которая обладала огромным энергетическим потенциалом, окончательно сложилась только в 1936 г. [10, л. 1–28; 25, л. 35].

Очевидно, что гидроэнергетика в СССР рассматривалась как важный оборонный ресурс, хотя данный факт тщательно засекречивался. Судя по доступным архивным источникам, впервые большое значение гидроузлов на Волге для обороны страны отмечалось в 1931 г. [8, л. 19–20]. Технические специалисты акцентировали внимание на том, что тыловое расположение гидротехнических объектов облегчает их работу. Волжские гидроузлы должны были снабжать электроэнергией военную промышленность – авиационные, хи-

Общее количество электроэнергии и гидроэлектроэнергии (в том числе верхневолжских ГЭС), произведенной в СССР в 1941–1945 гг. (млн кВт/ч)

Total amount of electric power and hydroelectric power (including Upper Volga hydroelectric power plants) produced in the USSR in 1941–1945 (million kW/h)

ГЭС	Годы					
	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Рыбинская	55,3	752,3	594	848,4	654,6	2 904,6
Угличская	137,4	213,1	274,4	203,9	264,1	1 092,9
Иваньковская*	–	60	120	120	120	420
Итого	192,7	1 025,4	988,4	1 172,3	1 038,7	4 417,5
Все ГЭС СССР	6 030	3 346	3 609	4 293	4 841	22 119
Общий объем электроэнергии	46 698	29 068	32 288	39 214	43 257	190 525

Примечание. Составлено по: [1, с. 104–108, 118–119; 18, с. 60]. * – сведения по Иваньковской ГЭС являются оценочными и усредненными, то есть приблизительными.

Note. Compiled from: [1, с. 104–108, 118–119; 18, с. 60]. * – information on the Ivankovo hydroelectric power plant is estimated and averaged, i.e., approximate.

мические и другие предприятия, продукция которых перевозилась преимущественно по Волге. Поэтому жизненно необходимым считалось увеличение судоходных глубин. Уже в 1931 г. был сделан вывод о том, что расположение гидроузлов на Волге является оптимальным в экономическом и военном аспектах, а гидроэлектроэнергия может резко повысить обороноспособность страны [8, л. 18].

В 1933 г. на сессии Академии наук СССР, посвященной хозяйственному освоению волжских ресурсов, указывалось на огромное оборонное значение Волги как источника электроэнергии для крупных промышленных центров, расположенного далеко от внешних границ [21, л. 17]. Ученые отмечали, что здесь необходимо построить мощную тыловую базу, а реконструкция Волжского бассейна должна предусматривать создание глубоководного пути между Балтийским, Белым, Каспийским и Черным морями [22, с. 56, 214–215].

Строительство первой, верхней ступени Волжского каскада – Ивановского гидроузла, началось в 1933 году. После введения в строй в 1937 г. он стал головной частью канала имени Москвы и обеспечивал его работу [20, л. 6; 24, с. 60–61].

Следующие ступени каскада – Угличский и Рыбинский гидроузлы начали возводить в 1935 году. Угличский гидроузел окончательно достроили только в 1942 г., а Рыбинский – в 1950 г. [17, с. 61; 20, л. 10].

Проектировщики планировали, что верхневолжские гидроузлы будут решать задачи водоснабжения, выработки электроэнергии и создания необходимых судоходных условий. Ивановскому гидроузлу отводилась роль главного элемента системы водоснабжения Москвы, а в работе Угличского и Рыбинского гидроузлов акцент делался на производство электроэнергии [17, с. 61; 20, л. 7, 10, 12]. В целом верхние ступени Волжского каскада ГЭС имели в основном транспортно-энергетическое значение. Позднее, в 1950–1970-е гг., были построены еще пять гидроузлов, среди которых выделялись Куйбышевский (ныне Жигулевский) и Сталинградский (ныне Волжский), приоритетом которых являлась выработка большого количества электроэнергии и поддержание судоходных глубин [17, с. 61]. Все гидротехнические объекты на Волге были

важным компонентом обороноспособности СССР [5, с. 4–5].

Если официальная позиция властных структур по вопросу гидростроительства на Волге хорошо известна, то отношение местного населения до недавнего времени в силу разных причин не афишировалось. Между тем в одном из неопубликованных источников сохранилась информация о том, что после начала Второй мировой войны осенью 1939 г. в сельских поселениях Рыбинского района Ярославской области появились слухи: «...раз война началась – переселяться не будем, никаких гидроузлов не будет...» [15, л. 45]. Безусловно, такая реакция была связана с нежеланием значительной части жителей населенных пунктов, которые попадали в ту или иную зону затопления на Волге, навсегда покидать родные места.

Теперь обратим внимание на количественные показатели работы верхневолжских гидроузлов, в первую очередь производство гидроэлектроэнергии. Средняя установленная мощность Ивановской ГЭС была 30 МВт, Угличской – 110 МВт, Рыбинской – 338,1 МВт [6, с. 335–337]. Таким образом, наименьшую мощность имела Ивановская ГЭС, наибольшую – Рыбинская (в 11,3 раза больше).

Документальных сведений о количестве выработанной Ивановской ГЭС электроэнергии в годы Великой Отечественной войны не сохранилось. Но с учетом средней многолетней выработки (120 млн кВт/ч) можно предположить, что эта цифра составила примерно 420 млн кВт/ч (см. таблицу), или в среднем 105 млн кВт/ч в год [6, с. 335]. Почему же в 1941 г. количество произведенной электроэнергии неизвестно, а в 1942 г. это значение гораздо меньше средней многолетней выработки? Дело в том, что осенью 1941 г. работавшая Ивановская ГЭС оказалась в непосредственной близости от фронта. В октябре пришлось демонтировать и эвакуировать один гидроагрегат (каждый гидроагрегат состоит из генератора и турбины), а второй из-за дефицита времени законсервировать [7, с. 168]. Но в конце декабря 1941 г. из-за острой нехватки электроэнергии в Москве пришлось по временной схеме включить один гидроагрегат Ивановской ГЭС, а второй был запущен после окончания Московской битвы, в мае 1942 г. [7,

с. 168]. К лету 1942 г. гидроэлектростанция работала на полную мощность.

Что касается работы в период Великой Отечественной войны Рыбинского и Угличского гидроузлов, то здесь состояние источниковой базы позволяет оценить их вклад в победу с гораздо большей степенью полноты и достоверности. Стоит отметить, что, несмотря на ударные темпы работ, гидроузлы в Угличе и Рыбинске к началу войны не были достроены. В результате на Угличской ГЭС протекала крыша над действующим оборудованием, отсутствовало отопление [16, с. 189]. На Рыбинской ГЭС здание не было доведено до крыши, и гидроагрегат защищался брезентовым шатром, а вспомогательное оборудование – местными навесами. Пульт управления обогревался временными электропечами [1, с. 102–103]. В ноябре 1941 г. в связи с приближением линии фронта сооружение Рыбинского и Угличского гидроузлов было законсервировано, а незаконченные энергетические и судоходные объекты передали для эксплуатации наркоматам электростанций и речного флота [1, с. 102]. В этих сложных условиях оборудование гидроэлектростанций, особенно Рыбинской, нередко выходило из строя и простаивало [1, с. 105]. Большой проблемой был дефицит квалифицированных кадров [6, с. 53]. Тем не менее отмеченные трудности не оказали большого влияния на работу гидроузлов.

Первый гидроагрегат Рыбинской ГЭС ввели в эксплуатацию в ноябре 1941 г., второй – в январе 1942 г., третий – в августе 1945 г. (к 1950 г. их было шесть) [20, л. 12]. Во время битвы за Москву в столичный регион подавалась гидроэлектроэнергия, производимая двумя гидроагрегатами. Угличская ГЭС, в три раза меньшая по мощности, заработала в полную силу еще до начала Великой Отечественной войны – в марте 1941 г. [20, л. 10].

Анализ статистических сведений, представленных в таблице, показал, что в период Великой Отечественной войны верхневолжские гидроэлектростанции выработали около 4 417,5 млн кВт/ч, или 20 % от общего количества произведенной в СССР гидроэлектроэнергии.

Следует отметить, что тогда вся электроэнергия на территории Советского Союза вырабатывалась тепловыми станциями (ТЭЦ)

и ГЭС, причем если в 1941 г. доля ГЭС составляла 13 %, то в 1945 г. – 11,2 %, то есть проявилась тенденция к снижению данного показателя. В среднем за 5 военных лет он равнялся 11,6 %. Доля верхневолжских ГЭС в общем количестве произведенной в стране гидроэлектроэнергии в 1941 г. составляла около 3,2 %, в 1942 г. – уже 30,7 %, в 1943 г. – 27,4 %, в 1944 г. – 27,3 %, в 1945 г. – 21,5 %. Этот показатель за 5 лет вырос в 6,7 раза.

Статистические сведения показывают, что если в 1941 г. верхневолжские ГЭС производили минимальное количество гидроэлектроэнергии, то в последующие военные годы этот показатель резко вырос, особенно в 1944 году. Максимальная же доля выработки гидроэлектроэнергии на Верхней Волге в общем количестве произведенной в СССР была достигнута в 1942 г. – 30,7 %. Но этот показатель был достигнут за счет резкого снижения общей выработки гидроэлектроэнергии в стране.

Если в 1941 г. в СССР произвели 46 698 млн кВт/ч электроэнергии, то в 1942 г. – всего лишь 29 068 млн кВт/ч, то есть в 1,6 раза меньше. Показатель 1941 г. не был достигнут даже в 1945 году. В этом свете значение гидроэлектроэнергии выросло, хотя ее общая выработка в целом по стране так и не приблизилась к показателю 1941 года. Дело здесь было не столько в количественных показателях, сколько в обеспечении бесперебойности производства электроэнергии – для выработки гидроэлектроэнергии не требовался постоянный подвоз дефицитного угля. Большинство ТЭЦ Московской энергосистемы фактически было эвакуировано или лишилось возможности пополнения запасов угля [1, с. 19]. Главный угольный регион СССР – Донбасс был освобожден только к 1944 году. Но значительная часть шахт там была взорвана, поэтому их еще требовалось восстановить. Подмосковный же уголь был хуже по качеству, и военные действия сильно затрудняли его добычу и доставку потребителям.

Иваньковская, Угличская и Рыбинская гидроэлектростанции в 1941–1942 гг. находились в прифронтовой полосе, поэтому производимая ими гидроэлектроэнергия была особенно важной и востребованной в Москве и Московской области.

Кроме выработки дефицитной электроэнергии, гидроузлы выполняли и важную транспортную функцию, поскольку через их шлюзы проходили суда с древесиной, нефтепродуктами и другими грузами [16, с. 190]. Только через Угличский шлюз в 1941–1945 гг. прошло более 7 000 судов [19, с. 36]. Но в условиях войны приоритетной задачей верхневолжских гидроузлов было производство гидроэлектроэнергии.

Во время военных действий немалое значение придавалось гидротехническим объектам как оборонительным элементам. Военный инженер А.И. Пангксен, рассматривая фортификационную систему Московской зоны обороны, уже в 1942 г. отмечал, что ее правый фланг «считался достаточно обеспеченным, так как упирался в мощное водохранилище – Московское море (Иваньковское водохранилище. – Е. Б.)» [2, с. 327].

Видные советские военачальники подчеркивали особую роль гидротехнических объектов для создания препятствий продвижению врага: «С оборонительной целью была использована система канала Москва – Волга и Московско-Окского речного бассейна, особенно в части регулирования переправ немецкие оккупанты частично испытали на себе во время боевых действий на р. Яхроме и у Истринского водохранилища. Оборона в Москве строилась по принципу создания опорных узлов сопротивления» [23, с. 126]. Некоторые реки, каналы и водохранилища как раз являлись элементами таких узлов сопротивления.

Ярким примером оборонительного значения гидротехнических объектов были события вокруг Истринского водохранилища, расположенного южнее Иваньковского. В ноябре 1941 г., когда немецкие войска приблизились к нему, советские части взорвали водоспуски Истринского гидроузла. В результате вниз по течению хлынул большой поток воды высотой до 2,5 м на протяжении около 50 км к югу от водохранилища [23, с. 59]. Наступление противника на этом участке фронта остановилось, а советские войска получили возможность организованно отойти на новый рубеж обороны.

Стоит добавить, что канал Москва – Волга также стал серьезным барьером на пути немецких частей. Врагу удалось прорвать

советскую оборону и переправиться через канал только один раз – 28 ноября 1941 г. [2, с. 239–241]. В этот день немцы захватили Яхрому и близлежащий мост через канал Москва – Волга. Кроме того, как вспоминал В. Хаупт, боевая группа немецкой 7-й танковой дивизии уничтожила здесь электростанцию, которая снабжала электроэнергией значительную часть Москвы [26, с. 144]. Положение столицы усложнилось еще больше. Но противник не сумел удержать занятый плацдарм – в результате стремительной контратаки 1-й ударной армии немцы отступили. В других местах враги так и не смогли преодолеть канал Москва – Волга.

В конце ноября 1941 г. передовые части немецких войск начали подготовку к форсированию Иваньковского водохранилища. Преодоление врагом серьезного водного рубежа длиной 120 км со средней шириной 4 км (максимальная – 12 км) значительно усложнило бы ситуацию на фронте [11]. В этой критической ситуации коллектив Иваньковской ГЭС успешно провел операцию по срочному открытию затворов плотины и сбросу большого количества воды [13, с. 3–4]. В результате удалось снизить уровень водохранилища на 2 м. В условиях, когда лед резко просел и образовались торосы и трещины, немецкие войска не смогли начать переправу через Завидовский залив у Конаково [13, с. 3]. Наступление врага на этом участке фронта было сорвано.

В связи с реальной военной опасностью осенью 1941 г. была усилена охрана верхневолжских гидроузлов как стратегических объектов государственной важности. Они находились сравнительно недалеко от Москвы – минимальное расстояние, по авторским подсчетам, составляло 115 км (Иваньковская ГЭС), максимальное – 266 км (Рыбинская ГЭС). Поэтому во время Московской битвы с сентября 1941 г. по апрель 1942 г. эти гидротехнические объекты оказались в прифронтовой полосе и подвергались налетам немецкой авиации. Угроза бомбардировок с воздуха, хотя и в меньшей степени, сохранялась вплоть до 1945 года. Не случайно 26 мая 1943 г. вышло постановление Государственного комитета обороны, в котором перечислялись меры по укреплению противовоздушной обороны гидроузлов, в первую очередь верхневолжских [27, с. 93].

Особенно актуальной была угроза захвата немецкими войсками Ивановского гидроузла. 19 ноября 1941 г. командующий Западным фронтом Г.К. Жуков приказал немедленно усилить охрану и оборону гидротехнических объектов у рабочего поселка Иваново [27, с. 26, 33–35]. В состав оборонительной группировки входили части разных родов войск – танковых, пехотных (мотострелковых) и противовоздушной обороны [27, с. 33–35, 38]. В случае крайней необходимости планировалось организовать круговую оборону. В конце ноября силы ПВО успешно отражали налеты вражеской авиации [27, с. 46]. В начале декабря 1941 г. все военные части в районе Иваново, кроме сил ПВО, приняли участие в советском контрнаступлении.

По свидетельствам очевидцев, отдельным немецким самолетам удавалось прорваться через огонь зенитных батарей и сбросить бомбы на Ивановское водохранилище, рабочий поселок и авиазавод [14, с. 34–36]. Но значительных разрушений не было.

Важным дополнением к информации о положении дел в районе Ивановского гидроузла в октябре – ноябре 1941 г. являются воспоминания жительницы Иваново Л.И. Крюковой: «Из местных жителей... были сформированы команды стрелков, в основном из женщин. ...Н.А. Кочеткова в одну из ночей дежурила на ГЭСе. Вдруг она услышала цокот копыт, из темноты показались всадники. Один из них спрыгнул с лошади. Высокий, красивый, в белом полушубке. Он подошел к Нине Андреевне и спросил, где найти начальника. Получив информацию, отдал ей поводья коня. Через непродолжительное время всадник вышел из здания ГЭС. Подошел, поблагодарил за службу, пожал руку и ускакал в сторону дамбы. Появившийся начальник объяснил, что это был генерал Рокоссовский, командующий фронтом. Он привез приказ взорвать Ивановскую ГЭС, как только на дамбу ступит сапог немецкого солдата... Прорвать фронт на этом участке противнику не удалось. Работникам Ивановской ГЭС удалось в 40-градусный мороз поднять водяные ворота плотины и спустить воду в Волгу» [14, с. 32–33].

В отличие от Ивановского гидроузла, около которого в ноябре – начале декабря 1941 г. шли ожесточенные бои, Угличский и

Рыбинский гидроузлы оказались в прифронтовой зоне, но на некотором удалении от фронта. Немецкое командование прекрасно понимало значимость гидротехнических объектов, особенно Рыбинского, для обороны Москвы и исхода Московской битвы в целом. Поэтому первый вражеский самолет-разведчик был замечен над Рыбинском еще в августе 1941 г. [6, с. 53].

Осенью 1941 г. был создан Рыбинско-Ярославский дивизионный район ПВО, в который входили Угличское и Рыбинское отделения [16, с. 188]. Их главной задачей была охрана гидроузлов. На маскировку еще недостроенных гидротехнических объектов бросили все силы [16, с. 188]. Благодаря предпринятым мерам бомбардировки немецкой авиации не принесли гидроузлам сколько-нибудь значительных повреждений.

По воспоминаниям старожилов, у сбитого в Ярославской области немецкого летчика нашли документы, согласно которым его наградили орденом за прямое попадание в здание Рыбинской ГЭС. Видимо, вражеское командование ввел в заблуждение вид, который открывался сверху на недостроенное здание гидроэлектростанции и напоминал воронки от бомб – машинный зал без крыши и круглые бетонные кратеры для шести турбин [6, с. 53].

Жительница г. Рыбинска Г.Н. Гусева вспоминала: «Потом началась война. Еще хуже стало. Свету и так не было, и копилки приходилось завешивать чем-то черным, потому что немец летал на ГЭС. Потом горела нефтебаза, разлиты были большие баки. Мама стала собирать вещи, а куда бежать? Бежать некуда. Здесь Волга горит, там – дзот стоит в сосновой рощице. ...Однажды налет был днем. Мы, дети, выскочили на крышу нашего одноэтажного дома. Смотрим, и лицо немецкого летчика увидели – в шлеме, в очках. Дак он начал строчить! Взрослые выскочили, на нас кричат, чтобы мы забрались под крышу. Он летал бомбить ГЭС, но там зенитки стояли – так он в детей начал строчить» [9, с. 3].

Государство высоко оценило вклад гидроэнергетиков в победу – в 1945 г. Ярославский обком ВКП(б) передал на вечное хранение в Угличскую ГЭС переходящее Красное знамя за оказание помощи фронту, а Наркомат электростанций передал коллективу Рыбинской

ГЭС на вечное хранение Красное знамя за бесперебойное энергоснабжение Москвы в военное время [1, с. 109].

Результаты. Анализ источников и историографии позволяет сделать следующие выводы. Великая Отечественная война показала правильность государственной политики в области гидроэнергетики, которая рассматривалась как важный оборонный ресурс. Особенно большое внимание в 1930-е гг. уделялось гидротехническому строительству на Верхней Волге – она обладала большим энергетическим потенциалом и находилась в глубоком тылу. К началу Великой Отечественной войны Ивановский гидроузел был полностью готов и работал, а Угличский и особенно Рыбинский гидроузлы находились в недостроенном состоянии и поэтому не могли производить запроектированное количество гидроэлектроэнергии. Однако уже в 1942 г. они сумели выработать максимально возможный в этих условиях объем продукции.

Хозяйственное значение верхневолжских гидроузлов, особенно Рыбинского и Угличского, заключалось прежде всего в бесперебойной выработке гидроэлектроэнергии для населения близлежащих Москвы и Московской области и работы предприятий военной промышленности. Особенно это было важно в первый и самый трудный этап Великой Отечественной войны – битву за Москву, когда во многом решалась судьба СССР. В этих тяжелых условиях персонал верхневолжских ГЭС сумел обеспечить непрерывную выработку и подачу гидроэлектроэнергии. Тогда Ивановская, Угличская и Рыбинская ГЭС были единственными надежными производителями и поставщиками электроэнергии в Центральном экономическом регионе.

Второстепенным, но значимым был вклад гидротехнических объектов, в частности, Ивановского водохранилища и примыкающего к нему канала Москва – Волга, в создание оборонительных линий на пути врага, в том числе опорных узлов сопротивления. Осенью 1941 г. резкий сброс воды на плотине Ивановского гидроузла не позволил немецким танковым частям переправиться через водохранилище и выйти в тыл к советским войскам.

Таким образом, стабильная и эффективная работа верхневолжских гидроузлов в 1941–

1945 гг. стала важным фактором победы Советского государства в Московской битве и Великой Отечественной войне в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 25 лет Угличской и Рыбинской ГЭС: из опыта строительства и эксплуатации / под общ. ред. Н. А. Малышева, М. М. Мальцева. М.; Л.: Энергия, 1967. 312 с.
2. Безыменский Л. А. Битва за Москву. Провал операции «Тайфун». М.: Яуза: Эксмо, 2006. 384 с.
3. Битва за Москву: история Московской зоны обороны / сост. С. С. Илизаров, С. В. Костина. М.: Моск. учебники и Карто-литография, 2001. 448 с.
4. Бурдин Е. А. Гидроэнергетика в плане ГОЭЛРО (1920–1935 гг.) // Вестник УлГТУ. 2010. № 1. С. 17–20.
5. Бурдин Е. А. Основные факторы сооружения Волжского каскада гидроузлов (1930–1950-е гг.) // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 3–8.
6. Вечный двигатель. Волжско-Камский гидроэнергетический каскад: вчера, сегодня, завтра / под общ. ред. Р. М. Хазиахметова; авт.-сост. С. Г. Мельник. М.: Фонд «Юбилейная летопись», 2007. 352 с.
7. Возобновляемая энергия. Гидроэлектростанции России. Справочник / М. И. Дворецкая, А. П. Жданова, О. Г. Лушников, И. В. Слива; под общ. ред. В. В. Берлина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. 223 с.
8. ВОЛГРЭС и ее значение для плана развития промышленности и сельского хозяйства Средней Волги и для обороны страны. 1931 г. // Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 28. Д. 456. Л. 18–26.
9. Гусева Г. Н. Воспоминания: записал Е.А. Бурдин 14 апр. 2011 г. в г. Рыбинске (Яросл. обл.). 3 с.
10. Заключение экспертной комиссии по реконструкции Волги. 13–20.04.1936 г. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Д. 182. 44 л.
11. Ивановская ГЭС: конструкция станции, основные характеристики, экономическое значение. URL: <https://fb.ru/article/427637/ivankovskaya-ges-konstruktsiya-stantsii-osnovnyie-harakteristiki-ekonomicheskoe-znachenie>
12. История Гидропроекта. 1930–2000 / под ред. В. Д. Новожинова. М.: [б. и.], 2000. 544 с.
13. Коршунов Э. Л., Рупасов А. И. «При строительстве противотанковых препятствий учитывать мелкие водные преграды». Использование гидротехнических сооружений в военных целях // Военно-исторический журнал. 2013. № 9. С. 3–5.

14. Крючкова Л. И. Иваново: город моего детства. М.: [б. и.], 2016. 96 с.

15. Материалы IV партийной конференции Волгостроя. Октябрь 1939 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9414. Оп. 4. Д. 15. 121 л.

16. Митрофанов И. И. Деятельность советских инженеров в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тверь: [б. и.], 2015. 264 с.

17. Найдено В. В. Великая Волга на рубеже тысячелетий. От экологического кризиса к устойчивому развитию. В 2 т. Т. 1. Общая характеристика бассейна р. Волга. Анализ причин экологического кризиса. Н. Новгород: Промграфика, 2003. 432 с.

18. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М.: Информ.-издат. центр, 1990. 235 с.

19. Очерк истории судоходства в Угличском Верхневолжье. Рыбинск: [б. и.], 1996. 45 с.

20. План эксплуатации Верхне-Волжских ГЭС. Т. V. Водное хозяйство. 1949 г. // Российский государственный архив в г. Самаре. Ф. 119. Оп. 2–4. Д. 397. 89 л.

21. Положение о группе Волжской проблемы. 1933 г. // Архив Российской академии наук. Ф. 209. Оп. 1. Д. 42. 82 л.

22. Проблемы Волго-Каспия: труды ноябрьской сессии 1933 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 628 с.

23. Разгром немецких войск под Москвой: Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. – 31 января 1942 г. / под гл. ред. маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова. Перепеч. с изд. 1943 г. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2006. 536 с.

24. Слива И. В. История гидроэнергетики России. Тверь: б.и., 2014. 304 с.

25. Тезисы докладов на заседаниях экспертной комиссии Госплана СССР по реконструкции Волги. 13–24.04.1936 г. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Д. 181. 156 л.

26. Хаупт В. Битва за Москву. Первое решающее сражение Второй мировой. 1941–1942 / пер. с нем. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2010. 220 с.

27. Четвериков Л. Г. «Подготовлена к взрыву...»: хроника событий военного времени 1941–1945 годов в районе Иваново (современная Дубна). Изд. второе, доп. М.: Моск. обл. обществ. фонд «Наследие», 2021. 112 с.

REFERENCES

1. Malyshev N.A., Maltsev M.M., eds. *25 let Uglichskoi i Rybinskoi GES: iz opyta stroitelstva i ekspluatatsii* [25 Years of Uglichskaya and Rybinskaya HPPs: From the Experience of Construction and Operation]. Moscow, Leningrad, Energia Publ., 1967. 312 p.

2. Bezymenskii L.A. *Bitva za Moskvu. Proval operatsii «Taifun»* [Battle for Moscow. Failure of Operation “Typhoon”]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2006. 384 p.

3. *Bitva za Moskvu: Istoriia Moskovskoi zony oborony* [History of the Moscow Defense Zone]. Moscow, Mosk. uchebniki i Karto-litografiya Publ., 2001. 448 p.

4. Burdin E.A. *Gidroenergetika v plane GOELRO (1920–1935 gg.)* [Hydropower in the GOELRO Plan (1920–1935)]. *Vestnik UIGTU*, 2010, no. 1, p. 17–20.

5. Burdin E.A. *Osnovnye faktory sooruzheniia Volzhskogo kaskada gidrouzlov (1930–1950-e gg.)* [Main Factors of Construction of the Volga Hydroscheme Cascade (1930–1950s)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University], 2010, no. 2, pp. 3–8.

6. Khaziakhmetov R.M., Melnik S.G., eds. *Vechmyi dvigatel. Volzhsko-Kamskii gidroenergeticheskii kaskad: vchera, segodnia, zavtra* [Perpetual Motion Machine. Volga-Kama Hydropower Cascade: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow, Fond «Yubileynaya letopis», 2007. 352 p.

7. Dvoretzkaya M.I., Zhdanova A.P., Lushnikov O.G., Sliva I.V., Berlin V.V., ed. *Vozobnovliaemaia energiya. Gidroelektrostantsii Rossii. Spravochnik* [Renewable Energy. Hydroelectric Power Plants of Russia. Reference Book]. Saint-Petersburg, Izd-vo Politehn. un-ta, 2018. 223 p.

8. *VOLGRES i ee znachenie dlia plana razvitiia promyshlennosti i selskogo khoziaistva Srednei Volgi i dlia oborony strany. 1931 g.* [VOLGRES and Its Importance for the Industrial and Agricultural Development Plan of the Middle Volga and for the Defense of the Country. 1931]. *Rossiyskiy gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (daleye – RGAE)* [Russian State Archive of Economics], f. 4372, inv. 28, d. 456, l. 18–26.

9. Guseva G.N. *Vospominaniia: zapisal E.A. Burdin 14 apr. 2011 g. v g. Rybinske (Iarosl. obl.)* [Memories; Recorded by E.A. Burdin on April 14, 2011 in Rybinsk (Yaroslavl Region)]. 3 p.

10. *Zakliuchenie ekspertnoi komissii po rekonstruktsii Volgi* [Conclusion of the expert Commission on the Reconstruction of the Volga River. 13–20.04.1936]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 4372, inv. 34, d. 182. 44 l.

11. *Ivankovskaia GES: konstruktsiia stantsii, osnovnye kharakteristiki, ekonomicheskoe znachenie* [Ivankovskaya HPP: Plant Design, Main Characteristics, Economic Importance]. URL: <https://fb.ru/article/427637/ivankovskaya-ges-konstruktsiya-stantsii-osnovnyie-harakteristiki-ekonomicheskoe-znachenie>

12. Novozhenin V.D., ed. *Istoriia Gidroproekta. 1930–2000* [History of Hydroproject. 1930–2000]. Moscow, s.n., 2000. 544 p.

13. Korshunov E.L., Rupasov A.I. «Pri stroitelstve protivotankovykh prepiatstviy uchityvat melkie vodnye pregrady». Ispolzovanie gidrotekhnicheskikh sooruzhenii v voennykh tseliakh [“Consider Shallow Water Obstacles when Constructing Anti-Tank Obstacles”. Use of Hydraulic Structures for Military Purposes]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military-Historical Journal], 2013, no. 9, pp. 3-5.
14. Kriuchkova L.I. *Ivankovo: gorod moego detstva* [Ivankovo: Town of My Childhood]. Moscow, s.n., 2016. 96 p.
15. Materialy IV partiinoi konferentsii Volgostroia. Oktiabr 1939 g. [Proceedings of the 4th Party Conference of Volgostroy. October 1939]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation], f. r-9114, inv. 4, d. 15. 121 l.
16. Mitrofanov I.I. *Deiatelnost sovetskikh inzhenerov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Activities of Soviet Engineers During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Tver, s.n., 2015. 264 p.
17. Naidenko V.V. *Velikaia Volga na rubezhe tysyacheletii. Ot ekologicheskogo krizisa k ustoichivomu razvitiyu. V 2 t. T. 1. Obshchaya kharakteristika basseina r. Volga. Analiz prichin ekologicheskogo krizisa* [Great Volga at the Turn of the Millennium. From Ecological Crisis to Sustainable Development. In 2 Vol. Vol. 1. General Characteristics of the Volga River Basin. Analysis of the Causes of the Ecological Crisis]. Nizhniy Novgorod, Promgraphika Publ., 2003. 432 p.
18. *Narodnoe khoziaistvo SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. Statisticheskii sbornik* [National Economy of the USSR in the Great Patriotic War of 1941–1945. Statistical Collection]. Moscow, Informatsionno-izd. tsentr, 1990. 235 p.
19. *Ocherk istorii sudokhodstva v Uglichskom Verkhnevolzhe* [Sketch of the History of Navigation in the Uglich Upper Volga Region]. Rybinsk, s.n., 1996. 45 p.
20. Plan ekspluatatsii Verkhne-Volzhskikh GES. T. V. Vodnoe khoziaistvo. 1949 g. [Operation Plan of the Upper-Volga HPPs. Vol. 5. Water Economy. 1949]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv v g. Samare* [Russian State Archive in Samara], f. 119, inv. 2-4, d. 397. 89 l.
21. Polozhenie o gruppe Volzhskoi problemy. 1933 g. [Regulations on the Volga Problem Group. 1933]. *Arkhir Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 209, inv. 1, d. 42. 82 l.
22. *Problemy Volgo-Kaspiia: trudy noiabrskoi sessii 1933 g.* [Problems of the Volga-Caspian Sea: Proceedings of the November Session of 1933]. Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1934. 628 p.
23. Marshall of the Soviet Union Shaposhnikov B.M., ed. *Razgrom nemetskikh voisk pod Moskvoy: Moskovskaia operatsiia Zapadnogo fronta 16 noiabria 1941 g. – 31 ianvaria 1942 g.* [Defeat of German Troops near Moscow: Moscow Operation of the Western Front November 16, 1941 – January 31, 1942]. Moscow, Izd-vo Glavarkhiva Moskv, 2006. 536 p.
24. Sliva I.V. *Istoriia gidroenergetiki Rossii* [History of Hydropower in Russia]. Tver, s.n., 2014. 304 p.
25. Tezisy dokladov na zasedaniakh ekspertnoi komissii Gosplana SSSR po rekonstruktsii Volgi. 13–24.04.1936 g. [Theses of Reports at the Meetings of the Expert Commission of the State Planning Committee of the USSR on the Reconstruction of the Volga. 13–24.04.1936]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 4372, inv. 34, d. 181. 156 l.
26. Khaupt V. *Bitva za Moskvu. Pervoe reshaiushchee srazhenie Vtoroi mirovoi. 1941–1942* [Battle of Moscow. First Decisive Battle of the Second World War. 1941–1942]. Moscow, Centerpoligraf Publ., 2010. 220 p.
27. Chetverikov L.G. «Podgotovlena k vzryvu...»: *khronika sobytii voennogo vremeni 1941–45 godov v raione Ivankovo (sovremennaia Dubna)* [“Prepared to Explode...”: Chronicle of the Wartime Events of 1941–45 in the Ivankovo Neighborhood (Modern Dubna)]. Moscow, Mosk. obl. obschestv. fond «Naslediye», 2021. 112 p.

Information About the Author

Evgeny A. Burdin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Ulyanovsk State Pedagogical University, Lenina Sq., 4/5, 432071 Ulyanovsk, Russian Federation, burdin_e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5727-7321>

Информация об авторе

Евгений Анатольевич Бурдин, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и культурологии, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, пл. Ленина, 4/5, 432071 г. Ульяновск, Российская Федерация, burdin_e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5727-7321>

СОВЕТСКИЙ СОЦИУМ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, УСЛОВИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.6>

UDC 94:314.011(575.2)
LBC 63.3(5Кир)622-1

Submitted: 02.10.2024
Accepted: 22.12.2024

KYRGYZ SSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: DEMOGRAPHIC PROCESSES AND CHALLENGES

Shaiyrkul D. Batyrbaeva

Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Anara K. Karyeva

Jusup Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of demographic processes in the Kyrgyz SSR during the Great Patriotic War. In the context of modern trends of decolonization and de-Sovietization in post-Soviet countries, especially in Central Asia, it is especially important to preserve the historical memory of the war and counteract distortions. Studying the demographic challenges of wartime helps to highlight the contribution of Kyrgyzstanis to the overall victory, as well as to understand the consequences of the war for the population of the republic. **Methods and materials.** The study is based on the analysis of statistical data covering the natural and mechanical movement of the population of the Kyrgyz SSR during the war. The main methods are historical-statistical, typological, and genetic approaches, which are used to identify and analyze demographic changes in the region. The research materials include current statistical data reflecting population changes, as well as office documents and open narrative sources. These sources contribute to a deeper understanding of demographic processes and living conditions of the population during wartime. **Analysis.** Demographic processes in the Kyrgyz SSR during the Great Patriotic War underwent significant changes caused by mobilization, evacuation, and losses. At the beginning of the war, in 1941, the population was 1.615 million people, and during this period there was a natural increase due to high birth rates and mechanical increase due to evacuees from other regions of the USSR. However, beginning in 1942, the death rate began to rise rapidly due to food shortages, deteriorating medical care, and the difficult conditions of the war. By 1943, natural growth became negative, which was accompanied by an increase in migration losses caused by the return of evacuees and a general increase in mortality. Given the lack of resources, there was a sharp decline in the birth rate, reaching a minimum in 1943. The situation continued to deteriorate in 1943–44, resulting in a population decline of 9.1% by the end of the war. **Results.** The Kyrgyz SSR, during the Great Patriotic War, being in the deep rear, faced serious upheavals caused by complex socio-economic processes. The evacuation and deportation of peoples had a significant impact on the mechanical and natural population growth, radically changing the ethnic structure of the region. Infrastructure overload and resource shortages have created serious difficulties for the republic, highlighting the need to analyze the socio-economic consequences of these processes. This study not only highlights important aspects of the demographic history of Kyrgyzstan but also contributes to the preservation of historical memory, which is especially relevant in the

context of modern challenges. Assessing the impact of the war on the population allows for a deeper understanding of the sacrifices and efforts of Kyrgyzstanis both at the front and in the rear, which helps strengthen national identity and resist distortions of history. *Authors' contribution.* Sh.D. Batyrbaeva developed the basic concept of the article and the methodological foundations of the study, analyzed the demographic processes of Kyrgyzstan during the Second World War using materials from the archives of Kyrgyzstan and scientific papers, and formulated the main results of the study. A.K. Karyeva identified materials from the archives of Kyrgyzstan on demographic processes during the Second World War, analyzed the historiography of the problem, and compiled a reference apparatus.

Key words: Kyrgyzstan, Kyrgyz SSR, Great Patriotic War, population, demographic processes, natural and mechanical growth, evacuation, deportation.

Citation. Batyrbaeva Sh.D., Karyeva A.K. Kyrgyz SSR During the Great Patriotic War: Demographic Processes and Challenges. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 70-84. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.6>

УДК 94:314.011(575.2)

ББК 63.3(5Кир)622-1

Дата поступления статьи: 02.10.2024

Дата принятия статьи: 22.12.2024

КИРГИЗСКАЯ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ВЫЗОВЫ

Шайыркул Джолдошевна Батырбаева

Кыргызско-Российский Славянский университет, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Анара Карыевна Карыева

Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу демографических процессов в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны. В условиях современных тенденций деколонизации и десоветизации в постсоветских странах, особенно в Центральной Азии, важно сохранять историческую память о войне и противодействовать искажениям. Изучение демографических вызовов военного времени помогает подчеркнуть вклад кыргызстанцев в общую победу, а также понять последствия войны для населения республики. *Методы и материалы.* Исследование опирается на анализ статистических данных, охватывающих естественное и механическое движение населения Киргизской ССР в годы войны. Основными методами являются историко-статистический, типологический и генетический подходы, которые применяются для выявления и анализа демографических изменений в регионе. Материалы исследования включают данные текущего статистического учета, отражающие изменения численности населения, а также делопроизводственные документы и открытые нарративные источники. Эти источники способствуют более глубокому пониманию демографических процессов и условий жизни населения в условиях войны. *Анализ.* Демографические процессы в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны претерпели значительные изменения, вызванные мобилизацией, эвакуацией и потерями. В начале войны, в 1941 г., население составляло 1,615 млн человек, в этот период наблюдался естественный прирост, обусловленный высокой рождаемостью и механическим приростом из-за эвакуированных из других регионов СССР. Однако с 1942 г. смертность начала стремительно расти из-за нехватки продовольствия, ухудшения медицинского обслуживания и сложных условий войны. К 1943 г. естественный прирост стал отрицательным, что сопровождалось увеличением миграционных потерь, обусловленных возвращением эвакуированных и общим ростом смертности. В условиях нехватки ресурсов произошел резкий спад рождаемости, достигнув минимума в 1943 году. Ситуация продолжала ухудшаться в 1943–1944 гг., что привело к сокращению численности населения на 9,1 % к концу войны. *Результаты.* В годы Великой Отечественной войны Киргизская ССР, будучи глубоким тылом, столкнулась с серьезными потрясениями, вызванными сложными социально-экономическими процессами. Эвакуация и депортация народов существенно повлияли на механический и естественный прирост населения, кардинально изменив этническую структуру региона. Перегрузка инфраструктуры и нехватка ресурсов создали серьезные трудности для республики, подчеркивая необходимость анализа социально-экономических последствий этих процессов. Данное исследование не только освещает важные аспекты демографической истории Кыргызстана, но и способствует сохранению исторической памяти, что особенно актуально в условиях

современных вызовов. Оценка влияния войны на население позволяет глубже понять жертвы и усилия кыргызстанцев как на фронте, так и в тылу, что способствует укреплению национальной идентичности и противостоянию искажениям истории. *Вклад авторов.* Ш.Д. Батырбаева разработала базовую концепцию статьи и методологические основы исследования, провела анализ демографических процессов Кыргызстана в годы ВОВ по материалам архивов Кыргызстана и научных трудов, сформулировала основные результаты исследования. А.К. Карыева выявила материалы из архивов Кыргызстана по демографическим процессам в годы ВОВ, проанализировала историографию проблемы и составила научно-справочный аппарат.

Ключевые слова: Кыргызстан, Киргизская ССР, Великая Отечественная война, население, демографические процессы, естественный и механический прирост, эвакуация, депортация.

Цитирование. Батырбаева Ш. Д., Карыева А. К. Киргизская ССР в годы Великой Отечественной войны: демографические процессы и вызовы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 70–84. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.6>

Введение. Актуальность темы Великой Отечественной войны и значение победы становятся особенно очевидными в свете современных тенденций, наблюдаемых в ряде республик СНГ. В контексте идеи деколонизации России, обсуждаемой на Западе уже давно, происходит переосмысление исторических событий и наблюдается последовательная легитимация и оправдание предателей и коллаборантов, что вызывает серьезные опасения в отношении искажений исторической памяти. В некоторых случаях легионеров представляют как защитников национальной независимости, что является прямым вызовом тем, кто с оружием в руках боролся с фашизмом.

В Кыргызстане, как и в других странах Центральной Азии, подобные тенденции также имеют место. На дискуссионной площадке «Эсимде» («Помню») рассматриваются различные аспекты деколонизации, дается критическая оценка советского наследия. Дискуссии о тех, кто сотрудничал с оккупантами, ставят под сомнение жертвы и героизм тех, кто действительно защищал Родину. Проблема становится особенно актуальной в свете попыток не учитывать многонациональный характер Советского Союза. Подобные суждения не только неправомерны, но и могут привести к разобщенности и недопониманию среди народов, которые, несмотря на свои различия, совместно сражались за общую победу.

Исследование демографической ситуации в Киргизской ССР в годы войны не только способствует сохранению исторической памяти, но и позволяет противостоять искажениям истории. В условиях современных

вызовов особенно важно показать ценность вклада каждой многонациональной республики, героизм и самоотверженность всех народов в борьбе против фашизма.

Цель данной статьи – выявление изменений в динамике численности населения Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны. Ее реализация позволяет обосновать вклад кыргызстанцев в общую победу через призму человеческого измерения.

Материалы и методы. В ходе анализа демографической ситуации в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны использовался широкий спектр научных методов, обеспечивающих комплексный подход к изучению проблемы. Основное внимание было уделено количественному анализу, что позволило систематизировать данные учета населения и отразить динамику изменений рождаемости, смертности и численности населения за 1941–1945 годы. Источниковедческий метод обеспечил критический подход к работе с архивными материалами, выявленными в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и Центральном государственном архиве Республики Кыргызстан (ЦГА РК), что позволило устранить противоречия в статистических показателях. Сравнительно-исторический метод способствовал выявлению особенностей демографических процессов в республике на фоне общесоюзных тенденций. Типологический метод позволил классифицировать изменения по регионам и типам населенных пунктов, выявляя закономерности, характерные для городских и сельских жителей. Социально-экономический анализ применялся для изучения влияния вой-

ны на демографическую структуру, включая мобилизацию, эвакуацию и миграционные процессы. Такой комплексный подход обеспечил всестороннее изучение демографических изменений, связанных с войной, и выявление ключевых тенденций, характеризующих население Киргизской ССР в этот период.

Источниковой базой исследования послужили материалы учета населения, проводимого органами ЦСУ Киргизской ССР и СССР в рамках их функциональных обязанностей. Эти материалы были сгруппированы по информативной содержательности следующим образом: данные учета естественного движения [9; 26; 28; 35; 41], механического движения [10; 31–34], частичный учет эвакуированных в 1943 г. [37], ежегодный учет половозрастного состава сельского населения начиная с 1943 г. [14; 37], текущий учет численности населения [27; 37], а также засекреченный учет депортированных народов [32; 38; 42; 43]. Все эти источники содержат противоречивые сведения о демографическом составе и численности населения Киргизской ССР, часто существенно различающиеся между собой.

Здесь представлены результаты ранее проведенного одним из авторов статьи исследования, посвященного анализу динамики численности населения Киргизской ССР. Исследование основано на изучении материалов текущего статистического учета и делопроизводственной документации государственных учреждений. В ходе работы выявлены противоречия в информации, а также впервые установлены основные тенденции изменения общей численности населения, колебания естественного и механического движения населения по годам в период Великой Отечественной войны, что позволяет глубже понять общие тенденции демографической ситуации в указанный период [6, с. 98–109].

Кроме того, были использованы сопутствующие делопроизводственные документы, которые предоставляют контекст и дополнительные сведения о факторах, влияющих на изменение численности населения. В условиях цифровизации исследование также опиралось на открытые доступные нарративные источники [5; 19; 25], что дало возможность анализировать и объяснять ключевые тенденции, возникавшие в ходе войны. Важным ас-

пектом работы стал источниковедческий анализ собранных данных, как архивных, так и опубликованных источников. Таким образом, комплексный подход к сбору и анализу данных позволил выявить и объяснить основные динамические изменения в численности населения, а также оценить влияние войны на социальные и экономические аспекты жизни кыргызстанцев в тот период.

Обсуждение. Историографический обзор показал, что в советский период целенаправленно не исследовались история населения и основные особенности изменения этнодемографической ситуации в годы Великой Отечественной войны. В то же время в рамках изучения социально-экономических, политических и культурных процессов этого периода в работах С.А. Аттокурова [4], С.К. Керимбаева [21], В.Д. Самсонова [30], Б. Чокушева [43], Б.Н. Нурмамбетова [24] и Н.П. Животковской [15] отражены отдельные аспекты качественного и количественного изменения населения. Потери среди людских ресурсов и негативные явления в демографической ситуации стали сдерживающим фактором для целенаправленного исследования истории населения как части демографической истории.

Во второй половине 1980-х гг. в СССР в связи с раскрекчиванием архивов и введением гласности начали выявляться негативные тенденции в демографических процессах. После распада СССР, в отличие от других республик, история населения в Киргизской ССР так и не стала объектом глубокого изучения. С одной стороны, на волне обретения суверенитета, это было связано с актуальностью других тем, связанных с национальным самосознанием. В условиях деидеологизации и плюрализма мнений стали актуальны разработки истории кыргызского народа и государственности Кыргызстана. Еще одной причиной невнимания к демографической ситуации стал положительный общий рост численности населения в советский период, в результате чего демографические кризисы не были отражены в обобщающих положительных показателях. Впервые один из авторов настоящей статьи в источниковедческом аспекте изучил материалы учета населения, установив, как менялась численность жителей Кир-

гизской ССР в изучаемый период [6]. Поскольку работа носила источниковедческий характер, демографическая ситуация была описана на наиболее общем уровне. В настоящее время следует выделить работы ряда исследователей, которые в рамках изучения истории депортированных народов рассматривали принудительные выселения народов из Северной Грузии и Закавказья в 1943 и 1944 гг. [7; 22; 23].

На сегодняшний день проблемы истории Великой Отечественной войны не исследуются в Кыргызстане так активно, как в советский период. В этом контексте следует отметить работы Г.Д. Джунушалиевой [12]. Разрабатываются отдельные вопросы истории Великой Отечественной войны, часть которых приурочена к памятным датам и касается эвакуации, участия кыргызстанцев в войне [2; 24; 29; 39; 40; 41]. Среди таких работ стоит выделить статью Б.К. Абытова [1]. Утверждая, что у старшего поколения была одна Родина – Советский Союз, автор выделяет ключевые вопросы, требующие переосмысления, в частности, проблемы легионеров, дезертирства, принудительной депортации и трудового фронта. Он подчеркивает необходимость всестороннего и объективного анализа этих тем, а также других связанных с ними вопросов.

При исследовании демографических процессов и вызовов, с которыми столкнулась Киргизская ССР в годы Великой Отечественной войны, нами были использованы результаты исследований ученых, изучавших указанные процессы в СССР данного периода. В первую очередь следует отметить труды В.Б. Жиромской [16], Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской [3], В.А. Исупова [20] и В.Н. Земскова [18]. Представляет особый интерес статья В.Б. Жиромской, В.А. Исупова и Г.Е. Корнилова [17]. В рамках их исследований в научный оборот был введен значительный корпус исторических данных, включающих важные сведения о демографическом состоянии Киргизской ССР в рассматриваемый период. Эти исследователи целенаправленно восстанавливали количественные характеристики изменений демографической ситуации в СССР, а предложенные ими методологические подходы к устранению противоречий и пробелов в источниках

послужили ценным ориентиром для работы с аналогичными материалами.

Анализ. В предвоенные годы, с 1939 по 1941 г., этнодемографическая ситуация в Киргизской ССР характеризовалась позитивной динамикой: численность населения увеличилась с 1 458,2 тыс. до 1 615,8 тыс. человек, что составило прирост 10,8 %. Особенностью является рост городского населения, увеличившегося на 41,9 %, что свидетельствует о начале урбанизации и привлечении людей в города в поисках лучших условий жизни и труда. Хотя темпы роста сельского населения были ниже, его увеличение на 3,7 % также подтверждает позитивные изменения в сельском хозяйстве и улучшение жизненных условий в деревнях [8, с. 78; 6, с. 93–94]. Эти изменения стали результатом социалистических преобразований, осуществленных в процессе коллективизации и индустриализации, которые способствовали созданию трудовых, социально-экономических и культурных условий, обеспечивающих улучшение жизни населения. В целом предвоенные годы отличались интенсивным демографическим ростом и значительными изменениями в структуре населения, которые заложили прочную основу для последующего социально-экономического развития региона.

Начало Великой Отечественной войны привело к резкому ухудшению демографической ситуации, прервав позитивные тенденции предвоенного периода. Прежде чем анализировать изменения в динамике численности населения, следует отметить, что, несмотря на расположение Киргизской ССР в глубоком тылу, динамика сокращения численности населения в республике в годы войны была сходна с общесоюзными показателями и не демонстрировала значительных отклонений.

Данные за последние два года войны показывают, что к 1 января 1945 г. численность населения Киргизской ССР по сравнению с 1 января 1941 г. сократилась с 1 615,8 тыс. до 1 380,4 тыс. человек, что составляет снижение на 14,6 %. К 1 января 1946 г. численность населения республики составила 1 415,0 тыс. человек, что отражает общее сокращение за период с 1941 по 1946 г. на 12,4 % (см. табл. 1).

Аналогичные изменения наблюдались и в масштабах СССР. В период с 1 января 1941 г.

по 1 января 1945 г. численность населения уменьшилась с 198 588 тыс. до 170 637 тыс. человек, что составляет сокращение на 14,9 % [16]. За весь военный период, с 1 января 1941 г. по 1 января 1946 г., численность населения СССР сократилась с 195,4 млн до 170,5 млн человек, что соответствует уменьшению на 13,3 % [3, с. 74].

Следовательно, относительные показатели свидетельствуют о том, что Победа была достигнута одинаково высокой ценой в человеческом измерении, независимо от национальных различий между республиками и расстояния от фронта боевых действий. Это подчеркивает глубину и объединяющий характер этой Победы для всех народов Советского Союза.

Для более глубокого анализа влияния Великой Отечественной войны на численность населения важно рассмотреть ежегодные изменения демографической динамики Киргизской ССР в период 1941–1946 годов. Такой подход, основанный на материалах текущего статистического учета, позволяет не только определить основные тенденции изменений численности населения, но и выявить их связь с ключевыми факторами, включая интенсивность боев, уровень мобилизации, миграционные процессы и социально-экономические условия, которые менялись в разные периоды войны. Результаты этого анализа способствуют более полному пониманию комплексного воздействия войны на демографические процессы в регионе. В этом контексте, на основе материалов текущего статис-

тического учета, нами была составлена динамика изменений численности населения Киргизской ССР за период с 1 января 1941 г. по 1 января 1946 г. (табл. 1). Анализ данных выявил неравномерность изменений между городским и сельским населением, причем каждый военный год имел свои характерные особенности.

На 1 января 1941 г. численность населения Киргизской ССР составляла 1 615,8 тыс. человек. К 1 января 1942 г., несмотря на сложные условия начального периода войны, население увеличилось до 1 671,2 тыс. человек, что свидетельствует о приросте в 54,4 тыс. человек. Он был обусловлен как естественным приростом, так и механическим притоком населения, главным образом эвакуированного из западных и центральных регионов СССР.

С 1 января 1942 г. по 1 января 1943 г. демографическая ситуация в Киргизской ССР претерпела значительные изменения, вызванные тяжелейшими условиями Великой Отечественной войны. На начало 1943 г. численность населения сократилась до 1 483,6 тыс. человек, что на 186,6 тыс. человек или 11,2 % меньше, чем в начале 1942 года. Этот спад был связан преимущественно с резким увеличением смертности. В то же время механический прирост населения, остававшийся положительным, продемонстрировал значительное снижение, что указывает на замедление миграционных потоков, вызванное изменением ситуации на фронте и сокращением эвакуации из пострадавших регионов.

Таблица 1. Динамика изменений численности населения Киргизской ССР (1941–1946 гг.)

Table 1. Dynamics of changes in the population of the Kyrgyz SSR (1941–1946)

Год	Всего		Городское население		Сельское население	
	Общая численность населения, тыс. чел.	Прирост к предыдущему году, %	Численность городского населения, тыс. чел.	Прирост к предыдущему году, %	Численность сельского населения, тыс. чел.	Прирост к предыдущему году, %
1941	1 615,8	100,0	383,8	100,0	1 232,0	100,0
1942	1 670,2	103,4	421,4	109,8	1 249,8	101,4
1943	1 483,6	88,9	455,4	108,1	1 031,7	82,5
1944	1 429,0	96,1	484,0	106,3	945,0	91,6
1945	1 380,4	96,6	432,5	89,4	947,9	100,3
1946	1 415,0	106,0	445,1	102,9	1 023,9	108,0

Примечание. Подсчитано по данным: [6, с. 100, 103–104; 9, л. 4–6; 10, л. 4–4 об; 14, л. 10; 26, л. 55, 130, 137; 27, л. 10–10 об; 12, 15, 16–17; 28, л. 11, 116; 31, л. 2; 32, л. 44; 33, л. 24; 35, л. 65; 36, л. 2–3, 16–17, 60, 66, 150; 37, л. 55, 130, 137; 38, л. 4; 42, л. 132].

С 1 января 1943 г. по 1 января 1944 г. демографическая ситуация в Киргизской ССР продолжала ухудшаться, отражая тяжелые условия третьего года Великой Отечественной войны. К началу 1944 г. численность населения сократилась до 1 429 тыс. человек. Это на 54,2 тыс. человек, или на 3,7 %, меньше по сравнению с 1 483,6 тыс. человек на начало 1943 года. Снижение стало результатом отрицательного естественного прироста, который свидетельствует о высоком уровне смертности в регионе. Кроме того, механический прирост также оказался отрицательным, что указывает на снижение миграционной активности. Данные изменения были вызваны рядом факторов: ухудшением социально-экономической обстановки, сокращением притока эвакуированного населения, а также продолжающейся мобилизацией на фронт и трудовыми мобилизациями, усилившими отток трудоспособного населения.

На начало 1945 г. численность населения Киргизской ССР составила 1 380,4 тыс. человек. Это на 48,6 тыс. человек меньше по сравнению с началом 1944 г., что составляет сокращение на 3,4 % в относительных показателях. Как и в предыдущие годы, снижение численности населения было обусловлено продолжающимся ростом уровня смертности, вызванным ухудшением социально-экономических условий жизни, а также сокращением миграционных потоков и изменениями, связанными с развитием ситуации на фронте.

В 1945 г. впервые за годы войны численность населения Киргизской ССР увеличилась на 34,6 тыс. человек – с 1 380,4 тыс. до

1 415,0 тыс. человек, что составляет положительную динамику в 2,5 %. Этот рост был обусловлен в первую очередь демобилизацией с фронта, возвращением ранее мобилизованных на трудовые работы, а также улучшением показателей естественного прироста населения (табл. 2).

Рассмотрение изменений численности населения Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны требует анализа данных о естественном движении населения в период с 1941 по 1945 год. Именно эти показатели позволяют выявить ключевые демографические тенденции и факторы, определившие динамику населения в условиях войны. Естественное движение населения, включая показатели рождаемости, смертности и естественного прироста, отражает внутренние демографические процессы, происходившие на фоне войны. Эти процессы, в частности, были связаны с ухудшением социально-экономических условий, ростом уровня смертности и сокращением рождаемости. Анализ данных о естественном движении населения позволяет глубже понять, как Великая Отечественная война повлияла на структуру и численность населения республики, а также выявить общие и специфические для региона особенности.

В довоенные годы рождаемость в республике была на относительно высоком уровне, но с началом войны этот показатель резко снизился. В 1941 г. в Киргизской ССР родилось 46 885 человек, однако уже в 1942 г. рождаемость упала до 36 821 человека, а в 1943 г. достигла своего минимального уровня – все-

Таблица 2. Естественное движение населения Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны

Table 2. Natural movement of the population of the Kyrgyz SSR during the Great Patriotic War

Годы	Родившиеся			Умершие				Процент умерших по отношению к родившимся			
	г/пос.	с/мес.	всего	г/пос.	с/мес.	всего	до 1 года	до 1 года	г/пос.	с/мес.	всего
1941	10 876	36 009	46 885	6 728	20 726	27 454	7 052	–	–	–	–
1942	8 287	28 534	36 821	9 016	16 686	25 702	5 372	15,0	61,9	57,6	58,6
1943	5 062	13 873	18 935	6 228	10 813	17 041	1 471	14,6	108,8	58,5	69,8
1944	4 092	9 776	13 868	6 834	11 039	17 873	809	7,8	123,0	77,9	90,0
1945	6 400	14 467	20 867	3 801	10 181	13 982	491	5,8	167,0	112,9	128,9
1941–1945	34 717	102 659	137 376	32 607	69 445	102 052	15 195	2,4	59,4	70,4	67,0

Примечание. Подсчитано по данным: [6, с. 100; 9, л. 4–6; 10, л. 228–230; 12, с. 10; 13, с. 4–6; 26, л. 132; 28, л. 79–80; 36, л. 2–3, 16–17, 60, 66, 150; 42, л. 10].

го 18 935 родившихся. Рост смертности, особенно в период с 1941 по 1944 г., также стал тревожным показателем. В 1941 г. умерли 27 454 человека, в 1942 г. смертность достигла пика – 25 702 умерших. Основными причинами этого роста стали не только боевые потери на фронте, но и ухудшение условий жизни в тылу, включая нехватку продовольствия, медицинских ресурсов и эпидемии. В 1943 и 1944 гг. смертность оставалась на высоком уровне – 17 041 и 17 873 человека соответственно, что отражает общую тяжелую ситуацию в республике.

Анализ данных о проценте умерших по отношению к родившимся в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны показывает, что наиболее тяжелые демографические потери приходились на 1943–1944 годы. В 1941 г. уровень умерших составлял 58,6 % от числа родившихся, что отражало относительно стабильную ситуацию в условиях начального периода войны. Однако в 1942 г. этот показатель резко увеличился до 69,8 % в связи с ухудшением социально-экономических условий, ростом смертности и снижением механического прироста. Пик демографического кризиса пришелся на 1944 г., когда доля умерших достигла 128,9 %, что свидетельствует о значительном превышении смертности над рождаемостью из-за продолжающегося ухудшения условий жизни, высокой смертности и практически отсутствующего миграционного прироста. Лишь в 1945 г. наблюдалось заметное улучшение, когда показатель сократился до 67,0 %, что связано с началом демобилизации, улучшением социально-экономической ситуации и ростом естественного прироста. В целом за весь период войны (1941–1945 гг.) уровень умерших по отношению к родившимся составил 74,3 %, что отражает значительные демографические потери, обусловленные высоким уровнем смертности и нестабильностью миграционных процессов.

Динамика соотношения смертности и рождаемости в городах и сельской местности Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны демонстрирует заметные различия, отражающие тяжелые последствия войны. В 1941 г. смертность составляла 62 % от числа родившихся в городах и 58 % – в

сельской местности. Это показывает, что в начале войны в тяжелых условиях жизни находилось как городское, так и сельское население, однако в городах показатель смертности был выше, что объясняется нехваткой продовольствия и медицинского обслуживания, усугубленной притоком эвакуированных. В 1942 г. ситуация в городах ухудшилась: доля умерших по отношению к родившимся выросла до 109 %, тогда как в сельской местности она оставалась на уровне 58 %. Это свидетельствует о том, что городское население столкнулось с острой нехваткой ресурсов, в то время как сельские жители могли использовать подсобное хозяйство для обеспечения своих нужд. В 1943 г. смертность продолжала расти в городах, достигая 123 %, в то время как в сельской местности этот показатель составил 79,9 %. Такое увеличение в городах связано с дальнейшим ухудшением условий жизни и перегрузкой медицинских учреждений. Сельские жители, имея доступ к продовольственным ресурсам, могли лучше справиться с трудностями. Максимальные значения наблюдались в 1944 г.: 167 % в городах и 112,9 % в селах. Обострение ситуации в обеих группах объясняется ухудшением продовольственного обеспечения, однако кризис в городах был особенно острым. К 1945 г. показатели начали снижаться: 59,4 % в городах и 70 % в сельской местности. Это указывает на частичное восстановление ресурсов и улучшение медицинского обслуживания, однако уровень смертности все еще оставался высоким.

В целом за весь период с 1941 по 1945 г. средний уровень смертности составил 94 % в городах и 68 % в сельской местности. Несмотря на общее снижение показателей к концу войны, городское население продолжало сталкиваться с более высокими значениями смертности, что подчеркивает серьезные последствия войны для городов и необходимость дальнейших усилий по улучшению условий жизни и системы здравоохранения.

Младенческая смертность в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны оставалась высокой, однако, в отличие от общей смертности, ситуация в этой области постепенно улучшалась (см. табл. 2). Несмотря на сложные социально-экономические условия и перегрузку системы здравоохранения,

удалось добиться положительной динамики снижения младенческой смертности. В начале войны, в 1941 г., смертность среди младенцев составляла 15,0 % от числа родившихся, что указывает на серьезные проблемы в медицинском обслуживании и условиях жизни. К 1942 г. показатель снизился до 14,6 %, а начиная с 1943 г. тенденция стала еще более очевидной: уровень смертности уменьшился до 7,8 %. В 1944 и 1945 гг. этот показатель достиг минимальных значений за весь период войны – 5,8 и 2,4 % соответственно. Снижение младенческой смертности, несмотря на тяжелые военные годы, демонстрирует улучшение вектора направления в сфере здравоохранения и организации помощи матерям и детям. Это могло быть связано с усилением государственного контроля за санитарными условиями, поддержкой детских учреждений, а также приоритетным выделением продовольствия и медикаментов для детей. Однако стоит учитывать, что в условиях войны фиксирование младенческой смертности могло быть не всегда точным из-за ограниченности ресурсов и сложностей учета. Несмотря на возможные недоучеты, общая тенденция показывает реальное снижение младенческой смертности, что подчеркивает положительные изменения в этой области даже в условиях военного времени.

Анализ динамики численности населения Киргизской ССР в 1941–1946 гг. показывает, как взаимодействие естественного и механического прироста населения существенно менялось в условиях Великой Отечественной войны и в начале войны общий прирост населения был обеспечен в основном механическим движением. Высокие показатели механического прироста были обусловлены эвакуацией населения из других регионов СССР и перемещением людей в связи с войной. С начала войны к 1 января 1943 г. в Киргизскую ССР было эвакуировано 150 838 человек, в том числе 44 885 детей до 16 лет. Эвакуацию населения в Киргизскую ССР можно разделить на два этапа: первый – в начале войны, когда происходила эвакуация из западных районов, второй – с наступлением немецких войск и их союзников на юге СССР в 1942 году. Основная часть эвакуированных (70,3 %, или 105 982 человека) была учтена в 1941 г., в то

время как в 1942 г. их количество составило 44 856 человек. По данным учета, на указанную дату в республике находилось 114,4 тысячи эвакуированных. В 1942 г. реэвакуация составила 36 438 человек [38, л. 4; 9, л. 10].

Анализ распределения эвакуированных в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны показывает, что из общего числа прибывших 63,7 % были размещены в городах. В первом году войны наблюдался высокий удельный вес эвакуированных в городах, особенно в Джалал-Абадской области, где в 1941 г. было размещено 59,82 %. В 1942 г. этот показатель снизился до 40,5 %, что можно объяснить недостаточной подготовленностью инфраструктуры и жилищных условий для столь большого потока населения. Подобная динамика отмечается и в других регионах: в Иссык-Кульской области доля размещенных в городах эвакуированных составила 71,9 % в 1941 г., а в 1942 г. сократилась до 25 %. В Ошской области количество размещенных в городах в 1941 г. составило 81,5 %, однако в следующем году снизилось до 33,7 %. В Тянь-Шанской области данный показатель уменьшился с 60,3 до 9,2 %, а во Фрунзенской области – с 60,9 до 34 %. В городе Фрунзе (в настоящее время – Бишкек), который принимал значительное количество эвакуированных, оно также снизилось с 35,8 % прибывших в 1941 г. до 32,9 % в 1942 г. [6, с. 105]. Несмотря на это, в абсолютных величинах численность эвакуированных в г. Фрунзе по сравнению с другими регионами была гораздо выше. Уменьшение удельного веса эвакуированных в городах во второй год войны связано с ограниченной возможностью инфраструктуры и жилья, что подчеркивает необходимость глубокого анализа этого вопроса в более общем контексте социально-экономических условий того времени. В целом во время Великой Отечественной войны Киргизская ССР стала важным центром для размещения эвакуированных промышленных и научных объектов, что существенно повлияло на экономическую и культурную жизнь региона. Всего в республику было эвакуировано 66 заводов и фабрик: 28 в 1941 г. и 38 в 1942 г., в связи с необходимостью переноса производства из временно оккупированных районов УССР, РСФСР и БССР. Этот процесс не ограничивался только

оборонными предприятиями. Вместе с ними в Кыргызстан переместилась значительная научная база, включая 12 высших учебных заведений и институты Академии наук СССР. Эти учреждения занимались такими важными направлениями, как биохимия, генетика, физиология растений, микробиология, палеонтология и эволюционная морфология. Кроме того, эвакуация затронула и культурные сферы: в республику были перевезены театры и учебные заведения из разных республик Советского Союза. Этот процесс помог не только сохранить производственные мощности и научные знания в условиях войны, но и обеспечить продолжение образовательного и культурного процесса в трудное время. Эвакуированные предприятия и научные учреждения способствовали укреплению экономики республики и развитию ее научного потенциала, что оказало долгосрочное влияние на поствоенное восстановление и развитие Киргизской ССР.

Еще одним важным фактором, повлиявшим на демографическую ситуацию в Киргизской ССР в военные и первые послевоенные годы, стало размещение в ней депортированных народов (табл. 3).

Всего в регионе было размещено 137 298 спецпоселенцев, среди которых наибольшее количество составили чеченцы и ингуши – 87 890 человек. Значительным было количество карачаевцев (22 749) и балкарцев (16 048). По регионам распределение выглядит следующим образом: во Фрунзенской области разместилось 49 093 человека, в Ошской – 40 113, в Джалал-Абадской – 28 258, в Таласе – 17 113 и в Иссык-Кульской –

2 721 человек. Это говорит о том, что наибольшее число депортированных оказалось в более густонаселенных и развитых регионах. На 1 января 1946 г. число умерших среди депортированных составило 33 263 человека, что подтверждает тяжелые условия жизни в местах размещения. К этому времени общее количество оставшихся на учете депортированных снизилось до 104 035 человек, что свидетельствует о значительных потерях среди них. Эти данные подчеркивают необходимость более детального анализа социально-экономических условий и последствий депортации для изучаемых народов.

В годы Великой Отечественной войны советское руководство в Киргизской ССР предприняло значительные усилия для обеспечения приема и расселения депортированных народов, несмотря на сложные военные условия. Властями был разработан план по размещению спецпереселенцев в сельских районах, где они были задействованы в работе на сельскохозяйственных и промышленных предприятиях, что помогло частично компенсировать нехватку рабочей силы. Депортированным выделялись временные жилые помещения, земельные участки, а также предоставлялись материалы для строительства собственных домов. Несмотря на недостатки в снабжении и сложности с медицинским обслуживанием, партийные и советские органы стремились улучшить условия жизни депортированных, интегрируя их в экономическую и социальную жизнь региона [11, с. 14–183]. Этот важный аспект заботы о переселенцах, несмотря на недостаточное освещение в современной историографии, свидетельствует о

Таблица 3. Размещение депортированных народов в Киргизской ССР

Table 3. The distribution of deported peoples in the Kyrgyz SSR

Область	Всего	Чеченцы и ингуши	Карачаевцы	Балкарцы	Выселенные из Грузинской ССР
Фрунзенская	49 093	25 379	16 535	5 400	1 779
Ошская	40 113	29 182	–	5 896	5 035
Джалал-Абадская	28 258	24 447	–	2 031	1 780
Таласская	17 113	8 882	6 214	–	2 017
Иссык-Кульская	2 721	–	–	2 721	–
Итого	137 298	87 890	22 749	16 048	10 611
Умерли на 01.01.1946	33 263	26 897	3 219	2 085	1 062
Итого на 01.01.1946	104 035	60 993	19 530	13 963	9 549

Примечание. Составлено по: [23, с. 20, 45].

значимости роли местной власти в сохранении стабильности в условиях войны.

Результаты. Исходя из вышеизложенного, следует, что демографическая ситуация в Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны претерпела значительные изменения, отражающие цену Победы в человеческом измерении. В предвоенные годы республика демонстрировала стабильный рост численности населения, что было связано с естественным приростом, процессами урбанизации и социалистическими преобразованиями. Однако с началом войны структура и динамика численности населения начали меняться. В первые годы войны прирост населения, особенно в городах, обеспечивался эвакуацией людей из западных и центральных регионов СССР. Впоследствии, начиная с 1943 г. численность населения стала сокращаться. В сельских районах снижение происходило медленнее благодаря относительно лучшим условиям выживания, включая возможность использования подсобных хозяйств. В городах же смертность значительно превышала рождаемость из-за недостатка продовольствия и медицинской помощи, особенно в условиях притока эвакуированных.

Особое внимание привлекает динамика младенческой смертности. Несмотря на общую тенденцию увеличения смертности в военные годы, уровень младенческой смертности в республике сокращался. Если в 1941 г. он составлял 15 %, то к 1945 г. снизился до 2,4 %. Это свидетельствует о значительных усилиях, направленных на сохранение жизни детей, несмотря на чрезвычайные условия. Улучшение показателей младенческой смертности можно объяснить усилением государственного контроля за санитарными условиями и приоритетным распределением ресурсов для поддержки детей и матерей.

К концу войны общая численность населения республики сократилась на 9,1 % по сравнению с довоенным периодом, что отражает значительные человеческие потери, вызванные высокой смертностью, снижением рождаемости и демографическими изменениями, связанными с миграцией. Эти различия между городскими и сельскими местностями подчеркивают региональные особенности и неравномерность воздействия войны.

Вклад кыргызстанцев в Победу был разносторонним и значительным. Республика поддерживала фронт поставками продовольствия, одежды и материалов. На фронте воевало более 360 тыс. кыргызстанцев, из них 74 человека удостоились звания Героя Советского Союза, а более 150 тыс. человек получили ордена и медали. Кроме того, республика приняла более 300 тыс. эвакуированных и разместила 30 промышленных предприятий, что способствовало укреплению экономики страны.

Исследование демографической динамики Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны позволяет глубже понять, какой ценой была достигнута Победа как в человеческом, так и социально-экономическом измерении. Выявленные особенности изменения численности населения, различия между городскими и сельскими территориями, а также снижение младенческой смертности подчеркивают сложность и уникальность опыта республики в условиях войны. Сохранение исторической памяти о событиях этого периода важно для предотвращения искажений истории и укрепления национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абытов Б. К. Некоторые спорные проблемы Великой Отечественной войны // Известия вузов (Кыргызстан). 2015. № 5. С. 4–10.
2. Алымкулов Н. А. Подвиг советских медиков. Госпитали Киргизии в годы войны // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 77–81.
3. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М.: Наука, 1993. 143 с.
4. Аттокуров С. А. Промышленность Киргизии в годы великих битв. Фрунзе: Кыргызстан, 1975. 151 с.
5. Бакашова Ж. К. Великая Отечественная война в литературной палитре Кыргызстана // Вестник библиотечной ассамблеи Евразии. 2020. № 1. URL: <https://vestnikbae.rsl.ru/issue/view/19>
6. Батырбаева Ш. Д. Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2010. 213 с.
7. Бегалиев С., Сулайманов Ж. Депортированные народы Кавказа в Кыргызстане. Размышления «по рельсам судьбы». Бишкек: Турар, 2012. 180 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М.: Наука, 1992. 254 с.

9. Годовые отчеты о естественном движении населения по республике и областям за 1945 год // Центральный государственный архив Кыргызской Республики (далее – ЦГА КР). Ф. 105. Оп. 31. Д. 3193.
10. Годовой отчет по механическому движению населения Кыргызской ССР за 1945 год // ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 31. Д. 3194.
11. Депортированные народы Кавказа в Кыргызскую Республику. Бишкек: КРСУ, 2010. 534 с.
12. Джунушалиева Г. Д. Экономика Кыргызской ССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2013. 333 с.
13. Дьяченко Л. Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации): дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2013. 344 с.
14. Единовременные отчеты о половом и возрастном составе сельского населения на 01.01.1945 года в целом по Кыргызской и по областям в районном разрезе // ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 31. Д. 3188.
15. Животковская Н. П. Женщины Киргизии – патриотки своей Родины: Трудовые подвиги и участие женщин Киргизстана в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945 гг.). Фрунзе: Кыргызстан, 1968. 64 с.
16. Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
17. Жиромская В. Б., Исупов В. А., Корнилов Г. Е. Население России в 1939–1945 гг. // Вестник РАН. 2020. Т. 90, № 9. С. 845–857.
18. Земсков В. Н. Спецпоселенцы // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М.: ИРИ РАН, 1994. С. 145–194.
19. Исаков И. Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // АКИpress. URL: https://mnienie.akipress.org/unews/un_post:17118
20. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. 241 с.
21. Керимбаев С. К. Советский Киргизстан в Великой Отечественной войне (1941–1945). Фрунзе: Илим, 1985. 316 с.
22. Кубаев Б. Карачаевцы и балкарцы в XX столетии. Бишкек: ИСТО, 2009. 132 с.
23. Кызаева Д. Ш., Доценко Т. Д., Бегалиев С. И. Архивные документы свидетельствуют: депортированные народы в Кыргызстане. Бишкек: КРСУ, 1995. 173 с.
24. Нурмамбетов Б. Н. Трудящиеся города Фрунзе в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе: Илим, 1990. 163 с.
25. «Одна на всех победа»: вклад киргизского народа в великую победу // «Все мы – Россия»: информационный портал о дружбе народов. URL: <https://www.samddn.ru/novosti/novosti/odna-na-vsekh-pobeda-vklad-kirgizskogo-naroda-v-velikuyu-pobedu>
26. Разработочные таблицы (ф. А) статуправления РСФСР итогов регистрации актов гражданского состояния (число загов, рождений, смертей, всего и до 1 года, браков и разводов) по Казахской, Литовской, Молдавской, Латвийской, Кыргызской, Таджикской, Эстонской и Карело-Финской ССР в областном разрезе РФ // Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2632.
27. Разработочные таблицы по численности населения Кыргызской ССР за 1943 г. // ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 28. Д. 183.
28. Регистрации актов гражданского состояния (число загов, рождений, всего и до 1 года, браков и разводов) по Казахской, Литовской, Молдавской, Латвийской, Кыргызской, Таджикской, Эстонской и Карело-Финской ССР в областном разрезе // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1894.
29. Ажимаматова У. С. Подвиг народов Кыргызстана в тылу в годы Великой Отечественной войны // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Екатеринбург: [б. и.], 2020. Ч. 1. С. 49–53.
30. Самсонов В. Д. Советское крестьянство в Киргизии в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе: Илим, 1969. 184 с.
31. Сведения о передвижении населения по месту – откуда прибыли и куда выехали (ф. № 1) по РСФСР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР за 1943 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 454.
32. Сведения о передвижении населения по месту – откуда прибыли и куда выехали (ф. № 1) по Азербайджанской, Казахской, Кыргызской, Таджикской, Туркменской, Узбекской союзным республикам за 1944 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 548.
33. Сведения о передвижении населения по месту – откуда прибыли и куда выехали (ф. № 1) по СССР в целом и сводные по союзным республикам за 1945 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 615.
34. Сведения о передвижении населения по месту – откуда прибыли и куда выехали (ф. № 1) по Казахской, Кыргызской, Таджикской, Узбекской союзным республикам за 1942 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 381.
35. Сведения о передвижении населения по месту – откуда прибыли и куда выехали (ф. № 1) по Казахской, Кыргызской, Таджикской, Узбекской союзным республикам за 1942 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 310.
36. Сведения по естественному движению населения Кыргызской ССР за 1946 г. // ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 26. Д. 67.
37. Сопоставительные таблицы ЦСУ СССР данных о возрастном и половом составе сельского населения СССР в целом по СССР, РСФСР, союзным

республикам, краям и областям на 1 января 1943, 1944, 1945 и 1947 гг. (по данным единовременных учетов) // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2632.

38. Справки о численности и составе населения Киргизской ССР // ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 26. Д. 37.

39. Сумароков Л. И. Верховный совет Киргизской ССР на полях сражений Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2017. № 11. С. 32–36.

40. Сумароков Л. И. Курская страница мужества депутатов Верховного Совета Киргизской ССР в Великой Отечественной войне // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 1 (41). С. 61–65.

41. Сумароков Л. Ленинградская эпопея Кыргызстана в рассказах свидетелей // Ритм Евразии. 21.01.2024. URL: <https://www.ritm Eurasia.ru/news—2024-01-21—leningradskaja-epopeja-kirgizstana-v-rasskazah-svidetelej-71058>

42. Таблицы ЦСУ СССР данных о естественном движении населения (рождаемость и смертность по причинам смерти) по СССР, РСФСР и союзным республикам в областном разрезе за 1943 г. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1011.

43. Чокушев Б. Киргизская ССР накануне и в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1938–1945 гг.). Фрунзе: КГУ, 1988. 95 с.

REFERENCES

1. Abytov B.K. Nekotorye spornye problemy Velikoy Otechestvennoy voyny [Some Controversial Issues of the Great Patriotic War]. *Izvestiya vuzov (Kyrgyzstan)*, 2015, no. 5, pp. 4–10.
2. Alymkulov N.A. Podvig sovetskikh medikov. Gospitali Kirgizii v gody voyny [Feat of Soviet Doctors. Hospitals of Kyrgyzstan During the War]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military-Historical Journal], 2020, no. 5, pp. 77–81.
3. Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkova T.L. *Naselenie Sovetskogo Soyuza: 1922–1991* [Population of the Soviet Union: 1922–1991]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 143 p.
4. Attokurov S.A. *Promyshlennost Kirgizii v gody velikikh bitv* [Industry of Kyrgyzstan during the Great Battles]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1975. 151 p.
5. Bakashova Zh.K. Velikaya Otechestvennaya voyna v literaturnoy palitre Kyrgyzstana [Great Patriotic War in the Literary Palette of Kyrgyzstan]. *Vestnik bibliotechnoy assamblei Evrazii* [Bulletin of the Library Assembly of Eurasia], 2020, no. 1. URL: <https://vestnikbae.rsl.ru/issue/view/19>
6. Batyrbaeva Sh.D. *Epoha stalinizma v Kyrgyzstane v chelovecheskom izmerenii* [Stalin Era

in Kyrgyzstan Through the Lens of Humanity]. Moscow, Fond «Prezidentskiy tsentr B.N. Yeltsina», ROSSPEN Publ., 2010. 213 p.

7. Begaliev S., Sulaymanov Zh. *Deportirovannye narody Kavkaza v Kyrgyzstane. Razmyshleniya «porelsam sudby»* [Deported Peoples of the Caucasus in Kyrgyzstan. Reflections “On the Rails of Fate”]. Bishkek, Turar Publ., 2012. 180 p.

8. *Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1939 g.: osnovnye itogi* [All-Union Census of 1939: Main Results]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 254 p.

9. Godovye otchety o estestvennom dvizhenii naseleniya po respublike i oblastyam za 1945 god [Annual Reports on Natural Population Movement in the Republic and Regions for 1945]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Kyrgyzskoy Respubliki (daleye – TsGA KR)* [Central State Archive of Kyrgyzstan], f. 105, inv. 31, d. 3193.

10. Godovoy otchet po mekhanicheskomu dvizheniyu naseleniya Kirgizskoy SSR za 1945 god [Annual Report on Mechanical Population Movement of the Kyrgyz SSR for 1945]. *TsGA KR* [Central State Archive of Kyrgyzstan], f. 105, inv. 31, d. 3194.

11. *Deportirovannye narody Kavkaza v Kyrgyzskuyu Respubliku* [Deported Peoples of the Caucasus to the Kyrgyz Republic]. Bishkek, KRSU, 2010. 534 p.

12. Dzhunushalieva G.D. *Ekonomika Kirgizskoy SSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Economy of the Kyrgyz SSR during the Great Patriotic War, 1941–1945]. Dr. Hist. sci. diss.]. Bishkek, 2013. 333 p.

13. Dyachenko L.N. *Deportirovannye narody na territorii Kyrgyzstana (problemy adaptatsii i reabilitatsii): dis. ... d-ra ist. nauk* [Deported Peoples in Kyrgyzstan (Adaptation and Rehabilitation Problems). Dr. Hist. sci. diss.]. Bishkek, 2013. 344 p.

14. Edinovremennye otchety o polovom i vozrastnom sostave selskogo naseleniya na 01.01.1945 g. [One-Time Reports on the Gender and Age Composition of Rural Populations as of January 1, 1945]. *TsGA KR* [Central State Archive of Kyrgyzstan], f. 105, inv. 31, d. 3188.

15. Zhivotkovskaya N.P. *Zhenshchiny Kirgizii – patriotki svoey Rodiny: Trudovyye podvigi i uchastiye zhenshchin Kyrgyzstana v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuza (1941–1945 gg.)* [Women of Kyrgyzstan – Patriots of Their Homeland. Labor Exploits and Participation of Women of Kyrgyzstan in the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945)]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1968. 64 p.

16. Zhiromskaya V.B. *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Main Trends in Russia's Demographic Development in the 20th Century]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2012. 320 p.

17. Zhiromskaya V.B., Isupov V.A., Kornilov G.E. *Naselenie Rossii v 1939–1945 gg.* [Population of Russia in 1939–1945]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*

[Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2020, vol. 90, no. 9, pp. 845-857.

18. Zemskov V.N. Spetsposelentsy [Special Settlers]. *Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody* [Population of Russia in the 1920s – 1950s]. Moscow, IRI RAN Publ., 1994, pp. 145-194.

19. Isakov I. Kyrgyzstan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Kyrgyzstan During the Great Patriotic War (1941–1945)]. *AKIpress*. URL: https://mnienie.akipress.org/unews/un_post:17118

20. Isupov V.A. *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka* [Demographic Catastrophes and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century]. Novosibirsk, Sib. Khronograf Publ., 2000. 241 p.

21. Kerimbaev S.K. *Sovetskiy Kirgizstan v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.)* [Soviet Kyrgyzstan During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Frunze, Ilim Publ., 1985. 316 p.

22. Kubaev B. *Karachaytsy i Balkartsy v XX stoletii* [Karachay and Balkar People in the 20th Century]. Bishkek, ISTO Publ., 2009. 132 p.

23. Kyzaeva D.Sh., Dotsenko T.D., Begaliev S.I. *Arkhivnye dokumenty svidetelstvuyut: deportirovannye narody v Kyrgyzstane* [Archival Documents Testify: Deported Peoples in Kyrgyzstan]. Bishkek, KRSU Publ., 1995. 173 p.

24. Nurmambetov B.N. *Trudyashchiesya goroda Frunze v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Workers of the City of Frunze During the Great Patriotic War]. Frunze, Ilim Publ., 1990. 163 p.

25. Odnа na vsekh pobeda: vklad kirgizskogo naroda v velikuyu pobedu [One Victory for All: Contribution of the Kyrgyz People to the Great Victory]. «Vse my – Rossiya»: *informatsionnyy portal o družbe narodov* [“All of Us Are Russia”. Information Portal About Friendship of Nations]. URL: <https://www.samddn.ru/novosti/novosti/odna-na-vsekh-pobeda-vklad-kirgizskogo-naroda-v-velikuyu-pobedu>

26. Razrabotochnye tablitsy (f. A) statupravleniya RSFSR itogov registratsii aktov grazhdanskogo sostoyaniya (chislo zagsov, rozhdeniy, smertey, vsego i do 1 goda, brakov i razvodov) po Kazakhskoy, Litovskoy, Moldavskoy, Latviyskoy, Kyrgyzskoy, Tadzhikskoy, Estonskoy i Karelo-Finskoy SSR v oblastnom razreze RF [Development Tables of Civil Status Registration Data for Kazakh, Lithuanian, Moldavian, Latvian, Kyrgyz, Tajik, Estonian, and Karelian-Finnish SSRs by Regions]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (daleye – RGAE)* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 329, d. 2632.

27. Razrabotochnye tablitsy po chislennosti naseleniya Kyrgyzskoy SSR za 1943 g. [Development Tables on the Population of the Kyrgyz SSR for 1943]. *CGA KR* [Central State Archive of Kyrgyzstan], f. 105, inv. 28, d. 183.

28. Registratsiya aktov grazhdanskogo sostoyaniya po Kazakhskoy, Litovskoy, Moldavskoy, Latviyskoy, Kyrgyzskoy, Tadzhikskoy, Estonskoy i Karelo-Finskoy SSR v oblastnom razreze [Civil Status Registration Data by Kazakh, Lithuanian, Moldavian, Latvian, Kyrgyz, Tajik, Estonian, and Karelian-Finnish SSRs by Regions]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 336, d. 1894.

29. Azhimamatova U.S. *Podvig narodov Kyrgyzstana v tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Feat of the Peoples of Kyrgyzstan in the Rear during the Great Patriotic War]. *Velikiy podvig naroda po zashchite Otechestva* [Great Feat of the People in the Defense of the Fatherland]. Yekaterinburg, s.n., 2020, pp. 49-53.

30. Samsonov V.D. *Sovetskoye krestyanstvo v Kirgizii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Soviet Peasantry in Kyrgyzstan during the Great Patriotic War]. Frunze, Ilim Publ., 1969. 184 p.

31. Svedeniya o peredvizhenii naseleniya po mestu – otkuda pribyli i kuda vybyli (f. № 1) po RSFSR, Azerbaydzhanskoy SSR i Gruzinskoy SSR za 1943 g. [Data on Population Movement by Location – Where They Came From and Where They Moved (F. No. 1) for the RSFSR, Azerbaijani SSR, and Georgian SSR for 1943]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 20, d. 454.

32. Svedeniya o peredvizhenii naseleniya po mestu – otkuda pribyli i kuda vybyli (f. № 1) po Azerbaydzhanskoy, Kazakhskoy, Kyrgyzskoy, Tadzhikskoy, Turkmenskoy i Uzbekskoy SSR za 1944 g. [Data on Population Movement by Location – Where They Came From and Where They Moved (F. No. 1) for Azerbaijani, Kazakh, Kyrgyz, Tajik, Turkmen, and Uzbek SSRs for 1944]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 20, d. 548.

33. Svedeniya o peredvizhenii naseleniya po mestu – otkuda pribyli i kuda vybyli (f. № 1) po SSSR v tselom i svodnye po soyuznym respublikam za 1945 g. [Data on Population Movement by Location – Where They Came From and Where They Moved (F. No. 1) for the USSR Overall and Aggregate for Union Republics for 1945]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 20, d. 615.

34. Svedeniya o peredvizhenii naseleniya po mestu – otkuda pribyli i kuda vybyli (f. № 1) po Kazakhskoy, Kyrgyzskoy, Tadzhikskoy i Uzbekskoy SSR za 1942 g. [Data on Population Movement by Location – Where They Came From and Where They Moved (F. No. 1) for Kazakh, Kyrgyz, Tajik, and Uzbek SSRs for 1942]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 20, d. 381.

35. Svedeniya o peredvizhenii naseleniya po mestu – otkuda pribyli i kuda vybyli (f. № 1) po Kazakhskoy, Kyrgyzskoy, Tadzhikskoy i Uzbekskoy SSR za 1942 g. [Data on Population Movement by

Location – Where They Came From and Where They Moved (F. No. 1) for Kazakh, Kyrgyz, Tajik, and Uzbek SSRs for 1942]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 20, d. 310.

36. Svedeniya po estestvennomu dvizheniyu naseleniya Kyrgyzskoy SSR za 1946 g. [Data on Natural Population Movement of the Kyrgyz SSR for 1946]. *CGA KR* [Central State Archive of Kyrgyzstan], f. 105, inv. 26, d. 67.

37. Sopotavitelnye tablitsy TsSU SSSR dannykh o vozrastnom i polovom sostave selskogo naseleniya SSSR v tselom po SSSR, RSFSR, soyuznym respublikam, krayam i oblastyam na 1 yanvarya 1943, 1944, 1945 i 1947 gg. (po dannym edinovremennykh uchotov) [Comparative Tables of the Central Statistical Office of the USSR on Age and Gender Composition of Rural Population of the USSR, RSFSR, Union Republics, Territories, and Regions as of January 1, 1943, 1944, 1945, and 1947]. *RGAE* [Russian State Archive of Economy], f. 1562, inv. 329, d. 2632.

38. Spravki o chislennosti i sostave naseleniya Kyrgyzskoy SSR [Certificates on the Population Size and Composition of the Kyrgyz SSR]. *CGA KR* [Central State Archive of Kyrgyzstan], f. 105, inv. 26, d. 37.

39. Sumarokov L.I. Verhovnyy sovetskiy Kirgizskoy SSR na polyakh srazheniy Velikoy Otechestvennoy voyny [Supreme Council of the Kyrgyz SSR on the Battlefields of the Great Patriotic War]. *Voyenno-istoricheskii zhurnal* [Military-Historical Journal], 2017, no. 11, pp. 32–36.

40. Sumarokov L.I. Kurskaya stranitsa muzhestva deputatov Verhovnogo Soveta Kirgizskoy SSR v Velikoy Otechestvennoy voyne [Courageous Story of the Deputies of the Supreme Council of the Kyrgyz SSR during the Great Patriotic War]. *Uchenyye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Academic Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University], 2017, no. 1 (41), pp. 61–65.

41. Sumarokov L. Leningradsкая epopeya Kyrgyzstana v rasskazakh svideteley [Leningrad Epic of Kyrgyzstan in the Stories of Witnesses]. *Ritm Yevrazii* [Rhythm of Eurasia], 2024, Jan. 21. URL: <https://www.ritm Eurasia.ru/news—2024-01-21—leningradsкая-epopeya-kyrgyzstana-v-rasskazakh-svideteley-71058>

42. Tablitsy TSSU SSSR dannykh o yestestvennom dvizhenii naseleniya (rozhdayemost i smertnost po prichinam smerti) po SSSR, RSFSR i soyuznym respublikam v oblastnom razreze za 1943 g. [Tables of the Central Statistical Office of the USSR on Natural Population Movement (Births and Deaths by Causes) for the USSR, RSFSR, and Union Republics by Regions for 1943], *RGAE*, f. 1562, inv. 329, d. 1011.

43. Chokushev B. *Kirgizskaya SSR nakanune i v period Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza (1938–1945 gg.)* [Kyrgyz SSR on the Eve and During the Great Patriotic War of the Soviet Union (1938–1945)]. Frunze, KGU, 1988. 95 p.

Information About the Authors

Shaiyrkul D. Batyrbaeva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History, Kyrgyz-Russian Slavic University, Prosp. Chui, 44, 720000 Bishkek, Kyrgyz Republic, history_kaf@krsu.edu.kg, <https://orcid.org/0009-0000-6605-9898>

Anara K. Karyeva, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of History of European and American Countries, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University, Frunze St, 547, 720033 Bishkek, Kyrgyz Republic, anarakaryeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-4767-5070>

Информация об авторах

Шайыркул Джолдошевна Батырбаева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Кыргызско-Российский Славянский университет, просп. Чуй, 44, 720000 г. Бишкек, Кыргызская Республика, history_kaf@krsu.edu.kg, <https://orcid.org/0009-0000-6605-9898>

Анара Карыевна Карыева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории стран Европы и Америки, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, ул. Фрунзе, 547, 720033 г. Бишкек, Кыргызская Республика, anarakaryeva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-4767-5070>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.7>

UDC 94(470+571)(331.2)«1941/1945»
LBC 63.3(2)622-2

Submitted: 19.09.2024
Accepted: 21.12.2024

MATERIAL INCENTIVES FOR THE LABOR OF EMPLOYEES OF DEFENSE ENTERPRISES OF THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Marina N. Potemkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation;
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Motivation of workers to productive labor is an important component of the economic policy of any state. In modern conditions of escalating international tensions and economic instability, the study of the historical experience of the Great Patriotic War makes it possible to identify effective levers of military modernization. The historiographical analysis allowed us to conclude that the topic of material incentives for the labor of workers of defense enterprises of the Ural home front in the period 1941–1945 has not been the subject of a special study. *Methods and materials.* The source base of the work is represented by the documents of the central and regional archives of the Russian Federation, most of which were introduced into scientific circulation for the first time. Theoretical concepts of mobilization economy and labor motivation were used as methodological approaches. *Analysis.* In the article, in relation to the period of 1941–1945, the rewards for labor, carried out in cash and in kind, as well as ways of motivation of labor, based on restrictive measures of material order, are considered. The dynamics of changes in the system of measures of material incentives for labor of workers of industrial enterprises during the war towards the growth of the share of material incentives are shown. The study reveals the problems and shortcomings that took place in the implementation of the system of material incentives for shock labor at defense enterprises in the Urals. *Results.* It is concluded that material incentives were mainly aimed at supporting highly qualified employees of the main production shops at defense enterprises who exceeded the plan.

Key words: Great Patriotic War, defense enterprises, workers, Urals, material incentives, labor.

Citation. Potemkina M.N. Material Incentives for the Labor of Employees of Defense Enterprises of the Urals During the Great Patriotic War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 85-99. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.7>

УДК 94(470+571)(331.2)«1941/1945»
ББК 63.3(2)622-2

Дата поступления статьи: 19.09.2024
Дата принятия статьи: 21.12.2024

МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРУДА РАБОТНИКОВ ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Марина Николаевна Потемкина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация;
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
г. Магнитогорск, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Мотивация работников к производительному труду является важной составляющей экономической политики любого государства. В современных условиях эскалации международной напряженности и экономической нестабильности изучение исторического опыта Великой Отечественной войны дает возможность определить эффективные рычаги военной модернизации. Историкографический анализ позволил сделать вывод о том, что тема материального стимулирования труда работников оборонных

предприятий уральского тыла периода 1941–1945 гг. не стала предметом специального исследования. *Методы и материалы.* Источниковая база работы представлена документами центральных и регионального архивов Российской Федерации, в большинстве своем вводимыми в научный оборот впервые. В качестве методологических подходов применены теоретические концепции мобилизационной экономики, трудовой мотивации. *Анализ.* В статье, применительно к периоду 1941–1945 гг., рассмотрены вознаграждения за труд, осуществлявшиеся в денежной и натуральной форме, а также способы мотивации труда, основанные на ограничительных мерах материального порядка. Показана динамика изменений в системе мер материального стимулирования труда работников промышленных предприятий в ходе войны в сторону роста доли материального стимулирования. В ходе исследования выявлены проблемы и недостатки, имевшие место при реализации системы материального стимулирования ударного труда на оборонных предприятиях Урала. *Результаты.* Сделан вывод о том, что меры материального стимулирования были направлены главным образом на поддержку перевыполнявших план высококвалифицированных работников цехов основного производства на предприятиях оборонного значения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборонные предприятия, рабочие, Урал, материальное стимулирование, труд.

Цитирование. Потемкина М. Н. Материальное стимулирование труда работников оборонных предприятий Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 85–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.7>

Введение. Одним из источников победы в Великой Отечественной войне стало превосходство экономического потенциала советского тыла над экономикой Третьего рейха. Комплексное изучение вклада тружеников тыла позволит не только понять действие механизмов стимулирования трудовой активности в условиях военного противостояния 1941–1945 гг., но и выявить сильные и слабые стороны рабочей мотивации в принципе. Система мотивации труда – комплексный набор стимулирующих трудовую активность работников мер, применяемых в рамках предприятия, отрасли или экономики в целом [28].

В советской историографии господствовала концепция «социалистического рабочего класса» как ведущей силы и хозяина страны. При этом даже 6-томная история рабочего класса, постулируя тезис о «росте благосостояния рабочих» в СССР, не приводит сводных данных по динамике роста зарплаты рабочих в промышленном секторе экономики [16].

Тема трудовой мотивации стала активно изучаться в российской историографии только в 2000-е гг., но, как правило, на примере других исторических периодов (Л.И. Бородин, С.В. Журавлев, М.Ю. Мухин, А.М. Маркевич, А.К. Соколов) [1; 9; 18].

Исследователи С.П. Постников и М.А. Фельдман, реконструировав социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.), в том числе проанализирова-

ли виды трудовой мотивации и выявили следующую тенденцию в государственной политике оплаты труда: к концу 1930-х гг. градацию зарплаток определяло не столько деление рабочих по отраслевому принципу, сколько принадлежность к оборонным предприятиям [27, с. 78].

Р.Е. Романов [32], рассмотрев трудовые стимулы рабочих оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны на примере комбината «Сибметаллургстрой» наркомата боеприпасов, пришел к выводу о том, что сложная и многовариативная система стимулирования рабочих, сочетавшая в себе различные элементы вознаграждения, побуждения и принуждения, обеспечила мобилизацию рабочих на выпуск продукции для фронта, но не сформировала у основной массы устойчивую мотивацию труда.

Различные аспекты мотивации труда в военный и послевоенный периоды на примере конкретных предприятий проанализированы в работах С.И. Тогоевой [35], А.В. Шалака [36].

Среди зарубежных исследований внимания заслуживает монография В.З. Голдман и Д. Фильцера, посвященная функционированию советского тыла в период 1941–1945 годов. Авторы, анализируя экономические и социальные аспекты, подробно раскрывают вопросы трудовой мобилизации и дисциплины, материально-бытового обеспечения и массовых настроений населения, но не выделяют про-

блемы стимулирования производственной активности рабочих в отдельный сюжет [5].

Таким образом, проблема соотношения моральных, материальных и принудительных стимулов к труду в экстремальных условиях Великой Отечественной войны не получила должного освещения в современной исторической науке.

Методы и материалы. Источниковая база исследования представлена материалами, извлеченными из архивов: Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Объединенного государственного архива Челябинской области. Сразу оговоримся, что разные ведомства применяли различные методики сбора и обработки статистической информации, результатом чего становилось расхождение количественных данных. Тем не менее общие тенденции, выявленные нами при анализе данных по СССР и РСФСР в целом, подтверждаются цифрами на примере отдельных промышленных предприятий.

В качестве методологической основы использована концепция мобилизационной экономики, а также введенная в научный оборот Ч. Тилли и М. Ван дер Линденом классификация основных форм трудовой мотивации: материальное вознаграждение, морально-нравственные побуждения и обязательства, принуждение и наказание [2]. В ходе исследования были применены как общенаучные, так и специальные методы, такие как историко-генетический, историко-типологический, статистический.

Анализ. Советское государство выработало свою, отличную от других стран систему стимулирования труда работников. Формирование этой системы происходило на протяжении 1920–1930-х гг. от идеи о ненужности и отмирании денег по мере строительства коммунистического общества до понимания и принятия необходимости грамотной монетарной политики. Наряду с заработной платой практиковался широкий набор социальных выплат и льгот. Это решало две взаимосвязанные задачи: стимулировало высокопроизводительный труд и показывало заботу «пролетарского государства» о людях труда [14, с. 13].

Политика государства в сфере оплаты труда сложилась в 1930-е гг., основные ее принципы сохранились в годы Великой Отечественной войны. Большое значение власть придавала пропаганде «героического труда», активно использовались принудительно-репрессивные методы. Среди отраслей промышленности оплата труда была выше в тяжелой промышленности, а в ней приоритет отдавался оборонному комплексу. Внутри трудовых коллективов также существовала градация в зависимости от квалификации работника и выполнения плановых норм.

По своему составу работники оборонных предприятий в условиях военного времени включали следующие категории: инженерно-технические работники (далее – ИТР), коренные квалифицированные рабочие (сохранены благодаря бронированию), эвакуированные квалифицированные рабочие, мобилизованные (это чаще всего рабочие-одиночки), военнопленные и спецконтингент; служащие и младший обслуживающий персонал. Целевой категорией для материального стимулирования были инженерно-технические кадры и высококвалифицированные рабочие (причем в первую очередь занятые в основных цехах производства), выполняющие и перевыполняющие установленные планом нормы выработки.

Стимулирование труда осуществлялось как материальными (заработная плата, денежные премии, повышенные нормы хлеба и продовольствия по карточкам, талоны УДП – усиленное дополнительное питание, талоны на промтовары, внеочередное получение услуг, например, по ремонту одежды или обуви, право выбора товаров), так и моральными способами (пропаганда героического труда, лозунги «Все для фронта, все для Победы!», конструирование образа «труженик тыла», организация социалистического соревнования, система поощрений в виде почетных званий, орденов и медалей, присуждения знамен и вымпелов передовикам производства). Рассмотрим политику и практику материального стимулирования труда в условиях военного времени на примере уральских предприятий оборонного значения.

Денежное вознаграждение. Основу доходов работника составляла заработная плата. Применявшаяся в годы войны систе-

ма оплаты труда сложилась в ходе реформы 1931–1932 годов. Была введена новая тарифная сетка, в которой разница в оплате труда между крайними разрядами стала значительно большей. Одновременно с этим вводились поощрительные формы оплаты труда – прямая неограниченная сдельщина и прогрессивно-сдельная оплата. Тем не менее проблема соответствия результатов труда и его материальной оценки носила перманентный характер и не была решена к началу войны.

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла коррективы в систему оплаты труда. Главной целью финансовой политики государства было обеспечение военных расходов. Значительная часть европейской территории СССР была оккупирована врагом, почти все предприятия советского тыла были перепрофилированы на производство продукции для обеспечения нужд армии. В этих условиях руководство страны инициировало ряд мер по изъятию денежной массы из оборота, среди которых «замораживание» денежных вкладов населения, увеличение налоговой нагрузки на население, рост количества займов и денежно-вещевых лотерей, пожертвования граждан в Фонд обороны и др.

Роль денег стала менее значима для большей части населения страны также и из-за перехода к карточной системе снабжения: существовало несколько видов карточек в зависимости от степени общественной полезности гражданина. Несмотря на все вышесказанное, заработная плата продолжала играть определенную роль в обеспечении людей: хлеб и продукты по карточкам, предметы одежды и обуви по выдаваемым на предприятиях талонам выкупались за деньги. Кроме того, товары повседневного спроса также можно было приобрести за деньги на колхозных рынках, и за проживание на квартире или в общежитии взималась плата и т. п.

Общей тенденцией военного времени был рост номинальной заработной платы. Следует отметить, что в плане зарплаты предприятия были финансово несамостоятельными и могли действовать только в жестких рамках указаний центральных органов управления. Прежде всего, фонд зарплаты промышленного предприятия напрямую увязывался с выполнением производственного планового

задания. В соответствии с постановлением Совнаркома СССР «О порядке контроля за расходованием фондов заработной платы по промышленным предприятиям» от 15 августа 1939 г. устанавливались финансовые санкции за перерасход фонда заработной платы при невыполнении плана [31, с. 720–721].

Так, среднемесячная денежная заработная плата рабочих в союзной промышленности СССР увеличилась с 375 руб. в 1940 г. до 573 руб. в 1944 г., или на 53 %, причем в угольной промышленности она достигла 729 руб. и в черной металлургии – 697 рублей. Среднемесячная заработная плата инженерно-технических работников в союзной промышленности выросла с 768 руб. в 1940 г. до 1 209 руб. в 1944 г., причем в угольной промышленности она достигла 1 502 руб., а в черной металлургии – даже 1 725 рублей. Наибольший рост заработной платы в народном хозяйстве, особенно в промышленности СССР, за годы войны имел место в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири, которые несли на себе основную тяжесть снабжения фронта военной техникой. Если в целом по промышленности СССР среднемесячная денежная заработная плата рабочих в 1944 г. выросла по сравнению с 1940 г. на 42 %, то в районах Поволжья она выросла за тот же период на 79 %, в районах Урала – на 65 % и в районах Западной Сибири – на 79 % [3, с. 117–118]. Следует учесть, что после войны зарплата рабочих заводов снизилась из-за прекращения сверхурочных работ и сокращения трудовой недели.

Но рост номинальной зарплаты не всегда означал рост реальной зарплаты. Кроме того, средние показатели роста денежных доходов работников неравномерно распределялись по категориям. По официальным данным Госплана средняя зарплата по РСФСР за 1945 г. составляла: у рабочего – 527 руб. 65 коп., у служащего – 512 руб. 57 коп.; у ИТР – 951 руб. 87 коп. [33].

Данные по конкретным предприятиям коррелируются с общероссийскими. Среднемесячный заработок среднесписочного рабочего по Магнитогорскому металлургическому комбинату (далее – ММК) за 1943 г. составил 557 руб. 33 коп., за 1944 г. – 778 руб. 25 коп. (рост на 39,6 %). Рост достигнут не только за счет номинального повышения зарпла-

ты, но и за счет повышения производительности труда, снижения количества рабочих, не выполняющих нормы. В основных производственных цехах заработная плата была выше, чем во вспомогательных, максимальный средний заработок составлял 1 400–1 600 рублей. Максимальные показатели заработной платы среди рабочих демонстрировали стахановцы. Зарплаты лучших стахановцев комбината за 4-й квартал 1944 г.: сталевар Корчагин – 8 999 руб., сталевар Новокрещенов – 14 452 руб., сварщик нагревательных колодцев Лысенко – 13 864 руб., старший сварщик Лебедев – 10 880 руб. [6].

Политика материального поощрения стахановцев и выделение среди них незначительного количества «особых» стахановцев, превращенных пропагандой в символы героического рабочего класса, сложилась в 1930-е гг. [27, с. 79] и была продолжена в годы войны.

Обе формы оплаты труда – повременная и сдельная – применялись на предприятиях и в довоенный период, но в условиях военной конфронтации руководители предприятий стремились повысить долю сдельщиков – это становилось стимулом для повышения производительности труда. Активные корректировки в системе оплаты труда со стороны руководства наркоматов можно заметить с весны 1942 года. В этой связи следует упомянуть приложение к приказу Наркомата танковой промышленности (далее – НКТП) № 394сс от 10 мая 1942 г. «Положение о прогрессивно-сдельной оплате труда рабочих-сдельщиков на предприятиях НКТП СССР, занятых на изготовлении литья корпусов 120 мм мин». Прогрессивно-сдельная оплата труда могла внедряться при следующих условиях: наличие норм выработки (бралась средняя норма на момент внедрения), бесперебойное обеспечение работой, правильная постановка учета выработки и фактически отработанного времени (табл. 1).

При определении процента перевыполнения исходной базы исключались: время простоя в связи с установкой оборудования, время кормления грудных детей. Начисление делалось только за качественную продукцию, брак как по вине, так и не по вине рабочего в прогрессивку не включался [24].

Поощрение могло применяться только в пределах установленного планом фонда заработной платы. Участки работ, где вводилась прогрессивно-сдельная система оплаты труда, утверждались директором предприятия, система вводилась сроком на 2 месяца, с возможностью продления.

Аналогичные приказы издавались и другими наркоматами. В результате по всей военной промышленности наблюдался рост доли работников, чей труд оплачивался по сдельной системе. Это наглядно демонстрирует ситуация на ММК. На 1 января 1945 г. на ММК работали 46 702 человека, в том числе 33 194 рабочих основных производств: 37 % из них являлись рабочими неквалифицированными или малоквалифицированными (рабочие 1–4 разрядов); 63 % – квалифицированными (рабочие 5–7 разрядов). По сдельной системе оплаты труда оплачивалось 20 846 рабочих (62,7 % общего числа рабочих), в том числе по сдельно-прогрессивной системе – 10 910 человек (32,9 %). Повременно оплачивалось 12 353 человека (37,3 %), в том числе на повременно-премиальных системах – 10 901 человек (32,9 %) [6, л. 67].

Кроме размера основной заработной платы, стимулирующий характер оказывали премии. Вводились они как мера поощрения за ударный труд, с одной стороны, и как способ материального стимулирования к выполнению производственных норм, с другой стороны.

Во исполнение распоряжений Государственного комитета обороны (далее – ГКО) наркоматы устанавливали порядок премирования за выпуск конкретных видов военной

Таблица 1. Шкала прогрессивной оплаты труда

Table 1. Scale of progressive labor remuneration

% переработки исходной базы	% увеличения рас- ценки за переработку
1–10	50
11–25	100
Свыше 25	200

продукции, а директора предприятий активно использовали такой рычаг денежного стимулирования. Так, отдел труда и зарплаты НКТП установил на 3-й квартал 1942 г. следующий порядок премирования и поощрительных мер по оплате труда рабочих горячих цехов, производивших 82-мм и 120-мм мины и взрыватели к ним: за каждые 1 000 мин, произведенных сверх плана, была установлена премия заводу в размере 10 000 руб. для премирования ИТР и рабочих. Аналогичные меры распространялись на работников, занятых на производстве 76-мм, 132-мм, 152-мм снарядов и взрывателей к ним.

Для руководящего состава заводов (директора, главные инженеры, главные технологи, начальники цехов, заместители директора по снабжению, начальники производственных отделов) устанавливался специальный порядок премирования за выполнение плана производства по конкретному ассортименту продукции военного назначения: за 100%-е выполнение плана – 3 месячных оклада.

Денежное и материальное поощрение использовалось для победителей социалистического соревнования. Например, на предприятиях создавались комсомольско-молодежные бригады. В 1944 г. в социалистическом соревновании приняло участие 9 600 бригад. Первое место заняла бригада Василия Гусева с Челябинского Кировского завода [10]. Членам бригады вручили переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и НКТП и денежные премии: Гусеву, как бригадиру – 1 500 руб., остальным – по 1 000 руб. каждому. «За победу в этом соревновании, по приказу наркома Малышева бригаде выделили комнатку, и они всей бригадой поселились над “Гастрономом”... Квартира была очень большая, семейнокомнатная, но коммунальная» [37]. Награждение правительственными наградами также сопровождалось денежными выплатами и налоговыми льготами.

В качестве поощрения применялось премирование предприятий – победителей социалистического соревнования. Так, например, при вручении знамени ГКО и ЦК ВКП(б) предприятие получало премию в размере от 100 тыс. руб. до 3 000 тыс. руб.; при вручении знамени ВЦСПС или ЦК профсоюзов – премию в размере от 20 тыс. руб. до

2 000 тыс. руб.; размеры остальных премий колебались в диапазоне 3–300 тыс. рублей. Максимальные премии полагались заводам оборонного значения, принадлежащим к наркоматам танковой, авиационной промышленности, производства боеприпасов. Премияльные суммы шли за счет сверхплановой прибыли или экономии. Если в условиях соревнования специально не было оговорено целевое назначение этих средств, то 60–70 % из них должно было быть направлено персонально рабочим, служащим и инженерно-техническому персоналу [11]. Эти требования не всегда выполнялись. Не единичный характер носили факты, когда руководство промышленных предприятий, получив премиальные деньги, не находило им лучшего применения, как устройство банкетов [7].

Следует учитывать, что отражаемые в отчетах цифровые показатели денежных выплат не полностью соответствовали реальным доходам работников. На величину и динамику зарплаты влияют как внешние, так и внутренние факторы. К внутренним относятся организация заработной платы (нормирование, тарифные ставки, премии, надбавки), к внешним – система управления производством, соотношение спроса и предложения, влияние таких негативных факторов, как хищения, приписки, взятки [14, с. 8].

В ряде случаев реальная зарплата работников сокращалась вследствие неправильных вычетов, ошибок нормировщиков и табельщиков, удержаний в виде штрафов за брак и др. Одной из причин таких ошибок была чрезмерная интенсивность труда и низкая квалификация табельщиков и нормировщиков. В докладной записке коллегии наркомтруда СССР в Совнарком СССР отмечалось: «Существующие на предприятиях кадры по технормированию слабы по качеству и недостаточны по количеству. Всего только около 20 % из общего количества работников по технормированию имеют теоретическую подготовку в этой области. Основная масса нормировщиков – малоподготовленные работники, практиканты или выдвиженцы, с которыми, как правило, никакой работы по повышению квалификации не ведется» [13, л. 329–331].

Завкомом ММК была произведена проверка правильности начисления и выплаты

зарплаты по 7 цехам, в результате выявлены по сортопрокатному цеху обсчет 1 150 человек на сумму в 74 656 руб. 18 коп. за работу в выходные дни, по мартеновскому цеху № 3 – обсчет 112 человек на сумму в 3 934 руб. 13 коп. за неправильное начисление военного и подоходного налогов. Имелись отдельные случаи обсчетов из-за неправильной расценки нарядов, невыплаты сверхурочных часов. До ноября 1944 г. на ММК практиковались в массовом количестве вычеты из зарплаты за украденные вещи управления коммунального хозяйства по рыночным ценам с лиц, проживающих в общежитиях. Решением завкома металлургов такого рода вычеты были запрещены, однако они продолжали иметь место.

Практиковались удержания с рабочих за произведенный ими брак, за прогул – по решению суда, за алименты, за получение ссуды на хозяйственные нужды и др. Так, фрезеровщик Райх имел задолженность заводу 166 руб., Остопин – 491 руб., Кривошاپко – 58 рублей. Старшему вальцовщику листопркатного цеха Седых за январь 1944 г. было начислено 1 338 руб., в аванс он получил 600 руб., из зарплаты было удержано: за заем 500 руб., на налоги 444 руб., в результате чего он еще и остался должен, как и вальцовщик Голосков, которому было начислено в январе 808 руб., а удержано в счет погашения задолженности 515 руб., на налоги 203 руб., на заем 300 руб. [6].

Приоритетной стала оплата труда тем категориям работников, которые трудились на оборону страны. Действительно, на крупных промышленных предприятиях заработная плата была выше, чем в других сферах экономики. Но были исключения особого рода. Как

мы видим из приведенной ниже таблицы 2, размер заработной платы работников отделов рабочего снабжения (далее – ОРСов) равен, а иногда и выше, чем размер заработной платы рабочих и служащих заводов черной металлургии.

Представление о том, насколько реальный уровень денежных доходов работников предприятий был достаточным для полноценного восстановления организма при высокой интенсивности труда в условиях военного времени, дают результаты выборочной проверки ряда челябинских предприятий, проведенной Челябинским обкомом ВКП(б) в начале 1945 года. Проверка показала, что месячные расходы на питание в столовой, хлеб, оплату общежития, починку одежды и обуви, стирку, баню, парикмахерскую, возможное приобретение одежды и обуви, покупку табака, посещение кино, театра, членские взносы общественным организациям составляли в среднем у рабочего-одиночки 400 руб. в месяц. Выборочная проверка заработков выявила, что такую сумму получали на руки от 22 до 62 % рабочего контингента [20, с. 77].

Натуральное вознаграждение. Кроме денежных выплат, в советской экономической модели была выработана целая система натуральных поощрений. Уже в первые недели войны вновь было введено нормированное распределение продовольственных и промышленных товаров [17, с. 20–22]. Отличительной чертой системы распределения было большое разнообразие карточек, которое в течение войны стремительно росло. Если в приказе наркомторга СССР от 22 августа 1941 г. фактически устанавливалось восемь видов карточек, то к концу 1941 г. их уже

Таблица 2. Заработная плата сотрудников ОРСов (руб. в месяц на 3-й квартал 1942 г.)

Table 2. Salaries of workers of the Supply Departments (rubles per month for the 3rd quarter of 1942)

ОРС	Наркомат текстильной промышленности	Наркомат черной металлургии
Торгово-розничная сеть	810	750
Общественное питание	650	650
Транспорт	815	803
Сельское хозяйство	706	710
Административно-управленческий персонал	1 768	1 751

Примечание. Составлено по: [12, л. 164, 169].

было 12, в 1942 г. – 51, в 1943 г. – 112, а в 1944 г. существовало в среднем 130–135 разновидностей карточек и талонов [34, с. 20].

Повышенные нормы по карточкам были введены для ряда категорий работников (табл. 3). Переписка наркоматов с Госпланом и Советом народных комиссаров (далее – СНК) об их количественном и качественном составе продолжалась все лето 1942 года. В результате была выделена отдельная категория рабочих, задействованных на подземных и тяжелых работах и в горячих цехах по перечню профессий.

Дополнительно был введен отпуск на производстве вторых обедов без вырезки талонов из продовольственных карточек для работавших на подземных и тяжелых работах, а также в горячих цехах, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки, исходя из нормы отпуска в месяц на каждого: мяса – 3 кг, жиров – 0,6 кг, крупы – 3 кг (табл. 4). Согласно первому предложению от наркоматов их численность должна была составить 314,4 тыс. чел., по предложению Госплана СССР – 266,5 тыс. чел., в итоговом утвержденном варианте – 183,8 тыс. человек.

Наркоматы постоянно обращались к вышестоящему руководству с просьбами о выделении дополнительных продуктовых фондов для уязвимых категорий работников. Так, нарком-

чермет просил выделить дополнительные фонды из расчета: мяса – 2,2 кг, жиры – 0,3 кг, крупа – 1,5 кг в месяц для отпуска 2–3-разового питания рабочим-одиночкам, работавшим на производстве и в строительстве (окончившие ремесленные училища или школы фабрично-заводского обучения, рабочие из стройколонн, переведенные в штат завода). Летом 1942 г. эти работники могли получать лишь 1 горячее питание в день – обед [23].

Система материального стимулирования распространялась на трудмобилизованных и частично на заключенных. В архивных источниках встречаются факты поощрения стахановцев из трудмобилизованных талонами на дополнительное питание и премиями [38].

Порядок предоставления льгот в обеспечении лучших работников предприятий был определен Постановлением СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий» [26]. В соответствии с документом директорам промышленных предприятий предоставлялось право установить для рабочих, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки, поощрительные меры следующего характера: первоочередной порядок продажи промышленных товаров по карточкам, топлива,

Таблица 3. Нормы снабжения по продовольственным карточкам

Table 3. Supply rates for ration cards

Норма отпуска продуктов	Новая	Существовавшая
Мясо (кг в месяц)	3,2	2,2
Жиры (кг в месяц)	1,0	0,6
Крупа (кг в месяц)	3,0	1,5
Хлеб (кг в день)	1,0	0,8

Таблица 4. Численность работников, имеющих право на получение вторых обедов (по наркоматам)

Table 4. Number of workers entitled to second meals (by Commissariats)

Наркомат	Количество
Наркомуголь	78 200
Наркомчермет	65 300
Наркомцветмет (по металлургическому производству)	32 000
Наркомтанкопром	2 400
Наркомвооружения	4 700
Наркомэлектропром	1 200

Примечание. Составлено по: [22].

товаров широкого потребления, дополнительный отпуск сверх установленных норм по продовольственным карточкам продуктов, выдача дополнительного горячего питания, первоочередной ремонт обуви и домашней утвари и снабжение некоторыми строительными материалами (стекло, фанера, олифа, гвозди) для ремонта жилищ и других домашних нужд.

Все это предприятие должно было осуществлять за счет доходов, полученных от собственного подсобного хозяйства, товаров, произведенных ОРСом предприятия, причем оставшихся после того, как будут оплачены налоги и обеспечены заводские столовые.

В рамках этой директивы действовали директора предприятий на местах. Так, например, директор завода Уралмаш Б.Г. Музруков издал инструкцию о порядке распределения стахановских обедов. Количество устанавливалось отделом труда и зарплаты и утверждалось директором. Если стахановцы сорвали график или не выполнили задание, на следующую неделю они должны были лишаться талонов на стахановские обеды или их количество сокращалось до 60 %. ИТР получали такие талоны, если цех выполнил план на 100 %. Служащим и МОП было запрещено выдавать такие талоны [15].

На Ново-Тагильском металлургическом заводе в соответствии с приказом директора от 13 января 1943 г. рабочие, получившие стахановскую книжку, получили право на отоваривание своей карточки лучшими продуктами и промтоварами (право выбрать продукты, а не по раскладке), осуществлять ремонт и починку обуви и одежды вне очереди, питаться за выделенными столами (что в условиях постоянных очередей и нехватки столовых приборов было немаловажно). Для остальных рабочих талоны на промтовары и талоны УДП выдавались только при условии перевыполнения нормы [25].

Одним из видов материального стимулирования были так называемые ВГП (второе горячее питание) и УДП. Такая важная мера в годы войны спасла немало жизней рабочих. Но, следует отметить, что при распределении ВГП и УДП не все они доходили до адресатов. Так, на Челябинском металлургическом заводе часть талонов УДП, предназначенных для работников, перевыпол-

нявших норму, расходовалась не по назначению; проверки обнаружили недостачу продуктов в столовых, на складе, в подсобном хозяйстве, от перевозки продуктов из совхозов в ОРС [19].

Руководство ВЦСПС после проверок, осуществленных в начале 1944 г. на ряде заводов страны, вынуждено было констатировать, что «в деле использования 2-го горячего питания нет системы. Многочисленные случаи, когда оно используется для усиления питания руководящих работников, выдается обслуживающему персоналу, для организации ужинов на банкетах и совещаниях». Например, на заводе № 745 наркомата электропромышленности для рабочих выдано только 33 % от общего количества талонов на второе горячее питание (декабрь 1943 г.), в январе 1944 г. – 42 %. На заводе № 460 наркомата боеприпасов за декабрь 1943 г. – январь 1944 г. служащим и руководству завода роздано 26 100 рабочих талонов, на Глуховском хлебокомбинате – 39 100 талонов, на заводе № 393 наркомата вооружения – 26 320 талонов, на заводе № 40 наркомата среднего машиностроения – 38 970 талонов. В качестве способа пресечения злоупотреблений руководство профсоюзов предлагали выдавать не разовые талоны, а декадные карточки и усилить контроль (учет и согласование с профсоюзами), причем учет возложить на кассиров и бухгалтерию [21]. Проблема заключалась не только и не столько в личности руководителя предприятия или ОРСа, а в системе сложившихся производственных взаимоотношений между различными структурными подразделениями. Значительное количество нормированных товаров приходилось расходовать на стимулирование заготовок, в уплату за услуги, оказываемые отдельным заводам и ОРСам, на устройство вечеров и банкетов для приезжавшего с проверками вышестоящего начальства и т. д. [29, с. 206].

Еще одной незаконно привилегированной категорией были работники ОРСов и подчиненных ему подразделений. Так, при проверке завкома ММК были обнаружены случаи систематического присвоения заведующим столовой № 10 стахановских обедов [30]. Имели место случаи сговора между сотрудниками столовой и охраной завода. Например,

на Лысьвенском металлургическом заводе сотрудники охраны не обыскивали работников столовой при проходе через пункты пропуска в обмен на дополнительные порции обедов в столовой [4].

Использовали директора как поощрительную меру и раздачу талонов на предметы первой необходимости (одежду, обувь, домашняя утварь). Несмотря на все обвинения в том, что ОРСы раздавали талоны на товары первой необходимости (промтовары) не прозрачно, именно через эти отделы промышленных предприятий шло основное обеспечение рабочих столь необходимой спецодеждой и вещами, поскольку цены на рынках были для рабочих неподъемными. Вместе с тем выделение обуви и одежды на предприятиях не всегда соразмерялось со спросом. Так, рабочим мужчинам новомеханического цеха ММК выдали ордера на женские юбки [8, с. 98].

Ограничительные меры денежного и натурального характера. Кроме поощрительных способов стимулирования трудовой активности применялись ограничительные меры материального (вырезка талонов на продовольствие, денежные штрафы) и морально-натурального характера (высмеивание отстающих и нерадивых работников через фельетоны или доску позора, обсуждение на собраниях трудового коллектива, судебное преследование), административные методы воздействия (выговоры и переводы на низшую должность). Постановлением СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий» [26] определялись меры наказания для нарушителей трудовой дисциплины. Рабочим, совершившим прогул, с момента вынесения решения суда и до отбытия наказания в порядке исправительно-трудовых работ на данном предприятии разрешалось снижение нормы хлеба: на 200 г на тех предприятиях, для рабочих которых установлена норма в 800 г и более, и на 100 г — на всех остальных предприятиях. Разрешить директорам предприятий для рабочих, отбывающих наказание за прогул, если они в течение месяца при сдельной оплате труда выполняли нормы выработки, а при повременной — добросовестно относились к своей работе, вос-

становливать по истечении месяца такой работы отпуск хлеба по нормам, установленным для рабочих данного предприятия.

Директора предприятий применяли штрафные санкции для борьбы с выпуском бракованных изделий, поломками оборудования, нарушениями техники безопасности, вычитали из заработка стоимость пропавшего постельного белья в общежитиях, где проживали рабочие.

Результаты. В годы Великой Отечественной войны на оборонных предприятиях советского тыла государство активно применяло все три типа трудового стимулирования: материальное вознаграждение, морально-нравственные побуждения и обязательства, а также принуждение и наказание. Основы политики трудовой мотивации сложились в 1930-х гг. и были продолжены в условиях военного времени. Но, если к началу войны и в ее первый год доминировали репрессивно-карательные меры, то начиная со второй половины 1942 г. и особенно с 1943 г. наблюдался рост использования различных способов материального стимулирования труда, а также категорий работников, которые получали помощь. Существовала градация в размерах материального стимулирования по следующим параметрам: принадлежность к предприятиям, выпускающим продукцию военного назначения (металлургия, машиностроение, выпуск боеприпасов, химическая промышленность) или нет; горизонтальная градация внутри трудового коллектива как в зависимости от выполнения плана (стахановцы, многократно перевыполнявшие норму выработки, рабочие, выполнявшие план, рабочие, не выполнявшие план), так и в зависимости от квалификации (ИТР, высококвалифицированные, вспомогательный персонал, чернорабочие) и места работы (цеха основного производства, неосновные цеха, вспомогательные подразделения). При реальном воплощении в системе материального стимулирования нередко наблюдались отступления от принципа социальной справедливости. К концу войны (в 1944–1945 гг.), в связи с успехами на фронте и освобождением территории страны появилась возможность, а в связи с истощением рабочей силы — и необходимость увеличить долю

материальных стимулов труда. В связи с этим наблюдался рост номинальной заработной платы, выдачи премий, введение 2-го и 3-го дополнительного горячего питания в заводских столовых, расширение подсобных хозяйств предприятий, производства на предприятии товаров и услуг бытового назначения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В. «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М.: РОССПЭН, 2010. 552 с.
2. Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 2000. С. 206–218.
3. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
4. Выписка из протокола № 57 Заседания Лысьвенского завкома металлургов от 12.05.1942 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 31. Д. 6. Л. 49.
5. Голдман В. З., Фильцер Д. Крепость темная и суровая: советский тыл в годы Второй мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2023. 712 с.
6. Докладная записка в Магнитогорский горком ВКП(б) от 15.03.1945 г. // Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-234. Оп. 19. Д. 1. Л. 66–69.
7. Докладная записка Прокурора СССР о фактах злоупотреблений. Январь 1943 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 121. Д. 157. Л. 109.
8. Жаркынбаева Р. С., Потемкина М. Н., Ануфриева Е. А. и др. Гендерные аспекты истории Великой Отечественной войны в Казахстане и России: макро- и микроуровень. Алматы: Қазақ Университеті, 2020. 271 с.
9. Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
10. За трудовую доблесть. Орган парткома, завкома и дирекции Кировского завода в Челябинске. 1944 г. 14 ноября.
11. Заключение отдела труда Госплана СССР по вопросам оплаты труда работников Наркомтруда. 1942 г. // Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 42. Д. 302. Л. 107–112.
12. Заключение отдела труда Госплана СССР по вопросам оплаты труда на 3-й квартал 1942 г. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 302. Л. 164, 169.
13. Из докладной записки коллегии Наркомтруда СССР в Совнаркоме СССР об организации труда и системе заработной платы // ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 1. Д. 359. Л. 312–324, 329–331.
14. Ильюхов А. А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН: Фонд Первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 414 с.
15. Инструкция по распределению стахановских обедов // ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 139. Л. 15–16.
16. История советского рабочего класса: в 6 т. / редкол.: С. С. Хромов (гл. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1984. Т. 3: Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 гг. / редкол.: А. В. Митрофанова (отв. ред.) [и др.]. 591 с.
17. Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 231 с.
18. Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на московском заводе «Серп и Молот», 1883–2001. М.: РОССПЭН, 2005. 368 с.
19. Материалы проверки ОРСа Челябинского металлургического завода НКЧМ. Май 1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-8300. Оп. 18. Д. 14. Л. 101–112.
20. На защите экономической безопасности государства 1937–2007 / авт.-сост. Д. В. Смирнов, Л. Б. Коган. Челябинск: Книга, 2007. 200 с.
21. От председателя ВЦСПС В.В. Кузнецова зам. пред. СНК А.И. Микояну. 4 апреля 1944 г. // ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 139. Л. 1–4.
22. От Шверника – Микояну А.И. Контингент на усиленное питание. 31.07.1942 г. // ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 31. Д. 11. Л. 15.
23. Письма наркомов черной металлургии и угольной промышленности в СНК об усилении питания рабочих, работающих на подземных и тяжелых работах в горячих цехах. 7 июля 1942 г. // ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 31. Д. 11. Л. 1–2.
24. Положение о прогрессивно-сдельной оплате труда рабочих сдельщиков на предприятиях НКТП СССР, занятых на изготовлении литья корпусов 120-мм. 27.05.1942 г. // ОГАЧО. Ф. 792-р. Оп. 33. Д. 63. Л. 2–6.
25. Порядок преимущественного снабжения рабочих Ново-Тагильского металлургического завода. 13.01.1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 31. Д. 6. Л. 41.
26. Постановление СНК СССР от 18 октября 1942 г. «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/332812-postanovlenie-snk-sssr-o-poryadke-snazhcheniya-prodovolstvennymi-i-promyshlennymi-tovarami>

rabochih-promyshlennyh-predpriyatiy-18-oktyabrya-1942-g#mode/inspect/page/2/zoom/4

27. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941). Екатеринбург: УрО РАН, 2006. 476 с.

28. Потемкина М. Н., Токарев Е. В. Мотивация труда в южноуральской промышленности: механизмы и практика военного периода (на примере Магнитогорского металлургического комбината 1941–1945 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 1 (33). С. 132–143. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.33.12

29. Потемкина М. Н. Борьба с экономической преступностью на предприятиях Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Двенадцатые Татищевские чтения. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2020. С. 204–209.

30. Протокол заседания заводского комитета ММК от 14.05.1942 г. // ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 31. Д. 6. Л. 53.

31. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 2. 1929–1940 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1967. 800 с.

32. Романов Р. Е. Трудовые стимулы рабочих оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (на примере комбината «Сибметаллстрой») // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15, № 2. С. 309–332.

33. Сводки СУ Госплана РСФСР по обследованию зарплаты у рабочих, ИТР и служащих за 1945 г. // ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 3. Д. 1149. Л. 1а.

34. Соловьева В. В. Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941–1945 гг.: государственная политика и стратегии адаптации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 29 с.

35. Тогоева С. И. Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. Вып. 8. С. 39–56.

36. Шалак А. В. Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 2. С. 20–40.

37. Шлыкова С. «Привет, Василь Васильевич!» // Вечерний Челябинск. 2020. 7 мая. URL: <https://archive.vecherka.ru/articles/society/36221/?ysclid=m4r9gbxstz5196291>

38. Zharkynbayeva R. Labor Mobilization of Population from Central Asia During World War II: Conscription, Dislocation, and Conditions of Life and Work (On Examples from the Kazakh SSR) // The Journal of Slavic Military Studies. 2021. Vol. 34, № 4. P. 558–579.

REFERENCES

1. Borodkin L.I., Valetov T.Ya., Smirnova Yu.B., Shilnikova I.V. «*Ne rublem edinyim*»: *Trudovye stimuly rabochikh-tekstilshchikov dorevoliutsionnoi Rossii* [“Not by the Ruble Alone.” Labor Incentives of Textile Workers in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 552 p.

2. Van der Linden M. Motivatsiia truda v rossiiskoi promyshlennosti: nekotorye predvaritelnye suzheniia [Labor Motivation in Russian Industry: Some Preliminary Judgments]. *Sotsialnaia istoriia: ezhegodnik* [Social History: Yearbook]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. pp. 206–218.

3. Voznesenskii N. *Voennaia ekonomika SSSR v period Otechestvennoi voiny* [Military Economy of the USSR During the Patriotic War]. Moscow, Gospolitizdat, 1948. 192 p.

4. Vypiska iz protokola № 57 Zasedaniia Lysvenskogo zavkoma metallurgov ot 12.05.1942 g. [Extract from the Minutes No. 57 of the Meeting of the Lysva Factory Committee of Metallurgists Dated 12.05.1942]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (daleye – GARF)* [State Archives of the Russian Federation], f. R-5451, inv. 31, d. 6, l. 49.

5. Goldman V.Z., Filtser D. *Krepost temnaia i surovaia: sovetskii tyl v gody Vtoroi mirovoi voiny*. [Fortress Is Dark and Harsh: Soviet Rear During the Second World War]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2023. 712 p.

6. Dokladnaia zapiska v Magnitogorskii gorkom VKP(b) ot 15.03.1945 g. [Memo to the Magnitogorsk City Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks Dated March 15, 1945]. *Obieedinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti (daleye – OGACHO)* [United State Archives of the Chelyabinsk Region], f. P-234, inv. 19, d. 1, l. 66–69.

7. Dokladnaia zapiska Prokurora SSSR o faktakh zloupotrebleniy. Ianvar 1943 g. [Report of the Prosecutor of the USSR on Facts of Abuse. January 1943]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, inv. 121, d. 157, l. 109.

8. Zharkynbaeva R.S., Potemkina M.N., Anufrieva E.A. et al. *Gendernye aspekty istorii Velikoi Otechestvennoi voiny v Kazakhstane i Rossii: makro-i mikrouroven* [Gender Aspects of the History of the Great Patriotic War in Kazakhstan and Russia: Macro and Micro Levels]. Almaty, Qazaq Universiteti, 2020. 271 p.

9. Zhuravlev S.V., Mukhin M.Yu. «*Krepost sotsializma*»: *povsednevnost i motivatsiia truda na sovetskom predpriiatii, 1928–1938 gg.* [“Fortress of Socialism”: Everyday Life and Labor Motivation at a Soviet Enterprise, 1928–1938]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 240 p.

10. *Za trudovuyu doblest. Organ partkoma, zavkoma i direksii Kirovskogo zavoda v Chelyabinske. 1944 g. 14 noyabrya* [For Labor Valor. Organ of the Party Committee, Factory Committee, and Directorate of the Kirov Plant in Chelyabinsk. 1944, November 14].

11. Zakliuchenie otдела труда Gosplana SSSR po voprosam oplaty труда rabotnikov Narkomuglia. 1942 g. [Conclusion of the Labor Department of the USSR State Planning Committee on Issues of Remuneration of Workers of the People's Commissariat of Coal. 1942]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (daleye – RGAE)* [Russian State Archive of Economics], f. 4372, inv. 42, d. 302, l. 107-112.

12. Zakliuchenie otдела труда Gosplana SSSR po voprosam oplaty труда na 3-i kvartal 1942 g. [Conclusion of the Labor Department of the USSR State Planning Committee on Wage Issues for the 3rd Quarter of 1942]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 4372, inv. 42, d. 302, l. 164, 169.

13. Iz dokladnoi zapiski kollegii Narkomtruda SSSR v Sovnarkom SSSR ob organizatsii труда i sisteme zarabotnoi platy [From a Memorandum of the USSR People's Commissariat of Labor to the Council of People's Commissars of the USSR on the Organization of Labor and the Wage System]. *GARF*, f. 5515, inv. 1, d. 359, l. 312-324, 329-331.

14. Iliukhov A.A. *Kak platili bolsheviki: politika sovetskoi vlasti v sfere oplaty труда v 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks Paid: Policy of Soviet Power in the Sphere of Wages in 1917–1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., Fond Pervogo prezidenta Rossii B.N. Eltsina, 2010. 414 p.

15. Instruksiia po raspredeleniiu stakhanovskikh obedov [Instructions for the Distribution of Stakhanov's Dinners]. *GARF*, f. 5451, inv. 31, d. 139, l. 15-16.

16. *Istoriia sovetskogo rabocheho klassa: v 6 t.* [History of the Soviet Working Class. In 6 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1984, vol. 3. *Rabochii klass SSSR nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1938–1945 gg.* [Working Class of the USSR on the Eve and During the Great Patriotic War, 1938–1945]. 591 p.

17. Liubimov A.V. *Torgovlia i snabzhenie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Trade and Supply During the Great Patriotic War]. Moscow, Ekonomika Publ., 1968. 231 p.

18. Markevich A.M., Sokolov A.K. «*Magnitka bliz Sadovogo koltsa*»: *Stimuly k rabote na moskovskom zavode «Serp i Molot», 1883–2001* [“Magnitka near the Garden Ring”: Incentives to Work at the Moscow Plant “Sickle and Molot”, 1883–2001]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 368 p.

19. Materialy proverki ORSa Cheliabinskogo metallurgicheskogo zavoda NKChM. Mai 1943 g. [Materials of Inspection of the ORS of the Chelyabinsk

Metallurgical Plant NKChM. May 1943]. *GARF*, f. R-8300, inv. 18, d. 14, l. 101-112.

20. Smirnov D.V., Kogan L.B. *Na zashchite ekonomicheskoi bezopasnosti gosudarstva 1937–2007* [In Defense of the Economic Security of the State 1937–2007]. Cheliabinsk, Kniga Publ., 2007. 200 p.

21. Ot predsedatelia VTsSPS z. V.V. Kuznetsova zam. pred. SNK A.I. Mikoianu. 4 apreliia 1944 g. [From the Chairman of the All-Union Central Council of Trade Unions V.V. Kuznetsov to the Deputy Chairman of the Council of People's Commissars A.I. Mikoyan, April 4, 1944]. *GARF*, f. 5451, inv. 31, d. 139, l. 1-4.

22. Ot Shvernika – Mikoianu A.I. Kontingent na usilennoe pitanie. 31.07.1942 g. [From Shvernik to Mikoyan A.I. Contingent for Enhanced Meals. 31.07.1942]. *GARF*, f. R-5451, inv. 31, d. 11, l. 15.

23. Pisma narkomov chernoii metallurgii i ugolnoi promyshlennosti v SNK ob usilenii pitaniia rabochikh, rabotaiushchikh na podzemnykh i tiazhelykh rabotakh v goriachikh tsekhakh. 7 iuliia 1942 g. [Letters from the People's Commissars of Ferrous Metallurgy and the Coal Industry to the Council of People's Commissars on Strengthening the Nutrition of Workers Working in Underground and Heavy Work in Hot Shops. July 7, 1942]. *GARF*, f. 5451, inv. 31, d. 11, l. 1-2.

24. Polozhenie o progressivno-sdelnoi oplate труда rabochikh sdelschikov na predpriatiiakh NKTP SSSR, zaniatykh na izgotovlenii litia korpusov 120-mm. 27.05.1942 g. [Regulations on Progressive Piecework Wages for Piece Workers at the Enterprises of the NKTP of the USSR Engaged in the Manufacture of Castings of 120 mm Housings. 27.05.1942]. *OGACHO*, f. 792-r, inv. 33, d. 63, l. 2-6.

25. Poriadok preimushchestvennogo snabzheniia rabochikh Novo-Tagil'skogo metallurgicheskogo zavoda. 13.01.1943 g. [Order of Priority Supply of Workers of the Novo-Tagil Metallurgical Plant. 13.01.1943]. *GARF*, f. 5451, inv. 31, d. 6, l. 41.

26. Postanovlenie SNK SSSR ot 18 oktiabria 1942 g. «O poriadke snabzheniia prodovol'stvennymi i promyshlennymi tovarami rabochikh promyshlennykh predpriatii» [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of October 18, 1942 “On the Procedure for Supplying Food and Industrial Goods to Workers of Industrial Enterprises”]. *Elektronnaiia biblioteka istoricheskikh dokumentov* [Digital Library of Historical Documents]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/332812-postanovlenie-snk-sssr-o-poryadke-snazhneniya-prodovol'stvennymi-i-promyshlennymi-tovarami-rabochih-promyshlennykh-predpriatii-18-oktyabrya-1942-g#mode/inspect/page/2/zoom/4>

27. Postnikov S.P. Feldman M.A. *Sotsiokulturnyi oblik promyshlennykh rabochikh Urala (1900–1941)* [Sociocultural Image of Industrial Workers of the Urals (1900–1941)]. Yekaterinburg, UrO RAN, 2006. 476 p.

28. Potemkina M.N., Tokarev E.V. Motivatsiia truda v iuzhnouralskoi promyshlennosti: mekhanizmy i praktika voennogo perioda (na primere Magnitogorskogo metallurgicheskogo kombinata 1941–1945 gg.) [Labor Motivation in the South Ural Industry: Mechanisms and Practice of the War Period (On the Example of the Magnitogorsk Iron and Steel Works 1941–1945)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], 2020, no. 1 (33), pp. 132–143. DOI: 10.32516/2303-9922.2020.33.12

29. Potemkina M.N. Borba s ekonomicheskoi prestupnostiu na predpriatiiakh Cheliabinskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Fight Against Economic Crime at Enterprises of the Chelyabinsk Region During the Great Patriotic War]. *Dvenadtsatye Tatishchevskie chteniia* [Twelfth Tatishchev Readings]. Yekaterinburg, KVADRAT Publ., 2020, pp. 204–209.

30. Protokol zasedaniia zavodskogo komiteta MMK ot 14.05.1942 g. [Minutes of the Meeting of the MMK Plant Committee Dated 14.05.1942]. *GARF*, f. 5451, inv. 31, d. 6, l. 53.

31. Chernenko K.U., Smirtiukov M.S., eds. *Resheniia partii i pravitelstva po khoziaistvennym voprosam: v 5 t. T. 2. 1929–1940 gg.* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues. In 5 Vols. Collection of Documents for 50 Years. Vol. 2. 1929–1940]. Moscow, Politizdat, 1967. 800 p.

32. Romanov R.E. Trudovye stimuly rabochikh oboronnykh predpriatii Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na primere kombinata «Sibmetallstroii») [Labor Incentives for Workers of Defense Enterprises of Siberia During the Great Patriotic War (On the Example of the Sibmetallstroy Plant)]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia*

[Historical and Economic Studies], 2014, vol. 15, no. 2, pp. 309–332.

33. Svodki SU Gosplana RSFSR po obsledovaniiu zarplaty u rabochikh, ITR i sluzhashchikh za 1945 g. [Reports of the SU Gosplan of the RSFSR on the Survey of Wages of Workers, Engineering and Technical Personnel and Employees for 1945]. *GARF*, f. A-374, inv. 3, d. 1149, l. 1a.

34. Soloveva V.V. *Bytovye usloviia personala promyshlennykh predpriatii Urala v 1941–1945 gg.: gosudarstvennaia politika i strategii adaptatsii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Living Conditions of the Personnel of Industrial Enterprises of the Urals in 1941–1945: State Policy and Adaptation Strategies. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg, 2011. 29 p.

35. Togoeva S.I. *Faktory vliianiia na motivatsiiu truda (na materialakh Tverskogo vagonostroitel'nogo zavoda v 1941–1951 gg.)* [Factors Influencing Labor Motivation (Based on the Materials of the Tver Carriage Works in 1941–1951)]. *Ekonomicheskaiia istoriia. Obozrenie* [Economic History. Review], 2002, iss. 8, pp. 39–56.

36. Shalak A.V. Sistema motivatsii v sisteme raspredeleniia v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945) [Motivation System in the Distribution System During the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia* [Historical and Economic Studies], 2011, vol. 12, no. 2, pp. 20–40.

37. Shlykova S. «Privet, Vasil Vasilievich!» [Hello, Vasil Vasilievich!]. *Vecherniy Chelyabinsk* [Evening Chelyabinsk], 2020, May 7. URL: <https://archive.vecherka.su/articles/society/36221/?ysclid=m4r9gbxstz5196291>

38. Zharkynbayeva R. Labor Mobilization of Population from Central Asia During World War II: Conscription, Dislocation, and Conditions of Life and Work (On Examples from the Kazakh SSR). *The Journal of Slavic Military Studies*, 2021, vol. 34, no. 4, pp. 558–579.

Information About the Author

Marina N. Potemkina, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Center for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 84, 119606 Moscow, Russian Federation; Professor, Department of World History, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Prosp. Lenina, 26, 455000 Magnitogorsk, Russian Federation, mpotemkina@mail.ru, m.potemkina@magtu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7056-1258>

Информация об авторе

Марина Николаевна Потемкина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр экономической и социальной истории, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Вернадского, 84, 119606 г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, просп. Ленина, 26, 455000 г. Магнитогорск, Российская Федерация, mpotemkina@mail.ru, m.potemkina@magtu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7056-1258>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.8>

UDC 94(574)«1941/1945»:338.245

LBC 63.3(5Каз)622-2

Submitted: 23.09.2024

Accepted: 20.01.2025

“ALL FOR THE FRONT! ALL FOR VICTORY!”: THE IMPLEMENTATION OF SHOCK WORK IN THE KAZAKH SSR IN 1941–1945

Roza S. Zharkynbayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Meruyert A. Dorskaliyeva

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Bereket B. Karibaev

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* This article, drawing upon a wide set of historical sources, seeks to characterize the shock work and the factors that influenced worker motivation at defense enterprises in the Kazakh SSR. *Methods and materials.* The source material for this work includes documents from the archives of the Republic of Kazakhstan, as well as materials from the Central Committee of the Communist Party, the Party Control Commission, “Special folders,” and records of primary party organizations, many of which are being introduced into scholarly circulation for the first time. The conceptual framework is informed by the notions of a mobilization economy and the history of everyday life. *Analysis.* The article examines the challenges of industrial restructuring during wartime and the prevalence of shock work in the Kazakh SSR from 1941 to 1945. Drawing on the minutes of Party Bureau meetings, open and closed general factory meetings, as well as other documents, the paper analyzes the issues encountered in implementing shock work and the strategies employed to enhance worker motivation. *Results.* Analysis of the formation and development of shock work at enterprises in the Kazakh SSR revealed that workers’ responses to calls for increased productivity ranged from full support, as seen in Stakhanov labor, to various forms of adaptation and resistance. The conclusion is that the economic victory in the war could not have been achieved without the support and sacrifices of the most of ordinary Soviet citizens, including the population of the Kazakh SSR. *Authors’ contribution.* R.S. Zharkynbayeva proposed the idea and developed the general concept of the work, analysed archival sources, formulated the main results. M.A. Dorskaliyeva conducted a review of foreign historiography, participated in the writing of the text, making the necessary adjustments and changes at the final stage. B.B. Karibaev analysed the Kazakhstani historiography and contributed to the writing of the text. *Funding.* The research was undertaken as part of the project funded by Grant of the MSHE RK AP23490680.

Key words: Kazakh SSR, shock work, agitation and propaganda, labor history, defense enterprises.

Citation. Zharkynbayeva R.S., Dorskaliyeva M.A., Karibaev B.B. “All for the Front! All for Victory!”: The Implementation of Shock Work in the Kazakh SSR in 1941–1945. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 100-110. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.8>

УДК 94(574)«1941/1945»:338.245

ББК 63.3(5Каз)622-2

Дата поступления статьи: 23.09.2024

Дата принятия статьи: 20.01.2025

«ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!»: РЕАЛИЗАЦИЯ УДАРНЫХ ФОРМ ТРУДА В КАЗАХСКОЙ ССР В 1941–1945 ГОДАХ

Роза Сейдалиевна Жаркынбаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Меруерт Албековна Доскалиева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Берекет Бахытжанович Карибаев

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. *Введение.* В рамках изучения широкого комплекса исторических источников в статье предпринята попытка охарактеризовать ударные формы труда и факторы, оказывавшие влияние на трудовую мотивацию работников оборонных предприятий Казахской ССР. *Методы и материалы.* Источниковая база работы – документы архивов Республики Казахстан, материалы ЦК КП(б)К, Комиссии партийного контроля, «Особых папок» и первичных партийных организаций, в большинстве своем вводимые в научный оборот впервые. Концептуальной основой послужили теории мобилизационной экономики и истории повседневности. *Анализ.* В статье показаны трудности перестройки промышленности на военный лад и распространение ударных форм труда в 1941–1945 годах. На основе исследования протоколов заседаний партбюро, открытых и закрытых общезаводских собраний и других документов проанализированы проблемы в реализации ударных форм труда и способы повышения мотивации труда. *Результаты.* В ходе анализа процессов становления и развития ударных форм труда на предприятиях Казахской ССР установлено, что реакции рабочих на призывы к повышению производительности труда варьировались от полной поддержки, нашедшей свое выражение в стахановском труде, до разных форм приспособления и сопротивления. В заключение сделан вывод о том, что экономическая победа в войне не могла бы состояться без поддержки и жертв со стороны большинства обычных советских людей, в том числе и населения Казахской ССР. *Вклад авторов.* Р.С. Жаркынбаева предложила идею и разработала общую концепцию работы, осуществила анализ архивных источников, сформулировала основные результаты. М.А. Доскалиева осуществила обзор зарубежной историографии, участвовала в написании текста, внесении необходимых корректировок и изменений на завершающем этапе. Б.Б. Карибаев провел анализ казахстанской историографии и принимал участие в написании текста. *Финансирование.* Исследование выполнено в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту МНВО РК AP23490680.

Ключевые слова: Казахская ССР, ударные формы труда, агитация и пропаганда, рабочая история, оборонные предприятия.

Цитирование. Жаркынбаева Р. С., Доскалиева М. А., Карибаев Б. Б. «Все для фронта! Все для победы!»: реализация ударных форм труда в Казахской ССР в 1941–1945 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 100–110. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.8>

Введение. Вызовы XXI в. ставят перед постсоветскими республиками задачи реиндустриализации в рамках четвертой промышленной революции. В этой связи нарастает интерес к проблемам изучения трудовой мотивации и повышения производительности труда. 80-летний юбилей окончания Великой Отечественной войны актуализирует дискуссии по поводу механизмов, при помощи которых государство мобилизовало своих граждан на самоотверженный труд и лишения, приведшие к победе.

В советской историографии исследование вопросов реализации ударных форм труда было представлено серьезными работами с акцентом на всеобщий трудовой энтузиазм масс [3]. В современной российской историографии движение ударничества рассматри-

вается в более сложном контексте взаимоотношения власти и общества. М.Ю. Мухин, анализируя массовый характер движения двухсотников у советских авиастроителей, отмечает, что оно нередко страдало от ошибок заводского и цехового менеджмента [8]. Исследуя стахановское движение, Р.Е. Романов представляет его как «социальный конструкт, собранный из нетиповых элементов» [31, с. 71].

В казахстанской историографии 1990-х гг. особо стоит отметить труд М.К. Козыбаева и Н.Е. Едыгенова. По мнению авторов, «состязательность в труде», возникшая в 1930-е гг., в дальнейшем становилась регулируемой, а в трудовых коллективах развернулась «сплошная стахановизация». В некоторых случаях создавались «тепличные условия» для уста-

новки производственных рекордов [7, с. 100]. В современной казахстанской историографии можно выделить работы, посвященные женскому трудовому вкладу и героизму в тылу [5]. В коллективной монографии казахстанских и российских авторов рассмотрены проблемы повышения мотивации труда и развитие соцсоревнований в оборонной промышленности [15].

Тенденции, сложившиеся в западной историографии, представляют широкий спектр подходов к изучению различных форм ударничества и методов его стимулирования. Л. Сигельбаум, исследуя природу ударного труда и стахановское движение как одну из форм его выражения, видит в нем как государственную политику, так и социальное явление [45]. Изучению труда и трудовых практик в годы войны посвящены работы С.А. Барнса, Д. Фильцера, В. Голдман [39; 42; 43]. С. Коткин отмечает, что труд был важной составляющей советского общества, отношение к труду, формы его реализации не только носили материальный смысл, но и были гражданским долгом [44]. Исследование ударничества тесно переплетено с вопросами реализации агитационно-пропагандистской работы в Советском Союзе [40; 41].

Таким образом, отмечая большой пласт исследований по изучению ударных форм труда в современной историографии, следует указать, что реализация этой практики в военный период остается недостаточно исследованной проблемой.

Цели исследования – охарактеризовать ударные формы труда и факторы, оказывавшие влияние на трудовую мотивацию работников оборонных заводов Казахской ССР, как местных, так и прибывших в эвакуацию (№ 231, № 175, № 317 и Алма-Атинского завода тяжелого машиностроения (далее – АЗТМ)).

С начала войны до конца 1942 г. на территории КазССР разместились около 150 эвакуированных предприятий, которые послужили основой для развития оборонной промышленности [7, с. 43]. Характерными особенностями республики были обширность территории, удаленность промышленных центров друг от друга, слабо организованные транспорт и связь, низкая плотность населения,

многонациональность, высокий удельный вес спецконтингента. К 1946 г. спецпереселенцев и ссыльно-высланных насчитывалось 987 533 человека. Кроме того, в республике находилось около 200 тыс. чел. ссыльно-высланных, срок ссылки которых завершился, и 49 229 военнопленных [35, л. 1–2].

Методы и материалы. Основная группа источников – это документы центральных и региональных архивов Республики Казахстан. Материалы республиканской Комиссии партийного контроля, «Особых папок» и фондов первичных партийных организаций позволяют увидеть разные аспекты реализации ударных форм труда.

Понятие «ударный труд» будет трактоваться как интенсивная трудовая деятельность отдельных работников или коллективов, ориентированная на перевыполнение норм в установленный промежуток времени.

В основу методологии исследования легли принципы историзма, объективности и системности. Принцип историзма позволяет рассмотреть ударные формы труда на оборонных предприятиях в соответствии с конкретно-историческими условиями, обусловленными хозяйственными и культурными особенностями Казахской ССР. Принципы научной объективности и системности представляют возможность изучить данный феномен, показав не только успехи и достижения, но возникавшие проблемы и противоречия. Концептуальной основой послужили теории мобилизационной экономики и истории повседневности.

Анализ. Перестройка промышленности на военный лад и распространение ударных форм труда. Тяжелая ситуация на фронтах в начальный период войны вынудила государство принять экстренные меры по восполнению рядов Красной армии и отраслей народного хозяйства, в которых возникла острая нехватка в квалифицированных рабочих.

Наряду с широкомасштабной мобилизацией, проводимой государством, можно выделить и самомобилизацию населения. Появилось много новых героев тыла, которые стали символами самоотверженного труда и образцами для подражания.

В Лениногорске работал известный на всю страну бурильщик Г. Хайдин, 16 октября 1941 г. установивший республиканский ре-

корд [29, л. 118]. При этом Г. Хайдин писал: «Все ли сделал я для фронта? Нет, не все! <...> Я должен достичь 25 норм в смену и закрепить эту выработку на все время, до полного разгрома и уничтожения врага» (цит. по: [6, с. 455]).

Символом казахской женщины-шахтера стала Ж. Муканова. В партийных документах особо отмечалась эффективность ее выступлений: «...иду работать навалотбойщицей. Знаю, что это нелегкая работа, но труднее будет, если придется стоять на коленях перед германским фашизмом» [36, л. 209 об]. Ф.К. Даненова, заведующая отделом Карагандинского обкома партии, вспоминала: «Тов. Муканова неграмотная, она говорила своим простым языком, и это доходило до наших женщин. Ее примеру последовали многие женщины города» [36, л. 209 об]. В апреле 1942 г. в г. Алма-Ата появились первые тысячницы-женщины. Л. Селеменова, токарь электротехнического завода, систематически добивалась повышения производительности труда. 7 апреля 1942 г. она выполнила задание на 1160 %. [5, с. 19–20].

Мы солидарны с точкой зрения А.А. Антуфьева, изложенной в одной из «знаковых» работ по истории оборонного комплекса Урала [14, с. 763], что трудовой подвиг военных лет представлял собой не мгновенный жертвенный порыв, а физически тяжелую работу [1, с. 295].

В первые месяцы войны не все местные предприятия республики смогли сразу же перестроить свою работу на военный лад. К примеру, Чимкентским свинцовым заводом (далее – ЧСЗ) мобилизационный план выпуска свинца был выполнен в III квартале на 93,4 % [33, л. 95–100]. Изношенное и аварийное состояние оборудования и механизмов было характерно для многих предприятий цветной металлургии республики, построенных еще в годы первой пятилетки.

Тем не менее большинству предприятий удалось в сжатые сроки перестроить свою работу [7, с. 97]. Секретарь ЦК КП(б)К Ж. Шаяхметов в октябре 1941 г. приводил в пример Карсакапайский завод: «Старый, со старым оборудованием, которое чуть ли на веревках держится. Сейчас он становится пер-

вым заводом по выполнению заданий. 120–125–130 процентов выполняет, особенно за последние два месяца, при наличии того же оборудования...» [37, л. 33]. Ж. Шаяхметов отмечал, что в условиях войны нужно работать не 8, а все 12 часов, а жены рабочих должны в это время обеспечить подачу еды, указав на то, что некоторые смены «даже в столовую не ходят» [37, л. 33].

Предприятия прикладывали большие усилия для выполнения и перевыполнения поставленных перед ними планов [9]. Так, прибыв в г. Алма-Ата поздней осенью 1941 г., АЗТМ уже с марта 1942 г. приступил к выпуску боеприпасов. Установка оборудования завода закончилась раньше, чем строительство здания. В сентябре 1942 г. АЗТМ стал победителем Всесоюзного социалистического соревнования и был удостоен переходящего Красного знамени Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов и наркомата тяжелого машиностроения [6, с. 460]. Однако, как будет показано далее, высокие производственные показатели было нелегко удержать.

Основные проблемы в реализации ударных форм труда. Осенью 1943 г. в ходе проведения фронтового месячника (20 сентября – 17 октября) на АЗТМ высокие темпы труда, полученные в первой декаде, не были закреплены во второй декаде и производственные показатели стали ухудшаться. В качестве причин ухудшения работы традиционно указывалась недостаточная агитационно-пропагандистская работа [20, л. 365].

На этом заводе существовала и другая тенденция, выражавшаяся в том, что в первой и второй декадах сохранялись спокойные темпы, а в третьей начиналась «штурмовщина». Ситуацию с «ритмичностью» работы главный инженер АЗТМ сравнил с температурой тифозного больного [27, л. 101]. Неравномерный темп работы предприятия сохранялся и в 1945 году. На заседании партбюро в марте констатировалось, что в первые две декады коллектив разворачивался, а в последней декаде штурмовал [24, л. 67].

В 1943 г. большинство цехов завода № 175 также отставало по графикам. К примеру, цех № 1 за 10 дней июля 1943 г. выдал

товарной продукции всего лишь на 19,3 % [19, л. 140]. В результате для выполнения производственной программы цеху нужно было за 20 дней выдать 80 % продукции.

Вызывали неудовлетворение у работников система «уравниловки» и отсутствие четких критериев отнесения к стахановцам и ударникам.

Согласно распространенной на предприятиях шкале определения стахановцев и ударников, норма в 100 %, перевыполняемая не менее 40 %, позволяла рабочему считаться ударником труда, выше 40 % – стахановцем [15, с. 334]. При этом на заседании парткома завода № 175 весной 1943 г. отмечалось, что не все знают и понимают, кто же может считаться стахановцем. В этой связи решено было издать специальный приказ, включающий сведения о критериях определения стахановцев и ударников труда [16, л. 70]. Рабочие, в свою очередь, причины невыполнения взятых обязательств видели в отсутствии социальной справедливости и соответствующей дифференциации даже в питании [28, л. 26–27].

Неудовлетворение выражали и работники АЗТМ. В сентябре 1942 г., несмотря на то, что завод стал победителем Всесоюзного социалистического соревнования, работниками высказывались претензии в адрес комиссии по заработной плате и к недостаточно «хорошему» руководству соцсоревнования [30, л. 61].

В сентябре 1943 г. на заседаниях партбюро завода № 231, эвакуированного из г. Ленинград, отмечалось снижение производительности труда большинства работников, работавших в Уральске хуже, чем в Ленинграде. Объяснялось это также плохой агитационной работой и «уравниловкой»: «Нет почета стахановцам, нет позора не выполняющим нормы» [18, л. 36]. Работники эвакуированных предприятий открыто критиковали администрацию, требуя не только социальной справедливости и признания трудовых достижений, но и наказания для тех, кто не справлялся с нормами выработки.

Важнейшими факторами, приводившими к сдерживанию роста ударных форм труда среди работников эвакуированных предприятий, были обусловленные эвакуацией более

тяжелые производственные и жилищные условия. Бытовая неустроенность приводила ко вторичной занятости, так называемой работе «на стороне», влиявшей на рост производительности труда. По заявлениям начальников цехов завода № 175, с 1943 г. почти 90 % рабочих, работавших во вторую смену, в дневную смену работали на других предприятиях города (мясокомбинат, саксаульная база, ликеро-водочный трест и т. д.). Многие начальники цехов обосновывали свою «терпимость» к этим явлениям тем, что рабочие плохо питались, плохо снабжались, не получали топлива и поэтому вынуждены были работать на стороне [15, с. 308].

Пропаганда ударного труда на предприятиях республики. В экстремальных условиях войны государство использовало пропаганду ударного труда, в том числе и соцсоревнование как мощный мобилизационный инструмент.

В инициировании ударных форм труда координирующая роль была у партийной организации республики. Секретарь ЦК КП(б)К Ж. Шаяхметов в октябре 1941 г. указывал на то, что некоторые агитаторы, будучи комсомольцами и коммунистами, сами не выполняют норм: «Скажите, с какими глазами они агитируют? ...Хорошо, что им не указывают на это» [37, л. 28]. Серьезное внимание отводилось печати, в том числе и стенной. В то же время партийные органы, выполняя роль контролирующей инстанции, предостерегали редакции газет от публикации однозначно пафосных панегирических материалов [15, с. 332].

Повышению производительности способствовали и общественные смотры труда, которые проводились под лозунгом «С меньшим количеством рабочих при наличии имеющегося оборудования увеличить выпуск продукции и перевозки для фронта». Подготовку и смотр необходимо было освещать в газетах, стенной печати, боевых листках, по радио, в плакатах, выпускать бюллетени [10, л. 42 об.]. ЦК КП(б)К давались задания партийным и профсоюзным организациям регулярно проводить общественные смотры труда на всех предприятиях [12, л. 173].

Одним из способов повышения мотивации и производительности труда и привлечения к соцсоревнованию был «метод красных

флажков». На заводе № 317 метод отметки красным флажком станков стахановцев был широко распространен и считался положительным стимулом [4, л. 139]. Однако на заводе № 231, по мнению ряда работников, он, напротив, себя дискредитировал, так как не имел материальной базы [18, л. 35]. Показательным был случай на АЗТМ, где было решено летом 1942 г. изготовить 150 флажков для лучших стахановцев. 50 флажков забрали по цехам, 100 остались в шкафу [25, л. 26].

При этом партийные органы уделяли внимание не только вопросам агитации, но и обратной связи с рабочими. Так, политотдел Турксиба в июле 1941 г. докладывал, что в беседах с агитаторами со стороны рабочих выражалась готовность пойти на еще большие лишения: «...пусть хлеба будем получать меньше, но Гитлера надо добить» [34, л. 8].

Таким образом, традиционно на партийных собраниях в качестве главного средства повышения производительности труда указывалась агитационно-пропагандистская работа, меньшее внимание уделялось вопросам материального стимулирования, что в условиях нехватки ресурсов было вполне объяснимо. В целом происходила абсолютизация роли и значения пропаганды в инициировании и поддержании ударных форм труда.

Меры материального стимулирования. В целях повышения производительности труда на предприятиях оборонной промышленности наряду с агитационно-пропагандистскими мероприятиями применялись и меры материального стимулирования, а в некоторых случаях и достаточно нестандартные подходы.

Если заработок основной массы рабочих и служащих советского тыла составлял от 300 до 500 руб. в месяц [15, с. 165], то некоторые стахановцы получали зарплату свыше 2 000 рублей. В частности, слесарь-модальщик завода № 175 И. Перемелицин, выполняя норму на 260–270 %, в 1944 г. зарабатывал 2 500–2 900 руб. [26, л. 72]. Для сравнения: в 1944 г. среднемесячная заработная плата на ЧСЗ составляла около 450 руб. [2, л. 24].

Партийное руководство и администрации предприятий понимали, что основным ресурсом является работник и от умения направлять этот ресурс максимально эффективно зависе-

ло выполнение производственной программы и в конечном итоге исход войны.

В большинстве своем ударники труда и стахановцы пользовались социальными привилегиями, премировались, награждались орденами и медалями, получали путевки для поправки здоровья, талоны на промтовары и усиленное питание. Перевыполнение норм отражалось на снабжении стахановцев, «гвардейцев тыла». Однако в архивных документах зафиксированы многочисленные примеры того, что ударный труд не всегда был достойно оценен. К примеру, на заводе № 175 статус стахановца, особенно у молодых рабочих, не гарантировал материальное благополучие [23, л. 158].

Высокие стандарты труда, заданные стахановцами и ударниками, не всегда приветствовались остальными рабочими. Нередко в стахановцах видели причину повышения норм выработки и чрезмерной интенсификации труда. В качестве одного из видимых свидетельств неприязни, испытываемой к стахановцам, может быть указан случай в цехе № 4 АЗТМ, когда в октябре 1943 г., вследствие невыхода дежурного по цеху коммуниста, были «испачканы» портреты стахановцев [22, л. 309]. В данной ситуации нельзя исключать и действия учащихся школ фабрично-заводского обучения. На заводе № 231 в июне 1943 г. выражалась обеспокоенность тем, что стало тяжело с проведением наглядной агитации: «плакаты и лозунги срывали, в фотовитрине даже алмазом вырезали стекла. Поэтому во дворе ничего вешать нельзя» [18, л. 33].

Материально-бытовые проблемы нередко вынуждали людей совершать и противоправные действия. Рассекреченные архивные документы и исследования последних лет доносят до нас многочисленные примеры не только самоотверженного труда, но и проявлений девиантного поведения и нарушений трудовой дисциплины [15].

Ударники производства получали более высокую зарплату, чем их мастера и начальники цехов, в этой связи они нередко противились повышению в должности. В январе 1945 г. один из мастеров АЗТМ жаловался в партийную организацию на то, что когда он был токарем, то зарабатывал до 1 500 руб., а став мастером, – 800 [17, л. 78].

Признанием того, что на производительность труда работников влияли не только агитационно-пропагандистская работа и материальное стимулирование, стали попытки организации отдыха и досуга для рабочих, включая и достаточно нестандартные походы. К примеру, в июле 1943 г. директором одного из предприятий было предложено организовывать для рабочих-передовиков «вылазки за город с пивом». Предложение было принято секретарем парткома завода с оговоркой, что нужно практиковать не только «вылазки», но и расширять культурно-массовую работу в целом [21, л. 153].

Можно отметить и резонансный банкет, организованный представителями номенклатуры для «руководства, старых рабочих и стахановцев цветной металлургии» в Лениногорске в 1943 г., в котором приняло участие до 120 человек. Комиссия партийного контроля требовала от ЦК КП(б)К осудить подобные действия, поскольку «это извращало существо социалистического соревнования» [32, л. 174]. Через 3 дня информация была обсуждена на заседании Бюро ЦК КП(б)К, где было строго указано на неправильность и недопустимость подобного рода мероприятий [11, л. 173].

В 1941 г. Лениногорскому свинцовому заводу удалось выполнить план по всем показателям [7, с. 102], однако к 1942 г. ситуация ухудшилась. Коллектив предприятия не смог выполнить в полном объеме взятые обязательства. Партийными органами было указано на то, что невыполнение обязательств со стороны отдельных работников является «обманом общественного мнения и государства» [38, л. 257–258]. В этой связи, вероятно, банкет преследовал цель повысить мотивацию труда и поощрить ударников и стахановцев.

Несмотря на условия военного времени, в республике прорабатывались вопросы организации досуга для эвакуированных рабочих. В 1943–1944 гг. в постановлениях ЦК КП(б)К давались задания освободить одно из зданий кинотеатра, занятое под склад, и организовать в нем зал для рабочих завода № 175 [13, л. 185], выделять билеты в театры города, организовывать специальные закрытые спектакли [12, л. 175].

Таким образом, для выполнения высоких производственных планов военного вре-

мени и стимулирования мотивации рабочих партийным руководством и администрациями предприятий реализовывались меры как традиционного плана, с использованием средств пропаганды и агитации, материального поощрения, так и нетрадиционного.

Результаты. Несмотря на тяжелые производственные условия военного времени, работники оборонных предприятий республики внесли свой достойный вклад в победу. Часть эвакуированных предприятий производили продукцию, в буквальном смысле, под открытым небом и одновременно с возведением стен. Местные предприятия, в большинстве своем запущенные в производство в начале 1930-х гг., также находились в сложном положении: оборудование было изношенным и в аварийном состоянии. Стоит учитывать и сбои в поставке материалов, комплектующих, нехватку квалифицированных кадров и мн. др.

Содержание архивных документов не позволяет нам выделить специфику ударного труда на местных и эвакуированных предприятиях. В годы войны на всех предприятиях республики широкое распространение получили ударные формы труда в контексте соцсоревнований, стахановских вахт, фронтовых месячников и др. На развитие ударных форм труда оказывал влияние сложный спектр факторов, включающий в себя как патриотический порыв и пропаганду ударного труда, так и экономические стимулы и стремление выжить.

В реализации ударных форм труда общим как для эвакуированных, так и для местных предприятий была неравномерность производственного процесса. Однако работники эвакуированных предприятий находились в более сложном положении. Недостаточный уровень зарплат вкупе с бытовой неустроенностью приводили к так называемым «чемоданным» настроениям и к «вторичной» занятости, что не могло не отразиться на производительности труда.

Несмотря на все сложности, ударные формы труда получили широкое распространение в республике. Однако за фасадом ударного труда крылось немало проблем и противоречий. Всеобщий энтузиазм мог сменяться простоями, а выполнение плана происходило в одной из декад авральным путем.

Казахская ССР, имея свою специфику развития и существования, накануне и в годы войны находилась в общем контексте происходивших в СССР событий. Соответственно, для трудового поведения населения республики были характерны общесоюзные тенденции. С одной стороны, подчинение всем законам и требованиям военного времени и ударный труд, с другой – нестандартные практики адаптации и выживания в экстремальных условиях войны.

Тем не менее для подавляющей массы населения республики был характерен настрой во что бы то ни стало помочь воюющей Родине – дать отпор агрессору. Это выражалось в повышенных трудовых обязательствах, в помощи фронту со стороны большинства населения. В конечном итоге победа в войне не могла бы состояться без поддержки и жертв со стороны большинства обычных советских людей, в том числе и жителей Казахской ССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии, 1992. 336 с.
2. Годовой отчет по основной деятельности ЧСЗ им. М.И. Калинина за 1945 г. // Государственный архив Туркестанской области. Ф. 207. Оп. 2. Д. 62. 97 л.
3. Ворожейкин И. Е. Летопись трудового героизма: Краткая история социалистического соревнования в СССР. 1917–1977. М.: Политиздат, 1979. 326 с.
4. Докладная записка о работе завода № 317 в г. Акмолинске за 4 месяца 1942 г. // Архив Президента Республики Казахстан (далее – АП РК). Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 644. 140 л.
5. Женщины Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / под ред. З. Г. Сактагановой. Караганда: Изд-во КарГУ, 2016. 256 с.
6. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 т. Т. 4. Алматы: Атамура, 2009. 768 с.
7. Козыбаев М. К., Едыгенов Н. Е. Труд во имя победы. Алматы: Казахстан, 1995. 176 с.
8. Мухин М. Ю. Советские авиастроители в годы Великой Отечественной войны: повседневная жизнь на фоне войны // Советский тыл: 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны. М.: РОССПЭН, 2019. С. 89–102.
9. Отчет о работе заводов оборонной промышленности за 1942 г. // АП РК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 612. 47 л.
10. Парторганизация и производительность труда // Государственный архив г. Астана. Ф. 1П. Оп. 1. Д. 416. 42 л.
11. Постановление бюро ЦК КП(б)К от 6.08.1943 г. // АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 1. 174 л.
12. Постановление СНК и ЦК КП(б)К от 14.10.1944 г. // АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 7. 179 л.
13. Постановление СНК и ЦК КП(б)К от 26.10.1942 г. // АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 6. 187 л.
14. Потемкина М. Н., Климанов А. Ю. Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 757–772. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.312>
15. Производственная повседневность на оборонных предприятиях Казахстана и Урало-Поволжского региона России в военные годы (1941–1945 гг.) / под ред. Р. С. Жаркынбаевой, М. Н. Потемкиной. Алматы: Қазақ Университеті, 2023. 374 с.
16. Протокол № 16 парткома завода № 175 от 12.04.1943 г. // АП РК. Ф. 1856. Оп. 1. Д. 2. 72 л.
17. Протокол № 22 партбюро АЗТМ от 11.09.1942 г. // АП РК. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 1а. 80 л.
18. Протокол № 22 партбюро завода № 231 от 29.06.1943 г. // Государственный архив Западно-Казахстанской области. Ф. 255. Оп. 1. Д. 3. 40 л.
19. Протокол № 25 парткома завода № 175 от 13.07.1943 г. // АП РК. Ф. 1856. Оп. 1. Д. 2. 145 л.
20. Протокол № 26 партбюро АЗТМ от 5.10.1943 г. // АП РК. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 1а. 366 л.
21. Протокол № 27 партийной комиссии завода № 175 от 24.07.1943 г. // АП РК. Ф. 1856. Оп. 1. Д. 2. 156 л.
22. Протокол № 32 партийно-комсомольского собрания цеха № 4 от 17.11.1943 г. // АП РК. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 16. 310 л.
23. Письмо ЦК КП(б)К тов. Шаяхметову Ж. // АП РК. Ф. 708. Оп. 9. Д. 1518. 158 л.
24. Протокол № 5 партбюро АЗТМ от 10.03.1945 г. // АП РК. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 6. 73 л.
25. Протокол № 6 общезаводского закрытого партийного собрания АЗТМ от 8.07.1942 г. // АП РК. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 1. 28 л.
26. Протокол номер № 5 парткома завода № 175 от 8.05.1944 г. // АП РК. Ф. 1856. Оп. 1. Д. 16. 75 л.
27. Протокол общезаводского закрытого партийного собрания АЗТМ НКТМ от 3.02.1943 г. // АП РК. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 1. 109 л.
28. Протокол общезаводского партийного собрания завода № 175 от 4.03.1944 г. // АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 650. 27 л.
29. Работа Лениногорского рудоуправления // Национальный архив Республики Казахстан. Ф. 79. Оп. 1. Д. 51. 120 л.

30. Решение общезаводского открытого партийного собрания АЗТМ НКТМ от 8.10.1942 г. // АП РК. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 1. 109 л.

31. Романов Р. Е. Архетип, традиция, модерн: феномен стахановского труда 1941–1945 годов (на материалах сибирского военпрома) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 69–80. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-1-6

32. Секретарю ЦК КП(б)К товарищу Сковорцову Н.А. // АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 1. 174 л.

33. Секретарю ЦК КП(б)К тов. Сковорцову Н.А. // АП РК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 794. 100 л.

34. Секретаря ЦК КП(б)К т. Сковорцову // АП РК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 909. 12 л.

35. Справка о работе с кадрами ЦК КП(б)К за 1944–1946 гг. // АП РК. Ф. 725. Оп. 4. Д. 632. 47 л.

36. Стенограмма республиканского совещания заведующих отделов среди женщин от 23.02.1944 г. // АП РК. Ф. 708. Оп. 8. Д. 65. 225 л.

37. Стенограмма совещания у Секретаря ЦК КП(б)К т. Шаяхметова. 19.10.1941 г. // АП РК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 710. 35 л.

38. Что конкретно сделано по выполнению указаний товарища Сталина // АП РК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 10. 258 л.

39. Barnes S. A. All for the Front, All for Victory! The Mobilization of Forced Labor in the Soviet Union during World War Two // International Labor and Working-Class History. 2000. № 58. P. 239–260. URL: <http://www.jstor.org/stable/27672682>

40. Berkhoff K. C. Motherland in Danger: Soviet Propaganda During World War II. Cambridge: Harvard University Press, 2012. 407 p.

41. Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941. New Haven: Yale University Press, 2011. 320 p.

42. Filtzer D. Soviet Workers and Late Stalinism. Labour and the Restoration of the Stalinist System After World War II. Cambridge, N. Y.: Cambridge University Press, 2002. 276 p.

43. Goldman W. Z., Filtzer D. Fortress Dark and Stern. The Soviet Home Front During World War II. Oxford: Oxford University Press, 2021. 494 p.

44. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995. 728 p.

45. Siegelbaum L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 325 p.

REFERENCES

1. Antufyev A. A. *Uralskaja promyshlennost nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ural

Industry on the Eve and During the Great Patriotic War]. Yekaterinburg, In-t istorii i arkheologii, 1992. 336 p.

2. Godovoi otchet po osnovnoi deiatelnosti ChSZ im. M.I. Kalinina za 1945 g. [Annual Report on the Main Activities of the M.I. Kalinin ChSZ for 1945]. *Gosudarstvennyy arkhiv Turkestanskoy oblasti* [State Archive of Turkestan Region], f. 207, inv. 2, d. 62. 97 l.

3. Vorozheykin I. Ye. *Letopis trudovogo geroizma: Kratkaya istoriya sotsialisticheskogo sorevnovaniya v SSSR. 1917–1977* [Chronicle of Labor Heroism: A Brief History of Socialist Competition in the USSR. 1917–1977]. Moscow, Politizdat, 1979. 326 p.

4. Dokladnaia zapiska o rabote zavoda № 317 v Akmolinske za 4 mesiatsa 1942 g. [Report on the Work of Plant No. 317 in Akmolinsk for 4 Months of 1942]. *Arkhir Prezidenta Respubliki Kazakhstan (daleye – AP RK)* [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan], f. 708, inv. 6/1, d. 644. 140 l.

5. Saktaganova Z. G., ed. *Zhenshchiny Tsentralnogo Kazakhstana v gody Velikoi Otechestvennoi vojny. 1941–1945 gg.* [Women of the Central Kazakhstan During the War. 1941–1945]. Karaganda, Izd-vo KarGU, 2016. 256 p.

6. *Istoriia Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei). V 5 t. T. 4* [History of Kazakhstan (From Ancient Times to the Present Day). In 5 Vols. Vol. 4]. Almaty, Atamura Publ., 2009. 768 p.

7. Kozybaev M. K., Edygenov N. K. *Trud vo imia pobedy* [Labor for Victory]. Almaty, Kazakhstan Publ., 1995. 176 p.

8. Muhin M. Yu. Sovetskie aviaostroiteli v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: povsednevnaia zhizn na fone vojny [Soviet Aircraft Builders During the Great Patriotic War: Everyday Life Against the War Background]. *Sovetskiy tyl: 1941–1945: povsednevnaia zhizn v gody vojny* [Soviet Rear: 1941–1945: Everyday Life During the War Years]. Moscow, ROSSPEN, 2019. pp. 89–102.

9. Otchet o rabote zavodov oboronnoi promyshlennosti za 1942 g. [Report on Work of Defense Plants for 1942]. *APRK*, f. 708, inv. 6.1, d. 612. 47 l.

10. Partorganizatsiia i proizvoditelnost truda [Party Organizations and Labor Productivity]. *Gosudarstvennyy arkhiv g. Astana* [State Archive of Astana], f. 1P, inv. 1, d. 416. 42 l.

11. Postanovlenie bjuro TsK KP(b)K ot 6.08.1943 g. [Resolution of the Bureau of the CC CP(b)K of 6.08.1943]. *APRK*, f. 708, inv. 1/1, d. 1. 174 l.

12. Postanovlenie SNK i CK KP(b)K ot 14.10.1944 g. [Resolution of the SNK and CC CP(b)K from 14.10.1944]. *APRK*, f. 708, inv. 1/1, d. 7. 179 l.

13. Postanovlenie SNK i TsK KP(b)K ot 26.10.1942 g. [Resolution of the SNK and the CC CP(b)K from 26.10.1942]. *APRK*, f. 708, inv. 1/1, d. 6. 187 l.

14. Potemkina M.N., Klimanov A.Yu. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya i perspektivy izucheniya promyshlennoy evakuatsii perioda Velikoi Otechestvennoy voyny [Modern Russian Historiography and Ways of Studying Industrial Evacuation of the Great Patriotic War Period]. *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2020, vol. 10, no. 3, pp. 757-772. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.312>
15. Zharkynbayeva R.S., Potemkina M.N., eds. *Proizvodstvennaya povsednevnost na oboronnykh predpriyatiyakh Kazakhstana i Uralo-Povolzhskogo regiona Rossii v voennye gody (1941–1945 gg.)*. [Production Everyday Life at the Defense Enterprises of Kazakhstan and the Ural-Volga Region of Russia in the War Years (1941–1945)]. Almaty, Qazaq Universiteti, 2023. 374 p.
16. Protokol № 16 partkoma zavoda № 175 ot 12.04.1943 g. [Minutes No. 16 of the Meeting of the Factory Party Committee No. 175 of 12.04.1943]. *AP RK*, f. 1856, inv. 1, d. 2. 72 l.
17. Protokol № 22 partbiuro AZTM ot 11.09.1942 g. [Minutes No. 22 of PB of the AZTM of 11.09.1942]. *AP RK*, f. 1110, inv. 1, d. 1a. 80 l.
18. Protokol № 22 partbiuro zavoda № 231 ot 29.06.1943 g. [Minutes No. 22 of the Plant PB No. 231 of 29.06.1943]. *Gosudarstvennyy arkhiv Zapadno-Kazakhstanskoy oblasti* [State Archives of West Kazakhstan Region], f. 255, inv. 1, d. 3. 40 l.
19. Protokol № 25 partkoma zavoda № 175 ot 13.07.1943 g. [Minutes No. 25 of the Party Committee of Plant No. 175 of 13.07.1943]. *AP RK*, f. 1856, inv. 1, d. 2. 145 l.
20. Protokol № 26 partbiuro AZTM ot 5.10.1943 g. [Minutes No. 26 of PB of AZTM from 5.10.1943]. *AP RK*, f. 1110, inv. 1, d. 1a. 366 l.
21. Protokol № 27 partijnoj komissii zavoda № 175 ot 24.07.1943 g. [Minutes No. 27 of Party Commission of Plant No. 175 of 24.07.1943]. *AP RK*, f. 1856, inv. 1, d. 2. 156 l.
22. Protokol № 32 partijno-komsomolskogo sobraniya ceha № 4 ot 17.11.1943 g. [Minutes No. 32 of the Party and Komsomol Meeting of Workshop No. 4 from 17.11.1943]. *AP RK*, f. 1110, inv. 1, d. 1b. 310 l.
23. Pismo CK KP(b)K tov. Shaiakhmetovu Zh. [Letter to the Secretary of CC CP(b)K Shayakhmetov Zh.]. *AP RK*, f. 708, inv. 9, d. 1518. 158 l.
24. Protokol № 5 partbiuro AZTM ot 10.03.1945 g. [Minutes No. 5 of PB of the AZTM of 10.03.1945]. *AP RK*, f. 1110, inv. 1, d. 6. 73 l.
25. Protokol № 6 obshchezavodskogo zakrytogo partiynogo sobraniya AZTM ot 8.07.1942 g. [Minutes No. 6 of the All-Plant Closed Party Meeting of AZTM of 8.07.1942]. *AP RK*, f. 1110, inv. 1, d. 1. 28 l.
26. Protokol nomer № 5 partkoma zavoda № 175 ot 8.05.1944 g. [Minutes No. 5 of Party Committee of Plant No. 175 of 08.05.1944]. *AP RK*, f. 1856, inv. 1, d. 16. 75 l.
27. Protokol obshchezavodskogo zakrytogo partiynogo sobraniya AZTM NKTM ot 3.02.1943 g. [Minutes of the All-Factory Closed Party Meeting of AZTM NKTM from 3.02.1943]. *AP RK*, f. 1110, inv. 1, d. 1.109 l.
28. Protokol obshchezavodskogo partiynogo sobraniya zavoda № 175 ot 4.03.1944 g. [Minutes of the Plant No. 175 Party Meeting of 4.03.1944]. *AP RK*, f. 725, inv. 4, d. 650. 27 l.
29. Rabota Leninogorskogo rudoupravleniya [Work of Leninogorsk Ore Management]. *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Kazakhstan* [National Archive of the Republic of Kazakhstan], f. 79. inv. 1, d. 51, 120 l.
30. Reshenie obshchezavodskogo otkrytogo partiynogo sobraniya AZTM NKTM ot 8.10.1942 g. [Decision of the AZTM Wide Open Party Meeting of NKTM from 8.10.1942]. *AP RK*, f. 1110, inv. 1, d. 1. 109 l.
31. Romanov R.E. Arkhetip, traditsiya, modern: fenomen stakhanovskogo truda 1941–1945 godov (na materialakh sibirskogo voenproma) [Archetype, Tradition, Modern: the Phenomenon of Stakhanov's Work 1941–1945 (Based on the Materials of the Siberian Military Industry)]. *Istoricheskiy kuryer* [Historical Courier], 2020, no. 1 (9), pp. 69-80. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-1-6
32. Sekretariu TsK KP(b)K Skvortcovu N.A. [To the Secretary of CC CP(b)K Comrade Skvortsov N.A.]. *AP RK*, f. 708, inv. 1/1, d. 1. 174 l.
33. Sekretariu TsK KP(b)K Skvortsovu N.A. [To the Secretary of the CC CP(b)K. Skvortsov N.A.]. *AP RK*, f. 708, inv. 5/1, d. 794. 100 l.
34. Sekretarja TsK KP(b)K t. Skvortcovu [To the Secretary of the CC CP(b)K Skvortsov]. *AP RK*, f. 708, inv. 5/1, d. 909. 12 l.
35. Spravka o rabote s kadrami TsK KP(b)K Kazakhstana za 1944–1946 [Information About Work with Cadres of the CC CP(b)K for 1944–1946]. *AP RK*, f. 725, inv. 4, d. 632. 47 l.
36. Stenogramma respublikanskogo soveshchaniya zaveduiushchikh otdelov sredi zhenshchin 23.02.1944 g. [Transcript of the Republican Meeting of Heads of Departments Among Women from 23.02.1944]. *AP RK*, f. 708, inv. 8, d. 65. 225 l.
37. Stenogramma soveshchaniya u Sekretaria TsK KP(b)K t. Shaiakhmetova. 19.10.1941 g. [Transcript of the Meeting with the Secretary of the CC CP(b)K Shayakhmetov 19.10.1941]. *AP RK*, f. 708, inv. 5/1, d. 710. 35 l.
38. Chto konkretno sdeleno po vypolneniju ukazaniy tovarishha Stalina [What Is Done to Fulfill Comrade Stalin's Instructions]. *AP RK*, f. 708, inv. 6/1, d. 10. 258 l.
39. Barnes S.A. All for the Front, All for Victory! The Mobilization of Forced Labor in the Soviet Union During World War Two. *International Labor and*

Working-Class History, 2000, no. 58, pp. 239-260. URL: <http://www.jstor.org/stable/27672682>

40. Berkhoff K.C. *Motherland in Danger: Soviet Propaganda During World War II*. Cambridge, Harvard University Press, 2012. 407 p.

41. Brandenberger D. *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror Under Stalin, 1927–1941*. New Haven, Yale University Press, 2011. 320 p.

42. Filtzer D. *Soviet Workers and Late Stalinism. Labour and the Restoration of the Stalinist System*

After World War II. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2002. 276 p.

43. Goldman W.Z., Filtzer D. *Fortress Dark and Stern. The Soviet Home Front During World War II*. Oxford, Oxford University Press, 2021. 494 p.

44. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, University of California Press, 1995. 728 p.

45. Siegelbaum L.H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*. Cambridge, Cambridge University Press, 1988. 325 p.

Information About the Authors

Roza S. Zharkynbayeva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Kazakhstan History, Al-Farabi Kazakh National University, Prosp. Al-Farabi, 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan, Roza.zharkynbayeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8560-1654>

Meruyert A. Doskaliyeva, PhD Student, Faculty of History, Al-Farabi Kazakh National University, Prosp. Al-Farabi, 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan, doskaliyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4375-7586>

Bereket B. Karibaev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Kazakhstan History, Al-Farabi Kazakh National University, Prosp. Al-Farabi, 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan, bereket.bk64@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9794-7588>

Информация об авторах

Роза Сейдалиевна Жаркынбаева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, просп. аль-Фараби, 71, 050040 г. Алматы, Республика Казахстан, Roza.zharkynbayeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8560-1654>

Меруерт Албековна Доскалиева, аспирант, факультет истории, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, просп. аль-Фараби, 71, 050040 г. Алматы, Республика Казахстан, doskaliyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4375-7586>

Берекет Бахытжанович Кармбаев, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедры истории Казахстана, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, просп. аль-Фараби, 71, 050040 г. Алматы, Республика Казахстан, bereket.bk64@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9794-7588>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.9>

UDC 94(47).084.8

LBC 63.3(2)631

Submitted: 16.09.2024

Accepted: 21.12.2024

PROBLEMS OF SOCIAL SECURITY FOR DISABLED VETERANS AND FAMILIES OF MILITARY PERSONNEL IN THE STALINGRAD REGION IN 1945–1953

Elena Ju. Bolotova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Daria V. Tretyak

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The study of social security issues is in demand in modern scientific literature and is conditioned by the high social significance of the topic and the contradictory nature of the established assessments of post-war measures of support for the disabled. *Methods and materials.* Methods of analysis and synthesis of information, problem-chronological and comparative-historical methods are used. The work is written on the basis of legislative acts, materials of the periodical press, and case documents from the funds of the State Archive of the Volgograd region. The sources record the normative-legal bases of providing pensions and benefits to disabled veterans of the Great Patriotic War and families of military personnel, the nature of the implementation of legislative acts at the regional level, and the peculiarities of the reflection of the problems of the postwar period in the regional press. *Analysis.* The study of materials of inspections and reports, statistical data on complaints and appeals of citizens, made it possible to assess the effectiveness of the activity of regional authorities in the sphere of social security of disabled veterans of the Great Patriotic War and members of families of military personnel in the Stalingrad region in 1945–1953. The article analyzes the practices of pension provision, employment, retraining of disabled people, solving personnel issues, and organizing public mutual aid in the first post-war years and at the end of the reconstruction period. On the basis of statistical data on the amounts of pension payments, the number of recipients of pensions and benefits, qualifications of employees of social security agencies, and the quality of work of the regional social security system during the period under study is assessed. *Results.* The main problems were caused by frequent personnel turnover and insufficient material base. There is a decline in the educational level of specialists in social security agencies and insufficient attention to the organization of advanced training courses by regional authorities. At the end of the period under study, the rate of employment of disabled persons, as compared to the first post-war years, is significantly increasing, while the rate of vocational training is decreasing. Successful practices of organizing pensions and verifying the correctness of pensions and allowances are identified. *Authors' contribution.* Search, systematization, and analysis of archival documents and materials of periodicals on the topic of work with the subsequent presentation of the results in the main part of the article was carried out by D.V. Tretyak. The analysis of the activities of the cooperative movement to assist the disabled in the Stalingrad region and the formulation of generalizing conclusions were carried out by E.Ju. Bolotova.

Key words: disabled veterans of the Great Patriotic War, families of military personnel, social security agencies, employment, material and household support, social benefits, social legislation, pensions.

Citation. Bolotova E.Ju., Tretyak D.V. Problems of Social Security for Disabled Veterans and Families of Military Personnel in the Stalingrad Region in 1945–1953. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 111–124. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.9>

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ И СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945–1953 ГОДАХ

Елена Юрьевна Болотова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Дарья Витальевна Третьяк

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Изучение вопросов социального обеспечения востребовано в современной научной литературе и обусловлено высокой общественной значимостью темы и противоречивостью сложившихся оценок послевоенных мер поддержки инвалидов. *Методы и материалы.* Используются методы анализа и синтеза информации, а также проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. Работа написана на основе законодательных актов, материалов периодической печати и вводимых в научный оборот делопроизводственных документов из фондов Государственного архива Волгоградской области. Источники фиксируют нормативно-правовые основы обеспечения пенсиями и пособиями инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих, характер реализации законодательных актов на региональном уровне, а также демонстрируют особенности отражения проблем послевоенного периода в региональной прессе. *Анализ.* Изучение материалов проверок и отчетов, статистических данных о жалобах и обращениях граждан позволило оценить эффективность деятельности региональных органов власти в сфере социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны и членов семей военнослужащих в Сталинградской области в 1945–1953 годах. Проводится анализ практик пенсионного обеспечения, трудоустройства, переобучения инвалидов, решения кадровых вопросов и организации общественной взаимопомощи в первые послевоенные годы и в конце восстановительного периода. На основе статистических данных о суммах пенсионных выплат, количестве получателей пенсий и пособий, квалификации сотрудников органов социального обеспечения проводится оценка качества работы региональной системы социального обеспечения в течение изучаемого периода. *Результаты.* Основные проблемы были обусловлены частой сменяемостью кадров и недостаточной материальной базой. Отмечается снижение образовательного уровня специалистов в отделах социального обеспечения и недостаточное внимание к организации курсов повышения квалификации со стороны региональных органов власти. В конце изучаемого периода темпы трудоустройства инвалидов, по сравнению с первыми послевоенными годами, существенно возрастают, а темпы профессионального обучения снижаются. Выявлены успешные практики организации пенсионных выплат и проверки правильности назначаемых пенсий и пособий. *Вклад авторов.* Поиск, систематизация и анализ архивных документов и материалов периодической печати по теме работы с последующим изложением результатов в основной части статьи осуществлялись Д.В. Третьяк. Анализ деятельности кооперативного движения по оказанию помощи инвалидам на территории Сталинградской области и формулирование обобщающих выводов были выполнены Е.Ю. Болотовой.

Ключевые слова: инвалиды Великой Отечественной войны, семьи военнослужащих, органы социального обеспечения, трудоустройство, материально-бытовое обеспечение, социальные льготы, социальное законодательство, пенсии.

Цитирование. Болотова Е. Ю., Третьяк Д. В. Проблемы социального обеспечения инвалидов войны и семей военнослужащих в Сталинградской области в 1945–1953 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 111–124. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.9>

Введение. Изучаемый период 1945–1953 гг. характеризуется противоречивостью оценок послевоенной системы социального обеспечения инвалидов войны. Контроль показателей трудоустройства определяется некоторыми исследователями как проявление тоталитарности сталинского режима, стремление к использованию трудовых ресурсов даже тех, кто получил увечья на войне, для мобилизации экономики и государственного контроля за каждым человеком [41]. Ряд исследователей резко негативно характеризует советскую систему социального обеспечения (отмечая, что недостатки в этой сфере сделали инвалидов войны «лицом послевоенного нищенства» [8, с. 295] и заставляли заниматься попрошайничеством и спекуляцией [37]). Более подробное рассмотрение региональных практик социального обеспечения позволяет выявить фактический материал для объективных оценок социальной политики, а также рассмотреть динамику отмеченных проблем в 1945–1953 годах.

Особую социальную значимость тема приобретает в условиях проводимой специальной военной операции. Обращение к историческому опыту позволяет определить наиболее эффективные практики государственной поддержки военнослужащих, отстаивающих интересы своего Отечества на полях сражений, а также оценить степень вовлеченности широкого круга граждан в решение проблем социального обеспечения.

Методы и материалы. В статье используются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, позволяющие проследить реализацию мер социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны и членов семей военнослужащих в Сталинградской области. Сравнение практик пенсионного обеспечения, трудоустройства, переобучения инвалидов, решения кадровых вопросов и организации общественной взаимопомощи в первые послевоенные годы и в конце восстановительного периода позволяет определить особенности реализации социальной политики на региональном уровне. В научный оборот вводятся архивные делопроизводственные документы из фондов Государственного архива Волгоградской области (далее – ГАВО), позволившие охарактеризовать

эффективность работы отделов социального обеспечения в 1945–1953 годах. Проанализированы законодательные акты довоенного периода, фиксирующие нормы пенсионного обеспечения и выплат пособий. Для изучения особенностей отражения проблемы социальной незащищенности инвалидов в массовом сознании граждан привлекаются материалы периодической печати (газеты «Сталинградская правда»).

Достижениями советского этапа историографии исследуемой темы является накопление фактического материала. В публикациях фиксируются количественные показатели трудоустройства инвалидов, сумм пенсионных выплат и пособий, материально-бытового обеспечения, вклада общественных объединений в систему социального обеспечения инвалидов [15]. Активно обобщался опыт эффективных практик трудоустройства инвалидов войны в соответствии с медицинскими рекомендациями [38]. В диссертациях, а также сборниках и монографиях отражены юридические вопросы трудоустройства, пенсионных выплат инвалидам [30; 31]. Авторы подчеркивали преимущества советского строя, позволяющего преодолеть безработицу и включить инвалидов войны в общее дело строительства социалистического общества. Однако практически не уделялось внимания организационным и кадровым вопросам реализации социальной политики и недостаткам в работах органов социального обеспечения, отраженных в обращениях граждан в вышестоящие органы власти.

В современной исторической науке исследуемая проблема остается востребованной. Значительная часть работ посвящена изучению и характеристике нормативно-правовой базы в области социального обеспечения [1; 12]. Ряд исследований государственной социальной политики выполнен на основе анализа региональных архивных материалов [39; 40]. Авторы выявляют такие проблемы системы социального обеспечения как недостаточное снабжение продовольственными и промышленными товарами, невысокое качество жилищно-бытового устройства инвалидов. Так, в работе Л.И. Вавулинской отмечается, что в послевоенные годы основной упор был сделан на трудоустройство инвалидов

войны, их лечение и протезирование, улучшение материально-бытовых условий и производственное обучение. Автор приходит к выводу, что материальная поддержка инвалидов не была исчерпывающей, «ее было явно недостаточно» [4, с. 81], но при этом она помогала многим фронтовикам пережить трудности послевоенного времени. Затрагиваются вопросы деятельности промысловой кооперации по оказанию помощи инвалидам. Исследователи приходят к выводам о значимости вклада общественных объединений и артелей в организацию профессионального обучения инвалидов, повышения их материального благосостояния при использовании средств касс взаимопомощи [25]. На материалах Волгоградской (Сталинградской) области изучены аспекты материально-бытового и досугово-культурного обеспечения инвалидов и членов семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны и последующих периодов [2; 14; 16].

Анализ. Организационно областной отдел социального обеспечения подчинялся как областному (краевому) Совету депутатов трудящихся и его исполкому, так и Министерству социального обеспечения РСФСР (далее – МСО). В составе областного отдела социального обеспечения создавались сектора: 1) пенсионного обеспечения; 2) обучения, трудового и бытового устройства; 3) учреждений социального обеспечения; 4) касс общественной взаимопомощи колхозников; 5) плановый сектор; 6) бухгалтерия; 7) административно-хозяйственная часть. При отделе числились: «старший инспектор по ВТЭ – врач, старший инспектор по кадрам, старший инспектор по кадрам и спецчасти, инспектор по спецчасти, юрисконсульт, инспектор по протезному делу, секретарь» [20].

Областной отдел выполнял координирующие и контролирующие функции. Районные и городские отделы проводили работу по приему и хранению документов, необходимых для назначения выплат; ведению учета получателей социальной помощи и вопросов их трудоустройства и протезирования; установлению попечительства и шефства над инвалидами; контролю предоставления льгот другими органами и учреждениями и др.

По данным отчета о работе с кадрами за I квартал 1945 г. [9], общее число работа-

ющих в системе социального обеспечения составляло 466 чел. (без учета Камышинской мастерской и Сталинградского протезного завода), из них номенклатурных – 188 человек. В учреждениях системы социального обеспечения было трудоустроено 70 инвалидов войны. Высшее образование из номенклатурных работников имели 3 чел., среднее – 50 чел., неоконченное среднее – 75 чел.; 147 чел. имели не более 2 лет стажа в органах социального обеспечения. Согласно отчету 1952 г. [13, л. 163], в органах социального обеспечения работал 641 человек. Номенклатурных работников насчитывалось 627 чел., из них 60 чел. имели высшее или среднее образование. Проходили обучение в сети партийного просвещения 284 чел., в учебных заведениях – 31 чел., 216 чел. на месячных курсах-семинарах.

Таким образом, за рассматриваемый период количество работников учреждений и отделов социального обеспечения увеличилось почти на треть, но образовательный уровень специалистов практически не изменился (28,2 % работников с высшим и средним образованием в 1945 г. и 26,4 % в 1952 г.). Кроме того, отчеты по работе с кадрами фиксируют высокую текучесть кадров: в 1947 г. из 261 чел. сменилось 53 специалиста (20,3 %), из них 5 старших бухгалтеров и 7 старших инспекторов были уволены за нарушения трудовой дисциплины, злоупотребление должностным положением, халатность [10]. По данным краткого отчета о работе Сталинградского областного отдела социального обеспечения [13, л. 164], за 1950 г. – I полугодие 1952 г. уволилось 68 номенклатурных работников, из них 39 специалистов в связи с повышением по службе. Среди недостатков по этому направлению работы в отчете указывалось несерьезное отношение к подбору руководящих кадров и неправомерное сокращение штатов, в рамках которого было уволено 29 чел. вместо 17.

Министерство социального обеспечения РСФСР негативно оценивало итоги работы с кадрами в Сталинградской области. По результатам рассмотрения отчета за первое полугодие 1952 г., Министерство обратило внимание на нарушение «большевистского принципа подбора руководящих кадров по их де-

ловым качествам» [26], в результате чего заведующий отделом, старший инспектор и 2 старших бухгалтера были уволены как не справившиеся с работой. Было отмечено, что приказ Министра социального обеспечения РСФСР № 532 от 30 октября 1950 г. не выполняется и на руководящие должности в области продолжают назначать лиц с низкой общеобразовательной подготовкой. 72 % заведующих отделов, 80 % старших инспекторов и 82 % старших бухгалтеров не имели среднего образования, повышением своего общеобразовательного уровня занимался только 31 чел. Резерв кадров составил 62 чел., то есть лишь 20 % к числу номенклатурных работников, и был признан недостаточным. Кроме того, из 21 чел., зачисленного в резерв для выдвижения на должности заведующих отделами социального обеспечения, 16 чел. не имели достаточной образовательной подготовки.

Потребность в кадрах в учреждениях системы социального обеспечения отражалась даже на страницах региональной газеты – Сталинградскому городскому госпиталю для инвалидов Великой Отечественной войны требовались бухгалтер, медсестры, санитарки, медицинские статисты, уборщицы, машинистка, регистратор. Характерно, что госпиталь был оборудован в бывшем здании школы [34].

Деятельность региональных органов по реализации финансовых мер социального обеспечения выражалась в пенсионном обеспечении и выплате пособий. Принципы расчета пенсии по инвалидности и пенсий семьям военнослужащих зависели от воинского звания и были определены постановлением

СНК СССР от 16 июля 1940 г. [18]. Для рядовых и лиц младшего начальствующего состава решающую роль в определении размера пенсии играли такие факторы, как группа инвалидности, размер заработной платы до призыва (для нетрудоустроенных предполагались фиксированные выплаты от 90 до 150 руб.), получение травмы при исполнении воинского долга. Для начальствующего состава и сверхсрочнослужащих вместо размера заработной платы учитывался должностной оклад. Суммы выплат семьям военнослужащих, кроме вышеназванных факторов, зависели от числа нетрудоспособных родственников [35].

По состоянию на 1 июля 1945 г. в Сталинградской области состояли на учете 215 942 семьи военнослужащих, из них на пенсионном обеспечении находилось 22 504 семьи, 74 474 семьи получали пособия. Данные выплаты составляли около 8–8,5 млн руб. расходов ежемесячно [36]. Количественные показатели расходов на меры социального обеспечения инвалидов войны и членов семей военнослужащих по Сталинградской области за 1947 г. отражены в таблице 1.

На основе анализа представленных данных можно выявить снижение среднемесячной суммы выплат (пенсий и пособий) семьям военнослужащих до 7,4 млн рублей. Изменение можно объяснить демобилизацией военнослужащих, что влекло за собой прекращение выплат семьям, а также сокращением числа погибших воинов после окончания Великой Отечественной войны.

В 1947 г. во всех отделах Сталинградской области была произведена инвентариза-

Таблица 1. Социальные выплаты органов социального обеспечения Сталинградской области в 1947 году

Table 1. Social payments of social security agencies of the Stalingrad region in 1947

Назначение выплат	Сумма, руб.	Кол-во получателей, чел.
Пенсии инвалидам труда, по старости, за выслугу лет	20 405 556	11 545
Пенсии инвалидам Великой Отечественной войны	31 507 605	20 850
Пенсии семьям погибших военнослужащих	75 204 146	44 600
Пособия семьям военнослужащих	13 288 406	9 257
Единовременное пособие инвалидам Великой Отечественной войны	289 860	нет данных
Единовременное пособие семьям погибших воинов	385 140	нет данных
Протезирование	640 000	нет данных
Путевки инвалидам Великой Отечественной войны	60 000	нет данных

Примечания. Составлено по: [21, л. 44–45; 23, л. 66].

ция лицевых счетов, а также проверка пенсионных дел. Было выявлено переплат на сумму 166 700 руб., причинами ошибок стали: представление ложной документации, окончание срока инвалидности, неправильное назначение пенсии комиссией, просчет бухгалтерии. Недоплаты в общей сумме 60 557 руб. возникли вследствие неправильного назначения пенсии комиссией, а также просчетов бухгалтерии [21, л. 43].

Несмотря на существующие недостатки, систему проверки пенсионных выплат Сталинградской области приводили в пример на уровне Министерства социального обеспечения. В связи с необходимостью более внимательного контроля над правильностью расходования средств было рекомендовано «широко распространить оправдавший себя опыт отделов социального обеспечения Москвы, Сталинграда, Горького... по которому районные отделы каждую неделю отчитываются перед городским отделом по всем вновь назначенным пенсиям, а также практику назначения пенсии в присутствии заявителей на заседании комиссии по назначению пенсии» [27, л. 161].

За 1950–1952 гг. на выплату пенсий и пособий было израсходовано 252 878 269 руб. [13, л. 161], то есть около 8,4 млн руб. в месяц. Были проведены сплошные проверки пенсионных выплат и проанализирована практика выплаты пенсий по месту работы пенсионеров. Комиссии по назначению пенсий в большинстве районов области работали без нарушений пенсионного законодательства. Однако было допущено переплат на 47 тыс. руб. по 57 пенсионным делам и недоплат в 40 случаях на общую сумму 28 тыс. руб. [13, л. 161]. Специалисты районных и городских отделов посещали пенсионеров на дому два раза в год и проверяли почтовые организации связи на предмет правильности и своевременности выдачи пенсий.

Важный вклад в реализацию мер социального обеспечения вносили объединения общественной взаимопомощи. На начало 1948 г. в области функционировало 26 касс с общим количеством 2 487 человек. Собранные средства использовались для выдачи ссуд или заготовку продуктов и товаров. Например, Камышинская касса при городском отделе

социального обеспечения объединяла 929 чел., в 1947 г. ее накопления составляли 127 316 рублей. Более 82 тыс. руб. были выданы в виде ссуд членам кассы, остальные накопления израсходованы на заготовку и выдачу 1 260 ц овощей и обеспечение 416 семей топливом [6, л. 4].

В 1952 г. в Сталинградской области работали 788 колхозных касс общественной взаимопомощи, материальная база этих касс составляла 1 642 000 руб. За 2,5 года кассы оказали нуждающимся колхозникам возвратной помощи в размере 1,87 млн руб. и выдали безвозвратных ссуд 1,5 млн руб. Приобретены протезы для 3 259 инвалидов на сумму более 1,2 млн руб., выдано 137 велоколясок и мотоколясок. Все нуждающиеся семьи погибших воинов и инвалиды были обеспечены на зимний период топливом и фуражом для скота. В обеспечении необходимыми товарами этих социальных категорий продолжали участвовать общественные организации – опекунские и шефские советы, которые оказали отдельным семьям помощь в размере более 317 тыс. руб. [13, л. 162].

Можно сделать вывод о совместном решении вопросов финансового обеспечения органами власти и общественными объединениями взаимопомощи трудящихся. Общественная инициатива становилась важным дополнением к государственным выплатам. Деятельность касс взаимопомощи включалась в отчеты региональных органов социального обеспечения, ставились задачи по увеличению числа касс для полного охвата всех нуждающихся в помощи, что позволяет считать это направление деятельности частью общей государственной социальной политики и особенностью сложившейся в рассматриваемый период системы социального обеспечения.

Помимо пенсионного обеспечения, важнейшим направлением деятельности органов власти было трудоустройство инвалидов войны. Необходимость создания условий для трудоустройства инвалидов была закреплена в нормативно-правовых актах еще с периода Великой Отечественной войны (постановление СНК СССР от 6 мая 1942 г. № 640 «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» [19] и постановление Совнаркома СССР

от 20 января 1943 г. № 73 «О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны» [17]). Показатели процента работающих инвалидов становились отчетными единицами и должны были являться объектом постоянного внимания для региональных органов социального обеспечения.

За первое полугодие 1945 г. было трудоустроено 9 556 чел. из членов семей военнослужащих. Количество безработных, однако, оставалось высоким – 7 167 чел. [7, л. 7]. Все они были взяты на персональный учет. За 2 месяца 1947 г. трудоустроено 76 членов семей военнослужащих и 142 инвалида Великой Отечественной войны [32, л. 8 об.]. Над инвалидами войны I группы во всех районах было организовано шефство предприятий, учреждений и колхозов области. Систематическая помощь подшефным осуществлялась в виде продуктовых и товарных выдач, соответствующих сфере работы предприятий, а также трудоустройстве. Случаев незаконного увольнения с работы по причинам инвалидности не было зафиксировано.

Количественные показатели трудоустройства в 1947 г. отражены в таблице 2.

Приведенные данные свидетельствуют о планомерной и эффективной работе по трудоустройству. Отметим завышение плановых показателей по трудоустройству членов семей военнослужащих на уровне области. Региональные органы власти стремились взять на себя повышенные обязательства, но не обладали достаточными ресурсами для достижения поставленных задач. Важно обратить внимание на совмещение категорий трудоустроенных инвалидов войны рядового и офицерского со-

става, а также совсем не близких друг другу категорий инвалидов труда и семьи умерших инвалидов, что может объясняться отсутствием строгого учета званий инвалидов или стремлением выполнить показатели по трудоустройству одной категории за счет другой.

Всего на 1 января 1947 г. доля трудоустроенных инвалидов Великой Отечественной войны составляла 90,1 %, а на 1 января 1948 г. она выросла до 98,7 %; инвалидов I группы было трудоустроено 22,3 %, II группы – 79,5 % и III группы – 99,1 % [23, л. 68]. Отметим, что высокой была доля трудоустройства инвалидов в системе органов социального обеспечения – в отделах работал 71 инвалид войны и 29 инвалидов труда. 11 из 47 работников областного отдела (23,4 %) также были инвалидами Великой Отечественной войны [10].

Большое внимание уделялось переобучению инвалидов. В 1947 г. в Сталинградской области прошли обучение 3 801 чел., из них 1 229 инвалидов и 2 572 члена семей военнослужащих и погибших воинов. Наиболее востребованными специальностями были: тракторист (506 чел.), сапожник (349 чел.), специалист консервного производства (345 чел.) [6, л. 2]. В конце рассматриваемого периода, по данным за 1950 г. – I половину 1952 г. [13, л. 161], был обучен новым специальностям 1 191 член семей погибших воинов (в 1950 г. – 540 чел., 1951 г. – 498 чел. и 1952 г. – 153 чел.). Инвалидов Великой Отечественной войны было обучено 929 человек. Трудоустроено за этот же период 2 402 чел., из них инвалидов войны – 1 459 человек.

Вопросами трудоустройства занимались также артели кооперации инвалидов. По дан-

Таблица 2. Организация трудоустройства в 1947 году

Table 2. Employment organization in 1947

Категория	План МСО	План облсовета	Фактическое выполнение	% выполнения	
				к плану МСО	к плану облсовета
Инвалиды Великой Отечественной войны – рядовые	260	415	486	128,4	116,8
Инвалиды Великой Отечественной войны – офицеры	110				
Инвалиды труда	150	300	319	127,6	106,3
Семьи умерших инвалидов	100				
Семьи военнослужащих	2 400	2 870	2 504	104,0	87,2
<i>Итого</i>	3 030	3 585	3 308	109,1	92,2

Примечание. Составлено по: [6, л. 1].

ным отчета о трудовом устройстве инвалидов Великой Отечественной войны за 1947 г. [24], в системе Сталинградского горкоопинсоюза было трудоустроено 380 инвалидов войны, а к 1948 г. их число возросло до 507 чел. Кроме того, в состав артелей входил 131 член семей военнослужащих. Больше всего инвалидов работало на нетоварных трудовых предприятиях (178 чел.), в сфере промышленности (131 чел., наиболее часто трудоустраивались на кожевенно-обувные, металлообрабатывающие и швейные предприятия). При этом не было зарегистрировано ни одного инвалида, работавшего на дому. В конце исследуемого периода (декабрь 1952 г.) в артелях Сталинградского горкоопинсоюза работали 1 322 инвалида, из них 351 инвалид войны, в том числе 3 работавших на дому. Таким образом, показатели трудоустройства инвалидов войны в 1950-е гг. снизились, система надомного труда практически не развивалась. На заседаниях президиума Сталинградского горкоопинсоюза вопросы трудоустройства инвалидов уступали место обсуждению вопросов финансово-хозяйственной деятельности. Однако количественные показатели трудоустройства инвалидов войны отражаются в докладах председателей артелей (например, в артели им. Ворошилова в июле 1952 г. работало 175 инвалидов, из них 25 инвалидов войны; в артели им. Ильича – 116 инвалидов, из них 27 инвалидов войны) [28]. Также присутствуют сведения о премировании работников артелей за достижение высоких показателей, в том числе – перевыполнения планов трудоустройства, что отражает противоречивость итогов работы артелей кооперации инвалидов.

Часты были обращения с жалобами. За январь – февраль 1947 г. было зарегистрировано 590 жалоб, 384 были рассмотрены уже к началу марта [32, л. 9]. В отдел трудового и бытового устройства за 1947 г. поступило 539 жалоб (309 от инвалидов войны, 174 от семей военнослужащих, 56 от инвалидов труда) из них 314 заявлений о материальной помощи, 125 – о продовольственном обеспечении, 54 – об обучении и трудоустройстве [6]. Однако в обращениях граждан отмечались не только недостатки, некоторые из писем отражают благодарность сотрудникам отделов социального обеспечения за их неравнодушие.

Так, в 1945 г. в адрес Пролейского райотдела писали: «Как только получили мое письмо, вы сейчас же посетили мою мать, оказали ей денежную помощь, и я, как воин Красной Армии, глубоко тронут вашим вниманием к нашим семьям» [5]. За период с 1950 г. по первую половину 1952 г. в областной отдел социального обеспечения, по данным отчета [13, л. 164], поступило 9 763 жалобы. В отчете отмечалось, что ежегодное поступление писем значительно сокращается в связи с ростом качества работы местных отделов. Однако 1 840 жалоб (18 %) оказались обоснованными и были удовлетворены. Большинство обращений касалось пенсионных вопросов, составляя 70 % от общего числа жалоб. Можно сделать вывод об открытости региональных органов социального обеспечения к взаимодействию с гражданами, готовности пересматривать принятые решения о выплатах в случаях обнаружения ошибок. Большое количество обращений граждан, в том числе – с последующим удовлетворением жалоб, подтверждает существовавшие проблемы в реализации мер социального обеспечения.

Недостатки, по мнению руководства областного отдела социального обеспечения, во многом объяснялись отсутствием финансовой поддержки со стороны областного и районных исполкомов. Областной отдел располагался в малогабаритном финском домике, за одним столом работало по два человека и не хватало места для приема посетителей. Некоторые районные отделы работали в необорудованных помещениях без света и отопления, отсутствовали сейфы для хранения пенсионных дел. Исполкомы не выделяли транспорта для выездных проверок и освидетельствования пенсионеров, не оплачивали командировки. Кроме того, специалистов на местах часто привлекали на работы по восстановлению города, что приводило к временным закрытиям отделов [13, л. 165].

В феврале 1949 г. в газете «Сталинградская правда» на основании писем читателей было отмечено попустительское отношение райисполкома Краснооктябрьского района к недостаткам в работе органов социального обеспечения. «Хорошо известно, например, что постоянная комиссия социального обеспечения... по существу ничего не делает. Чле-

ны этой комиссии дважды собирались для обсуждения плана работы, но дальше этого дело не пошло», – говорилось в заметке [29].

Можно отметить, что вопросы жизни инвалидов Великой Отечественной войны слабо отражались на страницах главной областной газеты. Характерна публикация благодарности врачу Сталинградского ортопедического госпиталя за квалифицированную помощь и возвращение способности самостоятельно ходить после тяжелого ранения на войне. Автором письма был инвалид войны, что отражено в подписи, однако в заголовке, выделенном более крупным шрифтом, фигурирует «воин Отечественной войны» [3]. Также очень краткой была заметка о начале строительства Сталинградкультистроём протезного завода в Сталинграде [33].

В Сталинградской области также была организована работа по обслуживанию нуждающихся в домах инвалидов. В Молотовском доме отдыха инвалидов войны в 1945 г. было предусмотрено 50 койко-мест, однако в октябре – декабре число патронированных инвалидов не превышали 24 чел. [22]. Это свидетельствует об отсутствии налаженной системы учета и своевременного направления инвалидов в дома отдыха даже при наличии необходимых ресурсов. По данным на 1950 г., в домах инвалидов региона насчитывалось 430 мест [11], которые были доступны, в том числе, для инвалидов войны.

Результаты. Итоги работы региональной системы социального обеспечения были неоднозначны. Объемы расходов на пенсионное обеспечение в конце рассматриваемого периода не превышали масштабов выплат в первый послевоенный год, оставаясь в пределах 8,4–8,5 млн руб. ежемесячно. Однако с учетом проведенной денежной реформы деноминационного характера 1947 г., можно говорить о росте расходов на социальные выплаты.

Необходимо отметить изменения в работе органов социального обеспечения. Если в 1947 г. трудоустроенных инвалидов войны было всего 39,5 % от обученных новым профессиям, то в начале 1950-х гг. трудоустроенных инвалидов стало в 1,6 раз больше, чем прошедших курсы по профессиональному обучению. Данную динамику можно объяснить изменением социально-экономических усло-

вий в Сталинградской области, созданием новых рабочих мест. Однако стоит отметить значительное снижение темпов обучения инвалидов Великой Отечественной войны.

В ходе исследования выявлены противоречивые отношения между областным отделом социального обеспечения и облисполкомом. Недостаток транспортных средств, привлечение специалистов районных отделов к выполнению других работ и неоснащенность помещений негативно сказывались на качестве работы органов социального обеспечения. При этом сложно оценить реальные возможности полного удовлетворения материально-бытовых потребностей учреждений социальной сферы с учетом продолжающегося процесса послевоенного восстановления.

Одна из главных и нерешенных проблем заключалась в подборе кадров. Отделы были укомплектованы в соответствии со штатным расписанием, однако частая сменяемость сотрудников и отсутствие планомерного и систематического обучения приводили к снижению числа высококвалифицированных специалистов. Однако при всех имеющихся недостатках, высокое качество работы по пенсионному обслуживанию и организации контроля над правильностью социальных выплат отмечали на всероссийском уровне.

Проблемы инвалидов практически не освещались на страницах региональной прессы, которая ограничивалась кратким упоминанием о них в связи со смежными вопросами. Однако нельзя отрицать внимание к проблемам пострадавших в войне сталинградцев. Обращения и жалобы в органы социального обеспечения рассматривались и, в случае ошибки со стороны специалистов отделов, проводились меры по восстановлению нарушенных прав пенсионеров. Значительную роль играли объединения общественной взаимопомощи и шефские организации, число которых за рассматриваемый период многократно увеличилось. Их вклад отражался в улучшении материально-бытовых условий жизни инвалидов, направлении их на лечение и трудоустройстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абузярова Д. А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечествен-

ной войны: дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2010. 205 с.

2. Австрийсков Е. В. Организация помощи семьям красноармейцев и инвалидам Великой Отечественной войны в Сталинградской области в 1943–1945 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9, Исследования молодых ученых. 2006. № 5. С. 6–9.

3. Благодарность воина Отечественной войны // Сталинградская правда. 1946. 7 мая. (№ 91 (5293)). С. 3.

4. Вавулинская Л. И. «Обязать руководителей... предоставлять инвалидам Отечественной войны, соответствующую работу». Социальное обеспечение и трудоустройство инвалидов Великой Отечественной войны в Карелии (1944–1957 гг.) // Военно-исторический журнал. 2024. № 3. С. 72–81.

5. Выписка из писем, полученных от военнослужащих отделами по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих в 1945 г. // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 17. Л. 20.

6. Доклад о работе органов социального обеспечения за 1947 г. и задачи на 1948 г. // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–31 об.

7. Докладная записка Председателю Исполкома Сталинградского облсовета депутатов трудящихся «Об итогах работы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих Сталинградской области на первое полугодие 1945 года» // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 2. Д. 17. Л. 7–45.

8. Зубкова Е. Ю. «Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе. 1940–1960-е годы // Труды Института российской истории РАН. М.: ИРИ РАН, 2013. Вып. 11. С. 295–296.

9. Информационный отчет о работе с кадрами по системе Сталинградского облсо за I квартал 1945 г. // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 11. Л. 17–17 об.

10. Информационный отчет Сталинградского Областного отдела социального обеспечения о проведенной работе с кадрами в 1947 году в Министерство Социального Обеспечения РСФСР // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 2. Д. 27. Л. 38.

11. Итоги выполнения плана по учреждениям социального обеспечения Сталинградской области за 1951–1955 гг. // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 118. Л. 8.

12. Капустина О. В. Деятельность советского государства по совершенствованию пенсионного обеспечения граждан: вторая половина 1950-х – 1980-е годы : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 408 с.

13. Краткий отчет Исполкому Сталинградского Облсовета «О работе Сталинградского ОблСО за 1950–1952 гг.» // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 79. Л. 161–166.

14. Лысенко А. А., Липатов А. В. К вопросу о социально-культурной помощи участникам Великой

Отечественной войны и их семей в конце 1940-х – начале 1960-х гг.: на примере Сталинграда – Волгограда // Памяти павших будьте достойны! Волгоград : ВолГТУ, 2021. С. 123–127.

15. Маруда Н. Забота об инвалидах войны в Смоленске // Бюллетень Советского комитета ветеранов войны. 1980. № 2 (79). С. 36–39.

16. Меркурьева В. С. Социальная помощь семьям военнослужащих в Сталинграде в годы Великой Отечественной войны // VII Бартеневские чтения. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. С. 227–231.

17. О мерах по трудовому устройству инвалидов Отечественной войны: постановление СНК СССР от 20 января 1943 года № 73 // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1942–1943. Л.: Лениздат, 1944. 262 с.

18. О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям: постановление СНК СССР от 16 июля 1940 г. // Собрание постановлений Правительства СССР (далее – СП СССР). 1940. № 19, ст. 465.

19. О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны. Постановление СНК СССР № 640 от 6 мая 1942 года // СП СССР. 1942. № 5, ст. 76

20. Об утверждении Положения о Министерстве социального обеспечения РСФСР и местных органах социального обеспечения: постановление Совета Министров РСФСР 16 мая 1947 г. // СП РСФСР. 1947. № 6, ст. 19.

21. Объяснительная записка к сводному годовому отчету за 1947 год // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 28. Л. 43–45.

22. Отчет Молотовского дома отдыха инвалидов Отечественной войны об исполнении расходной сметы по бюджетным средствам за октябрь, ноябрь и декабрь 1945 г. // ГАВО. Ф. 5358. Оп. 1. Д. 9 Л. 36 об., 41 об., 59.

23. Отчет о работе органов социального обеспечения Сталинградской области за 1947 год // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 27. Л. 66–68.

24. Отчет о трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны за 1947 г. Сталинградского горкоопинсоюза // ГАВО. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 31. Л. 62–63.

25. Печалова Л. В. Промысловая кооперация и кооперация инвалидов в реализации социально-экономической политики Советского государства (1920–1960 гг.): на материалах Северного Кавказа и Дона: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2023. 589 с.

26. Письмо Министерства социального обеспечения РСФСР заведующему Сталинградским областным отделом социального обеспечения №11/57 // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 31. Л. 76.

27. Приложение 1 к Приказу Министра социального обеспечения РСФСР от 30.04.49 № 212 «По-

становление Всероссийского совещания актива руководящих работников социального обеспечения РСФСР 9 апреля 1949» // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 30. Л. 154–161.

28. Протокол № 90 Заседания Президиума Сталинградского горкоопинсоюза от 14 июля 1952 г. // ГАВО. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 130. Л. 93.

29. Райисполком в роли наблюдателя // Сталинградская правда. 1949. 5 февр. (№ 24 (6001)). С. 3.

30. Сазонов В. С. Развитие советского законодательства о пенсионном обеспечении : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1967. 388 с.

31. Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма / ред. М. П. Мchedlov [и др.]. М. : Политиздат, 1979. 432 с.

32. Справка по вопросу выполнения постановления Обкома ВКП(б) от 4/II-47 г. № 525 44 «О состоянии государственного и материально-бытового обеспечения семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны» // ГАВО. Ф. 4650. Оп. 2. Д. 24 Л. 8 об. – 9.

33. Строительство протезного завода // Сталинградская правда. 1946. 14 мая. № 96 (5298). С. 1.

34. Требуется // Сталинградская правда. 1946. 9 мая. (№ 92 (5294)). С. 4.

35. Третьяк Д. В. Политика государства в сфере социальной защиты инвалидов войны и семей военнослужащих в 1941–1945 гг. // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. 2020. № 4–2 (33). С. 75–79.

36. Третьяк Д. В. Региональная практика социального обеспечения семей военнослужащих в первые послевоенные годы (на материалах Сталинградской области) // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2023. № 3 (50). С. 161–164.

37. Физелер Б. «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 297.

38. Хайкинсон Н. М. Эффективность восстановительного лечения инвалидов Отечественной войны: методика и результаты клинико-стат. исследования по материалам Казанск. ин-та ортопедии и восстановит. хирургии за 1946–47 гг.: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Казань, 1948. 4 с.

39. Хомякова Н. В. Проблемы реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны на Урале в послевоенные годы // Самарский научный вестник. 2022. № 1. С. 250–254.

40. Чайка Е. А. Социальная политика Советского государства на селе с 1945 по 1965 гг. (на материалах Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2004. 25 с.

41. Чуева Е. «Мир после войны»: жалобы как инструмент регулирования отношений между государством и инвалидами Великой Отечественной

войны // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: Вариант, 2008. С. 96–120.

REFERENCES

1. Abuziarova D.A. *Transformatsiia sistemy sotsialnoi zashchity veteranov Velikoi Otechestvennoi voyny: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Transformation of the Social Protection System for Veterans of the Great Patriotic War. Cand. sociol. sci. diss.]. Saransk, 2010. 205 p.

2. Avstrijskov E.V. *Organizacija pomoshhi semjam krasnoarmejcev i invalidam Velikoj Otechestvennoj vojny v Stalingradskoj oblasti v 1943–1945 godah* [Organization of Assistance to Families of Red Army Soldiers and Disabled Veterans of the Great Patriotic War in the Stalingrad Region in 1943–1945]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Issledovaniya molodyh uchenykh* [Bulletin of Volgograd State University. Series 9, Research of Young Scientists], 2006, no. 5, pp. 6–9.

3. *Blagodarnost voina Otechestvennoi voyny* [Gratitude of a Soldier of the Patriotic War]. *Stalingradskaia pravda*, 1946, May 7 (no. 91 (5293)), p. 3.

4. Vavulinskaia L.I. «Obiazat rukovoditelei... predstavliat invalidam Otechestvennoi voyny, sootvetstvuiushchuiu rabotu». *Sotsialnoe obespechenie i trudoustroistvo invalidov Velikoi Otechestvennoi voyny v Karelii (1944–1957 gg.)* [“Oblige the Leaders... to Provide Disabled Veterans of the Great Patriotic War with Appropriate Work.” Social Security and Employment of Disabled Veterans of the Great Patriotic War in Karelia (1944–1957)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 2024, no. 3, pp. 72–81.

5. *Vypiska iz pisem, poluchennykh ot voennosluzhashchikh otdelami po gosobespecheniju i bytoustroystvu semej voennosluzhashchikh v 1945 g.* [Extract from Letters Received from Military Personnel by the Departments for State Support and Welfare of Military Families in 1945]. *Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoi oblasti (daleye – GAVO)* [State Archive of the Volgograd Region], f. 4650, inv.1, d. 17, l. 20.

6. *Doklad o rabote organov sotsialnogo obespecheniia za 1947 god i zadachi na 1948 god* [Report on the Work of Social Security Agencies for 1947 and Tasks for 1948]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 4650, inv. 1, d. 27, l. 1–31 r.

7. *Dokladnaia zapiska Predsedateliu Ispolkoma Stalingradskogo oblsoveta deputatov trudiaschikhhsia «Ob itogakh raboty po gosudarstvennomu obespecheniiu i bytovomu ustroystvu semei voennosluzhashchikh Stalingradskoi oblasti na pervoe*

polugodie 1945 goda» [Report to the Chairman of the Executive Committee of the Stalingrad Regional Council of Workers' Deputies "On the Results of Work on State Support and Everyday Arrangements for the Families of Military Personnel of the Stalingrad Region for the First Half of 1945"]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 4650, inv. 2, d. 17, l. 7-45.

8. Zubkova E.Iu. "Bednye" i "chuzhie": normy i praktiki borby s nishchenstvom v Sovetskom Soiuze. 1940–1960-e gody ["Poor" and "Strangers": Norms and Practices of Combating Beggary in the Soviet Union. 1940–1960s]. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, IRI RAN, 2013, iss. 11, pp. 295-296.

9. Informacionnyj otchet o rabote s kadrami po sisteme Stalingradskogo oblso za I kvartal 1945 g. [Information Report on Work with Personnel in the Stalingrad Regional Military System for the First Quarter of 1945]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 4650, inv. 1, d. 11, l. 17-17r.

10. Informatsionnyi otchet Stalingradskogo Oblastnogo otdela sotsialnogo obespecheniia o provedennoi rabote s kadrami v 1947 godu v Ministerstvo Sotsialnogo Obespecheniia RSFSR [Information Report of the Stalingrad Regional Department of Social Security on the Work Carried Out with Personnel in 1947 to the Ministry of Social Security of the RSFSR]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 4650, inv. 2, d. 27, l. 38.

11. Itogi vypolneniia plana po uchrezhdeniiam sotsialnogo obespecheniia Stalingradskoi oblasti za 1951–1955 gg. [Results of the Fulfillment of the Plan for Social Security Institutions of the Stalingrad Region for 1951–1955]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 4650, inv. 1, d. 118, l. 8.

12. Kapustina O.V. *Deiatel'nost sovetskogo gosudarstva po sovershenstvovaniiu pensionnogo obespecheniia grazhdan: vtoraiia polovina 1950-kh – 1980-e gody: dis. ...kand. ist. nauk* [Activities of the Soviet State to Improve Pension Provision for Citizens: Second Half of the 1950s – 1980s. Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2010. 408 p.

13. Kratkii otchet Ispolkomu Stalingradskogo Oblsoвета "O rabote Stalingradskogo OblSO za 1950–1952 gg." [Brief Report to the Executive Committee of the Stalingrad Regional Council "On the Work of the Stalingrad Regional Council for 1950–1952"]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 4650, inv. 1, d. 79, l. 161-166.

14. Lysenko A.A., Lipatov A.V. K voprosu o socialno-kulturnoj pomoshhi uchastnikam Velikoj Otechestvennoj vojny i ih semej v konce 1940-h – nachale 1960-h gg.: na primere Stalingrada – Volgograda [On the Issue of Socio-Cultural Assistance to Participants of the Great Patriotic War and Their

Families in the Late 1940s – Early 1960s: Example of Stalingrad – Volgograd]. *Pamjati pavshih budte dostojny!* [Be Worthy of the Memory of the Fallen!]. Volgograd, VolGTU, 2021, pp. 123-127.

15. Maruda N. Zabota ob invalidah vojny v Smolenske [Care for War Invalids in Smolensk]. *Bjulleten Sovetskogo komiteta veteranov vojny* [Bulletin of the Soviet Committee of War Veterans], 1980, no. 2 (79), pp. 36-39.

16. Merkur'eva V.S. Socialnaja pomoshh semjam voennosluzhashchih v Stalingrade v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Social Assistance to the Families of Military Personnel in Stalingrad during the Great Patriotic War]. *VII Bartenevskie chtenija* [The 7th Bartenev Readings]. Lipetsk, LGPU im. P.P. Semenova-Tjan-Shanskogo, 2016, pp. 227-231.

17. O merakh po trudovomu ustroistvu invalidov Otechestvennoi vojny: postanovlenie SNK SSSR ot 20 ianvaria 1943 goda № 73 [On Measures for the Employment of Disabled Veterans of the Patriotic War. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of January 20, 1943, No. 73]. *Sbornik ukazov, postanovlenii, reshenii, rasporiazhenii i prikazov voennogo vremeni. 1942–1943* [Collection of Decrees, Resolutions, Decisions, and Orders of Wartime. 1942–1943]. Leningrad, Lenizdat, 1944. 262 p.

18. O pensiiakh voennosluzhashchim riadovogo i mladshego nachalstvuiushchego sostava srochnoi sluzhby i ikh semiam: postanovlenie SNK SSSR ot 16 iulija 1940 g. [On Pensions for Privates and Junior Commanding Officers of Conscript Service and Their Families. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of July 16, 1940]. *Sobranie postanovlenij Pravitelstva SSSR (daleye – SP SSSR)* [Collection of Resolutions of the Government of the USSR], 1940, no. 19, art. 465.

19. O trudovom ustroistve invalidov Otechestvennoi vojny: postanovlenie SNK SSSR № 640 ot 6 maiia 1942 goda [On the Employment of Disabled Veterans of the Patriotic War. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 640 of May 6, 1942]. *SP SSSR*, 1942, no. 5, art. 76.

20. Ob utverzhenii Polozheniia o Ministerstve sotsialnogo obespecheniia RSFSR i mestnykh organakh sotsialnogo obespecheniia: postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR 16 maiia 1947 g. [On Approval of the Regulation on the Ministry of Social Security of the RSFSR and Local Social Security Bodies. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of May 16, 1947]. *SP RSFSR* [Collection of Resolutions of the Government of the USSR], no. 6, art. 19.

21. Obyasnitel'naiia zapiska k svodnomu godovomu otchetu za 1947 god [Explanatory Note to the Consolidated Annual Report for 1947]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 4650, inv. 1, d. 28, l. 43-45.

22. Otchet Molotovskogo doma otdykhov invalidov Otechestvennoj vojny ob ispolnenii rashodnoj smety po bjudzhetnym sredstvam za oktyabr, noyabr i dekabr 1945 g. [Report of the Molotov Rest Home for Disabled Veterans of the Great Patriotic War on the Execution of the Budget Expenditure Estimate for October, November and December 1945]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 5358, inv. 1, d. 9, l. 36 r., 41 r., 59.
23. Otchet o rabote organov sotsialnogo obespecheniia Stalingradskoi oblasti za 1947 god [Report on the Work of the Social Security Agencies of the Stalingrad Region for 1947]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 4650, inv. 1, d. 27, l. 66-68.
24. Otchet o trudovom ustrojstve invalidov Otechestvennoj vojny za 1947 g. Stalingradskogo gorkoopinsojuza [Report on the Employment of Disabled Veterans of the Great Patriotic War for 1947 by the Stalingrad City Union of Workers]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 5763, inv. 1, d. 31, l. 62-63.
25. Pechalova L.V. *Promyslovaia kooperatsiia i kooperatsiia invalidov v realizatsii sotsialno-ekonomicheskoi politiki Sovetskogo gosudarstva (1920–1960 gg.): na materialakh Severnogo Kavkaza i Dona: dis. ... d-ra ist. nauk* [Industrial Cooperation of the Disabled in the Implementation of the Socio-Economic Policy of the Soviet State (1920–1960): Based on the Materials of the North Caucasus and the Don. Dr. hist. sci. diss.]. Stavropol, 2023. 589 p.
26. Pismo Ministerstva sotsialnogo obespecheniia RSFSR zaveduyushchemu Stalingradskim oblastnym otdelom sotsialnogo obespecheniia №11/57 [Letter from the Minister of Social Security RSFSR to the Head of the Stalingrad Regional Department of Social Security No. 11/57]. *GAVO*, f. 4650, inv. 1, d. 31, l. 76.
27. Prilozhenie 1 k Prikazu Ministra sotsialnogo obespecheniia RSFSR ot 30.04.49 № 212 “Postanovlenie Vserossiiskogo soveshchaniia aktiva rukovodiashchikh rabotnikov sotsialnogo obespecheniia RSFSR 9 apreliia 1949” [Appendix 1 to the Order of the Minister of Social Security of the RSFSR of April 30, 1949 No. 212 “Resolution of the All-Russian Conference of the Active Leaders of Social Security of the RSFSR on April 9, 1949”]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 4650, inv. 1, d. 30, l. 154-161.
28. Protokol № 90 Zasedaniia Prezidiuma Stalingradskogo gorkoopinsojuza ot 14 iulja 1952 g. [Protocol No. 90 of the Meeting of the Presidium of the Stalingrad City Trade Union of 14 July 1952]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 5763, inv. 1, d. 130, l. 93.
29. Raiispolkom v roli nabludatelja [District Executive Committee in the Role of Observer]. *Stalingradskaja pravda*, 1949, Febr. 5 (no. 24 (6001)), p. 3.
30. Sazonov V.S. *Razvitie sovetskogo zakonodatelstva o pensionnom obespechenii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Development of Soviet Legislation on Pension Provision. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1967. 388 p.
31. Mchedlov M.P. et al., eds. *Sotsialnaia politika KPSS v usloviakh razvitogo sotsializma* [Social Policy of the CPSU in the Conditions of Developed Socialism]. Moscow, Politizdat, 1979. 432 p.
32. Spravka po voprosu vypolneniia postanovleniia Obkoma VKP(b) ot 4/II-47 g. № 525 44 «O sostoianii gosudarstvennogo i materialno-bytovogo obespecheniia semei voennosluzhashchikh i invalidov Otechestvennoi vojny» [Information on the Implementation of the Resolution of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks Dated February 4, 1947, No. 525-44 “On the State and Material and Everyday Support for the Families of Military Personnel and Disabled Veterans of the Great Patriotic War”]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 4650, inv. 2, d. 24, l. 8 r. - 9.
33. Stroitelstvo proteznogo zavoda [Construction of a Prosthetic Plant]. *Stalingradskaja pravda*, 1946, May 14 (no. 96 (5298)), p. 1.
34. Trebuiutsia [Required]. *Stalingradskaja pravda*, 1946, May 9 (no. 92 (5294)), p. 4.
35. Tretiak D.V. Politika gosudarstva v sfere sotsialnoi zashchity invalidov vojny i semei voennosluzhashchikh v 1941–1945 gg. [State Policy in the Sphere of Social Protection of War Invalids and Families of Military Personnel in 1941–1945]. *Studencheskii elektronnyi zhurnal «StRIZh»* [Student Electronic Journal “StRIZh”], 2020, no. 4-2 (33), pp. 75-79.
36. Tretiak D.V. Regionalnaia praktika sotsialnogo obespecheniia semei voennosluzhashchikh v pervye poslevoennye gody (na materialakh Stalingradskoi oblasti) [Regional Practice of Social Security for Military Families in the First Post-War Years (Based on the Materials of the Stalingrad Region)]. *Studencheskii elektronnyi zhurnal «StRIZh»* [Student Electronic Journal “StRIZh”], 2023, no 3 (50), pp. 161-164.
37. Fizeler B. «Nishchie pobediteli»: invalidy Velikoi Otechestvennoi vojny v Sovetskom Soiuze [“Beggar Victors”: Disabled Veterans of the Great Patriotic War in the Soviet Union]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2005, no. 2-3 (40-41), p. 297.
38. Khaikinson N.M. *Effektivnost vosstanovitelnogo lecheniia invalidov Otechestvennoi vojny: metodika i rezultaty kliniko-stat. issledovaniia po materialam Kazansk. in-ta ortopedii i vosstanovit. khirurgii za 1946–47 gg.: avtoref. dis. ... kand. med. nauk* [Efficiency of Restorative Treatment of Disabled Veterans of the Great Patriotic War: Methods and Results of Clinical and Statistical Research Based on Materials of the Kazan Institute of Orthopedics and

Rehabilitation Surgery for 1946–47. Cand. med. sci. abs. diss.]. Kazan, 1948, 4 p.

39. Khomiakova N.V. Problemy reabilitatsiia invalidov Velikoi Otechestvennoi voyny na Urale v poslevoennye gody. [Problems of Rehabilitation of Disabled Veterans of the Great Patriotic War in the Urals in the Post-War Years]. *Samarskii nauchnyi vestnik*. [Samara Scientific Bulletin], 2022, no. 1, pp. 250-254.

40. Chaika E.A. *Sotsialnaia politika Sovetskogo gosudarstva na sele s 1945 po 1965 gg. (na materialakh Krasnodarskogo, Stavropolskogo kraev i Rostovskoi oblasti): avtoref. dis. ... kand. ist.*

nauk [Social Policy of the Soviet State in the Village from 1945 to 1965 (Based on Materials from the Krasnodar, Stavropol Territories and Rostov Oblast). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Armavir, 2004. 25 p.

41. Chueva E. «Mir posle voyny»: zhaloby kak instrument regulirovaniia otnoshenii mezhdu gosudarstvom i invalidami Velikoi Otechestvennoi voyny [“The World After the War”: Complaints as a Tool for Regulating Relations between the State and Disabled Veterans of the Great Patriotic War]. *Sovetskaia sotsialnaia politika: stseny i deistvuiushchie litsa, 1940–1985* [Soviet Social Policy: Scenes and Characters, 1940–1985]. Moscow, 2008, pp. 96-120.

Information About the Authors

Elena Ju. Bolotova, Doctor of Sciences (History), Professor, Director of the Institute of Historical and Law Education, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 27, 400064 Volgograd, Russian Federation, eubolotova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6432-2373>

Daria V. Tretyak, Assistant Lecturer, Department of National History and Local History Education, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Im. V.I. Lenina, 27, 400064 Volgograd, Russian Federation, d.v.tretyak99@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8429-2195>

Информация об авторах

Елена Юрьевна Болотова, доктор исторических наук, профессор, директор института исторического и правового образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400064 г. Волгоград, Российская Федерация, eubolotova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6432-2373>

Дарья Витальевна Третьяк, ассистент кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400064 г. Волгоград, Российская Федерация, d.v.tretyak99@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8429-2195>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.10>

UDC 94(47+57)
LBC 63.3(2)6

Submitted: 03.03.2025
Accepted: 01.04.2025

“WORK WITH FIGHTERS OF NON-RUSSIAN NATIONALITY WAS UNDERESTIMATED...”: THE LEADERSHIP OF THE MILITARY-POLITICAL BODIES OF THE RED ARMY AND THE NATIONAL QUESTION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Alexey Yu. Bezugolny

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the initial period of the Great Patriotic War, 1.15 million citizens of non-Russian nationality were drafted into the Red Army. By the beginning of the war, the political bodies of the Red Army responsible for political and educational work with personnel did not have the necessary staff and competencies to organize such work. Much depended on the timeliness and accuracy of the decisions of the heads of the military-political department. *Methods and materials.* The research uses general scientific methods as well as historical-systemic, historical-genetic, and comparative-historical. The source base is based on published and archival materials concerning the activities of L.Z. Mehlis and A.S. Shcherbakov as head of the Main Political Directorate of the Red Army. *Analysis.* During the Great Patriotic War, the ideological front of work in the Soviet troops was consistently led by two people: L.Z. Mehlis (1941–1942) and A.S. Shcherbakov (1943–1945). One of the obvious challenges they faced was the national problem, which was expressed in the difficult adaptation of a large flow of non-Russian military personnel in a combat situation and the ignorance of the Russian language by many. A direct consequence of this was the low combat capability of military formations manned by non-Russian servicemen, high combat losses and failure to fulfill combat tasks set by the command. The main Political Directorate of the Red Army turned out to be unprepared for the aggravation of the national issue. The choice of management strategies in solving the national issue in the warring army was up to the head of the department. The results of the analysis of sources presented in the article show that the views on national problems in the ranks of the troops of L.Z. Mehlis and A.S. Shcherbakov differed significantly. The article analyzes the measures that both managers took to solve the problems. *Results.* The conducted research has shown the effectiveness of the leadership line chosen by A.S. Shcherbakov for the adaptation of representatives of the peoples of the Caucasus and Central Asia to military service. Together with objective factors (a favorable strategic situation and a reduction in the representation of these peoples in the army), it led to the fact that by the end of the war the national problem had largely lost its relevance. *Funding.* The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-537).

Key words: L.Z. Mehlis, A.S. Shcherbakov, Main Political Directorate of the Red Army, Directive No. 012, Crimean Front, Transcaucasian Front.

Citation. Bezugolny A.Yu. “Work with Fighters of Non-Russian Nationality Was Underestimated...”: The Leadership of the Military-Political Bodies of the Red Army and the National Question During the Great Patriotic War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 125-135. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.10>

**«РАБОТА С БОЙЦАМИ НЕРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ
НЕДООЦЕНИВАЛАСЬ...»:
РУКОВОДСТВО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ КРАСНОЙ АРМИИ
И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Алексей Юрьевич Безугольный

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В начальный период Великой Отечественной войны в состав Красной армии было призвано 1,15 млн граждан нерусской национальности. Политические органы Красной армии, ответственные за политико-воспитательную работу с личным составом, к началу войны не располагали необходимыми кадрами и компетенциями для организации такой работы. Многое зависело от своевременности и точности решений руководителей военно-политического ведомства. *Методы и материалы.* В исследовании применены общенаучные методы, а также историко-системный, историко-генетический, сравнительно-исторический. В основу источниковой базы легли опубликованные и архивные материалы, касающиеся деятельности Л.З. Мехлиса и А.С. Щербакова на должности начальника Главного политуправления Красной армии. *Анализ.* В период Великой Отечественной войны идеологическим фронтом работы в советских войсках последовательно руководили два человека – Л.З. Мехлис (1941–1942) и А.С. Щербаков (1943–1945). Одной из очевидных трудностей, с которой они столкнулись, стала национальная проблема, выражавшаяся в сложной адаптации большого потока нерусских военнослужащих в боевой обстановке, незнании многими русского языка. Прямым следствием этого были низкая боеспособность воинских формирований, укомплектованных нерусскими военнослужащими, высокие боевые потери и невыполнение поставленных командованием боевых задач. Главное политическое управление РККА оказалось неготовым к обострению национального вопроса. Выбор управленческих стратегий в решении национального вопроса в воюющей армии был за начальником ведомства. Представленные в статье результаты анализа источников показывают, что взгляды на национальные проблемы в рядах войск Л.З. Мехлиса и А.С. Щербакова существенно различались. В статье проанализированы меры, которые предпринимали оба руководителя для решения задач. *Результаты.* Проведенное исследование показало эффективность выбранной А.С. Щербаковым руководящей линии по адаптации к военной службе представителей народов Кавказа и Средней Азии. В совокупности с объективными факторами (благоприятная стратегическая обстановка и сокращение представительства этих народов в армии) она привела к тому, что к концу войны национальная проблема в значительной мере потеряла актуальность. *Финансирование.* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Ключевые слова: Л.З. Мехлис, А.С. Щербаков, Главное политическое управление Красной армии, директива № 012, Крымский фронт, Закавказский фронт.

Цитирование. Безугольный А. Ю. «Работа с бойцами нерусской национальности недооценивалась...»: руководство военно-политических органов Красной армии и национальный вопрос в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 125–135. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.10>

Введение. Главное управление политической пропаганды РККА (1940–1941 гг.; далее – ГУПП РККА), затем Главное политическое управление РККА (1941–1946 гг.; далее – ГлавПУРККА) – центральный орган руководства политико-воспитательной работой с военнослужащими Красной армии в период Великой Отечественной войны. Оно функционировало одновре-

менно как центральный орган управления Наркомата обороны СССР и как военный отдел ЦК РКП(б)/ВКП(б). Военные политорганы занимались политическим воспитанием личного состава в целях укрепления его морально-боевых качеств и совершенствованием армейской партийно-комсомольской организации для усиления партийного влияния на армейский организм.

В ряду многочисленных задач ведомства в период войны оказалась и та, к которой к началу войны оно оказалось не готово. Речь идет о национальном вопросе, чрезвычайно обострившемся в связи с мобилизацией большого числа граждан, плохо владевших или вовсе не владевших русским языком, нередко малограмотных и религиозных. По самой общей оценке военного ведомства, с начала войны по 1 апреля 1942 г. в ряды советских войск было призвано 1,15 млн граждан неславянских национальностей [23]. Военное обучение и боевое применение таких контингентов оказалось непростой задачей. Курс национальной политики в войсках в значительной мере определялся руководством военно-политического ведомства. В данной статье рассмотрены личные позиции и решения по национальному вопросу начальников Главного политуправления РККА в годы войны – Л.З. Мехлиса и сменившего его в июне 1942 г. А.С. Щербакова.

Методы и материалы. В исследовании применены общенаучные методы, а также историко-системный, историко-генетический, сравнительно-исторический.

Историография темы. Высоким научным качеством обладает биография Л.З. Мехлиса, разработанная В.Ю. Рубцовым [18; 19]. Деятельности Мехлиса на посту начальника военно-политического ведомства посвящен ряд статей [2; 10]. Биография А.С. Щербакова еще ждет научного осмысления. В противоположность Мехлису в советской историографии его представляли спокойным, рассудительным, обязательным, ответственным [7; 13; 14]. Продолжается его апология и в современной литературе [6, с. 60]. Из крупных работ существует пока только биография, написанная А.Н. Пономаревым [14], весьма слабая в источниковом отношении. В целом в перечисленной литературе не выявлены позиции и решения руководителей военно-политического ведомства по национальному вопросу в Красной армии в годы войны. Частично вопрос затрагивался в работах автора этой статьи [3, с. 456–503; 11, с. 209–238], однако акцентированного исследования до сих пор не предпринято.

Источниками исследования послужили архивные и опубликованные документы. Из архивных источников стоит упомянуть

материалы личного фонда А.С. Щербакова в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, ф. 88) и фонда Главного политического управления РККА в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ, ф. 32). Среди опубликованных источников особого внимания заслуживают фундаментальные сборники документов о деятельности ГлавПУРККА [20] и ЦК ВКП(б) [32], позволившие уточнить линию военно-политического руководства страны в области проведения национальной политики в Вооруженных силах СССР. В работе также использованы мемуары нескольких высокопоставленных политработников, журналистов и писателей, среди которых заслуживают особого упоминания содержательные воспоминания бывшего начальника управления кадров ГлавПУРККА Н.В. Пупышева [16].

Анализ. С начала войны и до 4 июня 1942 г. должность начальника Главного управления политической пропаганды РККА (с 17 июля 1941 г. – Главное политическое управление РККА) занимал армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис, чья военная карьера была неоднократно скомпрометирована серьезными провалами в работе. Не будучи вхожим в ближайший круг Сталина, тем не менее, безусловно, он являлся его доверенным лицом. Мехлис обладал взрывным характером, был склонен к штурмовщине, нервной, лихорадочной деятельности, не чурался угроз и репрессий.

Персональная позиция Л.З. Мехлиса по национальному вопросу в Красной армии представляется вполне однозначной. Заняв должность начальника военно-политического ведомства в конце 1937 г. (тогда оно именовалось Политуправлением РККА), Мехлис оказался на самом гребне «новоимперской» идеологии, венчавшейся концептом «русские – старшие братья в семье советских народов». Между тем проблема социальной и языковой адаптации военнослужащих нерусской национальности определилась уже накануне войны, когда в 1939 и 1940 гг. прошли первые массовые военные призывы в союзных республиках Средней Азии и Закавказья. В Красную армию хлынул многотысячный поток людей, не знавших русского языка (в национальной школе он или не преподавался, или препода-

вался вторым или третьим языком). Накануне войны обошлись рядом паллиативных решений, не сдвинувших с места решение национального вопроса в армии.

С первых дней войны Л.З. Мехлис стал выразителем патриотической русофильской и славянофильской линии в армейской пропаганде. Он сосредоточил внимание своего ведомства на пропаганде русской истории, культуры, особенно военной истории и воинских традиций. Катастрофическое начало войны оказалось не лучшим временем для системных, взвешиваемых решений. Мехлис был убежден в том, что лучший способ поднять боеспособность необстрелянных дивизий – это «бросить их в бой» [31]. Следуя этой парадигме, он «спрямлял углы», не принимая во внимание национальные, социальные, возрастные и иные особенности контингента красноармейцев.

С 20 января 1942 г. в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования, сохраняя за собой должность начальника ГлавПУРКА, Мехлис был командирован на Крымский фронт, где оказался лицом к лицу перед сложнейшими проблемами, связанными с многонациональным составом Красной армии, и начал, что называется, прозревать. Крымский фронт был образован в конце 1941 г. путем выделения из Кавказского фронта, поэтому в его составе числилось 12 стрелковых соединений, частично или полностью укомплектованных бойцами закавказских национальностей. На 20 февраля 1942 г. их численность достигала 47,8 тыс. чел., или 35 % от всего личного состава фронта [22, л. 8]. Мехлис неоднократно просил Сталина заменить уроженцев Кавказа русскими [8]. Поняв, что избавиться от них не получится, Мехлис, с присущей ему кипучей энергией, приступил к организационным и воспитательным мероприятиям, используя для этого выдавшийся длительный период относительного затишья (февраль – апрель 1942 г.). Для начала кавказские военнослужащие были перегруппированы по национальностям, в результате чего были образованы три почти однородно национальные дивизии: 224-я грузинская, 390-я армянская и 396-я азербайджанская.

Мехлис подключил все служебные и личные связи. Так, он хлопотал перед ближайшим помощником Сталина секретарем ЦК ВКП(б)

Г.М. Маленковым о направлении кандидатов на должности командиров национальных дивизий, намеченных военным советом Крымского фронта [25]. У партийных лидеров закавказских республик он просил содействия в изыскании политработников и командиров среднего звена (взвод, рота, батальон) [26]. В итоге в каждую из трех национальных дивизий было командировано в среднем по 70 ответственных руководящих партийных и советских работников, которые были назначены на должности политсостава. От начальника Главного управления формирования и укомплектования войск (далее – Главупраформ) Красной армии, армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко Мехлис добился присылки шести маршевых рот «отборного состава грузин и армян, понимающих русский язык, прежде всего коммунистов и комсомольцев». Также он и его просил о выделении 50 командиров армянской, азербайджанской и грузинской национальностей [29].

Именно в Крыму Мехлис впервые с начала войны стал принимать меры по налаживанию политико-воспитательной работы с военнослужащими нерусской национальности. В феврале 1942 г. в телеграфных переговорах с главным редактором «Красной звезды» Д.И. Ортенбергом он наставлял: с одной стороны, необходимо «продолжать пропаганду о задачах немцев покорить славян и все народы СССР, сделать их рабами», а с другой стороны, стоит учитывать, что «мы позабыли борьбу немцев за покорение Кавказа, их стремление к богатствам закавказских народов. Враждебные элементы не прочь представить, что немцы только якобы русских ненавидят, а мы можем быть нейтральными...» [28].

11 марта 1942 г. по инициативе Мехлиса были учреждены национальные газеты для вновь сформированных национальных дивизий [15]. «Главное – обеспечить, чтобы газета не попала в руки буржуазного националиста или пораженца», – предупреждал Мехлис своего заместителя по ГлавПУРКА Ф.Ф. Кузнецова [30]. Во всех частях национальных дивизий была введена должность политрука взвода, причем на эти должности назначались исключительно национальные кадры.

В то же время Мехлис не забывал и о привычных для него репрессивных методах,

требуя перевести на грузинский, армянский и азербайджанский языки закон о каре изменников родины, издать большим тиражом и довести до каждого бойца. «Самое важное, что должен знать боец, – о репрессии в отношении семьи», – переживал он [27].

Как видно, преобразования Мехлиса в области национального вопроса носили реактивный характер: они были непосредственно вызваны возникшими на Крымском фронте затруднениями. Сложно сказать, был бы этот эмпирический опыт масштабирован на всю Красную армию, если бы 4 июня 1942 г., едва прибыв в Москву из Крыма, Мехлис не лишился поста начальника Главного политуправления РККА и не был понижен в звании до корпусного комиссара.

12 июня его место занял секретарь ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков. На этой должности он находился до самого Дня Победы и скончался от тяжелой болезни на следующий день – 10 мая 1945 года.

Щербаков – партийный функционер, прежде не связанный с военной службой. В конце 1930-х гг. он быстро продвигался по служебной лестнице, с 1938 г. работая секретарем Московского областного и городского комитетов ВКП(б). К моменту назначения на должность заместителя наркома обороны и начальника Главного политуправления он уже имел целый «куст» идеологических должностей: непосредственно накануне войны он был избран секретарем ЦК ВКП(б) и в этом качестве курировал деятельность Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а также непосредственно руководил Совинформбюро. В целом в его руках были сосредоточены вопросы пропаганды и агитации, средств массовой информации, народного просвещения, искусства, кино, радиовещания, книгоиздания и т. д.

В молодости судьба забросила Щербакова в Среднюю Азию, где он организовывал комсомольские ячейки. Там он общался с местным населением, приобретая определенный багаж бытовых наблюдений и впечатлений о регионе. Этот короткий опыт позволил Щербакову считать себя компетентным в национальном вопросе («Я работал среди национальностей...») [24, л. 10]. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что в первые военные месяцы Щербакову неоднократно

но приходилось решать самые разные вопросы из республик РСФСР и СССР, стекавшие к нему, как к секретарю ЦК ВКП(б).

Так или иначе, национальный вопрос наконец вошел в повестку дня военно-политического ведомства. Уже в июне 1942 г. работа с нерусскими бойцами обсуждалась на незадолго до этого созданном Совете военно-политической пропаганды при ГлавПУР-ККА, а 6 июля 1942 г. – на Всеармейском совещании членов военных советов и начальников политуправлений фронтов. Щербаков не раз критиковал подходы к национальному вопросу своего предшественника, впрочем никогда не персонализируя свои претензии. В частности, в августе 1943 г. он отмечал, что на первом этапе войны «длительное время политическая работа среди бойцов и командиров [нерусской национальности] была у нас организована очень плохо»; «а когда эту работу вели, то стригли всех под одну гребенку, не учитывая обычаев, уклада национальной жизни т. д.» [24]. В результате бойцы нерусской национальности оказывались выключенными из жизни воинской части, ощущали себя заброшенными, предоставленными самим себе; до них не доводилась актуальная информация о положении на фронтах и в тылу [17]. Следствием этого становились низкая боеспособность соединений, укомплектованных нерусскими военнослужащими и распространение среди них воинских преступлений (членовредительство, дезертирство, сдача в плен).

По воспоминаниям занимавшего в 1942 г. должность начальника управления кадров ГлавПУРККА Н. В. Пупышева, национальная тема была в этот момент совершенно новой для аппарата военно-политического ведомства: «Мы конечно же знали, что бойцы нерусской национальности имеются на всех фронтах. Но сколько их на том или ином фронте?» [16, с. 96]. Был сделан соответствующий запрос в Главупраформ Красной армии, после чего выяснилось, что «люди нерусской национальности кое-где составляют до 30 процентов личного состава частей» [16, с. 97]. Главупраформ в первой половине 1942 г. также имел лишь приблизительные цифры на этот счет, в чем честно и признался. Согласно полученной справке, к 1 апреля 1942 г. было при-

звано 264 тыс. грузин, 236 тыс. азербайджанцев, 102 тыс. армян, 150 тыс. узбеков, 120 тыс. казахов и т. д. В мае 1942 г. планировалось призвать еще 100 тыс. узбеков и 50 тыс. казахов [23].

Для изучения состояния партийно-политической работы с нерусскими военнослужащими группы работников были направлены на Калининский, Северо-Кавказский и Сталинградский фронты. Они подтвердили «предположение начальника ГлавПУРККА: работа с бойцами нерусской национальности недооценивалась» [16, с. 97].

С лета 1942 г. по распоряжению Щербакова и под его непосредственным руководством велась разработка программного документа, нацеленного на организацию и упорядочение всей воспитательной работы с военнослужащими нерусской национальности. По воспоминаниям Н.В. Пупышева, работа над документом «давалась трудно»: «Работали мы коллективно, И.В. Шикин дважды докладывал проект начальнику ГлавПУ. И лишь на третий раз, с некоторыми поправками, директива была подписана» [16, с. 97]. Речь идет о директиве от 17 сентября 1942 г. № 012 «О воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности», действовавшей на протяжении всей войны и регламентировавшей все стороны политико-воспитательной работы с военнослужащими нерусских национальностей. Эта работа была объявлена приоритетной для политорганов всех уровней. Политуправления фронтов и армий должны были наладить агитационную работу с этим контингентом, пропагандируя дружбу народов СССР. Для этого вводились внештатные должности заместителей политруков рот и агитаторов со знанием языков основной массы личного состава. Также директива требовала организовать переводы и публикацию газет, листовок, брошюр. Всему личному составу Красной армии воспрещались любые проявления национализма и неприязни по национальному признаку. Внедрение родных языков в повседневную политико-воспитательную работу, пожалуй, стало стержневым элементом директивы № 012 [8].

Кроме этой директивы последовали указания начальника военно-политического ведомства о сборе и популяризации материалов о подвигах воинов нерусской национальности,

об организации национальных отделений при фронтовых курсах подготовки политсостава, о присылке из союзных республик части тиража газет, брошюр, книг и прочей печатной продукции для адресного распределения их в войсках и т. д. [5, с. 46].

А.С. Щербаков взял под контроль выполнение директивы № 012, особенно в войсках, действовавших на Кавказе – одном из участков советско-германского фронта, где осенью 1942 г., без преувеличения, решался исход войны. В октябре 1942 г., по его распоряжению, на Закавказский фронт была отправлена группа агитаторов ГлавПУРККА во главе с бригадным комиссаром В.П. Ставским. Группа провела более 100 агитационных бесед с бойцами и политработниками, одновременно знакомясь с состоянием партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы. Бригада ГлавПУРККА, работавшая до 14 ноября 1942 г. в основном в войсках Северной группы войск Закавказского фронта, чьи войска более чем на 40 % были укомплектованы коренными уроженцами Кавказа [4, с. 235], оценила выполнение директивы № 012 как неудовлетворительное. Несмотря на категорический запрет, в штабах и окопах продолжало процветать пренебрежительное, шовинистское в своей сути отношение к нерусским бойцам. Агитационно-пропагандистская работа велась в отрыве от местного материала, пополнения из кавказских народов плохо интегрировались в воинский коллектив из-за языкового барьера и отсутствия внимания к ним со стороны командиров и политработников. Комиссия обратила внимание и на плохие бытовые условия. Директива № 012 в ряде национальных дивизий не выполнялась и даже не была доведена до командно-политического состава [9, с. 206; 21, с. 108–109].

Эти обстоятельства заставили Главное политуправление вновь активизировать работу, сделав акцент на улучшении быта бойца. 16 января 1943 г. вопросы материально-бытового обслуживания красноармейцев обсуждались на специальном заседании Совета военно-политической пропаганды при ГлавПУРККА под председательством А.С. Щербакова. Большое место в дискуссии было уделено бойцам нерусской национальности. 24 января 1943 г. чле-

ну военного совета Закавказского фронта генерал-майору П.И. Ефимову и начальнику Политуправления фронта генерал-майору К.Л. Сорокину была направлена новая директива № 01 «О недостатках в агитационно-пропагандистской работе в Черноморской и Северной группах». В ней А.С. Щербаков вновь констатировал «крупные недостатки» в воспитательной и партийной работе в частях фронта: казенность подходов и оторванность от национального состава бойцов, широкое распространение националистических выпадов в их отношении, которое, в свою очередь, «порождает факты дезертирства, членовредительства и даже перехода на сторону врага наименее устойчивых бойцов нерусской национальности» [9]. В директиве особо подчеркивалось отсутствие заботы командиров и политработников о питании, обмундировании и условиях проживания в землянках бойцов нерусской национальности, в связи с чем указывалось на то, что «от того, как боец одет, обут и накормлен, как организован его отдых, во многом зависит боеспособность войск» [9, с. 208]. Кроме бытовой стороны дела, начальник ГлавПУРККА обязывал политорганы Закавказского фронта решительно пресекать все проявления национализма и шовинизма, усилить разъяснительную, пропагандистскую и просветительскую работу как с бойцами нерусской национальности, так и с русским личным составом.

В первой половине 1943 г. воспитательная работа с военнослужащими нерусской национальности развернулась в полную силу. Безусловно, положительное влияние оказывали грандиозные стратегические успехи Красной армии на южном участке советско-германского фронта: разгром вражеских армий под Сталинградом и изгнание противника с большей части территории Северного Кавказа, прорыв блокады Ленинграда. Все эти долгожданные события поднимали боевой настрой бойцов.

Продолжилась реализация директивы начальника Главного политуправления РККА № 012-1942 г. По распоряжению А.С. Щербакова, для работы с нерусскими военнослужащими в составе отдела агитации Управления пропаганды и агитации ГлавПУРККА было

организовано отделение с политработниками-националами, среди которых были литературные и научные работники, преподаватели, аспиранты. Их задачей был сбор в войсках, изучение и обобщение опыта политико-воспитательной работы с нерусскими военнослужащими. Они делились опытом других фронтов, для чего проводили лекции и семинары для политработников и агитаторов. Работники отделения осуществляли квалифицированный перевод военной и пропагандистской литературы и периодики, в частности методического издания «Блокнот агитатора» [1, с. 10].

В марте и июле 1943 г. все фронтовые политуправления отчитывались заместителю начальника Главного политуправления генерал-майору И.В. Шикину о результатах реализации директивы № 069.

Своего рода апогеем партийно-политической работы с нерусскими военнослужащими стало проходившее в течение 20 дней в июле и августе 1943 г. в Москве совещание (сборы) фронтовых и окружных агитаторов, работавших с бойцами нерусской национальности, которое стало самым значительным за годы войны форумом для обмена опытом в этой области. В мероприятии участвовало 192 агитатора-фронтвика 24 национальностей. Все они являлись штатными работниками политорганов дивизий, армий и фронтов [12]. Готовясь к совещанию, Щербаков затребовал в Управлении агитации и пропаганды ГлавПУРККА подробную справку с объективной картиной политической работы с красноармейцами нерусских национальностей. 7 августа 1943 г. А.С. Щербаков выступил перед делегатами совещания, наметив пути развития воспитательной работы с нерусскими военнослужащими на завершающем этапе войны. Констатировав, что принципиальные проблемы уже преодолены, Щербаков настаивал на углублении этой работы, понимая под этим усиление гибкости и разнообразия методов и подходов («пусть форм [политработы] будет побольше и они будут разнообразнее»). Теперь эта работа должна была быть доведена до самых мелких и даже до единичных бойцов-националов в подразделениях, а также до национальностей, представленных в армии в относительно незначительных количествах, например марийцев, мордвин, якутов, осетин и т. д. Среди сохраняющихся не-

достатков Щербаков отметил формальное распределение литературы и прессы на языках народов СССР без учета национального состава войск, отдельные факты грубости и шовинистских проявлений со стороны русских командиров, слабую постановку работы по изучению русского языка и ряд других [24]. Однако в целом тон выступления Щербакова был оптимистичным, тем более что вновь советские войска добились большого успеха на фронте: шло контрнаступление на Курской дуге.

Кроме успехов на фронте политорганам сопутствовал еще один важный фактор: осенью 1943 г. был отсрочен очередной призыв молодежи 1926 г. р. коренных национальностей Средней Азии и Закавказья, а военнообязанные старших возрастов вовсе перестали призываться в Красную армию. Приток людей этих национальностей заметно сократился, а удельный вес в войсках падал: если 1 июля 1943 г. он составлял 8,55 % от всего личного состава Красной армии, то на 1 января 1944 г. – 6,35 %, а на 1 января 1945 г. – 4,45 %. В абсолютных значениях их количество упало с 988 тыс. человек в июле 1943 г. до 539,3 тыс. человек в январе 1945 г. [11, с. 234]. Таким образом, актуальность работы с новым пополнением отпала сама собой. В то же время остававшиеся фронтовики нерусской национальности набирались опыта и сами становились наставниками молодому поколению. Тем не менее специальная политико-воспитательная работа с военнослужащими нерусских национальностей велась вплоть до окончания войны [11, с. 234–236]. Н.В. Пупышев вспоминал об А.С. Щербакове: «В течение всей войны начальник Главного политуправления Красной армии держал в поле зрения вопросы воспитания воинов нерусской национальности. При инструктировании групп офицеров, выезжавших в войска, при заслушивании докладов руководителей политорганов на Совете военно-политической пропаганды, при личных встречах с политработниками из действующей армии он всякий раз интересовался состоянием агитации, глубиной ее воздействия на бойцов из союзных республик» [16, с. 186].

Выводы. Изучение документальной базы показало, что в годы Великой Отечественной войны содержание, формы и методы партийно-политической работы не были

постоянной величиной. Они корректировались в зависимости от объективных и субъективных факторов. Среди последних одними из наиболее значимых были личные позиции руководителей военно-политического ведомства. В первый период войны жесткий централизм в работе партийно-политического аппарата становился причиной нередких пробуксовок, проявлений формализма, бюрократизма и равнодушия в работе с военнослужащими нерусской национальности. В значительной степени этот подход диктовал начальник Главного политуправления Л.З. Мехлис. Однако ему пришлось проявить гибкость и инициативность в Крыму, где он вплотную столкнулся с национальной проблемой.

Коренные изменения в постановке политико-воспитательной работы с нерусскими военнослужащими назрели к весне 1942 г., а были реализованы уже под руководством нового начальника военно-политического ведомства А.С. Щербакова. Он сумел подойти к решению накопившихся проблем системно и настоял на выполнении своих требований, несмотря на сильную инерцию на местах. Результатом стало постепенное выравнивание боевых качеств военнослужащих всех национальностей, чему способствовали и благоприятные объективные факторы: коренной перелом в войне, сокращение численности в войсках коренных уроженцев Средней Азии и Закавказья, приобретение военных навыков и боевого опыта военнослужащими нерусской национальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аманжолов С. Опыт политико-воспитательной работы в действующей армии. Усть-Каменогорск: [б. и.], 2010. 115 с.
2. Анфилов В. А. Мастер «теневой» политики из окружения И.В. Сталина // Военно-исторический журнал. 2001. № 3. С. 85–87.
3. Безугольный А. Ю. Опыт строительства Вооруженных Сил СССР: национальный аспект (1922–1945 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019. 597 с.
4. Безугольный А. Ю. Национальный состав Красной армии, 1918–1945. Историко-статистическое исследование. М.: Центрполиграф, 2021. 511 с.
5. Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Т. 3. Национальные формирования Красной армии / авт.-сост. А. М. Соколов. М.: Воевода, 2015. 544 с.

6. Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил Российской Федерации в зеркале истории и современности. М.: Красная Звезда, 2019. 336 с.
7. Гореликов Н. Е. Военно-политическая деятельность А.С. Щербакова в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 20 с.
8. Директива ГлавПУРККА № 012 начальникам политуправлений фронтов, округов о воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности. 17 сентября 1942 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17 (6). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. Документы и материалы. М.: Терра, 1996. С. 173–175.
9. Директива ГлавпуРККА № 01 о недостатках в агитационно-пропагандистской и организационно-партийной работе в Черноморской и Северной группах. 24 января 1943 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17 (6). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. Документы и материалы. М.: Терра, 1996. С. 206–208.
10. Жуков Д. А. Л.З. Мехлис: «Вы коммунист и обязаны уметь вести пропаганду, чтобы морально обессилить противника»: советская спецпропаганда в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 2008. № 2. С. 38–42.
11. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2022. 428 с.
12. Материалы Совещания (сборов) фронтовых и окружных агитаторов, работающих с бойцами нерусской национальности // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 964. Л. 3.
13. Павлов Д. Человек действия: о деятельности секретаря МК ВКП(б) А.С. Щербакова в годы войны // Москва. 1988. № 4. С. 173–176.
14. Пономарев А. Н. Александр Щербаков: страницы биографии. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2004. 342 с.
15. Приказ начальника Главного политического управления РККА № 01131/п от 11.03.1942 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 11309. Д. 155. Л. 35.
16. Пупышев Н. В. В памяти и в сердце. М.: Воениздат, 1986. 278 с.
17. Работа с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности. Калининский фронт. 5 февраля 1943 г. // ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11318. Д. 61. Л. 15.
18. Рубцов Ю. В. Политическая и военная деятельность Л.З. Мехлиса, 1919–1950 гг.: Историческое исследование: дис... д-ра ист. наук. М., 2001. 489 с.
19. Рубцов Ю. В. Мехлис. Тень вождя. М.: Вече, 2011. 379 с.
20. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942. Т. 16 (5–2)/под общ. ред. В. А. Золотарева. М.: ТЕРРА, 1996. 624 с.
21. Синицын Ф. Л. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. М.: Центрполиграф, 2018. 543 с.
22. Справка о национальном составе соединений Крымского фронта по состоянию на 20 февраля 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 18. Л. 8–9.
23. Справка Управления мобилизации и укомплектования армии. Без даты // ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 59. Л. 179.
24. Стенограмма выступления А.С. Щербакова на совещании агитаторов среди бойцов нерусской национальности. 7 августа 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 967. Л. 1–15.
25. Телеграмма Л.З. Мехлиса – Г.М. Маленкову от 07.02.1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 155. Л. 80–82.
26. Телеграмма Л.З. Мехлиса в ЦК КП(б)Аз М.Д. Багирову от 18.02.1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 148. Л. 97.
27. Телеграмма Л.З. Мехлиса Военным советам 44, 47, 51-й армий от 17.02.1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 155. Л. 55.
28. Телеграмма Л.З. Мехлиса Д.И. Ортенбергу. Февраль 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 155. Л. 22.
29. Телеграмма Л.З. Мехлиса Е.А. Щаденко от 2 марта 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 148. Л. 122.
30. Телеграмма Л.З. Мехлиса Ф.Ф. Кузнецову от 23 февраля 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 155. Л. 36.
31. Телеграмма Л.З. Мехлиса члену Военного совета 39-й армии. Ноябрь 1941 г. // ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 98. Л. 93.
32. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.

REFERENCES

1. Amanzholov S. *Opyt politiko-vospitatelnoj raboty v dejstvujushhej armii* [Experience of Political and Educational Work in the Active Army]. Ust-Kamenogorsk, s.n., 2010. 115 p.
2. Anfilov V.A. Master “tenevoj” politiki iz okruzenija I. V. Stalina [Master of “Shadow” Politics from the Entourage of I. V. Stalin]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 2001, no. 3, pp. 85–87.

3. Bezugolny A.Yu. *Opyt stroitelstva Vooruzhennyh Sil SSSR: nacionalnyj aspekt (1922–1945 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk* [Experience of Building the Armed Forces of the USSR: National Aspect (1922–1945). Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 2019. 597 p.

4. Bezugolny A.Yu. *Nacionalnyj sostav Krasnoj armii, 1918–1945. Istoriko-statisticheskoe issledovanie* [National Composition of the Red Army, 1918–1945. Historical and Statistical Research]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2021. 511 p.

5. Sokolov A.M., ed. *Velikaja Otechestvennaja vojna. 1941–1945. Dokumenty i materialy. T. 3. Nacionalnye formirovaniya Krasnoj armii* [Great Patriotic War. 1941–1945. Documents and Materials. Vol. 3. National Formations of the Red Army]. Moscow, Voevoda Publ., 2015. 544 p.

6. *Glavnoe voenno-politicheskoe upravlenie Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii v zerkale istorii i sovremennosti* [Main Military-Political Directorate of the Armed Forces of the Russian Federation in the Mirror of History and Modernity]. Moscow, Krasnaja Zvezda Publ., 2019. 336 p.

7. Gorelikov N.E. *Voenno-politicheskaja dejatel'nost' A.S. Shcherbakova v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (ijun 1941 – maj 1945 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Military and Political Activity of A. S. Shcherbakov During the Great Patriotic War (June 1941 – May 1945). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 1983. 20 p.

8. Direktiva GlavPURKKA № 012 nachal'nika politupravlenij frontov, okrugov o vospitatel'noj rabote s krasnoarmejcami i mladshimi komandirami nerusskoj nacionalnosti. 17 sentjabrja 1942 g. [Directive of the GlavPURKKA to the Heads of the Political Departments of the Fronts, Districts on Educational Work with Red Army Soldiers and Junior Commanders of Non-Russian Nationality. September 17, 1942]. *Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. T. 17 (6). Glavnye politicheskie organy Vooruzhennyh sil SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy* [Russian Archive: Great Patriotic War. Vol. 17 (6). Main Political Bodies of the Armed Forces of the USSR in the Great Patriotic War, 1941–1945. Documents and Materials]. Moscow, Terra Publ., 1996, pp. 173–175.

9. Direktiva GlavPURKKA № 01 o nedostatkah v agitacionno-propagandistskoj i organizacionno-partijnoj rabote v Chernomorskoj i Severnoj gruppah. 24 yanvarja 1943 g. [Directive of the GlavPURKKA on the Shortcomings in Agitation, Propaganda and Organizational Party Work in the Black Sea and Northern Groups. Jan. 24, 1943]. *Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. T. 17 (6). Glavnye politicheskie organy Vooruzhennyh sil SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy* [Russian Archive: Great Patriotic War. Vol. 17 (6). Main Political Bodies of the Armed Forces of the USSR in the Great

Patriotic War, 1941–1945. Documents and Materials]. Moscow, Terra Publ., 1996, pp. 206–208.

10. Zhukov D.A. L.Z. Mehlis: «*Ųy kommunist i objazany umet vesti propagandu, chtoby moral'no obessilit protivnika*»: *sovetskaja specpropaganda v predvoennye gody* [L.Z. Mehlis: “You Are a Communist and Must Be Able to Conduct Propaganda in Order to Morally Weaken the Enemy”: Soviet Special Propaganda in the Pre-War Years]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 2008, no. 2, pp. 38–42.

11. *Narody SSSR na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny: statisticheskoe i voenno-antropologicheskoe issledovanie* [Peoples of the USSR on the Fronts of the Great Patriotic War: Statistical and Military Anthropological Research]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN Publ., 2022. 428 p.

12. *Materialy Soveshhanija (sborov) frontovyh i okruzhnyh agitatorov, rabotajushhij s bojcami nerusskoj nacionalnosti* [Proceedings of the Meeting of Front-Line and District Agitators Working with Fighters of Non-Russian Nationality]. *Rossiyskij gosudarstvennyj arhiv sotsialno-politicheskoy istorii (daleye – RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 88, inv. 1, d. 964, l. 3.

13. Pavlov D. Chelovek dejstvija: o dejatel'nosti sekretarja MK VKP(b) A.S. Shcherbakova v gody vojny [Man of Action: On the Activities of the Secretary of the MK VKP(b) A.S. Shcherbakov During the War]. *Moskva*, 1988, no. 4, pp. 173–176.

14. Ponomarev A.N. *Aleksandr Shcherbakov: stranicy biografii* [Alexander Shcherbakov: Pages of Biography] Moscow, Izd-vo Glavarhiva Moskv, 2004. 342 p.

15. Prikaz nachal'nika Glavnogo politicheskogo upravlenija RKKA № 01131/p ot 11.03.1942 g. [Order of the Head of the Main Political Directorate of the Red Army No. 01131/p Dated Mar. 11, 1942]. *Tsentralnyj arhiv Ministerstva oborony RF (daleye – TsAMO RF)* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 32, inv. 11309, d. 155, l. 35.

16. Pupyshv N.V. *Vpamyati i v serdce* [In Memory and in the Heart]. Moscow, Voenizdat, 1986. 278 p.

17. *Rabota s krasnoarmejcami i mladshimi komandirami nerusskoj nacionalnosti. Kalininskij front. 5 fevralja 1943 g.* [Work with Red Army Soldiers and Junior Commanders of Non-Russian Nationality. Kalinin Front. February 5, 1943]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 32, inv. 11318, d. 61, l. 15.

18. Rubcov Ju.V. *Politicheskaja i voennaja dejatel'nost' L.Z. Mehlisa, 1919–1950 gg.: Istoricheskoe issledovanie: dis. ... d-ra ist. nauk.* [Political and Military Activities of L.Z. Mehlis, 1919–1950: Historical Research. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 2001. 489 p.

19. Rubcov Ju.V. Mehlis. *Ten vozhdja* [Mehlis. Shadow of the Leader]. Moscow, Veche Publ., 2011. 379 p.
20. Zolotarev V.A., ed. *Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja: Stavka VGK: Dokumenty i materialy: 1942. T. 16 (5–2)* [Russian Archive: Great Patriotic War: Headquarters of the VGK: Documents and Materials: 1942. Vol. 16 (5–2)]. Moscow, TERRA Publ., 1996. 624 p.
21. Sinicyn F.L. *Sovetskaja nacija i vojna. Nacionalnyj vopros v SSSR. 1933–1945* [Soviet Nation and the War. National Question in the USSR. 1933–1945]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2018. 543 p.
22. Spravka o nacionalnom sostave soedinenij Krymskogo fronta po sostojaniju na 20 fevralja 1942 g. [Information on the National Composition of the Formations of the Crimean Front as of February 20, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 215, inv. 1185, d. 18, l. 8–9.
23. Spravka Upravleniya mobilizatsii i komplektovaniya armii. Bez daty [Information of the Department of Mobilization and Staffing of the Army. Undated]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 32, inv. 11302, d. 59, l. 179.
24. Stenogramma vystuplenija A.S. Shherbakova na soveshhanii agitatorov sredi bojcov nerusskoj nacionalnosti. 7 avgusta 1943 g. [Transcript of A.S. Shcherbakov's Speech at a Meeting of Agitators Among Fighters of Non-Russian Nationality. August 7, 1943]. *RGASPI* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 88, inv. 1, d. 967, l. 1–15.
25. Telegramma L.Z. Mehlisa – G.M. Malenkovu ot 07.02.1942 g. [Telegram of L.Z. Mehlis – G.M. Malenkov Dated Feb. 7, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 32, inv. 11309, d. 155, l. 80–82.
26. Telegramma L.Z. Mehlisa v CK KP(b)Az M.D. Bagirovu ot 18.02.1942 g. [Telegram of L.Z. Mehlis to the Central Committee of the KP(b)Az M.D. Bagirov from Feb. 18, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 32, inv. 11309, d. 148, l. 97.
27. Telegramma L.Z. Mehlisa Voennym sovetam 44, 47, 51-j armij ot 17.02.1942 g. [Telegram of L.Z. Mehlis to the Military Councils of the 44th, 47th, 51st Armies from Feb. 17, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 32, inv. 11309, d. 155, l. 55.
28. Telegramma L.Z. Mehlisa D.I. Ortenbergu. Fevral 1942 g. [Telegram from L.Z. Mehlis to D.I. Ortenberg. February 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 32, inv. 11309, d. 155, l. 22.
29. Telegramma L.Z. Mehlisa E.A. Shhadenko ot 2 marta 1942 g. [Telegram of L.Z. Mehlis E.A. Schadenko Dated March 2, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 32, inv. 11309, d. 148, l. 122.
30. Telegramma L.Z. Mehlisa F.F. Kuznecovu ot 23 fevralja 1942 g. [Telegram of L.Z. Mehlis to F.F. Kuznetsov Dated February 23, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 32, inv. 11309, d. 155, l. 36.
31. Telegramma L.Z. Mehlisa chlenu Voennogo soveta 39-j armii. Nojabr 1941 g. [Telegram from L.Z. Mehlis to a member of the Military Council of the 39th Army. Nov 1941]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 32, inv. 11309, d. 98, l. 93.
32. *CK VKP(b) i nacionalnyj vopros. Kn. 2. 1933–1945* [Central Committee of the CPSU(b) and the National Question. Book 2. 1933–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 1095 p.

Information About the Author

Alexey Yu. Bezugolny, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Modern and Contemporary History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, besu111@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>

Информация об авторе

Алексей Юрьевич Безугольный, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, besu111@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.11>

UDC 93/94

LBC 63.3(0)62

Submitted: 16.09.2024

Accepted: 29.12.2024

THE ECONOMY AND EVERYDAY NUANCES OF MILITARY LIFE: FOOD SUPPLY FOR THE WORKERS' AND PEASANTS' RED ARMY (RKKA) FROM 1941 TO 1945

Khasan B. Babadjanov

Kimyo International University in Tashkent, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Aziz K. Abdullaev

University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. *Introduction.* The article delves into the food supply of the Workers' and Peasants' Red Army in 1941–1945 in the prism of the everyday life of soldiers and officers. The sustenance of the military forces plays a crucial role in influencing their immediate combat effectiveness during military engagements. Due to the all-round tragic situation at the warfront in the early period of the war, there was a need for immediate reorganization of the material and technical system, especially the food supply system of the Red Army. Even in the key stages of the war, changes were constantly made in the system of supplying the army with food products. The changes were reflected in the standards of food products for soldiers and officers and in the organization of the army's supply mechanism. *Methods and materials.* The problem studied in the article is considered from different perspectives. In examining the daily experiences at the front during the war, a variety of source levels are employed. The research extensively utilizes oral history and written accounts, including diaries, letters, and memoirs of war participants, to gain insights into everyday life directly at the warfront and the mood in the army, in addition to various laws and norms dealing with food supply. On the other hand, army life is subject to different regulations. The article also includes a partial comparative analysis. The organization of food supply in the Soviet and fascist German armies in 1941–1945, the norms of supply in the two armies are studied. *Analysis.* During the war, military servicemen's daily life at the warfront, including food supply, was organized on the basis of various legal documents. In this regard, legal documents (resolutions, orders, and reports from the government authorities responsible for supplying the army with food products, etc.) were also used to reveal these aspects of the issue. The use of the above-mentioned sources in the article allows a comprehensive approach to the problem of food supply to the Red Army in 1941–1945. That is, the introduction of legislation and security mechanisms is directly compared with the memories of military personnel who were witnesses and participants of these events. *Results.* Considering the growing interest of historians in everyday life and the food supply of the army, which is an important part of the history of the Second World War, it should be noted that the work in this direction has only started. *Authors' contribution.* Kh.B. Babadjanov, together with A.K. Abdullaev, examined the scientific literature, as well as oral history materials, and came to conclusions on the topic. By carefully examining historical materials, Kh.B. Babadjanov was able to describe the features of everyday life and military routine, using the example of food supplies for the Red Army (RKKA) of workers and peasants from 1941 to 1945. A.K. Abdullaev contributed to the data summary and analysis of the available statistics.

Key words: food supply of the army, intendant service, food norms, local resources, captured product, Workers' and Peasants' Red Army, "babkin attestat".

Citation. Babadjanov Kh.B., Abdullaev A.K. The Economy and Everyday Nuances of Military Life: Food Supply for the Workers' and Peasants' Red Army (RKKA) from 1941 to 1945. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 136-148. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.11>

УДК 93/94
ББК 63.3(0)62

Дата поступления статьи: 16.09.2024
Дата принятия статьи: 29.12.2024

ЭКОНОМИКА И ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ (РККА) В 1941–1945 ГОДАХ

Хасан Бахтиёрович Бабаджанов

Ташкентский международный университет Кимё, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Азиз Курбанович Абдуллаев

Университет мировой экономики и дипломатии, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается организация и функционирование системы продовольственного обеспечения Рабоче-крестьянской Красной армии в 1941–1945 гг. в контексте повседневной жизни солдат и офицеров. Проблема продовольственного обеспечения войск в боевых условиях стала важным фактором, определяющим непосредственную боеспособность армии на поле боя. В связи с катастрофической ситуацией, сложившейся на фронте в начальный период войны, требовалось немедленно реорганизовать материально-техническую основу, в частности систему продовольственного снабжения Красной армии. Даже на ключевых этапах войны постоянно вносились изменения в систему снабжения армии продовольствием. *Методы и материалы.* В статье исследуемая проблема рассматривается с разных ракурсов. При изучении повседневной жизни на фронте в годы войны использовались источники нескольких уровней. Устные и эпистолярные (дневники, письма, воспоминания участников войны) источники широко использовались для изучения повседневной жизни непосредственно через призму жизненных условий участников боевых действий, настроения военнослужащих в армии, практических сторон продовольственного снабжения, а также влияния на жизнь на фронте различных законов и норм, касающихся продовольственного обеспечения. Статья также включает частичный сравнительный анализ. *Анализ.* Армейская жизнь, в отличие от мирной, подчиняется другим правилам. В годы войны быт военнослужащих и снабжение продовольствием четко организовывались на основе различных правовых документов. В связи с этим для раскрытия данной проблемы использовались правовые документы (решения и приказы органов государственного управления, ответственных за снабжение армии продовольствием, отчеты и т. п.). Использование в статье вышеуказанных источников позволяет комплексно подойти к проблеме продовольственного снабжения Красной армии в 1941–1945 годах. Акты законодательства сопоставляются с воспоминаниями военнослужащих, которые были свидетелями и участниками этих событий. Изучаются организация продовольственного снабжения и нормы снабжения в советских и немецко-фашистских войсках в 1941–1945 годах. *Результаты.* Учитывая растущий интерес историков к быту военнослужащих на фронте и продовольственному снабжению армии, являющемуся важной частью истории Второй мировой войны, следует отметить, что работа в этом направлении находится во многом еще в начальной стадии. *Вклад авторов.* Х.Б. Бабаджанов совместно с А.К. Абдуллаевым изучили научную литературу, а также материалы устной истории и формировали выводы по теме. Тщательно изучив исторические материалы, Х.Б. Бабаджанов смог описать особенности быта и военной повседневности на примере продовольственного обеспечения Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в 1941–1945 годах. А.К. Абдуллаев внес вклад в обобщение данных и анализ имеющихся статистических данных.

Ключевые слова: продовольственное обеспечение армии, интендантская служба, нормы питания, местные ресурсы, трофейная продукция, Рабоче-крестьянская Красная армия, «бабкин аттестат».

Цитирование. Бабаджанов Х. Б., Абдуллаев А. К. Экономика и военная повседневность: продовольственное обеспечение в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в 1941–1945 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 136–148. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.11>

Introduction. The war had a negative impact on the agriculture of the countries that participated in the Second World War. Military actions directly led to the disruption of the process of growing, processing, and storing agricultural products. As a result, food shortages occurred (the higher the scale and intensity of the hostilities were, the worse the situation was). Therefore, a complex bureaucratic system of food supply and distribution emerged in the states.

The main purpose of the resulting system was to ensure a balance of supply between the army and society. Supplies were directed first to the army and then to the workers of military production enterprises. Safeguarding stability in society mainly depended on whether this balance was maintained appropriately or inappropriately.

On the one hand, the deviation of the balance towards the army could lead to a sharp deterioration of supply of society, an intensification of the discontent and revolutionary mood among the population, and a decrease in productivity of the economy. On the other hand, the army without a sufficient supply of food products could hardly carry out military operations. Therefore, the food supply of the army was a constant focus of the USSR government.

Methods and materials. After the end of World War II, they began to study its history in many countries. To date, researchers have addressed many problems related to the history of the war within scientifically based studies. These studies explored military operations, the impact of war on the social and economic state of the countries, diplomatic relations, and many other issues. As a result, many books and articles have been published.

However, in the historiography of the Soviet and later post-Soviet states, the history of the provision of military personnel with living conditions, food, and other products during the war years has not been sufficiently covered by researchers. The experience of the Second World War reveals that almost all the countries involved in the military actions experienced, to varying degrees, the problem of supplying the army in action with food.

A considerable number of socio-anthropological challenges from the Second World War era have not been thoroughly examined as distinct subjects of study. At the same time, the discovery and release of new sources highlight

the importance of conducting relevant research. Extensive historical sources – collections of normative documents, results of research of search parties expeditions, and oral memories of war participants – were used in the study of this historical problem. In addition, the materials from the State Archive of the Russian Federation, the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, and the Russian State Archive of Socio-Political History were used in the article.

Analysis. It is common knowledge that the victory of each army on the battlefield depends on several factors related to each other. These include the combat readiness and the spirit of the army, the availability and effective use of modern weapons, discipline, officers' tactical training, etc. Also, during the war, the issue of food supply directly affected the combat characteristics of the army.

The analysis of the problems of the food supply of the Red Army (RKKA – abbreviation in Russian) in 1941–1945 allows one to get a detailed picture of the army's supply system, the efficiency of the services responsible for the system's operation, the logistics, and other organizational and economic issues. To cover the topic of food supply of RKKA military personnel in 1941–1945, it will be necessary to analyze the following issues that are inextricably bound up with each other:

Firstly, the analysis of the supply system of the Army as well as the legislation that regulates it.

Secondly, the study of the sources of food supplied to the Army, as well as the operation of the logistics system.

Thirdly, the exploration of the issue with the viewpoint of the quality of the food delivered, as well as adequate satisfaction of the military personnel's needs.

The policy of collectivization, implemented in the USSR in the 1930s, led to the governance of the main agricultural resources by the state. The state, in turn, spent these resources on exports and replenishing and increasing Army Reserves. Therefore, in the USSR, sufficient food reserves were created for large-scale military actions. The volumes of reserves (in tons) as of June 22, 1941, at the disposal of the Red Army and the USSR Navy, are presented in Table 1.

With the beginning of the war on June 22, 1941, it was not possible to effectively use the

Table 1. Volumes of reserves as of June 22, 1941 at the disposal of the Red Army and the USSR Navy (in tons)

Name of the product	Movable reserves	Inviolable reserves	On-call reserves	The total amount
Flour and grain	140356	27791	321792	989939
Cereals and pasta	49325	4408	276342	330075
Meat and fish, canned food	20784	3842	131453	156079
Oils	10784	–	31847	42631
Sugar	12982	2361	39595	54938
Tea	499	118	1896	2513
Salt	10979	2551	44944	58474
Tobacco	–	–	11422	11422
Oats	109117	31178	1157850	1298205

Note. Source: [13, p. 79].

reserves accumulated by the RKKA. In some cases, these reserves were seized by the enemy and used to conduct military actions against the USSR. The explanation lies in the fact that prior to the war, the location of the USSR's main storage facilities within the western military districts led to their destruction due to intense enemy attacks. In particular, as of June 1, 1941, a total of 340 warehouses and bases, representing 41% of the army's overall resources, were situated within the boundaries of the Western military districts, specifically the Leningrad Military District, the Baltic Special Military District, the Western Special Military District, the Kyiv Special Military District, and the Odessa Military District [9, p. 87]. Under the intensity of military action, it was not possible to remove about 70% of foodstuffs in the mobilization reserve from the western border areas of the USSR [13, p. 80].

The first weeks of military action became tragic for the Armed Forces of the USSR. Due to problems in the supply of ammunition, military equipment, and food products, the RKKA was at risk of losing its combat capability. The issue of supply of the army immediately began to be seen at the level of the State Defense Committee and the Soviet (Council) of People's Commissars of the USSR. On July 1, 1941, the Committee for Food and Material Supply of the Red Army was established under the SPC (Soviet (Council) of People's Commissars) of the USSR. The group included A. Mikoyan (Chairman), A. Kosygin (Deputy Chairman), A. Khrulev, V. Zotov, and S. Lukin [22].

This group was engaged in the study and planning of all issues related to the food supply of the armed forces, agreed with the Red Army and

navy supply services, and the development of draft resolutions for the State Defense Committee in the area.

In general, more than 100 resolutions of the People's Commissariat of Defense of the USSR on the formation of a food supply system for the RKKA military personnel of 1941–1945 were announced, the date of adoption of most of which dates back to 1942 [11, p. 42].

Having analyzed the situation with the food supply of the army, we can divide it into three stages:

The first stage covers the period from June 1941 to mid-1942. The provision of supplies to the active army was primarily conducted through the military reserves established prior to the war, in addition to the state reserves located within the warfront territories. This phase was dominated by the efforts to move reserves from areas close to the front into the interior of the state, rather than supplying food to the warfront.

In the second stage (November 1942 to June 1943), during the period of battles on the threshold of Stalingrad and major military operations in the Kursk Arc, an attempt was made to bring the reserves to the maximum close to the warfront line.

Between 1941 and 1945, there were supply problems at every stage of the war. During the second half of 1941 and early 1942, there was the hardest time in the food supply of the RKKA soldiers and officers. This was caused by:

Firstly, with the beginning of hostilities on June 22, 1941, there was the destruction of a large part of the food stocks stored in the RKKA warehouses. Time was needed to refill food supplies and reorganize the supply system. As it turned out, the rapid occupation of the western

regions of the USSR required the supply of food for the army from relatively distant territories (even across the ocean). As a result, the supply chain between the army and the product manufacturers (producers) stretched for several thousand kilometers. As a result, the time for the delivery of food to military units increased, as well as the amount of expenses for transportation grew.

Secondly, mass mobilization, which began with the onset of the war, increased the number of military personnel in the short term. In such conditions, the deficit in the army, which did not have enough food reserves, increased even more. In terms of the number of soldiers, the RKKA was among the largest armies in the world by personnel composition. As of 22 June 1941, the RKKA and the USSR Navy had 4,629,465 enlisted men in all types of military units [3, p. 10]. The beginning of hostilities and the announcement of mobilization led to a brief increase in the number of military personnel. Approximately 3,900,000 men were mobilized into the army by the end of the summer of 1941, and the figure amounted to at least 7,150,000 by the end of 1941 [2, p. 301].

Relatively accurate information about the number of Red Army servicemen and the food allocated to them is indicated in the Resolutions of the State Defense Committee. In particular, in the Resolution of the State Defense Committee No. 660 dated September 11, 1941, the amount of food allocated for the Red Army in September and the IV quarter of 1941 was calculated based on the account of 7,400,000 people [23]. Data from early 1942 indicate a sharp increase in the amount of food and fodder allocated for the personnel of the Red Army and their supply. In State Defense Committee Resolution No. 1119 SS, adopted on 10 January 1941, the amount of food for the need for the Red Army in January 1942 was calculated on the account of 8,598,595 people. Also, during the indicated period, the hospital ration food was allocated for 605,542 people in the army, and fodder was provided based on the number of 1,391,635 horses [24].

In the Resolution of the State Defense Committee No. 1986 adopted on July 5, 1942, the allocation of food products for the Red Army, the Navy, and the People's Commissariat for Internal Affairs was calculated based on the account of 9,205,000 people [25]. Hospital ration food was

allocated for 772,450 people and fodder for 981,200 horses. If we pay attention to the amount of food allocated to the military units in the beginning (January) and the middle (July) of 1942, we can see that the number of military personnel increased by approximately 600,000 during the given 6 months. Due to the scale and intensity of military operations, there was a need to increase the number of military personnel in the army during this period. Almost a 20 percent increase in the number of hospital beds is an indirect indication of the intensity of the fighting and the number of casualties.

There were serious differences between the provisions according to the standards and the supply of real products to the fighters. Especially in the second half of 1941 and the beginning of 1942, such differences were quite noticeable. From the middle of 1942, the situation began to gradually improve. The memories of the war participants confirm that the situation in food supply has improved beginning from this period. For example, the war participant V. Pozdeev recalls that from November 1942, the food supply began to improve, and even food rations were completely provided [6, p. 66].

With the outbreak of the war, changes were made to the supply norms that existed before the war. The difference in food supply before and after June 22, 1941, was not only manifested in the reduction of rations. The main difference was the complex classification of wartime norms based on different categories. Just like cards were divided into different categories in the areas behind the war frontline, the main purpose of the differentiation of norms in the army was to save food products. The division of supply of troops into different categories and their "differences in grams" in daily rations led to savings of millions of tons of products on the scale of millions of soldiers.

If we compare the caloric norms before and after the war, the food supply standards of the soldiers and the administration remained almost unchanged. The daily caloric intake of military personnel of combat units amounted to 3,547 kcal in winter and 3,357 kcal in summer. Only wheat flour bread was replaced with rye bread. Reductions in food rations were applied mainly to non-combatant units.

In particular, the difference in the daily supply of the combat and non-combat units was

about 500 kcal. That is, the daily norm of the personnel of non-combat units amounted to 3,028 kcal in winter and 2,848 in summer [5, p. 80]. Table 2 clearly shows the differences in the average daily caloric content of the basic food rations in the combat units of the Red Army.

The memories of the participants in the war reliably confirm the fact that in most reserve regiments and military educational institutions, in various special officers' courses, food standards were lower than at the war frontline, and even reduced standards were not always given in full. For example, Fyodor Slepchenko, who was mobilized to the 312th Rifle Division in December 1941, recalls the following about his life at the warfront, "Food was as follows: 600 grams of bread, pea soup, 3–4 spoons of porridge. There were no spoons or utensils for eating. First soup was poured into the bathroom bucket for four people, then porridge was served in the same way..." [20, p. 6].

Yu. Sharapov recalls, "In 1941–1942, the issue of food supply was difficult. Reserve regiments are provided in accordance with the second food norm. And this is not enough. During the months of January, February, and March, when the battles were taking place, they fed us twice with oats. Oats porridge in the morning, oats soup in the evening. At first they gave 400 grams of bread, and later we were provided with 700–800 grams of bread" [18, p. 282].

After all, since the issue of Army food during the war directly affects the combat status of military units, the issue of food supply also in the Wehrmacht in 1941–1945 should be considered. In general, the approaches to the supply of the Army with food in the Wehrmacht and the RKKA, to the issues of food norms and delivery, were varied. The most fundamental difference

was in the categories that determine the norms of food products. In accordance with the Resolution No. 662 of the USSR State Defense Committee dated September 12, 1941, a total of 8 categories were introduced in determining food norms for the personnel of military units participating in direct hostilities. Of these, 4 categories belonged to the Red Army and 4 more to the Air Force pilot-technical staff [26].

Unlike the RKKA, there were no categories and norms in the Wehrmacht, that is, uniform food norms were provided from the soldier to the army general [8, p. 92]. This situation is partially confirmed in the memoirs of General Field Marshal Manstein, who was the chief of staff of the Wehrmacht's army group "South" in 1939: "Of course, we were provided with food by the army like any other soldiers. I have nothing bad to say about the *Soldier Soup*. We had lunch every day with hard soldier's bread and similar hard sausage. Elderly officers had a hard time chewing such food" [4, p. 73].

In addition, there were differences in the organization of feeding of the warrior in these two armies. The following differences in the organization of supply in the the RKKA and the Wehrmacht are appropriate for the period of active military operations, and during times of relatively low intensity of fighting, the personnel of both armies was provided with hot meals in the field canteens.

Attempts were made to provide the RKKA fighters with hot meals as much as possible. Even on the front line, in addition to bread, ready-made hot food was delivered to soldiers and officers twice a day. In some cases (when there was risk of intensive military operations, rapid attack and retreat), fighters were were provided with dry food for three days [11, p. 43]. In the Wehrmacht,

Table 2. Differences in the average daily caloric content of the basic food ration in the combat units of the Red Army

Types of rations	Ingredients in grams			Kilocalories
	Protein	Fat	Carbohydrates	
Combat units	103	67	587	3450
Units behind the war frontline	84	56	508	2954
Reserve units that are not part of the active army	87	48	489	2822
Security units	80	48	456	2659
Rations for hospital	91	69	543	3243
Rations for cadets	101	70	562	3370

Note. Source: [11, p. 43].

a soldier was given a full ration of food once a day. Crackers were placed in a special bag, coffee and other hot drinks were placed in a flask, and other dishes were placed in a special pot. The soldier always had to carry these supplies with him or keep them in a special bivouac [11, p. 44].

These two armies had the advantages and disadvantages of each of the different approaches to supplying troops with food. For example, in the RKKA, striving to organize the supply of food as hot as possible increased the mobility of military units on the battlefield, and soldiers did not have to carry food products with them.

For instance, in the RKKA, combatants and soldiers were supplied with the hottest meals available, eliminating the need for them to carry food supplies. This practice significantly enhanced the army's mobility on the battlefield. In addition, the supply of hot food substantially lowered the risk of food poisoning among soldiers. At the same time, there were also disadvantages to such a supply system, and the interruptions in the supply of hot food (especially at the time of the battle) deprived the soldiers of the opportunity to eat at all on the front line. Food was delivered to the fighting units twice a day (before dawn and after sunset). The given times of the day were chosen in order not to attract too much attention of the enemy.

The participant of the Battle of Stalingrad, N. Tupylenko, remembers that food was delivered to military units at the front positions at night in order not to be hit by enemy artillery: "The food was delivered in the evening, sometimes at night, and we were given hot meals once a day. It consisted of one kilogram or nine hundred grams of bread, one pot or half a pot of porridge. Nothing else was given, neither lunch nor breakfast" [10, p. 91].

If there were no interruptions in the supply system of the military units, the soldiers of the combat troops had the opportunity to eat enough. In a letter dated April 29, 1942, the Deputy Political Leader Yu.I. Kaminsky wrote the following to his mother: "In the morning, the pot is almost full of the soup with meat, pasta, and noodles provided. 800–900 grams of bread, sugar, shag and 100 grams of vodka are given per day. In addition, soup or porridge is provided for lunch. For dinner, they also serve bread sprinkled with sugar and baked in the oven. In addition, sometimes they can issue 30 grams of sausage in the morning and 100 grams at lunch. Herring and

sausage were given on the day of the Red Army foundation. Now we are looking forward to the next one" [20, p. 12].

As noted above, the daily ration in the Wehrmacht was provided once a day. Therefore, despite the fact that it was inconvenient and heavy during the battle, the Wehrmacht soldiers had to carry all the food with them. The abundance of dry food in the ration of the Wehrmacht soldiers, as well as the scarcity of hot food, led to widespread gastrointestinal diseases, including digestive disorders, gastritis, and diarrhea. This situation adversely affected the combat characteristics of the army, reducing the combat capabilities of the army. In some cases, this problem has led to the loss of combat effectiveness of some military units.

In the period of July – December 1941, both the RKKA and the Wehrmacht faced serious supply shortages. Diseases ranging from dysentery to dystrophy spread among the soldiers due to the constant lack of food and their poor quality. The extent of the catastrophic situation that has arisen can be understood from the following report by one of the commanders of the military unit of the Leningrad warfront dated August 13, 1941: "...the food supply on the front line is very poorly organized, the soldiers are left without food for 2-3 days... not eating in time due to which the soldiers became physically weak" [6, p. 65].

According to captured German soldiers in 1942–1943, the Wehrmacht troops also had serious problems with food supply. It turns out that the average daily food ration of a German soldier consisted of 400 grams of bread and 40 grams of meat, or 80 grams of margarine instead of it [19, p. 79].

In the guidelines of the General Directorate of the RKKA behind warfront supply, dated July 1, 1941, No. 1801-803 SS, mechanisms were developed to create food reserves for the military utilizing local resources in regions where military activities are occurring [27]. Guidelines were prepared based on the Resolution [12, p. 130]. In this instruction, the legal norm was fixed in the form of: "It is allowed for the Red Army's military supply bodies (intendant service) to use livestock, grain, potatoes, vegetables, milk, oil, and hay at the disposal of collective farms, collective farmers, and private households for the current supply of

troops.” Food preparation areas were divided into zones. These zones were attached to a certain military unit, and the representatives of the intendant service of this unit did not have the right to collect food products in a place other than the zone to which they were assigned.

The intendants had broad rights to collect food products in the zones assigned to them. The organization of this process was reflected in the guidelines as follows: in order to transfer food products to the army, the representatives of the intendant service should carry out their service in the territory assigned to them in agreement with the administration of the collective or state farms, and private farms. Usually, the products were bought for cash. It was mandatory to issue a special cheque by the intendants for the purchased product. It clearly recorded from whom and when the food product was purchased, its price and name. Unrestricted trade between intendants and farms were strictly prohibited.

In the second half of 1941, during the rapid retreat of the RKKA from the western borders of the USSR, the intendant service faced serious problems in the organization of supplies. Determining the location of military units during constant movement (retreat or counterattack) was a difficult task. While the fighting was going on, it was impossible to accurately count the number of military personnel in the unit. In such conditions, many organizational deficiencies and mistakes were revealed in the work of the intendant service, which did not yet have sufficient experience. A participant in the war, A.V. Belyaev, recalls it as follows: “The intendants came with food to the military unit where I was serving. They were looking for a certain regiment. The food was brought to them. We said that this regiment was destroyed in battle, you can leave us their products. But they answered that this does not correspond to the rule” [6, p. 65].

In some cases, commanders of military units directly sent their representatives to republican, province and regional centers to find food products. Such a goal was to encourage the purchase of necessary products for the military unit or to organize a collection of gifts for the army. For this purpose, on January 2, 1943, a representative from the 8th Aviation Army visited the city of Alma-Ata. There was also a letter of reference written on behalf of Aviation Major

General Ryabtsev. On January 6, 1943, the order No. 013, signed by the Deputy People’s Commissar of Defense of the USSR, Colonel-General of the intendant service, A. Khrulev, equated such cases to a serious crime and ordered that such persons be immediately arrested and handed over to a military tribunal [17, pp. 18-19].

During the period of intensive military operations, there were many cases of violations of the above-mentioned norms in the involvement of local sources in the food supply of the army. Especially, such cases were observed in the surrounded military units, which were cut off from the central supply. The reason is that the main (and in some cases the only) source of food supply for the besieged military units was local resources. But when the cash flow stopped, the intendants had no opportunity to pay to the farms.

The challenge of securing supplies proved to be quite arduous for the military units in retreat. Typically, in such challenging circumstances, farmers or local inhabitants would selflessly assist the soldiers without any checks or compensation. Sergeant Nikolay Inozemtsev, who was part of the troops retreating from Kyiv in the fall of 1941, remembers one such situation as follows: “It has been more than a day since we ate the last time. After 12–15 miles, there was no energy to move at all. A village was seen on the road. We entered the house. The hosts brought cabbage soup and potatoes. We drank alcohol. After the meal, all the soldiers fell asleep like the dead on the straw because we were tired...” [12, p. 131]. Food products or prepared meals given to soldiers by the population were called “babkin attestat” in Russian.

The military personnel, especially the infantry, needed help from the population. This is because the supply standards for infantry were low compared to tank, artillery, and air force flight (military units), and they were rarely given additional norms dealing with food supplies. Indeed, privileges dealt with the supply of food to the flight (military unit), which was considered elite in a certain sense in the Red Army. For example, according to Order No. 49 of the USSR Defense Committee dated January 31, 1943, the crews of long-haul aviation units, if the flight time in the air lasted more than 6 hours and the flight altitude was 4000 meters and above, an additional 200 grams of wheat bread, 100 grams

of cookies, 100 grams of ham (smoked pork), 50 grams of cheese, 100 grams of chocolate, 60 grams of sugar, 1 gram of tea, 5 grams of fruit extract were provided. In the case of a flight altitude below 4000 meters, the specified additional allowance was halved [5, p. 81].

When military pilots were behind the war frontline areas, supply standards were equal to those of the other military units. For pilots who were used to high supply standards, this situation caused serious inconvenience. The Hero of the Soviet Union military pilot Sergey Gorelov recalled, "...on the outskirts of Moscow and in general, wherever we were, the food supply for the pilots was at the highest level. When we moved to the rear areas, the quality of the supply deteriorated dramatically. That's why we tried to go from the areas of the war front line to the war front lines as quickly as possible..." [20, p. 20].

Soldiers used their entrepreneurial skills to provide themselves with food. Each unit had its own "supplier." The war veteran Vasilii Reshetnikov, who was the "supplier" of the unit, recalls his work as follows: "The incident happened in 1944. The field kitchen was destroyed as a result of the attack of German aviation. Warriors had to find food quickly..." [12, p. 132]. To deal with the situation, Reshetnikov crawls to an uninhabited farm in the neutral zone (where there were stray chickens). The bag was filled with these chickens. The most interesting thing about this incident is that Reshetnikov unknowingly crossed the minefield. On his way back, he was spotted by an enemy machine gunner and fired at him. Although Reshetnikov survived, the chickens in the bag would become holes.

Ivan Karnaev, who went fishing in Lake Ladoga in October 1943, remembers a similar dangerous situation: "We filled the boat with bream (a type of fish), and at first we almost exploded with our own charge. After a while we were attacked by German artillery. There is no objection to them. It is war..." [20, p. 23].

The supply of food products to the RKKA soldiers and officers was not always well received by the local population. Even in the territory of the USSR, the attitude was not the same. Vladimir Stezhensky, a participant in the war, remembers such a situation and reports that in the summer of 1942, in the Rostov region of the RSFSR, local residents did not want to

share bread with the soldiers and exchanged bread for goods [12, p. 132].

During the free time from the battles, the soldiers tried to effectively use the gifts of nature around to enrich their rations. A. Belyaev, a warrior who fought on the Karelian warfront, recalls the situation as follows: "The food supply was in a difficult situation during the winter. In the summer, there was abundance. The nature of Karelia is very rich. Berries and mushrooms are abundant. Sometimes it is possible to hunt. We usually went fishing in the river in our free time. We would throw the grenade into the water and then pick the fish from the surface of the water" [6, p. 66].

Many factors affected the food supply of military units. Even the level of supply was determined by where and on which warfront the military unit fought. For example, until the end of 1944, the soldiers who fought on the Leningrad warfront were provided with lower food rations than the soldiers and officers of the RKKA who fought on other warfronts [6, p. 66]. It is known that due to the blockade, an extremely difficult situation has arisen in the provision of food products to the local population of Leningrad and its surroundings. Therefore, taking into account the situation, the civilian population was partially supplied with food from the army reserves.

During the hostilities, the warring parties used captured equipment, various items, and food products. In order to prevent poisoning, it was established that the obtained food products could be consumed only after laboratory examination [14, p. 4]. Spoils of war made a significant contribution to replenishing the food sources of the Red Army. For example, as detailed in the report compiled by Guardsman Colonel Statsenko regarding the seized materials utilized on the South-Western Front, only during February 1–15, 1943, RKKA captured 579 tons of vegetables, which were used by the Soviet military [21].

In 1944–1945, the importance of captured enemy products in supplying military units increased even more. During this period, 80 to 92 percent of the Red Army's grain, sugar, and meat needs were covered by local resources and captured products [1, p. 54]. In some cases, food items captured by the army from the enemy were also allocated for civilian consumption. For example, the 1st Tank Army, which participated

in the liberation of the territory of Ukraine, sent 7 tons of flour from the captured properties to the possession of the Kyiv Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks [7, p. 592]. A.V. Pylytsyn recalls: “We were especially surprised by the bread wrapped in a transparent film with the date of production 1937–1938. Even though it was made so many years ago, it could even be sliced and eaten frozen” [16, p. 39].

Another factor affecting the supply of troops was the state of the transportation system in the area where the war was taking place and the distance or proximity to seaports. We can consider the level of supply of military units with lend-lease products as an example. In recent years, search teams have been excavating the battle sites. If we pay attention to the conclusions of their research related to the topic under study, we can learn that canned food and packaging of products brought under the lend-lease program were found in large numbers on the battlefields of the Karelian warfront, and they were not found at all in Leningrad and its surroundings [6, p. 67].

The discovery of lend-lease products in Karelia is explained by the proximity of this area to the port of Arkhangelsk. It is known that during the war, this port received a large amount of food products under the Lend-Lease program through the northern route. Therefore, it was more convenient to provide the Karelian front with products delivered directly under the lend-lease program than to bring products from other regions of the USSR. Since Leningrad suffered from a

siege or was partially blocked by the enemy by sea and land for a long time, the military units of the Leningrad front were almost never supplied with Lend-Lease products.

Supplying the captured enemy soldiers and officers with food had greatly damaged the provision of Red Army soldiers. The RKKA supplies were also over-pressured by the capture of enemy soldiers and officers. The number of German prisoners of war during the battles of 1941 was very low. In 1942, and especially during the Battle of Stalingrad, the number of captured enemy prisoners of war increased sharply. The growth in the number of captives led to an increase in the amount of products allocated for their care. In the early period of the war, by order of the USSR People’s Commissar of Defense dated July 12, 1941, No. 232, the norms dealing with daily food for prisoners of war were introduced. These norms remained in force until the prisoners of war were handed over to the Internal Affairs People’s Commissariat camps. Their volumes are presented in Table 3.

The increase in the number of captives led to a growth in the amount of products allocated for their supply. For example, during the period of the Battle of Stalingrad from January 10, 1942, to February 2, 1943, 2,840 tons of food were spent on the supply of captured enemy soldiers and officers [13, p. 92]. During the Battle of Stalingrad, many German soldiers and officers were on the verge of starvation. The poor status of prisoners of war is noted in many sources. In particular, Anti-Tank Guns Platoon Commander P. Tretyakov

Table 3. Prisoner of war nutrition norms

Name of a product	Frequency of supply	Amount of a product
Rye bread	Daily	500
Second grade flour	Daily	20
Cereals	Daily	100
Fish	Daily	100
Vegetable oil	Daily	20
Sugar	Daily	20
Salt	Daily	30
Vegetables	Daily	500
Tomato paste	Daily	10
Tea	Monthly	20
Black peppercorns	Monthly	4
Vinegar	Monthly	20
Bay leaf	Monthly	6
Soap	Monthly	100

Note. Source: [17, p. 24].

recalls it as follows: “On February 2, we entered the *Barricade* factory, where nothing remained unharmed. The German prisoners of war walked round saying, ‘Russian, bread.’ Someone would kick them out, and someone would give them bread” [15, p. 71].

In 1941–1945, the RKKA food supply system experienced serious difficulties. Even so, the food norms of the military personnel were provided relatively fully, compared with the food supply of the civilian population of the USSR. In particular, according to the norms specified in the legal acts, the real supply of the army with sugar and fats amounted to 100%, with tea, salt, and tobacco products by 80%, with meat and bread by 66%, and with potatoes and vegetables by 30% [8, p. 91]. The significant enhancement in supply chains resulted in the absence of major disruptions in the supply to the RKKA from 1943, with the exception of times of extensive military operations or specific emergencies.

In 1941, the start of hostilities in the territory of the USSR put the RKKA supply system in a difficult situation. Military reserves accumulated over the years were depleted. The fertile lands in the west of the USSR were occupied. In this situation, in spite of the development of the new lands in the eastern regions of the USSR, they did not fully compensate for the losses. Furthermore, the decrease in the use of machinery and chemical fertilizers in agriculture had a negative impact on the overall productivity of food crops.

Results. The importance of food supply for the army in conducting military operations has been emphasized several times above. In a complicated situation, all the available food products were distributed, and they were mainly mobilized by the army. Several pieces of legislation were passed to redistribute precious food resources and form the delivery system. The supply of the army was constantly improved. The operation of the supply authorities was reviewed several times. As a result, the supply in the army began to improve year after year.

The analysis of the studied historical sources shows that in 1941–1945, the Red Army was supplied with food products using different sources and the use of them in different proportions. Such sources include local resources, so-called “babkin attestat,” products sent by the population, centralized supply of food products by the state,

farm products, products grown by soldiers themselves, captured products from the enemy, etc.

In 1941–1945, the citizens of the USSR went through a very difficult period in their lives. The difficulties of the war were mixed with the mobilization of family members to the warfront. While millions of people were working within the economy, millions of soldiers and officers participated in military operations at the warfront. It can be said without exaggeration that during these years society began to live on the edge of life and death. It was even more complicated at the front. In addition to everyday hardships, the serviceman faced death, injury, and other situations. In the extreme conditions of life, the soldier’s food supply became a decisive factor to survive and conduct the battle in the war. The provision of food to military personnel was a complex and interrelated process. On the macro scale, it consisted of the adoption of resolutions by the relevant high government authorities, starting from the gross harvest of food products on the entire state scale to the micro scale, that is, the delivery of food directly to the soldiers.

REFERENCES

1. Bandurin S., Vorsin V. Deyatel'nost sovetskoy trofeinoj sluzhby v 1941–1945 gg. [Operation of the Soviet Trophy Brigade Service in 1941–1945]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military-Historical Journal], 2018, vol. 12, pp. 49–56.
2. Besugolny A. Etnicheskij aspekt komplektovaniya Krasnoj armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istorikostatisticheskij obzor [Ethnic Aspect of Recruiting the Red Army During the Great Patriotic War: Historical and Statistical Review]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of RUDN University. Series: History of Russia], 2020, vol. 19, no. 2, pp. 298–319.
3. *Boevoj i chislennyj sostav vooruzhennyh sil SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Combat and Numerical Strength of the Armed Forces of the USSR During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, In-t voen. istorii Min-va oborony Ros. Fed., 1994. 334 p.
4. Veremeev Yu. *Soldaty i konvencii. Kak voevat po pravilam* [Soldiers and Conventions. How to Fight According to the Rules]. Moscow, Algoritm Publ., 2012. 320 p.
5. Filonenko S. Prodovol'stvennoe obespechenie voennosluzhashih Krasnoj Armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Food Supply for Military Personnel

of the Red Army During the Great Patriotic War]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Scientific Journal News of Volgograd State Pedagogical University], 2016, vol. 4 (273), pp. 77-83.

6. Gafurov A. Byt i povsednevnyaya zhizn bojcov Krasnoj Armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Welfare and Daily Life of Red Army Soldiers During the Great Patriotic War]. *Metody istoriko-kulturnoy rekonstruktsii* [Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction], 2014, vol. 5 (22), pp. 63-77.

7. *Kievshina v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945: Sbornik dokumentov* [Kiev Region During the Great Patriotic War. 1941–1945: Collection of Documents]. Kyiv, Kiyev. oblast. kn.-gazet. izd-vo, 1963. 729 p.

8. Kolga G. Voennaya povsednevnost: prodovolstvennoe obespechenie Krasnoj Armii i germanskogo vermahta v hode Vtoroj mirovoj vojny: sravnitelnyy analiz [Everyday Life During the War: Food Supply for the Red Army and the German Wehrmacht During the Second World War: Comparative Analysis]. *Zhurnal «Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta»*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika [Journal of Scientific Bulletins of Belgorod State University. Series: History. Political Science. Economy. Computer Science], 2010, vol. 19 (90), iss. 16, pp. 88-95.

9. Konovalov V., Berezin B., Kazakov N. Materialno-tehnicheskoe obespechenie Krasnoj Armii nakanune i v hode Velikoj Otechestvennoj vojny [Material and Technical Support for the Red Army on the Eve and During the Great Patriotic War]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Vooruzheniye i ekonomika»* [Electronic Scientific Journal "Armament and Economics"], 2015, vol. 2 (31), pp. 86-94.

10. Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Hlynina T.P. *Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-h gg.: zhizn v usloviyah socialnykh transformacij* [Everyday World of Soviet Man in the 1920s–1940s: Life in the Conditions of Social Transformations]. Rostov-on-Don, Izd-vo Yuzh. nauch. tsentra Ros. akad. nauk, 2011. 320 p.

11. Lavrova I. Organizatsiya pitaniya i prodovolstvennogo obespecheniya snabzheniya vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny v RKKA i armii vermahta [Organization of Nutrition and Food Supply During the Great Patriotic War in the RKKA and the Wehrmacht Army]. *OBSSHCHESTVO: filosofiya, istoriya, kultura* [Scientific Journal of Society: Philosophy, History, Culture], 2020, vol. 3 (71), pp. 42-44.

12. Larianov A. Prodovolstvennoe snabzhenie vojsk iz mestnykh resursov kak aspekt povsednevnoj zhizni raboche-krestyanskoj Krasnoj Armii [Food Supply to Troops from Local Resources as an Aspect of Everyday Life of the RKKA]. *Vestnik Chuvashskogo*

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.YA. Yakovleva [Scientific Journal "I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin"], 2013, vol. 1 (77), pt. 1, pp. 129-133.

13. Ogurechnikov A. Prodovolstvennoe obespechenie v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Food Supply During the Great Patriotic War]. *Voyenno-istoricheskiy arkhiv* [Military Historical Archive], 2001, vol. 6 (21), pp. 78-105.

14. Pamyatka po sboru trofejnogo vooruzheniya i imushchestva [Instructions for Collecting Captured Weapons and Property]. *Upravleniye po sboru trofejnogo oruzhiya, imushchestva i metalloloma Glavnogo upravleniya tyla Krasnoj Armii* [Directorate for the Collection of Captured Weapons, Property and Scrap Metal, Main Directorate of the Rear Services of the Red Army]. Moscow, Izd-vo Narkomata oborony, 1943. 17 p.

15. Polyakov V., Nazarova M., Vorobyev E. Otnoshenie k voennoplennym v SSSR v nachalnyy period plena (na materialah g. Stalingrada i Stalingradskoj oblasti) [Attitude to War Prisoners in the USSR in the Initial Period of Captivity (On the Materials of Stalingrad and the Stalingrad Region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 1, pp. 67-78.

16. Rubtsov Yu.V. *Shtrafniki Velikoj Otechestvennoj. V zhizni i na ekrane* [Those Who Were Charged Penalties During the Great Patriotic War. In Life and on Screen]. Moscow, Veche Publ., 2007. 432 p.

17. *Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya: Priказы narodnogo komissara oborony SSSR 22 iyunya 1941 g. – 1942 g. T. 13 (2–2)* [Russian Archive: Great Patriotic War. Vol. 13 (2–2). Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR, 22 June 1941–1942]. Moscow, Terra Publ., 1997. 448 p.

18. Senyavskaya E., Senyavsky, A., Zhukova L. *Chelovek i frontovaya povsednevnost v voynah Rossii XX veka* [Man and Front-Line Everyday Life in the Wars of Russia in the 20th Century]. Moscow, In-t ros. istorii RAN: Tsentr gum. initsiativ, 2017. 422 p.

19. *Sbornik dokumentov «A na vojne kak na vojne, patrony, vodka, mahorka v cene...» (Iz fondov Centralnogo arhiva Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii)* [Collection of Documents "And in War, as in War, Ammunition, Vodka, Shag Are Valuable ..."] (From the collections of the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation)]. Podolsk, Tsentr. arkhiv Min-va oborony, 2015. 238 p.

20. Somov K. *Vojna: uskorennaya zhizn* [War: Accelerated Life]. Barnaul, Altai Publ., 2010. 616 p.

21. The Record on Used Captured Weapons, Property, Food and Forage on the Southwestern Front

for the Period from 1 to 15 February 1943, Dated February, 1943. *Centralnyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 232, inv. 590, d. 161, l. 2210.

22. The Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 1796-798 Dated July 1, 1941 "On the Formation of the Committee for Food and Clothing Supply of the Red Army Under the Council of People's Commissars of the USSR". *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], f. R-5446, inv. 106, d. 22, l. 212.

23. The Resolution of the State Defense Committee of the USSR No. 660 Dated September 11, 1941 "On Establishing the Strength of the Red Army for September and the 4th Quarter of 1941 and on the Allocation of Food Rations for the People's Commissariat of Defense". *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 644, inv. 1, d. 9, l. 50.

24. The Resolution of the State Defense Committee of the USSR No. 1119 Dated January 10, 1942 "On the Distribution of Food Rations for the Red Army in January 1942, with an Appendix". *Rossijskij*

gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 644, inv. 1, d. 19, l. 43-44, inv. 2, d. 32, l. 156.

25. The Resolution of the State Defense Committee of the USSR No. 1986 Dated July 5, 1942 "On the Distribution of Food Rations for the Red Army, the Navy and the Troops of the People's Commissariat of Internal Affairs in July 1942". *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 644, inv. 1, d. 41, l. 163.

26. The Resolution of the State Defense Committee of the USSR No. 662 Dated September 12, 1941 "On the Standards of Food Supply for the Red Army". *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 644, inv. 1, d. 9, l. 53.

27. The Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 1801-803 Dated July 1, 1941 "On the Procedure for Procurement of Agricultural Products in Areas of Military Operations and in the Frontline Zone". *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation], f. R-5446, inv. 106, d. 22, l. 263-265.

Information About the Authors

Khasan B. Babadjanov, PhD (History), Associate Professor, Kimyo International University in Tashkent, Shota Rustaveli St, 156, 100121 Tashkent, Republic of Uzbekistan, humanities@tuit.uz, <https://orcid.org/0000-0002-0008-238X>

Aziz K. Abdullaev, PhD (Economics), Acting Associate Professor, Department of International Finance and Investment, University of World Economy and Diplomacy, Prosp. Mustaqillik, 54, 100007 Tashkent, Republic of Uzbekistan, aabdullaev@uwed.uz, <https://orcid.org/0000-0002-4888-1068>

Информация об авторах

Хасан Бахтиёрович Бабаджанов, доктор философии по историческим наукам, доцент, Ташкентский международный университет Кимё, ул. Шота Руставелли, 156, 100121 г. Ташкент, Республика Узбекистан, humanities@tuit.uz, <https://orcid.org/0000-0002-0008-238X>

Азиз Курбанович Абдуллаев, доктор философии по экономическим наукам, и. о. доцента кафедры международных финансов и инвестиций, Университет мировой экономики и дипломатии, просп. Мустакиллик, 54, 100007 г. Ташкент, Республика Узбекистан, aabdullaev@uwed.uz, <https://orcid.org/0000-0002-4888-1068>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.12>

UDC 93/94

LBC 63.3(2)622,11

Submitted: 03.08.2023

Accepted: 21.03.2024

FORMATION OF THE 32nd GUARDS RIFLE DIVISION AND ITS PARTICIPATION IN THE FIGHTING IN THE TUAPSE DIRECTION IN AUGUST 1942

Sergey A. Kindyakov

Yekaterinodar Theological Seminary, Krasnodar, Russian Federation;
Krasnodar Regional Public Research and Search Organization "Height", Kurinskaya, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The object of the study is the formation of the 32nd Guards Rifle Division and its participation in the fighting in the Tuapse direction in August 1942. *Purpose.* Identification of the features of the formation of the 32nd Guards Rifle Division and the combat work of its units, taking into account the current operational situation and the specifics of the geographical conditions in the occupied area of defense. *Materials and methods.* To achieve this purpose, the following methods were used: chronological, historical-comparative, and historical-genetic. These methods were used to study documents found in the funds of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, memoirs of veterans of the 32nd Guards Rifle Division, as well as reports on search expeditions. *Analysis.* As part of the study, documents related to the recruitment process of the division were reviewed. The existing problems related to the establishment of the exact location of individual parts of the compound under consideration are identified. A detailed description of the operational situation prevailing on the distant approaches to the city of Tuapse at the time of the arrival of the military formation in question has been compiled. The description of the specifics of the natural conditions in the area of defense of the compound is given. Based on the collected sources, an analysis of the fighting of the 32nd Guards Rifle Division was carried out, and their results were determined. *Results.* The study of the documents of the 32nd Guards Rifle Division allowed us to conclude that this unit arrived at the Tuapse direction before the full completion of its formation. At the same time, the fact that the formation was incomplete was compensated by the good training of the rank and file and the command staff of this unit, who have significant combat experience. The 32nd Guards Rifle Division had sufficient firepower. The personnel were largely provided with automatic small arms. These factors made it possible, despite the severity of the prevailing operational situation and the specifics of natural conditions, to hold the entrusted area of defense and prevent the enemy from breaking through to the city of Tuapse during the organized summer offensive.

Key words: 32nd Guards Rifle Division, 1942, Great Patriotic War, Battle for the Caucasus, Tuapse defensive operation, Kurinskaya, Shubinka, Asphalt Mountain.

Citation. Kindyakov S.A. Formation of the 32nd Guards Rifle Division and Its Participation in the Fighting in the Tuapse Direction in August 1942. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 149-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.12>

УДК 93/94

ББК 63.3(2)622,11

Дата поступления статьи: 03.08.2023

Дата принятия статьи: 21.03.2024

ФОРМИРОВАНИЕ 32-й ГВАРДЕЙСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ И ЕЕ УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТУАПСИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В АВГУСТЕ 1942 ГОДА

Сергей Александрович Киндяков

Екатеринодарская духовная семинария, г. Краснодар, Российская Федерация;
Краснодарская региональная общественная поисково-исследовательская организация «Высота»,
ст-ца Куринская, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Объект исследования – формирование 32-й гвардейской стрелковой дивизии и ее участие в боевых действиях на туапсинском направлении в августе 1942 года. *Цель.* Выявление особенностей формирования 32-й гвардейской стрелковой дивизии и боевой работы ее частей, с учетом сложившейся оперативной обстановки, специфики географических условий на занимаемом участке обороны. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы: хронологический, историко-сравнительный и историко-генетический. Указанные методы применялись для исследования документов, найденных в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, воспоминаний ветеранов 32-й гвардейской стрелковой дивизии, а также отчетов о проведенных поисковых экспедициях. *Анализ.* В рамках исследования было осуществлено рассмотрение документов, относящихся к процессу комплектования дивизии. Определены существующие проблемы, связанные с установлением точного места дислокации отдельных частей рассматриваемого соединения. Составлена подробная характеристика оперативной обстановки, сложившейся на дальних подступах к городу Туапсе к моменту прибытия рассматриваемого воинского формирования. Дано описание специфики природных условий на участке обороны соединения. На основе собранных источников проведен анализ боевых действий 32-й гвардейской стрелковой дивизии, определены их результаты. *Результаты.* Изучение документов 32-й гвардейской стрелковой дивизии позволило сделать вывод о том, что данное соединение прибыло на туапсинское направление до полного завершения своего формирования. При этом факт незавершенности формирования был компенсирован хорошей подготовкой рядового и командного состава данного соединения, имеющего значительный боевой опыт. 32-я гвардейская стрелковая дивизия располагала достаточным количеством огневых средств. Личный состав был в значительной мере обеспечен автоматическим стрелковым оружием. Данные факторы позволили, несмотря на тяжесть сложившейся оперативной обстановки и специфику природных условий, удержать вверенный участок обороны и не допустить прорыва противника к городу Туапсе в ходе организованного летнего наступления.

Ключевые слова: 32-я гвардейская стрелковая дивизия, 1942 год, Великая Отечественная война, Битва за Кавказ, Туапсинская оборонительная операция, Куринская, Шубинка, Асфальтовая Гора.

Цитирование. Киндяков С. А. Формирование 32-й гвардейской стрелковой дивизии и ее участие в боевых действиях на туапсинском направлении в августе 1942 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 149–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.12>

Введение. 32-я гвардейская стрелковая дивизия (далее – 32-я гв. сд) является одним из основных воинских формирований, участвовавших в боевых действиях на туапсинском направлении 1942 года. Исследование боевого пути данного соединения выступает важным компонентом в понимании общей картины боевых действий, происходивших на начальном этапе Туапсинской оборонительной операции, а также открывает возможность для комплексного исследования боевой обстановки, сложившейся к августу 1942 г. в районе станицы Куринской и близлежащих населенных пунктов, позволяя более точно определить причины, по которым соединения РККА потерпят поражение на этом участке в октябре 1942 года.

Характеризуя степень изученности темы, важно отметить, что боевая работа 32-й гв. сд описана в целом ряде публикаций, большинство из которых изданы еще в советский период с 1967 по 1986 г., в частности – монография А.А. Гречко «Битва за Кавказ» [5], коллективное исследование «Восем-

надцатая в сражениях за Родину» [16] и еще целый ряд произведений. Характеризуя указанные исследовательские работы, необходимо отметить, что их авторы не ставили своей целью подробно изучить боевой путь 32-й гв. сд. Данное соединение в указанных работах рассматривается лишь в общем контексте событий. Исключением из приведенного перечня выступает монография Н.К. Закуренькова «32-я гвардейская» [10]. В данном труде достаточно подробно рассмотрен боевой путь 32-й гв. сд. Однако, как и в работах, указанных выше, начальный этап боевого пути 32-й гв. сд освещен достаточно схематично. На сегодняшний день наиболее подробным исследованием, где рассматривается участие 32-й в боях на туапсинском направлении, выступает монография историка-краеведа Э.И. Пятигорского [17], изданная в городе Туапсе в 1992 году.

В числе современных публикаций можно назвать работы таких ученых, как А.А. Аникеев [1], С.В. Януша [23] и др. Однако несмотря на достаточно большой массив исследований в отношении различных аспектов Бит-

вы за Кавказ, работ, посвященных изучению боевого пути 32-й гв. сд, на современном этапе изучения не представлено.

Цель статьи – выявление особенностей формирования 32-й гв. сд и боевой работы ее частей, с учетом сложившейся оперативной обстановки, специфики географических условий на занимаемом участке обороны.

Методы и материалы. Основу проведенного исследования составили документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, а также источники личного происхождения, хранящиеся в фондах Туапсинского краеведческого музея им. Полетаева и музея Боевой славы станицы Куринской. Также в процессе исследования были использованы отчеты, составленные по итогам поисково-разведывательных экспедиций Краснодарской региональной общественной поисково-исследовательской организации «Высота», проведенных на бывших участках обороны 32-й гв. сд в 2013–2022 годах. За это время были собраны и изучены журналы боевых действий, документы о боевой и штатной численности, количестве прибывших пополнений, воспоминания командного и рядового состава дивизии. В процессе исследования использовались следующие научные методы: хронологический, историко-сравнительный и историко-генетический.

Анализ. Формирование 32-й гв. сд началось 19 мая 1942 г. на базе 2-го воздушно-десантного корпуса (далее – 2-й ВДК). Командиром дивизии был назначен гвардии полковник Михаил Федорович Тихонов, являвшийся до этого командиром указанного корпуса. К моменту создания дивизии в составе корпуса находились три воздушно-десантные бригады (далее – вдбр), из которых были образованы три гвардейских стрелковых (далее – гв. сп) и 58-й гвардейский артиллерийский полк (далее – гв. ап). 80-й гв. сп был сформирован на базе 2-го вдбр, 3-я вдбр была преобразована в 82-й гв. сп, 4-я вдбр стала 85-м гв. сп. Соответственно, командиры бригад стали командирами созданных стрелковых полков. 80-й гв. сп возглавил гвардии подполковник Константин Федорович Шеин. Командиром 82-го гв. сп стал гвардии майор Александр Николаевич Казаков. На должность командира 85-го гв. сп был назначен гвардии подпол-

ковник Федор Дмитриевич Овчинников. Точных сведений в отношении процесса формирования 58-го гв. ап в ходе проведенного исследования найдено не было.

Все командиры стрелковых полков и командир дивизии являлись кадровыми военными, в составе различных частей участвовали в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны с 1941 года. Личный состав подразделений 2-го ВДК также формировался из числа красноармейцев и командиров, имеющих боевой опыт [21, с. 2–4]. В результате в составе 2-го ВДК, а впоследствии 32-й гв. сд оказалось большое количество военнослужащих в возрасте от 20 до 35 лет. Красноармейцы более младших возрастов, то есть те, которым в 1942 г. было 18–19 лет, прибывали в дивизию в основном в составе пополнений.

Согласно документам дивизии и воспоминаниям командиров частей, к началу своего формирования 32-я гв. сд находилась на Таманском полуострове, куда была перебросена из города Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ). Целью данной переброски была подготовка 32-й гв. сд к участию в десантной операции на Крымский полуостров.

На сегодняшний день источников, говорящих о том, по какому из утвержденных штатов производилось формирование дивизии, не обнаружено. При этом установлено, что общий численный состав соединения до начала боевых действий составлял 9 321 чел. [2, л. 1], что было значительно меньше численности стрелковых дивизий, установленной по штатам 1942 года.

К 19 августа в соответствии с донесением о боевом и численном составе в 32-й гв. сд, по штату должно было находиться 13 099 человек. При этом численность каждого стрелкового полка устанавливалось на уровне в 3 273 человека. По списку, в соответствии с указанным документом, дивизия насчитывала 9 419 человек. Распределение же личного состава по полкам выглядело следующим образом: 80-й гв. сп – 1 758 чел., 82-й гв. сп – 2 290 чел., 85-й гв. сп – 2 470 человек.

В период с 20 августа по 20 ноября 1942 г. суммарное количество всех пополнений дивизии составило 4 178 чел. [19]. Из этого следует, что за время боевых действий на туапсин-

ском направлении общая численность соединения, с включением количества пополнений, но без учета потерь и численности приданных частей) составляла 13 597 человек.

К моменту прибытия дивизии в район Туапсе ее состав выглядел следующим образом: управление дивизии, 80-й, 82-й, 85-й гв. сп, 58-й гв. ап, 28-я гвардейская зенитная батарея, 11-й отдельный гвардейский минометный дивизион, 29-я отдельная гвардейская разведрота, 34-й отдельный саперный батальон, 39-й отдельный батальон связи, 25-я отдельная химическая рота, 44-я отдельная авторота, 26-я полевая хлебопекарня, 43-й ветеринарный лазарет, штабная батарея, отдельный учебный батальон, 30-й отдельный противотанковый дивизион. 1915-я полевая почта, 1760-я касса госбанка, отдельный отряд народного комиссариата внутренних дел (ООНКВД), заградительный отряд. На вооружении дивизии, согласно донесению о численном и боевом составе, находилось: 7 095 винтовок, из них 4 750 автоматических, 832 автомата, 179 ручных, 76 станковых, и 6 зенитных пулеметов, 274 противотанковых ружья (ПТР), 12 артиллерийских орудий калибра 122-мм, 31 артиллерийское орудие калибра 76-мм, 28 пушек калибра 45-мм, 18 минометов калибра 120-мм и 107-мм, 89 минометов калибра 82-мм, 97 минометов калибра 50-мм. Конский состав дивизии насчитывал 1085 голов. Кроме этого, соединение располагало: 56 грузовыми автомобилями, 6 легковыми, 5 специальными. Также в распоряжении дивизии имелось 12 тракторов ЧТЗ и СТЗ [7, л. 1].

Детальное исследование дислокации частей и подразделений дивизии позволило установить, что к моменту прибытия в район Туапсе в ее составе отсутствовал внесенный в штат 27-й отдельный медсанбат (далее – 27-й мсб). По имеющимся сведениям, в период боевых действий северо-восточнее Туапсе он располагался в районе города Моздок. Указанный факт удалось установить в ходе анализа документов раненых и больных, поступавших на излечение в 27-й мсб. Исходя из предварительного анализа собранных источников можно предположить, что отсутствие 27-го мсб в составе дивизии являлось следствием незавершенности процесса формирования медицинской части к моменту переброски

32-й гв. сд под Туапсе. На основе предварительного анализа сведений об эвакуации раненых и больных военнослужащих 32-й гв. сд можно предположить о том, что медицинская помощь оказывалась другим мсб или полевым передвижным госпиталем армейского подчинения. Номера данных медицинских учреждений в настоящее время не установлены.

Результаты поисковых экспедиций, а также воспоминания местных жителей и ветеранов дивизии позволяют установить, что медицинское учреждение, оказывающее помощь раненым и больным бойцам 32-й гв. сд, располагалось недалеко от поселка Шубинка Туапсинского района. В этом месте сохранились фрагменты земляных укреплений (землянки, окопы и т. д.), найдены медицинские инструменты, большое количество резанных солдатских ботинок. В ноябре 1979 г. в районе предполагаемого расположения госпиталя также были обнаружены останки капитана медицинской службы 32-й гв. сд Степана Мироновича Деревянко, место гибели которого описано в воспоминаниях санитарного инструктора 80-го гв. сп Н. Овчаренко [4]. Однако несмотря на убедительные доказательства наличия в составе 32 гв. сд медицинской части, остается нерешенной исследовательской проблемой вопрос о ее принадлежности и наименовании. Без этого провести поиск архивных документов, установить количество умерших от ран и болезней военнослужащих 32-й гв. сд не представляется возможным.

Необходимо обратиться к рассмотрению положения частей дивизии северо-восточнее Туапсе. 20 августа 1942 г. 32-я гв. сд была передана в оперативное подчинение командования 17-го казачьего кавалерийского корпуса (далее – 17-го кк) [6]. Ранее 17 августа части 32-й гв. сд получили приказ на занятие обороны в районе поселка Станционный, станции Куринская, хутора Папоротный, высоты 519,6 с целью недопущения прорыва противника к Туапсе по Майкоп – Туапсинскому шоссе и железнодорожной линии Армавир – Туапсе. Первыми на рассматриваемый участок фронта прибыли подразделения 85-го гв. сп.

В соответствии с изданными приказами, первоначальная схема обороны дивизии выглядела следующим образом: 82-й гв. сп получил задачу на занятие обороны на цент-

ральном участке, фронтом на север, до крутого поворота реки Пшиш, седлая таким образом шоссейную и железную дороги и прилегающие к ним высоты. После указанного поворота линия обороны полка, повторяя изгиб реки, поворачивала на юго-юго-запад до устья Сухой балки, расположенного в подножьях высоты 278,0. Слева от 82-го гв. сп на высоте 519,6 и прилегающих высотах, также фронтом на север, занял оборону 85-й гв. сп. Отдельные подразделения полка заняли район поселка Асфальтовая гора, располагавшегося на шоссе Горячий Ключ – поселок Хадзыженский. Справа от 82-го гв. сп, в излучине реки Пшиш от устья Сухой балки до устья балки Кривушина, в направлении на юго-юго-запад занимал оборону 80-й гв. сп. После устья Кривушиной балки линия обороны полка делала поворот в восточном направлении. При этом части полка до устья реки Кривушиной балки были сориентированы фронтом на восток. После устья Кривушиной линия фронта менялась и была сориентирована на север. Одной из ключевых точек для обороны данного полка был хутор Папоротный [14].

К моменту подхода дивизии предназначенный для нее район занимали соединения 17-го кк, а также подразделения 976-го сп 261-й сд и 68-й морской стрелковой бригады (далее – 68-я мсбр). Левофланговым соседом 32-й гв. сд после занятия обороны становилась 68-я мсбр, занявшая высоты в районе хутора Кура-Цеце и рабочего поселка Нефтеразведчиков. Правофланговым соседом дивизии были части 236 сд, занимавшие гору Лысая (высота 811,1) и прилегающие к ней высоты, а также район реки Сосновка.

В географическом отношении участок обороны, занятый частями и подразделениями 32-й гв. сд, представлял собой горно-лесистую местность, изрезанную большим количеством балок и небольших ущелий. Перенесение данных о местах занятия обороны из оперативных документов на топографическую карту показывает, что перепад высот между отдельными участками занятыми частями дивизии составлял более 400 м [11]. Кроме этого, через полосу обороны дивизии проходило две горные реки Кура и Пшиш. Указанные водные артерии имели преимущественно небольшую глубину, однако характеризовались

обрывистыми берегами, высота которых в некоторых местах могла достигать более 10–15 м, наличием сильного течения на отдельных участках, а также ям и промоин с глубинами в некоторых местах до 2–3 м и более, при средней глубине указанных рек в летний период около 20–80 см.

Наиболее крупной из рассматриваемых водных артерий являлась река Пшиш, которая, протекая через станицу Куринскую с юго-запада на северо-восток параллельно шоссе и железной дороге, пройдя через поселок Станционный, делала резкий поворот в юго-юго-западном направлении. После этого через несколько километров в районе хутора Папоротного Пшиш делал новый поворот в северо-восточном направлении [20]. Благодаря таким особенностям течения реки, на рассматриваемом участке образовались два условных полуострова, на одном из которых был расположен указанный выше хутор Папоротный [11].

Данный хутор и прилегающие к нему высоты являлись самым дальним участком обороны 32-й гв. сд, который занимали подразделения 80-го гв. сп. При этом необходимо указать, что изучение документов полка не позволяет указать точную дату прибытия ее подразделений в район хутора. Однако подобная возможность открывается благодаря изучению документов других частей, находившихся в озвученном районе. Наиболее подробно проведенный процесс ротации описан в журнале боевых действий 177-го стрелкового полка [9, л. 12]. В соответствии с этим источником, подразделения 32-й гв. сд заняли оборону в районе Папоротного утром 22 августа 1942 года.

Изучение собранных документов позволило установить, что к моменту прибытия дивизии и занятия ее частями указанного участка общая оперативная обстановка в рассматриваемом районе складывалась следующим образом. Подразделения противника после прорыва обороны на левом фланге в стыке между соединениями 18-й армии и 17-го кк, произошедшего 12 августа, продвинулись на 27 км по прямой и заняли станицу Кабардинскую. 14 августа противником был оккупирован рабочий поселок Хадзыженский, расположенный на Майкоп – Туапсинском шоссе [12, с. 20]. Также подразделениями вер-

махта и СС был занят ряд высот в районе поселка Станционный и поселок Асфальтовая Гора, что дало им возможность перерезать строящееся шоссе Хадыженский – Горячий Ключ. В результате тяжелых боев к 15 августа наступление противника на данном участке удалось замедлить, бои приняли затяжной и крайне ожесточенный характер [13, с. 240–241].

Наиболее сложная обстановка при этом складывалась на правом фланге обороны 17-го кк и 18-й армии, где после занятия поселка Хадыженского противник сумел продвинуться еще на 8,6 км по прямой, занять хутора Травалев и Суздальский, выйти к горе Лысая (высота 811,1). В документах корпуса сохранился целый ряд записей, говорящих об опасности создавшейся ситуации и необходимости прекращения отвода частей армии с правого фланга. Здесь важно указать, что документы 18-й армии, изученные в ходе проводимого исследования, пока не позволяют с точностью установить, по какой причине было принято решение на дальнейший отвод ее соединений из рассматриваемого района. Можно предположить, что данное решение было принято на основе оценки реального состояния соединений, находящихся в составе армии, которые понесли большие потери в предыдущих боях. Подобное предположение частично подтверждается сведениями о потерях находившейся на правом фланге 236-й сд. За период с 14 по 17 августа общие потери дивизии составили 5 600 чел., из которых 4 382 чел. числились пропавшими без вести. По данным на 20 августа 1942 г., общая численность дивизии составляла всего 2 680 человек. Немного лучше выглядело состояние 383-й сд, которая, как и 236-я сд, находилась на рассматриваемом участке фронта. В целом изучение документов 18-й армии показывает, что к рассматриваемому времени в ее составе не было ни одного соединения или части, укомплектованного согласно имеющимся штатам [18, л. 1].

Дальнейшее продвижение противника на этом участке создавало угрозу флангового охвата всей группировки, занимавшей оборону в районе станицы Куринской, а в случае захвата высоты 811,1 (гора Лысая) и прилегающих к ней высот 612,7 и 540,1 (гора Точильная) открывало возможность для прорыва к Майкоп – Туапсинскому шоссе в районе

поселка Шубинка, находящегося в тылу наших войск. Таким образом, крайне сложная ситуация, возникшая в результате отхода войск 18-й армии, создавала угрозу возможного окружения всех частей и подразделений, расположенных в этом районе.

Общая обстановка на левом фланге складывалась немного лучше. Однако и здесь имелся целый ряд обстоятельств, которые при негативном развитии событий могли привести к тяжелым последствиям для прибывшей 32-й гв. сд. Одной из таких особенностей являлся разрыв в обороне между позициями частей 32-й гв. сд и 68-й мсбр, протяженностью около 5 км. По какой причине данный район не был занят нашими войсками в настоящий момент не установлено. В большинстве изученных документов указывается, что для закрытия данного разрыва артиллерийскими частями дивизии было создано хорошо организованное огневое прикрытие.

До подхода частей 32-й гв. сд общую оперативную обстановку на данном участке удалось стабилизировать. Однако атаки противника продолжались.

Ход боевых действий в полосе обороны 32-й гв. сд достаточно хорошо отражен в оперативных документах как самого соединения, так и армий и корпуса, в составе которых оно находилось в период своего пребывания на туапсинском направлении. Анализ данных источников показывает, что в период с 21 по 24 августа 1942 г. 32-я гв. сд продолжала сосредоточение своих частей на указанных для нее участках. При этом занятие оборонительных рубежей проходило достаточно сложно, поскольку в это время части дивизии получили целый ряд взаимоисключающих приказов и распоряжений, существенно затруднивших выполнение боевых задач.

Сложившаяся ситуация достаточно подробно описана в журнале боевых действий 32-й гв. сд, в котором отмечено, что 80-й гв. сп после сосредоточения в районе хутора Папоротный получил приказ на передислокацию к перевалу Гойтх. Данный приказ был отменен, когда полк уже находился на марше. В результате 80-й гв. сп повторно занял ранее обозначенный рубеж обороны. В подобном положении оказался и 85-й гв. сп, получивший приказ о смене уходящего 80-го гв. сп. Однако

85-й гв. сп также был остановлен на марше и вернулся на ранее занимаемый рубеж. Передислокация коснулась и 82-го гв. сп, который 23 августа в соответствии с приказом командования 17-го кк одним батальоном и специальными подразделениями должен был занять район Елизаветпольского перевала (в настоящее время – Шаумянский перевал). Результатом всех обозначенных манипуляций стало то, что сосредоточение частей дивизии было завершено только к 15:00 25 августа 1942 года. Потери 32-й гв. сд за рассматриваемый период составили: 85-й гв. сп – 7 чел. убито, 46 ранено; 82-й гв. – сп 1 чел. убит, 3 ранено; 80-й гв. сп потерь не имел [8, л. 14–15].

Активизация боевых действий в полосе обороны дивизии фиксируется 28 августа 1942 года. В этот день группировка противника численностью свыше одного полка пехоты при поддержке конницы и авиации перешла в наступление на участке высот 303,9, 356,3, 247,5, хутор Папоротный. Во время боя зафиксировано непрерывное нахождение в воздухе до 20 самолетов противника. Все атаки, предпринятые противником, в этот день были отбиты.

29 августа, в соответствии с записями в журнале боевых действий, подразделения противника численностью до двух рот при поддержке 5 танков пять раз переходили в атаку на участке обороны 3-го батальона 80-го гв. сп, расположенного у хутора Папоротный. В ходе боя противник на данном направлении был отброшен. Подбито 3 танка.

Подробности боя у хутора Папоротный подробно зафиксированы в воспоминаниях командира отделения роты ПТР Павла Тихоновича Шумеева, написанных в 1964 г.: «К нам в окопы прибежали женщины с детьми и сообщили, что по руслу Пшиша идут немецкие танки. Вскоре появились и танки, они шли по обмелевшему руслу реки, густые цепи пехоты шли по левому берегу. Наш взвод противотанковых ружей открыл по ним огонь, пули ПТР только высекали искры из танковой брони, не причиняя вреда. Тогда я приказал отделению прикрывать меня огнем, пополз наперерез танкам. С крутого берега реки я бросил в передний танк гранату, взрывной волной ему сорвало башню. Остальные танки повернули в кукурузу, что росла на нашем берегу

реки, за танками в кукурузу втянулась и пехота. По танкам и пехоте ударила наша артиллерия» [22, с. 6–7].

Описанный Павлом Тихоновичем боевой эпизод во многом дополняют воспоминания другого участника боя 29 августа старшины 7-й роты 3-го батальона 80-го гв. сп Ивана Николаевича Васькова: «Часа в два неожиданно показались немцы, и я побежал надевать сапоги. Сергей Внуковский зачем-то стал надевать шинель и поднялся над окопом. Рыжий немец прошел его автоматной очередью. Автоматная пуля пробила крышу и разорвалась, осколочек попал мне чуть выше глаза. В этом же бою ранило Масюту и одного солдата еврейской национальности, которого пуля ранила в большой палец ноги и разорвалась в пятке. Мартыненко и Шумеев стреляли по танку из ПТР, я стоял недалеко, взрывом снаряда меня отбросило в сторону» [3, с. 3].

30 и 31 августа тяжелые бои на участке обороны дивизии продолжались. В течение всего дня 30 августа противник продолжал попытки занять хутор Папоротный, высоту 356,3, а также вклиниться в оборону подразделений 82-го гв. сп и 85-го гв. сп в районе высот 519,6 и 374,2. В период с 28 по 30 августа потери дивизии составили: убитыми – 318, ранеными – 494 человека. Данные по потерям за 31 августа в рассмотренном источнике отсутствуют. Потери противника за это же время оценены в 1 000 чел. убитых и около 1 800 раненых [8, л. 15–17].

Результаты. Проведенное изучение документов 32-й гв. сд позволяет сделать вывод о том, что к моменту своего прибытия на туапсинское направление формирование данного соединения еще не было завершено. Данный факт подтверждают сведения о численности дивизии, а также отсутствие в составе 32-й гв. сд 27-го мсб. При этом личный состав соединения был достаточно хорошо подготовлен, имел значительный боевой опыт. Согласно донесению о численном и боевом составе, 32-я гв. сд располагала достаточным количеством огневых средств. Личный состав был в значительной мере обеспечен автоматическим стрелковым оружием [15]. Данные факторы позволили дивизии, несмотря на тяжесть сложившейся ситуации, специфику природных условий и отсутствие опыта ведения

боевых действий в горно-лесистой местности, удерживать вверенный участок обороны в период летнего наступления противника на город Туапсе. 32-я гв. сд совместно с другими частями будет удерживать озвученный район и в дальнейшем, вплоть до 16 октября 1942 года. Длительная оборона одного из ключевых направлений окажет серьезное влияние на ход боевых действий на участке 18-й армии и туапсинского направления в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникеев А. А., Януш С. В. Битва за Кавказ (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) в истории Великой Отечественной войны // Вестник Ставропольского государственного университета. 2005. № 40. С. 20–28.
2. Боевая характеристика 32-й гв. сд. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 47. Оп. 1063. Д. 429. 14 л.
3. Васьков И. Н. Воспоминания старшины 7 роты 3-го батальона 80-го гвардейского стрелкового полка 32 гвардейской стрелковой дивизии // Архив музея СШ № 25 ст-цы Куринской. 5 с.
4. Георгиевская Е. П. Воспоминания о поиске капитана медицинской службы Деревянко С. М. // Архив музея СШ № 25 ст-цы Куринской 2022. 2 с.
5. Гречко А. А. Битва за Кавказ М.: Воениздат, 1967. 424 с.
6. Директивы и указания штаба Северокавказского фронта № 713/ОП // ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 811. Д. 21. 1 л.
7. Донесение о численном и боевом составе 32 гв. сд // ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 101. 2 л.
8. Журнал боевых действий 32-й гв. сд // ЦАМО РФ. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 4. 343 л.
9. Журнал боевых действий 177-го стрелкового полка // ЦАМО РФ. Ф. 6570. Оп. 89872. Д. 7. 189 л.
10. Закуреньков Н. К. 32-я гвардейская: Боевой путь 32-й гвардейской стрелковой Таманской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии. М.: Воениздат, 1978. 207 с.
11. Карта положения войск фронта на 13 и 14 августа 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 275. 1 л.
12. Киндяков С. А. Боевые действия за станицу Хадзыженскую Апшеронского района во время проведения Туапсинской оборонительной операции в августе 1942 года. К проблеме изучения // Современные исследования государства и общества. 2016. № 3. С. 18–25.
13. Киндяков С. А., Жукова Ю. А. Боевые действия за станицу Хадзыженскую в контексте общей боевой обстановки на туапсинском направлении в августе 1942 года // Причерноморье в контексте

обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию победы в Великой Отечественной войне. Краснодар: КубГУ, 2020. С. 239–243.

14. Киндяков С. А. Отчет о разведывательной экспедиции в район хутора Папоротный, проведенной в период 2–3 сентября 2015 г. // Архив Краснодарской региональной поисково-исследовательской организации «Высота». 2015. 2 с.
15. Киндяков С. А. Отчет о проведенной поисково-разведывательной экспедиции по маршруту подножья высоты 278.0, высоты 350.3, Балка Сухая за 28.04.2017 года // Архив Краснодарской региональной поисково-исследовательской организации «Высота». 2017. 2 с.
16. Повалий М. И., Плотников Ю. В., Ананьев И. М. Восемнадцатая в сражениях за Родину. М.: Воениздат, 1982. 526 с.
17. Пятигорский Э. И. История – это то, что было. Туапсинская оборонительная операция. Хроника. Факты. Размышления, комментарии и версии краеведа. Туапсе: Туапс. тип. Соч. ППО, 1992. 421 с.
18. Сведения о боевом и численном составе 18 А по состоянию на август 1942 года // ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 811. Д. 5. 2 л.
19. Сведения о пополнениях 32 гв. сд за период с 20 августа по 20 ноября 1942 года // ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 101. 1 л.
20. Спутниковый снимок г. Хадзыженска и прилегающей территории. URL: <https://yandex.ru/maps/?l=sat%2Cskl&ll=39.469930%2C44.390512&z=12>
21. Тиханов М. Ф. В боях за Северный Кавказ: воспоминания командира 32 гвардейской стрелковой дивизии // Архив Туапсинского историко-краеведческого музея им. Н. Г. Политаева. 1965. 42 с.
22. Шумеев П. Т. Воспоминания командира отделения бронебойщиков 7 роты 3-го батальона 80-го гвардейского стрелкового полка 32-й гвардейской стрелковой дивизии // Архив музея СШ № 25 ст-цы Куринской. 1964. 7 с.
23. Януш С. В., Селюнин В. А. Операции Красной армии на Северном Кавказе 1942–1943 гг. // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 90–99.

REFERENCES

1. Anikeev A. A., Yanush S. V. Bitva za Kavkaz (iyul 1942 – oktyabr 1943 gg.) v istorii Velikoj Otechestvennoj vojny [Battle for the Caucasus (July 1942 – October 1943) in the History of the Great Patriotic War]. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Stavropol State University], 2005, no. 40, pp. 20–28.
2. Boevaya kharakteristika 32-j gv. sd. [Combat Characteristics of the 32nd Guards Rifle Division].

Centralnyj arkhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii (daleye – TsAMO RF) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 47, inv. 1063, d. 429. 141.

3. Vaskov I.N. Vospominaniya starshiny 7 rotы 3-go batalyona 80-go gvardejskogo strelkovogo polka 32 gvardejskoj strelkovoj divizii [Memoirs of the Foreman of the 7th Company of the 3rd Battalion of the 80th Guards Rifle Regiment of the 32nd Guards Rifle Division]. *Arkhiv muzeya SSh № 25 st-tsy Kurinskoy* [Archive of the Museum of Secondary School No. 25, Kurinskaya Village]. 5 p.

4. Georgievskaya E.P. Vospominaniya o poiske kapitana medicinskoj sluzhby Derevyanko S.M. [Memories of the Search for the Captain of the Medical Service Derevyanko S.M.] *Arkhiv muzeya SSh № 25 st-tsy Kurinskoy* [Archive of the Museum of Secondary School No. 25, Kurinskaya Village], 2022. 2 p.

5. Grechko A.A. *Bitva za Kavkaz* [Battle of the Caucasus]. Moscow, Voenizdat, 1967. 424 p.

6. Direktivy i ukazaniya shtaba Severokavkazskogo fronta № 713/OP [Directives and Instructions the Headquarters of the North Caucasian Front No. 713/OP]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 276, inv. 811, d. 21. 11.

7. Donesenie o chislennom i boevom sostave 32 gv. sd [Report on the Numerical and Combat Strength of the 32nd Guards Rifle Division]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 371, inv. 6367, d. 101. 21.

8. Zhurnal boevykh dejstvij 32-j gv. sd [Journal of Combat Operations of the 32nd Guards Rifle Division]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 1118, inv. 1, d. 4. 343 l.

9. Zhurnal boevykh dejstvij 177-go strelkovogo polka [Journal of Combat Operations of the 177th Rifle Regiment]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 6570, inv. 89872, d. 7. 189 l.

10. Zakurenkov N.K. *32-ya gvardejskaya: Boevoy put 32-j gvardejskoj strelkovoj Tamanskoj Krasnoznamennoj, ordena Suvorova divizii* [32nd Guards: Battle Path of the 32nd Guards Rifle Taman Red Banner, Order of Suvorov Division]. Moscow, Voenizdat, 1978. 207 p.

11. Karta polozheniya vojsk fronta na 13 i 14 avgusta 1942 g. [Map of the Position of the Front Troops on August 13 and 14, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 224, inv. 760, d. 275. 11.

12. Kindyakov S.A. Boevye dejstviya za stanitsu Khadyzhenskuyu Apsheronского rajona vo vremya provedeniya Tuapsinskoj oboronitelnoj operacii v avguste 1942 goda. K probleme

izucheniya [Fighting for the Village of Khadyzhenskaya of the Absheron District During the Tuapse Defensive Operation in August 1942. To the Problem of Studying]. *Sovremennye issledovaniya gosudarstva i obshchestva* [All-Russian Scientific Journal Modern Studies of the State and Society], 2016, no. 3, pp. 18-25.

13. Kindyakov S.A., Zhukova Yu.A. Boevye dejstviya za stanicu Hadyzhenskuyu v kontekste obshchej boevoy obstanovki na tuapsinskom napravlenii v avguste 1942 goda [Fighting for the Village of Khadyzhenskaya in the Context of the General Combat Situation in the Tuapse Direction in August 1942]. *Prichernomorye v kontekste obespecheniya nacionalnoj bezopasnosti Rossii: k 75-letiyu pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Black Sea Region in the Context of Ensuring Russia's National Security: To the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. Krasnodar, KubGU, 2020, pp. 239-243.

14. Kindyakov S.A. Otchet o razvedyvatelnoj ekspedicii v rajon khutora Paporotnyj, provedennoj v period 2–3 sentyabrya 2015 g. [Report on a Reconnaissance Expedition to the Area of the Paporotny Farm Conducted in the Period of September 2–3, 2015]. *Arkhiv Krasnodarskoj regionalnoj poiskovo-issledovatel'skoj organizatsii «Vysota»* [Archive of the Krasnodar Regional Search and Research Organization Height], 2015. 2 p.

15. Kindyakov S.A. Otchet o provedennoj poiskovo-razvedyvatelnoj ekspedicii po marshrutu podnozhyia vysoty 278.0, vysoty 350.3, Balka Sukhaya za 28.04.2017 goda [Report on the Search and Reconnaissance Expedition Conducted Along the Route of the Foot of the Height 278.0, Height 350.3, Sukhaya Beam for 28.04.2017]. *Arkhiv Krasnodarskoj regionalnoj poiskovo-issledovatel'skoj organizatsii «Vysota»* [Archive of the Krasnodar Regional Search and Research Organization Height], 2017. 2 p.

16. Povaliy M.I., Plotnikov Yu.V., Ananyev I.M. *Vosemnadcataya v srazheniyah za Rodinu* [Eighteenth in the Battles for the Motherland]. Moscow, Voenizdat, 1982. 526 p.

17. Pyatigorsky E.I. *Istoriya – eto to, chto bylo. Tuapsinskaya oboronitelnaya operaciya. Hronika. Fakty. Razmyshleniya, kommentarii i versii kraevedov* [History Is What It Was. Tuapse Defensive Operation. Chronicle. Evidence. Reflections, Comments and Versions of the Local Historian]. Tuapse, Tuaps. tip. Soch. PPO, 1992. 421 p.

18. Svedeniya o boevom i chislennom sostave 18 A po sostoyaniyu na avgust 1942 goda [Information About the Combat and Numerical Strength of 18 A as of August 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 276, inv. 811, d. 5. 21.

19. Svedeniya o popolnleniyakh 32 gv. sd za period s 20 avgusta po 20 noyabrya 1942 goda. [Information on Reinforcements of the 32nd Guards Rifle Division for the Period from August 20 to November 20, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 371, inv. 6367, d. 101. 1 l.

20. *Sputnikovyj snimok g. Khadyzhenska i prilegayushhej territorii* [Satellite Image of the City of Khadyzhensk and the Surrounding Area]. URL: <https://yandex.ru/maps/?l=sat%2Cskl&ll=39.469930%2C44.390512&z=12>

21. Tikhonov M.F. V boyakh za Severnyj Kavkaz: vospominaniya komandira 32 gvardejskoj strelkovoj divizii [In the Battles for the North Caucasus: Memoirs of the Commander of the 32nd Guards Rifle Division]. *Arkhiv Tuapsinskogo istoriko-krayevedcheskogo muzeya*

im. N.G. Politayeva [Archive of the Tuapse Museum of Local History Named After N.G. Politaev], 1965. 42 p.

22. Shumeev P.A. Vospominaniya komandira otdeleniya bronebojshhikov 7 roty 3-go batalyona 80-go gvardejskogo strelkovogo polka 32 gvardejskoj strelkovoj divizii [Memoirs of the Commander of the Armored Truck Squad of the 7th Company of the 3rd Battalion of the 80th Guards Rifle Regiment of the 32nd Guards Rifle Division]. *Arkhiv muzeya SSH № 25 st-tsy Kurinskoy* [Archive of the Museum of Secondary School No. 25, Kurinskaya Village], 1964. 7 p.

23. Janush S.V., Selyunin V.A. Operacii Krasnoj armii na Severnom Kavkaze 1942–1943 g. [Red Army Operations in the North Caucasus 1942–1943]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2010, no. 1, pp. 90–99.

Information About the Author

Sergey A. Kindyakov, Master of Science, History Teacher, Junior Researcher, Yekaterinodar Theological Seminary, Frunze, 67, 350000 Krasnodar, Russian Federation; Chairman, Krasnodar Regional Public Research and Search Organization “Height”, Novitskogo St, 103, 352672 Kurinskaya, Krasnodarsky krai, Russian Federation, Visota-org-region@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0833-2423>

Информация об авторе

Сергей Александрович Киндяков, магистр, преподаватель истории, младший научный сотрудник, Екатеринодарская духовная семинария, ул. Фрунзе, 67, 350000 г. Краснодар, Российская Федерация; председатель, Краснодарская региональная общественная поисково-исследовательская организация «Высота», ул. Новицкого, 103, 352672 ст-ца Куринская, Краснодарский край, Российская Федерация, Visota-org-region@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0833-2423>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.13>

UDC 930(470.45)«1942/1943»

LBC 63.3(2)622

Submitted: 16.09.2024

Accepted: 22.12.2024

**“ALL PARTS ARE TO BE REFORMED...”:
TO THE HISTORY OF THE COMBAT PATH OF THE 8th MOTOR RIFLE DIVISION
OF THE INTERNAL TROOPS OF THE NKVD (JULY 1942)**

Maxim A. Strelnikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The participation of the Internal Troops of the NKVD in the Great Patriotic War is a well-known phenomenon. They were used throughout the entire conflict. However, despite the fame and significance, including practical, of the topic, it can hardly be called fully studied. Thus, the issue of the use of the Internal Troops of the NKVD in the Battle of Stalingrad is an important scientific study, but most of the research is devoted only to the 10th Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD. However, as the author managed to establish, in addition to this formation, the Stalingrad Front also included the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD. This is the issue covered in the article. *Methods and materials.* The study used general scientific and specific scientific methods. The materials of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation were used. All sources by type are written and are represented by the following type groups: office work and accounting documentation, reference materials. *Analysis.* An analysis of the works of domestic authors has shown that the experience of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD in the Great Patriotic War is of little interest to researchers. Only individual episodes of the unit's participation in some battles are reflected in historiography. The study examines the issue of the participation of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD in combat operations and its withdrawal from them during the first half of July 1942, when the unit will be included in the forming Stalingrad Front. *Results.* It was revealed that the unit had serious problems with the provision of material and technical equipment and staffing. The author established the reasons for these issues. It was also possible to trace in detail the entire combat path of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD for the specified period, down to individual units from the main and attached composition. Statistical data on the composition, losses, and provision of the material and technical base of the unit are presented in tabular form.

Key words: NKVD, Battle of Stalingrad, defense of Stalingrad, 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD, Internal Troops.

Citation. Strelnikov M.A. “All Parts are to Be Reformed...”: To the History of the Combat Path of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD (July 1942). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 159-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.13>

УДК 930(470.45)«1942/1943»

ББК 63.3(2)622

Дата поступления статьи: 16.09.2024

Дата принятия статьи: 22.12.2024

**«ВСЕ ЧАСТИ ПЕРЕФОРМИРОВАТЬ...»:
К ИСТОРИИ БОЕВОГО ПУТИ 8-й МОТОСТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК НКВД (ИЮЛЬ 1942 г.)**

Максим Александрович Стрельников

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Участие внутренних войск НКВД в Великой Отечественной войне – достаточно известное явление. Их применение осуществлялось в период всего конфликта. Однако, несмотря на извест-

ность и значимость, в том числе практическую, темы, ее трудно назвать вполне изученной. Так, вопрос применения внутренних войск НКВД в Сталинградской битве является важным научным исследованием, но большинство изысканий посвящено только 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД. Однако, как удалось установить автору, кроме этого соединения в состав Сталинградского фронта также входила 8-я мотострелковая дивизия внутренних войск НКВД. Этому вопросу и посвящена статья. *Методы и материалы.* В исследовании применялись общенаучные и частнонаучные методы. Были использованы материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Все источники по типу являются письменными и представлены следующими видовыми группами – делопроизводственная и учетная документация, справочный материал. *Анализ.* Анализ работ отечественных авторов показал, что опыт участия 8-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД в Великой Отечественной войне мало интересует исследователей. Лишь отдельные эпизоды участия соединения в некоторых сражениях имеют отражение в историографии. В исследовании рассмотрен вопрос участия 8-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД в боевых действиях и по ее выводу из них в период первой половины июля 1942 г., когда соединение будет включено в состав формируемого Сталинградского фронта. *Результаты.* Было выявлено, что соединение имело серьезные проблемы с обеспечением материально-технической части и укомплектованностью личным составом. Автором были установлены причины указанных моментов. Также удалось подробно проследить весь боевой путь 8-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД за указанный период, вплоть до отдельных подразделений из основного и приданного состава. Статистические данные по составу, потерям, обеспеченности материально-технической базой соединения представлены в табличном виде.

Ключевые слова: НКВД, Сталинградская битва, оборона Сталинграда, 8-я мотострелковая дивизия ВВ НКВД, внутренние войска.

Цитирование. Стрельников М. А. «Все части переформировать...»: к истории боевого пути 8-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД (июль 1942 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 159–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.13>

Введение. Участие войск НКВД в Великой Отечественной войне является актуальной, но недостаточно исследованной темой. Это можно проследить на примере Сталинградской битвы. Как известно, в сражении принимала участие 10-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД, однако это не единственное соединение из состава внутренних войск НКВД (далее – ВВ НКВД), которое входило в состав Сталинградского фронта.

На основании Директивы Ставки Верховного Главнокомандования № 170495 от 12 июля 1942 г. был сформирован Сталинградский фронт [22, л. 1], в который также была включена 21-я армия. В состав последней входила 8-я мотострелковая дивизия ВВ НКВД. Ее участие в Сталинградской битве обходят стороной, хотя это важно для восполнения «белых пятен» в истории сталинградской эпопеи. Это поможет определить особенности начального этапа оборонительного сражения, например характеристику состояния сил Сталинградского фронта, и, соответственно, позволит скорректировать итоги битвы, то есть подчеркнуть ее значение в рамках всей Великой Отечественной войны. В этом есть

необходимость в связи с процессом фальсификации истории Второй мировой войны и оспаривания ее итогов. Исследованию вопроса деятельности 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД в указанный период и посвящена статья.

Методы и материалы. В исследовании применялись общенаучные и частнонаучные (нарративный, проблемный, историко-генетический) методы, которые позволили проследить особенности деятельности 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД. В статье использованы материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (источники личного происхождения по теме автором не были выявлены).

Анализ. Количество работ об участии 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД в Великой Отечественной войне незначительно. Так, нами была выявлена лишь одна статья из сборника конференции об участии соединения в Курско-Обоянской наступательной операции [34]. В работах, посвященных Сталинградской битве, есть лишь упоминания о формировании 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД в г. Воронеже, боях за г. Обоянь и

ее преобразовании в 63-ю стрелковую дивизию [36, с. 221; 37, с. 704]. В то же время в период между образованием Сталинградского фронта¹ и 63-й стрелковой дивизии соединение было в составе ВВ НКВД. В этой связи необходимо рассмотреть деятельность 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД в период первой половины июля 1942 года.

Первоначально соединение совершало передислокацию из района окружения. В этой связи в 14 ч 3 июля 1942 г. оно начало форсирование р. Оскол южнее г. Старый Оскол (Курская область), захватив переправу у с. Нижне-Чуфичево силами взвода бронемашин и двух батарей 10-го гаубичного артиллерийского полка Резерва Верховного Главнокомандования (далее – 10-й гаубичный артиллерийский полк РВГК)² [13, л. 218–218 об.]. Переправу формирований с 15 ч. поддерживал 538-й легкий артиллерийский полк РВГК, который также преодолевал реку [15, л. 45; 32, л. 39]³.

4 июля 1942 г. 8-я мотострелковая дивизия ВВ НКВД оказалась в районе с. Городище (Шаталовский район, Воронежская область) [13, л. 218 об.]⁴, куда ранее вышел 538-й легкий артиллерийский полк РВГК [15, л. 45; 32, л. 39–40]. Однако последний еще не будет придан соединению, а продолжит передислокацию своим маршрутом (Городище – Шаталовка – Фабрицкий – Плотова – Девица – Коротояк⁵) [15, л. 46; 32, л. 39–40].

К 6 июля 1942 г. основные подразделения 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД форсировали р. Оскол в районе с. Городище, но продолжали движение по маршруту Городище – Шаталовка – Россось – Репьевка – Солдатское – Девица [13, л. 218 об.]⁶. В дальнейшем в соответствии с боевым распоряжением № 25 от 5 июля 1942 г. штаба 21-й армии и боевым распоряжением № 045 от 7 июля 1942 г. штаба 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД соединение формировало р. Дон у с. Урыво-Покровское (Коротоякский район, Воронежская область) для занятия нового рубежа обороны по восточному берегу (у с. Троицкое) [9]. В это же время по распоряжению начальника штаба артиллерии 21-й армии 538-й легкий артиллерийский полк РВГК будет придан 8-й мотострелковой дивизии

ВВ НКВД для прикрытия ее переправы [15, л. 46; 32, л. 40]⁷. Лишь 6-й мотострелковый полк ВВ НКВД самым последним вышел на маршрут и к 7 июля 1942 г. передислоцировался в район с. Городище [13, л. 218 об., 220].

Движение 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД было продолжено от с. Троицкое к с. Шестаково (Лосевский район, Воронежская область) через с. Петропавловка (Коротоякский район), с. Давыдовка (Давыдовский район, Воронежская область) и с. Средний Икорец (Лискинский район, Воронежская область) [9, л. 39; 13, л. 220; 32, л. 40]. 8 июля 1942 г. в соответствии с шифровкой штаба 21-й армии соединение передислоцируется в район хут. Ямный (Лосевский район) [13, л. 220].

К 11 июля 1942 г. основные силы дивизии сосредоточивались в районе хут. Ямный, кроме 28-го мотострелкового полка ВВ НКВД (с. Малый Кисляй) и 538-го легкого артиллерийского полка РВГК (с. Шестаково⁸) [14, л. 211; 24–29].

В соответствии с боевым распоряжением № 0381 от 13 июля 1942 г. командующего 21-й армии и боевым распоряжением № 046 от 13 июля 1942 г. штаба 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД соединение передислоцируется из района хут. Ямный (Бутурлиновский район, Воронежская область) и располагается в районах с. Козловка (основные силы) и пос. Земледелец (10-й гаубичный артиллерийский полк РВГК, взвод бронемашин, заградительный батальон, комендантский взвод, легкий инженерный батальон, отдельная зенитная артиллерийская батарея, отдельная мотострелковая разведывательная рота, отдельный батальон связи, отдельный минометный дивизион, штабная батарея начальника артиллерии дивизии) [10; 12, л. 182; 29].

За все время с 12 по 14 июля 1942 г. 8-я мотострелковая дивизия ВВ НКВД соприкосновения с противником не имела, Вермахт лишь проводил авиационную разведку над местами дислокации [14, л. 211; 24–31]. Соединение приводило в порядок материально-техническую часть и доукомплектовывалось личным составом.

В соответствии с директивой № ОУ/002864 от 1 июля 1942 г. командующего Юго-Западным фронтом и приказом № 00117 от 14 июля 1942 г. штаба 8-й мотострелковой ди-

визии ВВ НКВД «О переименовании 8 мотострелковой дивизии НКВД в 63 стрелковую дивизию и переформировании частей дивизии по новым штатам» соединение с 14 июля 1942 г. переформируется в 63-ю стрелковую дивизию [14, л. 214; 33]. Однако в делопроизводственной документации соединения и его подразделений продолжала именоваться вплоть до 17–20 июля 1942 г. как и прежде [2; 11; 14, л. 215]. Поскольку процесс переформирования и доукомплектования был длительным, а подразделения со штабом дивизии не всегда имели связь [14, л. 211–211 об.], формирование и далее нами будет именоваться 8-я мотострелковая дивизия ВВ НКВД (до 17 июля 1942 г.).

В соответствии с приказом № 020/ОП от 13 июля 1942 г. штаба 21-й армии и приказом № 019 от 14 июля 1942 г. штаба 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД соединение с 15 июля 1942 г. передислоцируется в район хут. Зимняцкий (Фрунзенский район, Сталинградская область). Отправление осуществлялось по железной дороге (для пехоты) тремя эшелонами по маршруту Бутурлиновка – Таловая – Новохоперск – Поворино – Новоанненский – Серебряково, гужевой транспорт по маршруту Бутурлиновка – Воробьевка – Верхний Бык – Новоанненский – Михайловка – Зимняцкий и пятью автоколоннами (для автомобильного транспорта) по маршруту Бутурлиновка – Елань-Колено – Новохоперск – Урюпинск – Новоанненский – Бочаров – Панфилов – Шарашинский – Арчединская – Серебряково – Зимняцкий [11; 14, л. 211–211 об.]. Однако в пути следования дивизия получила новое указание штаба 21-й армии от 17 июля 1942 г. о ее передислокации в район Староселье – Гуров (Раковский район, Сталинградская область) [14, л. 211 об.].

Изучив вопрос участия 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД в боевых действиях в период первой половины июля 1942 г., необходимо перейти к рассмотрению штатного и материально-технического состояния соединения. Так, согласно штату 1940 г. для мотострелковых дивизий военного времени [1, с. 617] некомплект личного состава в 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД составлял 77,33 % от штатной численности [35] (см. табл. 1)⁹.

Стоит отметить, что в делопроизводственной документации соединения упоминаются также иные подразделения (военно-транспортная служба, депо огневых припасов, отдельная химическая рота защиты, отдельный противотанковый дивизион, отдельный танковый батальон¹⁰, парковый взвод, полевая касса Государственного банка СССР, склад горюче-смазочных материалов, школа младшего командного состава) [12; 24–27], но их состав неизвестен. Общий некомплект личным составом в 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД связан с понесенными потерями в период ее передислокации (см. табл. 2)¹¹.

Стоит отметить, что по потерям 10-го гаубичного артиллерийского полка РВГК не установлено – указаны ли это потери с учетом прибывших 11 июля 1942 г. 24 военнослужащих из числа ранее пропавших без вести и 48 чел. пополнения [23, л. 96]. Однако можно констатировать, что не было учтено 30 чел. (из числа пропавших без вести), которые вернулись в расположение части 12 июля 1942 года.

538-й легкий артиллерийский полк РВГК, который был придан 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД, на 16 июля 1942 г. был укомплектован на 77,75 %¹² и имел налицо 304 человека [15, л. 47]. Если учесть данное формирование и неучтенных 30 военнослужащих, то общий некомплект соединения составит 75,57 %.

Переходя к материально-техническому состоянию 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД, можно отметить, что оно было неудовлетворительное. Связано это с потерями, понесенными в период выхода из окружения (см. табл. 3) и участия в боевых действиях на старооскольском направлении.

Также стоит отметить, что материально-техническое состояние отдельных подразделений было различным (см. табл. 4).

Кроме прочего, 10-й гаубичный артиллерийский полк РВГК имел проблемы в обеспечении оптическими средствами и связи, но за время боевой деятельности в конце июня 1942 г. имел превосходство (в 2 раза) над артиллерийскими средствами Вермахта, что компенсировало названную сложность при наблюдении и уничтожении противника [16, л. 1 об.]. Потери же в автотракторном парке, кроме прочего, связаны с неудачной переправой в брод р. Оскол 3 июля 1942 года [23, л. 93 об.].

Таблица 1. Количество личного состава в 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД (12 июля 1942 г.)

Table 1. Number of personnel in the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD (July 12, 1942)

Формирование	Количество, чел.
Управление дивизии	110
Комендантский взвод	52
Взвод Особого отдела	33
Военная прокуратура и военный трибунал	8
Штабная батарея начальника артиллерии дивизии	29
Отдельный батальон связи	112
Легкий инженерный батальон	86
Отдельный минометный дивизион	67
Медико-санитарный батальон	82
6-й мотострелковый полк ВВ НКВД	506
16-й мотострелковый полк ВВ НКВД	541 ¹
28-й мотострелковый полк ВВ НКВД	397
10-й гаубичный артиллерийский полк РВГК	621
Отдельный автотранспортный батальон	135
Отдельная зенитная артиллерийская батарея	68
Отдельная мотострелковая разведывательная рота	75
Отдельная ремонтно-восстановительная рота	27
Отдельная рота противотанковых ружей	18
Взвод бронемашин	24
Заградительный батальон	41
Полевая почтовая станция № 590 и Особый отдел дивизии	28
<i>Всего</i>	3 060

Примечания. Составлено по: [6; 35]. ¹ Уточнено по боевому донесению № 333 от 12 июля 1942 г. штаба 16-го мотострелкового полка ВВ НКВД.

Notes. Compiled from: [6; 35]. ¹ Clarified according to combat report No. 333 dated July 12, 1942, of the headquarters of the 16th Motor Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD.

Таблица 2. Потери личного состава 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД (30 июня – 8 июля 1942 г.)¹

Table 2. Losses of personnel of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD (June 30 – July 8, 1942)

Потери, чел.	Подразделения					
	16 мсп ВВ НКВД	28 мсп ВВ НКВД	10 гап РВГК	538 лап РВГК	омд	озаб
Убито	–	17	23	–	8	3
Ранено		30	39		8	8
Пропало без вести		783	247		74	–
<i>Всего</i>	919	830	309	161 ^{II}	90	11

Примечания. Составлено по: [15, л. 47; 27; 32, л. 41]. ¹ Использованные сокращения: гап – гаубичный артиллерийский полк; лап – легкий артиллерийский полк; мсп – мотострелковый полк; озаб – отдельная зенитная артиллерийская батарея; оmd – отдельный минометный дивизион. ^{II} По уточненным данным.

Notes. Compiled from: [15, l. 47; 27; 32, l. 41]. ¹ Abbreviations used: гап – Howitzer Artillery Regiment; лап – Light Artillery Regiment; мсп – Motor Rifle Regiment; озаб – Separate Anti-aircraft Artillery Battery; оmd – Separate Mortar Division. ^{II} According to updated data.

Таблица 3. Потери вооружения и материально-технической части 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД (30 июня – 8 июля 1942 г.)

Table 3. Losses of weapons and material and technical units of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD (June 30 – July 8, 1942)

Потери	Подразделения					
	16 мсп ВВ НКВД	28 мсп ВВ НКВД	10 гап РВГК	538 лап РВГК	омд	озаб
Лошади	35	30	–	–	–	–
Автомашины, из них:	10	17	14	5	12	5
– легковые	–	–	–	1	–	–
– грузовые	9	–	–	4	–	–
– специальные	1	–	–	–	–	–
Тракторы	–	–	15	14	–	–
Револьверы	–	–	–	–	7	–
Винтовки	685	419	150	–	95	–
Самозарядные винтовки	–	61	–	–	–	–
Пистолеты-пулеметы	87	70	6	–	5	–
Пулеметы, из них:	21	12	–	–	–	–
– ручные	20	10	–	–	–	–
– станковые	1	2	–	–	–	–
Противотанковые ружья	20	16	15	–	2	–
Минометы, из них:	35	3	–	–	12	–
– кал. 50 мм	–	1	–	–	–	–
– кал. 82 мм	–	2	–	–	–	–
– кал. 122 мм	–	–	–	–	12	–
Орудия, из них:	2	1	6	9	2	2
– кал. 20 мм (ШВАК)	–	–	–	–	–	2
– кал. 45 мм	–	1	–	–	–	–
– кал. 76 мм	2	–	1	9	2	–
– кал. 82 мм	–	–	–	–	–	–
– кал. 122 мм	–	–	5	–	–	–
Полевые кухни	–	–	–	–	2	–
Противогазы	–	–	–	–	113	–

Примечание. Составлено по: [15, л. 47; 27; 32, л. 41].

Note. Compiled from: [15, l. 47; 27; 32, l. 41].

Таблица 4. Состояние материально-технической части 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД¹Table 4. The state of the material and technical unit of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD

МТЧ	16 мсп ВВ НКВД ^{II}	28 мсп ВВ НКВД ^{III}	538 лап РВГК ^{IV}	8 мсд ВВ НКВД ^V
Патроны винтовочные (б/к)	0,5	0,8	0,8	0,2
Гранаты (б/к)		0,5		—
Патроны ПТР (б/к)		0,1		0,1
Мины (б/к), из них:		0,25		0,15
— кал. 50 мм		0,4		0,2
— кал. 82 мм		0,1		0,1
Снаряды (б/к), из них:		0,6		0,2
— кал. 45 мм		0,9		0,2
— кал. 76 мм		0,3		0,2
ГСМ (заправок)	—	1	2	1
Продовольствие (с/д)	1 ^{VI} 10 ^{VII}	1	5	нет ^{VIII}

Примечания. Составлено по: [3–8; 17–20; 24–31; 32, л. 42].¹ Используемые сокращения: б/к – боекомплект; ГСМ – горюче-смазочные материалы; мсд – мотострелковая дивизия; МТЧ – материально-техническая часть; с/д – сутки-дача; ПТР – противотанковое ружье.^{II} За период 11–13 июля 1942 года. ^{III} За период 10–13 июля 1942 года. ^{IV} На 19 июля 1942 года. ^V За период 10–14 июля 1942 года. ^{VI} На 11 июля 1942 года. ^{VII} На 12–13 июля 1942 года. ^{VIII} В оперативных сводках соединения указано, что подразделения не имеют продовольствия и довольствуются за счет местных ресурсов.

Notes. Compiled from: [3–8; 17–20; 24–31; 32, l. 42].¹ Abbreviations used: б/к – ammunition; ГСМ – fuel and lubricants; мсд – Motor Rifle Division; МТЧ – material and technical unit; с/д – day-dacha; ПТР – anti-tank rifle.^{II} For the period July 11–13, 1942. ^{III} For the period July 10–13, 1942. ^{IV} As of July 19, 1942. ^V For the period July 10–14, 1942. ^{VI} As of July 11, 1942. ^{VII} As of July 12–13, 1942. ^{VIII} The unit's operational reports indicate that the units have no food and are making do with local resources.

538-й легкий артиллерийский полк РВГК имел высокую изношенность автотракторного парка – требовался средний и капитальный ремонт. Это связано с тем, что формирование совершило марш своим ходом на 980 км [32, л. 42].

Результаты. Подводя итоги, можно отметить, что в период с формирования Сталинградского фронта и включения в его состав 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД и до ее переформирования в 63-ю стрелковую дивизию соединение не вело боевых действий. Также не удалось выявить, что им проводились какие-либо оперативно-служебные мероприятия, возлагаемые на ВВ НКВД, особенно в прифронтовой полосе. За указанный период 8-я мотострелковая дивизия ВВ НКВД занималась доукомплектованием и приведением материально-технической базы в боевое состояние. Таким образом, соединение «полноценного» участия в сражении не приняло в связи с понесенными потерями на старооскольском направлении в период передис-

локации в Сталинградскую область в новый район обороны.

По состоянию материально-технической части и личного состава соединения было неуккомплектованным более чем на 50 %, в том числе с приданными формированиями. В первую очередь это связано с боевыми потерями. Это свидетельствует о том, что соединение, вступая в сталинградское сражение как общearмейское, не было равноценно по составу соединениям противника. Таким образом, это имеет решающее значение для вопроса оценки результатов участия 63-й стрелковой дивизии в Сталинградской битве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно авторскому подходу – датой начала Сталинградской битвы является именно 12 июля 1942 года. Это связано с тем, что части сформированного Сталинградского фронта уже вели боевые действия на дальних подступах [21, л. 1–5]. Подробнее об этом автор писал в отдельном исследовании [38, с. 17].

² Координировал действия штаб дивизии.

³ 538-й легкий артиллерийский полк РВГК был придан в это время 297-й стрелковой дивизии [15, л. 44–45; 32, л. 35–39].

⁴ Подразделения дивизии совершали передислокацию в Воронежскую область разобщенно друг от друга.

⁵ Согласно приказу начальника штаба артиллерии 21-й армии 538-й легкий артиллерийский полк РВГК должен был с вечера 3 июля 1942 г. передислоцироваться в с. Шаталовка, но позднее место было изменено на с. Коротояк [15, л. 46].

⁶ Продвижение происходило в условиях постоянных боестолкновений с формированиями Вермахта.

⁷ 538-й легкий артиллерийский полк РВГК продолжал оставаться на переправах у с. Урыво-Покровское, Коротояк и Петропавловка вплоть до их уничтожения авиацией Вермахта и занятия сел формированиями противника. Затем подразделение выступает для сосредоточения в с. Шестаково [15, л. 46; 32, л. 40–41].

⁸ 538-й легкий артиллерийский полк РВГК передислоцировался в район с. Шестаково во исполнение шифровки штаба 21-й армии к 2 ч 8 июля 1942 г. [15, л. 46–47].

⁹ Здесь и далее опубликованы сводные статистические данные, которые были выявлены. Необходимость их публикации в полном виде обосновывается тем, что их можно использовать для дальнейших исследований.

¹⁰ Указано лишь, что имел в наличии три танкетки [27, л. 103 об.].

¹¹ Указанные потери в личном составе не учитывают некоторые подразделения соединения.

¹² В соответствии со штатом № 5/52. В докладе округлено до 80 %.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1941 год: в 2 кн. Кн. 2 / сост. Л. Е. Решин [и др.]; под ред. В. П. Наумова. М.: Демократия, 1998. 752 с.
2. Боевое донесение № 113 штаб[а] артиллерии 63 с[трелковой] д[ивизии] к 20.00 18.[0]7.[19]42 г. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 335. Оп. 5122. Д. 22. Л. 30.
3. Боевое донесение № 330 штаб[а] 16 [мотострелкового] полка [ВВ НКВД] на 9.00 11.[0]7.[19]42 // ЦАМО РФ. Ф. 6328. Оп. 9768с. Д. 4. Л. 76.
4. Боевое донесение № 331 штаб[а] 16 [мотострелкового] полка [ВВ НКВД] на 19.00 11.[0]7.[19]42 // ЦАМО РФ. Ф. 6328. Оп. 9768с. Д. 4. Л. 75.
5. Боевое донесение № 332 штаб[а] 16 [мотострелкового] полка [ВВ НКВД] на 8.00 12.[0]7.[19]42 // ЦАМО РФ. Ф. 6328. Оп. 9768с. Д. 4. Л. 74.

6. Боевое донесение № 333 штаб[а] 16 [мотострелкового] полка [ВВ НКВД] на 19.00 12.[0]7.[19]42 // ЦАМО РФ. Ф. 6328. Оп. 9768с. Д. 4. Л. 73.

7. Боевое донесение № 334 штаб[а] 16 [мотострелкового] полка [ВВ НКВД] на 11.00 13.[0]7.[19]42 // ЦАМО РФ. Ф. 6328. Оп. 9768с. Д. 4. Л. 72.

8. Боевое донесение № 335 штаб[а] 16 [мотострелкового] полка [ВВ НКВД] к 20.00 13.[0]7.[19]42 // ЦАМО РФ. Ф. 6328. Оп. 9768с. Д. 4. Л. 71.

9. Боевое распоряжение № 045 [штаба 8-й мотострелковой дивизии ВВ НКВД] от [0]7.07.[19]42 [г.] // ЦАМО РФ. Ф. 6323. Оп. 9773. Д. 1. Л. 39–39 об.

10. Боевое распоряжение № 046 штаб[а] 8 м[ото]с[трелковой] д[ивизии ВВ] НКВД [от] 12.[0]7.[19]42 [г.] // ЦАМО РФ. Ф. 6323. Оп. 9773. Д. 1. Л. 40.

11. Боевое распоряжение № 048 штаб[а] 63 [стрелковой] див[изии] [от] 17. [0]7.[19]42 г. // ЦАМО РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 11. Л. 192.

12. Боевой приказ № 019 штаб[а] 8 м[ото]с[трелковой] д[ивизии ВВ] НКВД [от] 14.[0]7.[19]42 г. // ЦАМО РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 11. Л. 182–184.

13. Выписка из журнала боевых действий 8-й мотострелковой дивизии [внутренних] войск НКВД за период с 1 по 10.[0]7.1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 56. Л. 216–220.

14. Выписка из журнала боевых действий 8-й мотострелковой дивизии [внутренних] войск НКВД за период с 11 по 20.[0]7.1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 56. Л. 210–215.

15. Доклад о боевой деятельности 538 л[егкого] а[ртиллерийского] п[олка] РГК 21 армии за период с 30.[0]6.[19]42 по 16.[0]7.[19]42 г. // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5122. Д. 25. Л. 44–47.

16. Доклад о боевой деятельности артиллерии 8 м[ото]с[трелковой] д[ивизии ВВ] НКВД за период с 23.[0]5 по 21.[0]6.1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5122. Д. 25. Л. 1–1 об.

17. Донесение № 265 штаб[а] 28 [мотострелкового] полка [ВВ НКВД] к 16.00 10.[0]7.[19]42 // ЦАМО РФ. Ф. 6323. Оп. 9773. Д. 3. Л. 71.

18. Донесение № 266 штаб[а] 28 [мотострелкового] полка [ВВ НКВД] к 22.00 11.[0]7.[19]42 // ЦАМО РФ. Ф. 6323. Оп. 9773. Д. 3. Л. 72.

19. Донесение № 267 штаб[а] 28 [мотострелкового] полка [ВВ НКВД] к 16.00 12.[0]7.[19]42 // ЦАМО РФ. Ф. 6323. Оп. 9773. Д. 3. Л. 73.

20. Донесение № 268 штаб[а] 28 [мотострелкового] полка [ВВ НКВД] к 14.00 13.[0]7.[19]42 // ЦАМО РФ. Ф. 6323. Оп. 9773. Д. 3. Л. 74.

21. Журнал боевых действий автобронетанковых войск армии с приложениями // ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5512. Д. 36. 54 л.

22. Журнал боевых действий войск фронта за июль 1942 года // ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 85. 38 л.

23. Журнал боевых действий штаба 10 ГАП МСД НКВД // ЦАМО РФ. Ф. 10891. Оп. 1. Д. 2. 152 л.
24. Оперативная сводка № 351 на 14.00 10.[0]7.[19]42 г. штаб[а] 8 м[ото]с[трелковой] д[ивизии] ВВ] НКВД // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 56. Л. 100–100 об.
25. Оперативная сводка № 352 к 2.00 11.[0]7.[19]42 г. штаб[а] 8 м[ото]с[трелковой] д[ивизии] ВВ] НКВД // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 56. Л. 101–101 об.
26. Оперативная сводка № 353 к 14.00 11.[0]7.[19]42 г. штаб[а] 8 м[ото]с[трелковой] д[ивизии] ВВ] НКВД // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 56. Л. 102–102 об.
27. Оперативная сводка № 354 к 2.00 12.[0]7.[19]42 г. штаб[а] 8 м[ото]с[трелковой] д[ивизии] ВВ] НКВД // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 56. Л. 103–103 об.
28. Оперативная сводка № 355 к 14.00 12.[0]7.[19]42 г. штаб[а] 8 м[ото]с[трелковой] д[ивизии] ВВ] НКВД // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 56. Л. 104–104 об.
29. Оперативная сводка № 356 к 2.00 13.[0]7.[19]42 г. штаб[а] 8 м[ото]с[трелковой] д[ивизии] ВВ] НКВД // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 56. Л. 105–105 об.
30. Оперативная сводка № 357 к 14.00 13.[0]7.[19]42 г. штаб[а] 8 м[ото]с[трелковой] д[ивизии] ВВ] НКВД // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 56. Л. 106.
31. Оперативная сводка № 358 к 2.00 14.[0]7.[19]42 г. штаб[а] 8 м[ото]с[трелковой] д[ивизии] ВВ] НКВД // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 56. Л. 107.
32. Описание боевых действий 538 л[егкого] а[ртиллерийского] п[олка] РГК за период с 30.[0]6 по 10.[0]7.[19]42 г. // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5122. Д. 25. Л. 34–43.
33. Приказ 8-й мотострелковой дивизии [ВВ] НКВД от 14 июля 1942 г. № 00117 «О переименовании 8 мотострелковой дивизии НКВД в 63 стрелковую дивизию и переформировании частей дивизии по новым штатам» // ЦАМО РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 11. Л. 193–193 об.
34. Рагунштейн, А. Г. Участие 8-й мотострелковой дивизии войск НКВД в Курско-Обоянской операции (20 декабря 1941 г. – 25 января 1942 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований в контексте 80-летия начала Великой Отечественной войны. Курск: КГУ, 2022. С. 30–49.
35. Расчет на перевозку по железной дороге 8-й мотострелковой дивизии [ВВ] НКВД [от] 12.[0]7.[19]42 г. // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 56. Л. 92.
36. Сечкин Г. П. Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне совет-

ского народа 1941–1945. М.: Граница, 1993. 464 с.

37. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия / под ред. М. М. Загорюлько. 7-е изд., доп. Волгоград: Издатель, 2017. 840 с.

38. Стрельников М. А. О проблеме периодизации Великой Отечественной войны (на примере Сталинградской битвы) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2024. С. 16–19.

REFERENCES

1. Naumov V.P., ed. *1941 god: v 2 kn. Kn. 2* [1941. In 2 Books. Book 2]. Moscow, Demokratiia Publ., 1998. 752 p.
2. Boevoe donesenie № 113 shtaba artillerii 63 strelkovoi divizii k 20.00 18.07.1942 g. [Combat Report No. 113 of the Artillery Headquarters of the 63rd Rifle Division at 20:00 on July 18, 1942]. *Tsentralnyi arkhiv Ministerstva oborony Rossii (daleye – TsAMO RF)* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5122, d. 22, l. 30.
3. Boevoe donesenie № 330 shtaba 16 motostrelkovogo polka VV NKVD na 9.00 11.07.1942 [Combat Report No. 330 of the Headquarters of the 16th Motor Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD at 9:00 on July 11, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6328, inv. 9768s, d. 4, l. 76.
4. Boevoe donesenie № 331 shtaba 16 motostrelkovogo polka VV NKVD na 19.00 11.07.1942 [Combat Report No. 331 of the Headquarters of the 16th Motor Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD at 19:00 on July 11, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6328, inv. 9768s, d. 4, l. 75.
5. Boevoe donesenie № 332 shtaba 16 motostrelkovogo polka VV NKVD na 8.00 12.07.1942 [Combat Report No. 332 of the Headquarters of the 16th Motor Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD at 8:00 on July 12, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6328, inv. 9768s, d. 4, l. 74.
6. Boevoe donesenie № 333 shtaba 16 motostrelkovogo polka VV NKVD na 19.00 12.07.1942 [Combat Report No. 333 of the Headquarters of the 16th Motor Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD at 19:00 July 12, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6328, inv. 9768s, d. 4, l. 73.
7. Boevoe donesenie № 334 shtaba 16 motostrelkovogo polka VV NKVD na 11.00 13.07.1942 [Combat Report No. 334 of the Headquarters of the 16th Motor Rifle Regiment of the Internal Troops

of the NKVD at 11:00 on July 13, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6328, inv. 9768s, d. 4, l. 72.

8. Boevoe donesenie № 335 shtaba 16 motostrelkovogo polka VV NKVD k 20.00 13.07.1942 [Combat Report No. 335 of the Headquarters of the 16th Motor Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD at 20:00 on July 13, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6328, inv. 9768s, d. 4, l. 71.

9. Boevoe rasporiazhenie № 045 shtaba 8-i motostrelkovoi divizii VV NKVD ot 07.07.1942 g. [Combat Order No. 045 of the Headquarters of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD, Dated July 7, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6323, inv. 9773, d. 1, l. 39-39 r.

10. Boevoe rasporiazhenie № 046 shtaba 8 motostrelkovoi divizii VV NKVD ot 12.07.1942 g. [Combat Order No. 046 of the Headquarters of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD, Dated July 12, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6323, inv. 9773, d. 1, l. 40.

11. Boevoe rasporiazhenie № 048 shtaba 63 strelkovoi divizii ot 17. 07.1942 g. [Combat Order No. 048 of the Headquarters of the 63rd Infantry Division Dated July 17, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 1165, inv. 1, d. 11, l. 192.

12. Boevoi prikaz № 019 shtaba 8 motostrelkovoi divizii VV NKVD ot 14.07.1942 g. [Combat Order No. 019 of the Headquarters of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD Dated July 14, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 1165, inv. 1, d. 11, l. 182-184.

13. Vypiska iz zhurnala boevykh deistvii 8-i motostrelkovoi divizii vnutrennikh voisk NKVD za period s 1 po 10.07.1942 g. [Extract from the Combat Diary of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD for the Period from July 1 to July 10, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5113, d. 56, l. 216-220.

14. Vypiska iz zhurnala boevykh deistvii 8-i motostrelkovoi divizii vnutrennikh voisk NKVD za period s 11 po 20.07.1942 g. [Extract from the Combat Diary of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD for the Period from July 11 to July 20, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5113, d. 56, l. 210-215.

15. Doklad o boevoi deiatelnosti 538 legkogo artilleriiskogo polka RGK 21 armii za period s 30.06.1942 po 16.07.1942 g. [Report on the Combat Activities of the 538th Light Artillery Regiment of the Reserve of the

Supreme Command of the 21st Army for the Period from June 30, 1942 to July 16, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5122, d. 25, l. 44-47.

16. Doklad o boevoi deiatelnosti artillerii 8 motostrelkovoi divizii VV NKVD za period s 23.05 po 21.06.1942 g. [Report on the Combat Activities of the Artillery of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD for the Period from May 23 to June 21, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5122, d. 25, l. 1-1 r.

17. Donesenie № 265 shtaba 28 motostrelkovogo polka VV NKVD k 16.00 10.07.1942 [Report No. 265 of the Headquarters of the 28th Motor Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD by 16:00 on July 10, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6323, inv. 9773, d. 3, l. 71.

18. Donesenie № 266 shtaba 28 motostrelkovogo polka VV NKVD k 22.00 11.07.1942 [Report No. 266 of the Headquarters of the 28th Motor Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD by 22:00 on July 11, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6323, inv. 9773, d. 3, l. 72.

19. Donesenie № 267 shtaba 28 motostrelkovogo polka VV NKVD k 16.00 12.07.1942 [Report No. 267 of the Headquarters of the 28th Motor Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD by 16:00 on July 12, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6323, inv. 9773, d. 3, l. 73.

20. Donesenie № 268 shtaba 28 motostrelkovogo polka VV NKVD k 14.00 13.07.1942 [Report No. 268 of the Headquarters of the 28th Motor Rifle Regiment of the Internal Troops of the NKVD by 14:00 on July 13, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 6323, inv. 9773, d. 3, l. 74.

21. Zhurnal boevykh deistvii avtobronetankovykh voisk armii s prilozheniiami [War Diary of the Armored Troops of the Army with Applications]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 345, inv. 5512, d. 36. 541.

22. Zhurnal boevykh deistvii voisk fronta za iiul 1942 goda [War Diary of the Front Troops for July 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 220, inv. 220, d. 85. 381.

23. Zhurnal boevykh deistvii shtaba 10 GAP MSD NKVD [War Diary of the Headquarters of the 10th Howitzer Artillery Regiment of the Motor Rifle Division of the NKVD]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 10891, inv. 1, d. 2. 1521.

24. Operativnaia svodka № 351 na 14.00 10.07.1942 g. shtaba 8 motostrelkovoi divizii VV NKVD [Operational Summary No. 351 as of 14:00 July 10, 1942 by the Headquarters of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5113, d. 56, l. 100-100 r.

25. Operativnaia svodka № 352 k 2.00 11.07.1942 g. shtaba 8 motostrelkovoi divizii VV NKVD [Operational Summary No. 352 as of 2:00 July 11, 1942 by the Headquarters of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5113, d. 56, l. 101-101 r.
26. Operativnaia svodka № 353 k 14.00 11.07.1942 g. shtaba 8 motostrelkovoi divizii VV NKVD [Operational Summary No. 353 as of 14:00 July 11, 1942 by the Headquarters of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5113, d. 56, l. 102-102 r.
27. Operativnaia svodka № 354 k 2.00 12.07.1942 g. shtaba 8 motostrelkovoi divizii VV NKVD [Operational Summary No. 354 as of 2:00 July 12, 1942 by the Headquarters of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5113, d. 56, l. 103-103 r.
28. Operativnaia svodka № 355 k 14.00 12.07.1942 g. shtaba 8 motostrelkovoi divizii VV NKVD [Operational Summary No. 355 by 14:00 July 12, 1942, Headquarters of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5113, d. 56, l. 104-104 r.
29. Operativnaia svodka № 356 k 2.00 13.07.1942 g. shtaba 8 motostrelkovoi divizii VV NKVD [Operational Summary No. 356 by 2:00 July 13, 1942, Headquarters of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5113, d. 56, l. 105-105 r.
30. Operativnaia svodka № 357 k 14.00 13.07.1942 g. shtaba 8 motostrelkovoi divizii VV NKVD [Operational Summary No. 357 by 14:00 July 13, 1942, Headquarters of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5113, d. 56, l. 106.
31. Operativnaia svodka № 358 k 2.00 14.07.1942 g. shtaba 8 motostrelkovoi divizii VV NKVD [Operational Summary No. 358 by 2:00 July 14, 1942, Headquarters of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5113, d. 56, l. 107.
32. Opisanie boevykh deistvii 538 legkogo artilleriiskogo polka RGK za period s 30.06 po 10.07.1942 g. [Description of Combat Operations of the 538th Light Artillery Regiment of the Reserve of the Supreme High

Command for the Period from June 30 to July 10, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5122, d. 25, l. 34-43.

33. Prikaz 8-i motostrelkovoi divizii VV NKVD ot 14 iulia 1942 g. № 00117 «O pereimenovanii 8 motostrelkovoi divizii NKVD v 63 strelkovuiu diviziiu i pereformirovanii chastei divizii po novym shtatam» [Order of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD Dated July 14, 1942 No. 00117 “On Renaming the 8th Motorized Rifle Division of the NKVD into the 63rd Rifle Division and Reforming the Division’s Units According to New Tables of Organization”]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 1165, inv. 1, d. 11, l. 193-193 r.

34. Ragunshstein A.G. Uchastie 8-i motostrelkovoi divizii voisk NKVD v Kursko-Oboianskoi operatsii (20 dekabria 1941 g. – 25 ianvaria 1942 g.) [Participation of the 8th Motor Rifle Division of the NKVD Troops in the Kursk-Oboyansk Operation (December 20, 1941 – January 25, 1942)]. *Aktualnye problemy istoricheskikh issledovaniy v kontekste 80-letia nachala Velikoi Otechestvennoi voyny* [Current Issues of Historical Research in the Context of the 80th Anniversary of the Beginning of the Great Patriotic War]. Kursk, KGU, 2022, pp. 30-49.

35. Raschet na perevozku po zheleznoi doroze 8-i motostrelkovoi divizii VV NKVD ot 12.07.1942 g. [Calculation for Transportation by Rail of the 8th Motor Rifle Division of the Internal Troops of the NKVD Dated July 12, 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Russian Ministry of Defense], f. 335, inv. 5113, d. 56, l. 92.

36. Sechkin G.P. *Granitsa i voina: Pogranichnye voiska v Velikoi Otechestvennoi voine sovetskogo naroda 1941–1945* [Border and War: Border Troops in the Great Patriotic War of the Soviet People 1941–1945]. Moscow, Granitsa Publ., 1993. 464 p.

37. Zagorulko M.M., ed. *Stalingradskaia bitva. Iiul 1942 – fevral 1943: entsiklopediia* [Battle of Stalingrad. July 1942 – February 1943: Encyclopedia]. Volgograd, Izdatel Publ., 2017. 840 p.

38. Strel'nikov M.A. O probleme periodizatsii Velikoi Otechestvennoi voyny (na primere Stalingradskei bitvy) [On the Problem of Periodization of the Great Patriotic War (Using the Battle of Stalingrad as an Example)]. *Velikaia Otechestvennaia voina v istorii i pamiati narodov Iuga Rossii: sobytiia, uchastniki, simvoly* [Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, Symbols]. Rostov on Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2024, pp. 16-19.

Information About the Author

Maxim A. Strelnikov, Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ma_strelnikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8371-8127>

Информация об авторе

Максим Александрович Стрельников, аспирант, ассистент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ma_strelnikov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8371-8127>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.14>

UDC 94(470.61)«1943»:355.432.1

LBC 63.3(2Рос-4Рос)622,12

Submitted: 20.09.2024

Accepted: 29.11.2024

PARTICIPATION OF SOVIET AVIATION IN THE ROSTOV OFFENSIVE OPERATION (JANUARY – FEBRUARY 1943)

Maxim V. Medvedev

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the combat work of the Soviet aviation during the Rostov offensive operation in January – February 1943, summing up the results of air battles and identifying the reasons that influenced the effectiveness of the Soviet aviation. This page of history still retains many gaps, one of which is the lack of a comprehensive study of the issues of the incompleteness of this operation. The study of the problem posed will reveal the main reason for the failure of the offensive of the Southern Front in the winter of 1943 on the lines of the Mius River in the Rostov region. **Materials and methods.** The principle of historicism and a systems approach are taken as a methodological basis for the presented study. Problem-chronological, historical-comparative, historical-descriptive, and historical-genetic methods characteristic of historical research were used. The source base includes unpublished documents of various kinds from the funds of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, as well as published materials. **Analysis.** During the Rostov offensive operation, units and formations of the 4th and 8th Air Armies were distributed to cover the advancing ground forces of the Southern Front, which facilitated the advance of strike and mobile groups. Fighters were engaged in aerial reconnaissance of the enemy's position and escort of their assault air groups. Assault groups took advantage of the surprise of the attack and the covert approach to the target. Night bomber aviation was less active, and day bombers did not conduct combat sorties at all. There was often a shortage of fuel and lubricants and other means of supplying aviation units and formations. **Results.** Due to weather conditions, the availability of serviceable equipment and fuels and lubricants, the unpreparedness of airfields, and the progress and results of combat work, aviation depended on its capabilities. The identified difficulties in conducting combat operations by Soviet aviation allow us to speak about previously unknown factors and reasons for the incompleteness of the Rostov offensive operation of 1943. **Funding.** The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 24-28-01642, <https://rscf.ru/project/24-28-01642/>.

Key words: Great Patriotic War, Rostov offensive operation (1943), Soviet aviation, 4th Air Army, 8th Air Army.

Citation. Medvedev M.V. Participation of Soviet Aviation in the Rostov Offensive Operation (January – February 1943). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 171-181. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.14>

УДК 94(470.61)«1943»:355.432.1

ББК 63.3(2Рос-4Рос)622,12

Дата поступления статьи: 20.09.2024

Дата принятия статьи: 29.11.2024

УЧАСТИЕ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ В РОСТОВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ 1943 г.)

Максим Валерьевич Медведев

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена изучению боевой работы советской авиации в период Ростовской наступательной операции в январе – феврале 1943 г., подведению итогов воздушных сражений и выявлению причин, повлиявших на эффективность действий советской авиации. На этой странице истории до сих

пор имеются пробелы, один из которых – отсутствие комплексного изучения вопросов незавершенности данной операции. Изучение данной проблемы позволит раскрыть основную причину срыва наступления Южного фронта зимой 1943 г. на рубежах р. Миус в Ростовской области. *Материалы и методы.* В качестве методологической основы представленного исследования использованы принцип историзма и системный подход. Для решения поставленных задач были применены проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-описательный, историко-генетический методы, характерные для исторического исследования. Источниковая база включает в себя неопубликованные документы различного характера из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ, а также опубликованные материалы. *Анализ.* В период Ростовской наступательной операции части и соединения 4-й и 8-й воздушных армий были распределены для прикрытия наступающих наземных войск Южного фронта, что способствовало продвижению ударных и подвижных групп. Истребители занимались воздушной разведкой положения противника и сопровождением своих штурмовых авиагрупп. Штурмовые группы пользовались внезапностью атаки и скрытым подходом к цели. Менее активной была ночная бомбардировочная авиация, а дневные бомбардировщики вовсе не проводили боевых вылетов. Часто не хватало горюче-смазочных материалов и других средств обеспечения авиационных частей и соединений. *Результаты.* По причине неблагоприятных метеоусловий, отсутствия исправной материальной части и горюче-смазочных материалов, неподготовленности аэродромов, ход и результаты боевой работы авиации зависели от ее реальных возможностей. Выявленные трудности ведения боевых действий советской авиации позволяют говорить о ранее неизвестных факторах и причинах незавершенности Ростовской наступательной операции 1943 года. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01642, <https://rscf.ru/project/24-28-01642/>.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ростовская наступательная операция (1943 г.), советская авиация, 4-я воздушная армия, 8-я воздушная армия.

Цитирование. Медведев М. В. Участие советской авиации в Ростовской наступательной операции (январь – февраль 1943 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 171–181. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.14>

Введение. Освобождение Ростовской области в 1943 г. является важным событием в истории Великой Отечественной войны, которое берет свое начало с Ростовской наступательной операции, длившейся с 1 января по 18 февраля, а по факту до 10 марта 1943 года. Здесь в решающих сражениях с противником проявили себя представители различных родов войск: пехотинцы, кавалеристы, танкисты, артиллеристы, матросы и др. Немаловажную роль в ожесточенных боях на Дону зимой 1943 г. сыграла и советская авиация. Подтверждением большого интереса к различным аспектам истории освобождения Ростовской области в годы Великой Отечественной войны является немалое количество специальных исторических исследований [11]. Однако, невзирая на большой комплекс публикаций и перечень изученных проблем, до сих пор некоторые аспекты проведения Ростовской наступательной операции 1943 г., в том числе и отдельные вопросы ее незавершенности, остаются неисследованными. Например, вопросы боевой работы советской авиации и ее итогов во время Ростовской наступательной операции

1943 г. не нашли должного освещения в трудах исследователей.

Первыми специальными работами по истории 8-й воздушной армии выступают труд Б.А. Губина, В.А. Киселева [3] и сборник очерков и воспоминаний [15], в которых отражается хронология событий и иллюстрируются подвиги советских летчиков. Среди новых исследований данной темы можно выделить работы С.Б. Скоробогатова [21], И.Р. Мухамеджанова [14], но в них рассматривается участие авиации в боях под Сталинградом и в Крыму. Практически единственной работой, в которой специально исследуются подобные вопросы, является статья Г.Г. Матишова, В.И. Афанасенко и Е.Ф. Кринко. В ней подробно анализируется влияние природных аномалий на действия авиации в январе – феврале 1943 г. в боях на Кавказе, однако условия боевых действия 8-й воздушной армии здесь слабо отражены [10]. В работах А.В. Карташева также изучена роль советской авиации в битве за Кавказ с отражением вклада 4-й воздушной армии [7; 8]. В некоторых работах автора данной статьи изучен опыт боевых

действий 8-й воздушной армии в боях на Дону и Миусе весной и летом 1943 г. [12; 13]. В новом коллективном труде по истории боевых операций на Донбассе детально изучены события на земле и в воздухе летом 1943 г. [4]. Близкой по хронологии исследования является публикация Е.А. Шендрикова и В.А. Танцур, но она охватывает исключительно события Сталинградской битвы [23]. Здесь рассматриваются основные достижения и результаты советской авиации в проведенных боях. В обобщающем труде А. Смирнова оценивается боевая работа советской и немецкой авиации в годы Великой Отечественной войны, автор исследует различные причины, повлиявшие на результативность действий летных составов с обеих сторон противоборства [22].

Целью настоящей статьи является изучение боевой работы советской авиации в период Ростовской наступательной операции в январе – феврале 1943 г., подведение итогов воздушных сражений и выявление причин, повлиявших на эффективность действий советской авиации. На примере действий советской авиации можно раскрыть некоторые детали успеха и неудач войск Южного фронта в ходе проведения операции, что поможет дополнить картину незавершенности действий советских войск зимой 1943 г. на рубежах р. Миус в Ростовской области.

Методы и материалы. Автор в работе опирался на принцип историзма и системный подход. Для решения поставленных задач были применены проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-описательный, историко-генетический методы. С целью решения поставленных задач были использованы неопубликованные источники из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ): Управлений Южного фронта (Ф. 64; 228), Северо-Кавказского фронта (Ф. 244), 8-й воздушной армии (Ф. 346), 51-й армии (Ф. 406). В этих материалах представлены документы фронтового делопроизводства – приказы командования Южного фронта, боевые донесения, статистические данные, обзор боевых действий, планы боевого использования, а также отчетность о боевой работе 8-й воздушной армии за указанный

период, которые позволили детально изучить оперативную ситуацию советской авиации в период Ростовской наступательной операции 1943 года. Использовались также опубликованные источники [19; 20].

Анализ. История 8-й воздушной армии начинается с ее формирования в мае 1942 г. путем преобразования авиации Юго-Западного фронта. Боевой путь первых десяти соединений армии связан с боями на купянско-полтавском и валуйско-россошанском направлениях. В ходе Сталинградской битвы армия действовала в составе Юго-Восточного, а затем и Сталинградского фронтов, обеспечивая их прикрытие с воздуха в оборонительных сражениях и в период контрнаступления. Под контролем командующего фронтом и командующего армии находилось управление авиации армии. С самого начала формирования командующим 8-й воздушной армии был назначен опытный авиатор, участник нескольких предвоенных вооруженных конфликтов, генерал-майор авиации Т.Т. Хрюкин. Получив ценный опыт в боях под Сталинградом, соединения 8-й воздушной армии также заложили основу для продвижения советских войск на ростовском направлении в начале января – февраля 1943 г. [23, с. 109–110]. Однако характер боевых действий 8-й воздушной армии зачастую был сопряжен как с материальными трудностями, так и со сложными природными условиями января – февраля 1943 года. В связи с этим советской авиации не всегда удавалось в полной мере реализовать поставленные задачи. От этого во многом зависел результат сражений наземных частей и соединений.

После поражения группировки Э. фон Манштейна в большой излучине Дона в ходе Котельниковской операции (12–24 декабря 1942 г.) директивой Ставки Верховного Главнокомандования (далее – ВГК) от 30 декабря 1942 г. № 170720 из Сталинградского фронта был создан Южный фронт (второго формирования) [20, с. 476]. Уже 1 января 1943 г. фронт под командованием генерал-полковника А.И. Еременко получил в свой состав 2-ю гвардейскую, 51-ю и 28-ю общевойсковые и 8-ю воздушную армии. 3 января в Южный фронт из Юго-Западного была переподчинена 5-я ударная армия, а в начале февраля 1943 г. из Северо-Кавказского фронта передавалась 44-я ар-

мия и конно-механизированная группа генерала Н.Я. Кириченко.

В начале января 1943 г. 8-я воздушная армия имела в своем составе 2-й смешанный авиационный корпус (201-я истребительная и 214-я штурмовая дивизии), а также восемь соединений (206-я, 226-я штурмовые, 235-я, 268-я, 287-я истребительные, 270-я бомбардировочная, 272-я ночная бомбардировочная и 289-я смешанная авиадивизии) и другие подразделения [1], которые в целом насчитывали 317 исправных самолетов (см. таблицу). Однако непосредственно к боевым действиям из них было готово всего 195 самолетов. В связи с чем 195 советских самолетов участвовало в боях против 350 самолетов люфтваффе [9, л. 28]. В период проведения операции 8-я воздушная армия применяла самолеты типа Як-1, Як-7, Ла-5, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2, СБ и У-2. Противник в это время использовал самолеты Ме-109, Ме-109Г, Ме-110, Ю-87, Ю-88, Ю-83, Хе-111, ФВ-189, До-17, До-215, Хш-126 и Ю-52.

Войска Южного фронта с первых дней наступали с севера, востока и юго-востока в направлении на Ростов-на-Дону. Общая полоса действий 8-й воздушной армии в среднем составляла 60 км. В начале операции 8-я воздушная армия полным составом содействовала наступлению механизированной группы генерал-майора П.А. Ротмистрова, состоящей из 3-го гвардейского танкового, 2-го и 5-го гвардейских механизированных корпусов. В процессе операции 8-я воздушная армия для успешного взаимодействия с общевойсковыми объединениями разделила свои силы таким

образом: 28 штурмовиков и 81 истребитель выделялись для содействия наступлению 2-й гвардейской армии; 11 штурмовиков и 53 истребителя поддерживали 51-ю армию. На втором этапе операции содействие в основном оказывалось 2-й гвардейской и 5-й ударной армиям. Постепенно с продвижением наземных войск взаимодействие авиации проходило с конно-механизированной группой Н.Я. Кириченко, а также с 28-й и 51-й армиями в зависимости от условий и характера выполнения поставленных задач на фронте [9, л. 30–31].

Противник в первую очередь старался удержать контроль над коридором выхода своей группировки с Северного Кавказа к Ростову-на-Дону. Огромные надежды он возлагал на авиацию 4-го воздушного флота. Одновременно с действиями Южного фронта Ставка ВГК решила развернуть преследование немецкой 1-й танковой армии силами Северной группы войск Закавказского фронта под командованием генерал-лейтенанта И.И. Масленникова. Таким образом, конно-механизированная группа генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко в составе 4-го Кубанского и 5-го Донского гвардейских кавалерийских корпусов, танковых групп генерал-майора Г.П. Лобанова и подполковника В.С. Титова и 62-й стрелковой бригады Северной группы войск Закавказского фронта (позже – Северо-Кавказского фронта) была направлена на помощь войскам Южного фронта в овладении Азовом, Батайском, отрезая пути отхода вражеской группировки через Ростов-на-Дону. Продвигаясь с Северного Кавказа к Дону, конно-механизированная группа и 44-я армия до конца января

Численность самолетного парка 8-й воздушной армии в начале Ростовской наступательной операции 1943 года

The size of the 8th Air Army's aircraft fleet at the beginning of the Rostov offensive operation in 1943

Виды авиации	Самолеты		
	Исправные	Неисправные	Всего
Истребительная	165	113	278
Штурмовая	70	123	193
Бомбардировочная (дневная)	26	26	52
Бомбардировочная (ночная)	52	39	91
Разведывательная	4	14	18
<i>Итого</i>	317	315	632

Примечание. Источник: [9, л. 27].

1943 г. поддерживались 4-й воздушной армией, которая, в свою очередь, наносила бомбоштурмовые удары по местам скопления противника на линии Минеральные Воды – Ростов-на-Дону [2, с. 201].

После неудач германской группировки под Сталинградом противник в целях маскировки своих аэродромов стал применять тактику их защиты путем ведения плотного зенитно-артиллерийского огня. Однако замысел в сохранении секретности их расположения заключался в том, что средства противовоздушной обороны врага теперь находились в удалении на 68 км от реальных мест базирования авиации. Планируя запутать советскую сторону, противник таким образом хотел направить бомбоштурмовые удары 8-й воздушной армии на ложные цели, но этот замысел вскоре был раскрыт советской разведкой [17, л. 7].

Одним из ключевых мест базирования вражеской авиации был аэродром в Сальске. Противник проводил оттуда переброску боеприпасов и продовольствия своей окруженной группировке под Сталинградом. Уже 6 января 1943 г. командир 2-го смешанного авиакорпуса Герой Советского Союза, генерал-майор авиации И.Т. Еременко получил информацию о координатах базы снабжения противника в 1,5 км западнее Сальска. Накануне разведка установила там местонахождение более 150 самолетов преимущественно транспортного типа Ю-52 и большое скопление бомбардировщиков. Уже к исходу дня командование корпуса приняло решение о нанесении штурмового удара по аэродрому в Сальске [17, л. 3 об.].

7 января 1943 г. группа штурмовиков в составе 10 Ил-2 622-го штурмового авиаполка под прикрытием 12 Як-1 из состава 236-го истребительного авиаполка до десяти раз выполняла полеты с целью нанесения удара по аэродрому в Сальске, но в силу неблагоприятных метеоусловий на маршруте вынуждена была возвращаться обратно. По этой причине летчикам еще несколько дней не удавалось выполнить боевую задачу. Только 10 января 1943 г. метеоусловия несколько улучшились и в результате удачно проведенного штурмового удара бомбами ФАБ-100 по аэродрому противника в Сальске было уничтожено 19 и повреждено 10 самолетов Ю-52. Кроме

того, в воздушном бою было сбито еще 4 вражеских самолета. Благодаря заходу на цель с юга, со стороны облаков советские летчики смогли внезапно нанести удар по аэродрому. Однако причина срыва первого штурмового удара по аэродрому в Сальске 7 января заключались не только в отсутствии данных о метеоусловиях на маршруте, но и в плотном огне зенитной артиллерии противника [16, л. 102–104]. Влияние метеоусловий на действия советской авиации сказалось также ночью 20 и 21 января 1943 г., в связи с чем боевая работа авиаполков в это время вовсе не велась.

Задача штурмовой авиации заключалась в нанесении бомбоштурмовых ударов по противнику с целью создания условий для беспрепятственного продвижения полевых соединений Южного фронта. Так, 2 февраля 1943 г. части 34-й гвардейской стрелковой дивизии подошли к хутору Родники Кагальницкого района, где сосредоточилось около 10 танков и до двух рот мотопехоты противника. Одновременно с этим создавалась угроза для правого фланга 34-й гвардейской стрелковой дивизии. С целью срыва вражеского контрудара туда было отправлено звено 806-го штурмового авиаполка составом из четырех Ил-2 под командованием лейтенанта В.В. Пальмова. Вылетев в район действия противника, штурмовики сделали два разведывательных захода с задачей выбора наиболее выгодной цели. В результате воздушной разведки было обнаружено скопление танков и большое число автомашин. После четвертого захода штурмовики обстреляли танки и другую технику противника, было выведено из строя 3 танка, 5 автомашин, сожжено 3 бензовоза и уничтожено до 20 вражеских солдат. Благодаря поддержке авиации 34-я гвардейская стрелковая дивизия перешла в наступление и полностью освободила населенный пункт Родники [18, л. 8–8 об.].

В боевом донесении командующего войсками Южного фронта от 1 февраля 1943 г. № 0033 Верховному Главнокомандующему о ходе боевых действий на ростовском направлении генерал-полковник А.И. Еременко отмечал, что «противник перед фронтом наступления 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армий в составе 16-й моторизованной, 17-й, 23-й тако-

вых дивизий и дивизии СС «Викинг», пополненной танками и людьми, продолжает упорно сопротивляться и контратаками танков с мотопехотой при непрерывной поддержке авиации пытается задержать наше продвижение» [19, с. 257]. Далее в донесении следовал вывод о том, что только 2-я гвардейская армия в боях за выход на южный берег р. Маныч и р. Дон понесла большие потери как в живой силе, так и в технике и не представляла больше серьезной ударной силы. Так, по состоянию на 30 января 1943 г. 3-й гвардейский танковый корпус имел в строю 9 танков, а его 2-я гвардейская мотострелковая бригада насчитывала всего 350 чел. личного состава. В составе 5-го гвардейского механизированного корпуса оставались 1 тыс. активных штыков и 8 танков. В связи с этим командующий Южный фронт А.И. Еременко запросил у Ставки ВГК пополнение войск в 100 тыс. чел., из них только половина предусматривалась для гвардейских стрелковых соединений, а также требовалось 500 танков [19, с. 257].

В донесении командование Южного фронта не упоминает о положении 8-й воздушной армии, упуская из внимания сложившиеся в ней в ходе январских боев серьезные проблемы. В течение последней декады января боевые задачи летчиков по многим причинам срывались. На 1 февраля 1943 г. в составе 8-й воздушной армии оставалось 218 исправных и 177 неисправных самолетов. Учитывая, что противник в среднем имел 350 активных самолетов, соотношение сил в воздухе получалось в пользу люфтваффе [18, л. 6]. Вылеты срывались еще и по причине плохой работы батальонов аэродромного обслуживания. К примеру, 5 февраля 1943 г. 13-й истребительный и 3-й гвардейский авиаполки не были своевременно обеспечены горюче-смазочными материалами на аэродроме Баранщиков по вине 840-го батальона аэродромного обслуживания. 8 февраля 1943 г. на аэродроме Малая Орловка 372-й батальон аэродромного обслуживания не обеспечил гидравлической смесью восемь самолетов 13-го истребительного авиаполка, а 214-я штурмовая авиационная дивизия ее полностью не получила. Таким образом, если изначально в истребителях перевес все же был на стороне советской авиации, то в течение февраля в связи с фак-

тором выработки моторесурса, в том числе и по причине проблем с горюче-смазочными материалами, количество исправных самолетов в армии сократилось до 150. Только в истребительных частях по состоянию на 10 февраля 1943 г. по случаю выработки моторесурса в самолетах требовалось для замены 137 двигателей [18, л. 13 об.]. Противник постепенно получил преимущество в самолетах более чем в два раза.

Уже 14 февраля 1943 г. Южный фронт освободил Ростов-на-Дону и через несколько дней его войска вышли на рубежи р. Миус. 17 февраля части и соединения 4-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса овладели Матвеевым Курганом и 18 февраля 1943 г. вышли к Анастасиевке, отделившись на 30 км от других соединений. Идущая за танкистами колонна с горюче-смазочными материалами сразу была разбита бомбардировщиками люфтваффе [5, л. 86]. Тылы и стрелковые части только через сутки подошли к миусскому рубежу, но встретили сильное вражеское сопротивление. Вместе с тем командование отмечало срыв в своевременной подготовке аэродромов Марьевка, Крюково, Матвеев Курган. Причина заключалась в отсутствии горюче-смазочных материалов в инженерно-аэродромных батальонах [18, л. 7].

Проводя боевые вылеты по прикрытию наземных войск, авиадивизии также продвигались вместе с ними, имея для этого передовые аэродромы и аэродромы подскока в непосредственной близости к линии фронта. Однако при выборе передовых аэродромов основная трудность заключалась в очистке полей от снежных заносов. Так, например, аэродром в селе Марьевка Матвеево-Курганского района советские летчики не могли занять до 26 февраля 1943 года. Из-за отсутствия передовых аэродромов советским летчикам было трудно вести взаимодействие с наземными частями фронта. Учитывая, что после овладения Новочеркасским аэроузлом вся исправная материальная часть 2-го смешанного авиационного корпуса и других соединений базировалась на аэродроме хутора Хотунок Кривянского района, с момента закрепления Южного фронта на левом берегу Миуса корпус постепенно перебазировался на

аэродром в Марьевке. Однако аэродром в Матвеевом Кургане еще долго не применялся советской авиацией из-за непосредственной близости линии фронта [18, л. 6]. Тем не менее благодаря освобождению Ростова-на-Дону и Новочеркасска 8-я воздушная армия заняла хорошие аэроузлы с бетонированными взлетно-посадочными полосами, поэтому не было трудностей в выборе аэродромов основного базирования.

В середине февраля 1943 г. с целью отеснения противника за Миус, а также для срыва вражеских железнодорожных перевозок, советские штурмовики проводили атаки на железнодорожные станции в Успенской, Кошкино, Иловайске, Донецко-Амвросиевке, но по итогу они не имели весомых результатов. Ограниченные возможности штурмовиков также были связаны с проблемой нехватки топлива. В целом практиковалась работа штурмовиков совместно с истребителями. Основным тактическим приемом штурмовых частей был скрытый подход к цели и внезапность атаки. Это было связано с тем, что в большинстве случаев заходы летчиков проводились в ясную погоду со стороны солнца, а в период облачности – из-за облаков. Состав групп штурмовиков 8-й воздушной армии, вылетевших на задание, также зависел от ресурса заправки топливом и в среднем диапазоне составлял не более 3–7 самолетов Ил-2. Наиболее результативным был налет 22 февраля 1943 г. группы штурмовиков из семи Ил-2 под командованием будущего Героя Советского Союза капитана С.И. Лобанова. Тогда, под прикрытием шести Як-1, группа произвела внезапное бомбометание на аэродром противника в Таганроге, сожгла один и вывела из строя 10 самолетов Хе-111 [18, л. 8 об].

Кроме того, в течение февраля снизилась интенсивность боевых вылетов бомбардировщиков. Эффективной была работа ночных бомбардировщиков в ночь на 27 февраля 1943 г., когда в селе Александровка Матвеево-Курганского района, перед фронтом 2-й гвардейской армии, было уничтожено четыре вражеских орудия с расчетами. В ночь на 28 февраля 1943 г. на участке Самбек – Ряженое ночными бомбардировщиками было подавлено еще девять артиллерийских точек противника. В основном в качестве бомбардировщиков применя-

лись У-2, так как в неблагоприятную погоду их можно было использовать не только ночью, но и днем. Вместе с тем дневные бомбардировщики в течение февраля 1943 г. боевую работу не вели вовсе. Это было также связано с ограничениями в снабжении горюче-смазочными средствами и малочисленностью исправной материальной части.

В связи с обозначенными выше проблемами основная нагрузка боевой работы в воздухе в феврале 1943 г. легла на истребительные соединения. Главная задача истребительных частей в Ростовской наступательной операции заключалась в прикрытии наземных войск Южного фронта, главным образом подвижных и ударных групп, в разведке по обнаружению войск противника и сопровождении штурмовых авиагрупп. Проводились вылеты «охотников»-истребителей в поиске противника вплоть до аэродрома Сталино (в настоящее время – Донецк), и, пользуясь внезапностью, летчики-истребители сбивали там разведчиков и одиночных бомбардировщиков противника. Например, 11 февраля 1943 г. звено из четырех Як-1, ведущим которых был командир 296-го истребительного авиаполка подполковник Н.И. Баранов, встретив группу из семи Ю-87, рассеяли бомбардировщики и сбили два самолета противника. Кроме того, использовалось прикрытие истребителями путем их вызова по рациям наведения и управления воздушным боем. Только в течение 27 февраля 1943 г. путем своевременного извещения истребителей было сбито восемь бомбардировщиков противника в районе села Политотдельское Матвеево-Курганского района [18, л. 9].

Целью вражеской бомбардировки в Политотдельском 27 февраля был штаб 51-й армии. В налете на штаб участвовало десять самолетов Ю-88 и Хе-111, которые сбросили до 30 авиабомб массой от 100 до 250 кг. В результате бомбардировки был полностью уничтожен узел связи, разрушено помещение начальника штаба и до 20 домов, которые предназначались для личного состава штаба. Интенсивной бомбежке в тот день также подвергались поселок Матвеев Курган и село Ряженое, к тому времени занятые советскими войсками. Здесь пострадали части 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского

корпуса. Накануне над позициями казаков 5 советских истребителей по неясной причине уклонились от воздушного боя с 9 бомбардировщиками противника. Тогда противник беспрепятственно произвел бомбометание, после которого только в 12-й гвардейской кавалерийской дивизии 38 чел. погибло, а 108 чел. получили ранения. Ущерб был причинен и конскому составу, 35 лошадей было убито и покалечено [6, л. 14 об.].

В январе – феврале 1943 г. одной из больших проблем в боевой работе летчиков являлась нехватка горюче-смазочных материалов. Уже с 23 по 28 февраля 1943 г. активность советских летчиков заметно снизилась из-за того, что на аэродроме Хотунок Кривянского района закончилось топливо. По этой причине наблюдались срывы в боевой работе 268-й истребительной, 272-й ночной бомбардировочной авиадивизий и 8-го отдельного разведывательного авиаполка. В связи с чем они не могли помочь оказавшимся в тяжелом положении советским танкистам, пехотинцам и кавалерии в боях на р. Миус. Среди других проблем наблюдались случаи несвоевременного подвоза тыловыми частями материально-технического обеспечения, отсутствовало необходимое количество автотранспорта, отмечалось низкокалорийное питание для начальствующего и рядового состава. В частях 2-го смешанного авиационного корпуса с 15 февраля 1943 г. не выдавался дополнительный паек, а с 27 февраля 1943 г. была прекращена выдача мясного питания, летчики также замечали неудовлетворительное обеспечение обмундированием и предметами ширпотреба для авиачастей [18, л. 6].

Результаты. В течение января – февраля 1943 г. войскам Южного фронта удалось освободить большую часть Ростовской области, но после выхода к р. Миус их наступление застопорилось. Западные районы области по правому берегу реки еще на полгода оставались под нацистской оккупацией. Заняв Ростовский, Новочеркасский и Шахтинский аэроузлы, советские войска таким способом вынудили противника перенести базирование своего воздушного флота в Макеевку, Сталино, Запорожье, а аэродромы Таганрог, Герасимовка и Северный использовались люфтваффе в качестве аэродромов

подскока. Освобождение большей части территории Ростовской области хоть и не завершилось тогда полным сокрушением врага на р. Миус, но позволило общевойсковым соединениям фронта закрепиться на его левом берегу для будущего прорыва Миус-фронта летом 1943 года. В этом была и немалая заслуга советской авиации. Однако ведение боевых действий истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиацией 8-й воздушной армии в январе – феврале 1943 г. напрямую было связано с природным фактором и материально-техническим состоянием самолетных парков. По причине неблагоприятной погоды в течение февраля 1943 г. летных дней было 13, ограничено летных – 8 и нелетных – 7. Летных ночей было 19 и нелетных – 9. Всего в течение февраля 1943 г. 8-я воздушная армия произвела 5 777 самолетовылетов. После доукомплектования 8-й воздушной армии в течение февраля 1943 г. ее летный состав насчитывал не более 85 %, а материальная часть только на 61 % была оснащена [18, л. 15–16].

Всего в ходе Ростовской наступательной операции частями и соединениями 8-й воздушной армии было проведено 187 воздушных боев. За весь период операции в результате воздушных сражений, нанесения авиаударов по аэродромам и огнем из орудий противовоздушной обороны было уничтожено 223 самолета противника [9, л. 30, 32]. Боевые потери парка 8-й воздушной армии только в феврале 1943 г. составили 32 самолета, а небоевые – 11 самолетов.

В начале операции части и соединения 4-й и 8-й воздушных армий практиковали распределение сил по авиационному прикрытию наземных войск, что способствовало продвижению ударных и подвижных групп. Истребители занимались воздушной разведкой положения противника и сопровождением своих штурмовых авиагрупп. Штурмовые группы пользовались тактикой внезапности атаки и скрытого подхода к цели. Так, при ликвидации вражеского аэродрома в Сальске эффективным было применение советскими штурмовиками атаки по врагу со стороны солнца или облаков, оставаясь незамеченными. Менее активной была ночная бомбардировочная авиация, а дневные бомбардировщики вовсе

не проводили боевых вылетов. Однако ввиду перечисленных выше причин, характер и результаты боевой работы авиации зависели не от масштаба поставленных задач, а от реальной возможности частей и соединений (метеоусловий, наличия исправной материальной части, горюче-смазочных материалов, состояния аэродромов). По причине задержки батальонов аэродромного обслуживания в разминировании и восстановлении взлетно-посадочной полосы вражеских аэродромов советская авиация отставала от наземных войск. Кроме того, в связи с большим числом неисправных самолетов в 8-й воздушной армии противник в итоге получил численное преимущество в самолетном парке более чем в два раза. Выявленные условия и трудности ведения боевых действий советской авиации позволяют говорить о ранее неизвестных факторах, которые дополняют причины незавершенности Ростовской наступательной операции, проводившейся в январе – феврале 1943 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боевой состав Советской Армии. Часть III. (Январь – декабрь 1943 г.). Военно-Научное управление Генерального Штаба. М.: Ордена Труд. Крас. Знамени Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1972. 336 с.
2. Вершинин К. А. Четвертая воздушная. М.: Воениздат, 1975. 349 с.
3. Губин Б. А., Киселев В. А. Восьмая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 8-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1986. 239 с.
4. Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России. М.: Яуза-каталог, 2023. 736 с.
5. Журнал боевых действий войск Южного фронта за период с 1 по 28 февраля 1943 г. // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 228. Оп. 505. Д. 101. 127 л.
6. Итоговая оперативная сводка штаба 5-го гвардейского кавалерийского корпуса // ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 212. 36 л.
7. Карташев А. В. Советская авиация в битве за Кавказ // Значение и роль Советского Союза в победе над нацистской Германией и ее союзниками в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Новый взгляд и осмысление Т. 1. Ч. 1. Ставрополь: АГРУС, 2022. С. 73–80.
8. Карташев А. В. Советская авиация в боях за освобождение Ставрополя в январе 1943 года // История народов Кавказа: диалог культур, языков и религий (К 100-летию со дня рождения профессора В.П. Невской). Ставрополь: СКФУ, 2019. С. 254–256.
9. Краткие итоги боевых действий 8-й воздушной армии в Ростовской операции // ЦАМО РФ. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 10. 32 л.
10. Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кричко Е. Ф. Влияние аномальных природных явлений на действия советской авиации в Северо-Кавказской наступательной операции // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 466–471.
11. Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кричко Е. Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.
12. Медведев М. В. Боевые действия 8-й воздушной армии по освобождению Ростовской области в июле–августе 1943 года // Научная мысль Кавказа. 2022. № 4 (112). С. 19–25.
13. Медведев М. В. На ростовском направлении. Южный фронт в боях на Миусе. Январь – август 1943 г. М.: Центрполиграф, 2022. 191 с.
14. Мухамеджанов И. Р. 9-й Гвардейский истребительный авиаполк в небе Сталинграда // Клио. 2015. № 9. С. 133–140.
15. Над огненным Доном: очерки и воспоминания об авиаторах 8-й воздушной армии. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1985. 160 с.
16. Некоторые особенности из опыта действий ночной бомбардировочной авиации типа У-2 при обороне г. Сталинград // ЦАМО РФ. Ф. 346. Оп. 5755. Д. 109. 222 л.
17. Обзор опыта боевых действий частей 8-й воздушной армии // ЦАМО РФ. Ф. 346. Оп. 5755. Д. 106. 15 л.
18. Отчет о боевой работе частей 8-й воздушной армии на Южном фронте // ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 67. 42 л.
19. Русский архив. Великая Отечественная война. Прелюдия Курской битвы: док. и материалы. Т. 14 (4–3). М.: Терра, 1997. 448 с.
20. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: док. и материалы. 1942 год. М.: Терра, 1996. Т. 16 (5–2). 624 с.
21. Скоробогатов С. Б. Действия авиации 8-й воздушной армии в период подготовки операции по освобождению Крыма (ноябрь 1943 – апрель 1944 г.) // Ялта 1945: уроки истории. Ливадия: Антиква, 2019. С. 179–189.
22. Смирнов А. Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзит-книга, 2006. 574 с.

23. Шендриков Е. А., Танцура В. А. Боевые действия 8-й воздушной армии в Сталинградской битве 1942–1943 гг. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2023. № 2 (35). С. 109–114.

REFERENCES

1. *Boevoy sostav Sovetskoj Armii. Chast III. (Janvar – dekabr 1943 g.). Voennno-Nauchnoe upravlenie Generalnogo Shtaba* [Combat Strength of the Soviet Army. Part 3. (January – December 1943). Military Scientific Directorate of the General Staff]. Moscow, Ordena Trud. Kras. Znameni Voen. izd-vo M-va oborony SSSR, 1972. 336 p.

2. Vershinin K.A. *Chetvertaja vozdušnaja* [Fourth Air]. Moscow, Voenizdat, 1975. 349 p.

3. Gubin B.A., Kiselev V.A. *Vosmaja vozdušnaja. Voennno-istoricheskij ocherk boevogo puti 8-j vozdušnoj armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Eighth Air. Military-Historical Essay on the Combat Path of the 8th Air Army During the Great Patriotic War]. Moscow, Voenizdat, 1986. 239 p.

4. *Donbass 1943. Osvobozhdenie industrialnogo serdca Rossii* [Donbass 1943. Liberation of the Industrial Heart of Russia]. Moscow, Yauza-catalog Publ., 2023. 736 p.

5. Zhurnal boevyh dejstvij vojsk Juzhnogo fronta za period s 1 po 28 fevralja 1943 g. [Combat Log of the Troops of the Southern Front for the Period from February 1 to 28, 1943]. *Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoj Federatsii (daleye – TsAMO RF)* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. f. 228, inv. 505, d. 101. 127 l.

6. Itogovaja operativnaja svodka shtaba 5-go gvardejskogo kavalerijskogo korpusa [Final Operational Report of the Headquarters of the 5th Guards Cavalry Corps]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 406, inv. 9837. d. 212. 36 l.

7. Kartashev A.V. Sovetskaja aviacija v bitve za Kavkaz [Soviet aviation in the battle for the Caucasus]. *Znachenije i rol Sovetskogo Soyuza v pobede nad natsistskoj Germanijey i yeye soyuznikami v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Novyy vzglyad i osmyslenije. T. 1. Ch. 1* [Significance and Role of the Soviet Union in the Victory over Nazi Germany and Its Allies in the Great Patriotic War of 1941–1945. New Look and Understanding. Vol. 1. Pt. 1]. Stavropol, AGRUS Publ., 2022, pp. 73–80.

8. Kartashev A.V. Sovetskaja aviacija v bojah za osvobozhdenie Stavropolja v janvare 1943 goda [Soviet Aviation in the Battles for the Liberation of Stavropol in January 1943]. *Istoriya narodov Kavkaza: dialog*

kultur, yazykov i religiy (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.P. Nevskoy) [History of the Peoples of the Caucasus: Dialogue of Cultures, Languages and Religions (On the 100th Anniversary of the Birth of Professor V.P. Nevskaya)]. Stavropol, SKFU, 2019, pp. 254–256.

9. Kratie itogi boevyh dejstvij 8-j vozdušnoj armii v Rostovskoj operacii [Brief Results of the Combat Operations of the 8th Air Army in the Rostov Operation]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 244, inv. 3000, d. 10. 32 l.

10. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. Vlijanie anomalnyh prirodnyh javlenij na dejstviya sovetsoj aviacii v Severo-Kavkazskoj nastupatelnoj operacii [Influence of Anomalous Natural Phenomena on the Actions of Soviet Aviation in the North Caucasus Offensive Operation]. *Vestnik Rossiyskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2020, vol. 90, no. 5, pp. 466–471.

11. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. *Mius-front v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Mius Front in the Great Patriotic War]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2011. 228 p.

12. Medvedev M.V. Boevye dejstviya 8-j vozdušnoj armii po osvobozhdeniju Rostovskoj oblasti v ijule–avguste 1943 goda [Combat Operations of the 8th Air Army to Liberate the Rostov Region in July – August 1943]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2022, no. 4 (112), pp. 19–25.

13. Medvedev M.V. *Na rostovskom napravlenii. Juzhnyj front v bojah na Mius. Janvar – avgust 1943 g.* [In the Rostov Direction. Southern Front in the Battles on the Mius. January – August 1943]. Moscow, Centerpoligraf, 2022. 191 p.

14. Mukhamedzhanov I.R. 9-j Gvardejskij istrebitelnyj aviapolk v nebe Stalingrada [9th Guards Fighter Aviation Regiment in the Skies of Stalingrad]. *Clio*, 2015, no. 9, pp. 133–140.

15. *Nad ognennym Donom: ocherki i vospominanija ob aviatorah 8-j vozdušnoj armii* [Over the Fiery Don: Essays and Memoirs About the Aviators of the 8th Air Army]. Rostov-on-Don, Kn. izd-vo, 1985. 160 p.

16. Nekotorye osobennosti iz opyta dejstvij nochnoj bombardirovočnoj aviacii tipa U-2 pri oborone g. Stalingrad [Some Features from the Experience of Operations of Night Bomber Aviation Type U-2 in the Defense of Stalingrad]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 346, inv. 5755, d. 109. 222 l.

17. Obzor opyta boevyh dejstvij chastej 8-j vozdušnoj armii [Review of the Experience of Combat Operations of Units of the 8th Air Army].

TsAMO RF [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 346, inv. 5755, d. 106. 151.

18. Otchet o boevoj rabote chastej 8-j vozdušnoj armii na Juzhnom fronte [Report on the Combat Work of Units of the 8th Air Army on the Southern Front]. *TsAMO RF* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 64, inv. 505, d. 67. 421.

19. *Russkij arhiv. Velikaja Otechestvennaja vojna. Preljudija Kurskoj bitvy: dok. i materialy. T. 14. (4–3)* [Russian Archive. Great Patriotic War. Prelude to the Battle of Kursk. Doc. and Materials. Vol. 14. (4–3)]. Moscow, Terra Publ., 1997. 448 p.

20. *Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Stavka Verhovnogo Glavnokomandovanija: dok. i materialy. 1942 god* [Russian Archive: Great Patriotic War. Headquarters of the Supreme High Command: Documents and Materials. 1942]. Moscow, Terra Publ., 1996, vol. 16 (5–2). 624 p.

21. Skorobogatov S.B. Dejstvija aviacii 8-j vozdušnoj armii v period podgotovki operacii po osvobozhdeniju Kryma (nojabr 1943 – aprel 1944 g.) [Actions of the Aviation of the 8th Air Army During the Preparation of the Operation to Liberate Crimea (November 1943 – April 1944)]. *Yalta 1945: uroki istorii* [Yalta 1945: Lessons of History]. Livadia, Antikva Publ., 2019, pp. 179–189.

22. Smirnov A. *Boevaja rabota sovetskoj i nemeckoj aviacii v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Combat Work of Soviet and German Aviation in the Great Patriotic War]. Moscow, AST Publ., AST MOSKVA Publ., Transit-kniga Publ., 2006. 574 p.

23. Shendrikov E.A., Tantsura V.A. Boevye dejstvija 8-j vozdušnoj armii v Stalingradskoj bitve 1942–1943 gg. [Combat Operations of the 8th Air Army in the Battle of Stalingrad 1942–1943]. *Problemy sotsialnykh i gumanitarnykh nauk* [Problems of Social and Humanitarian Sciences], 2023, no. 2 (35), pp. 109–114.

Information About the Author

Maxim V. Medvedev, Candidate of Sciences (History), Researcher, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, m1max@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8699-6405>

Информация об авторе

Максим Валерьевич Медведев, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, m1max@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8699-6405>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.15>

UDC 94(470)«1941/1945»

LBC 63.3(2)622

Submitted: 14.08.2024

Accepted: 19.12.2024

ARMY AIR DEFENCE IN THE DONBAS IN SPRING 1943 (CASE OF 1257th ARMY ANTI-AIRCRAFT AIR DEFENSE ARTILLERY REGIMENT)

Vyacheslav O. Terentev

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the history of the Soviet air defence of army rear services during the Great Patriotic War. The efficiency of the anti-aircraft artillery is investigated together with the measures taken for its increase in defending the stationary rear objects in the period of stabilization of the frontline. The author, on the one hand, reconstructs the course of the combat action, and on the other, retraces the changes in the structure of a certain anti-aircraft artillery unit while estimating its efficiency in quantitative equivalents in different conditions. *Methods and materials.* The paper is based on the archival materials of the 1257th Army Anti-aircraft Air Defence Artillery Regiment and of several higher headquarters, which are analyzed for the first time in the historical science. The combination of systems historical analysis with chronological and quantitative methods offers an effective way to achieve the stated goals. As no previous study has investigated the actions of the Soviet air defence units during the Great Patriotic War, the references of this paper include general works on the development of the air defence troops. *Analysis.* The 1257th Army Anti-aircraft Air Defence Artillery Regiment is quite typical of an anti-aircraft artillery unit, which could be used for both air defence of the troops on the frontline and in the rear and air defence of military and civil infrastructure objects in the combat zone. Chronologically, spring 1943 on the Soviet-German front was a period of accumulation of forces and resources before the decisive fight and of relative positional stability. The choice of the Donbas region is determined not only by a knowledge gap in the history of the question but also by modern political circumstances. *Results.* The complex analysis of the sources permitted revealing the causes of the low effectiveness of the low-altitude anti-aircraft artillery (no aircraft was shot down). That was the result of the lack of training of the Red Army commanders and personnel and of the use of medium and high altitudes by the Luftwaffe. However, the mission of the air defence of troops and various objects by massive barrage fire preventing targeted bombing was accomplished to the fullest extent. Different means were used for improving the air defence efficiency, including organizational and staff changes. The results of the present research may be used in teaching military history and the history of the Great Patriotic War in the institutes of higher education as well as in the study of forms and methods of air defence warfare.

Key words: Great Patriotic War, Donbas, Lugansk, air defence, anti-aircraft artillery, Colonel Timofeev.

Citation. Terentev V.O. Army Air Defence in the Donbas in Spring 1943 (Case of 1257th Army Anti-Aircraft Air Defense Artillery Regiment). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 182-195. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.15>

УДК 94(470)«1941/1945»

ББК 63.3(2)622

Дата поступления статьи: 14.08.2024

Дата принятия статьи: 19.12.2024

АРМЕЙСКАЯ ПВО НА ДОНБАССЕ ВЕСНОЙ 1943 г. (НА ПРИМЕРЕ 1257-го АРМЕЙСКОГО ЗЕНИТНО-Артиллерийского полка ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ)

Вячеслав Олегович Терентьев

Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме истории противовоздушной обороны (ПВО) объектов армейского тыла в годы Великой Отечественной войны. Целью исследования стало определение эффективности зенитной артиллерии и мер по ее повышению при защите стационарных объектов в период стабилизации линии фронта. Для этого автором решались задачи восстановления хода боевых действий и изменения штатной структуры одной из зенитных частей ПВО, выявления ее результативности в разных типовых условиях обстановки. *Методы и материалы.* В работе с использованием историко-системного и хронологического методов впервые в историографии проанализированы архивные материалы 1257-го зенитного полка и вышестоящих штабов. Ввиду отсутствия специализированных исторических исследований по действиям частей и соединений ПВО в годы Великой Отечественной войны историография включает общие работы по развитию войск ПВО. *Анализ.* Для анализа был выбран 1257-й армейский зенитно-артиллерийский полк как типовая зенитная часть, которая могла применяться как для обеспечения ПВО войск на линии фронта и в тылу, так и для ПВО объектов военной и гражданской инфраструктуры во фронтовой зоне. Хронологически весна 1943 г. на советско-германском фронте – это период накопления сил перед решающей схваткой и время относительной позиционной стабильности. Географические рамки исследования (Донбасс) обусловлены не только слабой изученностью вопроса, но и современными историческими обстоятельствами. *Результаты.* В ходе исследования выявлена, с одной стороны, причина низкой результативности малой зенитной артиллерии (не сбито ни одного самолета), вызванная слабой подготовкой командного и личного состава РККА и использованием люфтваффе средних и больших высот. С другой стороны, стоявшие задачи по прикрытию объектов силами ПВО путем ведения массированного заградительного огня, препятствующего прицельной бомбардировке, были достигнуты в полной мере. Для повышения эффективности ПВО применялись разные способы, включая организационно-штатные. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в преподавании военной истории и истории Великой Отечественной войны в высших и специализированных учебных заведениях, а также для изучения форм и способов противостояния авиации и ПВО.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Донбасс, Луганск, ПВО, зенитная артиллерия, полковник Тимофеев.

Цитирование. Терентьев В. О. Армейская ПВО на Донбассе весной 1943 г. (на примере 1257-го армейского зенитно-артиллерийского полка противовоздушной обороны) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 182–195. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.15>

Введение. Проблема противовоздушной обороны (ПВО) в современных военнополитических условиях стоит достаточно актуально. Исторически она решалась разными методами и способами. Одним из действенных вариантов ПВО была зенитная артиллерия. История противостояния авиации и зенитной артиллерии во все периоды скрупулезно изучалась военными и техническими специалистами для реализации известных и изобретения инновационных форм их применения. Зенитная артиллерия появилась в ответ на интенсивное развитие военной авиации в годы Первой мировой войны. Уже в марте 1915 г. в Русской армии была организована первая зенитная батарея. В 1920-е гг., основываясь на опыте Первой мировой войны и учитывая возрастающее значение авиации, зенитная артиллерия была классифицирована по калибрам: малый, средний и крупный. Великая Отечественная война дала огромный опыт по совершенствованию вооружения, структур, способов применения зенитных

средств. Зенитная артиллерия делилась на войсковую (непосредственного прикрытия действующих войсковых соединений), армейскую (войсковых объединений и Резерва Главного Командования – для защиты армейского, фронтового тыла, военной и гражданской инфраструктуры в прифронтовой полосе) и ПВО страны (для защиты важных стратегических объектов и инфраструктуры в глубине государства). Наиболее универсальными были зенитные части армейской ПВО. Они придавались соединениям, выполняли задачи по прикрытию штабов и мест сосредоточения войск, по защите путей сообщения и транспортной инфраструктуры, могли использоваться для обороны стратегических объектов, а также для противотанковой и противодесантной борьбы.

Эффективность зенитной артиллерии оценивалась по выполнению задач, стоящих перед зенитной группировкой – уничтожение воздушных целей, недопущение разведки, бомбардировки, штурмовки, вытеснение авиации

с театра военных действий, доминирование на поле боя, демонстрация силы и т. п. Поскольку основной задачей являлось, как правило, уничтожение целей, то количественная и качественная результативность подразумевала соотношения сбитых (поврежденных) летательных устройств, использованных сил и средств, потраченных боеприпасов, ресурсов и т. п. Цель представленного исследования – определение эффективности зенитной артиллерии и мер по ее повышению при защите стационарных объектов в период стабилизации линии фронта в годы Великой Отечественной войны. Маневренные периоды войны представляют отдельный интерес и подлежат самостоятельному исследованию.

Исходя из имеющегося стратегического анализа истории войск ПВО можно говорить о наличии усредненных результатов эффективности зенитной артиллерии в годы Великой Отечественной войны [2; 20]. Разумеется, результативность и эффективность отдельных воинских формирований вариативна по целому ряду причин. Однако вполне допустимо опереться в исследовании на понятие «типовые» части, схожие по времени формирования, наполнению людьми и техникой, обученности и опыту расчетов, использованию установленных способов применения. Поскольку в настоящее время история боевой работы частей и соединений ПВО из-за увлечения исследователей стратегическими вопросами практически отсутствует, а мемуарные источники весьма субъективны, то необходимо выявление хода боевых действий и изменения штатной структуры хотя бы на примере одной из «типовых» зенитных частей.

Донбасс, как географические рамки исследования, обусловлен современными историческими обстоятельствами, а также как регион активного противостояния люфтваффе и советской ПВО в годы Великой Отечественной войны. Для анализа был выбран 1257-й армейский зенитно-артиллерийский полк. Он мог применяться для обеспечения непосредственной ПВО частей и соединений как на линии боевого соприкосновения, так и в тылу, а также для ПВО объектов военной и гражданской инфраструктуры в прифронтовой зоне. Весенний период 1943 г. на советско-германском фронте характерен относительной позицион-

ной стабильностью [17, с. 140]. Вермахт и Красная армия накапливали силы перед решающей схваткой. Формировались ударные группировки, строились оборонительные линии и сооружения, шла массовая переброска войск. Для вскрытия намерений противника широко использовалась разведывательная авиация; наносились демонстративные, точечные и массированные удары бомбардировочной и штурмовой авиацией; самолеты также использовались для информационной пропаганды. В определенной степени он коррелируется с весенними периодами 2023 и 2024 годов. Исходя из этого период март – май 1943 г. можно считать наиболее удобным для проведения исследования.

Важным фактором для исследования эффективности зенитной части стало постоянное командование в этот период и значительный опыт командного состава.

Методы и материалы. В работе использовались историко-системный и хронологический методы исторического анализа. Были проанализированы материалы 1257-го зенитно-артиллерийского полка, 3-й гвардейской армии, Юго-Западного фронта из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), общие работы по Великой Отечественной войне и развитию войск ПВО. Автор также опирался на собственные аналитические работы по исследуемой тематике [22; 23].

Анализ. Орудия малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА), удачно разработанные и массово производившиеся в межвоенное время в европейских странах, стали основой не только войсковой, армейской, флотской ПВО, но и противотанковой обороны. К сожалению, в СССР подобная артиллерия получила развитие только накануне Великой Отечественной войны. Недостаток сил ПВО, а также специалистов по ее применению стал одной из причин высоких потерь Красной армии в 1941 г. от ударов люфтваффе. Так, к началу войны было выпущено всего 1 370 37-мм зениток (в РККА состояло 1 217) при потребности в 5 152 штук. Из них до конца 1941 г. было потеряно свыше 1 200 [1, с. 248–250, 395–396]. Обеспеченность боеприпасами составляла всего 17 %, большинство из которых были потеряны на складах в первые недели войны.

После тяжелых потерь 1941–1942 гг. советская зенитная артиллерия постепенно возрождалась практически «с нуля». Увеличились поставки промышленности, появились первые зенитки ленд-лиза. За год с 22 июня 1941 г. было выпущено 3 тыс. 37-мм пушек. Был решен вопрос и с боеприпасами. Однако по плотности огня и возможностям прикрытия войск и объектов зенитная артиллерия Красной армии еще значительно отставала от немецкой и союзнической. Подразделения МЗА в этот период были представлены только на уровне объединений (армий, фронтов). В июне 1942 г. Государственным Комитетом Обороны (ГКО) СССР было принято решение о формировании армейских зенитных полков в составе трех батарей малого калибра (37-мм автоматических зенитных пушек (АЗП)), по четыре орудия в каждой, и двух пулеметных рот (одна из 12 пулеметов ДШК, а другая – из 8 счетверенных пулеметных установок максим) [3].

Основным средством ПВО в полках МЗА стала 37-мм АЗП 61-К образца 1939 г. с возможностью эффективной стрельбы по высоте до 3 км и по дальности до 4 км. Она имела целый ряд достоинств. Прежде всего это надежность автоматики, высокая мобильность на колесном шасси, удобство в обслуживании, высокий темп стрельбы. Однако основной причиной низкой эффективности установки в годы Великой Отечественной войны после слабой подготовки специалистов и расчетов стали технические недостатки. Аналогичные «Бофорсы» союзников, в отличие от 61-К, имели приборы автоматического управления огнем. 37-мм снаряды на протяжении всей войны не имели бесконтактного взрывателя, поражение цели производилось только прямым попаданием. В США и Великобритании уже с 1943 г. был налажен выпуск радиовзрывателей, что стало фактической революцией в ПВО – это позволило в 3–5 раз повысить результативность зенитной артиллерии. Несмотря на увеличение количества радиолокационных станций, в ходе войны так и не были внедрены способы сопряжения и управления зенитными орудиями с помощью радаров, как это осуществлялось в войсках Германии и у союзников.

Крупнокалиберный (12,7-мм) пулемет ДШК также представлял собой достаточно

эффективное зенитное средство с высотой стрельбы по воздушным целям до 2,4 км и темпом стрельбы 600 выстрелов в минуту.

Интересно отметить, что не менее 100 37-мм пушек 61-К и более 1 тыс. пулеметов ДШК находилось на хранении Вооруженных сил Украины в 2014 году. Исходя из тенденции масштабного использования ракетной техники и вооружения, ВСУ применяли эти установки в ходе военных действий. Более того, на Украине возобновлено производство модернизированного варианта ДШК. Российская армия использует в основном модернизированные коренным образом и новые образцы вооружения.

Используемые в полках зенитные пулеметные установки 4М представляли собой счетверенные 7,62-мм пулеметы максим, установленные на армейские полуторки. Их результативность оказалась крайне низкой при значительном количестве расходуемых боеприпасов. Такая система за минуту боя выпускала столько же пуль, сколько стрелковый батальон, вооруженный винтовками Мосина. Максимальная высота стрельбы по самолетам у системы 4М едва превышала 1 км. В современных условиях эти установки не применяются.

4 июня 1942 г. на основании Постановления ГКО № 1841сс «О формировании армейских полков ПВО для Юго-Западного фронта» от 2 июня среди первых восьми полков был создан и 1257-й армейский зенитный артиллерийский полк ПВО [19]. Основной причиной создания таких частей было господство немецкой авиации в ходе неудачной для РККА Харьковской операции 1942 года. Массированное применение зенитных средств в армиях Юго-Западного фронта (планировалось создать по два полка в каждой) должно было если не воспрепятствовать, то хотя бы снизить безнаказанное уничтожение советских наземных войск силами люфтваффе. 1257-й и 1261-й полки, штатной численностью по 310 человек каждый, формировались в составе 28-й армии, ведущей оборонительные бои на Волчанском направлении. Со складов готовой продукции завода № 4 им. Ворошилова должно было выделяться вооружение, из отоброшенного автотранспорта – по 8 полуторок ГАЗ-АА для установки 4М и 26 трехтонных ЗИС-5 на каждый полк, остальным имуществом части обес-

печивались тылами фронта и армии. Личный состав направлялся из маршевых батальонов без предварительного обучения. Несколько человек командного, политического и личного состава прибыли из отдельных зенитных дивизионов, воевавших в армии с момента ее формирования. Полк формировал майор Л.Н. Забродин.

Уже 5 июня в полку была полностью сформирована зенитная батарея МЗА. В первый же день своего существования 1257-й артиллерийский полк ПВО при отражении вражеского налета сбил 4 самолета [5].

Вскоре, в ходе начавшегося германского стратегического наступления, 28-я армия понесла большие потери и 22 июля 1942 г. была расформирована [16]. На 18 июля в обоих зенитных полках 28-й армии насчитывалось 132 человека и 17 37-мм пушек [11]. 1257-й полк был передан в состав Сталинградского (бывшего Юго-Западного) фронта. Несмотря на стремительное отступление фронта, полк в районе станции Качалино продолжал формирование. 5 августа он получил батарею МЗА из состава 13-й танковой бригады, а 31 августа – батарею МЗА, зенитно-пулеметную роту, укомплектованные личным составом и матчастью из состава 141-го отдельного зенитного дивизиона ПВО [8].

В начале сентября 1257-й артиллерийский полк ПВО был передан в 63-ю армию в составе 323 человек, 12 37-мм пушек, 9 пулеметных установок 4М, 32 автомобилей. В ходе Сталинградской битвы и далее на всем протяжении войны полк защищал от ударов авиации врага 63-ю армию, 4 ноября преобразованную в 1-ю гвардейскую армию, а 5 декабря 1942 г. переименованную в 3-ю гвардейскую армию. Зимой 1943 г. 1257-й полк в составе 3-й гвардейской армии участвовал в освобождении Ростовской области и восточного Донбасса. После битвы за Харьков и Харьковской оборонительной операции фронт на Донбассе замер. В конце марта – начале июня обе стороны готовились к решающему летнему сражению [17]. Значительные силы Юго-Западного фронта находились к западу от Северского Донца, и их пополнение, снабжение, обеспечение, маневр силами и средствами шли по мостам и переправам через эту широкую реку с обрывистыми берегами. Уничтожение мостов в ходе военных дей-

ствий авиацией или другими средствами неоднократно приводило к поражению обороняющегося, разгрому и пленению замостной группировки, нанесению тяжелых потерь силам усиления, сосредоточенных в ожидании переправы (см. рис. 1).

В связи с этим 1257-й артиллерийский полк ПВО 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта был сосредоточен на защите одной из главных переправ через р. Северский Донец, связывающей город Ворошиловград (сейчас Луганск) с Большой землей. С 10 марта 1943 г. задача полка не менялась: прикрыть с воздуха от налетов воздушного противника переправы через р. Северский Донец у станции Луганской [9, л. 15; 10, л. 6]. Этот участок находился на стыке Юго-Западного, Южного фронтов и Харьковского района ПВО страны. Два железнодорожных моста и один деревянный автодорожный являлись для фронта единственным высоководным многотоннажным (до 30 т) переправочным узлом через Северский Донец [15].

На 31 марта 1257-й полк состоял в боевых порядках и был оперативно придан 29-му стрелковому корпусу 3-й гвардейской армии [12]. На 1 апреля 1943 г. он насчитывал 12 37-мм зенитных пушек 61-К, 6 счетверенных пулеметов максим 4М, 29 автомашин, при численности личного состава в 313 человек [7]. Такая группировка, несмотря на громкое название «полк», уступала по боевым возможностям зенитно-артиллерийскому дивизиону 1941 г., и имела возможность прикрыть район площадью до 75 км² или 3 района площадью по 25 км² на высотах до 3 км.

В апреле 1943 г. командиром 1257-го армейского зенитного артиллерийского полка ПВО 3-й гвардейской армии вместо ушедшего на должность заместителя командующего артиллерией 3-й танковой армии по ПВО подполковника Л.Н. Забродина был назначен уроженец Пушкинского (сейчас Пушкиногорского) района Калининской (сейчас Псковской) области подполковник Михаил Тимофеевич Тимофеев (см. рис. 2). С августа по ноябрь 1942 г. подполковник М.Т. Тимофеев командовал зенитной артиллерией Саратово-Балашовского дивизионного района ПВО. Несмотря на значительные силы, выделенные для противодействия германской авиации, результа-

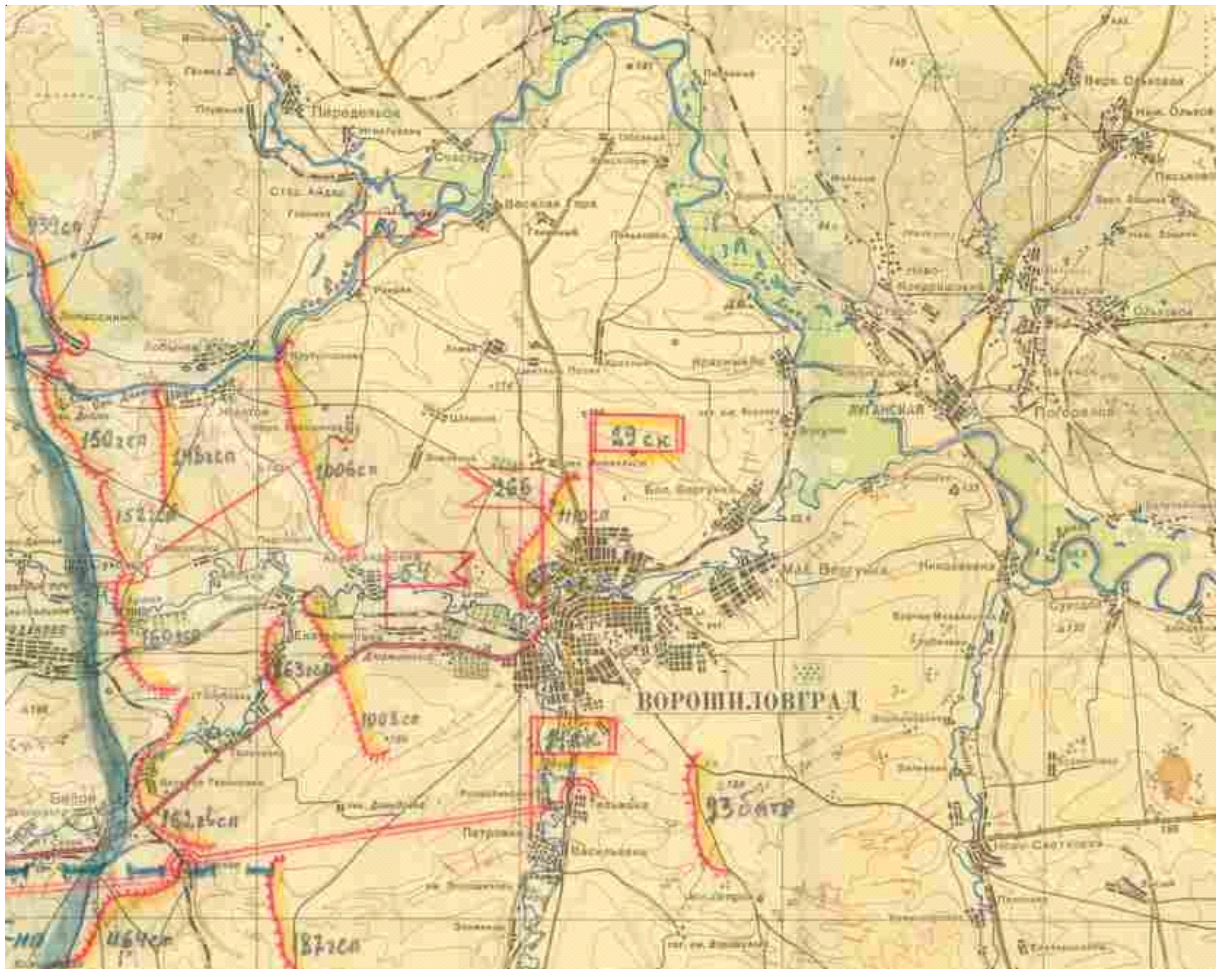

Рис. 1. Положение 29-го стрелкового корпуса весной 1943 года

Fig. 1. The position of the 29th Rifle Corps in the spring of 1943

Примечание. Источник: [6, л. 22].

ты работы района ПВО были признаны неудовлетворительными, и Ставкой Верховного Главнокомандования (ВГК) были сделаны кадровые оргвыводы. Подполковник М.Т. Тимофеев был снят с должности и направлен заместителем, а затем командиром 254-го зенитного артиллерийского полка Воронежского фронта [23]. В составе Воронежско-Борисоглебского дивизионного района ПВО 254-й полк оборонял Воронеж и выполнил все поставленные перед ним задачи.

В течение апреля 1257-й зенитный полк безуспешно вел огонь по высотным немецким самолетам-разведчикам, регулярно осуществлявшим авиаразведку советских тылов и путей снабжения.

В период с 8 по 13 апреля приказом Ставки ВГК 29-й стрелковый корпус из 3-й гвардейской армии был передан в состав 51-й ар-

мии Южного фронта и 22 апреля переименован в 3-й гвардейский стрелковый корпус. До момента окончательной передачи 29-го корпуса в 51-ю армию 1257-й армейский зенитный артиллерийский полк ПВО был ему придан. Затем 14 апреля командующий Юго-Западным фронтом приказал 1257-й полк временно оставить до подхода средств ПВО страны в распоряжении командующего Южным фронтом для прикрытия переправ в районе Ворошиловграда [13]. Планировалось к 1 мая подготовить и передать район станции Луганской Харьковскому дивизионному району ПВО. Ядром обороны должен был стать 374-й зенитный артиллерийский полк ПВО. Первыми на помощь 1257-му армейскому полку ПВО прибыли два отдельных бронепоезда ПВО – № 132 и 181. Они были оперативно подчинены командиру полка.

Рис. 2. Командир 1257-го аэнап ПВО подполковник М.Т. Тимофеев

Fig. 2. Commander of the 1257th anti-aircraft artillery air defence regiment, Lieutenant Colonel M.T. Timofeev

Примечание. Источник: Личный архив автора.

15 апреля 3-я батарея 1257-го полка была снята с позиций у штаба 3-й гвардейской армии в с. Михайловка и направлена на огневые позиции в район станицы Луганской [9, л. 22].

К 16 апреля 1257-й зенитный полк вместе с приданными средствами Харьковского дивизионного района ПВО прикрывал 4 объекта станицы Луганской (см. рис. 3):

- железнодорожный мост через р. Северский Донец западнее станицы Луганской – 1-я и 3-я батареи (8 37-мм пушек), взвод ДШК (5 12,7-мм пулеметов), взвод бронепоезда ПВО № 132 (2 37-мм пушек);

- железнодорожный мост и деревянный мост (переправа) через р. Северский Донец южнее станицы Луганской – 2-я батарея (4 37-мм пушки), два взвода ДШК (10 12,7-мм пулеметов), 1 комплексная установка (7,62-мм счетверенный максим), приданная 3-я батарея 82-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона (озадн, 4 37-мм пушки, командир старший лейтенант Мирмович);

- железнодорожная станция Кондрашовка (центральная железнодорожная станция

станции Луганской) – командный пункт (КП) 1257-го полка, батарея среднего калибра бронепоезда ПВО № 132 (4 76-мм пушки), пулеметные установки бронепоезда ПВО № 132;

- железнодорожная станция Новокондрашовка (северная производственная железнодорожная станция станицы Луганской) – бронепоезд ПВО № 181 (4 76-мм, 4 37-мм пушки, 2 счетверенных 7,62-мм пулемета).

Пулеметы ДШК были из состава приданной 671-й отдельной зенитно-пулеметной роты Харьковского района ПВО, комплексные установки – из состава собственной 2-й зенитно-пулеметной роты.

Кроме того, 1257-й полк выделил 1-ю зенитно-пулеметную роту ДШК (15 12,7-мм пулеметов) и 2 комплексные установки (7,62-мм счетверенный максим) под командованием капитана Ханазадяна на ПВО железнодорожного моста через р. Деркул, восточнее станицы Луганской (см. рис. 4).

Дополнительно полк выставлял два поста воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) – в Ворошиловграде и станице

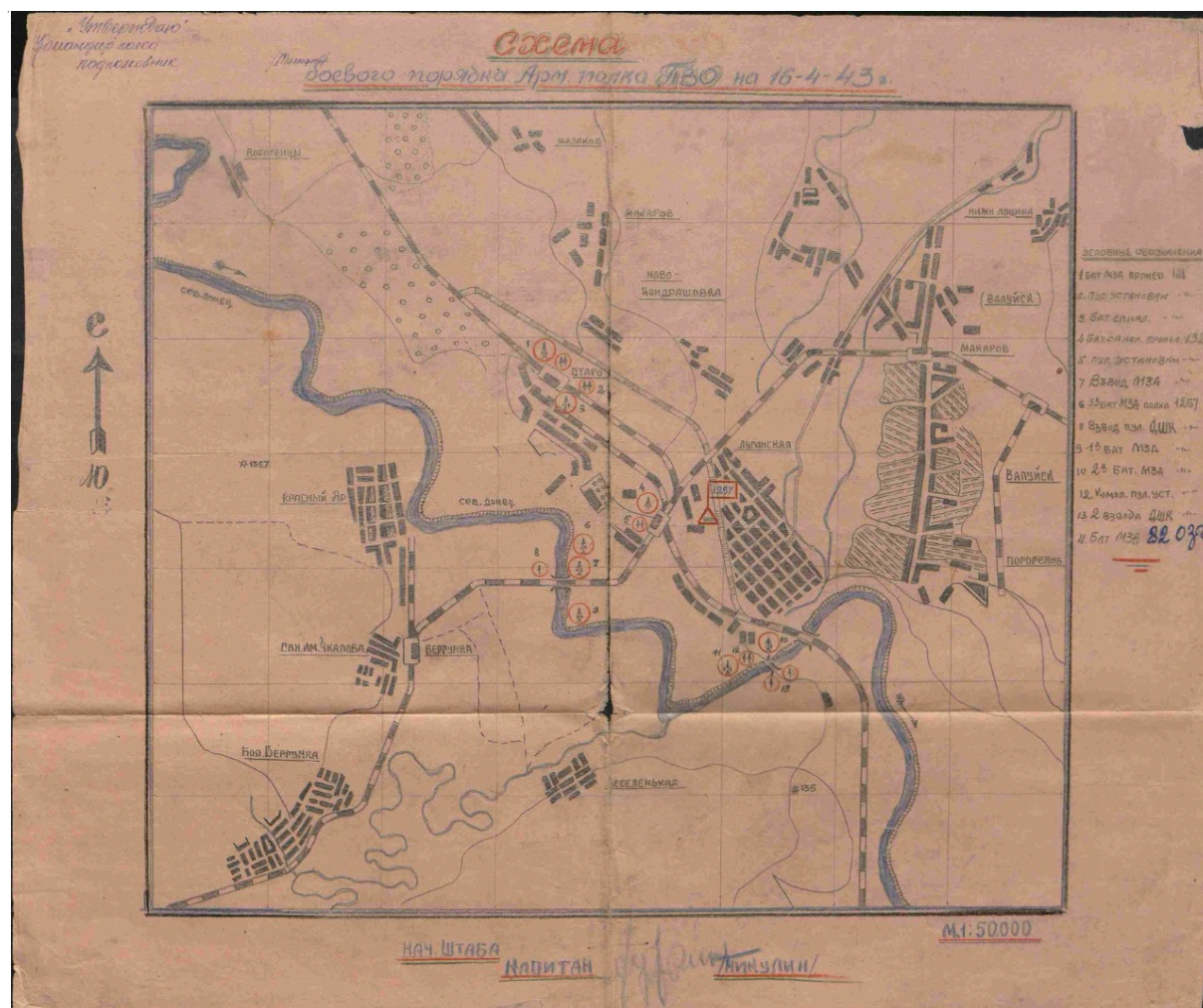

Рис. 3. Схема зенитной обороны станции Луганской весной 1943 года

Fig. 3. Scheme of anti-aircraft defence of Luganskaya village in the spring of 1943

Примечание. Источник: [10, л. 2].

Луганской, которые визуально определяли подход вражеских самолетов не более чем за 1–3 минуты.

В связи с увеличением интенсивности железнодорожного движения в преддверии нового наступления Красной армии, в ночь на 20 апреля немцы провели активную воздушную разведку. С 20.00 до 4.00 было зарегистрировано 14 пролетов одиночных бомбардировщиков He.111 над мостами у станции Луганской на высоте 2–3 км. Велся плотный заградительный огонь (потрачено 470 37-мм и 125 12,7-мм боеприпасов). Несмотря на отсутствие попаданий, зенитный гарнизон воспрепятствовал качественной детальной разведке, прибытие эшелонов с пополнением и боеприпасами немцами вскрыто не было. Противником была сброшена полутонная бомба

по станции Кондрашовке. В 8.30 немецкие самолеты сбросили листовки, снесенные в сторону Ворошиловграда [9, л. 22–23]. В ходе проведенной авиаразведки была обнаружена сильная ПВО переправ через Северский Донец, в связи с чем германское командование решило разбомбить мост через Деркул.

21 апреля 9 двухмоторных истребителей Bf.110 нанесли удар по железнодорожному мосту через р. Деркул в районе разъезда Ильенко. Они сбросили 27 бомб с пикирования с высоты 2–3 км, которые не принесли вреда обороняемому объекту. Огнем зенитной пулеметной роты (потрачено 300 12,7-мм, 5 600 7,62-мм патронов) противник не был допущен к обороняемому объекту [9, л. 23].

Коллектив в полку был мужской, но весной 1943 г. в полк из станции Луганской и

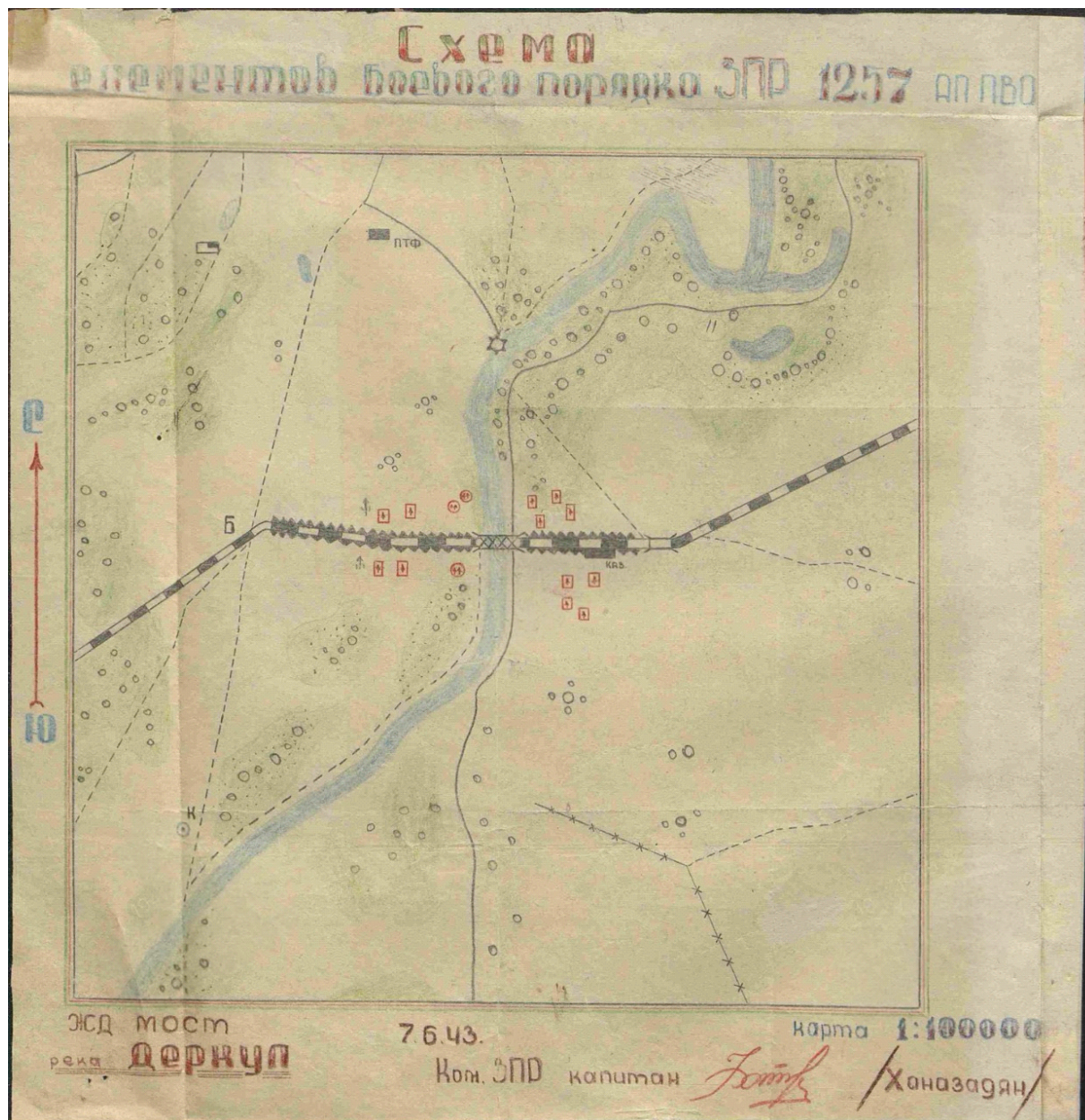

Рис. 4. Схема зенитной обороны моста через р. Деркул весной 1943 года

Fig. 4. Scheme of anti-aircraft defence of the bridge over the Derkul River in the spring of 1943

Примечание. Источник: [10, л. 3].

ее окрестностей прибыли 25 добровольцев 19–20-летнего возраста, включая 12 девушек-комсомолок. Девушки были зачислены Станционно-Луганским районным военкоматом на должности санинструкторов, поваров, прачек батарей и рот. Большинство из них прошли всю войну и были награждены орденами и медалями. Однако происходили и совершенно противоположные случаи. 23 апреля из полка дезертировал служивший со дня формирования рядовой Т.И. Пьянков, 21 мая арестованный

7-й пограничной заставой НКВД. Побудившая его скрыться причина и дальнейшая судьба неизвестны [10, л. 7 об.; 21, л. 186 об.].

В 9.30 29 апреля после ночной разведки 4 бомбардировщика He.111 безуспешно бомбили нефтеналивной состав на станции Кондрашовке. Самолеты сбросили 21 бомбу с пикирования, в том числе 4 из них попали по станции. Погиб 1 рабочий, 3 было ранено. Станция, состав и инфраструктура по оценке штаба не пострадали. Полк вел огонь безре-

зультатно (выпущено 627 37-мм снарядов) [9, л. 24]. Тем не менее плотный массированный зенитный огонь не позволил немецким летчикам отбомбиться прицельно, заставляя их постоянно маневрировать. Интересно, что за советскую зенитную артиллерию в этот день поработала германская – на обратном пути свои бомбардировщики обстреляли немецкие зенитчики и сбили один He.111.

В конце апреля за бдительность в отражении апрельских налетов противника медалью «За боевые заслуги» награждены разведчик 1-й батареи старший сержант И.И. Муравьев и наблюдатель 1-й батареи ефрейтор П.И. Сатуленко.

1 мая приказом Военного Совета фронта 1257-й зенитный артиллерийский полк ПВО был вновь закреплен за 3-й гвардейской армией [14]. В его составе на 1 мая 1943 г. находились: три батареи МЗА (по 4 37-мм пушки), две зенитно-пулеметные роты (крупнокалиберная рота – 15 ДШК, комплексная рота – 6 счетверенных максимов), 43 автомашины, при 315 чел. [6, л. 50 об.; 10, л. 5 об.]. Из-за активизации авиации противника, важности узла снабжения и мостов через Северский Донец, слабости гарнизона ПВО (374-й полк ПВО так и не прибыл, находясь в обороне станции Валуйки), командованием 3-й гвардейской армии 1257-й арtpолк с подчиненными частями ПВО страны был оставлен на прикрытии станции Луганской, станции Кондрашовки и переправ через Северский Донец.

В середине мая комплексные пулеметные установки были выведены из состава полка и направлены на формирование непосредственного прикрытия КП армии. Соответственно, количество пулеметных установок в полку сократилось на 6 счетверенных максимов. С ними убыло 7 боевых и транспортных автомобилей. Зенитчики остались в полку, в распоряжении командования, ожидая переформирования.

Не добившись результатов массовыми налетами, с 19 мая люфтваффе одиночными самолетами пытались нанести удары по мостам через Северский Донец. В ночь с 19 на 20 мая, в 1.25 два самолета под огнем полка (было потрачено 177 37-мм снарядов, 630 12,7-мм патронов) беспорядочно сбросили 8 бомб в районе станции Кондрашовки

(в том числе 4 попали в населенный пункт). Разрушений не было, но трое гражданских лиц получили ранения [10, л. 7].

В ночь с 20 на 21 мая, в 00.25 одиночный самолет противника на малых высотах не был обнаружен наблюдателями и прицельно сбросил 3 бомбы на КП полка. Была нарушена связь, разбит телефонный аппарат, контужен дежурный разведчик Л.А. Мельников, награжденный позже медалью «За отвагу». При попытке сбить врага на обратном пути расход 37-мм боеприпасов составил 287 штук [10, л. 7 об.].

21 мая подполковник М.Т. Тимофеев был вызван в Москву, и до 2 июня за командира оставался замполит подполковник А.Д. Харченко [10, л. 7].

В ночь на 22 мая налет нескольких одиночных Bf.110 был отражен заградительным огнем (израсходовано 106 37-мм снарядов) и к переправам враг не допущен [10, л. 7 об.]. 27 мая немецкий самолет Ju-52 со средних высот сбросил листовки над станицей. Расход составил 67 37-мм снарядов [10, л. 8 об.].

К концу мая кроме бронепоездов и пулеметной роты в состав гарнизона ПВО станицы Луганской из состава Харьковского района ПВО прибыла 4-я батарея 374-го зенитного артиллерийского полка и подразделения 57-го отдельного батальона ВНОС. Это существенно улучшило возможности по заблаговременному обнаружению самолетов противника. В составе полка на 1 июня 1943 г. насчитывалось 12 37-мм зенитных пушек, 15 пулеметов ДШК, 36 автомашин, 320 человек личного состава [6, л. 21].

4 июня полк отпраздновал годовщину своего существования, а 7 июня был переведен на новый штат: из трех четырехорудийных батарей сформировано четыре трехорудийные, две зенитно-пулеметные роты слиты в одну. Это позволило более эффективно маневрировать средствами и огнем, увеличить площадь прикрытия и количество объектов прикрытия. Полку была поставлена новая боевая задача [10, л. 13].

Командир полка приказом Военного Совета 3-й гвардейской армии № 97/н от 31.07.1943 был награжден орденом Красного Знамени. Наградной документ, подписанный командующим 3-м гвардейским стрелковым корпусом генерал-майором А.И. Беловым

8 июня 1943 г., наилучшим образом характеризует результаты действий 1257-го зенитного полка в период накопления сил перед решающим сражением 1943 г.: *«Используя период нахождения полка в обороне тов. Тимофеев все внимание уделял вопросу подготовки личного состава полка к решающим сражениям с гитлеровскими захватчиками. Проявил при этом отцовскую заботу о жизни и быте бойцов и командиров. За время пребывания в полку добился, что обороняемые объекты, несмотря на неоднократные попытки налетов вражеской авиации – сохранены, при этом сбит один самолет противника»* [18]. В качестве сбитого самолета засчитан тот, который сбил зимой 254-й зенитный полк под командованием Тимофеева.

В маневренный период войны, летом и осенью 1943 г. 1257-й зенитный полк успешно действовал в Донбасской и Запорожской наступательных операциях, в боях по ликвидации Никопольского плацдарма противника. В январе – феврале 1944 г. полк прикрывал боевые порядки 3-й гвардейской армии в ходе Никопольско-Криворожской наступательной операции. Всего на февраль 1944 г. с начала боевой деятельности полк имел на своем счету 102 сбитых самолета, 4 танка и 2 орудия, до 600 уничтоженных солдат и офицеров противника, более 200 сбитых летчиков и 6 взятых в плен [4, с. 389–390].

В середине февраля 1944 г. в Харьковском военном округе было начато формирование новой 76-й зенитной артиллерийской дивизии Резерва Главного Командования. Подполковник М.Т. Тимофеев был допущен к исполнению должности ее командира с одновременным присвоением звания полковник [22].

Результаты. Исходя из критериев эффективности зенитной артиллерии на Донбассе в позиционный период Великой Отечественной войны можно говорить:

1) по соответствию использованных боеприпасов количеству сбитых целей – о слабой профессиональной подготовке советских зенитчиков и низком качестве средств инструментальной разведки и управления огнем, что обусловлено отсутствием профессионального отбора и обучения личного состава в первом случае и отсутствием в производстве средств во втором;

2) по недопущению разведки и причинению ущерба обороняемому объекту – о полном выполнении задачи, что обусловлено верными решениями оперативного и тактического командования по размещению зенитных средств;

3) по вытеснению авиации и доминированию на поле боя – по сравнению с 1941 г. советская зенитная артиллерия сделала значительный шаг вперед, однако еще не достигла значительных успехов 1945 г., что обусловлено количеством имеющихся средств и накопленным опытом расчетов и командиров;

4) по демонстративной деятельности – задача выполнена успешно, так как противник был вынужден концентрировать усилия авиации для преодоления системы ПВО, не смог (как в 1941–1942 гг.) держать под постоянными бомбово-штурмовыми ударами прибывающие резервы и средства Красной армии, а действия одиночных самолетов легко блокировались незначительным огнем;

5) о начале использования немцами ночных ударов и отсутствии средств и опыта борьбы советской армейской зенитной артиллерии;

6) о росте значения разведывательной авиации люфтваффе.

Советское руководство уделяло важное внимание освобождению Донбасса – важнейшего индустриального региона страны. Зенитная артиллерия была призвана защитить концентрируемые для наступления силы и средства от вражеской авиации. Однако меры, принимаемые командованием для повышения эффективности зенитной артиллерии, были недостаточны. Обучение личного состава и повышение качества подготовки комсостава проводились в боевых условиях, взаимодействия с другими видами и родами войск не проводились, технические и тактические исследования и разработки не внедрялись. Основным методом повышения результативности виделось насыщение фронта и тыла количеством зенитных средств. Тем не менее замечается успешное и достаточно оперативное взаимодействие штабов ПВО разного уровня – войскового, армейского и тылового, что проявляется в формировании группировок прикрытия из нескольких разнотипных подразделений. Организационно-штатные меропри-

ятия позволили расширить площадь и количество защищаемых объектов, а наименее результативные средства перевести на выполнение второстепенных задач. Таким образом, весной 1943 г. в относительно позиционной войне советская зенитная артиллерия стала достаточно эффективна и была способна силами одного полка МЗА, усиленного двумя зенитными бронепоездами, прикрыть важный оперативно-тактический объект как от массированных, так и одиночных ударов авиации противника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 1. М.; Тула: Изд-во ГАУ, 1977. 547 с.
2. Войска противовоздушной обороны страны. М.: Воен. изд-во, 1968. 436 с.
3. Гаврилов А. Зенитная артиллерия войсковой ПВО // Арсенал Отечества. 2020. № 5. URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1405-zenitnaya-artilleriya-v-gody-voyny-i-v-poslevoennyj-period-chast-2>
4. Голотюк В. Л., Цапаев Д. А. Командный состав Войск ПВО Красной Армии в годы Великой Отечественной и советско-японской войн 1941–1945 гг. М.: АРТКРАСС, 2013. 462 с.
5. Донесения 1257 ап ПВО // Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 441. Оп. 8464. Д. 8. Л. 244.
6. Журнал боевых действий (ЖБД) 3 гв. А // ЦАМО РФ. Ф. 312. Оп. 4245. Д. 145. Л. 21, 22, 50 об.
7. ЖБД 3 гв. А // ЦАМО РФ. Ф. 312. Оп. 4245. Д. 390. Л. 15.
8. ЖБД 141 озадн ПВО // ЦАМО РФ. Ф. 141 озадн ПВО. Оп. 252490. Д. 1. Л. 26.
9. ЖБД 1257 АЗАП // ЦАМО РФ. Ф. 16717. Оп. 72587. Д. 6. Л. 15–24.
10. ЖБД 1257 АЗАП // ЦАМО РФ. Ф. 16717. Оп. 72587. Д. 7. Л. 2–3, 5 об., 6–13.
11. ЖБД войск СталФ // ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 85. Л. 14.
12. ЖБД войск ЮЗФ // ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 304. Л. 256 об.
13. ЖБД войск ЮЗФ // ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 309. Л. 42.
14. ЖБД войск ЮЗФ // ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 311. Л. 17.
15. ЖБД войск ЮФ // ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 145. Л. 64.
16. История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 5. М.: Воениздат, 1975. 512 с.

17. История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 6. М.: Воениздат, 1976. 520 с.
18. Наградной лист Тимофеева М. Т. // ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 582526. Д. 1523. Л. 96.
19. Постановление ГКО № 1841сс «О сформировании армейских полков ПВО для Юго-Западного фронта» // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
20. Светлишин Н. А. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1979. 295 с.
21. Список безвозвратных потерь // ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 67. Л. 186–186 об.
22. Терентьев В. О. 76-я зенитная артиллерийская дивизия РГК при подготовке и прорыве перекопских укреплений в Крымской операции 1944 года // Новая наука: от идеи к результату. 2017. Т. 2, № 3. С. 161–165.
23. Терентьев В. О. Зенитная артиллерия Саратово-Балашовского дивизионного района ПВО в борьбе с люфтваффе осенью 1942 г. // Военная история России: проблемы, поиски, решения. В 3 ч. Ч. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. С. 410–421.

REFERENCES

1. *Artillerijskoe snabzhenie v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. Kn. 1* [Artillery Supply in the Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 1]. Moscow, Tula, Izd-vo GAU, 1977. 547 p.
2. *Vojska protivovozdushnoj oborony strany* [Country's Air Defense Forces]. Moscow, Voen. izd-vo, 1968. 436 p.
3. Gavrilov A. Zenitnaya artilleriya voyskovoy PVO [Anti-Aircraft Artillery of Military Air Defense]. *Arsenal Otechestva* [Fatherland Arsenal], 2020, no. 5. URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1405-zenitnaya-artilleriya-v-gody-voyny-i-v-poslevoennyj-period-chast-2>
4. Golotuk V.L., Zapaev D.A. *Komandnyy sostav Voysk PVO Krasnoy Armii v gody Velikoy Otechestvennoj i sovetsko-yaponskoy voyn 1941–1945 gg.* [Command Staff of the Red Army Air Defense Forces During the Great Patriotic War and the Soviet-Japanese War of 1941–1945]. Moscow, ARTKRASS Publ., 2013. 462 p.
5. Doneseniya 1257 ap PVO [Reports of the 1257th Air Defense Aviation Regiment]. *Tsentralnyy arkhiv Ministerstva oborony RF (daleye – TsAMO RF)* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 441, inv. 8464, d. 8, l. 244.
6. *Zhurnal boyevykh deystviy (ZhBD) 3 gv. A* [War Diary 3rd Guards Army]. *TsAMO RF* [Central

Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 312, inv. 4245, d. 145, l. 21, 22, 50 r.

7. ZhBD 3 gv. A [War Diary 3rd Guards Army]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 312, inv. 4245, d. 390, l. 15.

8. ZhBD 141 ozadn PVO [War Diary 141st Separate Anti-Aircraft Artillery Air Defense Battalion]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 141 ozadn PVO, inv. 252490, d. 1, l. 26.

9. ZhBD 1257 AZAP [War Diary 1257 AR AD]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 16717, inv. 72587, d. 6, l. 15-24.

10. ZhBD 1257 AZAP [War Diary 1257 AR AD]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 16717, inv. 72587, d. 7, l. 2-3, 6-13.

11. ZhBD voysk StalF [War Diary Troops Stalingrad Front]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 220, inv. 220, d. 85, l. 14.

12. ZhBD voysk YuZF [War Diary Troops South-Western Front]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 232, inv. 590, d. 304, l. 256 r.

13. ZhBD voysk YuZF [War Diary Troops South-Western Front]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 232, inv. 590, d. 309, l. 42.

14. ZhBD voysk YuZF [War Diary Troops South-Western Front]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 232, inv. 590, d. 311, l. 17.

15. ZhBD voysk YuF [War Diary Troops Southern Front]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 64, inv. 505, d. 146, l. 64.

16. *Istorija Vtoroj mirovoj vojny. 1939–1945. V 12 t. T. 5* [History of the Second World War. In 12 Vols. Vol. 5]. Moscow, Voenizdat, 1975. 512 p.

17. *Istorija Vtoroj mirovoj vojny. 1939–1945. V 12 t. T. 6* [History of the Second World War. In 12 Vols. Vol. 6]. Moscow, Voenizdat, 1976. 520 p.

18. Nagradnoy list Timofeyeva M. T. [Award List of Timofeev M. T.]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 33, inv. 582526, d. 1523, l. 96.

19. Postanovleniye GKO № 1841 ss «O formirovani armeyevskikh polkov PVO dlya Yugo-Zapadnogo fronta» [GKO Resolution No. 1841 ss “On the Formation of Army Air Defense Regiments for the Southwestern Front”]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial’no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 644, inv. 1, d. 37, l. 1.

20. Svetlishin N.A. *Vojska PVO strany v Velikoj Otechestvennoy vojne* [Country’s Air Defense Forces in the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 295 p.

21. Spisok bezvozvratnykh poter [List of Losses]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation], f. 58, inv. 977521, d. 67, l. 186-186 r.

22. Terentev V.O. 76-ya zenitnaya artillerijskaja divizija RGK pri podgotovke i proryve perekopskikh ukreplenij v Krymskoj operacii 1944 goda [76th Anti-Aircraft Artillery Division of the RGK During the Preparation and Breakthrough of the Perekop Fortifications in the Crimean Operation of 1944]. *Novaya nauka: ot idei k resultatu* [New Science: From Idea to Result], 2017, vol. 2, no. 3, pp. 161-165.

23. Terentev V.O. Zenitnaya artillerija Saratovo-Balashovskogo divizionnogo rajona PVO v borbe s ljuftvaffe osenju 1942 g. [Anti-Aircraft Artillery of the Saratov-Balashov Divisional Area of Air Defense in the Fight Against the Luftwaffe in the Autumn of 1942]. *Voyennaya istoriya Rossii: problemy, poiski, resheniya. V 3 ch. Ch. 1* [Military History of Russia: Problems, Searches, and Solutions. In 3 Pts. Pt. 1]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 410-421.

Information About the Author

Vyacheslav O. Terentev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of National History, Political Science and Sociology, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Dvinskaya St, 5/7, 198035 Saint Petersburg, Russian Federation, terehv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2567-5560>

Информация об авторе

Вячеслав Олегович Терентьев, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии, Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, ул. Двинская, 5/7, 198035 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, terehv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2567-5560>

«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ»: НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА, ОККУПАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗАХВАТЧИКАМ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.16>

UDC 94(470.45)«1942/1943»:341.326

LBC 63.3(2Рос-4Вор)622,1-72

Submitted: 10.09.2024

Accepted: 16.12.2024

GERMAN MILITARY PROPAGANDA IN THE BATTLE OF STALINGRAD: SCALE, DYNAMICS AND FEATURES

Oleg V. Romanko

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation

Nikolay A. Smirnov

Historical Research Foundation “Open History”, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The study was based on a systematic approach. Historical-genetic and historical-comparative methods were applied, as well as statistical methods, the synchronization method, and content analysis. The research was conducted using published materials and archival sources that allowed for an assessment of the scale of German propaganda against the Red Army during the Battle of Stalingrad and its effectiveness dynamics. *Analysis.* An examination of the main narratives used in German propaganda throughout the Battle of Stalingrad revealed changes in its directions and emphases over time. A review of Wehrmacht propagandists' reports provided insights into their approaches to evaluating the effectiveness of their work, as well as the extent of their influence on units of the Red Army. The numbers of Soviet defectors and prisoners of war at different stages of the battle were determined, which served as the basis for assessing the effectiveness of German propaganda. *Results.* An examination of German propaganda methods during the Battle of Stalingrad revealed that the diversity of narratives decreased as the fighting for the city dragged on. Comparing the number of Soviet prisoners of war and defectors with the efforts expended showed a low effectiveness of German propaganda activities, with a consistent trend toward decline. *Authors' contribution.* O.V. Romanko proposed the concept of the article, supervised the study, studied the historiography of the problem, and edited the final text of the work. N.A. Smirnov carried out analytical work on the analysis of sources, systematization, and classification of information about the organization and methods of the work of German propaganda in the Battle of Stalingrad, assessed its effectiveness based on calculated statistics, and designed the text of the article.

Key words: Great Patriotic War, Battle of Stalingrad, Nazi propaganda, Wehrmacht, prisoners of war, defectors.

Citation. Romanko O.V., Smirnov N.A. German Military Propaganda in the Battle of Stalingrad: Scale, Dynamics and Features. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 196-206. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.16>

УДК 94(470.45)«1942/1943»:341.326
ББК 63.3(2Рос-4Вог)622,1-72

Дата поступления статьи: 10.09.2024

Дата принятия статьи: 16.12.2024

НЕМЕЦКАЯ ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ: МАСШТАБЫ, ДИНАМИКА И ОСОБЕННОСТИ

Олег Валентинович Романько

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Николай Александрович Смирнов

Фонд исторических исследований «Открытая история», г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Сталинградская битва стала решающим сражением Второй мировой войны не только с военной, но и с пропагандистской точки зрения. Немецкая сторона вступила в сражение, имея огромное преимущество в информационном противоборстве, и приложила все усилия для морального разложения Красной армии под Сталинградом. Интерес для исследования представляет изучение организации и методов немецкой пропаганды в Сталинградской битве, а также оценка ее эффективности. *Методы и материалы.* Основой исследования стал системный подход. Были применены историко-генетический и историко-сравнительный методы, статистические методы и метод синхронизации, контент-анализ. Исследование было проведено на базе опубликованных материалов, а также архивных источников, позволяющих оценить масштабы немецкой пропаганды против Красной армии в Сталинградской битве и динамику ее эффективности. *Анализ.* Изучение основных нарративов немецкой пропаганды, применявшихся в течение Сталинградской битвы, позволило выявить динамику изменения ее направлений и акцентов. В результате анализа отчетной документации пропагандистов вермахта определены их подходы к оценке эффективности своей работы, а также масштабы пропагандистского воздействия на части Красной армии. Было установлено количество советских перебежчиков и военнопленных на различных этапах сражения, на основании чего проведена оценка эффективности немецкой пропаганды. *Результаты.* Изучение методов немецкой пропаганды в течение Сталинградской битвы показало, что разнообразие нарративов снижалось по мере затягивания боев за город. Оценка количества советских военнопленных и перебежчиков в сравнении с затраченными усилиями выявило невысокую эффективность немецких пропагандистских мероприятий с постоянной тенденцией к снижению. *Вклад авторов.* О.В. Романько была предложена концепция статьи, осуществлено руководство исследованием, изучена историография проблемы, а также проведена работа над текстом статьи. Н.А. Смирновым проведен анализ источников, систематизация и классификация информации об организации и методах работы немецкой пропаганды в Сталинградской битве, осуществлена оценка ее эффективности на основе рассчитанных статистических данных, оформлен текст статьи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, нацистская пропаганда, вермахт, военнопленные, перебежчики.

Цитирование. Романько О. В., Смирнов Н. А. Немецкая военная пропаганда в Сталинградской битве: масштабы, динамика и особенности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 196–206. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.16>

Введение. Сталинградская битва, ставшая, без сомнения, переломным событием Второй мировой войны, характеризовалась, помимо масштабов и кровопролитности вооруженного противостояния, невиданным ранее напряжением пропагандистского противоборства. Красная армия в ходе обороны Сталинграда устояла перед мощнейшим психологическим воздействием противника. Тем не менее в отечественной и зарубежной историографии

практически отсутствуют работы, посвященные немецкой и советской пропаганде на войска противника в ходе этой битвы. В связи с этим актуальной является проблема уточнения масштабов пропаганды обеих сторон и оценки ее эффективности. В качестве отдельного важного аспекта этой проблемы можно выделить оценку объемов издававшихся и распространявшихся немецкими пропагандистами печатных материалов для советских войск,

а также определение методов оценки эффективности немецкого идеологического воздействия на советские войска.

В связи со сказанным целью данного исследования является изучение немецкой военной пропаганды, ее динамики и эффективности воздействия на военнослужащих Красной армии в период Сталинградской битвы. Для достижения поставленной цели необходимо: а) охарактеризовать организацию немецких пропагандистских служб, действовавших на сталинградском направлении; б) определить основные тенденции немецкой пропаганды в ходе битвы; в) установить количество распространенных пропагандистами вермахта среди красноармейцев агитматериалов на различных этапах битвы; г) выявить методы оценки эффективности пропаганды, применявшиеся немецкой стороной в годы войны, охарактеризовать их корректность; д) определить количество советских военнопленных и перебежчиков, учтенных немецкой стороной на разных этапах битвы на основе суточных донесений различных отделов армейских штабов 6-й и 4-й танковой армий вермахта; е) произвести сравнение динамики захвата военнопленных и перебежчиков с динамикой пропагандистской работы против частей Красной армии. Таким образом, предметом исследования является работа немецких пропагандистских подразделений во время Сталинградской битвы, а также, впервые в историографии, методика определения эффективности пропагандистских мероприятий, принятая в вермахте.

Методы и материалы. Пропаганда вермахта против Красной армии в ходе Великой Отечественной войны нечасто становилась предметом самостоятельного исследования. Наибольший вклад в изучение структуры и функционирования служб пропаганды вермахта на протяжении войны в целом был внесен О. Бухбендером [18] и А.В. Окорочковым [10]. Особенности взаимодействия министерств и ведомств нацистской Германии в пропагандистских вопросах подробно описаны в монографии М.В. Дацишиной [5], однако преимущественно в контексте работы на оккупированных территориях СССР. Немецкая пропаганда в Сталинградской битве являлась самостоятельным предметом исследования лишь в работах В.А. Горелкина [2–4]. Осо-

бенностью всех перечисленных работ (за исключением О. Бухбендера) является невысокая степень использования зарубежных архивов из-за проблем с доступом и разрозненности источников. Оцифровка архивных фондов России, США и Германии позволила комплексно изучить данную проблематику и привела к появлению работ, освещающих этапы пропагандистского противостояния СССР и нацистской Германии [17] и психологическую составляющую отдельных операций войны [1; 13; 16].

Источниковая база исследования представлена несколькими группами материалов. В первую очередь это приказы и директивы о ведении пропаганды против Красной армии, издававшиеся отделом пропаганды вермахта и отложившиеся в Федеральном архиве ФРГ. Наиболее обширную, вторую группу источников представляют отчеты о пропагандистских мероприятиях в полосе 4-й танковой и 6-й армий вермахта, находящиеся в Политическом архиве МИД ФРГ, а также в микрофильмированных документах 6-й и 4-й танковой армий, 8-го авиакорпуса, 5-й бомбардировочной авиагруппы особого назначения и группы армий «Б» в Национальном архиве США. Третья группа источников – это количественные сводки о военнопленных и трофеях в составе отчетных документов армейских служб тыла и разведки / контрразведки в Национальном архиве США в фондах T-312 и T-313.

Исследование базируется на основных принципах исторической науки: историзме, объективности и системности. Системный подход, заключающийся в изучении организации и методов немецкой пропаганды в Сталинградской битве и механизмов определения ее эффективности, позволил достигнуть цели работы. Историко-генетический метод использовался для оценки динамики эффективности немецкой пропаганды относительно хода боевых действий. Историко-сравнительный метод применялся для сравнения показателей распространения листовок на различных этапах битвы, для оценки расхождений в учете пленных и перебежчиков в различных формах отчетности. Для подсчета суммарных и средних количеств военнопленных и перебежчиков в ходе битвы были задействованы статистические методы. При поиске исходных дан-

ных для вычислений применялся контент-анализ делопроизводственной документации разведывательных и тыловых служб армий вермахта. Сравнительная оценка показателей немецкой пропаганды в полосе групп армий «Б» и «Центр» за один и тот же период была осуществлена методом синхронизации.

Анализ. Пропаганда в нацистской Германии не была жестко централизована, а представляла собой поле для конкуренции различных ведомств. Однако, в отличие от оккупированных советских территорий под гражданским управлением, где ярко себя проявляла межведомственная борьба, вопросы военной пропаганды были целиком сосредоточены соответствующем отделе при Верховном командовании вермахта (далее – ОКВ/ВПр) под руководством полковника Х. фон Веделя. «Активную пропаганду» на войска и население противника в отделе курировала группа IV под руководством полковника Г.-Л. Мартина. Рассматривая немецкую пропаганду в Сталинградской битве, необходимо иметь в виду, что вся идеологическая работа на фронте строго подчинялась указаниям из Берлина, откуда передавалось не менее 50 % печатных агитматериалов и все указания, тезисы и нарративы общеполитической пропаганды против СССР.

В идеологических вопросах вермахт действовал не самостоятельно, а согласовывал свои действия с выделенным в составе министерства пропаганды генеральным рефератом «Восточные территории», руководимым доктором Э. Таубертом. Реферат выдавал вермахту программные установки, готовил по заказам военного ведомства те или иные пропагандистские материалы, привлекая гражданских специалистов: художников, фотографов и писателей.

На армейском уровне в вермахте действовали компактные маневренные подразделения – роты пропаганды. В каждую роту входил взвод «активной пропаганды», взвод автогромкоговорителей и типографское листовочное отделение. Вопросы сбора и анализа информации о противнике находились за пределами компетенций роты и возлагались на разведывательный отдел (далее – Ic) штаба армии, которому рота подчинялась в оперативном плане. Сотрудники отдела обрабаты-

вали информацию от абвергрупп, проводили допросы военнопленных и агентуры противника, собирали информацию, запросы и проекты листовок от разведотделов корпусного и дивизионного уровней и передавали роте пропаганды для разработки агитматериалов. В наступлении на Сталинград были задействованы 637-я рота пропаганды в составе 6-й армии и 694-я рота пропаганды танковых войск в составе 4-й танковой армии. На завершающем этапе сражения в декабре 1942 г. на сталинградское направление будет переведена 695-я рота пропаганды, действовавшая ранее в составе 11-й армии [13].

Информационную поддержку вермахту оказывал МИД Германии, имевший своих представителей как в ОКВ/ВПр (в период Сталинградской битвы – советник миссии В. Хелленталь), так и при штабе каждой полевой или танковой армии вермахта. В 6-й и 4-й танковой армиях представителями МИД соответственно являлись советники миссии К. фон Шуберт и Г. фон цур Мюлен. Представители МИД оказывали содействие как в разработке и редакции агитпродукции, так и в аналитической работе.

К моменту начала операции «Блау» в частях пропаганды вермахта добавилось еще одно управленческое звено – офицер пропагандистского сектора при штабе группы армий. Новый офицер должен был отвечать за связь с ОКВ/ВПр, за снабжение войск агитматериалами, распределять агитационные боеприпасы, координировать работу рот пропаганды, действующих в соединениях групп армий, организовывать печать дополнительных тиражей листовок, устанавливать взаимодействие с люфтваффе и применять приданные ему подразделения агитационных шаров-зондов для усиления пропаганды на наиболее важных направлениях. В качестве дополнительных печатных мощностей в каждую группу армий в 1942 г. передавалась железнодорожная типография, подчинявшаяся офицеру пропагандистского сектора. В период Сталинградской битвы в группе армий «Б» эту должность занимал обер-лейтенант Варнеке, в подчинение которого входило 3-е отделение агитационных шаров-зондов и стационарная типография в г. Полтаве [13; 14, с. 48–49].

Для улучшения взаимодействия в вопросах пропаганды с союзниками Германии (венгерской, итальянской и румынской армиями) в мае 1942 г. в каждое союзное командование был направлен офицер связи ОКВ/ВПр, в подчинении которого находилось отделение пропагандистов. Всего было сформировано четыре таких отделения: по одному для итальянской и венгерской и два для румынской армии [14, с. 39–40].

В ходе Сталинградской битвы немецкой стороной применялся целый ряд специально разработанных пропагандистских нарративов. Здесь необходимо отметить, что основной тенденцией на протяжении всей войны являлась агитация в пользу добровольного перехода в плен. Однако если в 1941 г. в качестве мотивирующего фактора однозначно выбиралась борьба с большевизмом, то в 1942 г. подход был скорректирован в сторону «спасения собственной жизни» и «лучшего питания и обращения в немецком плену, чем в советской армии». Также перебежчикам обещали приоритет в трудоустройстве на оккупированных территориях [13]. Приведем некоторые наиболее характерные для рассматриваемых событий тенденции немецкой пропаганды.

В начале Сталинградской битвы, в июльских и августовских боях 1942 г., в большой и малой излучине Дона, в междуречье Дона и Волги основной акцент делался на безнадежном положении советских войск. В этой связи немецкими пропагандистами активно обыгрывался приказ наркомата обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227, представлявшийся ими как предвестник краха Красной армии и Советского государства. Для советских военнослужащих были разработаны листовки, содержавшие лишь оценки приказа, а для гражданского населения предназначалась маскировочная листовка, практически полностью воспроизводившая текст и оформление приказа и имевшая в нижней части примечание антисоветского характера. Согласно докладным запискам особого отдела НКВД Сталинградского фронта, реакция военнослужащих на приказ варьировалась от воодушевления до мнений о его запоздалости и безнадежности дальнейшей борьбы или даже до прямых призывов к расправе над политработниками [15, с. 163–168, 173–181].

Начальный этап Сталинградской битвы совпал с кардинальным пересмотром пропагандистской концепции в отношении советских политработников. Учитывая результаты эксперимента, проведенного в полосе 18-й армии при разгроме советской 2-й Ударной армии в мае – июне 1942 г. [16], руководство пропагандистских служб вермахта ушло от призывов к безусловной расправе над политработниками. В августе они перешли к призывам в адрес политруков и комиссаров переходить на сторону немцев, для чего была выпущена специальная листовка «Политработники Красной Армии!», которую следовало применять вместе с более ранними образцами, чтобы не утилизировать последние как потерявшие актуальность [14, с. 56–57].

При приближении немецких войск к Сталинграду возникла необходимость пропагандистской обработки населения города, для чего были разработаны две листовки-обращения: одна – ОКВ/ВПр, другая – 637-й ротой. Листовки преследовали цели вызвать саботаж при эвакуации имущества и оборудования предприятий и не допустить их уничтожения, поскольку Сталинград планировалось занять быстро и использовать его промышленную базу в целях Германии. Воздействие на население Сталинграда не было эффективным, так как, с одной стороны, оно сопровождалось интенсивными бомбардировками города, в результате которых с 23 по 30 августа 1942 г. было убито 1 815 чел. и ранено 2 698 чел., с другой же стороны – сбор и уничтожение вражеских листовок были оперативно организованы силами НКВД, милиции и рабочих отрядов [6].

Немецкой пропагандой широко эксплуатировались темы «нового земельного порядка» и упразднения колхозов, разгрома британского десанта в Дьеппе с целью дискредитации темы второго фронта и тяжелого положения советских частей на Сталинградском фронте. Кроме того, в сентябре 1942 г. была проведена листовочная акция против советских танковых частей с призывами переезжать на сторону вермахта на своей технике [13; 18, S. 210, 212–213].

Одним из важнейших направлений немецкой пропаганды стало разжигание межнациональной розни, для чего использовался широ-

кий спектр листовок и звуковых передач на языках различных народов СССР. Широкая антисоветская пропаганда проводилась в отношении донского казачества и калмыков, о которых командование 6-й армии даже выпустило специальную памятку (Памятка для военнослужащих 6-й армии вермахта об отношении к казакам; см: [14, с. 108–109]).

В связи с переносом боевых действий на территорию города, а также с тем, что Сталинград обретал огромное символическое значение не только в СССР, но и во всем мире, ОКВ/ВПр организовал пропагандистскую акцию на фронте и на оккупированных советских территориях под общим лозунгом «Москва – это голова Советского Союза, Сталинград – его сердце!» [13].

В пропаганде против Красной армии основным средством являлись листовки, распространявшиеся агитационными артиллерийскими и пехотными боеприпасами, самолетами эскадрилий тактической разведки, а также специально выделенными для пропагандистских задач бомбардировщиками 5-й авиагруппы особого назначения. Кроме того, ротами пропаганды широко применялось звуковещание, особенно в городе и его окрестностях, например при ликвидации Орловского выступа и в боях за завод «Баррикады». В ходе боев в устье р. Царицы против остатков 92-й отдельной стрелковой бригады практиковался обратный отпуск военнопленных с целью склонения оставшихся красноармейцев к сдаче в плен [12].

Пропагандистские мероприятия, как и любая другая составляющая боевых действий, требовали выделения немалых сил и средств и нуждались в оценке эффективности, прежде всего количественной. Единственным количественным показателем, использовавшимся в данном вопросе немцами, являлось число перебежчиков, перешедших к ним за отчетный период. Данный показатель, безусловно, нельзя считать исчерпывающим, поскольку он зависел от множества факторов: положения на данном участке фронта, общего хода войны и т. д. Однако пропаганда также ощутимо влияла на число перебежчиков и, несколько более опосредованно, на число военнопленных в целом, поскольку ее главной задачей являлось снижение стойкости против-

ника. Подобную неоднозначность оценки осознавали и немцы, что можно увидеть из отчета одной из рот пропаганды, где подчеркивалось: «Успех измеряется не только количеством перебежчиков и пленных, но также проявляется и в снижении моральных сил противника» [14, с. 199–201].

Сведения о количестве пленных и перебежчиков на уровне армий и армейских корпусов вермахта отражались, как правило, в документах служб Ис и тыла армии (документы обер-квартирмейстера; далее – О.Ку.), а также, эпизодически, в документах оперативных отделов (Ia).

В 6-й армии на момент начала Сталинградской битвы оценить данные о пленных и перебежчиках возможно по суточным донесениям Ис и О.Ку. Цифры, указываемые в двух видах отчетности, неизбежно различаются в силу разницы во времени подачи отчетов и подходов к подсчету. Отдел Ис в число пленных заносил общую сумму попавших в руки немецких войск красноармейцев, а число перебежчиков, уже входившее в эту цифру, указывал лишь для справки. Служба О.Ку, напротив, указывала отдельно пленных и перебежчиков, поскольку в ее подчинение входили пункты сбора пленных и пересыльные лагеря, и она контролировала вопросы продовольственного обеспечения пленных и их транспортировки. Перебежчиков требовалось учитывать особо в связи с их содержанием отдельно от остальной массы военнопленных. Поскольку цифры пленных и перебежчиков непосредственно отражались на хозяйственной деятельности службы тыла армии, нами было принято решение анализировать именно донесения О.Ку. как наиболее точные. Для анализа было выбрано два типа документов: суточные донесения и количественные сводки (Zahlenmeldungen). Первые подавались сразу по итогам дня и содержали всю накопленную за сутки информацию. Вторые собирались в течение 5–7 дней и учитывали все данные, относящиеся к рассматриваемой дате, но собранные в том числе позднее.

В начале сражения, в июльских боях, суточные донесения не полны, поскольку в контексте активных маневренных боевых действий не всегда удавалось получить от корпусных штабов точные данные в положенный

срок. Поэтому за период до 31 июля 1942 г. включительно суточные цифры пленных и перебежчиков, которые можно получить лишь расчетным путем, в рамках данного исследования не рассматриваются.

С августа точность учета перебежчиков значительно возрастает, данные по ним имеются в каждой сводке. 9 августа 1942 г. службе тыла было дано указание немедленно отделять перебежчиков от обычных пленных, а также еще до передачи в тыл выдавать перебежчикам особые удостоверения, так как «в противном случае особое отношение к перебежчикам теряет свое пропагандистское значение, если становится возможным смешивание остальных военнопленных, не перешедших добровольно, с группами перебежчиков» [14, с. 63–65]. Поскольку пропаганда добровольного перехода в плен, сулившая перебежчикам особое отношение во всех сферах, занимала ключевые позиции, халатные действия войск сводили на нет огромные пропагандистские усилия.

В результате анализа донесений и суммирования данных за август 1942 г. были рассчитаны следующие значения: всего в августе 1942 г. в полосе 6-й армии попало в плен 64 954 человека. Также на сторону немецких войск за этот период перешло 1 112 перебежчиков. Пиковое значение числа военнопленных (9 368 чел.) приходится на 11 августа 1942 г., а большинство перебежчиков (430 чел.) – на 27 августа. В полосе 4-й танковой армии, согласно документам Ис, было пленено 31 849 чел., а перешло на сторону немцев 575 [8; 9].

Несмотря на высокие абсолютные величины, процент перебежчиков от общего числа военнопленных был низок. Как указывал представитель МИД в 6-й армии об августовских боях, «...при быстром продвижении войск не всегда получалось указывать перебежчиков отдельно от пленных. Пленные, взятые в указанный период, согласно единодушным рапортам войск, почти без исключений имели при себе немецкие листовки с пропусками» [14, с. 109–113].

Однако можно встретить и иные оценки, частично объясняющие невысокий процент перебежчиков в начале сражения. Так, представитель военной разведки делал вывод, что

«у них было энергичное командование, поэтому сначала количество перебежчиков было невелико. Они появились, когда уже боевой дух из-за больших понесенных потерь снизился» [11].

В сентябрьских боях количество пленных, взятых 6-й армией, существенно снизилось и составило 28 633 человека. Количество перебежчиков при этом выросло до 2 232. Аналогичное соотношение заметно и в 4-й танковой армии: 16 026 пленных и 1 172 перебежчика. Вероятно, это было связано как со стабилизацией фронта, так и с тем, что в отсутствие крупных «котлов» красноармейцам, желавшим перебежать на сторону немцев, приходилось все чаще идти на этот шаг осознанно, не дожидаясь благоприятного момента для пассивной сдачи.

В октябре, по мере дальнейшего перехода боев в позиционную фазу, количество пленных продолжило падать. Всего за октябрь 1942 г. части 6-й армии пленили 11 531 красноармейца, а добровольно перешло на ее сторону 1 617 человек. В полосе 4-й танковой армии за тот же период показано 1 502 военнопленных и 1 132 перебежчика.

В ноябре тенденция к снижению числа пленных и перебежчиков сохранилась. Ноябрьские значения оказываются минимальными за всю оборонительную (со стороны советских войск) фазу сражения. Всего с 1 по 20 ноября 1942 г. частями 6-й армии было взято в плен 1 445 человек. Также за этот период добровольно перешло на сторону противника 410 красноармейцев. Статистика донесений 4-й танковой армии говорит о 3 315 пленных и 474 перебежчиках. На такое снижение чисел в ноябре 1942 г. во многом повлияло снижение боевого потенциала обеих сторон.

Следует отметить, что в ходе Сталинградской битвы, несмотря на то что в руках немцев оказывалось все меньше красноармейцев, доля перебежчиков в их числе непрерывно росла. Так, по 6-й армии это соотношение равнялось: 1,68 % в августе, 7,23 % в сентябре, 12,3 % в октябре и 22,1 % в ноябре 1942 года. По 4-й танковой армии: 1,77 % в августе, 6,81 % в сентябре, 42,98 % в октябре, 12,51 % в ноябре 1942 г. [7–9].

Поскольку целью исследования является оценка эффективности пропаганды, то за

количественный показатель можно принять относительное число распространенных листовок, приходящихся на одного перебежчика. Так, известно, что за период с августа по октябрь 1942 г. в полосе 6-й армии было распространено 164 428 000 листовок, из них: 44 206 000 – за август, 75 399 000 – за сентябрь и 44 823 000 – за октябрь. Столь огромные цифры позволяют сделать вывод, что в ходе Сталинградской битвы немецкой стороной была проведена одна из крупнейших информационных кампаний в мировой истории. Подобного количества листовок немцы не распространяли в полосе отдельно взятой армии даже в ходе крупнейшей пропагандистской акции «Серебряная полоса» в 1943 году. Как можно отметить, после сентябрьского пика в октябре 1942 г. объемы распространения агитпродукции упали почти вдвое, что было вызвано как постепенным разочарованием немецкого командования в результатах, так и ростом боевой нагрузки на авиацию и артиллерию в связи с продолжением битвы и все возрастающим напряжением сил немецкой группировки. Что же касается относительных показателей, то они выглядят следующим образом: 39 754 листовки на одного перебежчика в августе, 33 781 в сентябре и 27 720 в октябре 1942 г. [14, с. 85–88, 90–91, 125–126].

Если сравнивать эти показатели с показателями группы армий «Центр», то они являются запредельно высокими и свидетельствуют о явном перерасходе усилий. Так, в августе 1942 г. в соединениях группы армий «Центр» относительные показатели были следующими: 2-я танковая армия – 2 119 листовок на одного перебежчика (всего 1 601 перебежчик), 3-я танковая армия – 6 660 (698), 4-я армия – 5 000 (363), 9-я армия – 3 308 (1 455). В сентябре показатели оставались примерно такими же. Как можно отметить, соединения группы армий «Центр» в ходе позиционных боев расходовали на одного перебежчика в 10 раз меньше листовок, чем 6-я армия на сталинградском направлении. При этом количество перебежчиков для каждой армии является вполне сопоставимым [18, S. 211].

Достаточно показательными в отношении собственной, немецкой оценки эффективности пропаганды выступают итоговые отчеты разведывательных отделов 6-й армии

и 8-го авиакорпуса за август, сентябрь и октябрь 1942 года. В отчетах разведотделов указаны цифры: 791 перебежчик в августе, 6 126 в сентябре и 2 341 в октябре. При этом если августовская цифра занижена, что может быть вызвано недоучетом со стороны отделов Ис, то данные за сентябрь и октябрь являются примерно вдвое завышенными по отношению к реальности. Искажены и процентные показатели: в октябрьском отчете разведотдела 8-го авиакорпуса указано, что в сентябре перебежчиков было 11 % от общей массы плененных красноармейцев, а в октябре – 18 %, что выше реальных данных в полтора раза. Это позволяет предположить, что работники разведотделов и командиры рот пропаганды могли сознательно искажать факты, стремясь показать резкий и многократный рост числа перебежчиков в условиях ведения столь масштабной акции. В то же время реальные значения могли показаться ОКВ/ВПр и министерству пропаганды слишком малыми и не оправдывавшими трату более чем сотни миллионов листовок и десятков самолетовылетов.

Результаты. В ходе Сталинградской битвы немецкая сторона задействовала довольно компактную, укомплектованную подготовленными кадрами и прекрасно технически оснащенную сеть пропагандистских подразделений. Пропагандисты вермахта были интегрированы в состав штабов армий и групп армий, что позволяло им оперировать актуальной и точной информацией о противнике и получать обратную связь об эффективности собственных действий.

В период Сталинградской битвы 637-я и 694-я роты пропаганды, а также сотрудники службы офицера пропагандистского сектора при группе армий «Б» с точки зрения подготовки нарративов действовали строго в русле руководящих указаний и директив из Берлина. Немецкая пропаганда быстро реагировала на изменения обстановки как на конкретном участке фронта, так и в целом в мире. Она стремилась любыми средствами оказывать деморализующее и разобщающее воздействие на советские войска, а итогом воздействия становился прямой призыв к переходу на сторону противника. Однако большое разнообразие агитматериалов было характер-

но лишь для летних боев и начала осени 1942 г., затем пропаганда становилась все более однообразной, сводясь зачастую лишь к наиболее многотиражным «пропускам в плен» или оперативным листовкам ротных выпусков.

Анализируя количества перебежчиков по месяцам, можно сделать вывод, что, несмотря на натиск 6-й и 4-й танковой армий вермахта и усиление пропагандистской работы, число пленных и перебежчиков демонстрировало неуклонную тенденцию к снижению. Однако при падении абсолютных цифр происходил устойчивый рост доли перебежчиков в общем объеме попавших в плен красноармейцев, поскольку сражение за Сталинград, начавшееся как маневренное, постепенно перешло в позиционную фазу. В такой ситуации захватывать большое число пленных одновременно у немецкой стороны не было возможности, но перебежчики продолжали приходить, так как в ходе позиционных боев возможности сдать в плен путем «осознанного бездействия» и ожидания окружения уже не было, и нестойким бойцам не оставалось выбора, кроме как перебежать самостоятельно к противнику или сражаться до конца.

Сравнение относительной эффективности печатной пропаганды в виде количества листовок на одного перебежчика с соединениями группы армий «Центр» говорит о гораздо меньшей эффективности немецких пропагандистских мероприятий под Сталинградом, а точнее, о явной избыточности прилагаемых усилий. Вероятно, немецкие пропагандисты рассчитывали на линейную зависимость роста числа перебежчиков пропорционально росту масштабов воздействия, в то время как эффективность пропаганды по мере траты все больших ресурсов неуклонно снижалась.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что немецкие пропагандисты в ходе летне-осенней кампании 1942 г. вначале испытывали «головокружение от успехов», затратив огромное количество усилий и ресурсов, но не добились ожидаемых результатов. По мере затягивания Сталинградской битвы им становилось все труднее создавать новые нарративы, что привело сначала к уменьшению разнообразия распространяемых агитматериалов, а с началом советского контрнаступления – и вовсе к утрате инициативы на информационном фронте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков А. В., Карасев В. С., Стаценко А. П. Ржев 1942. Первый летний успех. М.: Яуза, 2022. 640 с.
2. Горелкин В. А. Пропагандистская деятельность нацистской Германии среди военнослужащих Красной Армии и населения временно оккупированных территорий СССР в период Великой Отечественной войны: 1941–1945 годы: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2003. 197 с.
3. Горелкин В. А. Нацистская пропаганда в период Сталинградской битвы // Стрелец. Вып. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 118–124.
4. Горелкин В. А. Советская и германская пропаганда в годы Сталинградской битвы // Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 432–438.
5. Дацишина М. В. Технологии пропаганды: экспорт из нацистской Германии на временно оккупированные территории. М.: Кучково поле, 2023. 800 с.
6. Докладная записка штаба МПВО г. Сталинграда в Сталинградский горком ВКП(б) о проделанной работе МПВО города // Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 2. Д. 42. Л. 112–114.
7. Журнал боевых действий 6-й армии вермахта. Запись за 16.10.1942 г. // National Archive Record Administration (далее – NARA). T-312. R-1458. Fr. 000948–000954.
8. Количественная сводка службы тыла 6-й армии вермахта за 11.08.1942 г. // NARA. T-312. R-1448. Fr. 001204.
9. Количественная сводка службы тыла 6-й армии вермахта за 27.08.1942 г. // NARA. T-312. R-1449. Fr. 000129.
10. Окроков А. В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М.: Рус. путь, 2007. 288 с.
11. Отчет о проделанной работе разведывательного отдела 384-й пд вермахта за август 1942 г. // NARA. T-315. R-2188. Fr. 000229–000231.
12. Промежуточное донесение разведывательного отдела 6-й армии вермахта за 6.10.1942 г. // NARA. T-312. R-1453. Fr. 000020.
13. Смирнов Н. А. Немецкая пропаганда против Красной Армии в Сталинградской битве. Организация и деятельность // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Волгоград: Сфера, 2019. С. 42–47.
14. Сталинград 1942–1943: Битва за умы и сердца. Пропаганда на войска противника и настроение войск / под общ. ред. Н. А. Смирнова. М.: Кучково поле: Музеон, 2024. 518 с.

15. Сталинградская эпопея: Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ: Воспоминания фельдмаршала Паулюса. Дневник и письма солдат РККА и вермахта. Агентурные донесения. Протоколы допросов. Докладные записки особых отделов фронтов и армий. М.: Звонница-МГ, 2000. 496 с.

16. Стаценко А. П., Голубев Д. В., Смирнов Н. А. Ушедшие в бессмертие. Памяти 2-й ударной армии. М.: Пятый Рим, 2021. 495 с.

17. Убийцы словом. Оккупационная печатная пропаганда / под ред. И. В. Грибова. М.: Сеятель, 2022. 338 с.

18. Buchbender O. Das Tönende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart: Seewald, 1978. 378 S.

REFERENCES

1. Volkov A.V., Karasev V.S., Stacenko A.P. *Rzhev 1942. Pervyy letniy uspekh* [Rzhev 1942: First Summer Success]. Moscow, Yauza Publ., 2022. 640 p.

2. Gorelkin V.A. *Propagandistskaya deyatel'nost' natsistskoy Germanii sredi voennosluzhashchikh Krasnoy Armii i naseleniya vremennokkupirovannykh territoriy SSSR v period Velikoy Otechestvennoy vojny: 1941–1945 gody: dis. ... kand. ist. nauk* [Propaganda Activities of the Nazi Germany Against the Red Army and Civilian Population of Occupied Territories: 1941–1945. Cand. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2003. 197 p.

3. Gorelkin V.A. Nacistskaya propaganda v period Stalingradskoy bitvy [Nazi Propaganda During the Stalingrad Battle]. *Strezhen. Vyp. 3* [Rod. Iss. 3]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2003, pp. 118–124.

4. Gorelkin V.A. Sovetskaya i germanskaya propaganda v gody Stalingradskoy bitvy [Soviet and German Propaganda During the Stalingrad Battle]. *Modernizatsiya i traditsii – Nizhnee Povolzh'ye kak perekrestok kultur* [Modernization and Traditions – Lower Volga Region as a Crossroads of Cultures]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006, pp. 432–438.

5. Dacishina M.V. *Tehnologii propagandy: export iz natsistskoy Germanii na vremennokkupirovannye territorii* [Propaganda Technologies: Export from Nazi Germany to Occupied Territories]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2023. 800 p.

6. Dokladnaya zapiska shtaba MPVO g. Stalingrada v Stalingradskij gorkom VKP(b) o prodelannoj rabote MPVO goroda [HQ of the Stalingrad Local Air Defense Report to the Stalingrad Committee of the Communist Party About Air Defense Activities]. *Centr dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoy oblasti* [Documental Center of the Volgograd Region Modern History], f. 71, inv. 2, d. 42, l. 112–114.

7. Zhurnal boevykh deystviy 6 armii wermachta. Zapis za 16.10.1942 g. [Wehrmacht 6th Army's War Journal. Record for 16.10.1942]. *National Archive Record Administration (daleye – NARA)* [National Archive Record Administration], t-312, r-1458, fr. 000948–000954.

8. Kolichestvennaya svodka sluzhby tyala 6-y armii wermachta za 11.08.1942 g. [Wehrmacht 6th Army Administrative Branch Quantity Report for 11.08.1942]. *NARA*, t-312, r-1448, fr. 001204.

9. Kolichestvennaya svodka sluzhby tyala 6-y armii wermachta za 27.08.1942 g. [Wehrmacht 6th Army Administrative Branch Quantity Report for 27.08.1942]. *NARA*, t-312, r-1449, fr. 000129.

10. Okorokov A.V. *Osobyi front. Nemetskaya propaganda na Vostochnom fronte v gody Vtoroy mirovoy vojny* [Special Front. German Propaganda on the Eastern Front During the World War 2]. Moscow, Rus. put Publ., 2007. 288 p.

11. Otchet o prodelannoy rabote razvedyvatelnogo otdela 384 pd vermachta za avgust 1942 g. [Wehrmacht 384th Infantry Division's Intelligence Branch Activity Report for August 1942]. *NARA*, t-315, r-2188, fr. 000229–000231.

12. Promezhutochnoe donesenie razvedyvatelnogo otdela 6-y armii wermachta za 6.10.1942 g. [Wehrmacht 6th Army Intelligence Branch Intermediate Report for 6.10.1942]. *NARA*, t-312, r-1453, fr. 000020.

13. Smirnov N.A. Nemetskaya propaganda protiv Krasnoy Armii v Stalingradskoy bitve. Organizatsiya i deyatel'nost' [German Propaganda Against the Red Army During the Stalingrad Battle. Organization and Activities]. *Voенно-istoricheskie aspekty zhizni yuga Rossii XVII–XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeifikatsii* [Military-Historical Aspects of South Russia's Life from the 17th to the 21st Centuries: Issues of Study and Museumification]. Volgograd, Sfera Publ., 2019, pp. 42–47.

14. Smirnov N.A., ed. *Stalingrad 1942–1943: Bitva za umy i serdca. Propaganda na vojska protivnika i nastroyeniya vojsk* [Stalingrad 1942–1943: Battle for Minds and Hearts. Psychological Operations and the Mood of Troops]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., Muzeon Publ., 2024. 518 p.

15. *Stalingradskaya epopeya: Vpervye publikuemye dokumenty, rasssekrechennye FSB RF: Vospominaniya feldmarshala Paulysa. Dnevnik i pisma soldat RKKA i wermachta. Agenturnye doneseniya. Protokoly doprosov. Dokladnye zapiski osobykh otdelov frontov i armiy* [Stalingrad Epic: For the First Time Published Documents Declassified by the FSB of the Russian Federation: Memoirs of Field Marshal Paulus. Diaries and Letters of Soldiers of the Red Army and Wehrmacht. Agent Reports. Interrogation Protocols. Reports of Counterintelligence Departments of Fronts and

Armies]. Moscow, Zvonnicza-MG Publ., 2000. 496 p.

16. Stacenko A.P., Golubev D.V., Smirnov N.A. *Ushedshie v bessmertie. Pamyati 2-y udarnoy armii* [Left into Immortality. Sacred to the Memory of the 2nd Shock Army]. Moscow, Pyatyy Rim Publ., 2021. 495 p.

17. *Ubijcy slovom. Okkupacionnaya pechatnaya propaganda* [Killers in a Word. Occupation Printed Propaganda]. Moscow, Seyatel Publ., 2022. 338 p.

18. Buchbender O. *Das Tönende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im Zweiten Weltkrieg*. Stuttgart, Seewald, 1978. 378 S.

Information About the Authors

Oleg V. Romanko, Doctor of Sciences (History), Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Prosp. akad. Vernadskogo, 20, 295007 Simferopol, Russian Federation, romanko1976@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9898-8560>

Nikolay A. Smirnov, Deputy Director, Historical Research Foundation “Open History”, Kozlovskaya St, 50a, Office 202, 400074 Volgograd, Russian Federation, sna89@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8509-9543>

Информация об авторах

Олег Валентинович Романько, доктор исторических наук, профессор, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. акад. Вернадского, 20, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, romanko1976@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9898-8560>

Николай Александрович Смирнов, заместитель директора, Фонд исторических исследований «Открытая история», ул. Козловская, 50а, офис 202, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация, sna89@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8509-9543>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.17>

UDC 94(47+57)«1941/1945»:341.321.1

LBC 63.3(2)622-7

Submitted: 01.10.2024

Accepted: 06.12.2024

TRANSPORTATION OF ROSTOV REGION RESIDENTS TO FORCED LABOR IN THE THIRD REICH IN 1942–1943: TRAUMATIC EXPERIENCE AND SURVIVAL METHODS OF “EASTERN WORKERS”

Valentina A. Ageeva

Anton Chekhov Taganrog State Institute (branch) of the Rostov State University of Economics,
Taganrog, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Transportation to forced labor is a special stage of a kind of “initiation” of Soviet citizens into slaves of the Third Reich, “Untermenschen,” associated with violent separation from their home, relatives, and established way of life, with a one-time transition to a destructive situation of loss of personal freedom, humiliation of human dignity, and physical and psychological exhaustion. *Methods and materials.* The author relied on the approaches of historical anthropology, historical psychology, and the history of everyday life. The source base of the study was formed by the documents of the Rostov Regional Commission for the Accounting of Damage and Atrocities Inflicted by the Nazi Occupiers on Institutions, Enterprises, and Citizens of Rostov and the Rostov region and the memories of natives of the Don who survived Nazi slavery. *Analysis.* The article describes the key stages of organizing the transportation of “Eastern workers”: from collections in the region to the distribution point in the Third Reich. The first psychological shock was caused by the forced separation from home and relatives, which “Eastern workers” experienced during the departure from the collection points of the cities and districts of the region. During transportation, people entered the stage of psycho-emotional overload associated with both psychophysiological stressors (hunger, lack of sleep, pain) and with the experience of aggression and violence, humiliation of personal dignity, perception of their own and others’ suffering, death of other people, group isolation, and uncertainty of the future. The article also reflects forms of resistance through escapes during stops at stations and the possibility of rescue by partisans during combat operations. *Results.* The transportation of residents of the Rostov region in 1942–1943 to Nazi Germany was one of the first stages of the psychological and physiological breakdown of Soviet citizens by the Nazis, who were destined to become “slaves” of the Third Reich. *Funding.* The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>.

Key words: Eastern workers, Third Reich, occupation, Rostov region, extreme transportation conditions, freight car, psychological and physical exhaustion.

Citation. Ageeva V.A. Transportation of Rostov Region Residents to Forced Labor in the Third Reich in 1942–1943: Traumatic Experience and Survival Methods of “Eastern Workers”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 207-216. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.17>

УДК 94(47+57)«1941/1945»:341.321.1

ББК 63.3(2)622-7

Дата поступления статьи: 01.10.2024

Дата принятия статьи: 06.12.2024

ТРАНСПОРТИРОВКА ЖИТЕЛЕЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ТРЕТИЙ РЕЙХ В 1942–1943 гг.: ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СПОСОБЫ ВЫЖИВАНИЯ «ВОСТОЧНЫХ РАБОЧИХ»

Валентина Анатольевна Агеева

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)

Ростовского государственного экономического университета, г. Таганрог, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Транспортировка на принудительные работы – это особый этап своеобразной «инициации» советских граждан в рабов Третьего рейха, «унтерменшей», связанный с насильственным отрывом от своего дома, родных, устоявшегося уклада жизни, при одномоментном переходе в деструктивную ситуацию потери личной свободы, унижения человеческого достоинства, физического и психологического истощения. *Методы и материалы.* Автор опирался на подходы исторической антропологии, исторической психологии, истории повседневности. Основу источниковой базы исследования составили документы Ростовской областной комиссии по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова и Ростовской области, и воспоминания уроженцев Дона, переживших нацистское рабство. *Анализ.* В статье описаны ключевые этапы организации транспортировки «восточных рабочих»: от сборов на территории региона до пункта распределения в Третьем рейхе. Первый психологический шок, обусловленный насильственным отрывом от дома и родных, «восточные рабочие» испытывали во время отправки со сборных пунктов городов и районов области. Во время транспортировки люди вступали в стадию психоэмоциональной перегрузки, связанной как с психофизиологическими стрессорами (голод, недостаток сна, боль), так и с переживанием агрессии и насилия, унижения личного достоинства, восприятием своих и чужих страданий, смерти других людей, групповой изоляцией, неопределенностью будущего. Нашли отражение в статье и формы сопротивления посредством побегов во время остановок на станциях и возможность спасения партизанами в ходе боевых операций. *Результаты.* Транспортировка жителей Ростовской области в 1942–1943 гг. в нацистскую Германию являлась одним из первых этапов психологической и физиологической ломки нацистами советских граждан, которым была уготована судьба «невольников» Третьего рейха. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01114, <https://rscf.ru/project/23-28-01114/>.

Ключевые слова: восточные рабочие, Третий рейх, оккупация, Ростовская область, экстремальные условия транспортировки, товарный вагон, психологическое и физическое истощение.

Цитирование. Агеева В. А. Транспортировка жителей Ростовской области на принудительные работы в Третий рейх в 1942–1943 гг.: травматический опыт и способы выживания «восточных рабочих» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 207–216. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.17>

Введение. Тема исследования отличается высоким уровнем научной и общественно-политической актуальности, обусловленным, с одной стороны, ее соответствием современным направлениям исследовательского поиска, а с другой – активным использованием истории Второй мировой / Великой Отечественной войн в политике памяти постсоветских государств. Война стала одной из масштабных антропогенных катастроф в истории XX века. С 2000-х гг. набирают темп тенденции искажения исторической памяти о войне в современном геополитическом пространстве, пересматривается роль СССР в Победе над фашизмом, возрождаются идеи неонацизма и неонацизма в странах Европы и на постсоветском пространстве. С уходом из жизни жертв Третьего рейха как непосредственных носителей памяти, эти страны теряют иммунитет против нацизма, ярким примером этого являются современные события. В связи с этим особенно важным становится обращение к материалам и документам, свидетельствующим о злодеяниях нацистов, их союзников и пособников, совершенных в от-

ношении мирных жителей СССР, испытавших все тяготы и ужасы оккупационного режима. В ходе Нюрнбергского процесса увод в рабство гражданского населения Международный военный трибунал признал одним из главных преступлений Третьего рейха против человечности [15].

Советских граждан, насильно вывезенных во время Великой Отечественной войны на работы в Германию, называли «восточными рабочими». С территории Ростовской области на принудительные работы в Германию было угнано 84 030 чел. [24, л. 2].

Транспортировка на принудительные работы – это особый этап своеобразной «инициации» советских граждан в рабов Третьего рейха, «унтерменшей», связанный с насильственным отрывом от своего дома, родных, устоявшегося уклада жизни, Родины, при одномоментном переходе в деструктивную ситуацию потери личной свободы, унижения человеческого достоинства, физического и психологического истощения. Путь до конечного пункта принудительного трудоустройства мог длиться до четырех недель, в процессе

которого у части обреченных на животном уровне появлялось чувство смирения со своей участью и страха физической расправы, облегчающие дальнейший этап формирования покорного раба, человека «второго сорта».

Одним из первых в отечественной историографии к изучению судьбы советских военнопленных и гражданских рабочих в годы Второй мировой войны обратился П.М. Полян [19]. В его монографии показаны исторические предпосылки принудительного трудоустройства гражданских лиц в Германии, описываются инструменты вербовки и принудительной отправки в Германию, представлена система трудоустройства «восточных рабочих» и советских военнопленных, особенности их быта и др. Большой интерес для раскрытия заявленной в статье темы представляет исследование Е.Ф. Кринко [11], в котором нашел отражение и сюжет транспортировки подростков из Советского Союза. Особую ценность имеет источниковая база данной работы, включающая опросные листы. Отдельное место в современной историографии занимает опубликованная в Германии статья ведущего отечественного специалиста по изучению проблематики принудительного труда в Третьем рейхе Н.П. Тимофеевой [26]. Стоит отметить, что на протяжении последних десятилетий существенно возрос исследовательский интерес со стороны отечественных профессиональных историков к изучению политики нацистской Германии, которая была нацелена на насильственное перемещение гражданского населения для последующего трудоустройства в немецком хозяйственном комплексе [1; 2; 12; 18]. В то же время изучение историографии данной проблематики показывает, что в исторической литературе пока еще слабо изучен сюжет о транспортировке советских граждан на принудительные работы в Третий рейх.

Цель нашей работы – охарактеризовать путь в нацистскую Германию как один из первых экстремальных этапов психологической и физиологической ломки нацистами советских граждан, которым была уготована судьба невольников, и обобщить травматичный опыт выживания жителей Ростовской области в условиях транспортировки на принудительные работы в Третий рейх.

Методы и материалы. Автор опирался на подходы исторической антропологии, исторической психологии, истории повседневности. Методологической основой исследования стали принципы историзма, объективности и системности при анализе и обобщении материала. Анализ выполнен на основе архивных документов и источников личного происхождения. Значительная информация о пунктах сбора, бытовых условиях, транспортировки, мерах наказаний и побегах угоняемых мирных жителей Ростовской области в Третий рейх сохранилась в материалах фонда Р-1886 Центра документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Отдельные документы впервые вводятся в научный оборот. Значимую роль в изучении избранной проблемы играют опубликованные и неопубликованные воспоминания участников и очевидцев событий. Документы личного происхождения стали основой для раскрытия индивидуально-психологического восприятия «восточными рабочими» своей судьбы рабов Третьего рейха и их адаптации к экстремальной повседневности узников товарных вагонов. Особый вид источника представляют автобиографические художественные и документально-художественные издания ростовчан В.Н. Сёмина [23] и Е.В. Моисеева [13].

Анализ. Общее руководство процессом угона на принудительные работы в Третий рейх мирных жителей Ростовской области осуществляли хозяйственная команда г. Сталино (Донецк) и командование 6-й армии вермахта. Средства запугивания к мирным жителям региона применялись сразу же с момента организации их сбора для транспортировки посредством указаний оккупационных властей, вручения повесток биржи труда, облав и др. В одном из приказов военного коменданта содержалось предостережение – всем, кто не зарегистрируется на бирже труда для отправки на работы в Германию, грозил расстрел. Такие приказы были расклеены по всему городу [14, с. 125]. Угрозы сыпались не только в отношении непосредственно самих угоняемых, но и в адрес их родных. Оккупанты манипулировали чувствами, в основном детей, к своим родителям и близким людям, которым грозили жестокие наказания: «Я родилась в Таганроге; мне было 16, когда началась война. Тог-

да нас и начали забирать. Немцы сказали, если мы не поедem с ними в Германию, они убьют наши семьи. В городе стояли виселицы, на которых вешали людей» [6, л. 12].

В архивах сохранились документы, в которых родные так описывали последнюю ночь своих близких дома: «Бедная девушка убивалась, она падала в обморок, ей трудно было расстаться с родным домом» [16, л. 49]. Родители переживали не меньше своих детей: «...они под насилием назначили мою дочь Мироненко... комиссия признала ее годной для эксплуатации немцами и на гиблое мучение, а отцу и матери тяжелая грусть и на сердце большая печаль» [10, л. 57].

Процесс сбора в дальнюю в дорогу происходил по-разному. Одни получали для этого несколько дней [6, л. 3]. Другие – несколько часов: «4-го ноября в 12 часов ночи моей дочери вручили повестку для отправления в Германию, а к 5-ти часам утра того же числа моя дочь должна была быть готова к отправке. Что я могла приготовить ей в такой срок» [16, л. 49].

В самом бедственном положении оказывались те, кого забирали внезапно из дома отправляли на временные сборные пункты: «Моя дочь скрывалась от мобилизации в Германию до ноября месяца. В ноябре 1942 г. пришел на дом полицейский в 5 часов утра, забрал с постели и повел где находилась фашистская биржа труда, где просидела в подвале до 13-го ноября после этого их всех под конвоем повели на Нахичеванский полустаночек» [9, л. 193], и те, кто попадал в облаву и отправлялся к месту транспортировки не из дома [13, с. 58].

Сохранились сведения о том, как в феврале месяце в г. Шахты, несмотря на отступление, немцы успели на бирже труда составить описи на 12 тысяч жителей, которых должны были угнать в рабство. По итогам оккупантам удалось вывезти около 5,5 тысяч рабочих г. Шахты. Чтобы добиться такой цели, немецкие патрули, жандармерия, полиция и гестапо организовывали массовые облавы на местное население. Несмотря на зимнюю стужу, оккупанты конвоировали колонны полураздетых и голодных жителей для последней транспортировки [4, л. 112].

Одна из колхозниц Волошинского района так описывала проводы своей дочери: «Мы

проводили Марусю на вокзал. Тысячи молодых юношей и девушек грузили в товарные вагоны, которые были под зоркой охраной. Гул паровоза смешался с криками и воплями, жаль было смотреть на бедных, измученных от слез детей, они были убиты и ходили как потерянные. Трудно представить жуткую картину. Нашей оставшейся семье каждую минуту грозила опасность, мы могли подвергаться казни и пыткам...» [17, л. 54]. Из г. Пролетарска на работы в Германию были увезены 1 800 человек. Все они проживали на территории города и прилегающего к нему района. Вся молодежь, среди которой встречались подростки, молодые женщины и девушки, насильно сгонялась на вокзал. Затем, разлучив с семьями, их сажали в эшелоны и закрывали вагоны, преграждая путь провожающим. Таким образом, у родственников не было никакой возможности попрощаться с угоняемыми в рабство [3, л. 12]. Так, уже в ходе расставания с домом, отъезжающие, большинство из которых были подростки, испытывали состояние первичного психологического шока, связанного с насильственным отрывом от родных.

Запись в дневнике таганрожца Н. Саенко от 10 мая 1942 г. демонстрирует то, что жители оккупированных территорий не питали иллюзий и прекрасно понимали, что их ждет на чужбине: «Сегодня была очередная отправка людей в Германию. Отправлялась исключительно молодежь: ребята, девки и юноши не семейные. Сколько плачущих, как уезжающих, так и провожающих... Если нам, советским людям, всмотреться как следует в эти насильные отправки людей, то невольно воображаются старые времена рабовладельчества...» [8, л. 91].

Транспортировка мирных жителей Ростовской области в Германию осуществлялась по железной дороге через территорию Украины и Польши [25, с. 144]. В документах сохранились упоминания следующих станций на территории Ростовской области: Миллерово, Мальчевская, Красновка, Ростов-на-Дону [5, с. 157], где собирали партии жителей региона для отправки в нацистскую Германию. Из других населенных пунктов области до этих станций добирались в основном пешим ходом. Один из бывших «восточных рабочих»

вспоминал о том, как 3 октября 1942 г., когда Новочеркасск находился под властью гитлеровцев, он и многие граждане были вызваны в бюро труда, где узнали об отправке в Германию. После этого все угнанные направились в г. Ростов пешком колоннами, а там были погружены в товарные вагоны по 50 чел. в каждом [14, с. 157]. Угоняемых из отдаленных поселков иногда доставляли до станций на подводах [10, л. 57].

Несмотря на то что в г. Таганроге были железнодорожные станции и через них следовал транспорт с угнанными жителями, например из г. Ростова-на-Дону [20, л. 42], во многих воспоминаниях таганрожцев, переживших рабство Третьего рейха, отмечается, что они сначала пешим порядком преодолевали расстояние примерно в 120 километров до Мариуполя, и только потом их грузили в вагоны [21, л. 38].

Перевозили «восточных рабочих» в вагонах, не приспособленных для длительной транспортировки людей. Из рассказа ростовчанки Л. Матвиенко: «Раннее утро 5 сентября 1942 года. Под конвоем, в строю, с котомками, узлами и чемоданами нас пригнали на Ростовский вокзал. Здесь мы ждали целый день. Вечером подали длинный состав товарных вагонов... нас, как скот, загнали в эти вагоны. Они были грязны, полны мусора, угольной пыли. Ни скамеек, ни нар... Лязгнули буфера. Их стук отдался в моих ушах, как погребальный звон. Он заглушил наши отчаянные, прощальные крики» [7, с. 66].

В пути следования «восточные рабочие» погружались в ситуацию подавления и разрушения личности. Многие вспоминали, что в вагоны «утрамбовывали» по 50–60 чел. без разделения по гендерному признаку. Для предотвращения попыток побега и исключения возможности людей самостоятельно регулировать свои действия во время пути, замки располагались снаружи вагона. С этим обстоятельством связано нарастание стрессовой ситуации и ощущение ужаса от того, что твоя собственная жизнь больше тебе неподконтрольна. Это психологическое состояние усиливалось на остановках, когда охрана палками выгоняла людей из вагонов и также загоняла обратно. Таганрожец Белоусов на всю жизнь запомнил момент, связанный со своей

беспомощностью перед «немецкими господами»: «В пределе двух недель мы ехали до Германии. Когда нас привезли в Лемберг, тогда это был Львов, без разницы. Там была, значит, дезинфекция, и мы впервые попробовали, как бьют палками по головам. Потому что надо идти туда, а я не знаю куда, я не знаю по-немецки как» [6, л. 15]. Таким образом, у обреченных на рабскую долю все более нарастало понимание невозможности предсказать, за что тебя поощрят или накажут. По бои, порка, различные издевательства были обычным делом по пути следования: «Пришел немец, комендант эшелона, в пьяном виде, выстроил нас с помощью солдат, которые нас охраняли, и повел. Шли мы через какое-то местечко, было 12 часов ночи. Пьяный комендант несколько раз останавливал нас, строил и заставлял петь. Свыше трехсот голосов мужчин нарушало ночную тишину польского местечка. Пели и “Тачанку”, и “Запрягайте хлопцы коней”, но как следует петь не могли. Тогда комендант останавливал, ругался на ломанном русском языке и опять заставлял петь. <...> Всю дорогу по Украине отношение к нам со стороны сопровождающих было, можно сказать, безбожным. По дороге мы замечали, что везде на станциях главенствующую роль играли немцы-железнодорожники» [21, л. 39].

Очутившись в замкнутом пространстве вагона, будущие рабы Третьего рейха уже не могли в нормальных условиях удовлетворить самые примитивные человеческие потребности в еде, воде, сне, тепле, санитарно-гигиеническом уходе, справить естественные надобности и др. На протяжении всего пути зачастую приходилось практически всегда стоять или сидеть на полу. В вагонах делали специальные отверстия в качестве туалетов, но справлять естественные надобности в присутствии большого количества людей, причем разного пола, это было для многих психологическим шоком. К тому же нехватка воды, которую выдавали на нечастых остановках, приводило не только к естественным мучениям от жажды, но и к ужасной антисанитарии. В холодное время года вагоны не отапливались.

Главным испытанием узников товарных вагонов стал голод. Домашние припасы еды,

если они были, быстро заканчивались либо изымались по дороге той же охраной: «...поезд в 7 час. вечера отправился из Ростова. Утром мы прибыли в г. Таганрог. Здесь немцы начали отбирать хорошие вещи и продукты. У меня лично отобрали жареного гуся и белый хлеб, что мне мать дала в дорогу. Когда мы начали плакать, то немцы стали нас избивать» [20, л. 42]. Из протокола опроса Н.В. Нагорного, 1908 г. рождения, уроженца г. Таганрога: «Утром мы были в Варшаве, там нас кормили таким же супом, как и везде...» [21, л. 39]. Уроженка г. Новочеркаска, бывшая узница концлагерей Равенсбрюк и Хельмбредтс Лидия Арсеньева (Попова) вспоминала: «В Кракове была первая большая остановка, нас поселили на пятом этаже большого дома. В первый раз за всю дорогу нас покормили поляки из какого-то благотворительного общества. Мы спускали им на веревке с пятого этажа что-нибудь из своих носильных вещей, а они, сняв их, привязывали пакет с салом и хлебом и маленькой иконкой божьей-матери» [14, с. 223].

Некоторые во время пути находились в таком отчаянии и состоянии стресса, что забывали о чувстве голода: «...мы сидели у барakov и плакали. У нас харчи остались, потому что мы всю дорогу плакали. Мы не кушали. А тут говорили “давайте, девчата, покушайте, а то у нас все равно отберут и выкинут”. Лысые остались, у нас все позабирают. Давайте хоть покушаем, мы говорили, перед смертью» [6, л. 17].

По пути следования могла проводиться дезинфекция одежды, вагонов и организовывался поход в баню, который для женщин и, особенно, молодых девушек, превращался в очередное испытание и унижение личного достоинства. Студентка Ростовского педагогического института Л. Матвиенко вспоминала: «В Лодзи нас обещали накормить, сводить в баню... Под конвоем шли мы по городу, провожаемые сочувственными взглядами прохожих. В бане нам предложили сдать свои вещи в камеру хранения, а одежду – в дезинфекцию. Из раздевалки мы, девушки, должны были проходить через дверь, в которой стояли двое конвойных. По бане бесцеремонно расхаживали немецкие солдаты. Они нагло рассматривали нас, громко ржали и, потеша-

ясь, повертывали, ощупывали девушек, награждая их шлепками по голому телу. Помыться не удалось... Утром нас снова втокнули в те же самые грязные вагоны и повезли дальше» [7, с. 67].

Медицинской помощи в дороге также не оказывалось, а умиравших хоронили на останках, прямо возле вагонов. Еще в начале 1942 г. Гитлеру докладывали об условиях, при которых происходит транспортировка «восточных рабочих». В частности, министриаль-директор, руководитель V главного отдела в имперском министерстве труда и рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении четырехлетним планом В. Мансфельд заявлял о том, что открытые и неотапливаемые товарные вагоны использовать для перевозки рабочей силы бессмысленно. Это объяснялось тем, что по прибытии в назначенное место из вагонов приходилось выгружать трупы [15].

Как отмечает большинство переживших трагедию рабства Третьего рейха, чем ближе поезд приближался к конечному пункту назначения, тем страшнее становилось от неизвестности за свою судьбу, и тем чаще подчеркивалось, что они люди второго сорта: «На следующий день нас остановили на какой-то товарной станции, вокзала не было видно. Мне бросились в глаза люди, выгружающие бочки из вагонов. Одеты они были в одежду с широкими синими полосами. На голове из такого же полосатого материала шапочка и страшно на ногах цепи. Положение наше изменилось. Если на Украине нас останавливали у вокзалов, то переехав польскую границу, нас стали останавливать вдали от станций, говоря, что люди из эшелона загрязняют вокзалы» [21, л. 39].

Не все угнанные покорно принимали свою судьбу и вполне закономерно, что чем моложе был невольник, тем чаще он пытался убежать. Одним из свидетельств является уже упомянутый выше акт № 793, в котором говорится о об угнанных жителях г. Пролетарска. Во время транспортировки части угнанных советских граждан удалось сбежать. Среди них была жительница г. Сальска по фамилии Безуглова [3, л. 12]. Удачно закончился и побег А.М. Подлужной, 1922 г. рождения, уроженки хутора Важковка Каменского района,

которая в феврале 1942 г., доехав в эшелоне до г. Сталино, сбежала и по пути наткнулась на местный партизанский отряд, в ряды которого девушка и вступила [22, л. 63].

Не все побеги молодых людей были удачны. Уроженец Ростова Николай Радионович Зюбенко вместе с тремя товарищами, когда их эшелон прибыл в Днепропетровск, решили устроить побег: «Они из эшелона убежали в село и попросились переночевать у пожилой женщины. Однако, утром их забрали в полицию. Там их били, и, продержав 3 суток, отправили в концлагерь, где уже сидело много мальчиков и девочек. Жизнь в том лагере была очень тяжелой. Подросткам давали 250 гр. хлеба и похлебку, больше в течение дня ничего не давали. Многие из нас не выдерживали и умирали от голода» [20, л. 42]. Также неудачно сложился побег уроженца Красного Сулина Л.А. Руденко, которого с группой подростков пригнали на станцию, загнали в эшелон и отправили на фашистскую каторгу. Вместе с Руденко оказался в эшелоне его друг-одноклассник В. Осикин. В пути «несколько смелых невольников подготовились к побегу. Когда железнодорожный состав мчался по территории Австрии, они ночью взломали дверь вагона и выскочили из него. Среди бежавших были Лёня Руденко и Витя Осикин. Фашисты поймали беглецов на другой же день. Под усиленной охраной их отправили на угольную шахту в Фойсберге» [14, с. 88].

Спасти невольников в пути следования могли партизаны. Обычно это происходило на этапах пеших переходов от населенного пункта до станции. Например, партизанский отряд села Марфинка Миллеровского района отбил колонну, состоящую из жителей хутора Селезневка, которых немцы пытались угнать в Третий рейх [5, с. 113]. Подобные случаи происходили и в окрестностях Пятого Яра, и в Казачковом лесу Кашарского района Ростовской области. На этом участке пролегал шоссе: дорога Миллерово – Вешенская, по которой следовали конвои с «восточными рабочими». Действовавший в этом районе партизанский отряд под командованием Б.Н. Сверткина и В.А. Шинкарева не раз спасал угоняемых жителей от конвоирующих их немцев и полицеев-коллаборантов [1, с. 18].

Те мирные жители Ростовской области, которые в результате транспортировки доезжали до конечных пунктов назначения, попадали в распоряжение министерства труда и бюро по использованию рабочей силы. Далее эти трудовые ресурсы распределялись в соответствии с экономическими потребностями Третьего рейха. Самым трагичным было положение тех, кто попадал в концентрационные лагеря, но это уже был другой, еще более жестокий этап в жизни «восточных рабочих» – уроженцев Донского края.

Результаты. Транспортировка мирных жителей Ростовской области на принудительные работы в Третий рейх осуществлялась по железной дороге через территорию Украины и Польши исключительно в товарных вагонах. Теоретически вербовочные комиссии должны были обеспечивать питанием невольников в дороге, однако в действительности главным продуктом в пути, как вспоминают большинство «восточных рабочих», был заплесневелый хлеб, и тот в небольшом количестве, либо домашние припасы, которые чудом удалось сохранить. В пути железнодорожные составы проходили дезинсекционные пункты, обычно их было три: на оккупированной территории, на пограничных станциях и на месте назначения. С мобилизованными немецкая охрана в пути следования обращалась жестоко. Многочисленные заболевания на почве постоянного недоедания, недосыпания, невыносимого холода, постоянного избиения приводили в том числе и к гибели во время следования в Третий рейх. В личных воспоминаниях жителей Ростовской области, переживших нацистскую неволю, представлена вся палитра первых эмоций в условиях психотравмирующей ситуации «вагонной изоляции»: тоска по родным, неизвестность, страх побоев, унижение личного достоинства, ужас смерти, смирение, бунтарство и т. д. Самым страшным для многих была невозможность действовать или не действовать по своей воле. Таким образом, во время транспортировки люди вступали в стадию психоэмоциональной перегрузки, связанной как психофизиологическими стрессорами (голод, недостаток сна, боль), так и с переживанием агрессии и насилия, восприятием своих и чужих страданий, смерти других

людей; групповой изоляцией, неопределенностью будущего.

В целом это был первый экстремальный этап, в ходе которого у угнанных на принудительные работы в Третий рейх мирных жителей региона запускался процесс накопления физической и психологической усталости, а также укреплялись представления о том, что «восточные рабочие» — это «недочеловеки», которые пригодны только для обслуживания высшей немецкой расы, и их жизнь не имеет ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева В. А., Трапш Н. А., Жбанникова М. И. Роль партизан и подпольщиков Ростовской области в спасении гражданского населения региона от угона на принудительные работы в Германию в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 11–19.
2. Агеева В. А. Насильственное перемещение гражданского населения города Таганрога на принудительные работы в Третий рейх: опыт комплексной характеристики // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». 2023. № 5 (63). С. 158–165.
3. Акт № 793 // Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–192.
4. Акт Шахтинской городской комиссии по расследованию зверств и злодеяний немецко-фашистских захватчиков // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–188.
5. Беницкий А. С., Беницкий Ал. С., Беницкий К. С. Миллеровский район в годы Великой Отечественной войны. Луганск: Глобус, 2013. 357 с.
6. Биографическая коллекция принудительных рабочих (перевод – В. Куликов) // Городской архив г. Люденшайда (Федеративная Республика Германия).
7. Боговис Н. Зверства немецко-фашистских захватчиков: документы. М.: Воен. изд-во, 1943. 71 с.
8. Дневник Н. Саенко // Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 447.
9. Заявление в Совет Орджоникидзевого района г. Ростова-на-Дону // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–318.
10. Заявление Мироненко Владимира Семеновича, колхозника колхоза им. 17-го партсъезда // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–141.
11. Кринко Е. Ф. Репрессированная память: воспоминания несовершеннолетних «восточных рабочих» // Вторая мировая война в памяти поколений. Краснодар: Эдарт-принт, 2009. С. 42–60.
12. Кринко Е. Ф., Захарина Е. А. «Восточные рабочие»: динамика представлений и образов в СССР и современной России // Наследие веков. 2020. № 2. С. 45–56.
13. Моисеев Е. В. Голос живой памяти: документально-художественное издание. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2017. 378 с.
14. Муратова Л. С. Вернувшиеся из ада. Ростов н/Д: Цв. печать, 2001. 320 с.
15. Нюрнбергский процесс: сб. материалов. В 8 т. Т. 8. М.: Юрид. лит., 1999. 792 с.
16. Объяснение Кудрявцевой Марии Ивановны, колхозницы колхоза им. 17-го партсъезда // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–141.
17. Объяснительная записка Шкондиной Ольги Дмитриевны, колхозницы колхоза им. 17-го партсъезда // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–141.
18. Принудительный труд 1939–1945. Опыт международного проекта / сост., отв. ред. Н. П. Тимофеева. Воронеж: Науч. кн., 2020. 228 с.
19. Полян П. М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОС-СПЭН, 2002. 818 с.
20. Протокол опроса гражданина Зюбенко Николая Радионовича // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–221 об.
21. Протокол опроса гражданина Нагорного Николая Викторовича // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–221 об.
22. Протокол опроса Подлужной Анны Мифодиевны // ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 26.
23. Сёмин В. Н. Нагрудный знак «OST». М.: АСТ, 2015. 620 с.
24. Справка Ростовской областной чрезвычайной комиссии по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова и Ростовской области от 20 декабря 1944 г. // ЦДНИРО. Ф. Р-1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–95 об.
25. Шаповалов В. А., Буряк Ю. Ю. Северо-Донецкая и Южно-Донецкая железные дороги в период оккупации (1941–1943 гг.) // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2016. № 15. С. 142–148.
26. Timofeeva N. “Das war der Anfang unseres Unglücks...” – Der Weg in die Fremde in Erinnerung der ehemaligen “Ostarbeiter” // Im Schatten des totalen Krieges: Raubgut, Kriegsgefangenschaft und Zwangsarbeit. Cloppenburg: Museumsdorf Cloppenburg, 2018. S. 267–276.

REFERENCES

1. Ageeva V.A., Trapsh N.A., Zhbannikova M.I. Rol partizan i podpolshchikov Rostovskoy oblasti v spasenii grazhdanskogo naseleniya regiona ot ugon na prinuditelnye raboty v Germaniyu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Role of Partisans and Underground Fighters of the Rostov Region in Saving the Civilian Population of the Region from Being Taken Away for Forced Labor in Germany During the Great Patriotic War]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Legal Studies], 2024, vol. 11 (1), pp. 11-19.
2. Ageeva V.A. Nasilstvennoe peremeshchenie grazhdanskogo naseleniya goroda Taganroga na prinuditelnye raboty v Tretij rejh: opyt kompleksnoj harakteristiki [Forced Displacement of the Civilian Population of the City of Taganrog for Forced Labor in the Third Reich: Experience of Complex Characteristics]. *Izvestiya Komi nauchnogo centra Uralskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Seriya «Istoriya i filologiya»* [News of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology"], 2023, no. 5 (63), pp. 158-165.
3. Akt № 793 [Act No. 793]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti (daleye – CDNIRO)* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 8, l. 1-192.
4. Akt Shahtinskoy gorodskoj komissii po rassledovaniyu zverstv i zlodeyanij nemecko-fashistskih zahvatchikov [Act of the Shakhty City Commission for the Investigation of the Atrocities and Crimes of the Nazi Invaders]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 9, l. 1-188.
5. Benickij A.S., Benickij A.I.S., Benickij K.S. *Millerovskij rajon v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Millerovsky District During the Great Patriotic War]. Lugansk, Globus Publ., 2013. 357 p.
6. Biograficheskaya kollekcija prinuditelnyh rabochih (perевod – V. Kulikov) [Biographical Collection of Forced Laborers (Translated by V. Kulikov)]. *Gorodskoj arhiv g. Lyudenshajda (Federativnaya Respublika Germaniya)* [City Archives of Lüdenschheid (Federal Republic of Germany)].
7. Bogovis N. *Zverstva nemecko-fashistskih zahvatchikov: dokumenty* [Atrocities of the Nazi Invaders: Documents]. Moscow, Voen. izd-vo, 1943. 71 p.
8. Dnevnik N. Saenko [Diary of N. Saenko]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (daleye – GARO)* [State Archives of the Rostov Region], f. R-3613, inv. 1, d. 447.
9. Zayavlenie v Sovet Ordzhonikidzevskogo rajona g. Rostova-na-Donu [Application to the Council of Ordzhonikidzevsky District of Rostov-on-Don]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 13, l. 1-318.
10. Zayavlenie Mironenko Vladimira Semenovicha, kolhoznika kolhoza im. 17-go partysyezda [Statement by Vladimir Mironenko, Collective Farmer of the 17th Party Congress Collective Farm]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 1, l. 1-141.
11. Krinko E.F. Repressirovannaya pamyat: vospominaniya nesovershennoletnih «vostochnyh rabochih» [Repressed Memory: Memories of Underage "Eastern Workers"]. *Vtoraya mirovaya vojna v pamyati pokolenij* [Second World War in the Memory of Generations]. Krasnodar, Edart-Print Publ., 2009, pp. 42-60.
12. Krinko E.F., Zaharina E.A. «Vostochnye rabochie»: dinamika predstavlenij i obrazov v SSSR i sovremennoj Rossii ["Eastern Workers": Dynamics of Representations and Images in the USSR and Modern Russia]. *Nasledie vekov* [Heritage of the Centuries], 2020, no. 2, pp. 45-56.
13. Moiseev E.V. *Golos zhivoj pamyati: dokumentalno-hudozhestvennoe izdanie* [Voice of Living Memory: Documentary and Artistic Edition]. Rostov-on-Don; Taganrog, Izd-vo Yuzhn. feder. un-ta, 2017. 378 p.
14. Muratova L.S. *Vernuvshiesya iz ada* [Returned from Hell]. Rostov-on-Don, Cv. pechat Publ., 2001. 320 p.
15. *Nyurnbergskij process: Sbornik materialov. V 8 t. T. 8* [Nuremberg Trials: Collection of Materials. In 8 Vols. Vol. 8]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1999. 792 p.
16. Obyasnenie Kudryavcevoj Marii Ivanovny, kolhoznicy kolhoza im. 17-go partysyezda [Explanation by Kudryavtseva Maria Ivanovna, Collective Farmer of the 17th Party Congress Collective Farm]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 1, l. 1-141.
17. Obyasnitelnaya zapiska shkondinoj Olgi Dmitrievny, kolhoznicy kolhoza im. 17-go partysyezda [Explanation Note by Olga Shkondina, Collective Farmer of the 17th Party Congress Collective Farm]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 1, l. 1-141.
18. Timofeeva N.P., ed. *Prinuditelnyj trud 1939–1945. Opyt mezhdunarodnogo proekta* [Forced Labour 1939–1945: Experience of an International Project]. Voronezh, Nauch. kn., 2020. 228 p.
19. Polyan P.M. *Zhertvy dvuh diktatur. Zhizn, trud, unizheniya i smert sovetskih voennoplennykh i ostarbajterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of Two Dictatorships. Life, Labor, Humiliation, and Death of Soviet Prisoners of War and Ostarbeiters Abroad and at Home]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 818 p.

20. Protokol oprosa grazhdanina Zyubenko Nikolaya Radionovicha [Protocol of the Interrogation of Citizen Zyubenko Nikolai]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 27, l. 1-221 r.

21. Protokol oprosa grazhdanina Nagornogo Nikolaya Viktorovicha [Protocol of the Interrogation of Citizen Nikolai Nagorny]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 27, l. 1-221 r.

22. Protokol oprosa Podluzhnoj Anny Mifodievny [Protocol of Interrogation of Podluzhnaya Anna Mifodiyevna]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-3, inv. 1, d. 26.

23. Semin V.N. *Nagrudnyy znak «OST»* [OST Chest Badge]. Moscow, AST, 2015. 620 p.

24. Spravka Rostovskoj oblastnoj chrezvychajnoj komissii po uchetu ushcherba i zlodeyanij, nanesennyh nemecko-fashistskimi okkupantami uchrezhdeniyam, predpriyatiyam i grazhdanam g. Rostova i Rostovskoj

oblasti ot 20 dekabrya 1944 g. [Certificate of the Rostov Regional Extraordinary Commission for the Recording of Damage and Atrocities Inflicted by the Nazi Occupiers on Institutions, Enterprises and Citizens of the City of Rostov and the Rostov Region, Dated December 20, 1944]. *CDNIRO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region], f. R-1886, inv. 1, d. 22, l. 1-95 r.

25. Shapovalov V.A., Buryak Yu.Yu. Severo-Donetskaya i Yuzhno-Donetskaya zheleznye dorogi v period okkupacii (1941–1943 gg.) [North Donetsk and South Donetsk Railways During the Occupation (1941–1943)]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific News. Series History. Political Science], 2016, no. 15, pp. 142-148.

26. Timofeeva N. “Das war der Anfang unseres Unglücks...” – Der Weg in die Fremde in Erinnerung der ehemaligen “Ostarbeiter”. *Im Schatten des totalen Krieges: Raubgut, Kriegsgefangenschaft und Zwangsarbeit*. Cloppenburg, Museumsdorf Cloppenburg, 2018, S. 267-276.

Information About the Author

Valentina A. Ageeva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology, Anton Chekhov Taganrog State Institute (branch) of the Rostov State University of Economics, Initiatsivnaya St, 48, 347924 Taganrog, Russian Federation, ageewa.75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9921-4364>

Информация об авторе

Валентина Анатольевна Агеева, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и филологии, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета, ул. Инициативная, 48, 347924 г. Таганрог, Российская Федерация, ageewa.75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9921-4364>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.18>

UDC 94(47).084.8+355.425.4

LBC 63.3(2Рос-4Цен)622,5-2

Submitted: 17.09.2024

Accepted: 20.12.2024

QUESTIONS OF STAFFING THE RESISTANCE TO THE GERMAN-FASCIST OCCUPANTS IN THE REGIONS OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION (1941–1943)

Vladimir V. Korovin

South-West State University, Kursk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the problems of selection, training, and placement of personnel for participation in resistance to the occupation regime in the Central Black Earth Region. The study of the degree of readiness of the civilian population for armed resistance to the aggressor is an important scientific problem of applied significance. *Methods and materials.* The study is based on historical-genetic, problem-chronological, and historical-comparative methods. The publication is based on documentary sources identified by the author in the Russian State Archive of Social and Political History, the State Archive of the Bryansk Region, the state archives of social and political history of the Voronezh, Kursk, and Tambov Regions, and the archives of the FSB Directorates of Russia for the Voronezh and Kursk Regions. *Analysis.* The selection of candidates for participation in the resistance to the Nazi occupiers in the Central Black Earth Region was carried out by local party structures and NKVD bodies before the invasion of enemy troops into the region. At the same time as the formation of partisan detachments, reconnaissance and sabotage residencies were created, and the leadership core of future underground organizations was determined. The occupation that began revealed the mistakes made in carrying out this work, which did not allow for the development of a mass partisan struggle against the enemy. The change in the situation at the front, associated with the successes of the Red Army, as well as the cruelty of the occupiers, contributed to the voluntary replenishment of partisan detachments by local residents. The training of partisan personnel in specialized schools of the NKVD contributed to an increase in the effectiveness of the resistance. *Results.* The author comes to the conclusion that the formal approach to the selection of partisan personnel had a negative impact on the development of the partisan movement in the first months of the occupation. The situation with the replenishment of partisan forces was corrected due to the conscious influx of local residents into their ranks due to the change in the situation at the front and in the rear. Training in special schools of the NKVD contributed to an increase in the effectiveness of the reconnaissance and sabotage activities of the partisans. *Funding.* The work was carried out within the framework of the State Assignment “Legal Measures to Ensure Strategic Priorities for Countering Threats to National Security” (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1.

Key words: Great Patriotic War, Central Black Earth Region, occupation regime, resistance, partisans, underground fighters, reconnaissance and sabotage group, personnel.

Citation. Korovin V.V. Questions of Staffing the Resistance to the German-Fascist Occupants in the Regions of the Central Black Earth Region (1941–1943). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 217–228. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.18>

УДК 94(47).084.8+355.425.4

ББК 63.3(2Рос-4Цен)622,5-2

Дата поступления статьи: 17.09.2024

Дата принятия статьи: 20.12.2024

ВОПРОСЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМ ОККУПАНТАМ В ОБЛАСТЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ (1941–1943 гг.)

Владимир Викторович Коровин

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются проблемы подбора, подготовки и расстановки кадров для участия в сопротивлении оккупационному режиму на территории областей Центрального Черноземья. Исследование степени готовности гражданского населения к вооруженному противостоянию агрессору является важной научной проблемой, имеющей прикладное значение. *Методы и материалы.* Основой исследования стали историко-генетический, проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы. Публикация основана на документальных источниках, выявленных автором в Российском государственном архиве социально-политической истории, Государственном архиве Брянской области, государственных архивах общественно-политической истории Воронежской, Курской, Тамбовской областей, архивах Управлений ФСБ России по Воронежской и Курской областям. *Анализ.* Отбор кандидатов для участия в сопротивлении немецко-фашистским оккупантам на территории областей Центрального Черноземья осуществлялся местными партийными структурами и органами НКВД до вторжения войск противника в пределы региона. Одновременно с формированием партизанских отрядов создавались разведывательно-диверсионные резидентуры, определялось руководящее ядро будущих подпольных организаций. Начавшаяся оккупация выявила допущенные при проведении этой работы ошибки, что не позволило развернуть массовую партизанскую борьбу с врагом. Изменение обстановки на фронте, связанное с успехами Красной армии, а также жестокость оккупантов способствовали добровольному пополнению партизанских отрядов местными жителями. Повышению эффективности сопротивления способствовало обучение партизанских кадров в специализированных школах УНКВД. *Результаты.* Автор приходит к выводу, что формальный подход к отбору партизанских кадров оказал негативное влияние на развертывание партизанского движения в первые месяцы оккупации. Ситуация с пополнением партизанских сил исправилась за счет осознанного притока в их ряды местного населения в связи с изменением положения на фронте и в тылу. Обучение в спецшколах УНКВД способствовало повышению эффективности разведывательно-диверсионной деятельности партизан. *Финансирование.* Работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Центральное Черноземье, оккупационный режим, сопротивление, партизаны, подпольщики, разведывательно-диверсионная группа, личный состав.

Цитирование. Коровин В. В. Вопросы кадрового обеспечения сопротивления немецко-фашистским оккупантам в областях Центрального Черноземья (1941–1943 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 217–228. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.18>

Введение. Одной из актуальных проблем современной военно-исторической науки является увлеченность отдельных исследователей обезличенной фактографией, когда вопросы тактики, оперативного искусства и стратегических решений рассматриваются вне антропологических характеристик участников анализируемых событий. Даже сегодня, в век цифровых технологий, исход любого вооруженного конфликта зависит, прежде всего, от человека, управляющего сложной военной техникой. Поэтому опыт использования людских ресурсов в годы Великой Отечественной войны, ставшей наиболее крупным испытанием обороноспособности нашего государства, продолжает иметь принципиально важное значение для осмысления складывающейся геополитической обстановки.

История партизанского движения на территории временно оккупированных районов СССР в годы Великой Отечественной войны

нашла достойное отражение как в советской, так и современной российской историографии. Причем открытие для исследователей доступа к архивным фондам партийных структур и органов государственной безопасности позволило коренным образом изменить представление об организационных проблемах вооруженного сопротивления немецко-фашистским оккупантам, раскрыть ранее неизвестные аспекты, включая специфику подбора и подготовки партизанских кадров.

Методы и материалы. При многообразии терминологических подходов, характеризующих исследуемую тему, полагаем уместным определять ее понятием «сопротивление в тылу немецко-фашистских войск», рассматриваемым как совокупность форм вооруженного и невооруженного противостояния политическим, экономическим и военным мероприятиям противника, проявлявшегося в активных действиях на временно оккупирован-

ной территории добровольческих военизированных формирований (партизанские отряды и соединения, разведывательно-диверсионные группы НКВД) и гражданского населения (подпольные организации, отдельные патриоты) [11, с. 8–9].

Характерной чертой современной историографии проблемы является ее региональная направленность. Так, кадровый аспект в истории сопротивления нацистским оккупантам на территории северо-западных регионов получил отражение в трудах Н.В. Шабельник [36] и С.Г. Веригина [2]. Большое внимание вопросам формирования партизанских сил уделяют в своих работах крымские историки О.В. Романько [25] и С.Н. Ткаченко [35]. Роль И.Г. Старинова в подготовке партизанских кадров на Орловщине раскрывает А.В. Меркулов [12]. В свою очередь, создание обобщающих трудов возможно только при проведении подобных исследований в территориальных рамках всех регионов, подвергавшихся оккупации.

Публикация основана на документальных источниках, выявленных автором в Российском государственном архиве социально-политической истории, Государственном архиве Брянской области, государственных архивах общественно-политической истории Воронежской, Курской, Тамбовской областей, архивах Управлений ФСБ России по Воронежской и Курской областям. Анализу подверглись директивные указания и распорядительные акты центральных и региональных органов власти по вопросам организации сопротивления оккупантам, делопроизводственная документация местных партийных структур, административных органов и партизанских формирований, включая списки, содержащие анкетные данные участников партизанской борьбы. Изученные источники позволяют в полной мере решить исследовательские задачи.

Статья подготовлена на основе принципов историзма, объективности и системности. Примененный при подготовке статьи историко-генетический метод дал возможность проследить конкретный процесс организационно-мобилизационной деятельности региональных властных структур в динамике, строгой последовательности событий, выявить

причинно-следственные связи; проблемно-хронологический метод позволил автору изучить проблемы исследования в последовательном развитии; историко-сравнительный метод обеспечил выделение общего, особенного и единичного в действиях органов власти разных областей исследуемого региона.

Анализ. В отличие от западных территорий СССР, где времени на подготовительную работу по формированию партизанских сил летом 1941 г. практически не оставалось, в ряде регионов РСФСР, подвергшихся вражеской оккупации впоследствии, имелась возможность осуществить комплекс предварительных мероприятий по развертыванию сопротивления в тылу противника.

Летом 1941 г. на территории прифронтовых регионов, к числу которых относилась Курская область, активно проводилась организационно-мобилизационная работа, направленная на комплектование из числа военнобязанных граждан личного состава ряда соединений действующей армии; эвакуацию отдельных категорий населения, материальных и культурных ценностей; создание добровольческих военизированных формирований, к числу которых относились истребительные батальоны, части народного ополчения и партизанские отряды.

Исходя из того что изначально организация сопротивления оккупантам регламентировалась директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и постановлением ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г., перед руководителями местных партийных органов ставилась задача лично возглавить партизанскую борьбу на временно оккупированных территориях. Содержавшееся в упомянутых программных документах требование о незамедлительном создании подпольных ячеек, с переводом их членов на нелегальное положение; формировании боевых дружин и диверсионных групп из числа бойцов истребительных батальонов, а также коммунистов и комсомольцев, не используемых в подпольной работе [26, с. 18–20], предполагало наличие определенных кадровых ресурсов и не в полной мере отражало ситуацию, складывавшуюся на местах.

Истребительные батальоны, которые предполагалось использовать в качестве одного из основных источников партизанских

кадров, в большинстве районов Курской области были сформированы к августу 1941 г., насчитывая в своих рядах более 10,5 тыс. чел. [14, с. 159]. Их личный состав комплектовался исходя из наличия навыков военной подготовки, обеспечивающих выполнение служебно-боевых задач.

Качественному обучению бойцов, включенных в ряды истребительных батальонов, препятствовала необходимость исполнения ими профессиональных обязанностей по основному месту работы. Складывалась ситуация, аналогичная современной, когда местные власти до приближения противника к границам региона и вторжения в его пределы не уделяли должного внимания охране тыла с привлечением к выполнению этой задачи военно-обученных резервов.

Необходимо выделить и другие проблемы, препятствовавшие дальнейшему использованию бойцов истребительных батальонов для борьбы в тылу противника. Например, учебные программы их боевой подготовки не предусматривали освоение основ разведывательно-диверсионной деятельности. Уровень физической и тактической подготовленности многих бойцов не соответствовал характеру задач, стоявших перед бойцами истребительных батальонов и партизанами. Серьезной проблемой оставалась текучесть кадров. Мобилизация в РККА или экстренная эвакуация специалистов приводили к естественному сокращению численности добровольческих военизированных формирований. Подобное положение складывалось из-за формального подхода ответственных должностных лиц к их комплектованию.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в Воронежской области, где к 20 июля 1941 г. удалось сформировать 90 истребительных батальонов [14, с. 159]. До начала вражеской оккупации (июнь 1942 г.) в регионе прошли специальную подготовку более 26 тыс. чел. [17, л. 4]. В отличие от опыта обучения бойцов истребительных батальонов Курской области, воронежцев готовили действовать и в тылу противника.

Отбором личного состава будущих партизанских отрядов в районах, находившихся под угрозой оккупации, занимались оперативные сотрудники региональных управлений

НКВД, которым предписывалось: «Из числа бойцов истребительного батальона, совместно с начальником РО НКВД и секретарем РК ВКП(б) путем индивидуальных бесед отобрать 50–60 надежных, преданных коммунистов и комсомольцев (обязательно с их согласия)» [19, л. 38–40]. Созданный из их числа партизанский отряд предполагалось использовать для действий в тылу противника.

С июля 1941 г. Управление НКГБ по Курской области начало подготовку диверсионно-террористических и разведывательных агентур, призванных обеспечить сопротивление оккупантам. Согласно подготовленной инструкции детально регламентировалась процедура вербовки агентуры, предусматривавшая личное общение сотрудника с отбираемым контингентом на предмет выявления морально-волевых качеств, обеспечивающих успешное выполнение спецзаданий.

К осени 1941 г. в Курской области удалось сформировать более 500 разведывательно-диверсионных резидентур общей численностью свыше 1,5 тыс. человек. Сотрудники УНКВД завербовали почти тысячу агентов-одиночек, более 100 связных и содержателей явочных квартир. Но к началу оккупации региона до трети отобранного контингента было утрачено по упомянутым выше причинам [9, л. 19–19 об.]. Оставшаяся же на оккупированной территории агентура в большинстве своем бездействовала, а в отдельных случаях встала на путь коллаборации с врагом.

Основной причиной ошибок, допущенных при проведении вербовочных мероприятий, стал формальный подход к проверке деловых качеств отбираемых агентов. Стремление оперативников любой ценой выполнить поставленные руководством мобилизационные задачи в дальнейшем негативно сказывались на эффективности деятельности разведывательно-диверсионной сети, оставляемой в тылу противника.

17 октября 1941 г. Курский обком ВКП(б) направил директивное письмо районным партийным организациям о выделении проверенных кадров для участия в подпольной работе на территории других районов, выполнения спецзаданий в тылу врага, в том числе в составе партизанских отрядов, с возложением ответственности за результативность этой

работы на секретарей райкомов [4, л. 85–85 об.]. Поэтому значительную часть партизанских формирований на этапе перехода к выполнению боевых задач возглавили лично секретари райкомов ВКП(б).

О противоречивости процесса подбора партизанских кадров и их мобильности свидетельствуют и данные официальной отчетности. Если на 21 августа 1941 г. в Курской области было создано 10 отрядов общей численностью 1 705 чел. [7, л. 26–26 об.], то к 2 ноября 1941 г. областные органы власти докладывали о 32 сформированных партизанских отрядах, насчитывавших в своих рядах 2 тыс. бойцов [5, л. 31 об.]. На территории Воронежской области осенью 1941 г. местные органы власти создали 165 партизанских отрядов численностью 20–25 человек каждый. Почти 5 тыс. будущих воронежских партизан прошли обучение на специальных курсах [31, л. 2–2 об.]. После перерыва, вызванного относительной стабилизацией положения в регионе, позволившего мобилизовать в РККА более двух третей кадрового резерва партизан и треть будущих подпольщиков, весной 1942 г. работа по организации партизанских отрядов в Воронежской области возобновилась. В результате здесь восстановили 158 отрядов общей численностью 3 126 человек [6, л. 3–4].

Непоследовательность в практике подбора партизанских кадров отразилась на боеспособности отрядов в первые дни оккупации Курской области. В результате несогласованного распоряжения людскими ресурсами со стороны властных структур, а также прямого и косвенного отказа значительной части личного состава от выполнения взятых на себя обязательств по участию в борьбе на оккупированной территории начать организованное сопротивление противнику не удалось.

Не лучшим образом проявили себя и представители командного состава ряда партизанских отрядов. Столкнувшись с необходимостью остаться на территории, контролируемой противником, большая часть руководителей районных партийно-хозяйственных органов, ответственных за организацию вооруженной борьбы с оккупантами на местах, проявила полную неспособность к деятельности в экстремальных условиях, следствием чего стало прекращение существования мно-

гих партизанских отрядов Курской области осенью 1941 года.

На начальном этапе развертывания партизанского движения в регионе местное население занимало противоречивую позицию по отношению к участию в сопротивлении оккупационному режиму. С одной стороны, жители западных и северо-западных районов Центрального Черноземья, с учетом личных и родственных связей, оказывали материальную помощь партизанам продуктами питания и теплыми вещами. В то же время явного стремления пополнять ряды народных мстителей у большинства из них не было, что объяснялось отсутствием уверенности в реальной возможности партизан вести результативную борьбу с оккупантами, вследствие недостатка вооружения и боеприпасов, а также недостоверности информации о положении на фронте и в тылу.

Рост численности партизанских отрядов на оккупированной территории Курской области стал наблюдаться лишь к весне 1942 года. В это время сведения о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой дошли до самых отдаленных районов, а население стало осознавать антигуманную сущность политики оккупантов по отношению к мирным гражданам, отвергая ее во всех проявлениях. Все это побуждало уходить в партизаны целыми семьями. Подобная тенденция сохранилась и в дальнейшем, достигнув пика активности осенью 1942 – зимой 1943 года.

Существенным источником пополнения партизанских отрядов стали бойцы и командиры Красной армии, получившие в силу сложившихся обстоятельств общее наименование «окруженцы». Осенью 1941 г. в составе войск Брянского фронта они с боями пытались вырваться из кольца вражеского окружения, но не смогли пересечь линию фронта. По оценке члена Военного Совета 13-й армии генерала М.А. Козлова, на территории Орловской и Курской областей в окружении осталось не менее 3 тыс. бойцов и командиров [3, с. 41]. Здесь же оказались бывшие советские военнопленные, сумевшие оказаться на свободе. Рассредоточившись в населенных пунктах под видом местных жителей, в феврале 1942 г. под влиянием разъяснительной работы они объединились в партизанский отряд им. Во-

рошилова № 1. Вместе с присоединившимися жителями Хомутовского района его численность составила более 600 чел., а спустя месяц увеличилась до 860 человек. Вскоре этот отряд стал базой для создания самостоятельных партизанских формирований [11, с. 274, 277].

Отряды с преобладанием в их рядах военнослужащих, как правило, носили имена военных или государственных деятелей, в отличие от «местных» отрядов, принимавших названия районов формирования и базирования. Воинов-окруженцев, ставших партизанами, возглавляли кадровые офицеры. Их военномандная подготовка и боевой опыт позволяли успешно планировать и осуществлять выполнение боевых задач, поддерживать должную дисциплину в подразделениях.

Специфической чертой организации партизанской борьбы в Курской области стало формирование кадрового резерва ее участников на территории, не подвергшейся оккупации весной – летом 1942 года. Находясь в районном центре Старый Оскол, обком партии и УНКВД комплектовали партизанские отряды и разведывательно-диверсионные группы из числа коммунистов, оказавшихся в их распоряжении, в том числе эвакуированных из соседних областей Украины.

Основным препятствием в этой работе стало нежелание отдельных партийно-советских работников выполнять задания за линией фронта. При этом некоторые коммунисты выражали стремление отправиться на фронт. Всего за пять месяцев 1942 г. из формируемых отрядов было отчислено 27 чел. (15 из них – по состоянию здоровья, 11 – за дезертирство и симуляцию) [33, л. 60].

В июне 1942 г. начался второй этап оккупации Курской области, в ходе которого предполагалось начать борьбу созданных ранее партизанских отрядов восточных и юго-восточных районов. Но повторилась ситуация осени 1941 г., когда из-за трусости командно-политического состава партизаны не смогли приступить к выполнению возложенных на них задач. В то же время следует заметить, что базирование партизан в степных восточных районах региона не имело реальных шансов по объективной причине отсутствия крупных лесных массивов.

С подобными проблемами столкнулись организаторы сопротивления оккупационному режиму в Воронежской области, допустившие просчеты при подборе и расстановке партизанских кадров, а также планировании мест их базирования. К началу оккупации 30 районов области, где был сформирован 51 отряд, смогли закрепиться в тылу противника только 15 из них (всего 303 чел.) [11, с. 279–280].

Значительная часть партийно-советской номенклатуры не обладала должными деловыми и морально-волевыми качествами для работы, не только сопряженной с риском для жизни, но и предполагающей руководство подчиненными в экстремальных условиях военного времени. Как правило, низкий уровень образования этих людей и их ускоренное продвижение по карьерной лестнице способствовали профессиональной деформации и отсутствию ожидаемых результатов при выполнении специальных заданий.

Стремительное продвижение немецко-фашистских войск по территории Воронежской области не позволило эвакуировать семьи многих партизан. По этой причине ряд бойцов и командиров, опасаясь репрессий в отношении своих родных со стороны оккупантов, вынужденно покидали партизанские отряды, легализуясь через регистрацию в немецких комендатурах. Подобная ситуация актуализировалась в регионе в связи с отсутствием надежных мест базирования отрядов. Как уже отмечалось, в Курской области данная проблема решалась через переход на нелегальное положение целыми семьями.

В Тамбовской области, не подвергавшейся вражеской оккупации, осенью 1942 г. было сформировано 118 партизанских отрядов и групп численностью 2 232 чел. [30, л. 192, 197–198]. Как и в других регионах Центрального Черноземья, более 80 % потенциальных партизан являлись членами ВКП(б). Отсутствие в списках отрядов женщин на начальном этапе формирования так же являлось общим подходом к решению кадрового вопроса.

Привлечение женщин и девушек к выполнению специальных заданий на оккупированной территории было сопряжено с определенными трудностями. Организаторы партизанской борьбы делали на них ставку, полагая, что маршрутная разведчица или связная вы-

зывает меньше подозрений у врага, чем выполняющий аналогичные задачи взрослый мужчина. Но, как показала мобилизационная и вербовочная практика УНКВД по Курской области, привлечь даже девушек-комсомолок к сотрудничеству было очень непросто. Многие из них проявляли неуверенность в себе, опасались, что не справятся с ответственным поручением. Поэтому под разными предлогами стремились отказаться от выполнения подобных заданий. В таких случаях отказниц не пугало даже привлечение к ответственности, вплоть до исключения из рядов ВЛКСМ.

Иное положение с отношением девушек к партизанской борьбе складывалось на оккупированной территории Курской области, где бесстрашием отличались разведчицы К.В. Молчанова, К.А. Сафронова, О.Д. Бобкова, А.Г. Ермакова и др. В партизанских отрядах женщины играли важную роль в вопросах оказания медико-санитарной помощи личному составу, а также на подсобно-хозяйственных работах в качестве поваров, кухонных рабочих, прачек. Есть и печальный пример того, как жена офицера РККА, сожительствова с командиром михайловских партизан А.Т. Кожиним, стала передавать оккупантам собранную в штабе отряда оперативную информацию через своего отчима – немца по национальности [10, л. 11–11 об.].

Важным кадровым резервом партизанских отрядов на оккупированной территории стали молодые люди, не попавшие по возрасту под призыв в действующую армию. Согласно отчетным документам Курского обкома комсомола, с врагом боролись 824 члена ВЛКСМ [13, л. 23–24]. Подпольные молодежные организации были созданы инициативным порядком в десятках населенных пунктов северо-западных и западных районов области.

Реальные резервы для пополнения действовавших и создания новых партизанских отрядов на северо-западе Центрального Черноземья к концу 1942 г. составляли около 6 тыс. человек. Вовлечение местных жителей в борьбу с оккупантами сдерживалось дефицитом вооружения. По той же причине не вступали в партизаны воины-окруженцы, чье количество из-за летнего 1942 г. наступления противника заметно увеличилось [34, с. 445].

Зимой 1942–1943 гг. на территории оккупированных районов Курской области личный состав партизанских отрядов стал активно пополняться за счет местных ресурсов. Например, численность созданных в январе 1943 г. отряда им. Фрунзе возросла к марту 1943 г. с 88 до 608 чел., отряда им. Кирова – с 33 до 127 чел., отряда им. Ленина – с 60 до 450 чел. [32, л. 14, 15, 17, 19, 21]. Особое влияние на увеличение партизанских сил региона оказало начало крупного наступления Красной армии на советско-германском фронте, повлекшее за собой освобождение областей Центрального Черноземья.

Важным фактором подготовки партизанских кадров стало обучение их основам разведывательно-диверсионной и других специальных видов деятельности. Специальная школа по подготовке диверсионно-террористических групп для деятельности в тылу врага была организована в соответствии с постановлением бюро Курского обкома ВКП(б) в августе 1941 г. [18, л. 63–64]. В течение недели будущие партизаны осваивали основы подрывного дела, совершенствовали навыки владения боевым оружием и рацией [24, л. 1]. Обучение здесь прошли 514 курсантов, из которых сформировали 104 разведывательно-диверсионные группы [27, л. 9 об.].

Особое внимание преподаватели спецшколы уделяли изучению личностных характеристик курсантов. Но и целенаправленное наблюдение за их поведением не гарантировало полной уверенности в отобранном контингенте. После окончания учебы отказались идти в тыл противника комсомольцы А.В. Агеев, Н.Я. Гольцов, Н.Т. Богдашкин, Н.А. Селиверстов и др. [29, л. 147]. Психологическая неготовность к выполнению поставленных задач была связана не только с личными качествами отказников, но и недостаточным вниманием к морально-волевому тренингу в процессе обучения.

В целом сформированные в спецшколе диверсионно-террористические группы успешно выполняли задания, связанные с дезорганизацией вражеского тыла. Одними из первых были поощрены бойцы разведывательно-диверсионных групп М.С. Карабанов, С.А. Карпов, И.И. Бизюк. Всего же к январю 1942 г. за образцовое выполнение зада-

ний командования ценные подарки были вручены 72 выпускникам Курской спецшколы УНКВД [20, л. 83].

12 мая 1942 г. при 4-м отделе УНКВД по Курской области в Старом Осколе была организована школа разведчиков. Постоянный контингент курсантов составлял 50 человек, которые подбирались из числа действующей агентуры, бойцов истребительных батальонов, комсомольцев и беспартийных патриотов [21, л. 82–82 об.]. 17–19 мая 1942 г. на базе спецшколы УНКВД были организованы краткосрочные курсы командного состава партизанских отрядов перед направлением их в тыл противника [22, л. 205].

Воронежская область обладала большими возможностями специальной подготовки партизанских кадров. К декабрю 1941 г. на курсах, организованных 4-м отделом УНКВД, прошли обучение 63 связиста, 54 диверсанта, 143 командира партизанских отрядов и 1 849 партизан, хотя изначально предполагалось, что их количество к 10 декабря составит 3 171 чел. [11, с. 293].

Будущие воронежские партизаны окончили 106-часовые курсы подготовки партизанских кадров при спецшколе обкома ВКП(б), организованной в июле 1942 г. при содействии Военного совета Воронежского фронта в селе Садовое Аннинского района. К 1 ноября 1942 г. спецшкола насчитывала 291 выпускника, в ней продолжали обучаться 138 чел. [1, с. 4]. Партизанские кадры готовились в Сомовской разведшколе и спецшколе Репное, обучавшей будущих радистов.

В Павловском районе Воронежской области была открыта вторая спецшкола, готовившая разведчиков и диверсантов для заброски в южные районы Воронежской области. Перед выпускниками ставились задачи по ведению разведки; выявлению предателей и пособников оккупантов; уничтожению материальных ценностей, транспортных и складских объектов противника. После выполнения заданий они возвращались на базу для получения нового задания [16, л. 3].

По решению Тамбовского обкома ВКП(б) в декабре 1941 г. были организованы Мичуринская, Моршанская и Тамбовская (в г. Котовске) специальные школы [23, л. 187–189]. К 18 декабря 1941 г. только в Тамбовской

спецшколе было подготовлено 26 инструкторов и 210 курсантов [28, л. 63]. Но уже в конце декабря 1941 г. из-за изменения обстановки на фронте занятия в спецшколах прекратились.

Возглавивший сопротивление оккупантам на северо-западе Центрального Черноземья Брянский штаб партизанского движения (далее – БШПД) осенью 1942 г. организовал 10-дневные учебные занятия с личным составом действующих партизанских отрядов. В соединении Д.В. Емлютина (южная зона Брянских лесов), где дислоцировались и партизанские отряды западных районов Курской области, были организованы курсы командиров и специалистов минно-подрывного дела, на которых проходили обучение 60 и 83 человека соответственно [15, л. 99–100].

Спецшкола БШПД подготовила 103 диверсанта и 18 руководителей разведывательно-диверсионных групп, провела недельные курсы командиров и комиссаров отрядов прифронтовых районов с охватом 38 человек. Основным профилем спецшколы к концу 1942 г. была подготовка подрывников и радистов [8, л. 112]. Результатом работы спецшколы БШПД стала активизация разведывательно-диверсионной деятельности подведомственных партизанских формирований.

Результаты. Попытка проведения подготовительных мероприятий по организации партизанской борьбы до начала оккупации территории Центрального Черноземья не привела к ожидаемым результатам. Формальный подход к отбору партизанских кадров оказал негативное влияние на начало организованного сопротивления противнику в первые месяцы оккупации. Кадровый кризис коснулся как номенклатурных партийно-советских работников, так и рядовых коммунистов, отобранных для выполнения специальных заданий в тылу врага, но оказавшихся неспособными к этому по морально-психологическим качествам. Все попытки решить проблему количественными, а не качественными изменениями направляемого через линию фронта контингента не увенчались успехом. Ситуация с пополнением партизанских сил исправилась за счет осознанного притока в их ряды местного населения в связи с изменением положения на фронте и в тылу. Обучение в спецшколах УНКВД способствовало повышению эффективности

разведывательно-диверсионной деятельности партизан, несмотря на выявляемые кадровые просчеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюлин И. Ф. Воронежцы во фронтовой обстановке // По ту сторону фронта: очерки, статьи, воспоминания ветеранов о боевых действиях партизанских отрядов / ред.-сост. В. Я. Евтушенко. Воронеж: Ассоциация «Пресса Черноземья», 2001. 272 с.
2. Веригин С. Г. Разведывательно-диверсионные группы НКВД-НКГБ КФССР на Карельском фронте (1941–1944 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, История. 2016. Вып. 2. С. 74–87.
3. В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии. М.: Воениздат, 1973. 342 с.
4. Директивное письмо Курского обкома ВКП(б) // Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 25. Л. 85–85 об.
5. Доклад 4-го отдела УНКВД // Архив Управления ФСБ РФ по Курской области (далее – АУ ФСБ КО). Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 64. Л. 31–32.
6. Докладная записка о подготовке и развертывании партизанского движения в районах Воронежской области // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 257. Л. 1–16.
7. Докладная записка от 21.08.1941 // АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 25. Л. 26–26 об.
8. Информационная справка БШПД // Государственный архив Брянской области (далее – ГАБО). Ф. П-1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 112–113.
9. Информационная справка Курскому обкому ВКП(б) // ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 26. Л. 14–22 об.
10. Информация Военной прокуратуры Курского гарнизона // ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 44. Д. 121. Л. 11–11 об.
11. Коровин В. В. Поднимались воины народа: сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941–1943 гг. Курск: Славянка, 2007. 512 с.
12. Меркулов А. В. Личность как олицетворение подвига народа в период Великой Отечественной войны (неизвестные подробности деятельности И.Г. Старинова в Орловской школе партизанских кадров в 1941–1944 гг.) // Власть. 2019. Т. 27, № 2. С. 206–210.
13. Отчет Курского обкома ВЛКСМ // ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 205. Л. 23–34.
14. Пилишвили Г. Д. Участие истребительных батальонов Центрального Черноземья в обороне Во-

- ронезжа и Курска от немецко-фашистских захватчиков в 1941–1942 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-4 (60). С. 158–163.
15. Письмо заместителя начальника БШПД Горшкова А.П. в ЦШПД // ГАБО. Ф. П-1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 99–100.
16. План подготовки разведывательно-диверсионных групп и разведчиков-одиночек // Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области (далее – АУ ФСБ ВО). Ф. 9. Оп. 8. Д. 3. Л. 3–4.
17. Постановление бюро Воронежского обкома ВКП(б) от 24.10.1941 // Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 3646. Л. 4.
18. Постановление бюро Курского обкома ВКП(б) от 21.08.1941 // ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2617. Л. 63–64.
19. Предписание оперативным сотрудникам УНКВД // АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 191. Т. 1. Л. 38–40.
20. Приказ по спецшколе УНКВД от 05.01.1942 // АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 29. Л. 83–85.
21. Приказ по УНКВД Курской области от 12.05.1942 г. // АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 45. Л. 82–82 об.
22. Приказ по 4-му отделу УНКВД от 15.05.1942 // АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 54. Л. 205.
23. Протокол заседания бюро Тамбовского обкома ВКП(б) // Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 1045. Оп. 36. Д. 5. Л. 187–189.
24. Расписание обучения диверсантов // АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 40. Л. 1.
25. Романько О. В. Советское партизанское движение и крымско-татарское население в период нацистской оккупации Крыма (1941–1944 гг.): между конфронтацией и сотрудничеством // Советская национальная политика: критика современного концепта неокolonизма в свете модернизационных процессов в СССР в 1920–1940-е годы. М.: ИРИ РАН, 2023. С. 242–260.
26. Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: док. и материалы. Т. 20 (9). М.: Терра, 1999. 672 с.
27. Сведения по Курской области // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 134. Л. 9–11.
28. Сообщение начальника спецшколы Захарова Н.П. в Тамбовский обком ВКП(б) // ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2047. Л. 62–64.
29. Список комсомольцев, отказавшихся выполнять спецзадание в тылу противника // АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 29. Л. 147.
30. Справка военного отдела Тамбовского обкома ВКП(б) // ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2734. Л. 192–198.

31. Справка Воронежского обкома ВКП(б) // ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4560. Л. 1–31.

32. Справка о партизанских отрядах Курской области // ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 4–40.

33. Справочная информация инструктора Курского обкома ВКП(б) Ларина Е.И. // ГАОПИКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 238. Л. 60.

34. Суровая правда войны. Ч. 2. 1942 год на Курской земле / гл. ред. А. Т. Стрелков. Курск: [б. и.], 2004. 494 с.

35. Ткаченко С. Н. Движение сопротивления оккупантам на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны: воен.-ист. очерк. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2023. 144 с.

36. Шабельник Н. В. Подготовка партизанских кадров в Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны // Россия и современный мир. 2020. № 3 (108). С. 204–215.

REFERENCES

1. Biryulin I.F. Voronezhcy vo frontovoy obstanovke [Voronezh Residents in a Front-Line Situation]. Evtushenko V.Ya., ed. *Po tu storonu fronta: ocherki, stat'i, vospominaniya veteranov o boevykh dejstviyakh partizanskih otryadov* [On the Other Side of the Front: Essays, Articles, and Veterans' Memoirs About the Combat Operations of Partisan Detachments]. Voronezh, Assotsiatsiya «Pressa Chernozemya», 2001. 272 p.

2. Verigin S.G. Razvedyvatelno-diversionnye gruppy NKVD-NKGB KFSSR na Karelskom fronte (1941–1944 gg.) [Reconnaissance and Sabotage Groups of the NKVD-NKGB of the KFSSR on the Karelian Front (1941–1944)]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 2. History], 2016, no. 2, pp. 74–87.

3. *V plameni srazhenij. Boevoy put 13-j armii* [In the Flames of Battle. Combat Path of the 13th Army]. Moscow, Voenizdat, 1973. 342 p.

4. Direktivnoe pismo Kurskogo obkoma VKP(b) [Directive Letter of the Kursk Regional Committee of the CPSU(b)]. *Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Kurskoj oblasti (daleye – GAOPIKO)* [State Archive of Socio-Political History of Kursk Region], f. P-2, inv. 1, d. 25, l. 85–85 r.

5. Doklad 4-go otdela UNKVD [Report of the 4th Department of the NKVD]. *Arhiv Upravljeniya FSB RF po Kurskoj oblasti (daleye – AU FSB KO)* [Archive of the FSB Directorate for Kursk Region], f. 4-go otd. UNKVD, d. 64, l. 31–32.

6. Dokladnaya zapiska o podgotovke i razvertyvanii partizanskogo dvizheniya v rajonah Voronezhskoj oblasti [Report on the Preparation and

Deployment of the Partisan Movement in the Districts of the Voronezh Region]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoy istorii (daleye – RGASPI)* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 69, inv. 1, d. 257, l. 1–16.

7. Dokladnaya zapiska ot 21.08.1941 [Report Dated Aug. 21, 1941]. *AU FSB KO* [Archive of the FSB Directorate for Kursk Region], f. 4-go otd. UNKVD, d. 25, l. 26–26 r.

8. Informacionnaya spravka BShPD [Information Sheet of BShPD]. *Gosudarstvennyj arhiv Bryanskij oblasti (daleye – GABO)* [State Archives of the Bryansk Region], f. P-1650, inv. 1, d. 4, l. 112–113.

9. Informacionnaya spravka Kurskomu obkomu VKP(b) [Information Sheet to the Kursk Regional Committee of the CPSU(b)]. *GAOPIKO* [State Archive of Socio-Political History of Kursk Region], f. P-2, inv. 1, d. 26, l. 14–22 r.

10. Informaciya Voennoj prokuratury Kurskogo garnizona [Information from the Kursk Garrison Military Prosecutor's Office]. *GAOPIKO* [State Archive of Socio-Political History of Kursk Region], f. P-1, inv. 44, d. 121, l. 11–11 r.

11. Korovin V.V. *Podnimalis voiny naroda: soprotivlenie v tylu nemecko-fashistskih vojsk na territorii oblastej Centralnogo Chernozemya v 1941–1943 gg.* [Warriors of the People Rose: Resistance in the Rear of the Nazi Troops in the Central Black Earth Region in 1941–1943]. Kursk, Slavyanka Publ., 2007. 512 p.

12. Merkulov A.V. Lichnost kak olicetvorenije podviga naroda v period Velikoj Otechestvennoj vojny (neizvestnye podrobnosti deyatel'nosti I.G. Starinova v Orlovskoj shkole partizanskih kadrov v 1941–1944 gg.) [Personality as the Personification of the Feat of the People During the Great Patriotic War (Unknown Details of I.G. Starinov's Activities at the Orel School of Partisan Cadres in 1941–1944)]. *Vlast* [Power], 2019, vol. 27, no. 2, pp. 206–210.

13. Otchet Kurskogo obkoma VLKSM [Report of the Kursk Regional Komsomol Committee]. *GAOPIKO* [State Archive of Socio-Political History of Kursk Region], f. P-2, inv. 1, d. 205, l. 23–34.

14. Pilishvili G.D. Uchastie istrebitelnyh batalyonov Centralnogo Chernozemya v oborone Voronezha i Kurska ot nemecko-fashistskih zahvatchikov v 1941–1942 gg. [Participation of the Fighter Battalions of the Central Black Earth Region in the Defense of Voronezh and Kursk from the Nazi Invaders in 1941–1942.]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University], 2008, no. 4–4 (60), pp. 158–163.

15. Pismo zamestitelya nachalnika BShPD Gorshkova A.P. v CShPD [Letter from the Deputy Head of the BShPD Gorshkov A.P. to the TsShPD]. *GABO* [State Archives of the Bryansk Region], f. P-1650, inv. 1, d. 4, l. 99–100.

16. Plan podgotovki razvedyvatelno-diversionnyh grupp i razvedchikov-odinochek [Plan for Training Reconnaissance and Sabotage Groups and Lone Scouts]. *Arhiv Upravleniya FSB RF po Voronezhskoj oblasti (daleye – AU FSB VO)* [Archive of the FSB Directorate for the Voronezh Region], f. 9, inv. 8, d. 3, l. 3-4.

17. Postanovlenie byuro Voronezhskogo obkoma VKP(b) ot 24.10.1941 [Resolution of the Bureau of the Voronezh Regional Committee of the CPSU(b) Dated Oct. 24, 1941]. *Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Voronezhskoj oblasti (daleye – GAOPIVO)* [State Archive of Social and Political History of the Voronezh Region], f. 3, inv. 1, d. 3646, l. 4.

18. Postanovlenie byuro Kurskogo obkoma VKP(b) ot 21.08.1941 [Resolution of the Bureau of the Kursk Regional Committee of the CPSU(b) Dated Aug. 21, 1941]. *GAOPIKO* [State Archive of Socio-Political History of Kursk Region], f. P-1, inv. 1, d. 2617, l. 63-64.

19. Predpisanie operativnym sotrudnikam UNKVD [Instructions to Operatives of the NKVD]. *AU FSB KO*, f. 4-go otd. UNKVD, d. 191, vol. 1, l. 38-40.

20. Prikaz po specshkole UNKVD ot 05.01.1942 [Order for the Special School of the NKVD Dated Jan. 5, 1942]. *AU FSB KO*, f. 4-go otd. UNKVD, d. 29, l. 83-85.

21. Prikaz po UNKVD Kurskoj oblasti ot 12.05.1942 g. [Order of the NKVD of the Kursk Region Dated May 12, 1942]. *AU FSB KO*, f. 4-go otd. UNKVD, d. 45, l. 82-82 r.

22. Prikaz po 4-mu otdelu UNKVD ot 15.05.1942 [Order for the 4th Department of the NKVD Dated May 15, 1942]. *AU FSB KO*, f. 4-go otd. UNKVD, d. 54, l. 205.

23. Protokol zasedaniya byuro Tambovskogo obkoma VKP(b) [Minutes of the Meeting of the Bureau of the Tambov Regional Committee of the CPSU(b)]. *Gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoy istorii Tambovskoj oblasti (daleye – GASPITO)* [State Archive of Social and Political History of Tambov Region], f. 1045, inv. 36, d. 5, l. 187-189.

24. Raspisanie obucheniya diversantov [Saboteur Training Schedule]. *AU FSB KO*, f. 4-go otd. UNKVD, d. 40, l. 1.

25. Romanko O.V. Sovetskoe partizanskoe dvizhenie i krymsko-tatarskoe naselenie v period nacistskoj okkupacii Kryma (1941–1944 gg.): mezhdru konfrontaciej i sotrudnicestvom [Soviet Partisan Movement and the Crimean Tatar Population During the Nazi Occupation of Crimea (1941–1944): Between Confrontation and Cooperation]. *Sovetskaya nacionalnaya politika: kritika sovremennogo koncepta neokolonializma v svete modernizacionnyh processov v SSSR v 1920–1940-e gody* [Soviet National Policy: Critique of the Modern Concept of Neocolonialism in the Light of Modernization

Processes in the USSR in the 1920s and 1940s]. Moscow, IRI RAN, 2023, pp. 242-260.

26. *Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya. Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: dok. i materialy. T. 20 (9)* [Russian Archive: Great Patriotic War. Partisan Movement During the Great Patriotic War of 1941–1945: Documents and Materials. Vol. 20 (9)]. Moscow, Terra Publ., 1999. 672 p.

27. Svedeniya po Kurskoj oblasti [Information on Kursk Region]. *RGASPI*, f. 17, inv. 8, d. 134, l. 9-11.

28. Soobshchenie nachalnika specshkoly Zaharova N.P. v Tambovskij obkom VKP(b) [Message from the Head of the Special School Zakharov N.P. to the Tambov Regional Committee of the CPSU(b)]. *GASPITO*, f. 1045, inv. 1, d. 2047, l. 62-64.

29. Spisok komsomolcev, otkazavshihsy vpolnyat speczadanie v tylu protivnika [List of Komsomol Members Who Refused to Carry Out Special Missions Behind Enemy Lines]. *AU FSB KO*, f. 4-go otd. UNKVD, d. 29, l. 147.

30. Spravka voennogo otdela Tambovskogo obkoma VKP(b) [Certificate from the Military Department of the Tambov Regional Committee of the CPSU(b)]. *GASPITO*, f. 1045, inv. 1, d. 2734, l. 192-198.

31. Spravka Voronezhskogo obkoma VKP(b) [Certificate of the Voronezh Regional Committee of the CPSU(b)]. *GAOPIVO* [State Archive of Social and Political History of the Voronezh Region], f. 3, inv. 1, d. 4560, l. 1-31.

32. Spravka o partizanskij otryadah Kurskoj oblasti [Information About Partisan Units of the Kursk Region]. *GAOPIKO* [State Archive of Socio-Political History of Kursk Region], f. 2, inv. 1, d. 22, l. 4-40.

33. Spravochnaya informaciya instruktora Kurskogo obkoma VKP(b) Larina E.I. [Reference Information from the Instructor of the Kursk Regional Committee of the CPSU(b) Larin E.I.]. *GAOPIKO* [State Archive of Socio-Political History of Kursk Region], f. 2, inv. 1, d. 238, l. 60.

34. Strelkov A.T., ed. *Surovaya pravda vojny. Ch. 2. 1942 god na Kurskoj zemle* [Harsh Truth of War. Part 2. 1942 on Kursk Land]. Kursk, s.n., 2004. 494 p.

35. Tkachenko S.N. *Dvizhenie soprotivleniya okkupantam na territorii Kryma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: voen.-ist. ocherk* [Resistance Movement to the Occupiers on the Territory of Crimea During the Great Patriotic War. Military Historical Essay]. Simferopol, IP Brovko A.A., 2023. 144 p.

36. Shabelnik N.V. Podgotovka partizanskij kadrov v Leningradskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Training of Partisan Personnel in the Leningrad Region During the Great Patriotic War]. *Rossiya i sovremennij mir* [Russia and the Modern World], 2020, no. 3 (108), pp. 204-215.

Information About the Author

Vladimir V. Korovin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Constitutional Law, South-West State University, 50 let Oktyabrya St, 94, 305040 Kursk, Russian Federation, vlavikor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8353-526X>

Информация об авторе

Владимир Викторович Коровин, доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, ул. 50 лет Октября, 94, 305040 г. Курск, Российская Федерация, vlavikor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8353-526X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.19>

UDC 355.4

LBC 63.3(2)62

Submitted: 17.09.2024

Accepted: 18.12.2024

BETWEEN BATTLE AND EVERYDAY LIFE: FEMALE PARTICIPANTS OF THE PARTISAN MOVEMENT OF THE SMOLENSK REGION IN EGO DOCUMENTS OF THE 1940s

Ksenia V. Sak

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the extreme conditions of occupation, several thousand women of the Smolensk region took part in the Resistance movement. The experience of their joining partisan detachments, adaptation, and participation in the “nationwide struggle” is an integral part of the problem of the functioning of society in war conditions. *Methods and materials.* The boundaries of women’s possibilities in the partisan movement are considered based on ego-documents: transcripts of 1943 conversations of the Mintz Commission and memoirs of 1947. Prosopographical methods are used. *Analysis and results.* Social practices of women in the partisan movement of the Smolensk region were carried out within the boundaries between traditional household responsibilities and masculine combat activity. The patriarchal structure of closed partisan communities was expressed in the distribution of responsibilities, attitude to weapons, and sexual relations. Most women in the detachments were bearers of traditional values and did not oppose discrimination by the command. The most active female partisans could prove themselves in the “male territory” – in reconnaissance and combat operations. Their weapons skills placed them on a higher level of the internal social hierarchy in the unit. Female partisans highly valued their contribution to the Resistance, regardless of specific practices. Male partisans had ambiguous attitudes towards their “combat girlfriends.” Their texts mention female fighters, scouts, and nurses less often, and, occasionally, those who were engaged in housework. With limited access to weapons and unofficial obstacles to combat service, women received awards less often than men. The closed societies of partisan units retained features of the pre-war social order, significantly transformed by the extreme conditions of the occupation. The range of social practices of female partisans included both patriarchal roles and practices free from gender inequality.

Key words: Great Patriotic War, partisan movement, gender studies, military everyday life, Mintz Commission.

Citation. Sak K. V. Between Battle and Everyday Life: Female Participants of the Partisan Movement of the Smolensk Region in Ego Documents of the 1940s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 229-240. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.19>

УДК 355.4

ББК 63.3(2)62

Дата поступления статьи: 17.09.2024

Дата принятия статьи: 18.12.2024

МЕЖДУ БИТВОЙ И БЫТОМ: УЧАСТНИЦЫ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ 1940-х ГОДОВ

Ксения Васильевна Сак

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В экстремальных условиях оккупации несколько тысяч женщин Смоленщины приняли участие в движении Сопротивления. Специфика их деятельности в партизанских отрядах является составной частью проблемы функционирования социума в условиях войны. *Методы и материалы.* Границы возможностей женщин в партизанском движении рассматриваются на основе эго-документов: стенограмм бесед 1943 г. Комиссии Минца (НА ИРИ РАН) и воспоминаний 1947 г. (ГАНИСО). Используются просопографические методы. *Анализ и результаты.* Социальные практики женщин в партизанском движении Смоленщины осуществлялись в границах между традиционными хозяйственными обязанностями и маскулинной

боевой деятельностью. Патриархальный уклад закрытых партизанских сообществ выражался в распределении обязанностей, отношении к оружию, половых связях. Большинство женщин в отрядах были носительницами традиционных ценностей и не выступали против дискриминации со стороны командования. Наиболее активные партизанки могли проявить себя на «мужской территории» – в разведке и на боевых операциях. Навыки владения оружием ставили их на более высокую ступень внутренней социальной иерархии в отряде. Партизанки высоко оценивали свой вклад в Сопротивление, независимо от конкретных практик. Партизан-мужчины относились к «боевым подругам» неоднозначно. В их текстах упоминаются женщины-бойцы, разведчицы, реже – медсестры, единично – те, кто был занят хозяйством. При ограниченном доступе к оружию и негласных препятствиях к боевой службе женщины реже получали награды, чем мужчины. Закрытые общества партизанских отрядов сохраняли черты довоенного социального порядка, существенно трансформированные экстремальными условиями оккупации. Спектр социальных практик партизанок включал в себя как патриархальные роли, так и практики, свободные от гендерного неравенства.

Ключевые слова: Великая Отечественная войны, партизанское движение, гендерные исследования, военная повседневность, Комиссия Минца.

Цитирование. Сак К. В. Между битвой и бытом: участницы партизанского движения Смоленской области в эго-документах 1940-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 229–240. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.19>

Введение. Стремительная оккупация советских территорий в начальный период Великой Отечественной войны привела к резкому разрушению социальных институтов и трансформации повседневности. С точки зрения Советского государства, для мирных граждан на захваченных территориях единственной приемлемой стратегией выживания была борьба с противником в рамках движения Сопротивления. Она должна была стать все-народной, что предполагало равноправное участие в ней мужчин и женщин. Символическим подтверждением этому служили истории героической гибели партизанок Зои Космодемьянской и Лизы Чайкиной, первых женщин, получивших посмертно звание Героя Советского Союза.

Однако повседневная жизнь «народных мстителей» отличалась от стереотипных образов официальной пропаганды. Боевые операции и диверсии в действительности занимали меньшую часть партизанских будней. В отношении партизанок это утверждение тем более справедливо, поскольку они реже и далеко не все принимали участие в вооруженной борьбе с противником. Чаще женщины в партизанских отрядах занимались сбором разведывательных сведений об оккупантах и коллаборационистах и решали хозяйственно-бытовые проблемы. Цель статьи состоит в том, чтобы определить рамки возможностей женщин в партизанском движении через призму их личного опыта и восприятия.

Методы и материалы. В советской историографии практики женского сопротивления рассматривались в контексте героизма и патриотизма, преданности коммунистической идее [15; 17; 18]. В этой связи в центре внимания находились женщины, состоявшие в комсомоле или партии, которые вели вооруженную борьбу с противником и получили за это высокие правительственные награды. Мотивы партизанок объяснялись представлениями о долге и советским патриотизмом. Отношения между мужчинами и женщинами в отрядах исследователи характеризовали исключительно как товарищеские. Героизация партизанского движения, ставшая важной частью советской политики памяти о Великой Отечественной войне, привела к тому, что целый ряд тем не нашел должного освещения. В контексте женской истории это касалось, прежде всего, проблем гендерной дискриминации. В современной отечественной историографии основное внимание уделяется организации движения и эффективности его деятельности, упоминается и о том, что женщины также участвовали в Сопротивлении [14; 21; 22]. Однако гендерные аспекты советского партизанского движения, несмотря на наличие ряда работ [1; 11; 12; 16; 19; 20], остаются недостаточно изученными.

В зарубежной историографии периода холодной войны партизанское движение получило штамп неэффективного, преобладало изучение его непарадной истории, в основном

на немецких документах. В ставшей классической коллективной монографии американских историков под редакцией Дж. Армстронга, вышедшей в 1964 г., говорится, что женщина в партизанском отряде – «одна из привилегий, наряду с пистолетом Наган» [40, р. 43]. На сегодняшний день исследовательский ландшафт западной историографии усложнился. Ставятся вопросы о том, было ли участие женщин в Сопротивлении результатом довоенной социальной политики Советского государства или оно являлось ответом на экстремальные условия войны. Также исследователей интересует, в какой степени этот феномен отражал процессы эмансипации, как выстраивалась и функционировала иерархия женщин в отрядах, какую роль сыграл женский опыт партизанской борьбы в представлении советского общества о женщинах [35; 37–39; 41].

По утверждению Дж. Фюрст, повседневность женщин в партизанских отрядах отражала «реальность обычной жизни в экстраординарных условиях» [39, р. 39–40]. Данный тезис в статье апробирован на основе эго-документов партизан Смоленской области – места активного партизанского движения на оккупированной территории РСФСР: записей бесед 1943 г., сделанных членами Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в 1943 г. (хранятся в Научном архиве Института российской истории РАН), и воспоминаний, собранных, вероятно, по распоряжению обкома комсомола Смоленской области в 1947 г. (хранятся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области). Интервью и воспоминания записывали не рядовые партизанки, а те, кто внес особый вклад в борьбу с оккупантами и получил за это государственные награды, поэтому эти данные не могут быть экстраполированы на всех участниц партизанской борьбы на Смоленщине. Однако они дают возможность рассмотреть женскую повседневность в партизанском движении с позиции его участниц и через их субъективность приблизиться к пониманию положения женщин на войне. Многие из этих источников впервые вводятся в научный оборот [34]. Воссоздать коллективный портрет партизанок, дифференцировать виды их деятельности, границы возможнос-

тей и восприятие социального порядка в отрядах позволяют методы просопографии.

Анализ. В движении Сопротивления на оккупированной территории СССР участвовало около 93 тыс. женщин, что составляло от 6 до 16 %, в зависимости от региона [20, с. 68]. Оккупация первых районов Смоленской области началась в июле 1941 г. и продолжалась до начала октября 1943 года. Численность мирного населения составила 1 850 тыс. чел.: женщины – 41 %, мужчины – 22 %, дети до 14 лет – 37 %. Около 9 % присоединилось к движению Сопротивления [13, с. 862]. На территории Смоленской области действовало 120 партизанских отрядов, включавших в себя до 60 тыс. чел. [14, с. 53], однако неизвестно, сколько среди них было женщин. По данным отрядов «Родина» и «За Родину» – около 10 % [6, л. 11–11 об.; 36, л. 1].

Способы ухода женщин в партизанские отряды различались по обстоятельствам принятия решения и мотивам, однако решающую роль играли социальные связи. Первыми к Сопротивлению присоединились девушки и женщины, состоявшие в комсомоле и в партии, для которых существовала тесная взаимосвязь между их решением и довоенной деятельностью в советских общественных организациях. Они слышали о Директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) об организации сопротивления в прифронтовых областях, обнародованной 29 июня 1941 года. Некоторые из них знали места заранее заготовленных партизанских баз и с началом оккупации ушли в лес [3, л. 4 об.]. Однако большинство советских активисток оказались дезориентированы: выполняя задания по эвакуации или рытью окопов, они потеряли связь с руководством. Часть ответственных за партизанскую борьбу работников спешно эвакуировалась в советский тыл. Из тех, кто остался, по словам партизанок, нельзя было понять, кто выберет путь сопротивления, а кто – конформизма [4, л. 65 об.].

Некоторые женщины этой категории пытались перейти линию фронта и найти представителей своих райкомов или обкомов. Именно такой путь проделала будущая партизанка и инструктор по тылу обкома ВЛКСМ Ксения Щербакова-Калинкина. Когда началась война, она, будучи секретарем Духовщинского райкома ВЛКСМ, руководила работами

по созданию оборонительных сооружений. Во время бомбежки девушка позвонила в райком комсомола и узнала, что все руководство уже выехало: «Я не верила, что нас бросили на произвол судьбы, не верилось, что люди могли уехать, не предупредив нас» [4, л. 4 об.]. После этого она приняла решение вместе с подругой выйти в тыл Красной армии. Через неделю они нашли обком комсомола, однако никаких внятных указаний о дальнейших действиях не получили. Они попытались пройти к Москве, но не смогли: «Больше всего меня смущало то, что я не знала задач и содержания работы в тылу врага. До оккупации об этом никто не говорил, никто ничего мне не сказал и тогда, когда я была в Вязьме» [4, л. 9]. Оказавшись в своей родной деревне, Щербакова-Калинкина занималась помощью бежавшим военнопленным, пока к ней не пришли окруженцы, организовавшие партизанский отряд, и не стали посылать ее на задания [4, л. 14 об.].

Другим способом попадания в партизанские отряды были личные связи женщин с родственниками или мужчинами, близкими к их семьям, которые знали партизан. При этом в интервью встречаются примеры как добровольного, так и вынужденного вступления в отряды [7, л. 2]. Никаких предпочтений при этом партизанки не получали. Показательна история беспартийной Анастасии Фомченковой. Она не эвакуировалась в тыл из-за того, что надеялась найти пропавшего 13-летнего сына. В отряд «За Родину» ее позвал брат, который чуть позже стал секретарем Ярцевского райкома ВКП(б) и комиссаром отряда. Фомченков предупредил сестру, что если она откажется, «то он на месте ее пристрелит», видимо, опасаясь, что она может стать источником информации для оккупантов [2, л. 1].

По мере затягивания войны и ужесточения оккупационного режима приток женщин в партизанские отряды продолжался. В подавляющем большинстве это были сельские жительницы, для которых определяющим фактором ухода в лес стало желание выжить. Наибольшей опасности в таких условиях подвергались члены семей «народных мстителей» или так называемые помощники партизан — те, кто жил в деревнях и передавал сведения о противнике, снабжал продуктами, чи-

стой одеждой, но в партизанских отрядах формально не состоял. В партизанских отрядах также могли спастись еврейки от преследований оккупантов по национальному признаку [30, л. 5 об.; 35].

Во время отправки молодежи на принудительные работы в Германию или в период карательных операций против партизан население близлежащих деревень скрывалось в лесу и, находясь там, нередко попадало под покровительство партизанских отрядов. В Холм-Жирковском районе партизаны организовали, охраняли и обеспечивали питанием несколько лагерей для гражданского населения, причем некоторые из них были исключительно женские. В ответ женщины помогали партизанам в работе [24, л. 9 об.]. Также, спасаясь от преследований оккупантов и «угона в рабство», в партизанские отряды переходили из городов подпольщицы и связные [5, л. 98 об.].

Среди причин ухода в партизанские отряды могли быть и личные симпатии девушек к бойцам. Например, начальник штаба бригады отряда «Бати» П.И. Соколов рассказывал о девушке Марии Марковой, которая стала участвовать в жизни отряда, так как имела на него «некоторые виды»: «Я ей сказал, что если ты хочешь быть действительно другом партизана, то ты должна нам помогать, ходить в разведку и т. д., и она ходила» [25, л. 22]. Личные симпатии, однако, не отменяли героизма девушек, которые, рискуя жизнью, добывали нужные партизанам сведения. В дальнейшем в отрядах возник такой феномен, как партизанские семьи, когда жены и взрослые дочери уходили в лес к мужьям и отцам и занимались их обслуживанием или работали «в дружине» [28, л. 16]. Такие участницы партизанского движения, как правило, были носительницами традиционных взглядов на женскую роль в обществе, что подкрепляло патриархальность партизанской жизни.

По мере продвижения Красной армии и отступления вермахта в партизанские отряды стали приходить женщины, ранее работавшие на оккупантов. По своим мотивам они не представляли собой единую группу. Среди них могли быть как те, кто еще во время работы на немцев собирал ценные сведения для партизан, так и те, кто приспособившись к

изменившейся ситуации. Некоторые сотрудники оккупационных учреждений переходили на сторону партизан под угрозами самих «народных мстителей». Именно о таком случае с медсестрой немецкого госпиталя Костюковой рассказал уже упоминавшийся Соколов: «Я говорю, мы тебя прихлопнем, – тогда, говорит, возьмите меня в партизанский отряд» [25, л. 31]. В то же время известны случаи, когда местные жительницы приходили в партизанские отряды с целью шпионажа в пользу оккупантов [25, л. 114].

Как показывают рассказы партизанок, существенным фактором, тормозившим их уход в отряд, была угроза жизни членов их семей, в особенности детей. Материнство и ответственность за родителей нередко перевешивали желание реализовать себя на «мужской территории» партизанской борьбы [24, л. 4]. Особенно это касалось матерей новорожденных. Лишь изредка партизанки, принимавшие полноценное участие в жизни отряда, находились в лесу со своими детьми – в интервью встречается только один случай проживания вместе с матерью 10-летней девочки, которая служила ей прикрытием во время разведки [33, л. 25]. В период карательных операций против партизан и окружения, когда вопрос о выживании стоял наиболее остро, ребенок мог стать причиной, по которой женщин не принимали в отряды [23, л. 13]. Поэтому помощницы, как правило, из партизанских деревень уходили в лес, оставляя своих малолетних детей родственникам.

Однако самым распространенным мотивом отказа в приеме женщин в отряд были сложные бытовые условия. С точки зрения некоторых командиров, женский организм и психика не могли приспособиться к условиям жизни в лесу. Многие партизанки рассказывали о периодах, когда в отряде полностью отсутствовала еда, и особенно отмечали крайне тяжелые условия выживания – многодневные переходы – во время карательных операций и окружений. Играло свою роль и психологическое напряжение от жизни среди малоизвестных людей, ожидание нападения со стороны карателей, гибель подруг и друзей. В особо экстремальных ситуациях «малоустойчивых» девушек, по словам одного комиссара, приходилось отпускать

домой [31, л. 18 об. – 19], что создавало дополнительную угрозу для отряда в случае их задержания и допросов.

Неохотно в партизанские отряды принимали пожилых женщин. По этой причине многие из них оказывали помощь партизанам у себя в деревнях, время от времени по мере необходимости приходя на места партизанских стоянок [29, л. 4 об.].

Все партизанские отряды представляли собой закрытые сообщества, несмотря на то что они различались по способу организации и контроля со стороны советских институций. Вследствие численного преобладания в них мужчин происходило закрепление традиционной модели поведения и патриархального порядка как стабилизирующего механизма. Системообразующим элементом выступал командир, который при условии выполнения боевых задач был относительно свободен от приказаний «сверху» в установлении внутреннего порядка в своем отряде [39]. Практики женского сопротивления во многом зависели от его личностных установок, что нередко приводило к гендерному неравенству. Представительницы эмансипированного поколения 1920–1930-х гг. вдохновлялись феминистскими образами советской пропаганды и представляли свое участие в боевых действиях, но в большинстве случаев их отправляли работать на кухню, стирать, шить, ухаживать за ранеными. Со временем можно было подняться на более высокую ступень иерархии и ходить в разведку, и только избранные становились бойцами.

Анастасия Фомченкова, сестра комиссара отряда «Родина», изначально проживала в деревне и занималась передачей сведений об оккупантах, но с уходом в лес ее перевели на кухню. Условия работы были крайне тяжелыми, так как готовить нужно было практически на 150 человек, и вскоре она стала проситься в разведку: «На все мои просьбы брат отвечал: “Бог труды любит”. Я хотела перейти даже в другой отряд, чтобы как-нибудь уйти от котла» [2, л. 7–7 об.]. Однако были случаи, когда при определенной настойчивости партизанка могла добиться желаемого. Так, Надежда Ковалева из отряда «За Родину» до войны была председателем сельсовета и претендовала на равное с мужчинами участие в парти-

занской борьбе. Она выразила командиру протест, сказав, что ей не место на кухне и что она хочет участвовать в боевых операциях, и после этого ее включили в состав группы по уничтожению немецкой связи [10, л. 7]. Впоследствии она героически погибла. Ковалева не была исключением, и некоторые женщины, пройдя проверку хозяйством, переходили в разряд бойцов. По выражению начальника штаба партизанского отряда «Бати» Л.В. Громова, такие женщины «несли все тяготы службы простого бойца-партизана» [25, л. 6].

Существенное влияние на характер участия женщин в партизанских отрядах оказывало время года и интенсивность боевых операций. Зимой партизаны были менее активны в борьбе с противником, поэтому женщин, которые ранее ходили в разведку или воевали, отправляли на хозяйственные работы. Упоминаний о том, что делали в это время мужчины, в интервью практически не встречается. Мужчины, выполнявшие «женские» обязанности, были исключением [5, л. 105 об.]. В период же карательных операций против партизан или диверсий, женщин «снимали» с хозяйства и чаще отправляли в разведку или поручали им уход за ранеными. Так партизанки получали в отрядах навыки медсестер и санитарок, спасая жизни своих боевых товарищей в условиях острого дефицита перевязочных материалов, медикаментов и обезболивающих средств [26, л. 12].

Отдельным направлением деятельности женщин в Сопротивлении была агентурная работа в оккупационных структурах [10, л. 8 об.]. Чаще всего в этом контексте в интервью упоминаются санитарки и медсестры из немецких госпиталей. Они по заданию партизан могли давать находившимся на лечении военнослужащим вермахта не те лекарства, а главное – выносить из больниц и направлять через связных в отряды средства лечения [10, л. 8]. Также некоторые переводчицы передавали сведения партизанам о дислокации войск или планах карательных операций [28, л. 14]. Их статус при этом относился скорее к помощницам, чем к партизанкам [2, л. 72]. В единичных случаях партизанки получали задание вступить с представителями оккупационной администрации в любовную связь [3, л. 1 об.].

Наибольшей свободой действий в партизанских отрядах пользовались вышедшие из окружения женщины-военнослужащие Красной армии, преимущественно медсестры [26, л. 11], гражданки, которые прошли специальную военную подготовку в советском тылу и направлялись в отряды из Москвы на выполнение спецзаданий [24, л. 21], и комсомольские активистки, которые оказывались в оккупированных районах по заданию ЦК ВЛКСМ и имели соответствующие документы [2, л. 12]. Они выполняли в отрядах те функции, к которым были изначально подготовлены, и в меньшей степени зависели от командиров, чем остальные партизанки.

Ни одна партизанка за время войны на Смоленщине не стала командиром партизанского отряда, однако некоторые руководящие должности были им все-таки доступны, особенно тем, кто имел отношение к партии или комсомолу. Они могли возглавлять женские группы разведчиц и связных [9, л. 15]. Наиболее выдающиеся партизанки из партийных входили в штаб командования [33]. Женщины нередко становились секретарями комсомольской организации отрядов, что давало им определенные полномочия. Они занимались приемом в комсомол, проводили агитационные и воспитательные беседы, выступали на партийных собраниях и даже могли публично критиковать командиров. Так, лектор обкома ВКП(б) партизанка полка «13» Мария Боровикова отчитывала на партсобрании комиссаров батальонов после неудачного боя с немцами. Она их осудила за отсутствие политической работы, «бытовое разложение», «пьянки» и «женитьбы», так как это приводило к нарушению дисциплины. В конце выступления она потребовала привлечь виновных к ответственности [9, л. 11 об. – 12]. Примечательно, что в полку даже проходили суды над партизанами, на которых судьей выступала женщина – «некто Дуся, бывшая судья Гжатского района» [9, л. 11].

«Боевым крещением» для женщин, как и для мужчин, считалось убийство врага. В то же время в отрядах могло действовать негласное ограничение на доступ женщин к оружию. Это соответствовало характерному для традиционного общества представлению об оружии как маркере мужественности. Возможность и

умение им пользоваться ставили партизанок на более высокое место в иерархии отряда, приближая к статусу мужчин. В этом контексте в выгодной ситуации оказывались партизанки-бойцы. В самом невыгодном положении были партизанки, задействованные на хозяйственных работах, так как многие из них оружия не имели либо не умели им пользоваться. Разведчицы могли применять оружие, но целенаправленно посылались на задания без него, чтобы не вызывать подозрений. Так, партизанка отряда «Родина» Л.А. Ермолинская рассказывала о попытке выйти из окружения: «Мужчины шли вооруженные, а мы нет, и поэтому они нас направляли вперед, и это нам казалось очень обидным. Ведь идешь вперед очень напряженно, каждый шелест травы, колыхание кустика волнует и пугает, как присутствие врага, настораживает, готовишься к тому, что сейчас тебе навстречу выйдет немец» [8, л. 30]. Причем девушек особенно часто посылали в разведку именно тогда, когда по деревням «свиристствовали немцы» [27, л. 1 об.], хотя разведчицы далеко не всегда имели должную подготовку и поэтому выдавали себя [25, л. 21].

Патриархальный уклад жизни партизан должен был подразумевать мужскую опеку над женщинами, однако это было не всегда так. Во время нападения оккупантов на лагерь женщины порой оказывались без мужской помощи. В интервью упоминаются случаи, когда в попытке выйти из окружения бойцы уходили, оставляя партизанок одних, или партизанки отставали от своего отряда и самостоятельно выбирались из леса, то теряя, то встречая товарищей [32, л. 2]. Другую опасность для партизанок, особенно для ходивших по деревням разведчиц, представляли «народные мстители», перешедшие на сторону врага. Они могли работать в полиции, выдавать партизанок и свидетельствовать против них при их задержании. Сдерживающим фактором для таких предателей выступала угроза расправы. Разведчица отряда «Родина» Лидия Ермолинская рассказывала, что партизан ее оставил прямо во время выполнения задания: «Мать Жени мне прямо сказала, что он в отряд не пойдет, так как жить при немцах хорошо. Видя, что дело плохо, я прямо сказала Жене, что если он меня выдаст, то все равно ни ему, ни матери

жизни не будет, партизаны за меня отплатят» [8, л. 24].

Экстремальные условия выживания в тылу противника приводили к тому, что убийства предателей становились для участниц сопротивления социальной нормой. Нелояльные к советской власти женщины чаще всего доносили на «народных мстителей», причем в воспоминаниях приводится случай, когда группу партизанок выдала сестра одной из них [2, л. 65 об.]. Некоторые партизанки лично присутствовали при расстреле шпионов или жен коллаборационистов, давали свое устное согласие на их уничтожение [26, л. 4]. Партизанка полка им. XXIV годовщины РККА Анна Значкова рассказывала о колхознице, подосланной предателем-старостой: «Ей обещали, что в случае, если она принесет хорошие сведения, то они выдадут ее дочь за немца, дадут корову, поросенка и лошадь. <...> Конечно, мечты старухи не сбылись, пришлось ее расстрелять» [33, л. 25]. В период отступления вермахта женщины, державшие с партизанами связь из районных центров, передавали им данные о коллаборационистах. Так, в Усвятах партизаны по сведениям связных за одну ночь выловили около 30 предателей, о дальнейшей судьбе которых в интервью ничего не было сказано [29, л. 4].

В то же время, несмотря на атмосферу жестокости в условиях войны на уничтожение, женщины в партизанских отрядах олицетворяли собой и мирную жизнь. Это выражалось в досуговых практиках, когда партизанки устраивали праздники, давали театральные представления, пели песни и танцевали. Главным мотивом в коллективных песнях было прославление боевых и разведывательных действий, совершенных как мужчинами, так и женщинами. Так, в отряде «За Родину» партизаны сочинили песню на мотив «Катюши» про Катю-разведчицу, которая получила орден: «Враг звереет, силы собирает, / Хочет заживо Катюшу съесть... / Глупый фриц – совсем не понимает, / Что таких Катюш уж тысячи есть!» [4, л. 37]. Совместный отдых укреплял связь внутри партизанской общности, несмотря на внутренние противоречия, давал возможность почувствовать себя одной семьей [39, р. 51].

Партизанки высоко оценивали свой вклад в борьбу с противником, считали его важным и

значимым. Женщины, дававшие интервью и оставившие воспоминания, выделяли девушек-бойцов и разведчиц, особенно трагически погибших, но при этом не преуменьшали роли тех, кто обеспечивал каждодневную бытовую жизнь отряда, включая помощниц. Боровикова, после войны ставшая заведующей Институтом марксизма-ленинизма при Смоленском горкоме ВКП(б), в 1947 г. размышляла: «В большинстве деревень оставались только женщины. Невольно встает такой вопрос: что было бы лучше – женщина с винтовкой в руках, ведущая вооруженную борьбу с немцами, или женщина, оказывающая помощь партизанскому отряду хлебом и другими продуктами? Трудно даже сравнивать, так как хлеб для нас являлся основой, наиболее значительной помощью в борьбе с врагом, которую проводил полк» [9, л. 33 об. – 34].

Однако партизаны, как правило, оставались подвержены гендерным стереотипам. Они отдавали должное тем, кто воевал и ходил в разведку, хотя во время интервью не всегда могли вспомнить их имена. Снисходительное отношение к женским практикам проявлялось в вопросах о награждении: командование представляло к наградам тех партизанок, которые участвовали в боях или отличились в разведке, и лишь в редких случаях тех, которые обслуживали отряд, поддерживая тем самым его боеспособность. Характерно в этом отношении высказывание секретаря И.Н. Петракова: «Все жизненные неудобства, – все же они девушки, женщины жили в кругу мужчин, – они переносили и боевые задания выполняли, в разведку ходили, делали длинные походы за продуктами, по 70–80 км в сутки делали. Если мужчины пошли в поход, они работают на кухне, несут караульную службу. У нас их было всего 6 человек. Когда придем из похода, они ухаживают за нами. Или постирать белье, носовой платок сделать, из парашюта белье сшить, – все это лежало на обязанности женщин. *Из шести девушек, которые у нас были до последнего момента, три представлены к правительственной награде.* И они вполне заслужили эту правительственную награду» (курсив наш. – К. С.) [31, л. 19 об.].

Женщин считали основными виновницами появления в отрядах романтических отношений и могли исключить за непристойное

поведение [25, л. 99]. Для сравнения, партизан-мужчин наказывали в случае грубого нарушения дисциплины, мародерства или изнасилования (в отличие от женщин, которых отправляли домой, мужчин чаще расстреливали) [5, л. 105]. Командир одного из взводов отряда «Батя», в прошлом – лейтенант РККА М.Н. Николаев рассказывал, что он вместе с политруком проводил с бойцами воспитательные беседы о том, что «с девушкой нужно себя вести тактично и относиться к ней как к боевому товарищу, а не как к какой-то ухажерке» [25, л. 99]. Партизанки, дававшие интервью, осуждали симпатии бойцов к девушкам и даже расценивали это как проявление неуважения [8, л. 37]. По словам секретаря комсомола Татьяны Ивановой, «нужно было завоевать себе авторитет, чтобы ребята тебя считали настоящим партизаном» [25, л. 88]. Примечательно, что причину такого отношения она видела не столько в поведении самих девушек, сколько в позиции командира отряда [25, л. 87]. Именно командиры, как правило, вступали в половые отношения с партизанками.

Идентичность женщин в партизанских отрядах зависела от многих факторов: возраста, уровня образования и эмансипации, матримонильных планов и в целом от представлений женщин о своем предназначении. Поскольку в партизанских отрядах были собраны разные женщины – от членов партии до безграмотных колхозниц, то и их восприятие различалось. Большинство женщин, пришедших в отряды из деревень (их количество едва ли когда-нибудь можно будет установить, в особенности не комсомолок и не членов партии), были носительницами традиционных представлений о разделении ролей между мужчинами и женщинами. Доминирование командира соответствовало их представлениям о месте женщины в социуме и не вызывало протеста. Вместе с тем партизанский уклад был для них не нормой, а условием выживания. В экстремальных обстоятельствах оккупации и сопротивления они не были уверены, что вернутся к мирной жизни, смогут реализовать свое материнское предназначение [9, л. 31 об.].

После освобождения Смоленской области наиболее активные партизанки по иници-

ативе ЦК ВЛКСМ были вызваны в Москву, где выступали на митингах и давали интервью. Они должны были продемонстрировать всему миру, что женщина в Советском Союзе имеет равные возможности с мужчинами в борьбе с фашистами. Предварительно девушек привели в порядок – «одежи, вымыли, дали ботинки и еще кое-что» – и проинструктировали, о чем можно говорить, а о чем нельзя [2, л. 77–78]. Уже тогда партизанки старались публично не рассказывать о непарадной стороне «всенародной борьбы» и акцентировали внимание на ее героических страницах [2, л. 37]. После возвращения на малую родину, по словам подпольщицы Е. Агельяровой, тесно связанной с партизанским полком «13», участницы Сопrotивления не получили общественного внимания и признания: «Никто не сказал ни в Обкоме, ни в Горкоме комсомола, ни в Обкоме партии, никто не спросил, как мы работали в подполье, как будто бы мы не существовали» [5, л. 138].

Результаты. По мнению некоторых исследователей, в основе женской повседневности в Сопrotивлении лежали довоенные порядки – гендерный сценарий совмещения обязанностей работницы и жены / матери, который лишь отчасти, преимущественно в среде комсомолок, носил на себе следы эмансипации 1920–1930-х гг. [38, р. 409; 39, р. 74–75]. В этом смысле социальные практики партизанок в целом не вышли за довоенные рамки. Однако индивидуальный опыт участниц партизанского движения Смоленщины показывает, что ответ на вопрос, было ли для них выживание в оккупации «реальностью обычной жизни в экстраординарных условиях», неоднозначный. Ни одна из партизанок, дававших интервью во время войны или оставивших свои воспоминания сразу после нее, не описывала свой опыт в партизанском движении с позиции уклада, характерного для довоенного времени. Ситуация неопределенности, частая смена деятельности от традиционной бытовой до маскулинной боевой, угроза мучительной насильственной смерти, неопределенность будущего, – все это принципиально отличало повседневную жизнь женщин в движении Сопrotивления. Женщины действовали в ограниченных стереотипами рамках, усиленными военной спецификой, однако получили возмож-

ность реализовать свои устремления и умения на традиционно «мужской территории». Повседневность партизанок включала в себя как патриархальные роли, так и практики, свободные от гендерного неравенства. Впоследствии опыт участия в партизанском движении для некоторых образованных и наиболее активных женщин послужил социальным лифтом. Остальные женщины придерживались традиционных ролей, однако их содержание было существенно трансформировано экстремальными условиями оккупации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болокина Л. А. Женщины оккупированных районов Калининской области в годы Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 28–36.
2. Воспоминания Фомченковой А.И. (1941–1943 гг.) // Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 363. 81 л.
3. Воспоминания Ивановой В.А. // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 282. 40 л.
4. Воспоминания Щербаковой-Калинкиной К.С. // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 359. 84 л.
5. Воспоминания секретаря горкома ВЛКСМ Агельяровой // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. 307. 138 л.
6. Воспоминания о Ярцевских партизанах // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 361. 246 л.
7. Воспоминания Лазаренковой А.П. // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 429. 10 л.
8. Воспоминания Ермолинской Л.А. // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 276. 50 л.
9. Воспоминания Боровиковой М.И., Семенов Е.С. // ГАНИСО. Ф. Р-1737. Оп. 1. Д. 51. 57 л.
10. Докладная записка Гостюхиной П.А. // Научный архив Института российской истории Российской академии наук (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 24 в. 13 л.
11. Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов: (К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне). В 3 т. Т. 2. М.; Старый Оскол: ИЭА РАН: СТИ НИТУ «МИСиС», 2015. 247 с.
12. Каменева Г. Н. Нравственные уроки Великой Отечественной: женщины Северного Кавказа в партизанском движении региона // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 2. С. 1–9.
13. Комаров Д. Е. К вопросу о масштабах коллаборационизма в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. На материалах Смоленской области // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 856–866.

14. Комаров Д. Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск: Свиток, 2015. 368 с.

15. Корнеев А. М. Молодые партизаны Смоленщины. Смоленск: Кн. изд-во, 1958. 102 с.

16. Коровин В. В., Манжосов А. Н., Немцев А. Д., Пожидаева Н. Н. Твой путь я разделю, как верная подруга... (Женщины Курской области в Вооруженных Силах Советского Союза и добровольческих военизированных формированиях в 1941–1945 гг.). Курск: Кур. гор. тип., 2006. 132 с.

17. Логунова Т. А. Советская историография народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск, 1941–1945. М.: Изд-во МГУ, 1985. 128 с.

18. Муромцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 272 с.

19. Николаева И. В. Женский состав партизанских формирований Беларуси в 1941–1944 гг.: социально-демографическая характеристика // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2010. Т. 9. С. 106–112.

20. Петрова Н. К. Женские судьбы войны. М.: Вече, 2019. 432 с.

21. Поляков В. Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». М.: Яуза Эксмо, 2009. 444 с.

22. Попов А. Ю. Соппротивление на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). М.: Алгоритм, 2016. 304 с.

23. Стенограмма бесед с партизанами Усвятского района // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 20 а. 75 л.

24. Стенограмма бесед с партизанами Холм-Жирковского района // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 23 а. 25 л.

25. Стенограмма бесед с членами партизанского отряда «Бати» // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 25 а. 126 л.

26. Стенограмма беседы, проведенной с Фомченковым И.И. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 24 а. 20 л.

27. Стенограмма беседы с Москалевым С.П. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 24 г. 8 л.

28. Стенограмма беседы с Шматовым П.К. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 11а. 23 л.

29. Стенограмма беседы с М.А. Ермолаевым // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 22 а. 5 л.

30. Стенограмма беседы с Мокуровым В.Ф. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 24 д. 9 л.

31. Стенограмма беседы с Петраковым И.Н. // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 1а. 54 л.

32. Стенограмма беседы с Р.М. Альтшулер // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 24 к. 3 л.

33. Стенограммы воспоминаний Значковой А.Т. // ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 215. 58 л.

34. Тарасенкова Т. И. Деятельность партизанского соединения «Дедушка» на оккупированной

территории Смоленской области // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Свиток, 2023. С. 126–132.

35. Тэк Н. У партизан: судьбы женщин // Женщины на краю Европы. Минск: Европ. гуманит. ун-т: Центр гендер. исслед., 2003. С. 168–187.

36. Характеристика на Сычевский партизанский отряд «Родина» // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. II. Оп. 2. Д. 21 б. 2 л.

37. Cerovic M. War Wives: Women, Marriage, and the Soviet Partisan Movement (1941–44) // The Russian Review. 2024. P. 1–13. DOI: 10.1111/russ.12660

38. David-Fox M. Kul'turnost' Meets Kultur: Lyusya's Testimony on Russian-German Sexual Relations in Occupied Smolensk // The Russian Review, 2023. Vol. 82, № 3. P. 401–418. DOI: 10.1111/russ.12489

39. Furst J. Heroes, Lovers, Victims: Partisan Girls During the Great Fatheland War // Minerva: Quarterly Report on Women and the Military. 2000. Vol. 18, № 3-4. P. 38–75.

40. Soviet Partisans in World War II / ed. by J. A. Armstrong. Madison: University of Wisconsin Press, 1964. 792 p.

41. Slepian K. Stalin's Guerrillas: Soviet Partisans in World War II. Lawrence: University Press of Kansas, 2006. 409 p.

REFERENCES

1. Bolokina L.A. Zhenshchiny okkupirovannykh raionov Kalininskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Women of the Occupied Areas of the Kalinin Region During the Great Patriotic War]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2015, no. 2 (75), pp. 28–36.

2. Vospominaniya Fomchenkovoy A.I. (1941–1943 gg.) [Memories of Fomchenkova A.I. (1941–1943)]. *Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Smolenskoi oblasti (daleye – GANISO)* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 363. 81 l.

3. Vospominaniia Ivanovoi V.A. [Memories of Ivanova V.A.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 282. 40 l.

4. Vospominaniia Shcherbakovoi-Kalinkinoi K.S. [Memories of Shcherbakova-Kalinkina K.S.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 359. 84 l.

5. Vospominaniia komsomolskii rabotnikov [Memories of Komsomol workers]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 307. 138 l.

6. Vospominaniia o Iartsevskikh partizan [Memories of the Yartsevo partisans]. *GANISO* [State

Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 361. 246 l.

7. Vospominaniia Lazarenkovo A.P. [Memories of Lazarenkova A.P.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 429. 101.

8. Vospominaniia Ermolinskoi L. A. [Memories of Ermolinskaya L.A.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 276. 501.

9. Vospominaniia Borovikovo M.I., Semenovoi E.S. [Memories of Borovikova M.I., Semenova E.S.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-1737, inv. 1, d. 51. 57 l.

10. Dokladnaia zapiska Gostiukhinoi P.A. [Report of Gostiukhina P.A.]. *Nauchnyi arkhiv Instituta rossiiskoi istorii Rossiiskoi Akademii nauk (daleye – NA IRI RAN)* [Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences], f. 2, r. II, inv. 2, d. 24 v. 13 l.

11. *Zhenshchiny i zhenskoe dvizhenie za mir bez voyn i voennykh konfliktov: (K 70-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine). V 3 t. T. 2* [Women and the Women's Movement for a World Without Wars and Military Conflicts (On the 70th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War). In 3 vols. Vol. 2]. Moscow, Sary Oskol, IEA RAN, STI NITU «MISiS», 2015. 247 p.

12. Kameneva G.N. *Nravstvennye uroki Velikoi Otechestvennoi: zhenshchiny Severnogo Kavkaza v partizanskom dvizhenii regiona* [Moral Lessons of the Great Patriotic War: Women of the North Caucasus in the Partisan Movement of the Region]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific Problems of Humanitarian Research], 2009, no. 2, pp. 1-9.

13. Komarov D.E. *K voprosu o masshtabakh kollaboratsionizma v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. Na materialakh Smolenskoï oblasti* [On the Scale of Collaborationism in the Great Patriotic War of 1941–1945. Based on Materials from the Smolensk Region]. *Vestnik arkhivista* [Archivist's Bulletin], 2018, no. 3, pp. 856-866.

14. Komarov D.E. *Smolenskaia oblast v ogne Velikoi Otechestvennoi: voina, narod, pobeda* [Smolensk Region in the Flames of the Great Patriotic War: War, People, and Victory]. Smolensk, Svitok Publ., 2015. 368 p.

15. Korneev A.M. *Molodye partizany Smolenshchiny* [Young Partisans of the Smolensk Region]. Smolensk, Kn. izd-vo, 1958. 102 p.

16. Korovin V.V., Manzhosov A.N., Nemtsev A.D., Pozhidaeva N.N. *Tvoi put ia razdeliu, kak vernaia podругa...: (Zhenshchiny Kurskoï oblasti v Vooruzhennykh Silakh Sovetskogo Soiuza i dobrovolcheskikh voenizirovannykh formirovaniakh v 1941–1945 gg.)* [I Will Share Your Path as a Faithful

Friend ... (Women of the Kursk Region in the Armed Forces of the Soviet Union and Volunteer Paramilitary Formations in 1941–1945)]. Kursk, Kur. gor. tip., 2006. 132 p.

17. Logunova T.A. *Sovetskaia istoriografiia narodnoi borby v tylu nemetsko-fashistskikh voisk, 1941–1945* [Soviet Historiography of the People's Struggle in the Rear of the German-Fascist Troops, 1941–1945]. Moscow, Izd-vo MGU, 1985. 128 p.

18. Muromtseva V.S. *Sovetskie zhenshchiny v Velikoi Otechestvennoi voine* [Soviet Women in the Great Patriotic War]. Moscow, Mysl Publ., 1974. 272 p.

19. Nikolaeva I.V. *Zhenskii sostav partizanskikh formirovaniy Belarusi v 1941–1944 gg.: sotsialno-demograficheskaia kharakteristika* [Female Composition of Partisan Formations in Belarus in 1941–1944: Socio-Demographic Characteristics]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P. M. Masherova* [Scientific Notes of the UO VSU Named After P. M. Masherov], 2010, vol. 9, pp. 106-112.

20. Petrova N.K. *Zhenskie sudby voiny* [Women's Destinies of War]. Moscow, Veche Publ., 2019. 432 p.

21. Poliakov V.E. *Strashnaia pravda o Velikoi Otechestvennoi. Partizany bez grifa «Sekretno»* [Terrible Truth About the Great Patriotic War. Partisans Without the "Secret" Stamp]. Moscow, Iauza Eksmo Publ., 2009. 444 p.

22. Popov A.Iu. *Soprotivlenie na okkupirovannoi sovetskoi territorii (1941–1944 gg.)* [Resistance in the Occupied Soviet Territory (1941–1944)]. Moscow, Algoritm Publ., 2016. 304 p.

23. Stenogramma besed s partizanami Usviatskogo raiona [Transcript of Conversations with Partisans of the Usvyatsky District]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 20 a. 75 l.

24. Stenogramma besed s partizanami Kholm-Zhirkovskogo raiona [Transcript of Conversations with Partisans of the Kholm-Zhirkovsky District]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 23 a. 25 l.

25. Stenogramma besed s chlenami partizanskogo otriada «Bati» [Transcript of Conversations with Members of the Partisan Detachment "Bati"]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 25 a. 126 l.

26. Stenogramma besedy s Fomchenkovym I.I. [Transcript of a Conversation Held with Fomchenkov I.I.]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 24 a. 20 l.

27. Stenogramma besedy s Moskalevym S.P. [Transcript of the Conversation with Moskalev S.P.]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 24 g. 8 l.

28. Stenogramma besedy s Shmatkovym P.K. [Transcript of a Conversation with P.K. Shmatkov]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. 2, inv. 2, d. 11a. 23 l.

29. Stenogramma besedy s M.A. Ermolaevym [Transcript of a conversation with M.A. Ermolaev]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 22 a. 5 l.

30. Stenogramma besedy s Mokurovym V.F. [Transcript of Conversation with Mokurov V.F.]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 24 d. 9 l.
31. Stenogramma besedy s Petrakovym I.N. [Transcript of a Conversation with Petrakov I.N.]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 1 a. 54 l.
32. Stenogramma besedy s R.M. Altshuler [Transcript of Conversation with R.M. Altshuler]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 24 k. 3 l.
33. Stenogrammy vospominanii Znachkovo A.T. [Transcripts of Memories of Znachkova A.T.]. *GANISO* [State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region], f. R-8, inv. 1, d. 215. 58 l.
34. Tarasenkova T.I. Deiatelnost partizanskogo soedineniia «Dedushka» na okkupirovannoi territorii Smolenskoï oblasti [Activities of the Partisan Unit “Dedushka” in the Occupied Territory of the Smolensk Region]. *Edinstvo fronta i tylâ v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Unity of the Front and Rear During the Great Patriotic War]. Smolensk, Svitok Publ., 2023, pp. 126-132.
35. Tek N. U partizan: sudby zhenshchin [Among the Partisans: Fates of Women]. *Zhenshchiny na kraiu Evropy* [Women on the Edge of Europe]. Minsk, Yevrop. gumanit. un-t, Tsentr gender. issled., 2003, pp. 168-187.
36. Kharakteristika na Sychevskii partizanskii otriad «Rodina» [Characteristics of the Sychevsky Partisan Detachment “Rodina”]. *NA IRI RAN*, f. 2, r. II, inv. 2, d. 21 b. 2 l.
37. Cerovic M. War Wives: Women, Marriage, and the Soviet Partisan Movement (1941–44). *The Russian Review*, 2024, pp. 1-13. DOI: 10.1111/russ.12660
38. David-Fox M. Kulturnost Meets Kultur: Lyusya’s Testimony on Russian-German Sexual Relations in Occupied Smolensk. *The Russian Review*, 2023, vol. 82, no. 3, pp. 401-418. DOI: 10.1111/russ.12489
39. Furst J. Heroes, Lovers, and Victims: Partisan Girls During the Great Fatheland War. *Minerva: Quarterly Report on Women and the Military*, 2000, vol. 18, no. 3-4, pp. 38-75.
40. Armstrong J.A., ed. *Soviet Partisans in World War II*. Madison, University of Wisconsin Press, 1964. 792 p.
41. Slepyan K. *Stalin’s Guerrillas: Soviet Partisans in World War II*. Lawrence, University Press of Kansas, 2006. 409 p.

Information About the Author

Ksenia V. Sak, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Modern and Contemporary History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, ksenia.sak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3029-9464>

Информация об авторе

Ксения Васильевна Сак, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Отдел новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, ksenia.sak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3029-9464>

ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.20>

UDC 322
LBC 66.7

Submitted: 20.09.2024
Accepted: 13.03.2025

“GOD HELPS THE RED ARMY”: THE HISTORY OF THE CANONIZATION OF SAINT LUKE THE BLESSED SURGEON AND ALEXANDER OF MUNICH IN THE CONTEXT OF POLITICS OF MEMORY

Daniil A. Anikin

Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The purpose of the article is to analyze the canonization practices of Luke of Crimea and Alexander of Munich in the context of using their images in commemorative practices dedicated to the Second World War in the post-Soviet period. The relevance of the study is determined by the increasing role of religious actors in the commemoration of the Second World War and the need for a historical and political analysis of the mechanisms and practices of their activities. *Methods and materials.* Research methods include a comparative analysis of diocesan periodicals, decisions of the Synodal Commission for the Canonization of Saints, and reports on the topics affected in the media, as well as actor analysis (A.I. Miller), which involves identifying the political interests of religious actors and the context for their implementation. The materials are the lives of Saints Luke the Blessed Surgeon and Alexander of Munich, diocesan periodicals, and media reports. Particular attention during the study is given to regional specifics, enabling the identification of features in the representation of the image of saints within local commemorative practices. *Analysis.* The history of the canonization of Saint Luke the Blessed Surgeon demonstrates that his evolution from locally revered to church saints is associated primarily with the active use of the image as the spiritual patron saint of doctors, as well as with the coincidence of the anniversary of the acquisition of his relics with the date of the reunification of Crimea and Russia. The military connotations of his image are secondary and appear only in the emergence of local discourses that actively use similar aspects of his biography. The canonization of Alexander of Munich takes place in the context of the reunification of the Russian Orthodox Church and ROCOR, which makes it necessary to search for non-conflict common images of the past. *Results.* A feature of the politics of memory in the field of religious memorials of the Second World War is the weak use of images of direct participants due to both canonical and political factors that make it difficult to form consistent images.

Key words: politics of memory, canonization, martyr, confessor, commemorative practices, Second World War, symbolic resource, legitimation.

Citation. Anikin D.A. “God Helps the Red Army”: The History of the Canonization of Saint Luke the Blessed Surgeon and Alexander of Munich in the Context of Politics of Memory. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 241-254. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.20>

«БОГ ПОМОГАЕТ КРАСНОЙ АРМИИ»: ИСТОРИЯ КАНОНИЗАЦИИ ЛУКИ КРЫМСКОГО И АЛЕКСАНДРА МЮНХЕНСКОГО В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Даниил Александрович Аникин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Целью статьи является анализ практик канонизации Луки Крымского и Александра Мюнхенского в контексте задействия их образов в коммеморативных практиках, посвященных Второй мировой войне, в постсоветский период. Актуальность исследования определяется увеличением роли религиозных акторов в коммеморации Второй мировой войны и необходимостью историко-политического анализа механизмов и практик их деятельности. *Методы и материалы.* Методы исследования включают в себя сравнительный анализ епархиальных периодических изданий, решений Синодальной комиссии по канонизации святых, сообщений по затрагиваемой тематике в средствах массовой информации, а также акторный анализ (А.И. Миллер), предполагающий выявление политических интересов религиозных акторов и контекста их реализации. Материалами выступают жития святых Луки Крымского и Александра Мюнхенского, епархиальные периодические издания, сообщения в средствах массовой информации. Особое внимание в ходе исследования уделяется региональной специфике, позволяющей определить особенности репрезентации образа святых в локальных коммеморативных практиках. *Анализ.* История канонизации Луки Крымского демонстрирует, что его эволюция от местночтимого в общецерковные святые связана, прежде всего, с активным использованием образа в качестве духовного покровителя медиков, а также с совпадением годовщины обретения его мощей с датой воссоединения Крыма и России. Военные коннотации его образа являются вторичными и проявляются лишь в возникновении локальных дискурсов, активно использующих подобные аспекты его биографии. Канонизация Александра Мюнхенского происходит в контексте воссоединения РПЦ и РПЦЗ, что вызывает к необходимости поиск неконфликтных общих образов прошлого. *Результаты.* Особенностью политики памяти в сфере религиозных коммемораций Второй мировой войны является слабое задействие образов непосредственных участников в силу как канонических, так и политических факторов, затрудняющих формирование непротиворечивых образов.

Ключевые слова: политика памяти, канонизация, мученик, исповедник, коммеморативные практики, Вторая мировая война, символический ресурс, легитимация.

Цитирование. Аникин Д. А. «Бог помогает Красной армии»: история канонизации Луки Крымского и Александра Мюнхенского в контексте политики памяти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 241–254. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.20>

Введение. 30 марта 2020 г. Главный храм Вооруженных сил Российской Федерации, официально открытый 22 июня 2020 г., получил в свое распоряжение на несколько дней уникальную реликвию – часть мощей Епископа Симферопольского и Крымского Луки. Несмотря на то что в архитектуре и иконостасе храма был задействован целый ряд значимых православных святых – от архангела Михаила до святого благоверного князя Александра Невского, – мощи Святителя Луки оказываются принципиально важными для символической репрезентации храма, поскольку позволяют максимально наглядно продемонстрировать непосредственную связь

Русской православной церкви (далее – РПЦ) и Великой Отечественной войны.

Несмотря на огромное значение, которое имеет Великая Отечественная война для современного российского общества, и активное участие различных религиозных сообществ, прежде всего, РПЦ в коммеморациях по поводу этого исторического события, показательным является тот факт, что традиционная религиозная практика канонизации практически не задействована в публичной легитимации памяти о войне. Если говорить о конкретных примерах канонизации исторических персонажей, имеющих непосредственное отношение к войне, то в составе местночтимых

или общецерковных святых обнаруживаются два подобных примера: Епископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий), а также Александр Шморель.

Святитель Лука своей врачебной деятельностью внес активный вклад в борьбу с врагом во время Великой Отечественной войны, свидетельством чего является вручение ему медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Не менее важным оказывается и тот факт, что его позиция по поводу войны зафиксирована в публичных выступлениях и письменных документах. В частности, в своей статье «Бог помогает народам СССР в войне против фашистских агрессоров», опубликованной в Журнале Московской Патриархии в 1944 г., Войно-Ясенецкий пишет: «Сердца нацистов и их приспешников смердят пред Ним дьявольской злобой и человеконенавистничеством, а из горящих сердец воинов Красной Армии возносится фимиам беззаветной любви к Родине и сострадания к замученным немцами братьям, сестрам и детям. Вот почему Бог помогает Красной Армии и ее славным союзникам, карая выступивших, якобы, во имя Его гитлеровцев» [16]. Александр Шморель, являвшийся одним из активных участников сопротивления нацистскому режиму и погибший в 1943 г., представляет собой образ, гораздо менее известный и реже используемый в публичных коммеморациях Второй мировой войны.

Цель данной статьи – сравнительный анализ практик канонизации Луки Крымского и Александра Мюнхенского и выявление историко-политических аспектов как самого процесса причисления к лику святых, так и его использования в контексте сохранения и поддержания памяти о Великой Отечественной войне и о Второй мировой войне. Для этого следует обратить внимание на особенности символических механизмов причисления к лику святых и различий ликов святости, далеко не всегда понятных для светских исследователей, а также на публичную репрезентацию образов Святителя Луки и Александра Шмореля в контексте современной российской политики памяти, посвященной Великой Отечественной войне и Второй мировой войне.

Методы и материалы. Общей методологической рамкой исследования является

представление об акторном анализе политики памяти, которое опирается на работы А.И. Миллера [21]. В категориальном смысле представляется важным уточнение О.Ю. Малиновой относительно различения понятий «историческая политика» и «политика памяти». Под политикой памяти следует понимать «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования» [19, с. 299]. Историческая политика при таких условиях выступает одной из форм политики памяти, демонстрирующей активное вовлечение государства и органов власти в формирование определенных образов прошлого. Акторный анализ предполагает выделение мнемонических акторов и формируемых ими конкурирующих нарративов. Существенным фактором является возможность несовпадения политических и мнемонических акторов, то есть вычленение специфических мнемонических акторов происходит именно на основании их публичной деятельности, демонстрирующей заинтересованность в продвижении того или иного образа прошлого [19, с. 310]

Ключевыми мнемоническими акторами в случае рассматриваемых в статье фигур выступают, прежде всего, религиозные институты (в частности, отдельные епархии РПЦ а также – в более широком контексте – РПЦ и Русской православной церкви за границей (далее – РПЦЗ)), но и также и другие организации. В частности, образ святителя Луки приобретает большое значение для различных медицинских учреждений, выстраивающих стратегию его символического использования, прежде всего, с точки зрения врачебной деятельности.

Проблема религиозных мемориальных практик сравнительно мало разработана в отечественной и зарубежной литературе. Основоположителем данной тематики является М. Хальбакс, который, опираясь на функционалистскую концепцию сакрального Э. Дюркгейма, сформулировал предпосылки исследования религиозных институтов в качестве субъектов коллективной памяти. Связь религии в ее широ-

ком понимании (в том числе как «гражданской религии») с механизмами коллективного воспоминания была исследована Р. Белла, а также отечественными исследователями К.Э. Разлоговым и А.Г. Васильевым [5; 31]. Роль Великой Отечественной войны в качестве фактора формирования религиозной идентичности и религиозной памяти отмечается О.В. Головашиной, А.А. Линченко и другими исследователями [15].

Тем не менее имеющиеся исследования по данной проблематике демонстрируют, что проблема религиозных коммемораций рассматривается либо в контексте трансформации религиозных практик, либо как элемент политической борьбы на уровне отдельных государств. В первом случае упор делается на культурологическом или антропологическом анализе локальных сообществ, что существенно затрудняет политологическую интерпретацию изучаемых ситуаций. Во втором случае игнорируется специфика самих религиозных институций как самостоятельных акторов политики памяти, не только выступающих инструментами реализации государственных целей, но и имеющих собственные цели в формировании и актуализации тех или иных образов прошлого.

Материалами для исследования канонизации святых в контексте исторической политики становятся не только официальные решения Синодальной комиссии, но сообщения епархиальных периодических изданий, а также сообщения средств массовой информации, позволяющие реконструировать контекст принятия решения о канонизации и дальнейшее складывание коммеморативных практик вокруг образа святого.

Анализ. Лики святости в православии. Обязательным условием историко-политического, а не только теологического изучения биографии святого является выяснение того, к какому именно лику святости он относится, поскольку каждый из имеющихся в православии и в католицизме ликов предполагает различные критерии причисления. Применительно к теме данной статьи стоит обратить особое внимание на два лика святости: мученики и исповедники, поскольку Александр Шморель был прославлен в лике святых как Александр Мюнхенский, а В.Ф. Войно-Ясенецкий

был причислен к лику святых в качестве исповедника Луки Симферопольского и Крымского.

Мученики, согласно определению в Православной энциклопедии, – это «в христианстве – святые, отдавшие жизнь за Христа. Представления о мученическом подвиге в основном сложились во время гонений на христиан в Римской империи» [22].

РПЦ еще в конце 1980-х гг. начала активно выступать за реабилитацию репрессированных священников. Эта тенденция находит отражение в появлении термина «новомученики». Хотя исторически этот термин применялся к тем мученикам, которые причислялись к лику святых после падения Константинополя (1453 г.), в постсоветских условиях он быстро получил более узкое значение. Под новомучениками стали понимать тех священников, которые погибли во время самой революции или стали жертвами политических репрессий 1920–1930-х гг. [30, р. 47–49].

Стоит отметить, что впервые о новомучениках заговорили представители РПЦЗ в 1940-е гг., причем их информация основывалась на слухах и непроверенных данных по поводу обстоятельств жизни и мученической смерти пострадавших священников. В последние годы существования Советского Союза эти материалы оказались доступны и для РПЦ, которая в 1989 г. создала Синодальную комиссию по канонизации святых, подготовившую материалы для канонизации новомучеников. На Архиерейском соборе 2000 г. к лику святых было причислено сразу 1 097 человек. Однако такая массовая канонизация в большинстве случаев не опиралась на уже существовавшие локальные культы и священные нарративы о жизненном пути новомучеников, поэтому не выполнила свою социальную функцию. Именно поэтому, как отмечает архимандрит Дамаскин, уже в 2011 г. было принято решение сместить акценты с увеличения количества мучеников на популяризацию их жизни среди россиян [9].

Православная энциклопедия дает следующее определение понятию «исповедники»: «сонм святых, прославляемых Церковью за открытое исповедание во время гонений своей веры во Христа и в Его истинное учение; к числу И. причислялись те христиане, которые,

претерпев мучения, остались в отличие от мучеников в живых и умерли позже естественной смертью» [13, с. 605]. Это понятие известно еще с первых веков христианства, когда оно возникло для обозначения тех носителей веры, которые продолжали оставаться христианами, даже если понимали степень угрозы для своей жизни. В XX в. термин «исповедник» оказался вновь востребован для обозначения тех христиан, которые продолжали совершать религиозные обряды, но и не допустили поругания своей веры, в частности не отрекались от сана, не отрекались от монашества, не сотрудничали с карательными органами и не обрекали своими показаниями на смерть невинных людей.

Между ликами святости существуют определенные различия, но объединяющим качеством является то, что появление мученичества и исповедничества как социально-религиозных феноменов напрямую связано с периодом гонений на веру и церковь. Поэтому показательно, что на Архиерейском соборе РПЦ в 1992 г. было принято решение о праздновании 25 января Собора новомучеников и исповедников Российских, после чего были определены процедуры причисления к лику святых тех священнослужителей и мирян, которые стали жертвами преследований в годы советской власти.

Еще одним важным критерием типологизации святых является вопрос о территории поклонения. В соответствии с этим критерием все святые в православии исторически делились на местнохрамовых, местнопархиальных и общенациональных. Как отмечает митрополит Ювеналий (Поярков), «право канонизации местнохрамовых и местнопархиальных святых принадлежало правящему архиерею с ведома Митрополита (позднее – Патриарха) всея Руси и могло ограничиться лишь устным благословением на почитание местного подвижника. По причине таких устных благословений при рассмотрении истории русских канонизаций можно обнаружить довольно большое число святых, не имеющих письменного определения на их почитание, однако в действительности почитаемых, при этом имеющих большую известность, торжественные службы и чинопоследования. Право канонизации

общецерковных святых принадлежало Митрополиту или Патриарху всея Руси при участии Собора русских иерархов» [29].

В современном православии действует различие местночтимых и общецерковных святых, что позволяет выстроить многоступенчатую структуру канонизации, позволяющую минимизировать риск ошибок. Епархиальная комиссия по канонизации готовит документы, содержащие основания для причисления к лику святых, в частности факты поклонения ему и чудес, совершаемых в определенной местности. Далее полученные документы поступают в Синодальную комиссию по канонизации святых, которая осуществляет их проверку, после чего, в случае положительного заключения, местный епископ получает разрешение внесения нового святого в список местночтимых святых своей епархии.

Эти пояснения необходимы для понимания того, почему в различных непрофессиональных источниках могут встретиться разные даты причисления к лику святых одного и того же человека, причем не исключено, что каждая из этих дат является правильной, просто она обозначает определенную стадию канонизации, например, причисление к лику местночтимых святых или переход из числа местночтимых в разряд общецерковных. По отношению к епископу Луке путь от местночтимого святого к общецерковному почитанию занял 5 лет (с 1995 по 2000 г.), у Александра Шмореля путь признания в качестве местночтимого святого занял почти 20 лет – с начала 1990-х гг. по 2012 год.

Канонизация Епископа Луки: от локальной святости к общероссийской славе. Пополнение списка канонизированных в 1990-е гг. Украинской православной церковью (далее – УПЦ) Московского патриархата осуществлялось в условиях усилившейся миссионерской деятельности и потенциальных расколов между различными православными деноминациями, боровшимися за влияние в этом регионе. Так А. Макашкин отмечает: «В октябре 1996 г. комиссия отклонила запрос о канонизации митрополита Петра (Могила), виднейшего деятеля украинского православия XVII в., которого некоторые российские богословы обвиняли в симпатиях к католицизму. Однако Украинская православная церковь

Московского патриархата все же провела местную канонизацию, чтобы не позволить конкурирующим с ней религиозным организациям в лице Киевского патриархата и Украинской автокефальной церкви монополизировать роль «наследников» знаменитого митрополита» [18, с. 65]. Таким образом, речь шла о подборе для канонизации тех символически значимых фигур, которые бы не становились предметом внутренних расколов для православных верующих и к тому же выступали важным символическим ресурсом для конкурентной борьбы с альтернативными религиозными сообществами.

Стоит учитывать и аспект внутренней символической борьбы – уже не между различными православными церквями, а между различными епархиями в рамках РПЦ за канонизацию наиболее популярных или хотя бы известных фигур, могущих стать объектами для православного паломничества. В этом смысле фигура Епископа Луки, имеющего непосредственное отношение к истории Симферопольской епархии, к тому же обладающего известностью далеко за пределами самой епархии, становилась важным символическим ресурсом в подобной конкуренции.

Биография В.Ф. Войно-Ясенецкого (Луки Крымского) состоит из нескольких этапов, важных в контексте как последующей канонизации, так и символического использования его образа в политике памяти. До революции он успел получить ученую степень доктора медицины, но после смерти супруги в 1919 г. приобщился к православной вере и в 1920 г. принял сан священника, в 1923 г. стал епископом Барнаульским. На протяжении двадцати с лишним лет (до 1946 г.) несколько раз находился в ссылке, совмещая религиозную и врачебную деятельность. Его выдающимся достижением в медицине считается труд «Очерки гнойной хирургии», который впервые был опубликован в 1934 году. Во время войны Лука, будучи архиепископом Красноярским, активно работал в госпиталях, проводя хирургические операции, что сделало возможным его фактическую реабилитацию и перевод сначала на Тамбовскую кафедру (1944 г.), а затем – на Крымскую кафедру (1946 г.), которую он и возглавлял до своей смерти в 1961 году.

Как описывается в житии Святителя Луки, «Чудеса исцелений душевных и телесных недугов, во множестве происходившие на могиле святителя Луки, всенародное почитание приснопамятного крымского архиепископа подвигло священноначалие Православной Церкви к внимательному изучению его жизни и творений. В результате деятельности епархиальной Комиссии по канонизации святых было составлено житие святителя, а также служба и акафист, написана икона» [20, с. 44]. В данном описании мы видим традиционную дискурсивную практику объяснения канонизации, согласно которой сам факт причисления к лику святых становится результатом уже сложившихся неформальных практик поклонения, а сами эти практики выступают как естественное следствие чудес и исцелений, имевших место либо на могиле, либо в местах, связанных с деятельностью канонизируемого. 22 ноября 1995 г. Синод УПЦ причислил Епископа Симферопольского и Крымского Луку к числу местночтимых святых Симферопольской епархии, а также дал разрешение на вскрытие его могилы с целью обретения мощей.

Вскрытие могилы состоялось в ночь с 17 на 18 марта 1996 г., после чего мощи епископа Луки были выставлены в Свято-Троицком кафедральном соборе Симферополя для поклонения верующих. Днями церковного поминовения были установлены 11 июня – дата смерти (29 мая по юлианскому календарю) и 18 марта – дата обретения мощей (5 марта по юлианскому календарю).

Показательно, что И.В. Басин в своем кратком описании жизненных и церковных достижений епископа Луки рассматривает его врачебную и церковную деятельность, обращая особое внимание даже на его конфликты в церковной среде, связанные с отстаиванием канонических православия, но при этом абсолютно исключает из его биографии какое-либо участие в Великой Отечественной войне. «В 1941 г., вскоре после начала войны, назначен главой местного госпиталя, а также главным консультантом всех госпиталей Красноярского края. Несмотря на это, по-прежнему жил в крайней нищете, голодал. В 1942 г., когда закончился срок ссылки святого, митрополит Сергей (Страгородский) на-

значил его на Красноярскую кафедру в сане архиепископа» [2, с. 228–229].

Нетрудно заметить, что в этом кратком описании упор делается на участии Луки в церковной жизни, а также на его медицинских работах, которые, однако, никак не соотносятся с социально-политическим контекстом их появления. Ключевым аспектом деятельности Луки Крымского в публичном дискурсе становится его врачебная деятельность, которая приводит к активному распространению его образа в медицинских учреждениях.

Параллельная коммеморация Луки Крымского на территории Российской Федерации начинает складываться с 1999 г., когда он был причислен к числу местночтимых святых Красноярской епархии, где в свое время находился в ссылке. Показательно, что мнемоническим актором формирования памяти о Луке Крымском в Красноярске выступила не только местная епархия, заинтересованная в появлении символически значимых и узнаваемых фигур в чине местных святых, но и Красноярская государственная медицинская академия, начавшая использовать образ работавшего в этом вузе в годы войны святителя Луки еще с конца 1990-х годов.

В Красноярске уже в 2002 г. был открыт памятник Святителю Луке, набор визуальных элементов которого репрезентировал сложность его жизненного пути. Как отмечал скульптор Б.И. Мусат, «спокойной, статичной позой я хотел подчеркнуть, что святитель Лука – мудрец и мыслитель. Ряса – это одежда священнослужителя. Особый смысл – расположение рук: как подтверждают врачи, это характерный жест пальцев у хирургов. И еще такая деталь, как ватник. Я считаю, что это символ российского лихолетья. Ватник – это тюрьма, война, непосильная работа, самая дешевая, практичная одежда в России в самые трудные времена» [27]. Сама символика памятника подчеркивает, что ключевым элементом образа выступает сочетание не только религиозных, но и врачебных коннотаций, что объясняется тем, что основным заказчиком памятника выступила Красноярская медицинская академия. Среди почетных гостей на открытии памятника присутствовали представители местной епархии, но визуальный образ оказался сформирован в соответствии с

представлениями о ведущей роли врачебной деятельности.

Стоит отметить, что даже в этом объяснении уже прослеживается стремление соотносить образ Луки Крымского не только с его богословской или врачебной деятельностью, но и с его ролью в организации работы тыла в годы войны. Этот аспект образа усиливается в 2007 г., когда его имя присваивается Красноярской медицинской академии (любопытно, что в светском варианте – имени В.Ф. Войно-Ясенецкого), что также позволяет связать его имя с войной, поскольку этот вуз был создан в 1942 г. из эвакуированных в Красноярск частей ленинградских медицинских вузов (в 2008 г. он получил статус университета, что тоже можно считать последствием активно ведущейся символической политики по увековечиванию образа Луки Крымского). В 2017 г. на территории университета был поставлен еще один памятник Святителю Луке, причем его установка была приурочена сразу к двум датам – 140-летию со дня его рождения и 75-летию со дня основания университета [17].

На Архиерейском соборе 2000 г. Святитель Лука, как и большое количество новомучеников и исповедников советского времени, был причислен уже к сонму общецерковных святых, что означало возможность увековечивания его памяти и непосредственно за пределами Симферопольской епархии [3]. Несмотря на повышение своего статуса, Лука на протяжении достаточно длительного времени остается значимым либо в качестве локального святого (Красноярская епархия), либо в качестве профессионального духовного заступника в медицинской среде.

Изменение отношения к нему со стороны Московского патриархата отчетливо прослеживается после событий 2014 года. На многих православных сайтах подчеркивается тот факт, что официальное воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. происходит в день официального обретения мощей Святителя Луки, что позволяет считать его не только духовным заступником Крымской епархии, но и покровителем возвращения самого Крыма в состав России. Например, на сайте православного фонда «Серафим» прямо утверждается: «18 марта 2014 года произошло воссоедине-

ние Крыма и России. Этому предшествовали события Крымской весны, начавшейся 26 февраля 2014 г. Таким образом, святитель-хирург Лука, занимавший архиерейскую кафедру в Крыму с 1946 г. до 1961 г. (Владыка преставился 11 июня 1961 г.), причастен к возвращению Крыма, которое произошло в День обретения его мощей» [14].

23 апреля 2015 г. Патриарх Кирилл участвует в публичном кинопоказе фильма «Излечить страх», посвященного биографии Луки Крымского [24]. Показательно, что сам фильм был снят еще в 2013 г. совместно украинскими и белорусскими кинематографистами, в том же году принял участие в нескольких кинофестивалях, но его публичный просмотр с участием руководителя Русской православной церкви состоялся уже в принципиально ином политическом контексте [12].

С 1 октября по 27 ноября 2018 г. по личному благословлению Патриарха Кирилла и при поддержке Фонда Андрея Первозванного осуществляется принесение мощей Святителя Луки сразу в 19 российских городов, включая Калининград, долгое время бывший личной епархией будущего патриарха [25].

Любопытное сочетание сразу трех аспектов деятельности Святителя Луки (врачебного служения, участия в Великой Отечественной войне, содержания в тюрьме и нахождения в ссылке) демонстрирует традиция проведения Бессмертного полка в Бутырской тюрьме, появившаяся в 2017 г. и продолжающаяся до сих пор [23]. Возглавляет колонну сотрудников и заключенных именно образ Луки Крымского, поскольку сам святитель содержался в этой тюрьме под следствием. Как отмечается на сайте благотворительного фонда «Инок», поддерживающего проведение данной акции: «Его страдания, тюрьмы и ссылки, – это долгая череда мучений, неподъемная без Помощи Божьей. Однако, когда владыка узнал о начале войны, – он попросился работать в военный госпиталь, обещая отбыть свой срок заключения потом, после Победы» [4].

Разумеется, медицинский аспект деятельности Святителя Луки не остался без внимания в контексте пандемии коронавируса. Указ Президента РФ сформулировал следующие критерии для награждения медалью

Луки Крымского: «Медалью Луки Крымского награждаются практикующие врачи, средний и младший медицинский персонал, иные работники клинических, лечебно-профилактических, санитарно-профилактических, санаторно-курортных, инженерно-технических, научно-исследовательских, фармацевтических, учебных и других медицинских организаций за заслуги в области охраны здоровья граждан, за большой вклад в организацию оказания медицинской помощи и укрепление общественного здоровья, обеспечение населения качественными лекарственными препаратами, разработку и изготовление инновационных лекарственных препаратов, подготовку кадров для медицинских организаций, за научную и иную деятельность, направленную на развитие системы здравоохранения, самоотверженность и высокий профессионализм при лечении пациентов в сложных условиях, спасение их жизни и сохранение здоровья, а также работники органов социальной защиты населения и организаций социального обслуживания за заслуги, связанные с предоставлением гражданам высококачественных социальных услуг, осуществлением квалифицированного стационарного ухода и ухода на дому за гражданами, нуждающимися в социальном обслуживании, за большой вклад в организацию предоставления мер социальной поддержки нуждающимся гражданам» [28].

В этом смысле образ Святителя Луки до сих пор остается важным элементом коммеморации медицинских сообществ, что приводит к активной установке памятников и изменениям в топонимике, которые, однако, выходят за пределы тематики данной статьи. Можно констатировать, что образ Луки демонстрирует тенденцию превращения из местночтимого святого в один из ключевых образов РПЦ, причем его связь с Великой Отечественной войной остается в тени более востребованных ипостасей – выдающегося медика и покровителя Крыма в составе Российской Федерации. Отдельные репрезентации Луки в контексте Великой Отечественной войны (Красноярский медицинский университет, Бутырская тюрьма) только подчеркивают эту тенденцию.

Канонизация Александра Шмореля: поиск межцерковного компромисса. Биогра-

фия Александра Шмореля (1917–1943), причисленного к лику святых в качестве Александра Мюнхенского, известна гораздо меньше, чем история жизни Луки Крымского, поэтому о ней стоит сказать хотя бы в общих чертах. Александр Гугович Шморель происходил из смешанной семьи: отец – немец на русской службе, мать – дочь православного священника. Он родился в Оренбурге и был крещен по православному обряду, но в 1920 г. семья эмигрировала в Германию, где он впоследствии был призван в ряды вермахта, в годы войны служил в составе санитарной роты на Восточном фронте. В 1942–1943 гг. он являлся организатором и активным участником христианской организации «Белая Роза», которая распространяла листовки, критикующие лично Гитлера и вообще антихристианский режим, установившийся в нацистской Германии. В 1943 г. Шморель был арестован и казнен путем отсечения головы на гильотине 13 июля 1943 г. [11].

Вместе с тем посмертная судьба Александра Шмореля должна рассматриваться в контексте особенностей причисления к лику святых РПЦЗ.

Канонизация новомучеников в рамках РПЦЗ объективно столкнулась с целым рядом трудностей. Во-первых, основания для причисления к лику новомучеников подавляющего большинства погибших священнослужителей или мирян были известны лишь на основании слухов и отдельных свидетельств, что не позволяло полностью установить соответствие кандидатов в новомученики действующим критериям канонизации. Во-вторых, среди русских эмигрантов первой волны отсутствовала сложившаяся и устойчивая традиция почитания новомучеников, что также негативно влияло на вопрос формального закрепления за ними подобного статуса. В-третьих, существенной оставалась проблема институциональных механизмов канонизации, а именно – правомочности РПЦЗ принимать подобные решения. Как отмечает современный исследователь: «В среде самой Зарубежной церкви многие люди горячо возражали против этого прославления, считая, что «не маленькой Русской Зарубежной Церкви братья за него», что надо подождать того времени, пока сама Русская Православная Церковь, освободившись

от безбожников, совершит канонизацию» [10, с. 276].

В 1990-е гг. вопросы канонизации мучеников в РПЦЗ вновь возобновляются, причем в контексте противоречивых тенденций внутри нее самой. С одной стороны, усиливаются межцерковные связи между РПЦ и РПЦЗ, а с другой – возникают внутренние расколы внутри самих зарубежных епархий по поводу готовности или неготовности пойти на примирение с РПЦ, которая все годы советской власти подвергалась критике в эмигрантской литературе за сотрудничество с органами власти.

Вопрос о времени канонизации Александра Шмореля является неоднозначным. С одной стороны, о его канонизации в качестве местночтимого святого неоднократно говорили с начала 1990-х годов. В итоге процедура причисления к лику святых была начата. По крайней мере, в Вестнике Германской епархии РПЦЗ указывается: «Архиерейский собор РПЦЗ несколько лет назад благословил совершить прославление Александра Шмореля в качестве местночтимого святого» [26, с. 27]. При этом указывается, что процесс причисления к лику святых так и оставался незавершенным в силу неготовности службы в честь нового святого [26, с. 28].

Очевидно, что запланированный визит епископа Берлинского и Германского Марка на родину Александра Шмореля в Оренбург в 2007 г. привел к ускорению процесса канонизации. Уже 16 июля 2007 г. священник Николай Артемов сообщает о принятом Германской епархией решении [7]. Активизацию процесса канонизации Александра Шмореля стоит рассматривать в связи с подготовкой Акта о каноническом общении РПЦ и РПЦЗ, который был принят 17 мая 2007 года. В контексте этого события, восстанавливающего единство Русской православной церкви, было желательным появление святого, который был одинаково приемлем как для эмигрантского сообщества (в силу принадлежности к нему), так и для РПЦ (в силу возможности вписывания его биографии в историю Второй мировой войны и борьбы с нацизмом). Завершается этот процесс 5 февраля 2012 г., когда в Мюнхенском соборе в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских была отслужена Божественная литургия, ознаменовавшая при-

числение Александра Шмореля к лику новомучеников под именем Александра Мюнхенского [6]. Официальной датой его поминаения установлен день его кончины 13 июля (30 июня).

Показательно, что, несмотря на статус местночтимого святого, можно констатировать активное использование образа Александра Шмореля в деятельности еще одной епархии РПЦ – Оренбургской. Еще в 1999 г. земля из Оренбурга была привезена на могилу Александра Шмореля, в 2007 г. состоялся визит Епископа Берлинского и Германского на место рождения новомученика, а в процессе официального признания его канонизации в 2012 г. принял участие митрополит Оренбургский и Саракташский Валентин. Еще несколько лет спустя, в 2020 г., в рамках празднования 75-летия Победы у входа в Оренбургский государственный медицинский университет был открыт памятник Александру Шморелю [8].

Вместе с тем какого-то сложившегося культа поклонения новомученику Александру Мюнхенскому зафиксировать не удастся. Его образ в контексте Второй мировой войны и борьбы с нацизмом локально используется двумя епархиями – Германской и Оренбургской, при этом в стороне остается «неудобный» вопрос о его отношении к советской власти.

Выводы. С политологической точки зрения подбор кандидатур для канонизации, а также особенности протекания данного процесса позволяют отчетливее выявить механизмы взаимодействия различных политических акторов, в качестве которых могут выступать и религиозные институты. Изучение особенностей канонизации Луки Крымского и Александра Мюнхенского дает возможность продемонстрировать, что использование их образов для репрезентации Великой Отечественной войны и Второй мировой войны носит вторичный характер.

В случае Луки Крымского причисление к лику святых изначально не было связано с его деятельностью в годы войны, а подобные коннотации отчетливо проявляются лишь после включения Луки Крымского в символическое пространство российского социума со сложившейся мемориальной культурой, ключевым элементом которой является память о

Великой Отечественной войне. Случай Александра Мюнхенского демонстрирует, что канонизация может являться результатом политического компромисса между различными религиозными акторами – в данном случае РПЦ и РПЦЗ. В данной ситуации определенные негативные коннотации (борьба против большевизма) оказываются в публичном пространстве оттеснены на периферию, а на первый план выходят те аспекты деятельности, которые позволяют избежать острых противоречий.

С точки зрения акторного подхода, следует отметить, что в случае Луки Крымского можно видеть два этапа деятельности политических субъектов. На первом этапе основными мнемоническими акторами выступают религиозные институты (епархии), предлагающие согласованные друг с другом нарративы, на втором этапе происходит постепенное смещение акцентов в публичной репрезентации образа Святителя Луки в сторону нецерковной деятельности, что позволяет включиться в конкуренцию за образ как медицинским учреждениям (особенно в условиях пандемии), так и образовательным. Важную роль после 2014 г. в репрезентации образа Луки Крымского как покровителя Крыма в составе Российской Федерации начинают играть региональные и федеральные органы власти. В случае Александра Шмореля образ канонизированного святого выступает в качестве предмета интереса, прежде всего, религиозных акторов, интерес к нему со стороны других государственных или негосударственных институций носит ситуативный характер.

Вместе с тем изученные сюжеты позволяют поставить более общий вопрос об использовании образов святых в репрезентации Великой Отечественной войны (или Второй мировой войны, как корректнее говорить в контексте фигуры Александра Шмореля). С одной стороны, религиозные коммеморации все активнее используются как в репрезентации самой войны, так и ее вписывании в более широкий контекст воинской славы России [1]. С другой – можно зафиксировать очень важную особенность, заключающуюся в использовании образов святых, непосредственно не связанных с Великой Отечественной войной, как вызывающих меньше затруднений при оп-

ределении самого сакрального статуса с точки зрения канонических критериев. Приведенные примеры демонстрируют различные стратегии канонизации, выступающие прежде всего инструментом внутрицерковной дипломатии, а установление связи с образом Великой Отечественной войны (Второй мировой войны) выступает лишь в качестве логичного следствия изменения символического ландшафта современного российского общества. Сделанный выбор демонстрирует, что инструментарий гражданской религии и канонический церковный инструментарий формирования и сакрализации символически значимых образов могут существенно различаться, что приводит к необходимости отказа от наиболее очевидных, с точки зрения невоцерковленных граждан и сообществ, решений (например, призывы к канонизации Зои Космодемьянской периодически звучат в публичном пространстве). Из этого, однако, не следует, что тенденция по причислению к лику святых (разумеется, при наличии соответствующих критериям Синодальной комиссии доказательств) не будет продолжена в ближайшие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин Д. А., Беклямишев В. О. Образы полководцев в гражданской религии постсоветской России: история канонизации и особенности теологического дискурса // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15, Вып. 4. DOI: 10.18254/S207987840031109-8
2. Басин И. В. Канонизация святых в Украинской Православной Церкви Московского Патриархата: 1993–1996 годы // Вестник Р.Х.Д. 1997. № 176. С. 209–234.
3. Батищев Р. Ю., Беляев Е. В., Линченко А. А. Русская Православная Церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1. С. 1–15.
4. Бессмертный полк в стенах Бутырки. URL: <http://fond-inok.ru/novosti-2022/22-408/>
5. Васильев А. Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 2. С. 141–167.
6. В Мюнхене состоялось прославление в лике местночтимых святых Александра Шмореля. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1999705.html>
7. Германская епархия РПЦЗ причислит к лику местночтимых святых участника антифашистского движения «Белая роза» Александра Шмореля. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/270476.html>
8. Гниденко А. В Оренбурге открыли памятник герою немецкого сопротивления Александру Шморелю. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9594231>
9. Дамаскин, архимандрит (В.А. Орловский). Канонизация новомучеников в Русской Православной Церкви // *Tractus Aevorum*. 2018. Т. 5, № 1. С. 135–164.
10. Дамаскин, архимандрит (В. А. Орловский). Проблематика канонизаций местночтимых новомучеников в Русской Православной Церкви Заграницей // Вестник архивиста. 2016. № 1. С. 272–287.
11. Житие мученика Александра Мюнхенского. URL: <https://oren-saint.ru/2-uncategorised/52-pravila-foruma.html>
12. Излечить страх. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/807852/>
13. Исповедник // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. Т. XXVII: «Исаак Сирин – Исторические книги». С. 605–615.
14. Крым. Весна: 18 марта 1996 г. были обречены мощи святителя Луки Крымского, 18 марта 2014 г. произошло воссоединение Крыма и России. URL: <https://bfserafim.ru/2021/03/18/крым-весна-18-марта-1996-г-были-обречены-мощ/>
15. Линченко А. А., Головашина О. В. «И значит нам нужна одна победа...»: память о Победе в советской и российской школе // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 99–113.
16. Лука, архиепископ Тамбовский. Бог помогает народам СССР в войне против фашистских агрессоров // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 9. С. 21–22.
17. «Лука – это наше все». В Красноярске близ медуниверситета открыли второй памятник святителю. URL: <https://kerpc.ru/news/33626>
18. Макаркин А. Чудеса и политика: практика православной канонизации в России // Неприкосновенный запас. 2012. № 6. С. 63–75.
19. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. С. 285–312.
20. Марущак В. Святитель-хирург. Житие архиепископа Войно-Ясенецкого. М.: Даниловский благовестник, 2010. 52 с.
21. Миллер А. И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Полития. 2019. № 3. С. 87–102. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102
22. Мученик // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2017. Т. XLVIII: «Муромский в честь Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь – Непал». С. 66–89.

23. Образ Святителя Луки Крымского возглавил шествие Бессмертного полка. URL: <https://crimea-eparhia.ru/gallery/10398-obraz-svyatitelya-luki-krymskogo-vozglavil-shestvie-bessmertnogo-polka>

24. Патриарх: в фильме о святителе Луке раскрыта тема подлинной святости. URL: <https://crimea.ria.ru/20150423/361054.html>

25. Патриарх Кирилл привез мощи святителя Луки в Калининград. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5827100>

26. По епархиям... Август-ноябрь // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей. 2007. № 5-6. С. 15–30.

27. Святителю Луке. URL: <https://www.kraskompas.ru/nash-gorod/pamyatniki-i-skulptury/pamyatniki/item/128-svyatitelyu-luke.html>

28. Указ Президента РФ от 19 июня 2020 г. № 404 «Об учреждении ордена Пирогова и медали Луки Крымского». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45607>

29. Ювеналий (Поярков), митрополит. О канонизации святых в Русской Православной Церкви. Доклад Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия на освященном Поместном соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра 6–9 июня 1988 года. URL: <https://orthodox.spbu.ru/kanoniza.htm>

30. Anikin D. Traumatization of the Past and Martyrological Thinking in the Soviet Union and the post-Soviet Space // Folklore. 2021. Vol. 83. P. 47–62.

31. Bellah R. Civil Religion in America // Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 1967. Vol. 96, № 1. P. 1–21.

REFERENCES

1. Anikin D.A., Bekliamishev V.O. Obrazy polkovodtsev v grazhdanskoj religii postsovetsoj Rossii: istoriia kanonizatsii i osobennosti teologicheskogo diskursa [Images of Generals in the Civil Religion of Post-Soviet Russia: History of Canonization and Features of Theological Discourse]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal «Istoriia»*, 2024, vol. 15, iss. 4. DOI: 10.18254/S207987840031109-8

2. Basin I.V. Kanonizatsiia sviatykh v Ukrainskoi Pravoslavnoi Tserkvi Moskovskogo Patriarkhata: 1993–1996 gody [Canonization of Saints in the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate: 1993–1996]. *Vestnik R.Kh.D* [Bulletin of the Russian Christian Movement], 1997, no. 176, pp. 209–234.

3. Batishchev R.Yu., Beliaev E.V., Linchenko A.A. Russkaia Pravoslavnaia Tserkov kak aktor sovremennoi

politiki pamiati: diskurs kanonizatsii [Russian Orthodox Church as an Actor in the Modern Policy of Memory: Discourse of Canonization]. *Studia Humanitatis*, 2018, no. 1, pp. 1–15.

4. *Bessmertnyi polk v stenakh Butyrki* [Immortal Regiment Within the Walls of Butyrka]. URL: <http://fond-inok.ru/novosti-2022/22-408/>

5. Vasilev A.G. Voploshchennaia pamiat: kommemorativnyi ritual v sotsiologii E. Diurkgeima [Embodied Memory: Commemorative Ritual in the Sociology of E. Durkheim]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2014, vol. 13, no. 2, pp. 141–167.

6. *V Miunkhene sostoialos proslavlenie v like mestnochtimyykh sviatykh Aleksandra Shmorelia* [In Munich, the Glorification of Locally Revered Saints Alexander Schmorel Took Place]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1999705.html>

7. *Germanaskaia eparkhiia RPTsZ prichislit k liku mestnochtimyykh sviatykh uchastnika antifashistskogo dvizheniia «Belaia roza» Aleksandra Shmorelia* [German Diocese of ROCOR Will Count Alexander Schmorel, a Member of the White Rose Anti-Fascist Movement, as Locally Revered Saints]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/270476.html>

8. Gnidenko A. *V Orenburge otkryli pamiatnik geroiu nemetskogo soprotivleniia Aleksandru Shmoreliu* [Monument to the Hero of German Resistance Alexander Shmorel Was Unveiled in Orenburg]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9594231>

9. Damaskin, Archimandrite (V. A. Orlovskii). Kanonizatsiia novomuchenikov v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Canonization of the New Martyrs in the Russian Orthodox Church]. *Tractus Aevorum*, 2018, vol. 5, no 1. pp. 135–164.

10. Damaskin, Archimandrite (V.A. Orlovskii). Problematika kanonizatsii mestnochtimyykh novomuchenikov v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi Zagranitse [Problems of Canonization of Locally Revered New Martyrs in the Russian Orthodox Church Outside of Russia]. *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the Archivist], 2016, no. 1, pp. 272–287.

11. *Zhitie muchenika Aleksandra Miunkhenskogo* [Life of the Martyr Alexander of Munich]. URL: <https://oren-saint.ru/2-uncategorised/52-pravila-foruma.html>

12. *Izlechit strakh* [Cure Fear]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/807852/>

13. Ispovednik [Confessor]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia», 2011, vol. XXVII: «Isaak Sirin – Istoricheskie knigi», pp. 605–615.

14. *Krym. Vesna: 18 marta 1996 g. byli obreteny moshchi sviatitelia Luki Krymskogo, 18 marta 2014 g. proizoshlo vossoedinenie Kryma i Rossii* [Crimea.

Spring: On March 18, 1996, the Relics of St. Luke of Crimea Were Acquired, on March 18, 2014; Reunification of Crimea and Russia Took Place]. URL: <https://bfserafim.ru/2021/03/18/krym-vesna-18-marta-1996-g-byli-obreteny-moshch/>

15. Linchenko A.A., Golovashina O.V. «I znachit nam nuzhna odna pobeda...»: pamiat o Pobede v sovetskoi i rossiiskoi shkole [“And That Means We Need One Victory...”: Memory of the Victory in the Soviet and Russian Schools]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2019, iss. 67, pp. 99-113.

16. Luka, arkhiepiskop Tambovskiy. Bog pomogaet narodam SSSR v voyne protiv fashistskikh agressorov [Luke, Archbishop of Tambov. God Helps the Peoples of the USSR in the War Against the Fascist Aggressors]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1944, no. 9, pp. 21-22.

17. «Luka – eto nashe vse». V Krasnoyarske bliz meduniversiteta otkryli vtoroi pamiatnik sviatiteliu [“Luke Is Our Everything.” In Krasnoyarsk, near the Medical University, the Second Monument to the Saint Was Unveiled]. URL: <https://kerpc.ru/news/33626>

18. Makarkin A. Chudesa i politika: praktika pravoslavnoi kanonizatsii v Rossii [Miracles and Politics: The Practice of Orthodox Canonization in Russia]. *Neprikosnovennyi zapas* [Untouchable Reserve], 2012, no. 6, pp. 63-75.

19. Malinova O.Yu. Politika pamyati kak oblast simbolicheskoy politiki [Memory Policy as an Area of Symbolic Politics]. *Metod* [Method], 2019, no. 9, pp. 285-312.

20. Marushchak V. *Sviatitel-khirurg. Zhitie arkhiepiskopa Voino-lasenetskogo* [St. Surgeon. Life of Archbishop Voino-Yasenetsky]. Moscow, Danilovskii blagovestnik Publ., 2010. 52 p.

21. Miller A.I. Rost znachimosti institutsionalnogo faktora v politike pamiati – prichiny i posledstviia [Growth of the Significance of Institutional Factor in Politics of Memory – Causes and Implications]. *Politiia*, 2019, no. 3, pp. 87-102. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102

22. Muchenik [Martyr]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia», 2017, vol. XLVIII: «Muromskii v chest Uspeniia Presviatoi Bogoroditsy muzhskoi monastyr – Nepal», pp. 66-89.

23. *Obraz Sviatitelia Luki Krymskogo vozglavil shestvie Bessmertnogo polka* [Icon of St. Luke of Crimea Led the Procession of the Immortal Regiment]. URL: <https://crimea-eparhia.ru/gallery/10398-obraz-svyatitelya-luki-krymskogo-vozglavil-shestvie-bessmertnogo-polka>

24. *Patriarkh: v filme o sviatitele Luke raskryta tema podlinnoi sviatosti* [Patriarch: In the Film About St. Luke, the Theme of True Holiness Is Revealed]. URL: <https://crimea.ria.ru/20150423/361054.html>

25. *Patriarkh Kirill privez moshchi sviatitelia Luki v Kaliningrad* [Patriarch Kirill Brought the Relics of St. Luke to Kaliningrad]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5827100>

26. Po eparhiyam... Avgust-noyabr [By Diocese... August-November]. *Vestnik Germanskoi eparkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi za granitse* [Bulletin of the German Diocese of the Russian Orthodox Church Abroad], 2007, no. 5-6, pp. 15-30.

27. *Sviatiteliu Luke* [Saint Luke]. URL: <https://www.kraskompas.ru/nash-gorod/pamyatniki-i-skulptury/pamyatniki/item/128-svyatitelyu-luke.html>

28. *Ukaz Prezidenta RF ot 19 iyunia 2020 g. № 404 «Ob uchrezhdenii ordena Pirogova i medali Luki Krymskogo»* [Decree of the President of the Russian Federation of June 19, 2020 No. 404 “On the Establishment of the Order of Pirogov and the Medal of Luka Krymsky]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45607>

29. Juvenaly (Poyarkov), Metropolitan. *O kanonizatsii sviatykh v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Doklad Mitropolita Krutitskogo i Kolomenskogo Juvenalii na osviashchennom Pomestnom sobore Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, posviashchennom 1000-letiiu kreshcheniia Rusi. Troitse-Sergieva Lavra 6–9 iyunia 1988 goda* [On the Canonization of Saints in the Russian Orthodox Church. Report of Metropolitan Juvenal of Krutitsky and Kolomna at the Consecrated Local Council of the Russian Orthodox Church Dedicated to the 1000th Anniversary of the Baptism of Russia. Trinity-Sergius Lavra June 6–9, 1988]. URL: <https://orthodox.spbu.ru/kanoniza.htm>

30. Anikin D. Traumatization of the Past and Martyrological Thinking in the Soviet Union and the Post-Soviet Space. *Folklore*, 2021, vol. 83, pp. 47-62.

31. Bellah R. Civil Religion in America. *Journal of the American Academy of Arts and Sciences*, 1967, vol. 96, no. 1, pp. 1-21.

Information About the Author

Daniil A. Anikin, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation, dandee@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>

Информация об авторе

Даниил Александрович Аникин, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация, dandee@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.21>

UDC 94

LBC 63.3(5Кит)63

Submitted: 15.09.2024

Accepted: 04.12.2024

CHINESE HISTORICAL MEMORY OF THE WORLD WAR II: POINTS OF CONNECTION AND DIFFERENCE WITH THE RUSSIAN VIEW

Ivan Yu. Zuenko

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of the Chinese historical memory of World War II, current trends in reassessing the role of the war in the history of China, and the participation of China and the Soviet Union in it (the history of the 88th separate rifle brigade of the Far Eastern Front was used as a case study). **Methods and materials.** For the collection of material on the 88th brigade, the author made a research trip to the Khabarovsk Territory (Vyatskoye village) in 2024, during which materials from the archive of the Grodekov Regional Museum, the file of the newspaper “Pacific Star,” stored in the Far Eastern State Scientific Library, were studied. Sources on Chinese historiography were collected in several stages: the textbooks examined were purchased on the open market during the author’s trip to the PRC; the studied scientific monographs are available by subscription in the Chinese scientific information database CNKI. **Analysis.** The author focuses his attention on those subjects in the history of cooperation between Russia and China during the war, which, under a certain set of circumstances, can be considered not as points of contact but points of divergence between the two countries. **Results.** In particular, trends are recorded towards expanding the chronology of the war between China and Japan from eight years to fourteen, “rebranding” World War II as the “World Anti-Fascist War,” and downplaying the role of the USSR in the liberation of Manchuria from the Japanese occupiers. At the same time, in the deepest conviction of the author, a compromise version of the common history, excluding falsification and infringement of the interests of Russia and China, is quite possible and can be developed as a result of intensified bilateral scientific discussion. **Funding.** The article was prepared as part of a research project under the Russian Science Foundation Grant No. 23-18-00109 “Narratives of ‘historical grievances’ in the official discourse and public policy of North-East Asian countries.”

Key words: China, World War II, historic memory policy, 88th brigade, liberation of Manchuria.

Citation. Zuenko I. Yu. Chinese Historical Memory of the World War II: Points of Connection and Difference with the Russian View. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 2, pp. 255-267. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.21>

УДК 94

ББК 63.3(5Кит)63

Дата поступления статьи: 15.09.2024

Дата принятия статьи: 04.12.2024

КИТАЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ С РОССИЙСКИМ ВЗГЛЯДОМ

Иван Юрьевич Зуенко

Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу китайской исторической памяти о Второй мировой войне, текущим тенденциям в переоценке роли войны в истории Китая, участии в ней Китая и Советского Союза. В частности, фиксируются тенденции к расширению хронологии войны Китая и Японии с восьми лет до четырнадцати, «ребрендинга» Второй мировой войны как «Мировой антифашистской войны», приуменьшения роли

СССР в деле освобождения Маньчжурии от японских оккупантов. Автор вводит в отечественную научную дискуссию на данную тему ряд новых источников, переведенных с китайского языка, а также фокусирует свое внимание на тех сюжетах в общей истории сотрудничества России и Китая в годы Второй мировой войны, которые могут рассматриваться не как точки соприкосновения, а как точки расхождения двух стран. При этом, по глубочайшему убеждению автора, компромиссная версия общей истории, исключающая фальсификации и ущемление интересов России и Китая, вполне возможна и может быть выработана в результате активизации двухсторонней научной дискуссии. *Финансирование.* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта по гранту Российского научного фонда № 23-18-00109 «Нарративы “исторических обид” в официальном дискурсе и государственной политике стран Северо-Восточной Азии».

Ключевые слова: Китай, Вторая мировая война, политика исторической памяти, 88-я бригада, освобождение Маньчжурии.

Цитирование. Зуенко И. Ю. Китайская историческая память о Второй мировой войне: точки соприкосновения и расхождения с российским взглядом // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 255–267. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.2.21>

Введение. В последние годы в Китае наметилась тенденция к корректированию исторических нарративов, которые сейчас должны соответствовать возросшему статусу Китая на мировой арене. Этот процесс можно проследить на многих примерах наиболее показательным является, пожалуй, принятие в 2021 г. «Решения Центрального комитета Коммунистической партии Китая по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии», которое обобщило и представило новые официальные трактовки истории Китая последних полутора веков (фактически с конца XIX в., когда были заложены предпосылки последующего создания компартии) [9]. Неизбежной частью указанного процесса является переосмысление истории отношений с Россией. Учитывая, что на данный момент отношения двух стран достигли уровня, справедливо характеризуемого руководителями и России, и Китая как «лучшие отношения в истории» [22; 27], крайне актуальной задачей представляется отслеживание и анализ изменений в китайских представлениях о нашей стране и ее роли в развитии Китая.

Практическим аспектом этой задачи является выделение тех сюжетов из общего прошлого, популяризация которых может являться своего рода фундаментом для дальнейшего развития партнерских отношений. Справедливо считается, что одним из таких сюжетов (если данный термин можно использовать для обозначения такого масштабного события) является совместная борьба СССР и Китая против японского милитаризма в годы Второй мировой войны. Однако необходимо понимать, что

формируемые политикой исторической памяти китайские оценки этого события (как и историческая память любой другой страны) отличаются своей спецификой¹.

Цель данной статьи – установить эту специфику, наметить точки соприкосновения (или, наоборот, расхождения) китайского и российского взгляда на Вторую мировую войну, роль обеих стран в ней.

Методы и материалы. Учитывая объемность и важность поставленной во введении задачи, автор не считает, что данная статья может оцениваться как исчерпывающий ответ на поставленный вопрос. Скорее, данная работа видится как дополнение к ранее уже опубликованным трудам коллег [4; 7; 14; 16; и др.], а также как средство включения в отечественную академическую дискуссию ряда недавно опубликованных китайских работ [28–31]. В данном контексте важно подчеркнуть, что количество китайского историографического материала по теме Второй мировой войны таково, что рассмотреть его в рамках одной журнальной статьи невозможно. Расширение количества историографических источников, вовлеченных в научный анализ, является направлением дальнейшей работы автора над этой темой – прежде всего в контексте изучения 88-й интернациональной отдельной стрелковой бригады Дальневосточного фронта, история которой в данной статье используется как показательный кейс для рассмотрения точек соприкосновения / расхождения российского и китайского взгляда на Вторую мировую войну.

В рамках сбора материала по 88-й бригаде автором в 2024 г. совершена исследовательская поездка в Хабаровский край (с. Вятское), в ходе которой изучены материалы архива Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, подшивки газеты «Тихоокеанская звезда», хранящаяся в Дальневосточной государственной научной библиотеке, проведены беседы с сотрудниками администрации Елабужского сельского поселения, отвечающими за мемориальную работу в селе Вятское. Источники по китайской историографии были собраны в несколько этапов: рассмотренные учебные пособия были приобретены в свободной продаже в ходе поездки автора в КНР, изученные научные монографии доступны по подписке в китайской базе научной информации CNKI. Их анализ производился с помощью общенаучных методов исследования (обобщение, синтез, дедукция, индукция).

Анализ. Место Второй мировой войны в истории Китая. Для начала необходимо дать краткий обзор тому, как Вторая мировая война воспринимается в Китае.

Важнейшим элементом этого восприятия является то, что Вторая мировая война для Китая началась не 1 сентября 1939 г., а 7 июля 1937 г. с нападением милитаристской Японии на чанкайшистскую Китайскую Республику. Японо-китайская война 1937–1945 гг. (в Китае ее называют также «Война сопротивления Японии» 中国抗日战争 или же «Восьмилетняя война сопротивления» 八年抗战) с точки зрения Китая является неотъемлемой частью Второй мировой войны и в литературе никоим образом не отделяется (с точки зрения подсчета потерь, влияния на конфигурацию сил сторон) от европейского или тихоокеанского театров военных действий (см., например: [28, с. 2–3]).

Существует (и в последнее время набирает популярность) такая точка зрения, что войну с Японией нужно отсчитывать от «Мукденского инцидента» 18 сентября 1931 г., после которого началась японская оккупация Маньчжурии. Таким образом, все последующие агрессивные действия Японии против Китая: «Шанхайский инцидент» и создание на территории Маньчжурии марионеточного государства Маньчжоу-го в 1932 г., вторжение в провинцию Жэхэ в 1933 г. и Внутреннюю

Монголию в 1933–1936 гг.) следует рассматривать как единый процесс, «Четырнадцатилетнюю войну сопротивления» (十四年抗战) [6].

Датой окончания войны является 2 сентября 1945 г., когда союзниками по Антигитлеровской коалиции и поверженной Японией был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии. А 3 сентября в КНР отмечается как День победы китайского народа в войне сопротивления Японии (中国人民抗日战争胜利纪念日).

Любопытно, что в Китае подверглась переосмыслению не только датировка Второй мировой войны, но и ее название – в официальных документах все чаще и чаще говорится о «Мировой антифашистской войне» 世界反法西斯战争 (см., например: [28]), причем данная тенденция фиксируется с начала 2010-х гг. [14, с. 113]. Как отмечает Я.В. Лексютина, это призвано способствовать решению трех взаимосвязанных задач в русле курса на обновление исторического нарратива: преодолению европоцентричного взгляда на Вторую мировую войну, содействию переоценки вклада Китая в победу над фашизмом, приведению мирового исторического нарратива о Второй мировой войне в соответствие с возросшей ролью Китая в мире [21].

Война с Японией в истории Китая привела к целому ряду последствий, важнейшим из которых является усиление Коммунистической партии Китая (далее – КПК) и ее вооруженных сил (будущей Народно-освободительной армии), что в последующие годы позволило ей победить в гражданской войне против партии Гоминьдан 1946–1949 гг. и основать Китайскую Народную Республику. Ввиду этого для нынешней политической элиты КНР история участия китайских коммунистов в войне имеет особое значение – во многом именно на ней базируется легитимность правления китайских коммунистов, поскольку именно они в эти годы проявили себя наиболее эффективной патриотической силой, способной преодолеть череду национальных унижений Китая, длящихся с начала «опиумных войн» в середине XIX века.

Все это определяет пристальное внимание к историографии участия Китая во Второй мировой войне (Войне сопротивления Японии) на уровне академической, учебно-воспитательной, музейно-просветитель-

ской работы. Резюмируя имеющиеся материалы², можно выделить следующие базовые тезисы, описывающие Вторую мировую войну и роль Китая в ней:

- Вторая мировая война – это война империалистических держав за передел мира, в которую были включены бывшие колониальные и полуколониальные державы (в том числе Китай);

- в процессе войны бывшие колониальные и полуколониальные державы доказали свое право на самостоятельное существование;

- для китайского народа Вторая мировая война стала решающим моментом, в котором определялась сама возможность дальнейшего независимого существования;

- поскольку Война сопротивления Японии является неотъемлемой частью Второй мировой войны, а ее ход повлиял на развитие событий на других театрах военных действий, следует особо помнить, что Китай воевал дольше всех среди всех участников Антигитлеровской коалиции и при этом понес наибольшее число жертв среди мирного населения.

- значение героической борьбы Китая заключается в том, что именно она задержала развитие японской агрессии и позволила СССР и США сконцентрироваться на борьбе с Германией.

Отдельно следует остановиться на китайских оценках числа погибших в результате войны с Японией, потому что сам факт огромных потерь среди комбатантов и мирного населения, наложенный на историческую память о японских военных преступлениях на территории Китая, играет важнейшую роль в нынешней внутренней и внешней политике Пекина. Он обуславливает определенную «обиду» Китая по отношению как к Японии, которая явилась причиной трагических событий, так и к другим членам мирового сообщества, которые «не замечают» или «недостаточно признают» героический вклад китайского народа в окончательную победу Антигитлеровской коалиции. Это в том числе питает националистические настроения реваншизма³, распространение которых в Китае хорошо заметно [10, с. 42–59].

Разброс оценок количества погибших в Китае в годы Второй мировой войны составляет от 20 до 35 млн чел. убитыми и ранены-

ми. Соотношение числа погибших среди комбатантов и мирных жителей таково: 1 324 500 – комбатанты (для сравнения: СССР – более 11 млн чел.), 33 700 000 – мирные жители⁴. Столь широкий диапазон цифр определен продолжительностью конфликта (и его размытыми рамками), а также слабостью центральной власти в Китае в 1930–1940-е гг., которая была не в состоянии организовать должный статистический учет потерь. Важно помнить и то, что как минимум около 10 млн умерших – это жертвы голода и рукотворных «стихийных бедствий», вызванных действиями собственно китайских властей [26]. Однако цифра в 35 млн погибших закрепились в китайской литературе и не является предметом публичной дискуссии – примечательно, что фиксация на этой цифре делает Китай страной с наибольшим числом жертв в мире (см., например: [25]).

Для китайского дискурса о войне с Японией характерно представление как о крайне жестокой (прежде всего для мирного населения) войне. Фокус делается не только на японских военных преступлениях, но и на неспособности тогдашнего руководства (партия Гоминьдан во главе с Чан Кайши) им противостоять. Неоднократно повторяется мысль о том, что война с Японией стала катастрофой, которая прервала процесс модернизации Китая, и тяжесть которой до сих пор невозможно компенсировать [8].

При этом в китайском обществе существует устойчивый консенсус по поводу того, что именно героическое сопротивление японской экспансии позволило Антигитлеровской коалиции в конечном итоге победить и Германию, и Японию⁵. На уровне неформальных разговоров с китайцами, как обывателями, так и университетскими преподавателями, в период учебы и исследовательских поездок в КНР, автору статьи неоднократно доводилось слышать, что именно Китай (а не США или СССР) нанес наибольший урон японской военной машине, и этот факт крайне важен для национального самосознания.

Огромный вклад СССР в борьбу китайского народа против японских милитаристов не оспаривается и может являться явственной точкой соприкосновения позиций сторон (китайские оценки по этому поводу подробно

изложены в: [28]). Признается, что СССР оказывал военно-техническую помощь все восемь лет войны с Японией (имеется в виду, прежде всего, создание автомобильного маршрута Сары-Озек – Урумчи – Ланьчжоу, льготные кредиты на покупку советского вооружения, участие советских летчиков в воздушных боях). Существует устойчивое представление о том, что советские войска в августе 1945 г. участвовали в освобождении Маньчжурии, где находилась самая боеспособная японская группировка – Квантунская армия – об этом же свидетельствует значительное число памятников и военных мемориалов, посвященных советским солдатам по всему Северо-Восточному Китаю, причем важно отметить, что все они находятся на государственном балансе, каталогизированы и содержатся в порядке (подробное исследование на этот счет см.: [31]).

При этом подчеркивается, что Китай уже к августу 1945 г. нанес решающий удар Японии, измотав ее, поэтому внешний фактор в поражении Японии имеет важное, но не определяющее значение [25; 28, с. 121–146] (также данный тезис доказывался в обзорных отечественных работах по китайской историографии [14; 15]).

В целом же Китай видит себя одним из полноправных победителей во Второй мировой войне и ждет, что мировое сообщество по достоинству оценит его вклад в победу. В этом плане показательно такое высказывание министра иностранных дел КНР Ван И: «Китай и Россия, ставшие главными театрами боевых действий в Азии и Европе, понесли колоссальные человеческие жертвы, плечом к плечу сражаясь с фашизмом во имя спасения человеческих судеб и защиты мира во всем мире, тем самым внося свой немеркнущий вклад. Будучи главными странами-победительницами во Второй мировой войне, Китаю и России следует сплоченно отстаивать историческую правду, противостоять действиям, приукрашивающим милитаризм, пресекать заговоры, искажающие исторические реалии, ни в коем случае не допускать оправдания актов агрессии прошлых лет» [2].

Подобная позиция в целом комплиментарна по отношению к нашей стране, пусть и исходит из несколько деформированных представ-

лений о вкладе советской и китайской сторон в разгром Квантунской армии в Маньчжурии. Ряд материалов, выходявших в последние годы (прежде всего см.: [28]), оперируют именно таким пониманием роли и вклада сторон и в целом его следовало бы считать хорошей компромиссной основой для поддержания общей исторической памяти о событиях Второй мировой войны. Однако рост националистических тенденций, наблюдаемых в современной КНР, заставляет опасаться дальнейшего усиления фокуса на заслугах Китая в ущерб исторической справедливости.

Актуальные тенденции. К началу 2010-х гг. КНР оказалась в состоянии, близком к системному общественно-политическому кризису. Период бурного экономического роста, обеспеченного рыночными реформами, подошел к концу, чему способствовал и мировой финансовый кризис 2008–2013 годов. Постоянное повышение благосостояния населения вкупе с появлением широкого доступа к информации способствовало повышению запроса на дальнейшие преобразования. При этом пассивность «четвертого поколения руководителей» (Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао и др.), фактически саботировавшего давно назревшие задачи в области реструктуризации экономики, имущественного расслоения, коррупции, стала причиной снижения лояльности населения к Коммунистической партии.

В этих условиях избранный в октябре 2012 г. генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпин, чтобы не допустить коллапса страны по советскому образцу, решительно «затянул гайки» практически во всех сферах жизни общества: от усиления партии до ужесточения правил пребывания в стране иностранцев. Одним из направлений политики Центра в «новую эпоху», как позднее стали называть правление Си Цзиньпина, стало усиление идейно-воспитательной работы среди населения (безусловно, начавшееся еще раньше). Наиболее характерной чертой этого процесса стал уклон в сторону пропаганды патристических и националистических ценностей.

Идеологическим ориентиром такой работы стала выдвинутая Си Цзиньпином еще в ноябре 2012 г. концепция «Китайской мечты» (она же «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» 中华民族伟大复兴的中国梦).

При этом четкое определение того, что же такое «Китайская мечта», отсутствует, оставляя широкий простор для интерпретаций. Согласно наиболее популярным трактовкам, «Китайская мечта» означает возвращение Китая на позицию мирового лидера; в то же время существуют и трактовки, оценивающие концепцию прежде всего с позиций внутренней политики. Они делают фокус не на «мечте», а на понятии «Чжунхуа миньцзу» 中华民族 (китайская нация), подразумевая, что Си Цзиньпин призывает к строительству «национального государства», в котором прежнему сосуществованию китайцев (хань) и пятидесяти пяти национальных меньшинств будет противопоставлена «выплавка» единой нации.

Оба подхода предполагают, что идеологи отталкиваются от тезиса о нынешнем кризисе Китая и китайской нации. Для иллюстрации этого используется представление о том, что только национальное усиление позволит избежать повторения «столетнего унижения» и национальных страданий, прежде всего, в годы Войны сопротивления Японии.

Неотъемлемой частью работы по превращению в жизнь «Китайской мечты» стало стремление руководства КНР выработать четкий стандарт понимания тех или иных исторических вопросов [17]. На данный момент усилия в основном сфокусированы на «выправлении» истории КНР.

Ярким свидетельством этого процесса стало принятие в ноябре 2021 г. на 6-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва «Решения по основным достижениям и опыту столетней борьбы партии» (中共中央关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议). Этот документ, подготовленный при личном участии Си Цзиньпина, который возглавил редакционную группу, представляет собой лишь третью версию комплексной истории Коммунистической партии Китая. Главной целью «Решения» является закрепление возвеличивания Си Цзиньпина, который в новой трактовке истории предстает руководителем, по своему значению равным только Мао Цзэду.

Несмотря на то что «Решение» в основном касается внутренних вопросов, сравнение текста резолюции 2021 г. с резолюциями 1945 и 1981 гг. позволяет сделать ряд выводов об изменениях в восприятии истории взаимоот-

ношений с другими странами. Так, применительно к теме статьи, из новой резолюции убран присутствующий ранее в документе 1981 г. тезис о вкладе СССР в победу над Японией («борьба китайского народа против Японии, продолжавшаяся восемь лет, вместе с борьбой народов Советского Союза и других стран против фашизма, позволила одержать окончательную победу») (цит. по: [9, с. 743])⁶.

В недавно изданных китайских школьных учебниках по истории участие советских войск в освобождении Китая от японских оккупантов в 1945 г. не замалчивается, но и не выпячивается (подробнее см.: [24]). Так, в пособии для учителя истории помощь СССР в годы войны рекомендовано перечислять в одном ряду с денежными переводами хуацяо (зарубежных китайцев) и деятельностью «летающих тигров» – американских летчиков-добровольцев, воевавших на стороне Нанкина в 1941–1942 гг. [29, с. 331]. Разгром Советским Союзом Квантунской армии называется только вторым фактором итогового поражения Японии во Второй мировой войне после американской ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки [30, с. 147].

При этом в качестве одной из ситуативных моделей на уроке истории, посвященном войне с Японией, учителю предлагается рассказать, что до начала войны в Гоминьдане существовали настроения, что война будет непродолжительной, так как на стороне Китая в войну вступит СССР. Учителю рекомендуется спросить класс, о чем это говорит. Школьники подталкиваются к выводу, что победа в войне может быть добыта только силами самого народа [29, с. 328]. Этот вывод содержится и в самом учебнике, где однозначно говорится, что основная заслуга в победе над Японией принадлежит Китаю [30, с. 147], а сама победа, как говорится в другом издании, «открыла прекрасные перспективы для великого возрождения китайской нации» [29, с. 331].

Таким образом, не будет преувеличением вывод о том, что в современном Китае наблюдается тенденция к абсолютизации собственного опыта и достижений КПК, как в военном, так и в социально-экономическом плане. Память о позитивной роли нашей страны в истории КПК и КНР на этом фоне замалчи-

вается, и при сохранении нынешних тенденций в перспективе может исчезнуть из общественного дискурса.

Кейс 88-й бригады Дальневосточного фронта. Данная тенденция прослеживается в разных плоскостях – так, автор уже рассматривал ее применительно к музейным и мемориальным объектам в российско-китайском приграничье [11]. Другой частный, но весьма показательный пример – отражение в китайской историографии деятельности 88-й отдельной стрелковой бригады Дальневосточного фронта, которая, с одной стороны, представляет исторический прецедент сотрудничества двух стран в годы Второй мировой войны, а с другой – раскрывает точки расхождения трактовок одних и тех же событий двумя странами.

88-я бригада Дальневосточного фронта – интернациональное войсковое соединение, образованное в составе Красной армии 21 июля 1942 года. Формировалось из числа граждан Советского Союза, этнических китайцев, корейцев, эвенков, нанайцев, проживавших на советской территории в низовьях рек Амур и Уссури; также пополнялась участниками партизанского сопротивления в Маньчжурии, вынужденных уйти оттуда под натиском карательных отрядов японских милитаристов. Дислоцировалась в селе Вятское под Хабаровском. Командиром бригады был назначен Чжоу Баочжун, китайский коммунист, в 1928–1931 гг. находившийся на учебе в Москве, а в 1931–1940 гг. на подпольной работе в Маньчжурии. Командиром одного из батальонов являлся Ким Ир Сен, впоследствии национальный лидер КНДР. Фактически бригада являлась диверсионно-разведывательным отрядом специального назначения, предназначенным для выполнения боевых задач на оккупированной японцами территории Маньчжурии [19]. Бригада насчитывала всего 4 000 чел. (против порядка 7 000 чел. в обычной стрелковой бригаде) и находилась в подчинении разведотдела Дальневосточного фронта [13].

Позиция китайской стороны по поводу формирования и функционирования бригады весьма отличается от российской версии. Согласно официальным китайским трактовкам, данное подразделение имеет «двойное название» – также она считается «88-й учебной бригадой Объединенной армии Северо-

Восточного Китая». Бывший посол КНР в России Ли Хуэй в предисловии к изданию монографии об истории бригады, изданной в России при финансовой поддержке Генконсульства КНР в Хабаровске, пишет: «Под руководством компартии Китая командиры и бойцы героической Объединенной армии с 1931 по 1945 гг. вели сражения в обширном районе от хребта Чанбайшань до реки Амур, проявляя поразительную стойкость, упорную и негибаемую волю китайской нации в борьбе с японскими агрессорами, оккупировавшими Северо-Восточный Китай. В самое трудное время смертельной схватки с врагом командиры и бойцы Объединенной армии получили поддержку от правительства и армии Советского Союза. <...> В решающий момент сражения с японской армией героические командиры и бойцы бригады во взаимодействии с советскими войсками пошли в наступление на противника в Северо-Восточном Китае, плечом к плечу с советскими воинами в кровавых сражениях разгромили японских агрессоров» [20, с. 6–7].

Хотя из советских документов хорошо известно, что бойцы бригады готовились к вспомогательным разведывательным, саперным и воздушно-десантным задачам, а также выполнению функций проводников, переводчиков и т. д. (см.: [12]), в китайской историографии данное подразделение позиционируется как способное осуществлять самостоятельные военные операции [3; 18]. Не подлежат сомнению факты личного героизма бойцов бригады как в годы, предшествующие ее формированию, так и в августе 1945 г., однако даже сам численный состав бойцов соединения, участвовавших в разгроме Квантунской армии (160 чел. в составе войск 1-го Дальневосточного фронта, 80 – 2-го Дальневосточного, 100 – Забайкальского, 290 – в составе групп парашютного десантирования [20, с. 163–164]) свидетельствует о его ограниченных, пусть и весьма важных возможностях влиять на исход военных действий.

Показателен текст поздравительной телеграммы, направленной главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке А.М. Василевским командирам и бойцам 88-й бригады: «Благодарю вас за информацию, особенно разведанные о крепостях и укреп-

районах японской Квантунской армии, которые вы добывали ценой собственной крови и жизни. Они сыграли важную роль при наступлении нашей Дальневосточной армии в Маньчжурии» (цит. по: [20, с. 182]).

Влияние бригады на развитие событий в регионе оказалось больше уже после разгрома японцев. В частности, именно тот факт, что бойцы 88-й бригады, направившись в Северо-Восточный Китай после окончания войны, являлись одновременно и советскими военнослужащими, позволил китайским коммунистам фактически установить свой контроль над важнейшими городами региона без нарушения положений «Договора о дружбе и союзе между СССР и Китаем», который был заключен с Чан Кайши в июле 1945 года. Например, командир бригады Чжоу Баочжун, прибыв в Чанчунь в начале сентября 1945 г., стал заместителем командующего советским гарнизоном, а по совместительству возглавил местное коммунистическое военное образование «Армия самообороны» [20, с. 193]. По приказу Чжоу Баочжуна, его бойцы, будучи одетыми в советскую военную форму и имея при себе документы советских военнослужащих, начали заниматься вывозом японского трофейного оружия, которое затем сыграло важнейшую роль в завершающей фазе Гражданской войны коммунистов и Гоминьдана⁷.

На территорию Северо-Восточного Китая 20 тыс. кадровых работников КПК и 110-тысячная армия вступили только в третьей декаде сентября. Приказ № 046 о расформировании 88-й бригады и исключении ее из состава Красной армии был издан менее месяца спустя, 15 октября 1945 г., когда командиры и бойцы бригады уже сыграли свою важнейшую роль в деле установления контроля коммунистами над Северо-Восточным Китаем после разгрома Квантунской армии.

Несмотря на то что история 88-й бригады вполне допускает компромиссные формулировки, адекватно отражающие исторические реалии и не принижающие героизм советского или китайского народов (показательный пример см.: [5]), в последнее время фиксируются попытки китайских представителей продвигать свое специфическое видение деятельности бригады.

Так, в 2019 г. при организации выставки фотографий 88-й бригады во Владивостоке в обход договоренностей с российской стороной китайцы самостоятельно подготовили подписи к экспонатам как на китайском, так и на русском языках. Информация не только содержала массу грамматических и орфографических ошибок, но и отражала исключительно китайские подходы к истории. Лишь накануне выставки было достигнуто компромиссное решение, что подписи на китайском языке останутся те же, а на русском будут отредактированы в соответствии с российской позицией. В китайском тексте было указано, что 88-я бригада – это русское название Объединенной антияпонской армии Северо-Востока, которая была независима от советского руководства и контролировалась КПК. В отношении участия СССР в освобождении Китая говорилось, что «в завершающей фазе войны части советской Красной армии были передислоцированы на северо-восток Китая, чтобы вместе с китайской армией и народом сражаться с японцами, и это помогло китайскому народу одержать окончательную победу над врагом» (подробнее эта ситуация описана в: [11, с. 32–33]). Примечательно, что практически идентичная трактовка была использована послом КНР в России Чжан Ханьхуэем в его статье к 75-летию Победы во Второй мировой войне для «Российской газеты» [23].

Аналогичные формулировки китайская сторона планировала использовать и в информационном оформлении Мемориального комплекса бойцам 88-й бригады в селе Вятское. В 2016 г. китайские подрядчики подготовили подписи, которые различались в двух языках. Надпись на русском гласила: «Монумент героев 88-й Отдельной стрелковой бригады Краснознаменной Дальневосточной армии СССР». Надпись на китайском: «Монумент героям Учебной бригады антияпонской объединенной армии Северо-Восточного Китая». В результате открытие комплекса было заморожено и не осуществлено до сих пор⁸.

Результат. Ситуация с мемориальным комплексом в селе Вятское – самый яркий пример того, как общая история дружбы и сотрудничества народов двух стран наталкивается на точки расхождения там, где, казалось

бы, должны быть точки соприкосновения интересов. Рост националистических настроений в КНР, подпитываемый государственной пропагандой, нацеленной на дальнейшее сплочение общества вокруг Коммунистической партии, приводит к тому, что «неудобные» страницы истории, свидетельствующие об ограниченных возможностях китайского государства или партии в прошлом, затушевываются, подменяются скорректированной версией тех или иных событий.

Безусловно, речь не идет о масштабной фальсификации истории, с которой мы имеем дело в случае с Западом или рядом постсоветских стран. Необходимо признать, что историческая память о помощи Советского Союза, пусть и в редуцированной форме, но все же сохраняется и в мемориальных объектах, и в учебной литературе, и на страницах научных и публицистических изданий. Регулярно с речами, высоко оценивающими сотрудничество с нашей страной, выступают китайские руководители (хотя используемые ими формулировки свидетельствуют о сдвиге акцентов в оценках Второй мировой войны). Все это позволяет рассчитывать на совместную работу по выработке такого исторического нарратива (прежде всего в виде тех формулировок, которые будут использованы в учебных изданиях и мемориальных практиках), который, с одной стороны, будет исторически справедливым, с другой – не будет ущемлять интересы сторон.

Выработать такой нарратив и разрешить возможные противоречия можно только путем активизации дискуссии по поводу истории российско-китайских отношений с привлечением историков, преподавателей, публицистов, музейных работников и общественных активистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под «исторической памятью» автор понимает совокупность представлений, убеждений и символов, которые определяют, как то или иное общество или его часть воспринимает прошлое. «Историческая память» является не объективным отображением исторической реальности, а, скорее, субъективным конструктом, подверженным влиянию времени, социальных изменений и культурных практик. Данное понимание сформировано в

значительной степени под влиянием изучения работ М. Хальбвакса о коллективной памяти, прежде всего «Социальные рамки памяти» (2007). Под «политикой исторической памяти» понимается сознательное использование государствами, политическими партиями или другими институтами исторической памяти в целях формирования идентичности, легитимизации власти или мобилизации общества. В контексте настоящей статьи мы говорим об исторической памяти современного китайского общества о Второй мировой войне как о сложившемся конструкте, при этом понимаем, что она является следствием государственной политики исторической памяти, причем в отдельных разделах работы (прежде всего, в разделе «Актуальные тенденции») приоритетное внимание уделяется именно ей.

² Данные были почерпнуты автором в том числе в ходе полевых исследований в Историческом музее Китая, Военном музее Китая (Пекин, 2023 г.), Хэйлунцзянском провинциальном музее (Харбин, 2023 г.) и Музее истории марионеточного государства Маньчжоу-го (Чанчунь, 2023 г.).

³ Автор считает возможным использовать здесь данный термин, несмотря на то что классическое понимание реваншизма предполагает стремление к пересмотру нанесенного им поражения с помощью силы. В данном случае под «поражением» можно понимать длительный период «национальных унижений» 国耻, который в Китае отсчитывают с середины XIX в., а под «реваншем» – восстановление статуса Китая как великой державы.

⁴ Данные оценки числа погибших не могут считаться единственно верными. Здесь они приводятся для понимания соотношения между комбатантами и мирным населением; цифры приведены по совместному сборнику материалов, подготовленному китайскими и российскими учеными (см.: [1, с. 24]).

⁵ Помимо китайских авторов, аналогичную точку зрения высказывают и некоторые западные исследователи. В частности Р. Миттер, который отмечает: «Если бы Китай капитулировал в 1938 году, вся мировая история пошла бы иначе. Япония не начала бы испытывать дефицит в ресурсах в 1939-м и не совершила бы отчаянный налет на Перл-Харбор. Война в Азии не соединилась бы с войной в Европе» [26, с. 362].

⁶ Любопытно и то, что из резолюции 2021 г. убрано упоминание помощи СССР в осуществлении планов первой пятилетки («С опорой на собственные силы при помощи Советского Союза и других дружественных стран, удалось достичь значительных успехов»).

⁷ В общей сложности, используя подобные схемы, СССР передал коммунистическим войскам

861 японский самолет, 896 танков и бронетранспортеров, 5 586 пушек, гаубиц и минометов, свыше 13 тыс. пулеметов, около 300 тыс. винтовок и карабинов, свыше 2,3 тыс. автомобилей, тягачей и тракторов, значительное количество средств связи, инженерно-саперного имущества и др. [20, с. 197].

⁸ Полевая исследовательская поездка в село Вятское проведена в сентябре 2024 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 75 лет Великой Победы. Борьба советского и китайского народов против японского милитаризма / под ред. Ли Яньлина, Ю. В. Тавровского. Харбин; Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2020. 400 с.
2. Ван И провел телефонный разговор с главой МИД России С. Лавровым. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zewlzxdt/202108/t20210818_9028769.htm
3. Ван Ся. К вопросу о сборе данных о 88-й отдельной бригаде Дальневосточного фронта // Culture and Civilization. 2022. № 12. С. 328–333.
4. Ван Ци, Кулик С. В., Смирнова Д. Д. К вопросу о китайской историографии Второй мировой войны // Terra Linguistica. 2017. № 8. С. 35–47. DOI: 10.18721/JHSS.8104
5. Верченко А. Л. 88-я бригада и советско-китайское взаимодействие: единство целей и общая победа // Современные востоковедческие исследования. 2020. Т. 2, № 5. С. 62–75.
6. Верченко А. Л. Китайские ученые о периодизации войны сопротивления Японии // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 114–116.
7. Верченко А. Л. Советско-китайское взаимодействие в годы японо-китайской войны (1931–1945 гг.) и сохранение исторической памяти // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25, № 25. С. 382–399. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10023
8. Вторая мировая война является беспрецедентной катастрофой в истории человечества. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/dssghd/202009/t20200902_2961390.htm
9. Денисов И. Е., Зуенко И. Ю. Новые подходы Пекина к историографии КПК и КНР: «исправление имен» в эпоху Си Цзиньпина // Ориенталистика. 2022. Т. 5, № 4. С. 734–750. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-734-750
10. Зуенко И. Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: АСТ, 2024. 320 с.
11. Зуенко И. Ю. Музеи и мемориальные объекты в российско-китайском трансграничье: перспективы создания «компромиссной» версии общей истории // Сравнительная политика. 2023. Т. 14, № 3. С. 24–40. DOI: 10.24833/2221-3279-2023-3-14-24-40
12. Иванов В. И. В тылах Квантунской армии. М.: ИДВ РАН. 2009. 336 с.
13. Мережко А. Г. Легендарная восемьдесят восьмая бригада. URL: <https://svgbdv.ru/voina/legendarnaya-vosemdesyat-vosmaya-brigada>
14. Муратшина К. Г. Россия – КНР: китайский взгляд на историю Второй мировой, Великой Отечественной и антияпонской войн на современном этапе // Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. 2015. № 1 (137). С. 112–127.
15. Нежданов В. Л. Борьба с фальсификацией истории Второй мировой войны: взгляд из Китая. URL: <https://eurasia.expert/borba-s-falsifikatsiyey-istorii-ii-mirovoy-voyny-vzglyad-iz-kitaya/>
16. Нежданов В. Л. Память КНР о Второй мировой войне: противодействие фальсификациям и укрепление международных позиций. URL: <https://ia-centr.ru/experts/vladimir-nezhdanov/pamyat-krn-o-vtoroy-mirovoy-voyneprotivodeystvie-falsifikatsiyami-ukreplenie-mezhdunarodnykh-pozitsiy/>
17. Нежданов В. Л. Политика памяти Китайской Народной Республики в контексте «китайской мечты». URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/politika-pamyati-kitayskoy-narodnoy-respubliki-v-kontekste-kitayskoy-mechty/>
18. Нин Яньхун, Гао Янь. Роль личного состава 88-й отдельной стрелковой бригады в годы войны с японскими захватчиками // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 147–161.
19. О 88-й отдельной стрелковой бригаде Красной армии. URL: https://harbin.mid.ru/ru/press-centre/news/o_88_y_otdelnoy_strelkovoy_brigade_sovetskoy_armii/
20. Особая интернациональная: 88-я отдельная стрелковая бригада Дальневосточного фронта. Хабаровск: Приамур. ведомости, 2015. 240 с.
21. Память о Второй мировой войне за пределами Европы / под ред. А. И. Миллера, А. В. Соловьева. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 264 с.
22. Путин: Отношения РФ и КНР переживают лучший период в своей истории. URL: <https://rg.ru/2024/07/03/putin-otnosheniia-rf-i-krn-perezhivaiut-luchshij-period-v-svoej-istorii.html>
23. «Российская газета» публикует статью послов РФ и КНР о попытках переписать историю войны. URL: <https://rg.ru/2020/09/01/rg-publikuet-statiiu-poslov-rf-i-krn-o-popytkah-perepisat-istoriiu-voyny.html>
24. Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая / отв. ред. В. А. Аватков. М.: ИНИОН РАН, 2024. 155 с.

25. Чэн Гопин. Вклад Китая в достижение Победы во Второй мировой войне. URL: <https://rg.ru/2015/09/03/voyna.html>

26. Mitter R. *Forgotten Ally: China's World War II, 1937–1945*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013. 464 p.

27. Xi says China-Russia Relations “At Best Time in History,” Cooperation to Be Further Deepened. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-07/03/c_136413904.htm

28. 友谊：中苏联合抗战纪实 (Дружба: достоверные записи о совместной борьбе Китая и Советского Союза против фашистов) / под ред. Пэн Сюньхоу. Пекин: Учжоу чуаньбо чубаньшэ, 2015. 182 с.

29. 统编高中历史教科书教学设计与制导 (Пособие для подготовки и проведения уроков по истории для учителей высшей средней школы). Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 2020. 356 с.

30. 学生学习用书：历史 (Практическое учебное пособие для школьника: история). Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 2019. 289 с.

31. 田志和. 永恒的怀念：中国土地上的苏联红军纪念碑陵园 (Тянь Чжихэ. Вечная память: китайские мемориальные памятники воинам советской Красной армии). Далянь: Далянь чубаньшэ, 2010. 279 с.

REFERENCES

1. Yanling Li, Tavrovsky Y.V., eds. *75 let Velikoj Pobedy. Borba sovetского i kitajского narodov protiv japonsкого militarizma* [75 Years of the Great Victory. Struggle of the Soviet and Chinese Peoples Against Japanese Militarism]. Harbin, Vladivostok, Izd-vo VSUES, 2020. 400 p.

2. Wang Yi provel telefonnyj razgovor s glavoy MID Rossii S. Lavrovym [Wang Yi Had a Telephone Conversation with Russian Foreign Minister S. Lavrov]. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zewlzxdt/202108/t20210818_9028769.htm

3. Wang Xia. K voprosu o sbore dannyh o 88-j otdelnoj brigade Dalnevostochnogo fronta [On the Issue of Collecting Data on the 88th Separate Brigade of the Far Eastern Front]. *Culture and Civilization*, 2022, no. 12, pp. 328–333.

4. Wang Qi, Kulik S.V., Smirnova D.D. K voprosu o kitajской istoriografii Vtoroj mirovoj vojny [On the Issue of Chinese Historiography of the Second World War]. *Terra Linguistica*, 2017, no. 8, pp. 35–47. DOI: 10.18721/JHSS.8104

5. Verchenko A.L. 88-ja brigada i sovetско-kitajское vzaimodejstvie: edinstvo celej i obshhaja pobeda [88th Brigade and Soviet-Chinese Interaction:

Unity of Goals and Common Victory]. *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya* [Modern Oriental Studies], 2020, vol. 2, no. 5, pp. 62–75.

6. Verchenko A.L. Kitajskie uchenye o periodizacii vojny soprotivleniya Japonii [Chinese Scientists About the Periodization of the War of Resistance Against Japan]. *Kitaj, kitajskaja civilizacija i mir. Istorija, sovremennost, perspektivy* [China, Chinese Civilization and the World. History, Modernity, Prospects]. Moscow, IDV RAN, 2021, pp. 114–116.

7. Verchenko A.L. Sovetsko-kitajское vzaimodejstvie v gody japonsko-kitajской vojny (1931–1945 gg.) i sohranenie istoricheskoy pamjati [Soviet-Chinese Interaction During the Sino-Japanese War (1931–1945) and the Preservation of Historical Memory]. *Kitaj v mirovoj i regionalnoj politike. Istorija i sovremennost* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2020, vol. 25, no. 25, pp. 382–399. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10023

8. Vtoraja mirovaja vojna javljaetsja besprecedentnoj katastrofoj v istorii chelovechestva [World War Two Is an Unprecedented Disaster in Human History]. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/dssghd/202009/t20200902_2961390.htm

9. Denisov I.E., Zuenko I.Yu. Novye podhody Pekina k istoriografii KPK i KNR: “ispravlenie imen” v jepohu Si Czinpina [Beijing’s New Approaches to the Historiography of the CPC and the PRC: “Correction of Names” in the Era of Xi Jinping]. *Orientalistika* [Oriental Studies], 2022, no. 4, pp. 734–750. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-734-750

10. Zuenko I.Yu. *Kitaj v epohu Si Czinpina* [China in the Era of Xi Jinping]. Moscow, AST Publ., 2024. 320 p.

11. Zuenko I.Yu. Muzei i memorialnye obyekty v rossijsko-kitajskom transgranichye: perspektivy sozdaniya «kompromisnoj» versii obshhej istorii [Museums and Memorial Sites in the Russian-Chinese Transborder Region: Prospects for Creating a “Compromise” Version of Common History]. *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics], 2023, vol. 14, no. 3, pp. 24–40. DOI: 10.24833/2221-3279-2023-3-14-24-40

12. Ivanov V.I. *V tylah Kvantunskoj armii* [In the Rear of the Kwantung Army]. Moscow, IDV RAN. 2009. 336 p.

13. Merezhko A.G. *Legendarnaja vosemdesjat vosmaja brigada* [Legendary 88th Brigade]. URL: <https://svgbdvr.ru/voina/legendarnaya-vosemdesyat-vosmaja-brigada>

14. Muratshina K.G. Rossiya – KNR: kitajskij vzgljad na istoriju Vtoroj mirovoj, Velikoj Otechestvennoj i antijaponskoj vojn na sovremennom etape [Russia – China: Chinese View of the History of World War II, the Great Patriotic War and the Anti-

Japanese War at the Present Stage]. *Izvestija Uralskogo federalnogo universiteta. Serija 3, Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 3. Social Sciences], 2015, no. 1 (137), pp. 112-127.

15. Nezhdanov V.L. *Borba s falsifikaciej istorii Vtoroj mirovoj vojny: vzglyad iz Kitaja* [Combating the Falsification of World War II History: View from China]. URL: <https://eurasia.expert/borba-s-falsifikatsiey-istorii-ii-mirovoy-voyny-vzglyad-iz-kitaya/>

16. Nezhdanov V.L. *Pamjat KNR o Vtoroj mirovoj vojne: protivodejstvie falsifikacijam i ukreplenie mezhdunarodnykh pozicij* [PRC's Memory of the WWII: Countering Falsifications and Strengthening International Positions]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/vladimir-nezhdanov/pamyat-krn-o-vtoroy-mirovoy-vojne-protivodeystvie-falsifikatsiyam-i-ukreplenie-mezhdunarodnykh-pozits/>

17. Nezhdanov V.L. *Politika pamjati Kitajskoj Narodnoj Respubliki v kontekste «kitajskoj mechty»* [Politics of Memory of the People's Republic of China in the Context of the "Chinese Dream"]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/politika-pamyati-kitayskoy-narodnoy-respubliki-v-kontekste-kitayskoy-mechty/>

18. Ning Yanhong, Gao Yan. Rol lichnogo sostava 88-j otdelnoj strelkovoj brigady v gody vojny s japonskimi zahvatchikami [Role of the Personnel of the 88th Separate Rifle Brigade During the War with the Japanese Invaders]. *Problemy Dalnego Vostoka* [Problems of the Far East], 2023, no. 2, pp. 147-161.

19. *O 88-j otdelnoj strelkovoj brigade Krasnoj armii* [About the 88th Brigade of the Red Army]. URL: https://harbin.mid.ru/ru/press-centre/news/o_88_y_otdelnoy_strelkovoy_brigade_sovetskoy_armii/

20. *Osobaja internacionalnaja: 88-ja otdelnaja strelkovaja brigada Dalnevostochnogo fronta* [Special International: 88th Separate Rifle Brigade of the Far Eastern Front]. Khabarovsk, Priamur. vedomosti, 2015. 240 p.

21. Miller A.V., Solovyev A., eds. *Pamjat o Vtoroj mirovoj vojne za predelami Evropy* [Memory of World War II Outside Europe]. Saint Petersburg, Izd-vo Yevrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2022. 264 p.

22. *Putin: Otnosheniya RF i KNR perezhivajut luchshij period v svoej istorii* [Putin: Relations Between the Russia and China Are Experiencing the Best Period in Their History]. URL: <https://rg.ru/2024/07/03/putin-otnosheniya-rf-i-krn-perezhivajut-luchshij-period-v-svoej-istorii.html>

23. «*Rossiyskaja gazeta*» publikuet statju poslov RF i KNR o popytkah perepisat istoriju vojny [Rossiyskaya Gazeta Publishes an Article by the Ambassadors of Russia and China About Attempts to Rewrite the History of the War]. URL: <https://rg.ru/2020/09/01/rg-publikuet-statju-poslov-rf-i-krn-o-popytkah-perepisat-istoriiu-vojny.html>

24. Avatkov V.A., ed. *Rossija v uchebnikah istorii stran Blizhnego i Postsovetского Vostoka, Kitaja* [Russia in Textbooks of the Middle and Post-Soviet East, China]. Moscow, INION RAN, 2024. 155 p.

25. Cheng Guoping. *Vklad Kitaja v dostizhenie Pobedy vo Vtoroj mirovoj vojne* [China's Contribution to Victory in WWII]. URL: <https://rg.ru/2015/09/03/voyna.html>

26. Mitter R. *Forgotten Ally: China's World War II, 1937–1945*. Boston, Houghton Mifflin Harcourt, 2013. 464 p.

27. *Xi Says China-Russia Relations "at Best Time in History," Cooperation to Be Further Deepened*. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-07/03/c_136413904.htm

28. Peng Xunhou, ed. *Friendship: Records About Common Struggle of China and USSR Against Fascism*. Beijing, Wuzhou chuanbo chubanshe, 2015. 182 p. (In Chinese).

29. *Manual for Preparing and Conducting History Lessons for Teachers of Higher Secondary Schools*. Shanghai, Huadong shifan daxue chubanshe, 2020. 356 p. (In Chinese).

30. *Practical Textbook for Schoolchildren: History*. Beijing, Renmin jiaoyu chubanshe, 2019. 289 p. (In Chinese).

31. Tian Zhihe. *Eternal Memory: Chinese Memorial Monuments to Soldiers of the Soviet Red Army*. Dalian, Dalian chubanshe, 2010. 279 p. (In Chinese).

Information About the Author

Ivan Yu. Zuenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Oriental Studies, Leading Researcher, Institute of International Studies, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, i.zuenko@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9853-9703>

Информация об авторе

Иван Юрьевич Зуенко, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, i.zuenko@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9853-9703>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.
 2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.
 3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.
 4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.
 5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.
 6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.
 7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.
 8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.
 9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.
 10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.
- Отправка автором рукописи статьи** и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».
- Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.
 2. The submission, review, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.
- The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.
- The decision to publish articles is made after review. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истори. Регионовед. Междунар. отнош. 2025. Том 30. № 2. 1–269.